

СОЧИНЕНІЯ
КАРАМЗИНА
ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ
РУССКИХЪ АВТОРОВЪ.

ИЗДАНИЕ ГОРЯЧЕ

ОПЕЧАТ

ПЕЧАТЪ ВЪ МОСКВѢ

СОЧИНЕНІЯ КАРАМЗИНА.

ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ XI и XII.

Изданіе Александра Смирдина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1853.

400925

СОДЕРЖАНИЕ

КАРАМАЗИНА

198349

1917

Цена за 10 томовъ 10 рубл. сер.

ИСТОРІЯ ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ XI.

ИЗДАНИЕ ШЕСТОЕ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА.

1853.

ИСТОРИЯ

ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКАГО

ПЕЧАТАНО

по Высочайшему повелѣнію.

КАМЕНЕЦЪ

ВЪ ТИПОГРАФИИ СЪЕДИНЕНІЯ

ИСТОРІЯ

ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ XI.

ГЛАВА I.

ЦАРСТВОВАНИЕ БОРИСА ГОДУНОВА.

Г. 1598—1604.

Москва встрѣчаетъ Царя. Присяга Борису. Соборная грамота. Двѣтельность Борисова. Торжественный входъ въ столицу. Знаменитое ополченіе. Хаанское Посольство. Угощеніе войска. Рѣчь Патріарха. Прибавленіе къ грамотѣ избирательной. Царское вѣнчаніе. Милости. Новый Царь Касимовскій. Происшествія въ Сибири. Гибель Кучюма. Дѣла виѣшней Политики. Судьба Шведскаго Принца, Густава, въ Россіи. Череміріе съ Литвою. Сношенія съ Швеціею. Тѣсная связь съ Даніею. Герцогъ Датскій, женихъ Ксеніи. Переговоры съ Австріею. Посольство Персидское. Происшествія въ Грузіи. Бѣдствіе Россіянъ въ Дагестанѣ. Дружество съ Англіею. Ганза. Посольство Римское и Флорентійское. Греки въ Москвѣ. Дѣла Ногайскія. Дѣла внутреннія. Жалованная грамота Патріарху. Законъ о крестьянахъ. Питейные дома. Любовь Борисова къ просвѣщенію и къ иноземцамъ. Похвальное слово Годунову. Горячность Борисова къ сыну. Начало бѣдствій.

Духовенство, Синклитъ и Чины Государственныя, съ хоругвями Церкви и отече-

Москва встрѣ-
чаетъ
Царя.

ства, при звукѣ всѣхъ колоколовъ Московскихъ и восклицанійхъ народа, упоеннаго радостію, возвратились въ Кремль, уже давъ Самодержца Россіи, но еще оставивъ его въ келліи. 26 Февраля, въ Недѣлю Сыропустную, Борисъ вѣхалъ въ столицу: встрѣченный, предъ стѣнами деревянной крѣпости, всѣми гостями Московскими съ хлѣбомъ, съ кубками серебряными, золотыми, соболями, жемчугомъ, и многими иными дарами Царскими (¹), онъ ласково благодарилъ ихъ, но не хотѣлъ взять ничего, кромѣ хлѣба, сказавъ, что богатство въ рукахъ народа ему пріятнѣе, нежели въ Казнѣ. За гостями встрѣтили Царя Іовъ и все Духовенство; за Духовенствомъ Синклитъ и народъ. Въ храмѣ Успенія отпѣвъ молебень, Патріархъ *вторично* благословилъ Бориса на Государство, осѣнивъ крестомъ Животворящаго Древа, и клиросы пѣли многолѣтіе какъ Царю, такъ и всему Дому Державному: Царицѣ Маріи Григоріевнѣ, юному сыну ихъ Θεодору и дочери Ксеніи. Тогда *здравствовали* новому Монарху всѣ Россіяне; а Патріархъ, воздѣвъ руки на небо, сказалъ: «Славимъ Тебя, «Господи: ибо Ты не презрѣлъ нашего «моленія, услышалъ вопль и рыданіе Христіанъ, преложилъ ихъ скорбь на веселіе, «и даровалъ намъ Царя, коего мы денно и «нощно просили у Тебя со слезами!» Послѣ

Литургіи Борисъ изъявилъ благодарность къ памяти двухъ главныхъ виновниковъ его величія: въ храмѣ Св. Михаила палъ ницъ предъ гробами Іоанновымъ ⁽²⁾ и Θεодоровымъ; молился и надъ прахомъ древнѣйшихъ знаменитыхъ Вѣнценосцевъ Россіи: Калиты, Донскаго, Іоанна III, да будутъ его небесными пособниками въ земныхъ дѣлахъ Царства; зашелъ во дворецъ ⁽³⁾; посѣтилъ Іова въ Обители Чудовской; долго бесѣдовалъ съ нимъ наединѣ; сказалъ ему и всѣмъ Епископамъ, что не можетъ до Свѣтлаго Христова Воскресенія оставить Ирины въ ся скорби, и возвратился въ Новодѣвичій монастырь, предписавъ Думѣ Боярской, съ его вѣдома и разрѣшенія, управлять дѣлами Государственными.

Между тѣмъ всѣ люди служивые съ усердіемъ цѣловали крестъ въ вѣрности къ Борису, одни предъ славною Владимірскою иконою Дѣвы Маріи, другіе у гроба Святыхъ Митрополитовъ, Петра и Іоны ⁽⁴⁾; клялися не измѣнять Царю ни дѣломъ, ни словомъ; не умышлять на жизнь или здравіе Державнаго, не вредить ему ни ядовитымъ зеліемъ, ни чародѣйствомъ ⁽⁵⁾; не думать о возведеніи на престолъ бывшаго Великаго Князя Тверскаго, Симеона Бекбулатовича, или сына его; не имѣть съ ними тайныхъ сношеній, ни переписки;

Прися-
га Бо-
рису.

доносить о всякихъ *скопахъ* и *заговорахъ*, безъ жалости къ друзьямъ и ближнимъ въ семъ случаѣ; не уходить въ иныя земли, въ Литву, Германію, Испанію, Францію или Англію. Сверхъ того Бояре, чиновники Думные и Посольскіе обязывались быть скромными въ дѣлахъ и тайнахъ государственныхъ, судіи не кривить душею въ тяжбахъ, Казначей не корыстоваться Царскимъ достояніемъ, Дьяки не лихоимствовать. Послали въ области грамоты извѣстительныя о счастливомъ избраніи Государя, велѣли читать ихъ всенародно, три дни звонить въ колокола, и молиться въ храмахъ *сперва* о Царицѣ-Инокинѣ Александрѣ, *послѣ* о Державномъ ея братѣ, семействѣ его, Боярахъ и воинствѣ. Патріархъ (9 Марта) Соборомъ установилъ торжественно просить Бога, да сподобитъ Царя благословеннаго возложить на себя вѣнецъ и порфиру; установилъ еще на вѣки вѣковъ праздновать въ Россіи 21 Февраля, день Борисова воцаренія; наконецъ предложилъ Думѣ Земской утвердить данную Монарху присягу Соборною Грамотою, съ обязательствомъ для всѣхъ чиновниковъ не уклоняться ни отъ какой службы, не требовать ничего свыше достоинства родовъ или заслуги ⁽⁶⁾, всегда и во всемъ слушаться указа *Царскаго* и *приговора Боярскаго*, чтобы въ дѣлахъ *Розрядныхъ* и *Земскихъ* не доводитъ Государя до

Собор-
ная гра-
мота.

кручины. Всѣ Члены Великой Думы отвѣтствовали единогласно : «даемъ обѣтъ положить свои души и головы за Царя, Царицу «и дѣтей ихъ!» Велѣли писать хартію, въ такомъ смыслѣ, первымъ грамотѣямъ Россіи.

Сіе дѣло чрезвычайное не мѣшало теченію обыкновенныхъ дѣлъ государственныхъ, коими занимался Борисъ съ отминою ревностію, и въ келліяхъ монастыря и въ Думѣ, часто пріѣзжая въ Москву. Не знали, когда онъ находилъ время для успокоенія, для сна и трапезы (7) : безпрестанно видѣли его въ совѣтѣ съ Боярами и съ Дьяками, или подлѣ несчастной Ирины, утѣшающаго и скорбящаго, днемъ и ночью. Казалось, что Ирина дѣйствительно имѣла нужду въ присутствіи единственнаго человека, еще милаго ея сердцу : сраженная кончиною супруга, искренно и пѣжно любимаго ею, она тосковала и плакала неутѣшно до изнуренія силъ, очевидно угасая и нося уже смерть въ груди, истерзанной рыданіями. Святители, Вельможи тщетно убѣждали Царя оставить печальную для него Обитель, переселиться съ супругою и съ дѣтьми въ Кремлевскія палаты, явить себя народу въ вѣнцѣ и на тронѣ : Борисъ отвѣтствовалъ : «не могу разлучиться съ Великою Государынею, моею сестрою злочашною»—и даже снова, неутомимый въ лице-

Дѣя-
тель-
ность
Борисова.

мѣри, увѣрялъ, что не желаетъ быть Царемъ ⁽⁸⁾. Но Ирина вторично велѣла ему исполнить волю народа и Божію, пріять скипетръ и царствовать не въ келліи, а на престолѣ Мономаховомъ. Наконецъ, Апрѣля 30, подвиглась столица во срѣтеніе Государю!

Торже-
ствен-
ны й
входъ
въ сто-
лицу.

Сей день принадлежитъ къ торжественнѣйшимъ днямъ Россіи въ ея Исторіи. Въ часъ утра Духовенство съ крестами и съ иконами, Синклитъ, Дворъ, Приказы, воинство, все граждане ждали Царя у каменнаго мосту, близъ церкви Св. Николая Зарайскаго. Борисъ ѣхалъ изъ Новодѣвичьяго монастыря съ своимъ семействомъ въ великолѣпной колесницѣ; увидѣвъ хоругви церковныя и народъ, вышелъ: поклонился святымъ иконамъ; милостиво привѣтствовалъ всехъ, и знатныхъ и незнатныхъ; представилъ имъ Царицу, давно извѣстную благочестіемъ и добродѣтелію искреннею, — девятилѣтняго сына и шестнадцатилѣтнюю дочь, Ангеловъ красотою. Слыша восклицанія народа: «Вы наши Государи, мы ваши подданные,» Феодоръ и Ксенія вмѣстѣ съ отцемъ ласкали чиновниковъ и гражданъ; такъ же, какъ и онъ, взявъ у нихъ хлѣбъ-соль, отвергнули золото, серебро и жемчугъ, поднесенные имъ въ даръ, и звали всехъ обѣдать къ Царю. Невозбранно тѣснимый безчисленною тол-

пою людей, Борисъ шелъ за Духовенствомъ съ супругою и съ дѣтьми, какъ добрый отецъ семейства и народа, въ храмъ Успенія, гдѣ Патріархъ возложилъ ему на грудь Животворящій крестъ Св. Петра Митрополита (что было уже началомъ Царскаго вѣнчанія), и въ *третій* разъ благословилъ его на Великое Государство Московское. Отслушавъ Литургію, новѣйшій самодержецъ, сопровождаемый Боярами, обходилъ всѣ главныя церкви Кремлевскія, вездѣ молился съ теплыми слезами, вездѣ слышалъ радостный кликъ гражданъ, и держа за руку своего юнаго наслѣдника, а другою ведя прелестную Ксенію ⁽⁹⁾, вступилъ съ супругою въ палаты Царскія. Въ сей день народъ обѣдалъ у Царя: не знали числа гостямъ, но всѣ были званые, отъ Патріарха до нищаго. Москва не видала такой роскоши и въ Іоанново время. — Борисъ не хотѣлъ жить въ комнатахъ, гдѣ скончался Феодоръ: занялъ ту часть Кремлевскихъ палатъ, гдѣ жила Ирина, и велѣлъ пристроить къ нимъ для себя новѣйшій дворецъ деревянный.

• Онъ уже царствовалъ, но еще безъ короны и скиптра; еще не могъ назваться *Царемъ Боговънчаннымъ, Помазанныкомъ Господнимъ*. Надлежало думать, что Борисъ немедленно возложитъ на себя вѣнецъ со всѣми торжественными обрядами, которые въ глазахъ народа освѣщаютъ лице Властителя: сего требовали Патріархъ и Синклитъ именемъ Россіи; сего безъ сомнѣнія хотѣлъ и Борисъ, чтобы важнымъ церковнымъ дѣйствіемъ утвердить престолъ за собою и

Знаме-
нитое
ополче-
ніе.

своимъ родомъ : но хитрымъ умомъ вла-
ствуя надъ движеніями сердца, вымыслилъ
новое очарованіе ; вмѣсто скиптра взялъ
мечъ въ десницу и спѣшилъ въ поле, дока-
зать, что безопасность отечества ему доро-
же и короны и жизни. Такъ царствованіе
самое миролюбивое началось ополченіемъ,
которое приводило на память возстаніе
Россіянъ для битвы съ Мамаемъ !

Еще въ Мартѣ мѣсяцѣ, изъ келліи Ново-
дѣвичьяго монастыря, отправивъ гонца къ
Хану съ дружественнымъ письмомъ, Бо-
рисъ 1 Апрѣля свѣдалъ, по донесенію Вое-
воды Оскольскаго ⁽¹⁰⁾, что плѣнникъ, взя-
тый козаками за Донцемъ въ сшибкѣ съ
толпою Крымскихъ разбойниковъ, гово-
ритъ о намѣреніи Казы-Гирея вступить въ
предѣлы Московскіе со всею Ордою и съ
семью тысячами Султанскихъ воиновъ.
Борисъ не усомнился въ истинѣ столь мало
достовернаго извѣстія, и рѣшился, не те-
ряя времени, двинуть всю громаду нашихъ
силъ къ берегамъ Оки ; писалъ о томъ къ
Воеводамъ убѣдительно и ласково, требуя
отъ нихъ ревности въ первой, важной опас-
ности его царствованія, въ доказательство
любви къ нему и къ Россіи. Сей указъ
произвелъ удивительное дѣйствіе : не было
ни ослушныхъ, ни лѣнивыхъ ; всѣ Дѣти
Боярскіе, юные и престарѣлые, охотно сяди-
лись на коней ; городскія и сельскія дружины

безъ отдыха спѣшили къ мѣстамъ сборнымъ. Главному стану назначено быть въ Серпуховѣ, Правой Рукѣ въ Алексинѣ, Лѣвой въ Коширѣ, Передовому Полку въ Калугѣ, Сторожевому въ Коломнѣ ⁽¹¹⁾. — 20 Апрѣля пришли новыя вѣсти: писали изъ Бѣлагограда, что Татаринъ, схваченный Донскими Козаками на перевозѣ, сказывалъ имъ о сильномъ вооруженіи Хана; что толпы Крымскія, хотя и малочисленныя, показались въ степяхъ и гонятъ вездѣ нашихъ стражей. Тогда Борисъ велѣлъ все изготовить для *похода Царскаго*, и 2 Мая выѣхалъ изъ Москвы въ ратномъ доспѣхѣ, взявъ съ собою пять Царевичей: Киргизскаго, Сибирскаго, Шамахинскаго, Хивинскаго и сына Кайбулина, Бояръ, Князей Мстиславскаго, Шуйскихъ, Годуновыхъ, Романовыхъ и другихъ, — многихъ знатныхъ сановниковъ, и между ими Богдана Бѣльскаго, — Печатника Василья Щелкалова, Дворянъ и Дьяковъ Думныхъ, 44 Стольника, 20 Стряпчихъ, 274 Жильца — однимъ словомъ, всѣхъ людей нужныхъ и для войны и для совѣта и для пышности Дворской. Въ Москвѣ остался, при Царицахъ Инокинѣ Александрѣ и Маріи, юный Θεодоръ съ Боярами Дмитріемъ Ивановичемъ Годуновымъ, Князьями Трубецкимъ, Глинскимъ, Черкасскимъ, Шестуновымъ и другими; а при Θεодорѣ дядька Иванъ Чемодановъ. Сдѣлали распоряженіе въ столицѣ и на случай осады ея: назначили Воеводъ для защиты стѣнъ и башенъ, для объѣздовъ, вылазокъ и битвъ внѣ

укрѣпленій. — 10 Мая, въ селѣ Кузминскомъ, представили Царю двухъ плѣнниковъ, Литовскаго и Цесарскаго, ушедшихъ изъ Крыма: они увѣряли, что Ханъ уже въ полѣ и дѣйствительно идетъ на Москву. Тогда Борисъ послалъ гонцевъ ко всѣмъ начальникамъ степныхъ крѣпостей съ *милостивымъ словомъ*: въ Тулу, Осколь, Ливны, Елецъ, Курскъ, Воронежъ; симъ гонцамъ велѣно было *спросить о здравіи* какъ Воеводъ, такъ и Дворянъ, Сотниковъ, Дѣтей Боярскихъ, Стрѣльцевъ и Козаковъ; вручить грамоты Царскія первымъ, и требовать, чтобы они читали ихъ всенародно. «Я стою на берегу Оки (писалъ «Борисъ) и смотрю на степи: гдѣ явятся непріатели, тамъ и меня увидите» (12). Въ Серпуховѣ, онъ распорядилъ Воеводство, давъ *почетное* Царевичамъ, а дѣйствительное пяти Князьямъ знатнѣйшимъ: въ главной рати Мстиславскому, въ Правой Рукѣ Василю Шуйскому, въ Лѣвой Ивану Голицыну, въ Передовомъ Полку Дмитрію Шуйскому, въ Сторожевомъ Тимоѣю Трубецкому. Оградою древней Россіи, въ случаѣ Ханскихъ впаденій, служили, сверхъ крѣпостей, засѣки въ мѣстахъ трудныхъ для обхода: близъ Перемышля, Лихвина, Бѣлева, Тулы, Боровска, Рязани: Государь разсмотрѣлъ чертежи ихъ (13), и послалъ туда особенныхъ Воеводъ съ Мордовою и Стрѣльцами; устроилъ еще *плавную* или судовую рать на Окѣ, чтобы тѣмъ болѣе вредить непріятелю въ битвахъ на берегахъ ея. Видѣли, чего не видали до толѣ: *полмилліона* войска,

какъ увѣряють ⁽¹⁴⁾, въ движеніи стройномъ, быстромъ, съ усердіемъ несказаннымъ, съ довѣренностію безпредѣльною. Все дѣйствовало сильно на воображеніе людей: и новость царствованія, благоприятная для надежды, и высокое мнѣніе о Борисовой, уже долговременными опытами извѣданной мудрости. Исчезло самое мѣстничество: Воеводы спрашивали только, гдѣ имъ быть, и шли къ своимъ знаменамъ, не справляясь съ Розрядными Книгами о службѣ отцевъ и дѣдовъ: ибо Царь объявилъ, что Великій Соборъ билъ ему челомъ предписать Боярамъ и Дворянству *службу безъ мѣстъ* ⁽¹⁵⁾. Сія ревность, способствуя нужному повиновенію, имѣла и другое важное слѣдствіе: умножила число воиновъ, и воиновъ исправныхъ: Дворяне, дѣти Боярскіе выѣхали въ поле на лучшихъ коняхъ, въ лучшихъ доспѣхахъ, со всѣми слугами, голыми для ратнаго дѣла, къ живѣйшему удовольствію Царя, который не зналъ мѣры въ изъясненіяхъ милости: ежедневно смотрѣлъ полки и дружины, привѣтствовалъ начальниковъ и рядовыхъ, угощалъ обѣдами, и всякой разъ не менѣе десяти тысячъ людей, на серебряныхъ блюдахъ, подъ шатрами ⁽¹⁶⁾. Сіи истинно Царскія угощенія продолжались шесть недѣль: ибо слухи о непріятелѣ вдругъ замолкли; разъѣзды наши уже не встрѣчали его; тишина царствовала на берегахъ Донца, и стражи, нигдѣ не видя пыли, нигдѣ не слыша конскаго топота, дремали въ безмолвіи степей. Ложные ли слухи обманули

Бориса, или онъ притворнымъ легковѣріемъ обманулъ Россію, чтобы явить себя Царемъ не только Москвы, но и всего воинства, воспламенить любовь его къ новому Самодержцу, въ годину опасности предпочитающему бранный шлемъ вѣнцу Мономахову, и тѣмъ удвоить блескъ своего торжественнаго воцаренія? Хитрость достойная Бориса, и едва ли сомнительная.—

Ханское
Посольство.

Вмѣсто тучи враговъ, явились въ южныхъ предѣлахъ Россіи мирные Послы Казы-Гиреевы съ нашимъ гонцемъ: Елецкіе Воеводы, 18 Іюня, донесли о томъ Борису, который наградилъ вѣстника деньгами и чиномъ (17).

Слѣдственно ополченіе безпримѣрное, стоивъ великаго иждивенія и труда, оказалось напраснымъ? Увѣряли, что оно спасло Государство, поразивъ Хана ужасомъ; что Крымцы шли дѣйствительно, но узнавъ о возстаніи Россіи, бѣжали назадъ. По крайней мѣрѣ Царь хотѣлъ впечатлѣть ужасъ въ Пословъ Ханскихъ, изъ коихъ главнымъ былъ Мурза Алей: они вѣхали въ Россію какъ въ станъ воинскій; видѣли на пути блескъ мечей и копій, многолюдныя дружины всадниковъ, красиво одѣтыхъ, исправно вооруженныхъ (18); въ лѣсахъ, въ засѣкахъ слышали оклики и пальбу. Ихъ остановили близъ Серпухова, въ семи верстахъ отъ Царскихъ шатровъ, на лугахъ

Оки, гдѣ уже нѣсколько дней сходилась рать отовсюду. Тамъ, 29 Іюня, еще до разсвѣта загремѣло сто пушекъ, и первые лучи солнца освѣтили войско несмѣтное ⁽¹⁹⁾, готовое къ битвѣ. Велѣли Крымцамъ, изумленнымъ сею ужасною стрѣльбою и симъ зрѣлищемъ грознымъ, итти къ Царю, сквозь тѣсные ряды пѣхоты, вдали окруженной густыми толпами конницы. Введенные въ шатеръ Царскій, гдѣ все блистало оружіемъ и великолѣпіемъ — гдѣ Борисъ, вмѣсто короны увѣнчанный златымъ шлемомъ, первенствовалъ въ сонмѣ Царевичей и Князей не столько богатствомъ одежды, сколько видомъ повелительнымъ — Алей Мурза и товарищи его долго безмолвствовали, не находя словъ отъ удивленія и замѣшательства; наконецъ сказали, что Казы-Гирей желаетъ вѣчнаго союза съ Россіею, возобновляя договоръ, заключенный въ Оеодорово царствованіе: *будетъ въ волю* Борисовой и готовъ со всею Ордою итти на враговъ Москвы. Пословъ угостили пышно, и вмѣстѣ съ ними отправили нашихъ къ Хану, для утвержденія новой союзной грамоты его присягою.

Въ сей же день Св. Петра и Павла, Царь простился съ войскомъ, давъ ему роскошный обѣдъ въ полѣ ⁽²⁰⁾: 500,000 гостей пировало на лугахъ Оки; явства, медъ и вино розвозили обозами; чиновниковъ

Угощеніе войска.

дарили бархатами, парчами и камками. Последнимъ словомъ Царя было: «люблю воинство Христіанское и надѣюсь на него вѣрность.» Громкія благословенія провожали Бориса далеко по Московской дорогѣ. Воеводы, ратники были въ восхищеніи отъ Государя столь мудраго, ласковаго и счастливаго: ибо онъ безъ кровопролитія, одною угрозою, далъ отечеству вождельнѣйшій плодъ самой блестящей побѣды: тишину, безопасность и честь! Россіяне надѣялись, говоритъ Литописецъ, что все царствованіе Борисово будетъ подобно его началу, и славили Царя искренно. — Для наблюденія осталась часть войска на Окѣ; другая пошла къ границѣ Литовской и Шведской; большую часть распустили: но всѣ знатнѣйшіе чиновники спѣшили въ слѣдъ за Государемъ въ столицу.

Рѣчь
Патрі-
арха.

Тамъ новое торжество ожидало Бориса: вся Москва встрѣтила его, какъ нѣкогда Іоанна, завоевателя Казани, и Патріархъ въ привѣтственной рѣчи сказалъ ему: «Богмъ избранный, Богомъ возлюбленный, Великій Самодержецъ! мы видимъ славу твою: ты благодаришь Всевышняго! Благодаримъ его вмѣстѣ съ тобою; но радуйся же и веселися съ нами, совершивъ подвигъ безсмертный! Государство, жизнь и достояніе людей цѣлы; а лютый врагъ, преклонивъ колѣна, молитъ о мирѣ! Ты

«не скрылъ, но умножилъ талантъ свой
«въ семъ случаѣ удивительномъ, ознаме-
«нованномъ болѣе, нежели человѣческою
«мудростію . . . Здравствуй о Господѣ, Царь
«любезный Небу и народу! Отъ радости
«плачемъ, и тебѣ кланяемся»⁽²¹⁾. Патріархъ,
Духовенство и народъ преклонились до
земли. Изъявляя чувствительность и сми-
реніе, Государь спѣшилъ въ храмъ Успе-
нія, славословить Всевышняго, и въ мона-
стырь Новодѣвичій, къ печальной Ириѣ.
Все дома были украшены зеленою и цвѣ-
тами.

Но Борисъ еще отложилъ свое Царское
вънчаніе до 1 Сентября, чтобы совершить
сей важный обрядъ въ Новое Лѣто, въ день
общаго доброжелательства и надеждъ, лест-
ныхъ для сердца. Между тѣмъ грамота
избирательная была написана отъ имени
Земской Думы, съ такимъ прибавленіемъ:
«Всѣмъ ослушникамъ Царской воли не-
«благословеніе и клятва отъ Церкви ⁽²²⁾,
«местъ и казнь отъ Синклита и Государства;
«клятва и казнь всякому мятежнику, рас-
«кольнику любопрительному, который дерз-
«нетъ противорѣчить дѣянію Соборному и
«колебать умы людей молвами злыми, кто
«бы онъ ни былъ, Священнаго ли сана или
«Боярскаго, Думнаго или воинскаго, граж-
«данинъ или Вельможа: да погибнетъ и
«память его вовеки!» Сію грамоту утвер-

Приба-
вленіе
къ гра-
мотѣ
избира-
тель-
ной.

дили, 1 Августа, своими подписями и печатями Борисъ и юный Феодоръ, Іовъ, всѣ Святители, Архимандриты, Игумены, Протопопы, Келари, Старцы чиновные, — Бояре, Окольничіе, знатные сановники Двора, Печатникъ Василій Щелкаловъ, Думные Дворяне и Дьяки, Стольники, Дьяки Приказовъ, Дворяне, Стряпчіе и Выборные изъ городовъ, Жильцы, Дьяки нижней степени, гости, Сотскіе, числомъ около пяти сотъ: одинъ списокъ ея былъ положенъ въ сокровищницу Царскую, гдѣ лежали государственные уставы прежнихъ Вѣнценосцевъ, а другій въ Патріаршую ризницу, въ храмъ Успенія. — Казалось, что мудрость человѣческая слѣлала все возможное для твердаго союза между Государемъ и Государствомъ!

Ц а р-
с к о е
в ѣ я ч а-
н і е.

Наконецъ Борисъ вѣнчался на Царство, еще пышнѣе и торжественнѣе Феодора, ибо пріялъ утварь Мономахову изъ рукъ Вселенскаго Патріарха. Народъ благоговѣлъ въ безмолвіи; но когда Царь, осѣненный лесницею Первосвятителя, въ порывѣ живаго чувства какъ бы забывъ уставъ церковный, среди Литургіи воззвалъ громогласно ⁽²⁵⁾: «Отче, Великій Патріархъ «Іовъ! Богъ мнѣ свидѣтель, что въ моемъ «Царствѣ не будетъ ни сираго, ни бѣднаго» — и тряся верхъ своей рубашки, примолвилъ: «отдамъ и сію послѣднюю

«народу :» тогда единодушный восторгъ прервалъ священнодѣйствіе : слышны были только клики умиленія и благодарности въ храмѣ; Бояре славословили Монарха, народъ плакалъ. Увѣряютъ, что новый Вѣнценосецъ, тронутый знаками общей къ нему любви, тогда же произнесъ и другій важный обѣтъ : щадить жизнь и кровь самыхъ преступниковъ и единственно удалять ихъ въ пустыни сибирскія ⁽²⁴⁾. Однимъ словомъ, никакое Царское вѣнчаніе въ Россіи не дѣйствовало сильнѣе Борисова на воображеніе и чувство людей. — Осыпанный въ дверяхъ церковныхъ золотомъ изъ рукъ Мстиславскаго, Борисъ въ коронѣ, съ державою и скиптромъ спѣшилъ въ Царскую палату, занять мѣсто Варяжскихъ Князей на тронѣ Россіи, чтобы милостями, щедротами и государственными

Мило-
сти.

Началось съ Двора и Синклита : Борисъ пожаловалъ Царевича Киргизскаго, Уразъ-Магмета, въ Цари Касимовскіе ⁽²⁵⁾; Дмитрія Ивановича Годунова въ Конюшіе, Степана Васильевича Годунова въ Дворецкіе (на мѣсто добраго Григорья Васильевича, который одинъ не радовался возвышенію своего рода ⁽²⁶⁾, и въ тайной горести умеръ); Князей Катырева, Черкасскаго, Трубецкаго, Ноготкова и Александра Романова-Юрѣва въ Бояре; Михайла Романова,

Новый
Царь
Каси-
мов-
скій.

Бѣльскаго (любимца Іоаннова и своего бывшаго друга), Криваго-Салтыкова (также любимца Іоаннова) и четырехъ Годуновыхъ въ Окольничіе; многихъ въ стольники и въ иные чины. Всѣмъ людямъ служивымъ, воинскимъ и гражданскимъ, онъ указалъ выдать двойное жалованье ⁽²⁷⁾, гостямъ Московскимъ и другимъ торговать безпошлинно два года, а земледѣльцевъ казенныхъ и самыхъ дикихъ жителей Сибирскихъ освободить отъ податей на годъ. Къ симъ милостямъ чрезвычайнымъ прибавилъ еще новую для крестьянъ господскихъ: установилъ, сколько имъ работать и платить господамъ законно и безобидно ⁽²⁸⁾.—Обнародовавъ съ престола сіи Царскія благодѣянія, Борисъ двѣнадцать дней угощалъ народъ пирами.

Прис-
шествіи
въ Си-
бири.

Казалось, что и Судьба благопріятствовала новому Монарху, ознаменовавъ начало его Державства и вожделеннымъ миромъ и счастливымъ успѣхомъ оружія, въ битвѣ маловажной числомъ воиновъ, но достопамятной своими обстоятельствами и слѣдствіями, мѣстомъ побѣды, на краю свѣта, и лицомъ побѣжденнаго. Мы оставили Царя-изгнанника Сибирскаго, Кучюма, въ степи Барабинской ⁽²⁹⁾, непреклоннаго къ милостивымъ предложеніямъ Осодоровымъ, неутомимаго въ набѣгахъ на отнятыя у него земли, и все еще для насъ опаснаго.

Воевода Тарскій, Андрей Воейковъ, выступилъ (4 Августа 1598) съ 397 Козаками, Литовцами и людьми ясашными къ берегамъ Оби, гдѣ, среди полей, засѣянныхъ хлѣбомъ и вдали окруженныхъ болотами, гнѣзился Кучюмъ съ бѣдными остатками своего Царства, съ женами, съ дѣтьми, съ вѣрными ему князьями и воинами, числомъ до пяти сотъ ⁽³⁰⁾. Онъ не ждалъ врага: бодрый Воейковъ шелъ день и ночь, кинувъ обозъ; имѣлъ лазутчиковъ, хваталъ непріятельскихъ, и 20 Августа, предъ восходомъ солнца, напалъ на укрѣпленный станъ Ханскій. Цѣлый день продолжалась битва, уже послѣдняя для Кучюма: его братъ и сынъ, Илитенъ и Канъ Царевичи, 6 Князей, 10 Мурзъ, 150 лучшихъ воиновъ пали отъ стрѣльбы нашихъ, которые около вечера вытѣснили Татаръ изъ укрѣпленія, прижали къ рѣкѣ, утопили ихъ болѣе ста и взяли 50 плѣнниковъ; не многіе спаслись на судахъ въ темнотѣ ночи. Такъ Воейковъ отмстилъ Кучюму за гибель Ермака неосторожнаго! Восемь женъ, пять сыновей и восемь дочерей Ханскихъ, пять Князей и не мало богатства остались въ рукахъ побѣдителя. Не зная о судьбѣ Кучюма, и думая, что онъ, подобно Ермаку, утонулъ во глубинѣ рѣки, Воейковъ не разсудилъ за благо итти далѣе: сжегъ, чего не могъ взять съ собою, и съ знатными своими плѣнниками возвратился въ Тару, довести Борису, что въ Сибири уже нѣтъ инаго Царя, кромѣ Россійскаго. Но Кучюмъ еще жилъ, двумя усердными слугами во время битвы увезен-

ный на лодкѣ внизъ по Оби, въ землю Чатскую. Еще Воеводы наши снова предлагали ему ѣхать въ Москву, соединиться съ его семействомъ и мирно прожить въ кѣхъ благодѣяніямъ Государя великодушнаго. Сеитъ, именемъ Туль-Мегметъ, посланный Воейковымъ, нашелъ Кучюма въ лѣсу, близъ того мѣста, гдѣ лежали тѣла убитыхъ Россіянами Татаръ, на берегу Оби: слѣпый старецъ, неодолимый бѣдствіями, сидѣлъ подъ деревомъ, окруженный тремя сыновьями и тридцатью вѣрными слугами; выслушалъ рѣчь Сеитову о милости Царя Московскаго, и спокойно отвѣтствовалъ: «Я не хотѣлъ къ нему и въ лучшее время, «доброю волею, цѣлый и богатый: теперь поѣду «ли за смертію? Я слѣпъ и глухъ, бѣденъ и сирѣ. «Жалѣю не о богатствѣ, но только о миломъ сынѣ «Асманакѣ, взятомъ Россіянами: съ нимъ «однимъ, безъ Царства и богатства, безъ женъ и «другихъ сыновей, я могъ бы еще жить на свѣтѣ. «Теперь посылаю остальныхъ дѣтей въ Бухарію, «а самъ ѣду къ Ногаймъ» (31). Онъ не имѣлъ ни теплой одежды, ни коней, и просилъ ихъ изъ милости у своихъ бывшихъ подданныхъ, жителей Чатской волости, которые уже обѣщались быть данниками Россіи: они прислали ему одного коня и шубу. Кучюмъ возвратился на мѣсто битвы, и тамъ, въ присутствіи Сеита, занимался два дни погребеніемъ мертвыхъ тѣлъ; въ третій день сѣлъ на коня—и скрылся для Исторіи. Остались только невѣрные слухи о бѣдственной его кончинѣ: пишутъ, что онъ, скитаясь въ степяхъ

Верхняго Иртыша, въ землѣ Калмыцкой, и близъ озера Зансанъ-Нора похитивъ нѣсколько лошадей, были гонимъ жителями изъ пустыни въ пустыню, разбитъ на берегу озера Кургальчина, и почти одинъ явился въ Улусъ Ногаевъ, которые безжалостно умертвили слѣднаго старца изгнанника, сказавъ: «Отецъ твой насъ грабилъ; а ты не «лучше отца» (32). Вѣсть о семъ происшествіи обрадовала Москву и Россію: Бористъ донесеніемъ Воейкова спѣшилъ ночью въ монастырь къ Иринѣ, любя дѣлать съ нею всѣ чистыя удовольствія Державнаго сана (33). Истребленіе Кучюма, перваго и послѣдняго Царя Сибирскаго, если не могуществомъ, то непреклонною твердостію въ злосчастіи достопамятнаго, какъ бы запечатлѣло для насъ господство надъ полуночною Азіею. Въ столицѣ и во всѣхъ городахъ снова праздновали завоеваніе сего неизмѣримаго края, звономъ колокольнымъ и молебнами. Воейкова наградили золотою медалью, а его сподвижниковъ деньгами; велѣли привезти знатныхъ плѣнниковъ въ Москву и дали народу удовольствіе видѣть ихъ торжественный вѣздъ (въ Генварѣ 1599). Жены, дочери, невѣстки и сыновья Кучюмовы (юноши Асманакъ и Шаимъ, отрокъ Бабадша, младенцы Кумушъ и Молла) ѣхали въ богатыхъ рѣзныхъ саняхъ: Царицы и Царевны въ шубахъ бархатныхъ,

Гибель
Кучю-
ма.

г. 1599.

атласныхъ и камчатныхъ, украшенныхъ золотомъ, серебромъ и кружевомъ; Царевичи въ ферезахъ багряныхъ, на мѣхахъ драгоцѣнныхъ; впереди и за ними множество всадниковъ, Дѣтей Боярскихъ, по два въ рядъ, всѣ въ шубахъ собольихъ, съ пищалями. Улицы были наполнены зрителями, Россіянами и чужеземцами ⁽³⁴⁾. Царицъ и Царевичей размѣстили въ особенныхъ домахъ, купеческихъ и Дворянскихъ; давали имъ содержаніе пристойное, но весьма умѣренное; наконецъ отпустили женъ и дочерей Ханскихъ въ Касимовъ и въ Бѣжецкій Верхъ, къ Царю Уразъ-Магмету и къ Царевичу Сибирскому Маметкулу, согласно съ желаніемъ тѣхъ и другихъ. Сынъ Кучюмовъ, Абдулъ-Хаиръ, взятый въ плѣнъ еще въ 1591 году, принялъ тогда Христіанскую Вѣру и былъ названъ Андреемъ.

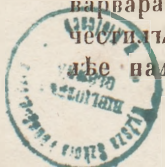
Съ сего времени уже не имѣя войны, но единственно усмиряя, безъ важныхъ усилій, строптивость нашихъ данниковъ въ Сибири, и страхомъ или выгодами мирной, дѣятельной власти умножая число ихъ, мы спокойно занимались тамъ основаніемъ новыхъ городовъ: Верхотурья въ 1598, Мангазеи и Туринска въ 1600, Томска въ 1604 годахъ ⁽³⁵⁾; населяли ихъ людьми воинскими, семейными, особенно Козаками Литовскими или Малоросійскими, и самыхъ коренныхъ жителей

Сибирскихъ употребляли на ратное дѣло, всеяя въ нихъ усердіе къ службѣ льготою и честію, такъ что они съ величайшею ревностію содѣйствовали намъ въ покореніи своихъ единоземцевъ. Однимъ словомъ, если случай далъ Іоанну Сибирь, то государственный умъ Борисовъ надежно и прочно вмѣстилъ ее въ составъ Россіи.

Въ дѣлахъ внѣшней Политики Россій-
ской ничто не перемѣнилось: ни духъ ся, дѣла
внѣш-
ней По-
литики.
ни виды. Мы вездѣ хотѣли мира или пріобрѣтеній безъ войны, готовясь единственно къ оборонительной; не вѣрили доброжелательству тѣхъ, коихъ польза была несо-
вмѣстна съ нашею, и не упустили случая вредить имъ безъ явнаго нарушенія договоровъ.

Ханъ, увѣряя Россію въ своей дружбѣ, откладывалъ торжественное заключеніе новаго договора съ новымъ Царемъ: между тѣмъ Донскіе Козаки тревожили набѣгами Тавриду, а Крымскіе разбойники Бѣлогородскую область ⁽³⁶⁾. Наконецъ, въ Іюнѣ 1602 года, Казы-Гирей, принявъ дары, оцѣненные въ 14,000 рублей, вручилъ Послу, Князю Григорію Волконскому, Шертную грамоту со всеми торжественными обрядами, но еще хотѣлъ тридцати тысячъ рублей и жаловался, что Россіяне стѣсняютъ Ханскіе улусы основаніемъ крѣпостей въ степяхъ, которыя были дотолѣ

привольемъ Татарскимъ. «Не видимъ ли» (говорилъ онъ) «вашего умысла, столь недружелюбнаго? Вы хотите задушить насъ въ оградѣ. А я вамъ другъ, какихъ мало. Султанъ живетъ «мыслию итти войною на Россію, но слышитъ «отъ меня всегда одно слово: *далеко! тамъ пустыни, лѣса, воды, болота, грязи непроходимыя.*» Царь отвѣтствовалъ, что казна его истощилась отъ милостей, оказанныхъ войску и народу; что крѣпости основаны единственно для безопасности нашихъ Посольствъ къ Хану и для обузданія хищныхъ Донскихъ Козаковъ; что мы, имѣя рать сильную, не боимся Султановой. Любимецъ Казы-Гиреевъ, Ахметъ-Челибей, присланный къ Царю съ союзною грамотою, требовалъ отъ него клятвы въ вѣрномъ исполненіи взаимныхъ условій: Борисъ взялъ въ руки книгу (безъ сомнѣнія не Евангеліе), и сказалъ: «обѣщаю искреннее дружество Казы-Гирею: вотъ моя *большая присяга;*» не хотѣлъ ни цѣловать креста, ни показать сей книги Челибею, коего увѣряли, что Государь Россійскій изъ особенной любви къ Хану изустно произнесъ священное обязательство союза, и что договоры съ иными Вѣнценосцами утверждаются только Боярскимъ словомъ. Такъ Борисъ, вопреки древнему обыкновенію, уклонился отъ бесполезнаго униженія святости въ дѣлахъ съ варварами, уважающими одну корысть и силу; честилъ Хана умѣренными дарами, а всего больше надѣялся на войско, готовое для защиты

юговосточныхъ предѣловъ Россіи, и сохранилъ ихъ спокойствіе. Были взаимныя досады, однакожь безъ всякихъ непріятельскихъ дѣйствій. Въ 1603 году Казы-Гирей съ гнѣвомъ высмалъ изъ Тавриды поваго Посла Государева, Князя Борятинскаго, за то, что онъ не хотѣлъ удержать Донскихъ Козаковъ отъ впаденія въ Карасанскій Улусъ, отвѣтствуя грубо: «у васъ есть сабля; а мое дѣло сноситься только съ Ханомъ, «не съ ворами Козаками.» Но сей случай не произвелъ разрыва: Ханъ жаловался безъ угрозъ, и подтвердилъ обязательство умереть нашимъ другомъ, опасаясь тогда Султана и думая найти защитника въ Борисѣ.

Въ дѣлахъ съ Литвою и съ Швеціею Борисъ также старался возвысить достоинство Россіи, пользуясь случаемъ и временемъ. Сигизмундъ, именемъ еще Король Швеціи, уже воевалъ съ ся Правителемъ, дядею своимъ Герцогомъ Карломъ, и склонилъ Вельможныхъ Пановъ къ участию въ семъ междоусобіи, уступивъ ихъ отечеству Эстонію. Въ такихъ благоприятныхъ для насъ обстоятельствахъ Литва домогалась прочнаго мира, а Швеція союза съ Россіею: Борисъ же, изъявляя готовность къ тому и къ другому, вымышлялъ легкій способъ взять у нихъ, что было нашимъ, и что мы уступили имъ невольно: древнія Орденскія владѣнія, о коихъ столько жалѣлъ Іоаннъ, жалѣла и Россія, купивъ оныя долговременными, кровавыми трудами и за ничто отдавъ властолюбивымъ иноземцамъ.

Судьба
Принца
Швед-
скаго,
Густа-
ва въ
Россіи.

Мы упоминали о сынѣ Шведскаго Короля Эрика, изгнанникѣ Густавѣ ⁽³⁷⁾. Считаясь изъ земли въ землю, онъ жилъ нѣсколько времени въ Торнѣ, скуднымъ жалованьемъ брата своего, Сигизмунда, и рѣшившись (въ 1599 году) искать счастья въ нашемъ отечествѣ, куда звали его и Θεодоръ и Борисъ, предлагая ему не только временное убѣжище, но и знатное помѣстье или Удѣль. На границѣ, въ Новгородѣ, въ Твери ждали Густава сановники Царскіе, съ привѣтствіями и дарами ⁽³⁸⁾; одѣли въ золото и въ бархатъ; ввезли въ Москву на богатой колесницѣ; представили Государю въ самомъ пышномъ собраніи Двора. Поцѣловавъ руку у Бориса и юнаго Θεодора, Густавъ произнесъ рѣчь (зная Славянскій языкъ); сѣлъ на золотомъ изголовьѣ; обѣдалъ у Царя за столомъ особеннымъ, имѣя особеннаго Крайчаго и Чашника. Ему дали огромный домъ, чиновниковъ и слугъ, множество драгоценныхъ сосудовъ и чашъ изъ кладовыхъ Царскихъ; наконецъ Удѣль Калужскій, три города съ волостями, для дохода ⁽³⁹⁾. Однимъ словомъ, послѣ Борисова семейства Густавъ казался первымъ человѣкомъ въ Россіи, ежедневно ласкаемый и даримый. Онъ имѣлъ достоинства: душевное благородство, искренность, свѣдѣнія рѣдкія въ Наукахъ, особенно въ Химіи,

такъ что заслужилъ имя втораго Теофраста Парацельса; зналъ языки, кромѣ Шведскаго и Славянскаго, Италіянскій, Нѣмецкій, Французскій ⁽⁴⁰⁾; много видѣлъ въ свѣтѣ, съ умомъ любознательнымъ, и говорилъ пріятно. Но не сіи достоинства и знанія были виною Царской къ нему милости: Борисъ мыслилъ употребить его въ орудіе Политики, какъ втораго Магнуса, желая имѣть въ немъ страшилище для Сигизмунда и Карла; обольстилъ Густава надеждою быть Властителемъ Ливоніи съ помощію Россіи, и хитро приступилъ къ дѣлу, чтобы обольстить и Ливонію. Еще многіе сановники Дерптскіе и Нарвскіе жили въ Москвѣ съ женами и дѣтьми, въ неволѣ сносной, однакожь горестной для нихъ, лишенныхъ отечества и состоянія: Борисъ далъ имъ свободу, съ условіемъ, чтобы они присягнули ему въ вѣрности неизмѣнной; ѣздили, куда хотятъ: въ Ригу, въ Литву, въ Германію для торговли, но вездѣ были его усердными слугами, наблюдали, вывѣдывали важное для Россіи, и тайно доносили о томъ Печатнику Щелкалову. Сіи люди, вѣкогда купцы богатые, уже не имѣли денегъ: Царь велѣлъ имъ раздать до двадцати пяти тысячъ нынѣшнихъ рублей серебряныхъ, чтобы они тѣмъ ревностиѣ служили Россіи и преклоняли къ ней своихъ единоземцевъ ⁽⁴¹⁾. Зная неудовольствіе жителей Рижскихъ и другихъ Ливонцевъ, утѣшяемыхъ Правительствомъ и въ гражданской жизни и въ богослуженіи, Царь велѣлъ тайно сказать имъ,

что если хотятъ они спасти вольность свою и Вѣру отцевъ; если ужасаются мысли рабствовать всегда подъ тяжкимъ игомъ Литвы и сдѣлаться *Папистами или Іезуитами*: то идти Россіи надъ ними, а мечъ ея надъ ихъ утѣснителями; что сильнѣйшій изъ Вѣнцесцевъ, равно славный и мудростію и челоуѣколюбіемъ, желаетъ быть отцемъ болѣе, нежели Государемъ Ливоніи, и желетъ Депутатовъ изъ Риги, Дерпта и Нарвы для заключенія условій, которыя будутъ утверждены присягою Бояръ; что свобода, законы и Вѣра останутся тамъ неприкосновенными подъ его верховною властію ⁽⁴²⁾. Въ то же время Воеводы Псковскіе должны были искусно разгласить въ Ливоніи, что Густавъ, столь милостиво принятый Царемъ, немедленно вступить въ ея предѣлы съ нашимъ войскомъ, дабы изгнать Поляковъ, Шведовъ, и господствовать въ ней съ правомъ наслѣдственнаго Державца, но съ обязанностію Россійскаго присяжника. Самъ Густавъ писалъ къ Герцогу Карлу: «Европѣ
«извѣстна бѣдственная судьба моего родителя; а
«тебѣ извѣстны ея виновники и мои гонители:
«оставляю мечь Богу. Нынѣ я въ *тихомъ и без-*
«*боязненномъ пристанищѣ*, у великаго Монарха,
«милостиваго къ несчастнымъ Державнаго пле-
«мени. Здѣсь могу быть полезенъ нашему любез-
«ному отечеству, если ты уступишь мнѣ Эсто-
«нію, угрожаемую Сигизмундовымъ властолю-
«біемъ: съ помощію Божіею и Царскою буду не
«только стоять за города ея, но возьму и всю

«Ливонію, мою законную отчизну.» Замѣтимъ, что о семъ письмѣ не упоминается въ нашихъ переговорахъ съ Швеціею; оно едва ли было доставлено Герцогу: сочиненное, какъ вѣроятно, въ Приказѣ Московскомъ, ходило единственно въ спискахъ изъ рукъ въ руки, между Ливонскими гражданами, чтобы волновать ихъ умы въ пользу Борисова замысла. Такъ мы хитрили, будучи въ перемиріи съ Литвою и въ мирѣ съ Швеціею!

Но сія хитрость, не чуждая коварства, осталась безплодною — отъ трехъ причинъ: 1) Ливонцы издревле страшились и не любили Россіи; помнили исторію Магнуса и видѣли еще слѣды Іоаннова свирѣпства въ ихъ отечествѣ; слушали наши обѣщанія и не вѣрили. Только нѣкоторые изъ Нарвскихъ жителей, тайно сносясь съ Борисомъ, умышляли сдать ему сей городъ; но, обличенные въ сей измѣнѣ, были казнены всенародно ⁽⁴³⁾. 2) Мы имѣли лазутчиковъ, а Сигизмундъ и Карлъ войско въ Ливонію: могла ли она, если бы и хотѣла, думать о Посольствѣ въ Москву? 3) Густавъ лишился милости Бориса, который думалъ женить его на Царевнѣ Ксеніи, съ условіемъ, чтобы онъ исповѣдывалъ одну Вѣру съ нею; но Густавъ не согласился измѣнить своему Закону, ни оставить любовницы, привезенной имъ съ собою изъ Данцига ⁽⁴⁴⁾; не хотѣлъ быть, какъ пишутъ, и слѣпымъ орудіемъ нашей Политики ко вреду Швеціи; требовалъ отпуска, и, разгоряченный вѣпомъ, въ

присутствіи Борисова Медика, Фидлера, грозился зажечь Москву, если не дадутъ ему свободы выѣхать изъ Россіи: Фидлеръ сказалъ о томъ Боярину Семену Годунову, а Бояринъ Царю, который, въ гнѣвѣ отпавъ у неблагодарнаго и сокровища и города, велѣлъ держать его подъ стражею въ домѣ; однакожъ скоро умилился и далъ ему, вмѣсто Калуги, разоренный Угличъ. Густавъ (въ 1601 году) снова былъ у Царя, но уже не обѣдалъ съ нимъ ⁽⁴⁵⁾; удалился въ свое помѣстье, и тамъ, среди печальныхъ развалинъ, спокойно занимался Химіею, до конца Борисовой жизни. Неволею перевезенный тогда въ Ярославль, а послѣ въ Каширь, сей несчастный Принцъ умеръ въ 1607 году, жалуясь на вѣтренность той женщины, которой онъ пожертвовалъ блестящею долею въ Россіи. Уединенную могилу его, въ прекрасной березовой рощѣ, на берегу Кашиенки, видѣли знаменитый Шведскій Военачальникъ, Іаковъ де-ла-Гарди, и Посланникъ Карла IX, Петрей, въ царствованіе Шуйскаго ⁽⁴⁶⁾.

Переми-
ріе съ
Литвою.

Между тѣмъ мы пѣли случай гордостію отплатить Сигизмунду за уничтоженіе, претерпѣнное Іоанномъ отъ Баторія. Великій Посолъ Литовскій, Канцлеръ Левъ Сапѣга, пріѣхавъ въ Москву, жилъ шесть недѣль въ праздности, для того, какъ ему сказы-

вали, что Царь мучился подагрою. Представленный Борису (16 Ноября 1600), Сапѣга являлъ условія, начертанныя Варшавскимъ Сеймомъ для заключенія вѣчнаго мира съ Россією: ихъ выслушали, отвергнули и еще нѣсколько мѣсяцевъ держали Сапѣгу въ скучномъ уединеніи, такъ, что онъ грозился сѣсть на коня и безъ дѣла уѣхать изъ Москвы ⁽⁴⁷⁾. Наконецъ, будто бы изъ уваженія къ милостивому ходатайству юного Борисова сына, Государь велѣлъ Думнымъ Совѣтникамъ заключить перемиріе съ Литвою на 20 лѣтъ. 11 Марта (1601 года) написали грамоту, но не хотѣли именовать въ ней Сигизмунда *Королемъ Швеціи*, подъ лукавымъ предлогомъ, что онъ не извѣстилъ ни Осолора, ни Бориса о своемъ восшествіи на тронъ отцовскій: въ самомъ же дѣлѣ мы пользовались случаемъ мести, за старое упрямство Литвы называть Государей Россійскихъ единственно Великими Князьями, и тѣмъ еще давали себѣ право на благодарность Шведскаго Властителя — право входить съ нимъ въ договоры, какъ съ законнымъ Монархомъ. Тщетно Сапѣга возражалъ, требовалъ, молилъ, даже *съ слезами* ⁽⁴⁸⁾, чтобы внести въ грамоту весь титулъ Королевскій: ее послали къ Сигизмунду для утвержденія съ Бояриномъ, Михаиломъ Глѣбовичемъ Салтыковымъ, и съ Думнымъ Дьякомъ, Аѳонасіемъ Власьевымъ, которые, не взирая на худое гостепріимство въ Литвѣ, успѣли въ главномъ дѣлѣ, къ чести Двора Московскаго. Сигизмундъ пред-

водительствовалъ тогда войскомъ въ Ливоніи и звалъ ихъ къ себѣ въ Ригу: они сказали: «будемъ ждаты Короля въ Вильнѣ» — и поставили на своемъ; въ глубокую осень жили нѣсколько времени на берегахъ Днѣпра, въ шатрахъ; терпѣли холодъ и недостатокъ ⁽⁴⁹⁾, но принудили Короля ѣхать для нихъ въ Вильну, гдѣ начались жаркія пренія. Литовскіе вельможи говорили Салтыкову и Власьеву: «если дѣйствительно хотите мира, то признайте нашего Короля Шведскимъ, а Эстонію собственностію Польши.» Салтыковъ отвѣчалъ: «Миръ вамъ нужнѣе, нежели намъ. Эстонія и Ливонія собственность Россіи отъ временъ Ярослава Великаго; а Шведскимъ Королевствомъ владѣтъ нынѣ Герцогъ Карлъ: Царь не даетъ никому पु-«стыхъ титуловъ» «Карлъ есть измѣн-«никъ и хищникъ,» возражали Папы: «Государь вашъ перестанетъ ли называться въ титулѣ Астраханскимъ или Сибирскимъ, если какой нибудь разбойникъ на время завладѣтъ сими землями? Знатная часть Венгріи нынѣ въ рукахъ Султана, но Цесарь именуется Венгерскимъ, а Король Испанскій Іерусалимскимъ.» Убѣжденія остались безъ дѣйствія; но Сигизмундъ, цѣлуя крестъ предъ нашими Послами (7 Генваря 1602) съ обѣщаніемъ свято хранить договоръ, примолвилъ: «клянуся именемъ Бо-«жіимъ умереть съ моимъ наслѣдственнымъ ти-«туломъ Короля Шведскаго, не уступать никому Эстонію и въ теченіе сего двадцатилѣтняго пе-

«ремирія добывать Нарвы, Ревеля и другихъ городовъ ея, кѣмъ бы они ни были заняты.» Тутъ Салтыковъ выступилъ и сказалъ громко: «Король Сигизмундъ! цѣлуй крестъ къ Великому Государю, Борису Осодоровичу, по точнымъ словамъ грамоты, безъ всякаго прибавленія — или клятва не въ клятву!» Сигизмундъ долженъ былъ переговорить свою рѣчь, какъ требовалъ Бояринъ и смыслъ грамоты. Слѣдственно въ Москвѣ и въ Вильнѣ Политика Россійская одержала верхъ надъ Литовскою: Король уступилъ, ибо не хотѣлъ воевать въ одно время и съ Шведами и съ нами; устоялъ только въ отказѣ величать Бориса именемъ *Царя и Самодержца*: чего мы требовади и въ Москвѣ и въ Вильнѣ, но удовольствовались словомъ, что сей титулъ безспорно будетъ данъ Королемъ Борису при заключеніи мира вѣчнаго. «Хорошо» (говорили Паны) «и двадцать лѣтъ не лить Христіанской крови: еще лучше успокоить навсегда обѣ Державы. Двадцать лѣтъ пройдутъ скоро; а кто будетъ тогда Государемъ и въ Литвѣ и въ Россіи, неизвѣстно» ⁽⁵⁰⁾. Замѣтимъ еще обстоятельство достопамятное: Послы Московскіе, въ день своего отпуска пируя во дворцѣ Королевскомъ, увидѣли юнаго Сигизмундова сына, Владислава, и какъ бы въ предчувствіи будущаго вызвались цѣловать у него руку: сей отрокъ семилѣтній, коему надлежало, въ возрастѣ юноши, явиться столь важнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ нашей Исторіи, привѣт-

ствовавъ ихъ умно и ласково; вставъ съ мѣста и снявъ съ себя шляпу, велѣлъ кланяться Царевичу Θεодору и сказать ему, что желаетъ быть съ нимъ въ искренней дружбѣ. Знатный Бояринъ Салтыковъ и Думный Дьякъ Власевъ, который замѣнилъ Щелкалова въ дѣлахъ государственныхъ, могли, храня въ душѣ пріятное воспоминаніе о юномъ Владиславѣ, вселить во многихъ Россіянъ добрыя мысли о семъ, дѣйствительно любезномъ Королевичѣ. — Возвратясь, послы донесли Борису, что онъ можетъ быть увѣренъ въ безопасности и тишинѣ съ Литовской стороны на долгое время; что Король и Паны знаютъ, видятъ силу Россіи, управляемую столь мудрымъ Государемъ, и конечно не помыслятъ нарушить договора ни въ какомъ случаѣ, внутренно славя миролюбіе Царя какъ особенную милость Божію къ ихъ отечеству.

Сноше-
нія съ
III в е-
цією.

Мы сказали, что Правитель Швеціи искалъ союза Россіи: Борисъ, убѣждая Герцога не мириться съ Сигизмундомъ, позволялъ Шведамъ итти изъ Финляндіи къ Дерпту чрезъ Новгородское владѣніе (51) и хотѣлъ дѣйствовать вмѣстѣ съ ними для изгнанія Поляковъ изъ Ливоніи. Королевскіе чиновники ѣздили въ Москву, наши въ Стокгольмъ съ изъявленіями взаимнаго дружества. Въ знакъ чрезвы-

чайнаго уваженія къ Борису, Герцогъ тайно спрашивалъ у него, *исполнить* ли ему волю Чиновъ Государственныхъ и назваться ли *Королемъ Шведскимъ*? Царь совѣтовалъ *исполнить*, и немедленно, для истиннаго блага *Швеціи*, и тѣмъ заслужилъ живѣйшую признательность Карлову ⁽⁵²⁾; совѣтовалъ искренно, ибо безопасность Россіи требовала, чтобы Литва и Швеція имѣли разныхъ Властителей. Но мы желали Нарвы, и для того хитрый Царь (въ Февралѣ 1601) объявилъ Шведскимъ Посламъ, Карлу Гендрихсону и Георгію Клаусону, бывшимъ у насъ въ одно время съ Литовскимъ Канцлеромъ Сапѣгою, что должно еще снова разсмотрѣть и торжественно утвердить мирную грамоту 1597 года ⁽⁵³⁾, писанную отъ имени Θεодорова и Сигизмундова; что она недѣйствительна, ибо Сигизмундъ не утвердилъ ее; что обстоятельства перемѣнились, и что сей Король готовъ уступить намъ часть Ливоніи, если будемъ помогать ему въ войнѣ съ Герцогомъ. Послы удивились. «Мы заключили миръ» (говорили они Боярамъ) «не между Θεодоромъ и Сигизмундомъ, а между «Швецією и Россією, до скончанія вѣковъ, именемъ Божіимъ, и добросовѣстно исполнили «условія: отдали Кексгольмъ вопреки Сигизмундову несогласію. Нѣтъ, Герцогъ Карлъ не повѣритъ, чтобы Царь думалъ нарушить обѣтъ, «запечатлѣнный цѣлованіемъ креста на Святомъ «Евангеліи. Если Сигизмундъ уступаетъ вамъ «города въ Ливоніи, то уступаетъ не свое: по-

«ловина ея завоевана Герцогомъ. И союзъ
«съ Литвою надеженъ ли для Царя? Пре-
«кратились ли споры о Кіевѣ и Смоленскѣ?
«Гораздо скорѣе можно согласить выгоды
«Швеціи и Россіи: главная ихъ выгода
«есть мирное, доброе сосѣдство. Не самъ
«ли Царь убѣждалъ Карла не мириться съ
«Сигизмундомъ? Мы воюемъ и беремъ го-
«рода: что мѣшаетъ вамъ также опол-
«читься и раздѣлить Ливонію съ нами?»
Но Борисъ, съ удовольствіемъ видя пламя
войны между Герцогомъ и Королемъ, не
мыслилъ въ ней участвовать, по крайней
мѣрѣ до времени; заключивъ перемиріе съ
Литвою, медлилъ утвердить безкорыстный
миръ съ Карломъ; отпустилъ его Пословъ
ни съ чѣмъ, и тайно склоняя жителей
Эстоніи измѣнить Шведамъ, чтобы при-
соединиться къ Россіи, досаждалъ ему симъ
непрямодушіемъ — но въ то же время ис-
кренно доброхотствовалъ въ войнѣ Ливон-
ской: ибо торжество Сигизмундово угро-
жало намъ соединеніемъ Шведской короны
съ Польскою, а торжество Карлово раздѣ-
ляло ихъ навѣки. Борисъ первый изъ Го-
сударей Европейскихъ, и всѣхъ охотиѣе,
призналъ Герцога Королемъ Швеціи, и въ
сношеніяхъ съ нимъ уже давалъ ему сіе
имя, когда и самъ Герцогъ еще назывался
только Правителемъ.

Тѣсная

Новая, важная связь Борисова съ на-

слѣдственнымъ врагомъ Швеціи могла так-
же беспокоить Карла. Извѣстивъ сосѣд-
ственныхъ и другихъ Вѣнценосцевъ, Им-
ператора, Елисавету, о своемъ воцареніи,
Борисъ долго медлилъ оказать сію учти-
вость Королю Датскому, Христіану; но съ
1601 года начались весьма дружелюбныя
сношенія между ими ⁽⁵⁴⁾. Въ одно время
Послы Христіановы, Эске-Брокъ и Карлъ
Бриске, отправились въ Москву, а наши,
знатный Дворянинъ Ржевскій и Дьякъ Дми-
тріевъ, въ Коненгагенъ, для взаимнаго
привѣтствія и для разрѣшенія старыхъ,
безконечныхъ споровъ о Кольскихъ и Вар-
гавскихъ пустыняхъ. Доказывая, что вся
Лапландія принадлежала Норвегіи, Хри-
стіанъ ссылался на Исторію Саксона Грам-
матика и даже на Мюнстерову Космогра-
фію ⁽⁵⁵⁾; говорилъ еще, что сами Россіяне
издревле называютъ Лопландію *Мурман-*
скою или *Норвежскою* землею; а мы возра-
жали, что она безъ сомнѣнія наша, ибо въ
царствованіе Василія Іоанновича Нового-
родскій Священникъ Ілія крестилъ ея ди-
кихъ жителей, и еще утверждали сіе право
собственности слѣдующею повѣстію, осно-
ванною на преданіи тамошнихъ стар-
цевъ ⁽⁵⁶⁾: «Жилъ нѣкогда въ Корелѣ или
«Кексгольмѣ знаменитый *Владѣтель*, име-
«немъ *Валитъ* или *Варентъ*, данникъ Вели-
«каго Новагорода, мужъ не обычной храб-

связь
съ Да-
виею.

«рости и силы: воевалъ, побѣждалъ и хотѣлъ
 «господствовать надъ Лопью или *Мурманскою*
 «землею. Лопари требовали защиты сосѣдствен-
 «ныхъ *Норвежскихъ* Нѣмцевъ; но Валить раз-
 «билъ и Нѣмцевъ, тамъ гдѣ нынѣ *Лѣтній по-*
 «гость *Варенскій*, и гдѣ онъ, въ память вѣкамъ,
 «положилъ своими руками огромный камень, въ
 «вышину болѣе сажени; сдѣлалъ вокругъ его
 «твердую ограду *въ двѣнадцать стѣнъ* и назвалъ
 «ее *Вавилономъ*: сей камень и теперь именуется
 «*Валитовымъ*. Такая же ограда существовала на
 «мѣстѣ Кольскаго острога. Извѣстны еще въ
 «землѣ Мурманской *губа Валитова* и *городище*
 «*Валитово* среди острова или высокой скалы,
 «гдѣ безопасно отдыхалъ витязь Корельскій.
 «Наконецъ побѣжденные Нѣмцы заключили съ
 «нимъ миръ, отдавъ ему всю Лопь до рѣки
 «Ивгея. Долго славный и счастливый, Валить,
 «именемъ Христіанскимъ *Василій*, умеръ и схо-
 «роненъ въ *Кексгольмѣ*, въ церкви Спаса; Ло-
 «пари же съ того времени платили дань Нову-
 «городу и Царямъ Московскимъ.» Сіи истори-
 «ческіе доводы съ обѣихъ сторонъ были не весь-
 «ма убѣдительны, и Датчане въ знакъ миролюбія
 «желали раздѣлить Лапландію съ нами, вдоль или
 «поперекъ, на двѣ равныя части; а Борисъ, изъ
 «любви къ Христіану, уступалъ ему всѣ земли за
 «монастыремъ Печенскимъ къ Сѣверу, предо-
 «ставляя Датскимъ и Россійскимъ чиновникамъ
 «на будущемъ сѣздѣ близъ Колы означить гра-
 «ницы обѣихъ Державъ. Между тѣмъ возобно-

вили договоръ о свободной торговлѣ Датскихъ купцевъ въ Россіи; условились и въ дѣлѣ важнѣйшемъ.

Борисъ искалъ достойнаго жениха для прелестной Царевны между Европейскими Принцами Державнаго племени, чтобы такимъ союзомъ восвысить блескъ своего Дому въ глазахъ Бояръ и Князей Россійскихъ, которые еще не давно видѣли Голуновыхъ ниже себя: не успѣвъ въ намѣреніи отдать руку дочери, вмѣстѣ съ Ливоніею, Густаву, сей нѣжный родитель и хитрый Политикъ надѣялся доставить счастье Ксеніи и выгоды Государству супружествомъ ея съ Герцогомъ Іоанномъ, братомъ Христіановымъ, юношею умнымъ и пріятнымъ, который, подобно Густаву, могъ служить орудіемъ нашихъ властолюбивыхъ замысловъ на Эстонію, бывшую собственность Даніи. Царь предложилъ ⁽⁵⁷⁾, и Король, не уstraшенный судьбою Магнуса, обрадовался чести быть сватомъ знаменитаго Самодержца Московскаго, въ надеждѣ его усерднымъ вспоможеніемъ ослабить враждебную Швецію. Къ сожалѣнію, любопытныя бумаги о семъ сватовствѣ утратились ⁽⁵⁸⁾: не знаемъ условій о Вѣрѣ, о приданомъ, ни другихъ взаимныхъ обязательствъ; но знаемъ, что Іоаннъ согласился жертвовать Ксеніи отечествомъ и быть Удѣльнымъ Княземъ въ Россіи ⁽⁵⁹⁾;

Герцогъ Датскій, женихъ Ксеніи.

не для того ли, чтобы въ случаѣ возможнаго несчастія, преждевременной кончины юнаго Царевича, тронъ Московскій имѣлъ наслѣдниковъ въ семействѣ Борисовомъ? о чемъ, вѣроятно, думалъ Царь дальновидный, съ горячностью любя сына, но любя и мысль о непрерывномъ наслѣдствѣ короны, въ теченіе вѣковъ, для своего рода. Женихъ воевалъ тогда въ Нидерландахъ подъ знаменами Испаніи: сѣвшиль возвратиться, сѣлъ на Адмиральскій корабль, и вмѣстѣ съ пятью другими приплылъ (10 Августа 1602) къ устью Наровы. Тамъ ожидала гостя ладія Царская, усланная бархатомъ ⁽⁶⁰⁾ — и какъ скоро Герцогъ ступилъ на землю Русскую, загремѣли пушки: Бояринъ Михайло Глѣбовичъ Салтыковъ и Думный Дьякъ Власьевъ привѣтствовали его, именемъ Царя, — ввели въ богатый шатеръ и поднесли ему 80 драгоцѣннѣйшихъ соболей. Въ каретѣ, блистающей золотомъ и серебромъ, Іоаннъ ѣхалъ въ Иваньгородъ, мимо Нарвы, гдѣ развѣвались знамена, на башняхъ и стѣнахъ, усѣянныхъ любопытными зрителями: такъ привѣтствовали его и Шведы, внутренно опасаясь сего путешествія, коего цѣль они уже знали или угадывали.

Гораздо искреннѣе честили Герцога въ Россіи. Съ нимъ были Послы Христіановы, три Сенатора (Гильденстернъ, Браге и Голькъ), восемь знатныхъ сановниковъ, нѣсколько Дворянъ, два Медика, множество слугъ: на каждомъ станѣ, въ самыхъ бѣдныхъ деревняхъ, угощали ихъ

какъ бы во дворцѣ Московскомъ; за обѣдомъ играла музыка. Въ городахъ стрѣляли изъ пушекъ; войско стояло въ ружьѣ и чиновники за чиновниками представлялись *Свѣтлѣйшему Королевицу*. Ъхали медленно, въ день не болѣе тридцати верстъ, чрезъ Новгородъ, Валдай, Торжекъ и Старицу. Путешественникъ не скучалъ; въ часы роздыха гулялъ верхомъ или по рѣкамъ на лодкахъ; забавлялся охотою, стрѣлялъ птицъ; бесѣдовалъ съ Бояриномъ Салтыковымъ и Дьякомъ Власьевымъ о Россіи, желая знать ея государственные уставы и народныя обыкновенія. Послы Христіановы совѣтовали ему не вдругъ перенимать наши обычаи и держаться еще Нѣмецкихъ: «ѣду къ Царю (говорилъ онъ) за тѣмъ, чтобы навикать всему Рूसскому.» Будучи 1 Сентября въ Бронницахъ, Іоаннъ сказалъ Салтыкову: «Я знаю, что въ сей день вы празднуете «новый годъ; что Духовенство, Синклитъ и «Дворъ нынѣ торжественно желаютъ многолѣтія Государю: еще не имѣю счастія видѣть его «лице, но также усердно молюся, да здравствуетъ» — спросилъ вина, и стоя пилъ *Царскія чаши*, вмѣстѣ съ Московскими сановниками и Датскими Послами. Однимъ словомъ, Іоаннъ хотѣлъ любви Борисовой и любви Россіянъ. Салтыковъ и Власевъ писали къ Царю о здоровьѣ и веселомъ нравѣ Королевича; увѣдомляли обо всемъ, что онъ говорилъ и дѣлалъ: даже о нарядахъ, о цвѣтѣ его атласныхъ кафтановъ, украшенныхъ золотыми или серебря-

ными кружевами! Царь требовалъ сихъ подробностей — и высылалъ новые дары путешественнику: богатые ткани Азіятскія, шапки визаннныя жемчугомъ, поясы и кушаки драгоцѣнные, золотыя цѣпи, сабли съ бирюзой и съ яхонтами. Наконецъ Іоаннъ изъявилъ нетерпѣніе быть въ Москвѣ: ему отвѣтствовали, что Государь боялся снѣжною ѣздою утомить его — и поѣхали скорѣе. 18 Сентября ночевали въ Тушинѣ, а 19 приблизились къ столицѣ.

Не только войны и люди сановитые, отъ Членовъ Синклита до Приказныхъ Дьяковъ, но и граждане встрѣтили Герцога въ полѣ ⁽⁶¹⁾. Выслушавъ ласковую рѣчь Бояръ, онъ сѣлъ на коня, и ѣхалъ Москвою при звукѣ огромнаго Кремлевскаго колокола, съ Датскими и Россійскими чиновниками. Ему отвели въ Китаѣ-городѣ лучший домъ — и на другой день прислали обѣдъ Царскій: сто тяжелыхъ золотыхъ блюдъ съ яствами, множество кубковъ и чашъ съ винами и медами ⁽⁶²⁾. 28 Сентября было торжественное представленіе. Отъ дому Іоаннова до Краснаго крыльца стояли богато-одѣтые войны: на площади Кремлевской граждане, Нѣмцы, Литва, также въ лучшемъ нарядѣ. У крыльца встрѣтили Іоанна Князя Трубецкій и Черкасскій, на лѣстницѣ Василій Шуйскій и Голицынъ, въ сѣняхъ первый Вельможа Мстиславскій, съ Окольничими и Дьяками. Царь и Царевичъ были въ Золотой палатѣ, въ бархатныхъ порфирахъ, униженныхъ крупнымъ жемчугомъ;

въ ихъ коронахъ и на груди сіяли алмазы и яхонты величины необыкновенной. Увидѣвъ Герцога, Борисъ и Феодоръ встали, обняли его съ нѣжностію, сѣли съ нимъ рядомъ и долго бесѣдовали, въ присутствіи Вельможъ и царедворцевъ. Всѣ смотрѣли на юнаго Іоанна съ любовью, плѣняясь его красотою: Борисъ уже видѣлъ въ немъ будущаго сына. Обѣдали въ Грановитой палатѣ: Царь сидѣлъ на золотомъ тронѣ, за серебрянымъ столомъ, подъ висящею надъ нимъ короною съ боевыми часами, между Феодоромъ и Герцогомъ, уже причисленнымъ къ ихъ семейству. Угощеніе заключилось дарами: Борисъ и Феодоръ сняли съ себя алмазные цѣпи и надѣли на шею Іоанну; а царедворцы поднесли ему два ковша золотые, украшенные яхонтами, нѣсколько серебряныхъ сосудовъ, драгоцѣнныхъ тканей, Англійскихъ суконъ, Сибирскихъ мѣховъ и три одежды Русскія. Но женихъ не видалъ Ксеніи, вѣря только слуху о прелестяхъ ея, любезныхъ свойствахъ, достоинствахъ, и не обманываясь. Современники пишутъ, что она была средняго роста, полна тѣломъ и стройна; имѣла бѣлизну *млечную*, волосы черные, густые и длинные, *трубами лежащіе* на плечахъ, — лице свѣжее, румяное, брови *союзныя*, глаза большіе, черные, свѣтлые, красоты несказанной, особенно, когда блистали въ нихъ слезы умиленія и жалости; не менѣе плѣняла и душею, кротостію, *благорѣчіемъ*, умомъ и вкусомъ образованнымъ, любя

книги и сладкія пѣсни духовныя ⁽⁶³⁾. Строгій обычай не позволялъ показывать и *такой* невѣсты прежде времени; сама же Ксенія и Царица могли видѣть Іоанна скрытно, издали, какъ думали его спутники. Обрученіе и свадьбу отложили до зимы, готовясь къ тому, вмѣсто пировъ, молитвою: родители, невѣста и братъ ея поѣхали въ Лавру Троицкую... О семъ пышномъ выѣздѣ Царскаго семейства очевидцы говорятъ такъ ⁽⁶⁴⁾:

«Впереди 600 всадниковъ и 25 заводныхъ коней, блистающихъ убранствомъ, серебромъ и «золотомъ; за ними двѣ кареты: пустая Царевичева, обитая алымъ сукномъ, и другая, обитая бархатомъ, гдѣ сидѣлъ Государь: обѣ въ 6 лошадей; первую окружали всадники, вторую «пѣшіе царедворцы. Далѣе ѣхалъ верхомъ юный «Евдокимъ; коня его вели знатные чиновники. «Позади Бояре и Придворные. Многіе люди бѣжали за Царемъ, держа на головѣ бумагу: у «нихъ взяли сіи челобитныя и вложили въ крас- «снѣй ящикъ, чтобы представить Государю. «Чрезъ полчаса выѣхала Царица, въ великолѣп- «ной каретѣ; въ другой, со всѣхъ сторонъ за- «крытой, сидѣла Царевна: первую везли десять «бѣлыхъ коней, вторую восемь. Впереди 40 за- «водныхъ лошадей и дружина всадниковъ, му- «жей престарѣлыхъ, съ длинными сѣдыми боро- «дами; сзади 24 Боярыни, на бѣлыхъ коняхъ. «Вокругъ шли 300 приставовъ съ жезлами.» — Тамъ, въ Обители тишины и святости, Борисъ

съ супругою и съ дѣтьми девять дней молился надъ гробомъ Св. Сергія, да благословитъ Небо союзъ Ксеніи съ Іоанномъ.

Между тѣмъ жениха ежедневно честили Царскими обѣдами въ его домѣ; присылали ему бархаты, объяри, кружева *для Русской одежды*; прислали и богатую постелю, бѣлье шитое серебромъ и золотомъ ⁽⁶⁵⁾. Онъ съ ревностію хотѣлъ учиться нашему языку и даже перемѣнить Вѣру, какъ пишутъ ⁽⁶⁶⁾, чтобы исповѣдывать одну съ будущею супругою; вообще велъ себя благоразумно и всѣмъ нравился любезностію въ обхожденіи. Но чего искренно желали и Россіяне и Датчане — о чемъ молились родители и невеста — то не было угодно Провидѣнію... На возвратномъ пути изъ Лавры, 16 Октября, въ селѣ Братовщинѣ ⁽⁶⁷⁾ Государь узналъ о незапной болѣзни жениха. Іоаннъ еще могъ писать къ нему и прислалъ своего чиновника, чтобы его успокоить. Недугъ усиливался безпрестанно: открылась жестокая горячка; но Медики, Датскіе и Борисовы, не теряли надежды: Царь заклиналъ ихъ употребить все искусство, обѣщая имъ неслыханныя милости и награды. 19 Октября посѣтилъ Іоанна юный Θεодоръ, 27 самъ Государь, вмѣстѣ съ Патріархомъ и Боярами; увидѣлъ его слабаго, безгласнаго; ужаснулся, и съ гнѣвомъ винилъ тѣхъ, которые таили отъ него опасность. На другой день, ввечеру, онъ нашелъ Герцога уже при смерти; плакалъ, крушился; говорилъ: «Юноша несчастный! ты

«оставилъ мать , родныхъ , отечество , и прі-
«ѣхалъ ко мнѣ , чтобы умереть безвременно» ⁽⁶⁸⁾ !
Еще желая надѣяться , Государь далъ клятву
освободить 4000 узниковъ въ случаѣ Іоаннова
выздоровленія , и просилъ Датчанъ молиться
Богу съ усердіемъ . Но въ 6 часовъ сего же ве-
чера , 28 Октября , пресѣклись цвѣтущіе дни
Іоанновы , на двадцатомъ году жизни . . . Не
только семейство Царское , Датчане , Нѣмцы , но
и весь Дворъ , всѣ жители столицы были въ
горести . Самъ Борисъ пришелъ къ Ксеніи и
сказалъ ей : «любезная дочь ! твое счастье и мое
«утѣшеніе погибло !» Она упала безъ чувства къ
ногамъ его . . . Велѣли оказать всю должную
честь умершему . Отворили казну Царскую для
бѣдныхъ , вдовъ и сиротъ ; питали нищихъ въ
домѣ , гдѣ скончался Іоаннъ ; къ тѣлу приставили
знатныхъ чиновниковъ ; запретили его анато-
мить и вложили въ деревянную гробницу , на-
полненную ароматами , а послѣ въ мѣдную , и
еще въ дубовую , обитую чернымъ бархатомъ
и серебромъ , съ изображеніемъ креста въ сре-
динѣ и съ Латинскою надписью о достоинствахъ
умершаго , о благоволеніи къ нему Царя и на-
рода Россійскаго , объ ихъ печали неутѣшной .
Въ день погребенія , 25 Ноября , Борисъ про-
стился съ тѣломъ , обливаясь слезами , и ѣхалъ
за нимъ въ саняхъ Китаемъ-городомъ до Бѣ-
лаго . Гробъ везли на колесницѣ , подъ тремя
черными знаменами , съ гербомъ Даніи , Меклен-
бургскимъ и Голштейнскимъ ; на обѣихъ сторо-

нахъ шли воины Царской дружины, опустивъ внизъ остріе своихъ копій; за колесницею Бояре, сановники и граждане — до слободы Нѣмецкой, гдѣ, въ новой церкви Аугсбургскаго Исповѣданія, схоронили тѣло Іоанново въ присутствіи Московскихъ Вельможъ, которые плакали вмѣстѣ съ Датчанами, хотя и не разумѣли умиленной надгробной рѣчи, въ коей Герцоговъ Пасторъ благодарилъ ихъ за сію чувствительность ⁽⁶⁹⁾

Вѣроятно ли сказаніе нашего Лѣтописца, что Борисъ внутренно не жалѣлъ о смерти Іоанна, будто бы завидуя общей къ нему любви Россіянь, и страшася оставить въ немъ совмѣстника для юнаго Θεодора; что Медики, узнавъ тайную мысль Царя, не смѣли излечить больного ⁽⁷⁰⁾? Но Царь хотѣлъ, чтобы Россіяне любили его нареченнаго зятя: для того совѣтовалъ ему быть привѣтливымъ и слѣдовать нашимъ обычаямъ ⁽⁷¹⁾; хотѣлъ безъ сомнѣнія и счастія Ксеніи; давалъ симъ бракомъ новый блескъ, новую твердость своему Дому, и не могъ перемѣнить мыслей въ три недѣли: утрашиться, чего желалъ; видѣть, чего не предвидѣлъ, и ввѣрить столь гнусную тайну зла придворнымъ врачамъ-иноземцамъ, коихъ онъ, по смерти Іоанновой, долго не пускалъ къ себѣ на глаза, и которые лечили Герцога вмѣстѣ съ его собственными, Датскими врачами. Свидѣтели сей болѣзни, чиновники Христіанова Двора, издали въ свѣтъ ея вѣрное описаніе ⁽⁷²⁾, доказывая, что

всеѣ способы искусства, хотя и безъ успѣха, были употреблены для спасенія Іоаннова. Нѣтъ, Борисъ крушился тогда безъ лицемѣрія, и чувствовалъ, можетъ быть, казнь Небесную въ совѣсти, готовивъ счастье для милой дочери и видя ее вдовою въ невѣстахъ; отвергнувъ украшенія Царскія, надѣлъ ризу печали и долго изъяслялъ глубокое уныніе ⁽⁷³⁾. . . . Все, чѣмъ дарили Герцога, было послано въ Копенгагенъ; всеѣхъ Іоанновыхъ спутниковъ отпустили туда съ новыми, щедрыми дарами; не забыли и послѣдняго изъ служителей ⁽⁷⁴⁾. Борисъ писалъ къ Христіану, что Россія остается въ неразрывномъ дружествѣ съ Данією: оно дѣйствительно не разорвалось, какъ бы утверждаемое для обоихъ Государствъ печальнымъ воспоминаніемъ о судьбѣ юнаго Герцога, коего тѣло было перевезено въ Рошильдъ, долго лежавъ подъ сводомъ Московской Лютеранской церкви. Въ честь Іоанновой памяти Борисъ далъ колокола сей церкви и дозволилъ звонить въ нихъ по днямъ Воскреснымъ ⁽⁷⁵⁾.

Но печаль не мѣшала Борису ни заниматься дѣлами государственными съ обыкновенною ревностію ⁽⁷⁶⁾, ни думать о другомъ женихѣ для Ксеніи: около 1604 года Послы наши снова были въ Даніи, и содѣйствіемъ Христіановымъ условились съ Герцогомъ Шлезвигскимъ, Іоанномъ, чтобы одинъ изъ его сыновей, Филиппъ, ѣхалъ въ Москву жениться на Царевнѣ и быть тамъ Удѣльнымъ Княземъ ⁽⁷⁷⁾. Сіе условіе не

исполнилось единственно отъ тогдашнихъ бѣдственныхъ обстоятельствъ нашего отечества.

Сношенія Россіи съ Австріею были, какъ Пере-
говоры
съ Ав-
стріею. и въ Θεодорово время, весьма дружелюбны и не безплодны. Думный Дьякъ Власевъ, (въ Іюнѣ 1599 года) посланный къ Императору съ извѣстіемъ о Борисовомъ воцареніи, сѣлъ на Лондонскій корабль въ устьѣ Двины и вышелъ на берегъ въ Германіи: тамъ, въ Любекѣ и въ Гамбургѣ, знатнѣйшіе граждане встрѣтили его съ великою ласкою, съ пушечною стрѣльбою и музыкою, славя уже извѣстную милость Борисову къ Нѣмцамъ и надѣясь пользоваться новыми выгодами торговли въ Россіи ⁽⁷⁸⁾. Рудольфъ, изгнанный моровымъ повѣтріемъ изъ Праги, жилъ тогда въ Пильзенѣ, гдѣ Власевъ имѣлъ переговоры съ Австрійскими Министрами, увѣряя ихъ, что наше войско уже шло на Турковъ, но что Сигизмундъ заградилъ оному въ Литовскихъ владѣніяхъ путь къ Дунаю; что Царь, какъ истинный братъ Христіанскихъ Монарховъ и вѣчный недругъ Оттомановъ, убѣждаетъ Шаха и многихъ иныхъ *Князей Азійскихъ* дѣйствовать усиленно противъ Султана и готовъ *самолично* итти на Крымцевъ, если они будутъ помогать Туркамъ; что мы непрестанно внушаемъ Литовскимъ Панамамъ утвердить союзъ съ Императо-

ромъ и съ нами возведеніемъ Максимиліана на тронъ Ягеллоновъ; что миролюбивый Борисъ не усомнится даже и воевать для достиженія сей цѣли, если Императоръ когда нибудь рѣшится отмстить Сигизмунду за безчестіе своего брата ⁽⁷⁹⁾. Рудольфъ изъявилъ благодарность, но требовалъ отъ насъ не людей, а золота для войны съ Магометомъ III, желая только, чтобы мы смирили Хана. «Императоръ» — говорили его Министры — «любя Царя, не хочетъ, чтобы онъ «подвергалъ себя опасности *личной* въ битвахъ «съ варварами ⁽⁸⁰⁾: у васъ много Воеводъ мужественныхъ, которые легко могутъ и безъ «Царя унять Крымцевъ: вотъ главное дѣло! «Если угодно Небу, то корона Польская, при «добромъ содѣйствіи великодушнаго Царя, не «уйдетъ отъ Максимиліана; но теперь не время «умножать число враговъ.» И мы конечно не думали дѣйствовать мечемъ для возведенія Максимиліана на тронъ Польскій: ибо Сигизмундъ, уже врагъ Швеціи, былъ для насъ не опаснѣе Австрійскаго Князя въ вѣнцѣ Ягеллоновъ; не думали, вопреки увѣреніямъ Власьева, ратоборствовать и съ Султаномъ безъ необходимости: но предвидя оную — зная, что Магометъ злобится на Россію и дѣйствительно велитъ Хану опустошать ея владѣнія ⁽⁸¹⁾ — Борисъ усердно доброхотствовалъ Австріи въ войнѣ съ симъ недругомъ Христіанства. Отъ 1598 до 1604 года были у насъ разные Австрійскіе чиновники и знатный Посолъ Баронъ Логау; а Думный Дьякъ

Власьевъ вторично ѣздилъ къ Императору въ 1603 году. Не имѣемъ свѣдѣнія объ ихъ переговорахъ; извѣстно только, что Царь вспомогалъ казною Рудольфу ⁽⁸²⁾, удерживалъ Казы-Гирея отъ новыхъ впаденій въ Венгрію и старался утвердить дружество между Императоромъ и Шахомъ Персидскимъ, къ которому ѣздили Австрійскіе Посланники чрезъ Москву ⁽⁸³⁾, и который славно мужествовалъ тогда противъ Оттомановъ. Но знаменитый Аббасъ, ласково поздравивъ Бориса Царемъ, изъявляя готовность заключить съ нимъ тѣсный союзъ, а для него и съ Императоромъ — отправивъ (въ 1600 году) Посланника Исеналея чрезъ Колмогоры въ Австрію, въ Римъ, къ Королю Испанскому ⁽⁸⁴⁾ — и въ знакъ особенной любви приславъ къ своему брату Московскому съ Вельможею Лачинъ-Бекомъ (въ Августѣ 1603 года) *златый тронъ древнихъ Государей Персидскихъ* ⁽⁸⁵⁾, вдругъ оказался нашимъ недругомъ за бѣдную Грузію: не споривъ съ Θεодоромъ, не споря и съ Борисомъ о правѣ именоваться ея верховнымъ Государемъ, хотѣлъ также безспорно властвовать надъ нею, и стиснулъ ее, какъ слабую жертву, въ своихъ рукахъ кровавыхъ.

Посольство
Персидское.

Царь Александръ не преставаъ жаловаться въ Москвѣ на бѣдственную долю ^{Пронс- шествіа}

въ Гру-
зін.

Иверіи. Послы его такъ говорили Боярамъ ⁽⁸⁶⁾ : «Мы плакали отъ невѣрныхъ, «и для того отдалися головами Царю православному, да защититъ насъ ; но плачемъ и нынѣ. Наши дома, церкви и монастыри въ развалинахъ, семейства въ плѣну, рамена подъ игомъ. То ли вы намъ общали? И невѣрные смѣются надъ Христіанами, спрашивая : гдѣ же щитъ Царя Бѣлаго? гдѣ вашъ заступникъ?» Борисъ велѣлъ напомнить имъ о походѣ Князя Хворостинина, съ коимъ должно было соединиться ихъ войско, и не соединилось ⁽⁸⁷⁾; однакожь послалъ въ Иверію двухъ сановниковъ, Нащокина и Леонтьева, узнать всѣ обстоятельства на мѣстѣ и съ Терскими Воеводами условиться въ мѣрахъ для ея защиты. Тамъ сдѣлалась перемѣна. Во время тяжелой болѣзни Александровой сынъ его, Давидъ, объявилъ себя Властителемъ : отецъ выздоровѣлъ, но сынъ уже не хотѣлъ возвратить ему знаковъ Державства : *Царской хоругви, шапки и сабли съ поясомъ* ⁽⁸⁸⁾. Сего мало : онъ злодѣйски умертвилъ всѣхъ ближнихъ людей Александровыхъ. Тогда несчастный отецъ, прибѣжавъ раздѣтый и босой въ церковь, рыдая, заливаясь отъ слезъ, всенародно предалъ сына анаѹемъ и гнѣву Божію, который дѣйствительно постигъ изверга : Давидъ въ незапной, мучительной болѣзни

испустилъ духъ, и Посланники наши возвратились съ извѣстіемъ, что Александръ снова царствуетъ въ Иверіи, но не достоинъ милости Государевой, будучи усерднымъ рабомъ Султана, и дерзая укорять Бориса алчностью къ дарамъ. «Мнѣ ли» — сказалъ Царь съ негодованіемъ — «мнѣ ли прельщаться дарами нищихъ, когда могу всю Иверію наполнить серебромъ и засыпать золотомъ?» Онъ не хотѣлъ-было видѣть новаго Посла Иверскаго, Архимандрита Кирилла; но сей умный старецъ ясно доказалъ, что Нащокинъ и Лесонтьевъ оклеветали Александра; сдѣлавъ еще болѣе: умолилъ Государя не казнить ихъ ⁽⁸⁹⁾, и далъ ему мысль, для будущаго вѣрнаго соединенія Грузіи съ Россією, построить каменную крѣпость въ Таркахъ, мѣстѣ неприступномъ, изобильномъ и красивомъ — другую на Тузлукѣ, гдѣ большое озеро соляное, много сѣры и селитры — а третью на рѣкѣ Буйнакѣ, гдѣ нѣкогда существовалъ городъ, будто бы Александромъ Македонскимъ основанный, и гдѣ еще стояли древнія башни среди садовъ виноградныхъ ⁽⁹⁰⁾.

Для сего предпріятія немаловажнаго Государь избралъ двухъ знатныхъ Воеводъ, Окольныхъ Бутурлина и Плещеева, которые должны были, взявъ полки въ Казани и въ Астрахани, дѣйствовать вмѣстѣ съ Терскими Воеводами и ждаты къ себѣ вспомогательной рати Иверской, клятвенно обѣщанной Посломъ отъ имени Александра. Не теряли времени и не жалѣли денегъ,

выдавъ изъ казны не менѣе трехъ сотъ тысячъ рублей на издержки похода столь отдаленнаго и труднаго ⁽⁹¹⁾. Войско, довольно многочисленное, выступило съ береговъ Терека (въ 1604 году) къ Каспійскому морю и видѣло единственно тылъ непріятеля. Шавкаль, уже старецъ ветхій, лишенный зрѣнія, бѣжалъ въ ущелья Кавказа, и Россіяне заняли Тарки. Не лъзя было найти лучшаго мѣста для строенія крѣпости: съ трехъ сторонъ высокія скалы могли служить ей вмѣсто твердыхъ стѣнъ; надлежало укрѣпить только отлогій скатъ къ морю, покрытый лѣсомъ, садами и нивами; въ горахъ были ключи и надѣляли жителей, посредствомъ многихъ трубъ, свѣжею водою. Тамъ, на высотѣ, гдѣ стоялъ дворецъ Шавкаловъ съ двумя башнями, Россіяне немедленно начали строить стѣну, имѣя все, для того нужное: лѣсъ, камень, известь; называли Тарки *Новымъ городомъ*; заложили крѣпость и на Тузлукѣ. Одни работали, другіе воевали, до Андріи или Эндрена и Теплыхъ Водъ, не встрѣчая важнаго сопротивленія; плѣнили людей въ селеніяхъ, брали хлѣбъ, отгоняли табуны и стада, но боялись недостатка въ съѣстныхъ припасахъ: для того, въ глубокую осень, Бутурлинъ послалъ тысячъ пять воиновъ зимовать въ Астрахань; къ счастію, они шли бережно: ибо сыновья Шавкаловы и Кумыки ждали ихъ въ пустыняхъ, напали смѣло, сражались мужественно, цѣлый день, а ночью бѣжали, оставивъ на мѣстѣ 3000 убитыхъ. О семъ крово-

пролитномъ дѣлѣ писали Воеводы въ Москву и къ Царю Иверскому, ожидая его войска по крайней мѣрѣ къ веснѣ, чтобы очистить всѣ горы отъ непріятеля, совершенно овладѣть Дагестаномъ и безпрепятственно строить въ немъ новыя крѣпости. Но не было слуха о вспомогательной рати, ни вѣстей изъ несчастной Грузіи. Александръ уже не обманывалъ Россіи: онъ погибъ, и за насъ!

Государь, отпустивъ Кирилла (въ Маѣ 1604) изъ Москвы, вмѣстѣ съ нимъ послалъ Дворянина *Ближней Думы*, Михайла Татищева, во-первыхъ для утвержденія Грузіи въ нашемъ подданствѣ, во-вторыхъ и для семейственнаго дѣла, еще тайнаго. Сей сановникъ (въ Августѣ 1604) не нашелъ Царя въ Загемѣ: Александръ былъ у Шаха, который строго велѣлъ ему явиться съ войскомъ въ станъ Персидскій, не взирая на имя Россійскаго данника, и не страшась оскорбить тѣмъ друга своего, Бориса. Сынъ Александровъ, Юрій, принялъ Татищева не только ласково, но и раболѣпно; славилъ величіе Московскаго Царя и плакалъ о бѣдномъ отечествѣ. «Никогда (говорилъ онъ) Иверія не «бѣдствовала ужаснѣе нынѣшняго: стоимъ подъ «ножами Султана и Шаха; оба хотятъ нашей «крови и всего, что имѣемъ. Мы отдали себя «Россіи: пусть же Россія возметъ насъ, не словомъ, а дѣломъ! Нѣтъ времени медлить: скоро «не кому будетъ здѣсь цѣловать креста въ без- «полезной вѣрности къ ея Самодержцу. Онъ

«могъ бы спасти насъ. Турки, Персіяне, Ку-
мыки силою къ намъ врываются; а васъ зо-
вемъ добровольно : придите и спасите! Ты ви-
дишь Иверію, ея скалы, ущелья, дебри : если
«поставите здѣсь твердыни и введете въ нихъ
«войско Русское, то будемъ истинно вапи, и
«цѣлы, и неубоимся ни Шаха, ни Султана» ⁽⁹²⁾.
Свѣдавъ, что Турки идутъ къ Загему, Юрій
убѣждалъ Татищева дать ему своихъ Стрѣль-
цевъ для битвы съ ними : умный Посолъ долго
колебался, опасаясь безъ указа Царскаго какъ
бы объявить войну Султану; наконецъ рѣшился
удостоверить тѣмъ Иверію въ дѣйствительномъ
правѣ Борисовомъ именоваться ея верховнымъ
Государемъ и далъ Юрію сорокъ Московскихъ
воиновъ, которые присоединились къ пяти или
шести тысячамъ Грузинскихъ, съ добрымъ Сот-
никомъ Михайломъ Семовскимъ; пошли вне-
реди (7 Октября) и встрѣтили Турковъ сильнымъ
залпомъ. Сей первый звукъ нашего оружія въ
пустыняхъ Иверскихъ изумилъ непріятеля : гу-
стая передовая толпа его вдругъ стала рѣже;
онъ увидѣлъ новый строй, новыхъ воиновъ;
узналъ Россіянь, и дрогнулъ, не зная ихъ ма-
лаго числа. Юрій съ своими ударилъ муже-
ственно, и болѣе гналъ, нежели сражался : ибо
Турки бѣжали не оглядываясь. Казалось, что въ
сей день воскресла древняя слава Иверіи : ея
воины взяли четыре хоругви Султанскія и мно-
жества плѣнниковъ. Въ слѣдующій день Юрій
одержалъ побѣду надъ хищными Кумыками,

явилъ народу трофеи, уже давно ему неизвѣстные, и всю честь приписалъ сподвижникамъ, горсти Россіянъ, славя ихъ какъ Героевъ.

Наконецъ Александръ возвратился изъ Персіи съ сыномъ Константиномъ, принявшимъ тамъ Магометанскую Вѣру ⁽⁹³⁾, какъ мы сказали. Аббасъ, самовластно располагая Иверією, велѣлъ Константину собрать ея людей воинскихъ, всѣхъ безъ остатка, и немедленно идти къ Шамахъ; далъ ему 2000 своихъ лучшихъ ратниковъ, нѣсколько Хановъ и Князей; далъ и тайное повелѣніе, отгаданное умнымъ Татищевымъ, который бесполезно остерегалъ Александра и Юрія, говоря, что дружина Персидская для нихъ еще опаснѣе, нежели для Турковъ; что Константинъ, измѣнивъ Богу Христіанскому, можетъ измѣнить и святымъ узамъ родства. Они не смѣли изъявить подозрѣнія, чтобы не разгнѣвать могущественнаго Шаха; исполняли его указъ, собирали войско и предали себя убійцамъ. Готовясь ѣхать на обѣдъ къ Александру (12 Марта), Татищевъ вдругъ слышитъ стрѣльбу во дворцѣ, крикъ, шумъ битвы; посылаетъ своего толмача узнать, что дѣлается — и толмачъ, входя во дворецъ, видитъ Персидскихъ воиновъ съ обнаженными саблями, на землѣ кровь, трупы и двѣ отсѣченныя головы, лежащія предъ Константиномъ: головы отца его и брата! Константинъ-Мусульманинъ, уже объявленный Царемъ Иверіи Христіанской, приказалъ къ Татищеву, что Александръ убитъ печаянно, а Юрій до-

стойно, какъ измѣнникъ Шаховъ и Государя Московскаго, другъ и слуга ненавистныхъ Турковъ; что сія казнь не перемѣняетъ отношеній Иверіи къ Россіи; что онъ, исполняя волю великаго Аббаса, брата и союзника Борисова, готовъ во всемъ усердствовать Царю Христіанскому. Но Татищевъ уже свѣдалъ истину отъ Вельможъ Грузинскихъ. Долго терпѣвъ связь Александрову съ Россіею, въ надеждѣ на содѣйствіе Царя въ войнѣ съ Оттоманами, Аббасъ, уже побѣдитель, не захотѣлъ болѣе терпѣть нашего, хотя и мнимаго господства въ землѣ, которая считалась достояніемъ его предковъ. Онъ вразумился въ систему Политики Борисовой; увидѣлъ, что мы, радуясь кровопролитію между имъ и Султаномъ, для себя избѣгаемъ онаго; велѣлъ сыну убить отца, будто бы за приверженность къ Туркамъ, но въ самомъ дѣлѣ за подданство Россіи, дерзкое и безразсудное для несчастнаго Александра ⁽⁹⁴⁾, который исканіемъ дальняго, невѣрнаго заступника раздражалъ двухъ ближнихъ утѣснителей. Будучи только орудіемъ Аббасовой мести и плакавъ всю ночь предъ совершеніемъ гнуснаго отцеубійства, Константинъ увѣрялъ Борисова Посла, что Шахъ не имѣлъ въ томъ участія. «Родитель мой» (говорилъ онъ) «сдѣлался жертвою междоусобія «сыновей: несчастіе весьма обыкновенное въ «нашей землѣ! Самъ Александръ извелъ отца «своего, убилъ и брата: я тоже сдѣлалъ, не «зная, къ добру ли, къ худу ли для свѣта. По

«крайней мѣрѣ буду вѣрнымъ моему слову и «заслужу милость Государя Россійскаго лучше «Александра и Юрія; благодаренъ ему за крѣпости, основанныя имъ въ землѣ Шавкаловой, «и скоро пришлю въ Москву богатые дары.» Татищевъ хотѣлъ не ковровъ и не тканей, а подданства; требовалъ отъ него клятвы въ вѣрности къ Россіи, и доказывалъ, что Царемъ Иверіи можетъ быть единственно Христіанинъ. Константинъ отвѣчалъ, что до времени останется Мусульманиномъ и подданнымъ Шаховымъ, но будетъ защитникомъ Христіанства и другомъ Россіи — прибавивъ: «гдѣ твердый «вашъ *хребетъ*, на который мы въ случаѣ нужды «могли бы опереться?» Съ симъ Татищевъ долженъ былъ выѣхать изъ Загема, торжественно объявивъ, что Борисъ не уступаетъ Иверіи Шаху, и что Аббасъ, самовластно казнивъ Александра рукою Константина, нарушилъ счастливое дружество, которое дотолѣ существовало между Персіею и Россіею. — Однимъ словомъ, мы лишились Царства: то есть, права называть его своимъ; но Татищевъ, не выѣзжая изъ Грузіи, нашелъ другое Царство для титула Борисова!»

Видя юнаго Θεодора уже близкаго къ совершенному возрасту и снова предложивъ руку дочери Датскому Принцу ⁽⁹⁵⁾, но желая на всякій случай имѣть для нее другаго мужа въ готовности, Борисъ искалъ вдругъ и невѣсты и жениха въ отечествѣ славной Тамари, знаменитой су-

ируги Георгія Андреевича Боголюбскаго. Посолъ Александровъ, Кириллъ, хвалилъ нашимъ Боярамъ красоту Иверскаго Царевича, Давидова сына, Теймураса, и Княжны или Царевны Карталинской, Елены, внуки Симеоновой: Татищеву вельно было видѣть ихъ; онъ не нашелъ Теймураса, отданнаго Шаху въ аманаты, и поѣхалъ въ Карталинѣю, видѣть семейство ея Владѣтеля. Сія область древней Иверіи, менѣе подверженная набѣгамъ Дагестанскихъ Кумыковъ, представляла и менѣе развалинъ, нежели Восточная Грузія или Кахетія. Тамъ господствовалъ отецъ Еленинъ, Князь Юрій, послѣ Симеона, взятаго въ плѣнъ Турками: онъ имѣлъ своихъ Князей присяжниковъ (Сонскаго и другихъ), многочисленныхъ *царедворцевъ*, Бояръ и *Святителей*; угостилъ Татищева въ шатрахъ, и съ изъявленіемъ благодарности выслушалъ его предложенія: первое, чтобы Юрій поддался Россіи; второе, чтобы отпустилъ съ нимъ въ Москву Елену и ближняго родственника своего, юнаго Князя Хоздроя, *если* они имѣютъ все достоинства, нужныя для чести вступить въ семейство Борисово. «Сія честь велика,» сказалъ усердный Посолъ: «Императоръ и Короли Шведскій, Датскій, Французскій искали ее ревностно.» Судьба Александрова ужасала Юрія; но Татищевъ возражалъ, что сей несчастный погубилъ себя криводушіемъ, хотѣвъ служить вѣрность Царямъ вѣрному и невѣрному, къ досадѣ обоихъ. «Желая угодить Аббасу (говорилъ онъ),

«Александръ не далъ намъ войска, чтобы истре-
«бить Шавкала; оставилъ сына въ Персіи и доз-
«волилъ ему быть Магометаниномъ, то есть,
«острить ножъ на отца и Христіанство; сослалъ
«туда и внука, узнавъ о намѣреніи Государя
«выдать за него Царевну Ксенію: ибо стра-
«шилися, чтобы Теймурасъ не взялъ Грузіи въ
«приданое за Царевною; но могъ ли Великій
«Царь нашъ разлучиться съ нею для бѣднаго
«престола Загемскаго, имѣя у себя многія зна-
«менитѣйшія Княжества въ Удѣлѣ милому зятю?
«Александръ палъ, ибо не *прямилъ* Россіи, и не
«стоялъ ея спянаго вспоможенія.» Сорокъ Мо-
сковскихъ Стрѣльцевъ спасли Загемъ: Тати-
щевъ обязался немедленно прислать въ Карта-
линію изъ Терской крѣпости 150 храбрѣйшихъ
воиновъ, какъ передовую дружину, для безо-
пасности будущаго свата Борисова — и Юрій
съ обрядами священными называлъ себя Россій-
скимъ даникомъ. Тѣмъ болѣе желая родствен-
наго союза съ Царемъ, онъ представилъ на судъ
Татищеву жениха и невѣсту, сказавъ: «Отдаюсь
«Россіи и съ Царствомъ и съ душею. Князь
«Хоздрой воспитанъ моею матерью вмѣстѣ со
«мною и служить миѣ правою рукою въ дѣлахъ
«ратныхъ; когда онъ въ полѣ, тогда могу быть
«спокоенъ дома. Дѣтей у меня двое: сынъ мое
«око, а дочь сердце: веселюсь ими и въ бѣд-
«ствіяхъ нашего отечества; но не стою за Еле-
«ну, когда такъ угодно Богу и Государю Россій-
«скому.» Въ донесеніи Царю, о женихѣ и невѣ-

стѣ, Татищевъ пишетъ : «Хоздрою 23 года отъ
«рожденія; онъ высокъ и строенъ; лице у него
«красиво и чисто, но смугло; глаза свѣтлые ка-
«ріе, носъ съ горбиною, волосы темнорусые,
«усъ тонкій; бороду уже брѣшетъ; въ разговорахъ
«уменъ и рѣчистъ; знаетъ языкъ Турецкій и
«грамоту Иверскую; однимъ словомъ, хорошъ,
«но не отлеченъ; вѣроятно, что полюбится, но
«не вѣрно Елену видѣлъ я въ шатрѣ у Ца-
«рицы : она сидѣла между матерью и бабкою на
«золотомъ коврѣ и жемчужномъ изголовьѣ, въ
«бархатной одеждѣ съ кружевами, въ шапкѣ
«украшенной камнями драгоцѣнными. Отецъ
«велѣлъ ей встать, снять съ себя верхнюю одеж-
«ду и шапку; вымѣрилъ ея ростъ деревцомъ и
«подалъ мнѣ сію мѣрку, чтобы сличить съ дан-
«ною отъ Государя. Елена прелестна, но не чрез-
«вычайно : бѣла и еще нѣсколько бѣлится; глаза
«у нее черные, носъ не большой, волосы кра-
«шеные; станомъ пряма, но слишкомъ тонка отъ
«молодости : ибо ей только 10 лѣтъ; и въ лицѣ
«не довольно полна. Старшій братъ Еленинъ
«гораздо благовиднѣе.» Татищевъ хотѣлъ везти
въ Москву невѣсту и жениха, говоря, что пер-
вая будетъ жить до совершенныхъ лѣтъ у Ца-
рицы Маріи, учиться языку и навикать обы-
чаямъ Русскимъ. Отпустивъ съ нимъ Хоздрою,
Юрій удержалъ Елену до новаго Посольства
Царскаго, и тѣмъ избавилъ себя отъ слезъ раз-
луки безполезной : ибо Елена уже не шла бы въ
Москвѣ своего жениха злосчастнаго! Татищевъ

долженъ былъ оставить и Хоздроя, для его безопасности, въ землѣ Сонской, узнавъ, что случилось въ Дагестанѣ, гдѣ Турки отместили намъ съ лихвою за героичество Московскихъ Стрѣльцевъ въ Иверіи, и гдѣ въ нѣсколько дней мы лишились всего, кромѣ добраго имени воинскаго!

Б ѣ л-
ствіе
Россі-
янъ въ
Даге-
станѣ.

Отношенія Россіи къ Константинополю были странны: Турки въ Іоанново время безъ объявленія войны приступали къ Астрахани, а въ Феодорово и къ самой Москвѣ подъ знаменами Крыма; а Цари еще увѣряли Султановъ въ дружелюбіи ⁽⁹⁶⁾, удивляясь симъ непріятельскимъ дѣйствіямъ какъ ошибокъ или недоразумѣнію. Утѣсненный нами Шавкалъ, тщетно ожидавъ вспоможенія отъ Аббаса, искалъ защиты Магомета III, который велѣлъ Дербентскому и другимъ Пашамъ своимъ въ областяхъ Каспійскихъ изгнать Россіянъ изъ Дагестана. Турки соединились съ Кумыками, Лезгинцами, Аварамъ, и весною въ 1605 году подступили къ Койсѣ, гдѣ начальствовалъ Князь Владиміръ Долгорукій, имѣя мало воиновъ: ибо полки, ушедшіе зимовать въ Астрахань, еще не возвратились. Долгорукій зажегъ крѣпость, сѣлъ на суда и моремъ приплылъ въ городокъ Терскій ⁽⁹⁷⁾; а Паши осадили Бутурлина въ Таркахъ. Сей Воевода, уже старецъ лѣтами, славился доблестію: худо

ограждаемый стѣною, еще недостроенною, онъ терялъ много людей, но отразилъ нѣсколько приступовъ. Часть стѣны разрушилась, и каменная башня, подорванная осаждающими, взлетѣла на воздухъ съ лучшею дружиною Московскихъ Стрѣльцевъ ⁽⁹⁸⁾. Бутурлинъ еще мужествовалъ, однакожь видѣлъ невозможность спасти городъ, слушалъ предложенія Султанскихъ чиновниковъ, колебался, и наконецъ, вопреки мнѣнію своихъ товарищей, рѣшился спасти хотя одно войско. Главный Паша самъ былъ у него въ ставкѣ, пировалъ и клялся ему выпустить Россіянъ съ честію, съ доспѣхами, и надѣлать всѣми нужными запасами. Но вѣроломные Кумыки, давъ нашимъ свободный путь изъ крѣпости до стени, вдругъ окружили ихъ и начали страшное кровопролитіе. Пишутъ, что добрые Россіяне единодушно обрекли себя на славную гибель; бились съ непріателемъ злымъ и многочисленнымъ въ рукопашь, человекъ съ человекомъ, одинъ съ тремя, боясь не смерти, а плѣна. Изъ первыхъ, въ глазахъ отца, палъ сынъ главнаго начальника, Бутурлина, прекрасный юноша; за нимъ его старецъ-родитель; также и Воевода Плещеевъ съ двумя сыновьями, Воевода Полевъ, и всѣ, кромѣ тяжело-уязвленнаго Князя Владиміра Бахтѣярова и другихъ немногихъ, взятыхъ за-мертво непріателемъ, по послѣ освобожденныхъ Султаномъ. — Сія битва несчастная, хотя и славная для побѣжденныхъ, стояла намъ отъ шести до семи тысячъ воиновъ,

и на 118 лѣтъ изгладила слѣды Россійскаго владѣнія въ Дагестанѣ.

Татищевъ возвратился уже въ новое царствованіе ⁽⁹⁹⁾ и Борисъ, не имѣвъ времени узнать о возведеніи отцеубійцы-Мусульманина на престолъ Иверіи, до конца дней своихъ былъ другомъ Аббасу, какъ врагу явнаго, опаснаго врага нашего, Султана, противъ коего мы ревностно возбуждали тогда и Азію и Европу.

Въ самыхъ переговорахъ съ Англіею Борисъ изъявлялъ желаніе, чтобы всѣ Христіанскія Державы единодушно возстали на Оттоманскую. «Не только Послы Императора и Римскіе» ⁽¹⁰⁰⁾ — писалъ онъ къ Елисаветѣ — «но и другіе иноземные путешественники увѣряли насъ, что ты «будто бы въ тѣсной связи съ Султаномъ: «мы дивились и не вѣрили. Нѣтъ, ты не «будешь никогда дружить злодѣямъ Христіанства, и конечно пристанешь къ общему союзу Государей Европейскихъ, «чтобы унижить высокую руку невѣрныхъ: «цѣль достойная тебя и всѣхъ насъ!» Но Елисавета имѣла въ виду только выгоды своего купечества, и для того ласкала самолюбію Царя знаками чрезвычайнаго къ нему уваженія. Посланника нашего, Дворянина Микулина, встрѣтили въ Лондонѣ съ необыкновенною честію: въ гавани и въ крѣпости стрѣляли изъ пушекъ, когда

Друже-
ство
съ Ан-
гліею.

виъ (18 Сент. 1600) плыль Темзою и ѣхалъ городомъ въ Елисаветиноу каретѣ, провождаемой тремя стами чиновныхъ всадниковъ, Алдерманами, купцами въ богатомъ нарядѣ, въ золотыхъ цѣпяхъ ⁽¹⁰¹⁾. Улицы были тѣсны для множества зрителей. Знаменитому гостю, въ одномъ изъ лучшихъ домовъ Лондона, служили Королевины люди: Елисавета прислала ему изъ своей казны блюда, чаши и кубки серебряные. Угадывали и сиѣшили исполнять его желанія; но онъ велъ себя умно и скромно: за все благодарилъ и ничего не требовалъ. Представленіе было въ Ричмондѣ (14 Октября): Елисавета встала съ мѣста и нѣсколько шаговъ ступила на встрѣчу Посланнику; славилъ воцареніе Бориса, своего *брата сердечнаго, издавна милостиваго къ Англичанамъ*; говорила, что *ежедневно молится о немъ Богу*; что имѣетъ друзей между Государями Европейскими, но никого изъ нихъ не любить столь вседушно, какъ Самодержца Россійскаго ⁽¹⁰²⁾; что одно изъ ея главныхъ удовольствій есть исполнять его волю. Микулинъ обѣдалъ у Королевы, и только одинъ сидѣлъ съ нею: Лорды и знатные чиновники не сажались; она стоя пила *чашу Борисову*. Приглашаемый быть зрителемъ всего любопытнаго, Посланникъ нашъ видѣлъ Рыцарскія игры въ день восшествія на престолъ Елисаветы, праздникъ Орденскій Св. Георгія, богослуженіе въ церкви Св. Павла и торжественный въѣздъ Королевы въ Лондонъ, ночью, при свѣтѣ факеловъ и звукѣ

трубъ, со всѣми Перами и царедворцами, среди безчисленнаго множества гражданъ, исполненныхъ усердія и любви къ своей Монархинѣ. Елисавета вездѣ благодарила Микулина за его присутствіе, и въ ласковыхъ съ нимъ бесѣдахъ никогда не забывала хвалить Бориса и Россіянъ. Плѣненный ея милостями, сей Посланникъ имѣлъ случай оказать ей свое усердіе. Въ день ужасный для Лондона (18 Февраля 1601), когда несчастный Эссексъ, дерзнувъ объявить себя мятежникомъ, съ пятьюстами преданныхъ ему людей шелъ овладѣть крѣпостію — когда всѣ улицы, замкнутыя цѣпями, наполнились воинами и гражданами въ доспѣхахъ — Микулинъ вмѣстѣ съ вѣрными Англичанами вооружился для спасенія Елисаветы, какъ сама она, утишивъ бунтъ, писала къ Царю, славя доблесть его сановника ⁽¹⁰³⁾. — Однимъ словомъ, сіе Посольство утвердило личное дружество между Борисомъ и Королевою. Хотя Елисавета, будучи врагомъ Испаніи и Австріи, не могла принять мысли Борисовой о новомъ Крестовомъ Походѣ или союзѣ всѣхъ Державъ Христіанскихъ для изгнанія Турковъ изъ Европы, но удостовѣрила его въ томъ, что никогда не мыслила о вспоможеніи Султану, и что ревностно желаетъ успѣха Христіанскому оружію. Царь имѣлъ и другое сомнѣніе: онъ слышалъ, что Англія благопріятствуетъ Сигизмунду въ войнѣ съ Шведскимъ Правителемъ; но Елисавета старалась доказать ему, что и Вѣра и Политика предписываютъ ей

усердствовать Карлу. Довольный сими объясненіями, Борисъ далъ новую жалованную грамоту Англичанамъ для свободной, безпошлинной торговли въ Россіи, съ особеннымъ благоволеніемъ принявъ Посланника Елисаветина, Ричарда Ли⁽¹⁰⁴⁾, коего главнымъ дѣломъ было увѣрить Царя въ ея дружбѣ и величать его добродѣтели. «Вселенная полна славы твоей,» писалъ къ нему Ли, выѣзжая изъ Россіи: «ибо ты, сильнѣйшій «изъ Монарховъ, доволенъ своимъ, не желая «чужаго. Враги хотятъ быть съ тобою въ мирѣ «отъ страха, а друзья въ союзѣ отъ любви и «довѣренности. Когда бы все Христіанскіе Вѣн- «ценосцы мыслили подобно тебѣ, тогда бы цар- «ствовала тишина въ Европѣ, и ни Султанъ, ни «Папа не могли бы возмутить ея спокойствія.» Узнавъ, что Борисъ имѣетъ намѣреніе женить сына, Королева (въ 1603 году) предлагала ему руку знатной, одиннадцатилѣтней Англичанки, украшенной рѣдкими прелестями и достоинствами; вызывалась немедленно прислать живописное изображеніе сей и другихъ красавицъ Лондонскихъ, и желала, чтобы Царь до того времени не искалъ другой супруги для юнаго Теодора. Но Борисъ хотѣлъ прежде знать, кто невѣста, и родня ли Королевѣ, увѣряя, что многіе великіе Государи требуютъ чести соединить бракомъ дѣтей своихъ съ его семействомъ. Кончина Елисаветы, столь знаменитой въ лѣтонисяхъ Британскихъ, достопамятной и въ нашей Исторіи долговременною пріязнью къ Россіи,

устранила дѣло о сватовствѣ, не прервавъ дружественной связи между Англією и Царемъ. Новый Король, Іаковъ I ⁽¹⁰⁵⁾, не замедлилъ извѣстить Бориса о соединеніи Шотландіи съ Англією, и писалъ: «наслѣдовавъ престолъ моей «тетки, желаю наслѣдовать и твою къ ней любовь.» Посолъ Іакова, Оома Смитъ, (въ Октябрѣ 1604) представивъ Борису въ даръ великолѣпную карету и нѣсколько сосудовъ серебряныхъ ⁽¹⁰⁶⁾, сказалъ ему, что «Король, Англіійскій и Шотландскій, сильный воинствомъ, морскимъ и сухопутнымъ, еще сплѣнѣйшій любовію народною, только одного Московскаго Вѣнценосца просить о дружбѣ: ибо всѣ иные Государя Европейскіе сами ищутъ въ Іаковѣ; что онъ имѣетъ двоякое право на сію дружбу, требуя оной въ память великой Елисаветы и своего незабвеннаго шурина, Датскаго Герцога Іоанна, коего Царь любилъ столь нѣжно и столь горестно оплакалъ.» Борисъ сказалъ, что ни съ однимъ изъ Монарховъ не былъ онъ въ такой сердечной любви, какъ съ Елисаветою, и что желаетъ навсегда остаться другомъ Англіи. Сверхъ права торговать безошлинно во всѣхъ нашихъ городахъ, Іаковъ требовалъ свободнаго пропуска Англичанъ чрезъ Россію въ Персію, въ Индію и въ другія Восточныя земли для отысканія пути въ Китай, ближайшаго и вѣрнѣйшаго, нежели моремъ, около мыса Доброй Надежды, къ обоюдной пользѣ Англіи и Россіи, изъясняя, что драгоцѣнности, перевозимыя купцами изъ земли

въ землю, оставляютъ на пути слѣды золотые. Бояре удостовѣрили Посла въ неизмѣнной силѣ милостивыхъ грамотъ, данныхъ Царемъ гостямъ Лондонскимъ, но объявляя, что жестокая война пылаетъ на берегахъ Каспійскаго моря; что Аббасъ приступаетъ къ Дербенту, Бакѣ и Шамахѣ; что Царь до времени не можетъ пустить туда Англичанъ, для ихъ безопасности. Съ такимъ отвѣтомъ Смитъ выѣхалъ изъ Москвы (20 Марта 1605). Уже не было рѣчи о государственномъ союзѣ Англіи съ Россією; одна торговля служила твердою связію между ими, будучи равно выгодною для обѣихъ.

Предпочтительно благопріятствуя сей торговлѣ, какъ важнѣйшей для Россіи, Борисъ не усомнился однакожь дать и Нѣмецкимъ гостямъ права новыя. Еще не довольная Феодоровою жалованною грамотою, Ганза прислала въ Москву Любскаго Бургомистра Гермерса, трехъ Ратсгеровъ и Секретаря своего, которые (3 Апрѣля 1603) поднесли въ даръ Государю и сыну его литыя серебряныя, вызолоченныя изображенія Фортуны, Венеры, двухъ большихъ орловъ, двухъ коней, льва, единорога, носорога, оленя, струса, пеликана, грифа и павлина ⁽¹⁰⁷⁾. Купцевъ приняли какъ знатнѣйшихъ Вельможъ; угостили обѣдомъ на золотѣ. Отъ имени пятидеся-

ти-девяти Нѣмецкихъ союзныхъ городовъ они вручили Боярамъ *челобитную*, писанную убѣдительно и смиренно. Въ ней было сказано, что древность ихъ торговли въ нашемъ отечествѣ исчисляется не годами, а столѣтіями; что въ самыя отдаленныя времена, когда Англичане, Голландцы, Французы едва знали имя Россіи, Ганза доставляла ей все пужное и пріятное для жизни гражданской, и за то искони пользовалась благоволеніемъ *Державныхъ предковъ Царя*, правами и выгодами исключительными: о возвращеніи сихъ правъ молила Ганза, славя Бориса; желала торговли безпошлинной; хотѣла, чтобы онъ дозволилъ ей свободно купечествовать и въ пристаняхъ Сѣвернаго моря, въ Коломогорахъ, въ Архангельскѣ, и далъ гостинныя двory въ Новѣгородѣ, Псковѣ, Москвѣ, съ правомъ имѣть тамъ церкви, какъ въ старину бывало; требовала ямскихъ лошадей для перевоза своихъ товаровъ изъ мѣста въ мѣсто, и проч. Царь сказалъ, что въ Россіи берутъ таможенную пошлину съ купцовъ Императора, Королей Испанскаго, Французскаго, Литовскаго, Датскаго; что жители вольныхъ Нѣмецкихъ городовъ должны платить ее, какъ и всѣ, но что половина ея, въ знакъ милости, уступается Любчанамъ ⁽¹⁰⁸⁾: ибо другіе Нѣмцы суть подданные разныхъ Властителей, для коихъ ничто не обязываетъ насъ быть столь безкорыстными; что одни же Любчане избавляются отъ всякаго таможеннаго осмотра, сами заявляя и цѣня свои

товары по совѣсти; что Ганзѣ дозволяется торговать въ Архангельскѣ, также купить или завести гостивые дворы въ Новѣгородѣ, Псковѣ и Москвѣ своимъ иждивеніемъ, а не Государевымъ; что всякая Вѣра терпима въ Россіи, но строить церквей не дозволяется ни Католикамъ, ни Лютеранамъ, и что въ семъ отказано знатнѣйшимъ Вѣнценосцамъ Европы, Императору, Королевѣ Елисаветѣ и проч.; что ямы учреждены въ Россіи не для купечества, а единственно для гонцевъ Правительства и для Пословъ чужеземныхъ. Въ такомъ смыслѣ написали жалованную грамоту (5 Іюня), съ прибавленіемъ, что имѣніе гостей, умирающихъ въ Россіи, неприкосновенно для Казны и въ цѣлости отдается ихъ наслѣдникамъ; что Нѣмцы въ домахъ своихъ могутъ держать вино Русское, пиво и медъ для своего употребленія, а продавать единственно чужеземныя вина, въ куфахъ или въ бочкахъ, но не ведрами и не въ стопы. — Съ сею жалованною грамотою Послы выѣхали въ Новгородъ, представили ее тамъ Воеводѣ, Князю Буйносову-Ростовскому, и требовали мѣста для строенія домовъ и лавокъ; но Воевода ждалъ еще особеннаго указа, и долго, такъ, что они, лишась терпѣнія, уѣхали во Псковъ, гдѣ были счастливѣе: градоначальникъ немедленно отвелъ имъ, на берегу рѣки Великой, внѣ города, мѣсто стараго гостинаго двора Нѣмецкаго, то есть, его развалины, памятникъ древней цвѣтущей торговли въ знаменитой Ольгиной родинѣ. Жи-

тели радовались не менѣе Любчанъ, вспоминая преданія о счастливомъ союзѣ ихъ города съ Ганзою; но минувшее уже не могло возвратиться, отъ переменъ въ отношеніяхъ Ганзы къ Европѣ и Пскову къ Россіи. Оставивъ повѣренныхъ, чтобы изготovitъ все нужное для заведенія Конторы въ Новѣгородѣ и Псковѣ, Гермерсъ и товарищи его спѣшили обрадовать Любекъ успѣхомъ своего дѣла — и въ 1604 году корабли Гамбургскіе уже начали приходить въ Архангельскъ ⁽¹⁰⁹⁾.

Между Европейскими Посольствами замѣтимъ еще Римскія и Флорентійское. Въ 1601 году были въ Москвѣ Нунціи Кли-
мента VIII, Францискъ Коста и Дидакъ ^{Посольства Римскія и Флорентійское.} Миранда, а другіе въ 1603 году, требуя дозволенія ѣхать въ Персію ⁽¹¹⁰⁾: Царь велѣлъ имъ дать суда, чтобы плыть Волгою въ Астрахань. — Фердинандъ, Великій Герцогъ Тосканскій и Флорентійскій, одинъ изъ знаменитыхъ Властителей славнаго рода Медичисовъ, великодушный другъ Генрика IV, присылалъ къ Борису (въ Мартѣ 1602) чиновника Авраама Люса, съ предложеніемъ своихъ услугъ для вызова въ Россію людей ученыхъ, художниковъ, ремесленниковъ, и для доставленія ей богатыхъ естественныхъ произведеній Италіи, особенно мрамора и дерева драгоцѣннаго, моремъ чрезъ наши Двинскія гавани ⁽¹¹¹⁾.

Греки
въ Мо-
скавѣ.

Не имѣя никакого сношенія съ Магометомъ III, ни съ его наслѣдникомъ, Ахметомъ I ⁽¹¹²⁾, мы узнавали всѣ происшествія Константинопольскія отъ Греческихъ Святителей, которые непрестанно являлись въ Москвѣ за милостынею, съ иконами и съ благословеніемъ Патріарховъ. Еще Іоаннъ далъ Аѳонской Введенской Обители дворъ въ Китаѣ-городѣ у монастыря Богоявленскаго, гдѣ приставали ея странники-Иноки и другіе Греки, искавшіе службы въ Россіи ⁽¹¹³⁾. Извѣстія сихъ нашихъ ревностныхъ единовѣрцевъ о затрудненіяхъ и худомъ внутреннемъ состояніи Оттоманской Имперіи удостовѣряли Бориса въ безопасности съ ея стороны, по крайней мѣрѣ на нѣсколько времени.

Дѣла
Ногай-
скія.

Государственная хитрость Борисова, по словамъ Лѣтописца, всего успѣшнѣе дѣйствовала въ Ногайскихъ Улусахъ, ослабленныхъ и разоренныхъ междоусобіемъ ихъ Властителей, коихъ будто бы ссорили Намѣстники Астраханскіе ⁽¹¹⁴⁾. Вопреки Лѣтописцу, бумаги государственныя представляютъ Бориса миротворцемъ Ногаевъ, по крайней мѣрѣ главнаго ихъ Улуса, Волжскаго или Уральскаго, который со временъ знаменитаго отца Сююнбеки, Юсуфа, имѣлъ всегда одного Князя и трехъ чиновниковъ-Властителей: Нурадына, Тайбугу и Кокувата ⁽¹¹⁵⁾, но тогда повиновался

двумъ Князьямъ, Иштереку, сыну Тинъ-Ахматову, и Янараслану, Урусову сыну, исполненнымъ ненависти другъ ко другу. На приказъ Борисовъ, чтобы они жили въ любви и въ братствѣ, Янарасланъ отвѣчалъ : «Царь Московскій «желаетъ чуда : велитъ овцамъ дружить съ «волками и пить воду изъ одной проруби!» Бояринъ Семень Годуновъ, уполномоченный Царемъ, пріѣхалъ въ Астрахань, собралъ тамъ (въ Ноябрь 1604) Ногайскихъ Вельможъ, объявилъ Иштерека первымъ или старѣйшимъ Княземъ и взялъ съ него клятвенную грамоту въ томъ , чтобы ему и всему Исмаилову племени служить Россіи и биться съ ея врагами до послѣдняго издыханія , не давать никому Княжескаго и Нурадынскаго достоинства безъ утвержденія Государева , не имѣть войны междоусобной , не сноситься съ Шахомъ , Султаномъ , Ханомъ Крымскимъ , Царями Бухарскимъ и Хивинскимъ , *Ташкентцами* , Ордою Киргизскою , Шавкаломъ и Черкесами — кочевать въ степяхъ Астраханскихъ у моря, по Тереку, Кумѣ и Волгѣ около Царицына — перезвать къ себѣ Улусъ Казыевъ или овладѣть имъ , чтобы отъ моря Чернаго до Каспійскаго и далѣе , на Востокъ и Сѣверъ , не было въ степяхъ иной Орды Ногайской , кромѣ Иштерековой, вѣрной Царю Московскому. Улусъ Казыевъ , отдѣляясь отъ Волжскаго и кочуя близъ Азова съ своимъ Княземъ Барангазыемъ , зависѣлъ отъ Турковъ и Крымцевъ , часто искалъ милости въ Царѣ, обѣ-

шалъ служить Россіи, вѣроломствовалъ и грабилъ въ ея владѣніяхъ: чтобы унять или совершенно истребить его, Борисъ велѣлъ Донскимъ Козакамъ помогать Иштереку, и приславъ ему въ даръ богатую саблю, писалъ: «она будетъ или на шеѣ злодѣевъ Россіи или на твоей собственной.» Сей Князь исполнилъ условіе и непрестанно тѣснилъ Ногаевъ Азовскихъ, такъ, что многіе изъ нихъ сдѣлались нищими и продавали дѣтей своихъ въ Астрахани. — Третій Ногайскій Улусъ ⁽¹¹⁶⁾, именуясь *Алтаульскимъ*, занималъ степи въ окрестностяхъ Синяго моря или Арала, и находился въ тѣсной связи съ Бухаріею и съ Хивою: Иштерекъ долженъ былъ также склонять его Мурзъ къ подданству Россійскому, соединенному съ важною выгодною въ торговлѣ: Борисъ, дозволяя вѣрнымъ Ногаямъ мирно купечествовать въ Астрахани, освобождалъ ихъ отъ всякой пошлыны.

Дѣла
внутреннія.

Представивъ въ семъ обзорѣніи важнѣйшія дѣйствія Борисовой Политики, Европейской и Азіятской — Политики вообще благоразумной, не чуждой властолюбія, но умѣреннаго: болѣе *охранительной*, нежели *стяжательной* — представимъ дѣйствія Борисовы внутри Государства, въ законодательствѣ и въ гражданскомъ образованіи Россіи.

Въ 1599 году Борисъ, въ знакъ любви къ Патріарху Іову, возобновилъ жалованную грамоту, данную Іоанномъ Митрополиту Аѳанасію, такого содержанія, что всѣ люди Первосвятителя, его монастыри, чиновники, слуги и крестьяне ихъ освобождаются отъ вѣдомства Царскихъ Боярѣ, Намѣстниковъ, Волостелей, Тіуновъ, и не судятся ими ни въ какихъ преступленіяхъ, кромѣ душегубства, завися единственно отъ суда Патріаршаго; увольняются также отъ всякихъ податей казенныхъ. Сіе древнее государственное право нашего Духовенства оставалось неизмѣннымъ и въ царствованіе Василия Шуйскаго, Михаила и сына его ⁽¹¹⁷⁾.

Законъ объ укрѣпленіи сельскихъ работниковъ, цѣлю свою благопріятный для владѣльцевъ среднихъ или избыточныхъ, какъ мы сказали ⁽¹¹⁸⁾, имѣлъ однакожь и для нихъ вредное слѣдствіе, частыми побѣгами крестьянъ, особенно изъ селеній мелкаго Дворянства: владѣльцы искали бѣглецовъ, жаловались другъ на друга въ ихъ укрывательствѣ, судились, разорялись ⁽¹¹⁹⁾. Зло было столь велико, что Борисъ, не желая совершенно отмѣнить закона благонамѣреннаго, рѣшился объявить его только временнымъ, и въ 1601 году снова дозволилъ земледѣльцамъ господъ малочинныхъ, Дѣтей Боярскихъ

Жалованная грамота Патріарху.

Законъ о крестьянахъ.

и другихъ , вездѣ , кромѣ одного Московскаго Уѣзда , переходить въ извѣстный срокъ отъ владѣльца къ владѣльцу *того же состоянія*, но не всѣмъ вдругъ, и не болѣе, какъ по два вмѣстѣ ; а крестьянамъ Боярѣ, Дворянѣ, знатныхъ Дьяковъ, и казеннымъ, Святительскимъ , монастырскимъ вельфъ остаться безъ перехода на означенный 1601 годъ ⁽¹²⁰⁾. Увѣряютъ, что измѣненіе устава древняго и нетвердость новаго , возбуждивъ негодованіе многихъ людей, имѣли вліяніе и на бѣдственную судьбу Годунова ; но сіе любопытное сказаніе Историковъ XVIII вѣка ⁽¹²¹⁾ не основано на извѣстіяхъ современниковъ, которые единогласно хвалятъ мудрость Бориса въ дѣлахъ государственныхъ.

Хвалили его также за ревность искоренять грубые пороки народа. Несчастливая страсть къ крѣпкимъ напиткамъ, болѣе или менѣе свойственная всѣмъ народамъ Сѣвернымъ, долгое время была осуждаема въ Россіи единственно учителями Христіанства и мнѣніемъ людей нравственныхъ. Іоаннъ III и внукъ его хотѣли ограничить сея неумѣренность закономъ, и наказывали оную какъ гражданское преступленіе ⁽¹²²⁾. Можетъ быть, не столько для умноженія Царскихъ доходовъ, сколько для обузданія невоздержныхъ, Іоаннъ IV налагалъ пошлину на вареніе пива и меда. Въ Θεодорово время существовали въ большихъ городахъ

казенные питейные дома, гдѣ продавалось и вино хлѣбное ⁽¹²³⁾, неизвѣстное въ Европѣ до XIV вѣка; но и многіе частные люди торговали крѣпкими напитками, къ распространенію пьянства: Борисъ строго запретилъ сію вольную продажу, объявивъ, что скорѣе помилуется вора и разбойника, нежели корчемниковъ; убѣждалъ ихъ жить инымъ способомъ и честными трудами; обѣщалъ дать имъ земли, если они желаютъ заняться хлѣбопашествомъ ⁽¹²⁴⁾: но хотѣвъ тѣмъ, какъ пишутъ, воздержать народъ отъ страсти равно вредной и гнусной, Царь не могъ истребить корчемства, и самые казенные питейные дома, наперывъ откупаемые за высокую цѣну, служили мѣстомъ разврата для людей слабыхъ.

Въ усердной любви къ гражданскому образованію Борисъ превзошелъ всѣхъ древнѣйшихъ Вѣнценосцевъ Россіи, имѣвъ намѣреніе завести школы и даже *Университеты* ⁽¹²⁵⁾, чтобы учить молодыхъ Россіянъ языкамъ Европейскимъ и *Наукамъ*: въ 1600 году онъ посылалъ въ Германію Нѣмца, Іоанна Крамера, уполномочивъ его искать тамъ и привезти въ Москву Профессоровъ и Докторовъ. Сія мысль обрадовала въ Европѣ многихъ ревностныхъ друзей просвѣщенія: одинъ изъ нихъ, учитель Правъ, именемъ Товіа Лонціусъ, писалъ

Любовь
Борисова къ
просвѣщенію
и къ
инозем-
цамъ.

къ Борису (въ Генварѣ 1601): «Ваше Царское Величество хотите быть истиннымъ отцемъ отечества и заслужить всемірную, безсмертную славу. Вы избраны Небомъ совершить дѣло великое, новое для Россіи: просвѣтитъ умъ вашего народа несмѣтнаго, и тѣмъ возвыситъ его душу вмѣстѣ съ государственнымъ могуществомъ, слѣдуя примѣру Египта, Греціи, Рима и знаменитыхъ Державъ Европейскихъ, цвѣтущихъ Искусствами и Науками благородными.» Сіе важное намѣреніе не исполнилось, какъ пишутъ, отъ сильныхъ возраженій Духовенства, которое представило Царю, что Россія благоденствуетъ въ мирѣ единствомъ Закона и языка; что разность языковъ можетъ произвести и разность въ мысляхъ, опасную для Церкви ⁽¹²⁶⁾; что во всякомъ случаѣ неблагоразумно ввѣрить ученіе юношества Католикамъ и Лютеранамъ. Но оставивъ мысль заводить *Университеты* въ Россіи, Царь послалъ 18 молодыхъ *Боярскихъ людей* въ Лондонъ, въ Любекъ и во Францію, учиться языкамъ иноземнымъ, такъ же, какъ молодые Англичане и Французы ѣздили тогда въ Москву учиться Русскому. Умомъ естественнымъ понявъ великую истину, что народное образованіе есть сила государственная, и видя несомнительное въ опомъ превосходство другихъ Европейцевъ, онъ звалъ къ себѣ изъ Англіи, Голландіи, Германіи, не только врачей, художниковъ, ремесленниковъ, но и людей чиновныхъ въ службу. Такъ Посланникъ нашъ,

Микулинъ, сказалъ въ Лондонѣ тремъ путешествующимъ Баронамъ Нѣмецкимъ, что если они желаютъ изъ любопытства видѣть Россію, то Царь съ удовольствіемъ приметъ ихъ и съ честію отпустить; но если, любя славу, хотятъ служить ему умомъ и мечемъ въ дѣлѣ воинскомъ, наравнѣ съ Князьями Владѣтельными, то удивятся его ласкѣ и милости ⁽¹²⁷⁾. Въ 1601 году Борисъ съ отмѣннымъ благоволеніемъ принялъ въ Москвѣ 35 Ливонскихъ Дворянъ и гражданъ, изгнанныхъ изъ отечества Поляками. Они не смѣли итти во дворецъ, будучи худо одѣты: Царь велѣлъ сказать имъ: «хочу видѣть людей, а не платье;» обѣдалъ съ ними; утѣшалъ ихъ и тронулъ до слезъ увѣреніемъ, что будетъ имъ вмѣсто отца: Дворянъ сдѣластъ Князьями, мѣщанъ Дворянами; далъ каждому, сверхъ богатыхъ тканей и соболей, пристойное жалованье и помѣстье ⁽¹²⁸⁾, не требуя въ возмездіе ничего, кромѣ любви, вѣрности и молитвы о благоденствіи его Дома. Знатнѣйшій изъ нихъ, Тизенгаузенъ, клялся именемъ всѣхъ умереть за Бориса, и сіи добрые Ливонцы, какъ увидимъ, не обманули Царя, съ ревностію вступивъ въ его Нѣмецкую дружину. Вообще благосклонный къ людямъ ума образованнаго, онъ чрезвычайно любилъ своихъ иноземныхъ Медиковъ ⁽¹²⁹⁾, ежедневно видѣлся съ ними, разговаривалъ о дѣлахъ государственныхъ, о Вѣрѣ; часто просилъ ихъ за него молиться, и только въ удовольствіе имъ согласился на возобновленіе Лютеранской

церкви въ Слободѣ Яузской. Пасторъ сей церкви, Мартинъ Беръ, коему мы обязаны любопытною Исторіею временъ Годунова и слѣдующихъ, пишетъ: «мирно слушая «ученіе Христіанское и торжественно сла- «вословя Всевышняго по обрядамъ Вѣры «своей, Нѣмцы Московскіе плакали отъ «радости, что дожили до такого счастія!»

По-
хвалъ-
н о е
слово
Году-
нову.

Признательность иноземцевъ къ мило-
стямъ Царя не осталась безплодною для
его славы: мужъ ученый, Фидлеръ, жи-
тель Кенигсбергскій (братъ одного изъ Бо-
рисовыхъ Медиковъ) сочинилъ ему въ 1602
году на Латинскомъ языкѣ похвальное сло-
во ⁽¹³⁰⁾, которое читала Европа, и въ коемъ
Ораторъ угодобляетъ своего Героя Нумъ,
превознося въ немъ законодательную му-
дрость, миролюбіе и чистоту нравовъ. Сію
послѣднюю хвалу дѣйствительно заслу-
живалъ Борисъ, ревностный наблюдатель
всѣхъ уставовъ церковныхъ и правилъ
благочинія, трезвый, воздержный, трудо-
любивый, врагъ забавъ суетныхъ и при-
мѣръ въ жизни семейственной, супругъ,
родитель нѣжный, особенно къ милому,
ненаглядному сыну, котораго онъ любилъ
до слабости ⁽¹³¹⁾, ласкалъ непрестанно, на-
зывалъ своимъ вѣстителемъ, не пускалъ
никуда отъ себя, воспитывалъ съ отмѣн-
нымъ стараніемъ, даже училъ Наукамъ:
любопытнымъ памятникомъ географиче-

Горяч-
ность
Бори-
сова къ
сыну.

скихъ свѣдѣній сего Царевича осталась ландкарта Россіи, изданная подъ его именемъ въ 1614 году Нѣмцемъ Герардомъ⁽¹³²⁾. Готовя въ сынѣ достойнаго Монарха для великой Державы и заблаговременно приучая всѣхъ любить Θεодора, Борисъ въ дѣлахъ внѣшнихъ и внутреннихъ давалъ ему право ходатая, заступника, умирителя⁽¹³³⁾; ждалъ его слова, чтобы оказать милость и снисхожденіе, дѣйствуя и въ семъ случаѣ безъ сомнѣнія какъ искусный Политикъ, но еще болѣе какъ страстный отецъ, и своимъ семейственнымъ счастіемъ доказывавая, сколь неизъяснимо сліяніе добра и зла въ сердцѣ человѣческомъ!

Но время приближалось, когда сей мужъ- Начало
бѣдъ
ствій.
дрый Властитель, достойно славимый тогда въ Европѣ за свою разумную Политику, любовь къ просвѣщенію, ревность быть истиннымъ отцемъ отечества, — наконецъ за благоправіе въ жизни общественной и семейственной, долженъ былъ вкусить горькій плодъ беззаконія и сдѣлаться одною изъ удивительныхъ жертвъ суда Небеснаго. Предтечами были внутреннее безпокойство Борисова сердца и разные бѣдственные случаи, коимъ онъ еще усиленно противоборствовалъ твердостію духа, чтобы вдругъ оказать себя слабымъ и какъ бы безпомощнымъ въ послѣднемъ явленіи своей судьбы чудесной.

ГЛАВА II.

Продолженіе царствованія Борисова.

Г. 1600 — 1605.

Блестящее властвованіе Годунова. Молитва о Царѣ. Подозрѣнія Борисовы. Гоненія. Голодъ. Новыя зданія въ Кремлѣ. Разбои. Порочные нравы. Мнимыя чудеса. Явленіе Самозванца. Поведеніе и наружность обманщика. Іезуиты. Свиданіе Лжедмитрія съ Королемъ Польскимъ. Письмо къ Папѣ. Собраніе войска. Договоры Лжедмитрія съ Мнишкомъ. Мѣры взятыя Борисомъ. Первая измѣна. Витязь Басмановъ. Робость Годунова. Общее расположеніе умовъ. Великодушіе Борисово. Битва. Поляки оставляютъ Самозванца. Честь Басманову. Побѣда Воеводъ Борисовыхъ. Осада Кромъ. Письмо Самозванца къ Борису. Кончина Годунова.

г. 1600-
1605.

Достигнувъ цѣли, возникнувъ изъ ничтожности рабской до высоты Самодержца, усиліями неутомимыми, хитростію неусыпною, коварствомъ, происками, злодѣйствомъ, наслаждался ли Годуновъ въ полной мѣрѣ своимъ величіемъ, коего алкала душа его — величіемъ купленнымъ столь дорогою цѣною? Наслаждался ли и чистѣйшимъ удовольствіемъ души, благо-

творя подданнымъ, и тѣмъ заслуживая любовь отечества? По крайней мѣрѣ не долго.

Первые два года сего царствованія казались лучшимъ временемъ Россіи съ XV вѣка или съ ея возстановленія ⁽¹³⁴⁾: она была на вышней степени своего новаго могущества, безопасная собственными силами и счастьемъ внѣшнихъ обстоятельствъ, а внутри управляемая съ мудрою твердостью и съ кротостью необыкновенною. Борисъ исполнялъ обѣтъ Царскаго вѣнчанія, и справедливо хотѣлъ именоваться отцемъ народа, уменьшивъ его тягости; отцемъ сирыхъ и бѣдныхъ, изливая на нихъ щедроты непримѣрныя; другомъ человечества, не касаясь жизни людей, не обагрывая земли Русской ни каплею крови, и наказывая преступниковъ только ссылкой ⁽¹³⁵⁾. Купечество, менѣе стѣсняемое въ торговлѣ; войско, въ мирной тишинѣ осыпаемое наградами; Дворяне, Приказные люди, знаками милости отличаемые за ревностную службу; Синклитъ, уважаемый Царемъ дѣятельнымъ и совѣтолюбивымъ; Духовенство, честимое Царемъ набожнымъ — однимъ словомъ, всѣ государственныя состоянія могли быть довольны за себя и еще довольнѣе за отечество, видя, какъ Борисъ въ Европѣ и въ Азіи возвеличилъ имя Россіи безъ кровопролитія и безъ тягостнаго напряженія силъ ея; какъ радѣеть о

Блестя-
ще е
власт-
вованіе
Бори-
са.

благѣ общемъ, правосудіи, устройствѣ. И такъ не удивительно, что Россія, по сказанію современниковъ ⁽¹³⁶⁾, любила своего Вѣнценосца, желая забыть убіеніе Димитрія или сомнѣваясь въ ономъ!

Но Вѣнценосецъ зналъ свою тайну, и не имѣлъ утѣшенія вѣрить любви народной; благотворя Россіи, скоро началъ удаляться отъ Россіянъ; отмѣнилъ уставъ временъ древнихъ: не хотѣлъ, въ извѣстные дни и часы, выходить къ народу, выслушивать его жалобы и собственными руками принимать челобитныя ⁽¹³⁷⁾; являлся рѣдко, и только въ пышности недоступной. Но убѣгая людей — какъ бы для того, чтобы лицомъ Монарха не напомнить имъ лице бывшаго раба Іоаннова — онъ хотѣлъ невидимо присутствовать въ ихъ жилищахъ или въ мысляхъ, и не довольный обыкновенною молитвою въ храмахъ о Государѣ и Государствѣ, велѣлъ искуснымъ книжникамъ составить особенную для чтенія во всей Россіи, во всѣхъ домахъ, на трапезахъ и вечерахъ, за чашами, о душевномъ спасеніи и тѣлесномъ здравіи «Слуги Божія, Царя Всевышнимъ избраннаго и превознесеннаго, Самодержца всей Восточной страны и Сѣверной; о Царицѣ и дѣтяхъ ихъ; о благоденствіи и тишинѣ отечества и Церкви подъ скиптромъ единого Христіанскаго Вѣнценосца въ мірѣ, что-

Молитва о Царѣ.

«бы всѣ иныя Властители предъ нимъ уклонялись и *рабски служили* ему, величая имя его отъ моря до моря и до конца вселенныя; чтобы Россіяне всегда съ умилениемъ славилъ Бога за такого Монарха, «когого умъ есть пучина мудрости, а сердце исполнено любви и долготерпѣнія; чтобы всѣ земли трепетали меча нашего, а земля Русская непрестанно высилась и расширялась; чтобы юныя, цвѣтуція вѣтви Божіа Дому возрасли благословеніемъ Небеснымъ и непрерывно осѣняли оную «до скончанія вѣковъ» ⁽¹³⁸⁾! То есть, святое дѣйствіе души человѣческой, ея таинственное сношеніе съ Небомъ, Борисъ дерзнулъ осквернить своимъ тщеславіемъ и лицемѣріемъ, заставивъ народъ свидѣтельствовать предъ Окомъ Всевидящимъ о добродѣтеляхъ убійцы, губителя и хищника! . . . Но Годуновъ, какъ бы не страхась Бога, тѣмъ болѣе страшился людей, и еще до ударовъ Судьбы, до измѣнъ счастія и подданныхъ, еще спокойный на престолѣ, искренно славимый, искренно любимый, уже не зналъ мира душевнаго; уже чувствовалъ, что если путемъ беззаконія можно достигнуть величія, то величіе и блаженство, самое земное, не одно знаменуютъ.

Подозрѣнія
Борисовы.

Сіе внутреннее безпокойство души, неизбежное для преступника, обнаружилось въ

Царѣ несчастными дѣйствіями подозрѣнія, которое, тревожа его, скоро встревожило и Россію. Мы видѣли, что онъ, касаясь рукою вѣнца Мономахова, уже мечталъ о тайныхъ ковахъ противъ себя, ядѣ, чародѣйствѣ (139) : ибо естественно думалъ, что и другіе, подобно ему, могли имѣть жажду къ верховной власти, лицемѣріе и дерзость. Нескромно открывъ боязнь свою, и взявъ съ Россіянь клятву постыдную, Борисъ столь же естественно не довѣрялъ ей : хотѣлъ быть на стражѣ неусыпной, все видѣть и слышать, чтобы предупредить злые умыслы ; возстановилъ для того бѣдственную Іоаннову систему доносовъ и ввѣрилъ судьбу гражданъ, Дворянства, Вельможъ сонму гнусныхъ извѣтниковъ.

Первою знаменитою жертвою подозрѣнія и доносовъ былъ тотъ, съ кѣмъ Годуновъ жилъ нѣкогда душа въ душу, кто охотно дѣлилъ съ нимъ милость Іоаннову и страдалъ за него при Θεодорѣ (140) — свойственникъ Царицы Маріи, Бѣльскій. Спасенный Годуновымъ отъ злобы народной во время Московскаго мятежа, но оставленный надолго въ честной ссылкѣ, — снова призванный ко Двору, но безъ всякаго отличія, и въ самое царствованіе Бориса удостоенный только второстепеннаго Думнаго сана, сей главный любимецъ Грознаго, считая себя благодѣтелемъ Годунова,

Гоуе-
нія.

могъ быть или казаться недовольнымъ, слѣдственно виновнымъ въ глазахъ Царя, имѣя еще и другую, важнѣйшую вину за собою: онъ зналъ лучше иныхъ глубину Борисова сердца! Въ 1600 году Царь послалъ его въ дикую степь строить новую крѣпость Борисовъ на берегу Донца Сѣверскаго ⁽¹⁴¹⁾, безъ сомнѣнія не въ знакъ милости; но Бѣльскій, стыдясь представлять лице уничиженнаго, ѣхалъ въ отдаленныя пустыни какъ на знатнѣйшее Воеводство, съ необыкновенною пышностію, съ богатою казною и множествомъ слугъ; велѣлъ заложить городъ своимъ, а не Царскимъ людямъ; ежедневно угощалъ Стрѣльцевъ и Козаковъ, давалъ имъ одежду и деньги, не требуя ничего отъ Государя. Слѣдствіемъ было то, что новую крѣпость построили скорѣе и лучше всѣхъ другихъ крѣпостей; что дѣлатели не скучали работою, любя, славя начальника; а Царю донесли, что начальникъ, милостию прельстивъ воиновъ, думаетъ объявить себя независимымъ и говоритъ: «Борисъ Царь въ Москвѣ, а я Царь въ Борисовѣ» ⁽¹⁴²⁾! Сію клевету, основанную, вѣроятно, на тщеславіи и какомъ нибудь неосторожномъ словѣ Бѣльскаго, приняли за истину (ибо Годуновъ желалъ избавиться отъ стариннаго, безпкойнаго друга) — и рѣшили, что онъ достоинъ смерти; но Царь, хвалясь милосердіемъ, велѣлъ только взять у него имѣніе, и выщипать ему всю длинную, густую бороду, избравъ Шотландскаго Хирурга Габріеля для совершенія такой

новой казни. Бѣльскій снесъ позоръ, и заточенный въ одинъ изъ Низовыхъ городовъ, дожидая тамъ до случая отмстить неблагодарному хотя въ могилѣ. Умный, опытный въ дѣлахъ государственныхъ, сей преемникъ Малюты Скуратова былъ ненавистенъ Россіянамъ страшными воспоминаніями своихъ дней счастливыхъ, а иноземцамъ своею жестокою къ нимъ непріязнію, которою онъ могъ гнѣвить и Бориса, ихъ ревностнаго покровителя. Мало жалѣли о старомъ, безродномъ временщикѣ; но его опала предшествовала другой, гораздо чувствительнѣйшей для знатныхъ родовъ и для всего отечества.

Память добродѣтельной Анастасіи и свойство Романовыхъ-Юрьевыхъ съ Царскимъ Домомъ Мономаховой крови были для нихъ правомъ на общее уваженіе и самую любовь народа. Бояринъ Никита Романовичъ, достойный сей любви и личными благородными качествами, оставилъ 5 сыновей: Феодора, Александра, Михайла, Ивана и Василия, въ послѣдній часъ жизни моливъ Годунова быть имъ вмѣсто отца ⁽¹⁴³⁾. Честя ихъ наружно — давъ старшимъ, Феодору и Александру, Боярство, Михайлу санъ Окольничаго, и женивъ своего ближняго, Ивана Ивановича Годунова, на ихъ меньшей сестрѣ, Иринѣ ⁽¹⁴⁴⁾ — Борисъ внутренно опасался Романовыхъ, какъ совѣтниковъ для его юнаго сына: ибо пошла молва, что Феодоръ, за нѣсколько времени до кончины, мыслилъ объявить старшаго изъ

нихъ наслѣдникомъ Государства ⁽¹⁴⁵⁾ : молва, вѣроятно, несправедливая; но они, будучи единокровными Анастасіи и двоюродными братьями Θεодора, казались народу ближайшими къ престолу. Сего было достаточно для злобы Борисовой, усиленной наказами родственниковъ Царскихъ ⁽¹⁴⁶⁾ ; но гоненіе требовало предлога, если не для успокоенія совѣсти, то для мнимой безопасности гонителя, чтобы личиною закона прикрыть злодѣйство, какъ иногда поступалъ Грозный и самъ Борисъ, избавляя себя отъ ненавистныхъ ему людей въ Θεодорово время. Надежнѣйшими извѣтниками считались тогда рабы: желая ободрить ихъ въ семъ предательствѣ, Царь не устыдился явно наградить одного изъ слугъ Боярина, Князя Θεдора Шестунова, за ложный доносъ на господина въ недоброхотствѣ къ Вѣнценосцу ⁽¹⁴⁷⁾ : Шестунова еще не тронули, но всенародно, на площади, *сказали клеветнику милостивое слово Государево*, дали вольность, чинъ и помѣстье. Между тѣмъ шептали слугамъ Романовыхъ, что ихъ, за такое же усердіе, ждетъ еще важнѣйшая милость Царская; и главный клеветъ новаго тиранства, новый Малюта Скуратовъ, Вельможа Семенъ Годуновъ, изобрѣлъ способъ уличить невинныхъ въ злодѣйствѣ, надѣясь на общее легковѣріе и невѣжество: подкупилъ казначея Романовыхъ ⁽¹⁴⁸⁾, далъ ему мѣшки наполненные кореньями, велѣлъ спрятать въ кладовой у Боярина Алексан-

дра Никитича и донести на своихъ господъ, что они, тайно занимаясь составомъ яда, умышляютъ на жизнь Вѣнденосца. Вдругъ сдѣлалась въ Москвѣ тревога: Синклить и всѣ знатные чиновники спѣшатъ къ Патріарху; посылаютъ Окольничаго Михайла Салтыкова для обыска въ кладовой у Боярина Александра; находятъ тамъ мѣшки, несутъ къ Іову, и въ присутствіи Романовыхъ высыпаютъ коренья, будто бы волшебные, изготовленные для отравленія Царя. Всѣ въ ужасѣ — и Вельможи, усердные подобно Римскимъ Сенаторамъ Тиберіева или Неронова времени, съ воплемъ кидаются на мнимыхъ злодѣевъ, какъ дикіе звѣри на агнцевъ, — грозно требуютъ отвѣта и не слушаютъ его въ шумѣ. Отдаютъ Романовыхъ подъ крѣпкую стражу и велятъ судить, какъ судить беззаконіе.

Сіе дѣло есть одно изъ гнуснѣйшихъ Борясова ожесточенія и безстыдства. Не только Романовымъ, но и всѣмъ ихъ ближнимъ надлежало погибнуть, чтобы не осталось мстителей на землѣ за невинныхъ страдальцевъ. Взяли Князей Черкасскихъ, Шестуновыхъ, Рѣпниныхъ, Карновыхъ, Сицкихъ: знатнѣйшаго изъ послѣднихъ, Князя Ивана Васильевича, Намѣстника Астраханскаго, привезли въ Москву скованнаго съ женою и сыномъ. Допрашивали, ужасали пыткой, особенно Романовыхъ ⁽¹⁴⁹⁾; мучили, терзали слугъ ихъ, безжалостно и бесполезно: никто не утѣшилъ тирана клеветою на самого себя или на другихъ; вѣрные рабы уми-

рали въ мукахъ, свидѣтельствуя единственно о невинности господъ своихъ предъ Царемъ и Богомъ. Но судіи не дерзали сомнѣваться въ истинѣ преступленія, столь грубо вымышленнаго, и прославили неслыханное милосердіе Царя, когда онъ велѣлъ имъ осудить Романовыхъ, со всѣми ихъ ближними, единственно на заточеніе, какъ уличенныхъ въ *измѣну* и въ злодѣйскомъ намѣреніи извести Государя средствами волшебства. Въ Іюнь 1601 года исполнился *приговоръ Боярскій* ⁽¹⁵⁰⁾: Ѳедора Никитича Романова, (будущаго знаменитаго Іерарха), постриженнаго и названнаго Филаретомъ, сослали въ Сійскую Антоніеву Обитель; супругу его, Ксенію Ивановну, также постриженную и названную Марѳою, въ одинъ изъ Заонежскихъ погостовъ; тещу Ѳедорову, Дворянку *Шестову*, въ Чебоксары, въ Никольскій Дѣвичій монастырь; Александра Никитича въ Усолье-Луду, къ Бѣлому морю; третьяго Романова, Михайла, въ Великую Пермь, въ Ныробскую волость; четвертаго, Ивана, въ Пелымъ; пятаго, Василья, въ Яренскъ; зятя ихъ, Князя Бориса Черкасскаго, съ женою и съ дѣтьми ея брата, Ѳедора Никитича, съ шестилѣтнимъ Михаиломъ (будущимъ Царемъ!) и съ юною дочерью, на Бѣлоозеро ⁽¹⁵¹⁾; сына Борисова, Князя Ивана, въ Малмыжъ на Вятку; Князя Ивана Васильевича Сицкаго въ Кожеозерскій монастырь, а жену его въ пустыню Сумскаго Острога; другихъ Сицкихъ, Ѳедора и Владиміра Шестуновыхъ, Карновыхъ и Князей

Рѣпниныхъ въ темницы разныхъ городовъ : одного же изъ послѣднихъ , Воеводу Яренскаго , будто бы за расхищеніе Царскаго достоянія , въ Уфу ⁽¹⁵²⁾ . Вотчины и помѣстья опальныхъ роздали другимъ ; имѣніе движимое и дома взяли въ казну .

Но гоненіе не кончилось ссылкой и лишеніемъ собственности : не вѣря усердію или строгости мѣстныхъ начальниковъ , послали съ несчастными Московскихъ Приставовъ , коимъ надлежало смотрѣть за ними неусыпно , давать имъ пужное для жизни и доносить Царю о каждомъ ихъ словѣ значительномъ . Никто не смѣлъ взглянуть на оглашенныхъ *измынниковъ* , ни ходить близъ уединенныхъ домовъ , гдѣ они жили , внѣ городовъ и селеній , вдали отъ большихъ дорогъ ; и нѣкоторые въ землянкахъ , и даже скованные . Въ монастырь Сійскій не пускали богомольцевъ , чтобы кто нибудь изъ нихъ не доставилъ письма Федору Никитичу , Иноку невольному , по ревностному въ благочестіи : коварный Приставъ , съ умысломъ заговаривая ему о Дворѣ , семействѣ и друзьяхъ его , доносилъ Царю , что Филаретъ не находитъ между Боярами и Вельможами ни одного весьма умнаго , способнаго къ дѣламъ государственнымъ , кромѣ опальнаго Богдана Бѣльскаго , и считаетъ себя жертвою ихъ злобныхъ навѣтовъ ⁽¹⁵³⁾ ; что хотя занимается единственно спасеніемъ души , но тоскуетъ о женѣ и дѣтяхъ , не зная , гдѣ они безъ него сиротствуютъ , и моля Бога о скоромъ

концѣ ихъ бѣдственной жизни (Богъ не услышалъ сей молитвы, ко счастью Россіи!). Донесли также Царю, что Василій Романовъ, отягченный болѣзнію и цѣпями не хотѣлъ однажды славить милосердія Борисова, сказавъ Приставу: «истинная добродѣтель не знаетъ тщеславія.» Но Борись, какъ бы желая доказать узнику истину своего милосердія, велѣлъ снять съ него цѣпи, объявить за нихъ Царскій гнѣвъ Приставу, излишно ревностному въ угнетеніи опальныхъ, — перевезти недужнаго Василю въ Пелымъ къ брату Ивану Никитичу, лишенному движенія въ рукѣ и ногѣ отъ удара, и дать имъ печальное утѣшеніе страдать вмѣстѣ. Василій отъ долговременной болѣзни скончался (15 Февраля 1602) подъ молитвою брата и великодушнаго раба, который, вѣрно служивъ господину въ чести, служилъ ему и въ оковахъ съ усердіемъ иѣжнаго сына. Александръ и Михайло Никитичи также не долго жили въ темницѣ, бывъ жертвою горести, или насильственной смерти, какъ пишутъ ⁽¹⁵⁴⁾: перваго схоронили въ Лудѣ, втораго въ семи верстахъ отъ Чердыня, близъ села Ныроба, въ мѣстѣ пустынномъ, гдѣ, надъ могилою, выросли два кедра. Донынѣ въ церкви Ныробской хранятся Михайловы тяжкія оковы, и старцы еще рассказываютъ тамъ о великодушномъ терпѣніи, о чудесной силѣ и крѣпости сего мужа, о любви къ нему всѣхъ жителей, коихъ дѣти приходили къ его темницѣ играть на свирѣляхъ, и сквозь отверстія зем-

лянки подавали узнику все лучшее, что имѣли, для утоленія голода и жажды: любовь, за которую ихъ гнали при Годуновѣ и наградили въ царствованіе Романовыхъ милостивою, обѣльною грамотою ⁽¹⁵⁵⁾. — Если вѣрить Лѣтописцу, то Борисъ, велѣвъ удавить въ монастырѣ Князя Ивана Сицкаго съ женою, хотѣлъ уморить голодомъ и недужнаго Ивана Романова; но бумаги приказныя свидѣлствуютъ, что послѣдній имѣлъ весьма не бѣдное содержаніе, ежедневно два или три блюда, мясо, рыбу, бѣлый хлѣбъ, и что у Пристава его было 90 (450 нынѣшнихъ серебряныхъ) рублей въ казнѣ, для доставленія ему нужнаго. Скоро участь опальныхъ смягчилась, отъ Политики ли Царя (ибо народъ жалѣлъ объ нихъ), или отъ ходатайства зятя Романовыхъ, Крайчаго Ивана Ивановича Годунова. Въ Мартѣ 1602 Царь *милостиво указалъ* Ивану Романову (оставляя его подъ надзоромъ, но уже безъ имени *злодѣя*) ѣхать въ Уфу на службу, оттуда въ Нижній Новгородъ, и наконецъ въ Москву, вмѣстѣ съ племянникомъ, Княземъ Иваномъ Черкасскимъ; Сицкихъ послалъ воеводствовать въ города Низовскіе (освободили ли Шестуновыхъ и Рѣпниныхъ, неизвѣстно); а Княгинѣ Черкасской, Марѣ Никитишнѣ, овдовѣвшей на Бѣлѣозерѣ ⁽¹⁵⁶⁾, велѣлъ жить съ невѣсткою, сестрою и дѣтьми Осдора Никитича, въ отчинѣ Романовыхъ Юрьевского Уѣзда, въ селѣ Клинѣ, гдѣ, лишенный отца и матери, но блюдомый Провидѣніемъ, дожилъ семилѣтній

отрокъ Михаилъ, грядущій Вѣнценосецъ Россіи, до гибели Борисова племени. Царь хотѣлъ изъяснить милость и Филарету ⁽¹⁵⁷⁾: позволилъ ему стоять въ церкви на крылосѣ, взять къ себѣ Чернца въ келлію для услугъ и бесѣды; приказалъ всѣмъ довольствоваться своего *измѣнника* (еще такъ называя сего мужа непорочнаго въ совѣсти) и для богомольцевъ отворить монастырь Сійскій, но не пускать ихъ къ опальному Иноку; приказалъ наконецъ (въ 1605 году) посвятить Филарета въ Иеромонахи и въ Архимандриты, чтобы тѣмъ болѣе удалить его отъ міра!

Не одни Романовы были страшилищемъ для Борисова воображенія. Онъ запретилъ Князьямъ Мстиславскому и Василю Шуйскому жениться, думая, что ихъ дѣти, по древней знатности своего рода, могли бы также состязаться съ его сыномъ о престолѣ ⁽¹⁵⁸⁾. Между тѣмъ, устраняя будущія мнимыя опасности для юнаго Θεодора, робкій губитель трепеталъ настоящихъ: волнуемый подозрѣніями, непрестанно боясь тайныхъ злодѣевъ и равно боясь заслужить народную ненависть мучительствомъ, гналъ и миловалъ: сослалъ Воеводу, Князя Владиміра Бахтѣярова-Ростовскаго, и простилъ его ⁽¹⁵⁹⁾; удалилъ отъ дѣлъ знаменитаго Дьяка Щелкалова, но безъ явной опалы; нѣсколько разъ удалялъ и Шуйскихъ, и снова приближалъ къ себѣ: ласкалъ ихъ, и въ то же время грозилъ немилостію всякому, кто имѣлъ обхожденіе съ ними ⁽¹⁶⁰⁾. Не

было торжественныхъ казней, но морили несчастныхъ въ темницахъ, пытали по доносамъ. Сонмы извѣтчиковъ, если не всегда награждаемыхъ, то всегда свободныхъ отъ наказанія за ложь и клевету, стремились къ Царскимъ палатамъ изъ домовъ Боярскихъ и хижинъ, изъ монастырей и церквей: слуги доносили на господъ, Иноки, Попы, Дьячки, просвирицы ⁽¹⁶¹⁾ на людей всякаго званія — самыя жены на мужей, самыя дѣти на отцевъ, къ ужасу человѣчества! «И въ дикихъ Ордахъ» (прибавляетъ Лѣтописецъ) «не бываетъ столь великаго зла: господа «не смѣли глядѣть на рабовъ своихъ, ни ближніе искренно говорить между собою; а когда «говорили, то взаимно обязывались страшною «клятвою не измѣнять скромности.» Однимъ словомъ, сіе печальное время Борисова царствованія, уступая Іоаннову въ кровопійствѣ, не уступало ему въ беззаконіи и развратѣ: наследство гибельное для будущаго! Но великодушіе еще дѣйствовало въ Россіянахъ (оно пережило Іоанна и Годунова, чтобы спасти отечество): жалѣли о невинныхъ страдальцахъ и мерзли постыдными милостями Вѣнценосца къ доносителямъ; другіе боялись за себя, за ближнихъ — и скоро неудовольствіе сдѣлалось общимъ. Еще многіе славили Бориса: приверженники, льстецы, извѣтники, утучняемые стяжаніемъ опальныхъ; еще знатное Духовенство, какъ увѣряютъ ⁽¹⁶²⁾, хранило въ душѣ усердіе къ Вѣнценосцу, который осыпалъ Святителей знаками

благоволенія : но гласъ отечества уже не слышался въ хвалѣ частной, корыстолюбивой, и молчаніе народа, служа для Царя явною укоризною, возвѣстило важную перемѣну въ сердцахъ Россіяняъ : *они уже не любили Бориса* (¹⁶³)!

Такъ говоритъ Лѣтописецъ современный, безпристрастный, и самъ знаменитый въ нашей Исторіи своею государственною доблестію : Келарь Палицынъ. Народы всегда благодарны : оставляя Небу судить тайну Борисова сердца, Россіяне искренно славили Царя, когда онъ подъ личиною добродѣтели казался имъ отцемъ народа ; но признавъ въ немъ тирана, естественно возненавидѣли его и за настоящее и за минувшее : въ чемъ, можетъ быть, хотѣли сомнѣваться, въ томъ снова удостовѣрились, и кровь Дмитріева явнѣе означилась для нихъ на порфирѣ губителя невинныхъ ; вспомнили судьбу Углича и другихъ жертвъ мстительнаго властолюбія Годунова ; безмолвствовали, но тѣмъ сильнѣе чувствовали въ присутствіи извѣтниковъ — и тѣмъ сильнѣе говорили въ святилищахъ недоступныхъ для услужниковъ тиранства, коего время бываетъ и царствомъ клеветы и царствомъ ненарушимой скромности : тамъ, въ тихихъ бесѣдахъ дружества, неумолимая истина обнажала, а ненависть чернила Бориса, упрекая его не только душегубствомъ, гоненіемъ людей знаменитыхъ, грабежемъ ихъ достоянія, алчностью къ прибытку беззаконному, корыстолюбивымъ введеніемъ откуповъ, размноженіемъ казенныхъ

домовъ питейныхъ , порчею нравовъ , но и пристрастіемъ къ иноземнымъ , новымъ обычаямъ (изъ коихъ бранобрітіе особенно соблазняло усердныхъ старовѣровъ), даже наклонностію къ Арменской и къ Латинской ереси! Какъ любовь, такъ и ненависть рѣдко бываютъ довольны истиною : первая въ хвалѣ, послѣдняя въ осужденіи. Годунову ставили въ вину и самую ревность его къ просвѣщенію!

Въ сіе время общей нелюбви къ Борису онъ имѣлъ случай доказать свою чувствительность къ народному бѣдствію, заботливость, щедрость необыкновенную; но и тѣмъ уже не могъ тронуть сердець, къ голодѣ. нему остылыхъ. — Среди естественнаго обилія и богатства земли плодоносной, населенной хлѣбопашцами трудолюбивыми; среди благословеній долговременнаго мира, и въ царствованіе дѣятельное, предусмотрительное, пала на милліоны людей казнь страшная : весною, въ 1601 году, небо омрачилось густою тьмою, и дожди лили въ теченіе десяти недѣль непрестанно ⁽¹⁶⁴⁾, такъ, что жители сельскіе пришли въ ужасъ : не могли ничѣмъ заниматься, ни косить, ни жать; а 15 Августа жестокій морозъ повредилъ какъ зеленому хлѣбу, такъ и всѣмъ плодамъ незрѣлымъ. Еще въ житницахъ и въ гумнахъ находилось не мало стараго хлѣба; но земледѣльцы, къ

несчастью, засѣяли поля новымъ, гнилымъ, тощимъ, и не видали всходовъ, ни осенью, ни весною: все истлѣло и смѣшалось съ землею. Между тѣмъ запасы изошли, и поля уже остались незасѣянными. Тогда началось бѣдствіе, и вопль голодныхъ встревожилъ Царя. Не только гумна въ селахъ, но и рынки въ столицѣ опустѣли, и четверть ржи возвысилась цѣною отъ 12 и 15 денегъ до трехъ (пятнадцати нынѣшнихъ серебряныхъ) рублей ⁽¹⁶⁵⁾. Борисъ велѣлъ отворить Царскія житницы въ Москвѣ и въ другихъ городахъ; убѣдилъ Духовенство и Вельможъ продавать хлѣбные свои запасы также низкою цѣною; отворилъ и казну: въ четырехъ округахъ, сдѣланныхъ близъ деревянной стѣны Московской, лежали кучи серебра для бѣдныхъ; ежедневно, въ часъ утра, каждому давали двѣ Московки, деньгу или копейку ⁽¹⁶⁶⁾ — но голодъ свирѣпствовалъ: ибо хитрые корыстолюбцы обманомъ скупали дешевый хлѣбъ въ житницахъ казенныхъ, Святительскихъ, Боярскихъ, чтобы возвышать его цѣну и торговать имъ съ прибыткомъ безсовѣстнымъ; бѣдные, получая въ день копейку серебряную, не могли питаться. Самое благодѣяніе обратилось во зло для столицы: изъ всѣхъ ближнихъ и дальнихъ мѣстъ земледѣльцы съ женами и дѣтьми стремились толпами въ Москву за Царскою милостиною, умножая тѣмъ число нищихъ. Казна раздавала въ день нѣсколько тысячъ рублей ⁽¹⁶⁷⁾, и бесполезно: голодъ усиливался и наконецъ достигъ

крайности столь ужасной, что не лъзя безъ трепета читать ея достовѣрнаго описанія въ преданіяхъ современниковъ. «Свидѣтельствуюсь истинною и Богомъ» — пишетъ одинъ изъ нихъ ⁽¹⁶⁸⁾ «— что я собственными глазами видѣлъ въ Москвѣ людей, которые, лежа на улицахъ, подобно скоту щипали траву и питались ею; у мертвыхъ находили во рту сѣно.» Мясо лошадиное казалось лакомствомъ: ѣли собакъ, кошекъ, стерво, всякую нечистоту. Люди сдѣлались хуже звѣрей: оставляли семейства и женъ, чтобы не дѣлиться съ ними кускомъ послѣднимъ. Не только грабили, убивали за ломоть хлѣба, но и пожирали другъ друга. Путешественники боялись хозяевъ, и гостиницы стали вертенами душегубства: давили, рѣзали сонныхъ для ужасной нищѣ! Мясо человѣческое продавалось въ пирогахъ на рынкахъ! Матери глодали труны своихъ младенцевъ! . . . Злодѣевъ казнили, жгли, кидали въ воду; но преступленія не уменьшались . . . И въ сіе время другіе изверги кочили, берегли хлѣбъ въ надеждѣ продать его еще дороже! . . . Гибло множество въ неизъяснимыхъ мукахъ голода. Вездѣ шатались полумертвые, падали, издыхали на площадяхъ. Москва заразилась бы смрадомъ гніющихъ тѣлъ, если бы Царь не велѣлъ, на свое иждивеніе, хоронить ихъ, истощая казну и для мертвыхъ. Приставы ѣздили въ Москвѣ изъ улицы въ улицу, подбирали мертвецовъ, обмывали, завертывали въ бѣлые саваны, обували въ

красные башмаки или коты, и сотнями возили за городъ въ три скудельницы, гдѣ въ два года и четыре мѣсяца было схоронено 127,000 труповъ, кромѣ погребенныхъ людьми христіанскими у церквей приходскихъ ⁽¹⁶⁹⁾. Пишутъ, что въ одной Москвѣ умерло тогда 500,000 человѣкъ, а въ селахъ и другихъ областяхъ еще несравненно болѣе, отъ голода и холода: ибо зимою нищіе толпами замерзали на дорогахъ. Нища неестественная также производила болѣзни и моръ, особенно въ Смоленскомъ Уѣздѣ, куда Царь въ одно время послалъ 20,000 рублей для бѣдныхъ, не оставивъ ни одного города въ Россіи безъ вспоможенія ⁽¹⁷⁰⁾, и если не спасая многихъ, то вездѣ уменьшая число жертвъ, такъ, что сокровищница Московская, полная отъ благополучнаго Оеодорова царствованія, казалась неистощимою. И всѣ иныя возможные мѣры были имъ приняты: онъ не только въ ближнихъ городахъ скупалъ, цѣною имъ опредѣленною, волею и неволею, всѣ хлѣбные запасы у богатыхъ ⁽¹⁷¹⁾; но послалъ и въ самыя дальнія, изобильнѣйшія мѣста освидѣтельствовать гумна, гдѣ еще нашлись огромные скирды, въ теченіе полулѣтка неприкосновенные и поросшіе деревьями ⁽¹⁷²⁾: велѣлъ немедленно молотить и везти хлѣбъ, какъ въ Москву, такъ и въ другія области. Въ доставленіи встрѣчались неминуемые, едва одолимыя трудности: во многихъ мѣстахъ на пути не было ни подводъ ⁽¹⁷³⁾, ни корму; ямщики и всѣ жители сельскіе разбѣгались.

Обозы шли Россіею какъ бы пустынею Африканскою, подъ мечами и копьями воиновъ, опасаясь нападенія голодныхъ, которые не только внѣ селеній, но и въ Москвѣ, на улицахъ и рынкахъ, силою отнимали съѣстное ⁽¹⁷⁴⁾. — Наконецъ дѣятельность верховной власти устранила всѣ препятствія, и въ 1603 году, мало по малу, исчезли всѣ знаменія ужаснѣйшаго изъ золъ: снова явилось обиліе, и такое, что четверть хлѣба ушла цѣною отъ трехъ рублей до десяти копеекъ, къ восхищенію народа и къ отчаянію корыстолюбцевъ, еще богатыхъ тайными запасами ржи и пшеницы! — Памятникомъ бывшей, безпримѣрной дороговизны осталась навсегда, какъ сказано въ лѣтописяхъ, ею введенная, новая *мѣра четверика*: ибо до 1601 года хлѣбъ продавали въ Россіи единственно *оковами, бочками или кадями*, четвертями и осьминами ⁽¹⁷⁵⁾.

Бѣдствіе прекратилось, но слѣды его не могли быть скоро изглажены: замѣтно уменьшилось число людей въ Россіи и достояніе многихъ; оскудѣла безъ сомнѣнія и Казна, хотя Годуновъ, великодушно расточая оную для спасенія народнаго, не только не убавилъ своей обыкновенной пышности Царской, но еще болѣе нежели когда нибудь хотѣлъ блистать оною, чтобы закрыть тѣмъ дѣйствіе гнѣва Небеснаго, особенно для Пословъ иноземныхъ, окружая ихъ на пути, отъ границы до Москвы, призраками изобилія и роскоши ⁽¹⁷⁶⁾: вездѣ являлись люди, богато или красиво одѣтые; вездѣ рынки пол-

ные товаровъ, мяса и хлѣба, и ни единого нищаго, тамъ, гдѣ за версту въ сторону могилы наполнялись жертвами голода. Въ сіе-то время Борисъ столь пышно угощалъ своего нареченнаго зятя, Герцога Датскаго — и въ сіе же время украшалъ древній Кремль новыми зданіями: въ 1600 году воздвигнувъ огромную колокольню Ивана Великаго ⁽¹⁷⁷⁾, пристроилъ въ 1601 и 1602 годахъ, на мѣстѣ сломаннаго, деревяннаго дворца Іоаннова, двѣ большія каменные палаты къ Золотой и Грановитой, Столовую и Панихидную ⁽¹⁷⁸⁾, чтобы доставить тѣмъ работу и пропитаніе людямъ бѣднымъ, соединяя съ милостію пользу, и во дни плача думая о велелѣпії! Однакожь не Московскіе Лѣтописцы, а только чужеземные Историки упрекаютъ Бориса гордостію неуклонною и въ общемъ бѣдствіи, суетою, тщеславіемъ, рассказывая, что онъ запретилъ тогда Россіянамъ купить весьма умѣренною цѣною знатное количество ржи у Нѣмцевъ въ Иванъгородѣ, стыдясь питать народъ свой чужимъ хлѣбомъ ⁽¹⁷⁹⁾. Извѣстіе конечно несправедливое: ибо наши государственныя бумаги, свидѣтельствую о приходѣ туда Нѣмецкихъ кораблей съ хлѣбомъ въ 1602 году, не упоминаютъ о такомъ жестокомъ запретѣ. Борисъ, оказавъ въ семъ несчастіи столько дѣятельности и столько щедрости,

Новыя
зданія
въ
Крем-
лѣ.

чтобы удостовѣрить Россію въ любви истинно-отеческой Царя къ подданнымъ, не могъ явно жертвовать ихъ спасеніемъ тщеславію безумному.

Но Борисъ не обольстил Россіянь своими благодѣянiями : ибо мысль, для него страшная, господствовала въ душахъ — мысль, что Небо за беззаконія Царя казнить Царство ⁽¹⁸⁰⁾. «Изливая на бѣдныхъ щедроты» — говорятъ Лѣтописцы — «онъ въ золотой чашѣ подавалъ имъ кровь невинныхъ, да пiютъ во здравіе ; питалъ ихъ милостынею богопротивною , расхитивъ имѣніе Вельможъ честныхъ , и древнія сокровища Царскія осквернивъ добычею грабежа.» — Россія не благоденствовала въ новомъ изобиліи; не имѣла времени успокоиться : открылось новое бѣдствіе, въ коемъ современники непосредственно випили Бориса.

Еще Іоаннъ IV, желая населить Литовскую Украину, землю Сѣверскую, людьми годными къ ратному дѣлу, не мѣшалъ въ ней укрываться и спокойно житье престоупникамъ , которые уходили туда отъ казни : ибо думалъ , что они , въ случаѣ войны, могутъ быть надежными защитниками границы. Борисъ, любя слѣдовать многимъ государственнымъ мыслямъ Іоанновымъ, послѣдовалъ и сей, весьма ложной и весьма несчастной ⁽¹⁸¹⁾ : ибо незнаемо изготавилъ тѣмъ многочисленную дружину злодѣевъ въ услугу врагамъ отечества и собственнымъ. «Великій разумъ и жестокость Грознаго» — по

словамъ Лѣтописца — «не давали двинуться «змїямъ; а кроткій, набожный Θεодоръ связывалъ ихъ своею молитвою» ⁽¹⁸²⁾; но Борисъ увидѣлъ зло, и еще увеличилъ его другими плодами своего мудрованія, несогласнаго съ вѣчными уставами правды. Издревле Бояре наши окружали себя толпами слугъ, вольныхъ и крѣпостныхъ; издревле также любили кабалить первыхъ ⁽¹⁸³⁾: законъ, изданный въ Θεодорово время, единственно въ угодность знатному Дворянству, объ укрѣпленіи всѣхъ людей, служащихъ господамъ не менѣе шести мѣсяцевъ ⁽¹⁸⁴⁾, совершенно прекратилъ родъ вольныхъ слугъ въ нашемъ отечествѣ, и наполнилъ дома Боярскіе рабами, коими сдѣлались тогда, въ противность Іоаннову Судебнику ⁽¹⁸⁵⁾, даже и многіе люди воинскіе, благородные, отъ нищеты, но безъ стыда служивъ богачамъ именитымъ: законъ недостойный сего имени своею явною несправедливостію! Еще мало: къ его дѣйствию присоединилось и насиліе: знатные и случайные безсовѣстно укрѣпляли и неслугъ, а всякаго беззащитнаго, кто имъ нравился художествомъ, рукодѣльемъ, ловкостію или красотою ⁽¹⁸⁶⁾. Но въ дешевое время охотно умножавъ свою челядь, Дворяне во время голода начали распускать ее: воля обратилась въ казнь и мучительство! Люди еще совѣстные, выгоняли слугъ изъ дому по крайней мѣрѣ съ отпускными; а злые безъ всякаго письменнаго вида, съ намѣреніемъ клепать ихъ въ бѣгствѣ и въ сносѣ, чтобы ябедою суда

разорять тѣхъ, которые могли бы изъ чело-
 вѣколюбія дать имъ у себя дѣло и пищу :
 ужасъ разврата обыкновеннаго въ години
 бѣдствій! Несчастные гибли или разбойни-
 чали, вмѣстѣ со многими людьми Вельможъ
 ссыльныхъ, Романовыхъ и другихъ, осуж-
 денными вести жизнь бродягъ (ибо никто
 не смѣлъ принять слугъ опальнаго) — вмѣ-
 стѣ съ Украинскими бѣглецами, ходивши-
 ми изъ гнѣзда своего на добычу и внутрь
 Разбои. Россіи (187). Явились шайки на дорогахъ;
 завелись пристани въ мѣстахъ глухихъ и
 лѣсистыхъ; грабили, убивали подъ самую
 Москвою. Не боялись и сыскныхъ дружинъ
 воинскихъ : злодѣи смѣло пускались на
 сѣчу съ ними, имѣя атаманомъ Хлопка или
 Косолапа, удалца рѣдкаго. Государь дол-
 женъ былъ дѣйствовать съ усиліемъ нема-
 ловажнымъ, и въ мирное время отрядить
 цѣлое войско противъ разбойника! Глав-
 ный Воевода, Окольникій Иванъ Ѳедоро-
 вичъ Басмановъ, едва выступивъ въ поле,
 уже встрѣтилъ Хлопка, врага презритель-
 наго, но злаго, который, соединивъ свои
 шайки, дерзнулъ близъ Москвы спорить съ
 нимъ о побѣдѣ. Упорная битва, безславная
 и жестокая, рѣшилась смертію Басманова :
 видя его падающаго съ коня, воины кину-
 лись на разбойниковъ, не жалѣли себя, и
 наконецъ одолѣли ихъ остервененіе : боль-
 шую часть истребили и взяли въ плѣнъ

атамана, изнемогшаго отъ тяжелыхъ ранъ — злодѣя, коего необыкновенная храбрость достойна была лучшаго побужденія и лучшей цѣли! Удивленный дерзостію сего опаснаго скопища, Борисъ искалъ, кажется, тайныхъ соумышленниковъ или наставниковъ Хлопка между людьми значительнѣйшими, зная, что въ его шайкахъ находились слуги господъ опальныхъ, и подозрѣвая, что они могли быть вооружены местию противъ гонителя Романовыхъ. Нарядили слѣдствіе; допрашивали, пытали взятыхъ разбойниковъ ⁽¹⁸⁸⁾, но, по видимому, ничего не узнали, кромѣ ихъ собственныхъ злодѣяній. Хлопка, вѣроятно, умеръ отъ ранъ или въ мукахъ: всѣхъ другихъ перевѣшали, и Борисъ единственно въ семъ случаѣ уклонился отъ своего человеколюбиваго обѣта не казнить никого смертію ⁽¹⁸⁹⁾. — Еще многіе изъ товарищей Хлопковыхъ спаслися бѣгствомъ въ Украину, гдѣ Воеводы, по указу Государеву, ихъ ловили и вѣшали, но не могли истребить гнѣзда злодѣйскаго, которое ждало новаго, гораздо опаснѣйшаго атамана, чтобы дать ему передовую дружину на пути къ столицѣ!

Такъ готовилась Россія къ ужаснѣйшему изъ явленій въ своей Исторіи; готовилась долго: неистовымъ тиранствомъ двадцати-четырехъ лѣтъ Іоанновыхъ, адскою игрою Борисова властолюбія, бѣдствіями свирѣпаго голода и всемѣстныхъ разбоевъ, ожесточеніемъ сердець, развратомъ народа — всѣмъ, что предшествоетъ

испроверженію Государствъ, осужденныхъ Провидѣніемъ на гибель или на мучительное возрожденіе.

Если, какъ пишутъ очевидцы, не было ни правды, ни чести въ людяхъ ⁽¹⁹⁰⁾; если Пороч-
ны е
привы. долговременный голодъ не смирилъ, не исправилъ ихъ, но еще умножилъ пороки между ими: распутство, корыстолюбіе, лихоимство, безчувствіе къ страданію ближнихъ; если и самое лучшее Дворянство, и самое Духовенство заражалось общею язвою разврата, слабѣя въ усердіи къ отечеству отъ беззаконій Царя, уже вообще ненавистнаго: то нужны ли были иныя, чудесныя знаменія для устрашенія Россіи? ибо сіи же Лѣтописцы, слѣдуя древнему обыкновенію суевѣрія ⁽¹⁹¹⁾, рассказываютъ, «что не рѣдко восходили тогда двѣ и три Мнимыи
чудеса. луны, два и три солнца вмѣстѣ; столпы «огненные, ночью пылая на тверди, въ «своихъ быстрыхъ движеніяхъ представ- «ляли битву воинствъ, и краснымъ цвѣ- «томъ озаряли землю; отъ бурь и вихрей «падали колокольни и башни; женщины и «животныя производили на свѣтъ множе- «ство уродовъ; рыбы въ глубинѣ водъ и «дичь въ лѣсахъ исчезали, или, употре- «бляемыя въ пищу, не имѣли вкуса; алчные «псы и волки, вездѣ бѣгая станицами, по- «жирали людей и другъ друга; звѣри и «птицы невиданныя явились; орлы парили

«надъ Москвою ; въ улицахъ , у самаго
«дворца , ловили руками лисицъ черныхъ ;
«лѣтомъ (въ 1604 году), въ свѣтлый пол-
«день , возсіяла на небѣ Комета , и мудрый
«старецъ , за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ
«вызванный Борисомъ изъ Германіи , объ-
«явилъ Дьяку Государственному (Власьеву),
«что Царству угрожаетъ великая опас-
«ность.» Оставимъ суевѣріе предкамъ : его
мнимые ужасы не столь разнообразны,
какъ дѣйствительные въ Исторіи наро-
довъ.

Въ сіе время скончалась Ирина , въ кел-
ліи Новодѣвичьяго монастыря , около ше-
сти лѣтъ не выходявъ изъ своего добро-
вольнаго заключенія никуда , кромѣ церкви,
пристроенной къ ея смиренному жили-
щу (192). Жена знаменитая и душевными
качествами и судьбою необыкновенною;
безъ отца, безъ матери, въ печальномъ
сиротствѣ взысканная удивительнымъ сча-
стіемъ; воспитанная, любимая Іоанномъ —
и добродѣтельная; первая *Державная Ца-
рица* Россіи , и въ юныхъ лѣтахъ Мона-
хиня ; чистая сердцемъ предъ Богомъ , но
омраченная въ Исторіи союзомъ съ злымъ
властолюбцемъ , коему она указала путь къ
престолу, хотя и невинно, будучи ослѣп-
лена любовію къ нему и блескомъ его на-
ружныхъ добродѣтелей, не зная его тай-
ныхъ преступленій или не вѣря онымъ,

Кончи-
на Ири-
ны.

Могъ ли Борисъ открыть свою темную душу сердцу преданному святой набожности? Онъ дѣлилъ съ нѣжною сестрою только добрыя чувства: съ нею радовался торжеству отечества ⁽¹⁹³⁾ и скорбѣлъ о случаяхъ бѣдственныхъ для онаго; повѣрялъ ей, можетъ быть, свое великое намѣреніе просвѣтить Россію, жаловался на злую неблагодарность, на злые умыслы, призраки его безпокойной совѣсти, и на горестную необходимость карать Вельможъ измѣнниковъ; лицемѣривъ предъ сестрою въ добрѣ, не лицемѣрилъ, можетъ быть, только въ изъясненіяхъ скорби о кончинѣ ея: Ирина не мѣшала ему державствовать и служила Ангеломъ хранителемъ, всѣми любимая какъ истинная мать народа и въ келіи. Погребли Инокиню съ великолѣпіемъ Царскимъ, въ Дѣвичьемъ Вознесенскомъ монастырѣ, близъ гроба Іоанновой дочери, Маріи — и никогда не раздавалось столько милостыни, какъ въ сей день печали; бѣдные во всѣхъ городахъ Россійскихъ благословили щедрость Борисову. — Ирина была счастлива, смеживъ глаза навѣки: ибо не видала гибели всего, что еще любила въ жизни.

Настало время явной казни для того, кто не вѣрилъ правосудію Божественному въ земномъ мірѣ, надѣясь, можетъ быть, смиреннымъ покаяніемъ спасти свою душу отъ ада (какъ надѣялся Іоаннъ) и дѣлами достохвальными загладить для людей память своихъ беззаконій. Не тамъ, гдѣ Борисъ стерегся опасности, незапная опасность

явилась; не потомки Рюриковы, не Князя и Вельможи, имъ гонимые — не дѣти и друзья ихъ, вооруженные местию, умыслили свергнуть его съ Царства: сіе дѣло умыслилъ и совершилъ презрѣнный бродяга, именемъ младенца, давно лежавшаго въ могилѣ.... Какъ бы дѣйствиємъ сверхъестественнымъ тѣнь Димитріева вышла изъ гроба, чтобы ужасомъ поразить, обезумить убійцу и привести въ смятеніе всю Россію. Начинаемъ повѣсть, равно истинную и неимовѣрную.

Бѣдный сынъ Боярскій, Галичанинъ Явленіе
Само-
званца.) Юрій Отрепьевъ, въ юности лихась отца, именемъ Богдана-Якова, Стрѣлецкаго Сотника, зарѣзаннаго въ Москвѣ пьянымъ Литвиномъ ⁽¹⁹⁴⁾, служилъ въ домѣ у Романовыхъ и Князя Бориса Черкаскаго; зналъ грамотѣ; оказывалъ много ума, но мало благоразумія; сучалъ низкимъ состояніемъ и рѣшился искать удовольствія безпечной праздности въ санѣ Инока, слѣдуя примѣру дѣда, Замятни-Отрепьева, который уже давно монашествовалъ въ Обители Чудовской. Постриженный Вятскимъ Игуменомъ Трифономъ и названный Григоріемъ, сей юный Чернецъ скитался изъ мѣста въ мѣсто; жилъ нѣсколько времени въ Суздаль, въ Обители Св. Евфимія, въ Галицкой Іоанна Предтечи и въ другихъ; наконецъ въ Чу-

довѣ монастырѣ, въ келліи у дѣда, подѣ Началомъ. Тамъ Патріархъ Іовъ узналъ его, посвятилъ въ Діаконы и взялъ къ себѣ для книжнаго дѣла: ибо Григорій умѣлъ не только хорошо списывать, но даже и сочинять Каноны Святѣмъ лучше многихъ старыхъ книжниковъ того времени. Пользуясь милостію Іова, онъ часто ѣздилъ съ нимъ и во дворецъ: видѣлъ пышность Царскую и плѣнялся ею; изъяснялъ необыкновенное любопытство; съ жадностію слушалъ людей разумныхъ, особенно когда въ искреннихъ, тайныхъ бесѣдахъ произносилось имя Димитрія Царевича; вездѣ, гдѣ могъ, вывѣдывалъ обстоятельства его судьбы несчастной, и записывалъ на хартіи. Мысль чудная уже поселилась и зрѣла въ душѣ мечтателя, внушенная ему, какъ увѣряють ⁽¹⁹⁵⁾, однимъ злымъ Инокомъ: мысль, что смѣлый самозванецъ можетъ воспользоваться легковѣріемъ Россіянъ, умиляемыхъ памятію Димитрія, и въ честь Небеснаго Правосудія казнить святоубійцу! Сѣмя пало на землю плодоносную: юный Діаконъ съ прилѣжаніемъ читалъ Россійскія лѣтописи, и не скромно, хотя и въ шутку, говаривалъ иногда Чудовскимъ Монахамъ: «знаете ли, что я буду «Царемъ на Москвѣ?» Одни смѣялись; другіе плевали ему въ глаза, какъ врало дерзкому. Сіи или подобныя рѣчи дошли до Ростовскаго Митрополита Іоны, который объявилъ Патріарху и самому Царю, что «недостойный Инокъ Григорій хочетъ быть сосудомъ Діавольскимъ:»

добродушный Патріархъ не уважилъ Митрополита извѣта; но Царь велѣлъ Дьяку своему, Смирнову-Васильеву, отправить безумца Григорія въ Соловки, или въ Бѣлозерскія пустыни, будто бы за ересь, на вѣчное покаяніе ⁽¹⁹⁶⁾. Смирной сказалъ о томъ другому Дьяку, Евфимьеву; Евфимьевъ же, будучи свойственникомъ Отрепьевыхъ, умолилъ его не снѣшить въ исполненіи Царскаго Указа, и далъ способъ опальному Діакону спастися бѣгствомъ (въ Февралѣ 1602 года), вмѣстѣ съ двумя Иноками Чудовскими, Священникомъ Варлаамомъ и крылошаниномъ Мисаиломъ Повадшинымъ. Не думали гнаться за ними, и не извѣстили Царя, какъ увѣряють, о семъ побѣгѣ, коего слѣдствія оказались столь важными.

Бродяги-Иноки были тогда явленіемъ обыкновеннымъ; всякая Обитель служила для нихъ гостинницею: во всякой находили они покой и довольствіе, а на путь запасъ и благословеніе. Григорій и товарищи его свободно достигли Новгорода Сѣверскаго, гдѣ Архимандритъ Спасской Обители принялъ ихъ весьма дружелюбно и далъ имъ слугу съ лошадьми, чтобы ѣхать въ Путивль; но бѣглецы, отославъ провожатаго, снѣшли въ Кіевъ, и Спасскій Архимандритъ нашелъ въ келіи ⁽¹⁹⁷⁾, гдѣ жилъ Григорій, слѣдующую записку: «Я Царевичъ Димитрій, сынъ Іоанновъ, и не забуду твоей ласки, когда сяду на престолъ отца моего.» Архимандритъ ужаснулся; не зная, что дѣлать; рѣшился молчать.

Такъ въ первый разъ открылся Самозванецъ еще въ предѣлахъ Россіи; такъ бѣглый Діаконъ вздумалъ грубою ложью низвергнуть великаго Монарха и сѣсть на его престолъ, въ Державѣ, гдѣ Вѣнценосецъ считался земнымъ Богомъ, — гдѣ народъ еще никогда не измѣнялъ Царямъ, и гдѣ присяга, данная Государю избранному, для вѣрныхъ подданныхъ была не менѣ священною! Чѣмъ, кромѣ дѣйствія непостижимой Судьбы, кромѣ воли Провидѣнія, можемъ изъяснить не только успѣхъ, но и самую мысль такого предпріятія? Оно казалось безуміемъ; но безумецъ избралъ надежнѣйшій путь къ цѣли: Литву!

Тамъ древняя, естественная ненависть къ Россіи всегда усердно благопріятствовала нашимъ измѣнникамъ, отъ Князей Шемякина, Верейскаго, Боровскаго и Тверскаго до Курбскаго и Головина ⁽¹⁹⁸⁾: туда устремился и Самозванецъ, не прямою дорогою, а мимо Стародуба, къ Луевымъ горамъ, сквозь темные лѣса и дебри, гдѣ служилъ ему путеводителемъ новый спутникъ его, Инокъ *Днѣпрова* монастыря, Пимень ⁽¹⁹⁹⁾, и гдѣ, вышедши наконецъ изъ Россійскихъ владѣній близъ Литовскаго селенія Слободки, онъ принесъ усердную благодарность Небу за счастливое избѣжаніе всѣхъ опасностей. Въ Кіевѣ, синскавъ милость знаменитаго Воеводы, Князя Василя Константиновича Острожскаго, Григорій жилъ въ Печерскомъ монастырѣ, а послѣ въ Никольскомъ и въ Дерманѣ; вездѣ священно-

дѣйствовалъ какъ Діаконъ, но велъ жизнь соблазнительную, презирая уставъ воздержанія и цѣломудрія; хвалился свободою мнѣній, любилъ толковать о Законѣ съ пновѣрцами и былъ даже въ тѣсной связи съ Анабаптистами ⁽²⁰⁰⁾. Между тѣмъ безумная мысль не усыпала въ головѣ прошлеца: онъ распустилъ темную молву о спасеніи и тайномъ убѣжищѣ Димитрія въ Литвѣ; свелъ знакомство съ другимъ отчаяннымъ бродягою, Инокомъ Крыпецкаго монастыря, Леонидомъ ⁽²⁰¹⁾: уговорилъ его назваться своимъ именемъ, то есть, Григоріемъ Отрепьевымъ; а самъ, скинувъ съ себя одежду Монашескую, явился міряниномъ, чтобы удобнѣе пріобрѣсти навыки и знанія, нужныя ему для ослѣпленія людей. Среди густыхъ камышей Днѣпровскихъ гнѣздились тогда шайки удалыхъ Запорожцевъ, бдительныхъ стражей и дерзкихъ грабителей Литовскаго Княжества: у нихъ, какъ пишутъ, Разстрига Отрепьевъ нѣсколько времени учился владѣть мечемъ и конемъ, въ шайкѣ Герасима Евангелика ⁽²⁰²⁾, Старшины именитаго; узналъ и полюбилъ опасность; добылъ первой воинской опытности и корысти. Но скоро увидѣли прошлеца на иномъ ѳеатрѣ: въ мирной школѣ городка Вольнскаго, Гащи, за Польскою и Латинскою Грамматикою ⁽²⁰³⁾: ибо мнимому Царевичу надобно было дѣйствовать не только оружіемъ, но и словомъ. Изъ школы онъ перешелъ въ службу Князю Адаму Вишневецкому, который жилъ въ Брагинѣ со всею пышностію богатаго

Вельможи. Тутъ Самозванецъ приступилъ къ дѣлу — и если искалъ надежнаго, лучшаго пособника въ предпріятіи равно дерзкомъ и нелѣпомъ, то не обманулся въ выборѣ: ибо Вишневецкій, сплывшій при Дворѣ и въ Государственной Думѣ многочисленными друзьями и прислужниками, соединялъ въ себѣ надменность съ умомъ слабымъ и легковѣріемъ младенца ⁽²⁰⁴⁾. Новый слуга знаменитаго Пана велъ себя скромно; убѣгалъ всякихъ низкихъ забавъ, ревностно участвовалъ только въ воинскихъ, и съ отмѣнною ловкостію. Имѣя наружность не красивую — ростъ средній, грудь широкую, волосы рыжеватые, лице круглое, блѣлое, но совсѣмъ не привлекательное, глаза голубые безъ огня, взоръ тусклый, носъ широкій, бородавку подъ правымъ глазомъ, также на лбу, и одну руку короче другой — Отрепьевъ замѣнялъ сію невыгоду живостію и смѣлостію ума, краснорѣчіемъ, осанкою благородною ⁽²⁰⁵⁾. Заслуживъ вниманіе и доброе расположеніе господина, хитрый обманщикъ притворился больнымъ, требовалъ Духовника, и сказалъ ему тихо: «Умираю. «Предай мое тѣло землѣ съ честію, какъ «хоронятъ дѣтей Царскихъ. Не объявлю «своей тайны до гроба; когда же закрою «глаза навѣки, ты найдешь у меня подъ «ложемъ свитокъ, и все узнаешь; но дру-

Поведеніе и наружность обманщика.

«гимъ не сказывай. Богъ судилъ мнѣ умереть «въ злосчастіи»⁽²⁰⁶⁾». Духовникъ былъ Іезуитъ : онъ спѣшилъ извѣстить Князя Вишневецкаго о сей тайнѣ, а любопытный Князь спѣшилъ узнать ее : обыскалъ постелю мнимо-умирающаго ; нашелъ бумагу, заблаговременно изготовленную, и прочиталъ въ ней, что слуга его есть Царевичъ Димитрій, спасенный отъ убіенія своимъ вѣрнымъ Медикомъ⁽²⁰⁷⁾ ; что злодѣи, присланные въ Угличъ, умертвили одного сына Іерейскаго, вмѣсто Димитрія, коего укрыли добрые Вельможи и Дьяки Щелкаловы, а послѣ выпроводили въ Литву, исполняя наказъ Іоанновъ, данный имъ на сей случай⁽²⁰⁸⁾. Вишневецкій изумился : еще хотѣлъ сомнѣваться, но уже не могъ, когда хитрецъ, вина нескромность Духовника, раскрылъ свою грудь, показалъ золотой, драгоценными камнями осыпанный крестъ (вѣроятно, гдѣ нибудь украденный) и съ слезами объявилъ, что сія святыня дана ему крестнымъ отцемъ, Княземъ Иваномъ Мстиславскимъ⁽²⁰⁹⁾.

Вельможа Литовскій былъ въ восхищеніи. Какая слава представлялась для него возможною ! бывшаго слугу своего увидѣть на тронѣ Московскомъ ! Онъ не щадилъ ничего, чтобы поднять мнимаго Димитрія съ одра смертнаго, и въ краткое время его притворнаго выздоровленія изготовивъ ему великолѣпное жилище, пышную услугу, богатая одежды, успѣлъ во всей Литвѣ разгласить о чудесномъ спасеніи Іоаннова сына.

Братъ Князя Адама, Константинъ Вишневецкій, и тесть сего послѣдняго, Воевода Сендомирскій, Юрій Мишкекъ, взяли особенное участіе въ судьбѣ столь знаменитаго изгнанника, какъ они думали, вѣря свитку, золотому кресту обманщика и свидѣтельству двухъ слугъ: обличеннаго вора, бѣглеца Петровскаго, и другаго, Мишкова холопа, который въ Іоанново время былъ нашимъ плѣнникомъ и будто бы видалъ Димитрія (младенца двухъ или трехъ лѣтъ) въ Угличѣ: первый увѣрялъ, что Царевичъ дѣйствительно имѣлъ примѣты Самозванца (дотолѣ никому неизвѣстныя): бородавки на лицѣ и короткую руку. Вишневецкіе донесли Сигизмунду, что у нихъ истинный наслѣдникъ Θεодоровъ; а Сигизмундъ отвѣтствовалъ, что желаетъ его видѣть, уже бывъ извѣщенъ о семъ любопытномъ явленіи другими, не менѣе ревностными доброхотами Самозванца: Папскимъ Нунціемъ Рангони и пронырливыми Іезуитами, которые тогда царствовали въ Польшѣ, управляя совѣстію малодушнаго Сигизмунда, и легко вразумили его въ важныя слѣдствія такого случая.

Іезуиты.

Въ самомъ дѣлѣ что могло казаться счастливѣе для Литвы и Рима? Чего нельзя было имъ требовать отъ благодарности Лжедимитрія, содѣйствуя ему въ приобрѣтеніи Царства, которое всегда грозило

Литвѣ и всегда отвергало духовную власть Рима? Въ опасномъ непріятелѣ Сигизмундѣ могъ найти друга и союзника, а Папа усерднаго сына въ непреклонномъ послушникѣ. Симъ изъясняется легковѣріе Короля и Нунція: думали не объ истинѣ, но единственно о пользѣ; одно бѣдствіе, одно смятеніе и междоусобіе Россіи уже плѣняло воображеніе нашихъ враговъ естественныхъ; и если робкій Сигизмундъ еще колебался, то ревностные Іезуиты побѣдили его перѣшность, представивъ ему способъ, обольстительный для душъ слабыхъ: дѣйствовать не открыто, не прямо, и подъ личиною мирнаго сосѣда ввергнуть пламя войны въ Россію. — Уже Рангони находился въ тѣсной связи съ Самозванцемъ, и дѣятельные Іезуиты служили посредниками между ими; уже съ обѣихъ сторонъ изъяснились и заключили договоръ: Лжедимитрій писменно обязался за себя и за Россію пристать къ Латинской Церкви, а Рангони быть его ходатаемъ, не только въ Польшѣ и въ Римѣ ⁽²¹⁰⁾, но и во всей Европѣ; совѣтовалъ ему спѣшить къ Королю и ручался за доброе слѣдствіе ихъ свиданія.

Вмѣстѣ съ Воеводою Сендомирскимъ и Княземъ Вишневецкимъ Отрепьевъ (въ 1603 или 1604 году) явился въ Краковѣ, гдѣ Нунцій немедленно посѣтилъ его. «Я самъ былъ тому свидѣтелемъ,» пишетъ Секретарь Королевскій, Чилли ⁽²¹¹⁾, *спра мнимому Царевичу*: «я видѣлъ, какъ Нунцій обнималъ и ласкалъ Димитрія,

Снида-
ніе Лже-
дмит-
рія съ
Коро-
лемъ
Поль-
скимъ.

«бесѣдуя съ нимъ о Россіи, и говоря, что
«ему должно торжественно объявить себя
«Католикомъ для успѣха въ своемъ дѣлѣ.
«Димитрій съ видомъ сердечнаго умиленія
«клялся въ непремѣнномъ исполненіи дан-
«наго имъ обѣта, и вторично подтвердилъ
«свою клятву въ домѣ у Нунція, въ присут-
«ствіи многихъ Вельможъ. Угостивъ Ца-
«ревича пышнымъ обѣдомъ, Рангони по-
«везъ его во дворецъ. Сигизмундъ, обы-
«кновенно важный и величавый, принялъ
«Димитрія въ кабинетъ, стоя, и съ ласко-
«вою улыбкою. Димитрію поцѣловалъ у
«него руку, рассказалъ ему всю свою исто-
«рію,» и заключилъ такъ ⁽²¹²⁾: *Государь!*
вспомни, что ты самъ родился въ узахъ и
спасенъ единственно Провидѣніемъ. Держав-
ный изгнанникъ требуетъ отъ тебя сожа-
льнія и помощи. «Чиновникъ Королевскій
«далъ знакъ Царевичу, чтобы онъ вышелъ
«въ другую комнату, гдѣ Воевода Сендо-
«мирскій и всѣ мы ждали его. Король
«остался наединѣ съ Нунціемъ, и чрезъ
«нѣсколько минутъ снова призвалъ Дими-
«трія. Положивъ руку на сердце, смирен-
«ный Царевичъ болѣе вздохами, нежели
«словами убѣждалъ Сигизмунда быть ми-
«лостивымъ. Тогда Король съ веселымъ
«видомъ, приподнявъ свою шляпу, ска-
«залъ: *Да поможетъ вамъ Богъ, Москов-*
скій Князь Димитрій! а мы, выслушавъ и

«разсмотрѣвъ все ваши свидетельства, несомненно видимъ въ васъ Иоаннова сына, и въ доказательство нашего искренняго благоволенія «опредѣляемъ вамъ ежегодно 40,000 злотыхъ,» (54,000 нынѣшнихъ рублей серебряныхъ) «на «содержаніе и всякія издержки. Сверхъ того вы, «какъ истинный другъ Республики, вольны сподѣлаться съ нашими Панами, и пользоваться ихъ «усерднымъ вспоможеніемъ. Сія рѣчь столь восхитила Дмитрія, что онъ не могъ сказать ни «единого слова: Нунцій благодарилъ Короля, «привезъ Царевича въ домъ къ Восводѣ Сендомирскому, и снова обнявъ его, совѣтовалъ ему «дѣйствовать немедленно, чтобы скорѣе достигнуть цѣли: отнять Державу у Годунова и навѣки утвердить въ Россіи Вѣру Католическую «съ Іезуитами.» Прежде всего надлежало самому Лжедмитрію принять сію Вѣру: чего неотмѣнно хотѣлъ Рангони; но условились не оглашать того до времени, боясь закоренѣлой ненависти Россіянъ къ Латинской Церкви. Дѣйствіе совершилось въ домѣ Краковскихъ Іезуитовъ. Разстрига шелъ къ нимъ тайно, съ какимъ-то Вельможею Польскимъ, въ бѣдномъ рубищѣ, закрывая лице свое, чтобы никто не узналъ его; выбралъ одного изъ нихъ себѣ въ Духовники, не повѣдался, отрекся отъ нашей Церкви, и какъ новый ревностный сынъ Западной принялъ тѣло Христово съ миропомазаніемъ отъ Римскаго Нунція. Такъ сказано въ *Письмахъ Іезуитскаго Общества* (213), которое славилъ будущій великій

Письмо
къ Па-
пѣ.

добродѣтели мнимаго Димитрія, надѣясь усердіемъ его подчинить Риму *всѣ неизмѣримыя страны Востока!*—Тогда Отрепьевъ, слѣдуя наставленіямъ Нунція, собственною рукою написалъ краснорѣчивое Латинское письмо къ Папѣ, чтобы имѣть въ немъ искренняго покровителя—и Климентъ VIII не замедлилъ удостовѣрить его въ своей готовности вспомогать ему всею духовною властію Апостольскаго Намѣстника ⁽²¹⁴⁾.

Должно отдать справедливость уму Разстриги : предавъ себя Іезуитамъ, онъ выбралъ дѣйствительнѣйшее средство одушевить ревностію безпечнаго Сигизмунда, который, вопреки чести, совѣсти, Народному Праву и мнѣнію многихъ знатныхъ Вельможъ, рѣшился быть сподвижникомъ бродяги. Славный другъ Баторіевъ, Гетманъ Замойскій, былъ еще живъ : Король писалъ къ нему о своемъ важномъ предпріятіи, говоря, что Республика, доставивъ Димитрію корону, будетъ располагать силами Московской Державы, легко обуздаетъ Турковъ, Хана и Шведовъ, возьметъ Эстонію и всю Ливонію, октроетъ путь для своей торговли въ Персію и въ Индію; но что сіе великое намѣреніе, требуя тайны и скорости, не можетъ быть предложено Сейму, дабы Годуновъ не имѣлъ времени изготавиться къ оборонѣ ⁽²¹⁵⁾. Тщетно старецъ Замойскій, Панъ Жолкѣвскій, Князь

Острожскій и другіе Вельможи благоразумные удерживали Короля, не совѣтуя ему легкомысленно вдаваться въ опасность такой войны, особенно безъ вѣдома Чиновъ Государственныхъ, и съ малыми силами; тщетно знаменитый Панъ Збаражскій доказывалъ, что мнимый Димитрій есть безъ сомнѣнія обманщикъ. Убѣжденный Іезуитами, но не дерзая самовластно нарушить двадцатилѣтняго перемирія, заключеннаго между имъ и Борисомъ, Король велѣлъ Мнишку и Вишневецкимъ поднять знамя противъ Годунова именемъ Іоаннова сына и составить рать изъ вольницы; опредѣлилъ ей на жалованье доходы Сендомирскаго Воеводства; внушалъ Дворянамъ, что слава и богатство ожидаютъ ихъ въ Россіи, и торжественно возложивъ съ своей груди златую цѣпь на Разстригу ⁽²¹⁶⁾, отпустилъ его съ двумя Іезуитами изъ Кракова въ Галицію, гдѣ, близъ Львова и Самбора, въ маестностяхъ Вельможи Мнишка, подѣ

Собра-
ніе вой-
ска.

распущенными знаменами уже толпилась Шляхта и чернь, чтобы идти на Москву. Главою и первымъ ревнителемъ сего подвига сдѣлался старецъ Мнишскъ, коему старость не мѣшала быть ни честолюбивымъ, ни легкомысленнымъ до безразсудности. Онъ имѣлъ юную дочь прелестницу, Марину, подобно ему честолюбивую и вѣтреную: Лжедимитрій, гостя у него въ

Самборъ, объявилъ себя, искренно или притворно, страстнымъ ея любовникомъ, и вскружилъ ей голову именемъ Царевича; а гордый Воевода съ радостію благословилъ сію взаимную склонность, въ надеждѣ видѣть Россію у ногъ своей дочери, какъ наслѣдственную собственность его потомства. Чтобы утвердить сію лестную надежду и хитро воспользоваться еще невѣрными обстоятельствами жениха, Мнишекъ предложилъ ему условія, безъ малѣйшаго сомнѣнія принятія Разстригою, который далъ на себя слѣдующее обязательство (писанное 25 Мая 1604, собственною рукою Воеводы Сендомирскаго ⁽²¹⁷⁾): «Мы, Дмитрій *Иваносичъ*, Божією милостію *Царевичъ* Великой Россіи, Углицкій, Дмитровскій и проч., Князь отъ колѣна предковъ своихъ, и всѣхъ Государствъ Московскихъ Государь и наслѣдникъ, по уставу Небесному и примѣру Монарховъ Христіанскихъ избрали себѣ достойную супругу, Вельможную Панию Марину, дочь Ясновельможнаго Пана Юрія Мнишка, коего считаемъ отцемъ своимъ, испытавъ его честность и любовь къ намъ, но отложивъ бракосочетаніе до нашего воцаренія: тогда — въ чемъ клянемся пменемъ Св. Троицы и прямымъ словомъ Царскимъ — женюся на Паниѣ Маринѣ, обязываясь 1) выдать немедленно миліонъ

Договоръ
ри. Иже
дмит-
рія съ
Мниш-
комъ.

«злотыхъ» (1,350,000 пынѣшнихъ серебряныхъ рублей) «на уплату его долговъ и на ея путеше-
«ствіе до Москвы, сверхъ драгоцѣнностей, кото-
«рыя пришлемъ ей изъ нашей казны Москов-
«ской; 2) торжественнымъ Посольствомъ извѣ-
«стить о семъ дѣлѣ Короля Сигизмунда, и
«просить его благосклоннаго согласія на оное;
«3) будущей сунругѣ нашей уступить два Вели-
«кія Государства, Новгородъ и Псковъ, со всеми
«Уѣздами и пригородами, съ людьми Думными,
«Дворянами, Дѣтьми Боярскими и съ Духовен-
«ствомъ, такъ, чтобы она могла судить и рядить
«въ нихъ самовластно, опредѣлять Намѣстни-
«ковъ, раздавать вотчины и помѣстья своимъ
«людямъ служивымъ, заводить школы, строить
«монастыри и церкви Латинской Вѣры, свободно
«исповѣдуя сію Вѣру, которую и мы сами при-
«няли, съ твердымъ намѣреніемъ ввести оную
«во всемъ Государствѣ Московскомъ. Если же—
«отъ чего Боже сохрани—Россія воспротивится
«нашимъ мыслямъ, и мы не исполнимъ своего
«обязательства въ теченіе года, то Панна Ма-
«рина вольна развестися со мною или взять тер-
«пѣніе еще на годъ,» и проч. Сего не довольно :
въ восторгѣ благодарности Лжедимитріи дру-
гою грамотою (писанною 12 Іюня 1604) отдалъ
Мнишку въ наслѣдственное владѣніе Княжество
Смоленское и Сѣверское, кромѣ нѣкоторыхъ
Уѣздовъ, назначенныхъ имъ въ даръ Королю
Сигизмунду и Республикѣ, въ залогъ вѣчнаго,
ненарушимаго мира между ею и Московскою

Державою ⁽²¹⁸⁾ Такъ бѣглый Діаконъ, чудесное орудіе гнѣва Небеснаго, подъ именемъ Царя Россійскаго готовился предать Россію, съ ея величіемъ и православіемъ, въ добычу Іезуитамъ и Ляхамъ! Но способы его еще не отвѣтствовали важности замысла.

Ополчалась въ самомъ дѣлѣ не рать, а сволочь на Россію: весьма не многіе знатные Дворяне, въ угодность Королю, мало уважаемому, или прельщаясь мыслію храбровать за изгнанника Царевича, явились въ Самборъ и Львовъ: стремились туда бродяги, голодные и полунагіе, требуя оружія не для побѣды ⁽²¹⁹⁾, но для грабежа или жалованья, которое щедро выдавалъ Мнишекъ въ надеждѣ на будущее: на богатое вѣно Марины и доходы Смоленскаго Княжества. Разстрига и друзья его чувствовали нужду въ иныхъ, лучшихъ сподвижникахъ, и должны были естественно искать ихъ въ самой Россіи. Достойно замѣчанія, что нѣкоторые изъ Московскихъ бѣглецовъ, Дѣтей Боярскихъ, исполненныхъ ненависти къ Годунову, укрываясь тогда въ Литвѣ, не хотѣли быть участниками сего предпріятія, ибо видѣли обманъ и гнушались злодѣйствомъ: пишутъ, что одинъ изъ нихъ, Яковъ Пыхачевъ, даже всенародно, и предъ лицомъ Короля, свидѣтельствовалъ о семъ грубомъ обманѣ, вмѣстѣ съ товарищемъ Разстригинымъ, Инокомъ Варлаамомъ, встревоженнымъ совѣстію; что имъ не вѣрили и прислали обоихъ скованныхъ къ Воеводѣ Мнишку въ

Самборъ, гдѣ Варлаама заключили въ темницу, а Пыхачева, обвиняемаго въ намѣреніи умертвить Лжедимитрія, казнили ⁽²²⁰⁾. Другіе бѣглецы, менѣе совѣстные, Дворянинъ Иванъ Борошинъ съ десятию или пятнадцатию клевретами ⁽²²¹⁾, пали къ ногамъ мнимого Царевича и составили его первую дружину Русскую: скоро нашлася гораздо сильнѣйшая. Зная свойство мятежныхъ Донскихъ Козаковъ — зная, что они не любили Годунова, казнившего многихъ изъ нихъ за разбой — Лжедимитрій послалъ на Донъ Литвина Свирскаго ⁽²²²⁾ съ грамотою; писалъ, что онъ сынъ перваго Царя Бѣлаго, коему сіи вольные Христіанскіе витязи присягнули въ вѣрности; звалъ ихъ на дѣло славное: свергнуть раба и злодѣя съ престола Іоаннова. Два Атамана, Андрей Корела и Михайло Нѣжакожъ ⁽²²³⁾, спѣшили видѣть Лжедимитрія; видѣли его честимаго Сигизмундомъ, Вельможными Папами, и возвратились къ товарищамъ съ удостовѣреніемъ, что ихъ зоветъ истинный Царевичъ. Удальцы Донскіе сѣли на коней, чтобы присоединиться къ толпамъ Самозванца. Между тѣмъ усердный слуга его, Панъ Михайло Ратомскій, Остерскій Староста, волновалъ нашу Украйну чрезъ своихъ лазутчиковъ и двухъ Монаховъ Русскихъ ⁽²²⁴⁾, вѣроятно Мисаила и Леонида, изъ коихъ послѣдній, снявъ на себя имя Григорія Отрепьева, могъ свидѣтельствовать, что оно не принадлежитъ Самозванцу. Въ городахъ, въ селахъ и на дорогахъ подкидывали грамоты отъ

Лжедмитрія къ Россіянамъ ⁽²²⁵⁾, съ вѣстію, что онъ живъ и скоро къ нимъ будетъ. Народъ изумлялся, не зная, вѣрить тому или не вѣрить; а бродяги, негодяи, разбойники, издавна гнѣздясь въ землѣ Сѣверской ⁽²²⁶⁾, обрадовались: наступало ихъ время. Кто бѣжалъ въ Галицію къ Самозванцу, кто въ Кіевъ, гдѣ Ратомскій также выставилъ знамя для собранія вольницы: онъ поднималъ и Козаковъ Запорожескихъ, прельщенныхъ мыслию вести бывшаго ученика своего на Царство Московское. — Столько движенія, столько гласныхъ происшествій могло ли утаить-ся отъ Годунова?

Еще прежде, нежели Самозванецъ открылся Вишневецкимъ, слухъ, распущенный имъ въ Литвѣ о Димитріи ⁽²²⁷⁾, сдѣлался, вѣроятно, извѣстнымъ Борису. Въ Генварѣ 1604 года Нарвскій сановникъ Тирфельдъ писалъ съ гонцемъ къ Абовскому градоначальнику, что мимо-убитый сынъ Іоанновъ живетъ у Козаковъ ⁽²²⁸⁾: гонца задержали въ Иванъгородѣ, и письмо его доставили Царю. Въ то же время пришли и вѣсти изъ Литвы и подметныя грамоты Лжедмитріевы отъ нашихъ Воеводъ Украинскихъ; въ то же время, на берегахъ Волги, Донскіе Козаки разбили Окольногого Семена Годунова, посланнаго въ Астрахань, и захвативъ нѣсколько Стрѣльцевъ, отпустили ихъ въ Москву съ такимъ наказомъ: «объявите Борису, что мы скоро «будемъ къ нему съ Царевичемъ Димитріемъ!» Одинъ Богъ видѣлъ, что происходило въ душѣ

Годунова, когда онъ услышалъ сіе роковое имя! . . . но чѣмъ болѣе утрашился, тѣмъ болѣе хотѣлъ казаться безстрашнымъ. Не сомнѣваясь въ убіеніи истиннаго сына Іоаннова ⁽²²⁹⁾, онъ изъяснялъ для себя столь дерзкую ложь умысломъ своихъ тайныхъ враговъ, и велѣвъ лазутчикамъ узнать въ Литвѣ, кто сей Самозванецъ, искалъ заговора въ Россіи: подозрѣвалъ Бояръ; призвалъ въ Москву Царицу-Инокиню, мать Димитріеву, и ѣздилъ къ ней въ Дѣвичій монастырь съ Патріархомъ ⁽²³⁰⁾, воображая, какъ вѣроятно, что она могла быть участницею предполагаемаго кова, и надѣясь лестію или угрозами вывѣдать ея тайну: но Царица-Инокиня, равно какъ и Бояре, ничего не знала, съ удивленіемъ и, можетъ быть, не безъ внутренняго удовольствія слыша о Лжедимитріи, который не замѣнялъ сына для матери, но страшилъ его убійцу. Свѣдавъ наконецъ, что Самозванецъ есть разстрига Отрепьевъ, и что Дьякъ Смирной не исполнилъ Царскаго указа сослать его въ пустыню Бѣломорскую ⁽²³¹⁾, Борисъ усиліемъ притворства не оказалъ гнѣва, ибо хотѣлъ увѣрить Россіянъ въ маловажности сего случая: Смирной трепеталъ, ждалъ гибели, и былъ казненъ, но послѣ, и будто бы за другую вину: за расхищеніе государственнаго достоянія. Удвоивъ заставы на Литовской

Мѣры
пзлтыя
Борисомъ.

границѣ, чтобы перехватывать вѣсти о Самозванцѣ, однакожь чувствуя невозможность скрыть его явленіе отъ Россіи, и боясь молчаніемъ усилить вредныя толки, Годуновъ обнародовалъ исторію бѣглеца Чудовскаго ⁽²³²⁾, вмѣстѣ съ допросами Монаха Пимена, Венедикта Черница Смоленскаго и мѣщанина Ярославца, иконника Степана: первый объявлялъ, что онъ самъ вывелъ бродягу Григорія въ Литву, но не хотѣлъ итти съ нимъ далѣе, и возвратился; второй и третій свидѣтельствовали, что они знали Отрепьева Діакономъ въ Кіевѣ и воромъ между Запорожцами; что сей негодий, богоотступникъ, чернокнижникъ, съ умыслу Князей Вишневецкихъ и самого Короля, дерзаетъ въ Литвѣ называться Димитріемъ. Въ то же время Царь послалъ, *отъ имени Бояръ*, дядю Разстригина, Смирнаго-Отрепьева, къ Сигизмундовымъ Вельможамъ, чтобы въ ихъ присутствіи изобличить племянника ⁽²³³⁾; послалъ и къ Донскимъ Козакамъ Дворянина Хрущова, вывести ихъ изъ бѣдственнаго заблужденія. Но грамоты и слова не дѣйствовали: Вельможи Королевскіе не хотѣли показать Лжедмитрія Смирному-Отрепьеву, и сухо отвѣтствовали, что имъ нѣтъ дѣла до мнимаго Царевича Россійскаго; а Козаки схватили Хрущова, оковали и приг. 1604. везли къ Самозванцу ⁽²³⁴⁾. Уже Разстрига

(15 Августа) двинулся съ своими дружинами къ берегамъ Днѣпровскимъ и стоялъ (17 того же мѣсяца) въ Сокольникахъ : Хрущовъ , представленный ему въ цѣняхъ , взглянулъ на него залился слезами и палъ на колѣна, воскликнувъ : «вижу Іоанна въ лицѣ твоємъ : я твой слуга на-«вѣки!» Съ него сняли оковы; и сей первый чиновный измѣнникъ , ослѣпленный страхомъ или корыстію , въ знакъ усердія донесъ своему новому Государю, мѣшая истину съ ложью, что «народъ изъясняетъ въ Россіи любовь къ Димитрію ; что самые знатные люди , Меньшій Булаковъ и другіе ⁽²³⁵⁾, пили у себя съ гостями чашу за его здравіе и были , по доносу слугъ, осуждены на казнь; что Борисъ умертвилъ и сестру, вдовствующую Царицу Ирину, которая всегда видѣла въ немъ Монарха беззаконнаго; что онъ , не смѣя явно ополчаться противъ Димитрія, сводитъ полки въ Ливнахъ, будто бы на случай Ханскаго впаденія; что главные Воеводы ихъ, Петръ Шереметевъ и Михайло Салтыковъ, встрѣтись съ нимъ, Хрущовымъ, въ искренней бесѣдѣ сказали : *насъ ожидаетъ не Крымская, а совсѣмъ иная война — но трудно поднять руку на Государя природнаго*; что Борисъ не здоровъ, едва ходитъ отъ слабости въ ногахъ, и думаетъ тайно выслать казну Московскую въ Астрахань и въ Персію.» Годуновъ безъ сомнѣнія не убилъ Ирины и не думалъ искать убѣжища въ Персіи; еще не видалъ дотолѣ измѣны въ Россіянахъ, и не казилъ ни одного человѣка за явную при-

верженность къ Самозванцу ⁽²³⁶⁾; съ жадностію слушая лазутчиковъ, доносителей, клеветниковъ, воздерживалъ себя отъ тиранства для своей безопасности въ такихъ обстоятельствахъ, и терзаемый подозрѣніями, еще не основательными, хотѣлъ знаками великодушной довѣренности тронуть Бояръ и чиновниковъ: но дѣйствительно медлилъ двинуть значительную рать прямо къ Литовскимъ предѣламъ, въ доказательство ли безстрашія, боясь ли сильнымъ ополченіемъ дать народу мысль о важности непріятеля, избѣгая ли войны съ Польшею до самой крайней необходимости? Сія необходимость была уже очевидна: Король Сигизмундъ вооружалъ на Бориса не только Самозванца, но и Крымскихъ разбойниковъ, убѣждая Хана вступить вмѣстѣ съ Лжедмитріемъ въ Россію. Борисъ зналъ все, и еще послалъ въ Варшаву, лично къ Королю, Дворянина Огарева, усовѣстить его представленіемъ, сколь унижительно для Вѣнценосца Христіанскаго быть союзникомъ подлаго обманщика; вторично объявлялъ ⁽²³⁷⁾, кто сей мнимый Царевичъ, и спрашивалъ, чего Сигизмундъ желаетъ: мира или войны съ Россіею? Сигизмундъ хотѣлъ лукавствовать, и подобно своимъ Вельможамъ отвѣчалъ, что не стоитъ за Лжедмитрія и не мыслить нарушать перемирія; что нѣкоторые Ляхи самовольно помогаютъ сему бродягѣ, *ушедшему* въ Галицію, и будутъ наказаны какъ мятежники. «Мы хотѣли обмануть Бога» (пишетъ современникъ,

одинъ изъ знатныхъ Ляховъ), «увѣряя безсозвѣстно, что Король и Республика не участвуютъ «въ Димитріевомъ предпріятіи» (238). Уже Самозванецъ началъ дѣйствовать, а Царь велѣлъ Патріарху Іову еще писать къ Духовенству Литовскому и Польскому, чтобы оно для блага обѣихъ Державъ старалось удалить кровопролитіе за богоотступника Разстригу (239); всѣ наши Епископы скрѣпили Патріаршую грамоту своими печатами, клятвенно свидѣтельствуя, что они всѣ знали Отрепьева Монахомъ. Такую же грамоту написалъ Іовъ и къ Кіевскому Воеводѣ, Князю Василю Острожскому, напоминая ему, что онъ самъ зналъ сего бѣглеца Діакономъ, и заклиная его быть достойнымъ сыномъ Церкви: обличить Разстригу, схватить и прислать въ Москву. Но гонцы Патріарховы не возвратились: ихъ задержали въ Литвѣ и не отвѣтствовали Іову, ни Духовенство, ни Князь Острожскій: ибо Самозванецъ дѣйствовалъ уже съ блестящимъ успѣхомъ.

Сіе грозное ополченіе, которое шло низвергнуть Годунова, состояло едва ли изъ 1500 воиновъ исправныхъ, всадниковъ и пѣшихъ, кромѣ сволочи, безъ устройства и почти безъ оружія (240). Главными Предводителями были самъ Лжедмитрій (сопровожаемый двумя Іезуитами), юный Мишкекъ (сынъ Воеводы Сендомирскаго), Дворжицкій, Фредро и Нѣборскій; каждый изъ нихъ имѣлъ свою особенную дружину и хоругвь; а старецъ Мишкекъ первенствовалъ въ

ихъ Думѣ. Они соединились близъ Кіева съ двумя тысячами Донскихъ Козаковъ, приведенныхъ Свирскимъ, съ толпами вольницы, Кіевской и Сѣверской, ополченной Ратомскимъ, и 16 Октября вступили въ Россію ⁽²⁴¹⁾. Тогда единственно Борисъ началъ рѣшительно готовиться къ оборонѣ; послалъ надежныхъ Воеводъ въ Украинскія крѣпости, съ Головами Стрѣлочными; а знатныхъ Бояръ, Князя Дмитрія Шуйскаго, Ивана Годунова и Михайла Глѣбовича Салтыкова въ Брянскъ, чтобы собрать тамъ многочисленное полевое войско ⁽²⁴²⁾. Еще Борисъ могъ стыдиться страха, видя противъ себя толпы Ляховъ, нестройной вольницы и Козаковъ, предводимыя бѣглымъ разстригою; но сей челоуѣкъ назывался именемъ ужаснымъ для Бориса и любезнымъ для Россіи!

Лжедмитрій шелъ съ мечемъ и съ Манифестомъ: объявлялъ Россіанамъ, что онъ, невидимою десницею Всевышняго устранный отъ ножа Борисова и долго сокрываемый въ неизвестности, сею же рукою изведенъ на оеатръ міра подъ знаменами сильнаго, храбраго войска, и спѣшитъ въ Москву взять наслѣдіе своихъ предковъ, вѣнецъ и скипетръ Владиміровъ; напоминалъ всѣмъ чиновникамъ и гражданамъ присягу, данную ими Іоанну; убѣждалъ ихъ оставить хищника Бориса и служить Государю законному; обѣщалъ миръ, тишину, благоденствіе, коихъ они не могли имѣть въ царствованіе злодѣя богопротивнаго ⁽²⁴³⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ

Воевода Сендомирскій именемъ Короля и Вельможныхъ Пановъ обнародовалъ, что они, убѣжденные доказательствами очевидными, несомѣнно признали Дмитрія истиннымъ Великимъ Княземъ Московскимъ ⁽²⁴⁴⁾, дали ему рать и готовы дать еще сильнѣйшую для восшествія на престолъ отца его. Сей Манифестъ довершилъ дѣйствіе прежнихъ подметныхъ грамотъ Лжедмитрія въ Украинѣ, гдѣ не только сподвижники Хлопковы ⁽²⁴⁵⁾ и слуги опальныхъ Бояръ, ненавистники Годунова — не только низкая чернь, но и многіе люди воинскіе повѣрили Самозванцу, не узнавая бѣглаго Діакона въ союзникъ Короля Сигизмунда, окруженномъ знатыми Ляхами; въ витязѣ ловкомъ, искусномъ владѣть мечемъ и конемъ; въ восначальникѣ бодромъ и безстрашномъ: ибо Лжедмитрій былъ всегда впереди, презиралъ опасность, и взоромъ спокойнымъ искалъ, казалось, не враговъ, а друзей въ Россіи. Несчастія Годунова времени, надежда на лучшее, любовь къ чрезвычайному и золото, разсыпавшее Мнишкомъ и Вишневецкими, также способствовали легковѣрію народному. Тщетно градоначальники Борисовы хотѣли мѣшать распространенію листовъ Самозванцевыхъ, опровергали и жгли ихъ: листы ходили изъ рукъ въ руки, готовы измѣну. Начались тайныя сношенія между Самозванцемъ и городами Украинскими, гдѣ лазутчики его дѣйствовали съ величайшею ревностію, обольщая умы и страсти людей — доказывая, что присяга,

данная Годунову, не имѣеть силы: ибо обманутый народъ, присягая ему, считалъ сына Иоаннова мертвымъ ⁽²⁴⁶⁾; что самъ Борисъ знаетъ сію истину, обезумѣлъ въ ужасѣ и не противится мирному вступленію Царевича въ Россію. Самые чиновники колебались, или въ оцѣненіи ждали дальнѣйшихъ происшествій; самые Воеводы, видя общее движеніе въ пользу Лжедмитрія, опасались, кажется, употребить строгость, и не изъявили должнаго усердія. Составились заговоры, и мятежъ вспыхнулъ.

Отреньевъ на лѣвомъ берегу Днѣпра раздѣлилъ свое войско ⁽²⁴⁷⁾: послалъ часть его къ Бѣлугороду, а самъ шелъ вверхъ Десны, въ слѣдъ за разсыпною дружиною переметчиковъ, которые служили ему вѣрными путеводителями, зная мѣста и людей. Едва поставивъ ногу на Русскую землю (18 Октября), въ Слободѣ Шляхетской, онъ свѣдалъ о своемъ первомъ успѣхѣ: жители и воины Моравска отложились отъ Бориса; связали, выдали Воеводъ своихъ Лжедмитрію; встрѣтили его съ хлѣбомъ и солью ⁽²⁴⁸⁾. Чувствуя важность начала въ такомъ предпріятіи, умный прошлецъ велъ себя съ отмѣнною ловкостію: торжественно славилъ Бога; изъявлялъ милость и величавость; не укорялъ Воеводъ Моравскихъ вѣрностію къ Борису, жалѣя только объ

Первая
измѣна.

ихъ заблужденіи, и далъ имъ свободу; жаловалъ, ласкалъ измѣнниковъ, гражданъ, воиновъ, видомъ и разговоромъ не безъ искусства представляя лице Державнаго, такъ, что отъ Литовскаго рубежа до самыхъ внутреннихъ областей Россіи съ немовѣрною быстротою промчалась добрая слава о Лжедмитріи — и знаменитая столица древнихъ Ольговичей не усомнилась слѣдовать примѣру Моравска. 26 Октября покорился Самозванцу Черниговъ, гдѣ ратники и граждане также встрѣтили его съ хлѣбомъ и солью, выдавъ ему Воеводѣ ⁽²⁴⁹⁾, изъ коней главный, Князь Иванъ Андреевичъ Татевъ, внутренно ненавидя Бориса, какъ вторый Хрущовъ безстыдно вступилъ въ службу къ обманщику. Тамъ хранилась значительная казна: Лжедмитрій, раздѣливъ ее между своими воинами, усилилъ тѣмъ ихъ ревность; умножилъ и число, присоединивъ къ нимъ 300 Стрѣльцевъ измѣнниковъ и жителей, ополченныхъ усердіемъ къ нему или духомъ буйнымъ. Взявъ изъ Черниговской крѣпости 12 пушекъ, Самозванецъ оставилъ въ ней начальникомъ Ляха, и спѣшилъ къ Новгороду Сѣверскому. Онъ надѣялся быть вездѣ завоевателемъ безъ кровопролитія, и дѣйствительно, на берегахъ Десны, Свины и Снова, видѣлъ единственно колѣнопреклоненіе народа и слышалъ радостный кликъ: «да здравствуетъ Государь нашъ, Димитрій!»

Но вѣсти не было изъ Новгорода: жители не высылали ко Лжедмитрію ни призывныхъ гра-

могъ, ни Воеводъ связанныхъ : тамъ бодрствовалъ одинъ человекъ, рѣшительный, смѣлый — и еще вѣрный! Сей витязь былъ Петръ Федоровичъ Басмановъ, братъ убитаго разбойниками (въ 1604 году) Ивана Басманова, дотолѣ извѣстный только чрезвычайною судьбою отца и дѣда ⁽²⁵⁰⁾, которые, всѣмъ жертвуя Иоанновой милости, своею гибелію доказали Небесное правосудіе : наслѣдовавъ ихъ духъ цареворческій, онъ соединялъ въ себѣ великія способности ума и даже нѣкоторыя благородныя качества сердца съ совѣстію уклонною, нестрогою, будучи готовъ на добро и зло для первенства между людьми. Борисъ видѣлъ въ юномъ Басмановѣ только достоинства ; вывелъ его, вмѣстѣ съ братомъ, изъ родовой опалы на степень знатности, въ 1601 году давъ ему санъ Окольного, и вмѣстѣ съ Бояриномъ, Княземъ Никитою Романовичемъ Трубецкимъ, послалъ-было спасти Черниговъ ⁽²⁵¹⁾; но они за 15 верстъ до сего города свѣдали, что тамъ уже Самозванецъ, и заключились въ Новѣгородѣ. Тогда узнали Басманова! Великая опасность поставила его выше Боярина Трубецкаго : принявъ начальство въ городѣ, гдѣ все колебалось отъ внушеній измѣны или страха, онъ истинною и грозою обуздалъ предательство : самъ увѣренный въ обманѣ, увѣрилъ въ немъ и другихъ;

Витязь
Басма-
новъ.

самъ не боясь смерти, устрашилъ мятежниковъ казнію ; сжегъ предмѣстія , и съ пятисотною дружиною Стрѣльцевъ Московскихъ заперся въ крѣпости , волею или неволею взявъ къ себѣ и знатнѣйшихъ жителей ⁽²⁵²⁾. 11 Ноября Ажедимитрій подступилъ къ Новугороду : тутъ Россіане привѣтствовали его , въ первый разъ, ядрами и пулями ! Онъ требовалъ переговоровъ : Басмановъ съ зажженнымъ фитилемъ стоялъ на стѣнѣ и слушалъ клеветы Самозванцева , Ляха Бучинскаго, который сказалъ , что Царь и Великій Князь Димитрій готовъ быть отцемъ воиновъ и жителей , если ему сдадутся , или , въ случаѣ упорства , не оставитъ живымъ ни груднаго младенца въ Новѣгородѣ. «Великій Князь и «Царь въ Москвѣ,» отвѣтствовалъ Басмановъ : «а вашъ Димитрій разбойникъ сядетъ на колъ, «вмѣстѣ съ вами.» Отрепьевъ посылалъ и Россійскихъ измѣнниковъ уговаривать Басманова, но бесполезно ; хотѣлъ взять крѣпость смѣлымъ приступомъ , и былъ отраженъ ; хотѣлъ огнемъ разрушить ея стѣны , но не успѣлъ и въ томъ ; лишился многихъ людей , и видѣлъ бѣдствіе предъ собою : станъ его унылъ ; Басмановъ давалъ время войску Борисову ополчиться и примѣръ неробости инымъ градоначальникамъ.

Но добрыя вѣсти утѣшили Самозванца. Въ крѣпкомъ Путивлѣ начальствовали знатный Окольниковъ, Михайло Салтыковъ , и Князь Василій Рубецъ-Мосальскій : сей послѣдній , какъ воинъ не безъ достоинства, гражданинъ безъ чести и пра-

вилъ, съ Дьякомъ Сутуповымъ объявилъ себя за мнимаго Царевича; самъ возмутилъ гражданъ и ратниковъ; самъ связалъ Салтыкова, и (18 Ноября) предавъ сіе важное мѣсто Разстригѣ, сдѣлался съ того времени любимцемъ его и совѣтникомъ ⁽²⁵³⁾. Не менѣе важный Рыльскъ, Волость Комарницкая или Сѣвская, Борисовъ, Бѣлгородъ, Волуйки, Осколь, Воронежъ, Кромь, Ливны, Елецъ (гдѣ находился и ревностно дѣйствовалъ тогда Монахъ Леонидъ ⁽²⁵⁴⁾ подъ именемъ Григорія Отрепьева) также поддалися Самозванцу. Вся южная Россія кипѣла бунтомъ; вездѣ вязали чиновниковъ, едва ли искренно вѣрныхъ Борису, и представляли Лжедмитрію, который немедленно освобождалъ ихъ и съ милостію принималъ къ себѣ въ службу ⁽²⁵⁵⁾. Рать его умножалась новыми толпами измѣнниковъ. Перехвативъ казну, тайно везенную Московскими купцами въ медовыхъ бочкахъ къ начальникамъ Сѣверскихъ городовъ ⁽²⁵⁶⁾, онъ послалъ знатную часть ея въ Литву, къ Князю Вишневецкому и Пану Рожинскому, чтобы набирать тамъ новыя дружины сподвижниковъ; а самъ еще стоялъ подъ Новымъ городомъ, стрѣлялъ изъ большихъ пушекъ, разрушалъ стѣны ⁽²⁵⁷⁾. Басмановъ не слабѣлъ духомъ и мужествовалъ въ счастливыхъ вылазкахъ; но видя разрушеніе крѣпости, и зная, что войско Борисово илетъ спасти ее, онъ хитро заключилъ перемиріе съ Самозванцемъ, будто бы въ ожиданіи вѣстей изъ Москвы, и во всякомъ случаѣ обязываясь сдаться

ему чрезъ двѣ недѣли. Уже Самозванецъ считалъ Новгородъ своимъ и Басманова плѣнникомъ.

Сія быстрые успѣхи оболъщенія поразили Годунова и всю Россію. Царь увидѣлъ, вѣроятно, свою ошибку — и сдѣлалъ другую; увидѣлъ, что ему надлежало бы не обманывать людей знаками лицемѣрнаго презрѣнія къ Разстригѣ, но готовымъ, сильнымъ войскомъ отразить его отъ нашей границы и не впускать въ Сѣверскую землю, гдѣ еще жилъ старый духъ Литовскій, и гдѣ скопище злодѣевъ, бѣглецовъ, слугъ опальныхъ ⁽²⁵⁸⁾, естественно ожидало мятежа какъ счастія; гдѣ народъ и самые люди воинскіе, удивленные безпрепятственнымъ входомъ Самозванца въ Россію, могли, вѣря внушенію его лазутчиковъ, думать, что Годуновъ дѣйствительно не смѣетъ противиться истинному Іоаннову сыну. Новое доказательство, сколь умъ обманчивъ въ раздорѣ съ совѣстію, и какъ хитрость, чуждая добродѣтели, запутывается въ сѣтяхъ собственныхъ! Еще Робость Годунова. Борисъ могъ бы исправить сію ошибку: сѣсть на браннаго коня и самолично вести Россіянъ противъ злодѣя. Присутствіе Вѣнценосца, его великодушная смѣлость и довѣренность безъ сомнѣнія имѣли бы дѣйствіе. Не рожденный Героемъ, Годуновъ однакожь съ юныхъ лѣтъ зналъ

войну; умѣлъ силою души своей оживлять доблесть въ сердцахъ и спасти Москву отъ Хана ⁽²⁵⁹⁾, будучи только Правителемъ. За него были святость вѣнца и присяги, навѣкъ повиновенія, воспоминаніе многихъ государственныхъ благодѣяній — и Россія на полѣ чести не предала бы Царя Разстригѣ. Но смятенный ужасомъ, Борисъ не дерзалъ итти на встрѣчу къ Димитріевой тѣни: подозрѣвалъ Боярь и вручилъ имъ судьбу свою, назвавъ главнымъ Воеводою Мстиславскаго, добросовѣстнаго, лично мужественнаго, но болѣе знатнаго, нежели искуснаго Предводителя; велѣлъ строго людямъ ратнымъ, всѣмъ безъ исключенія, спѣшить въ Брянскъ, а самъ какъ бы укрывался въ столицѣ!

Однимъ словомъ, судъ Божій гремѣлъ надъ Державнымъ преступникомъ. Никто изъ Россіянъ до 1604 года не сомнѣвался въ убіеніи Димитрія, который возрасталъ на глазахъ всего Углича, и коего видѣлъ весь Угличъ мертваго, въ теченіе пяти дней орошавъ его тѣло слезами: слѣдственно Россіяне не могли благоразумно вѣрить воскресенію Царевича; но они — *не любили Бориса!* Сіе несчастное расположеніе готовило ихъ быть жертвою обмана. Самъ Борисъ ослабилъ свидѣтельство истины, казнивъ важнѣйшихъ очевидцевъ Димитріевой смерти ⁽²⁶⁰⁾, и явно ложными показаніями затмивъ ея страшныя обстоятельства. Еще многіе знали вѣрно сію истину въ Угличѣ, въ Пелымѣ; но тамъ жила въ сердцахъ ненависть къ тирану. Всѣхъ

громогласнѣ, какъ пишутъ ⁽²⁶¹⁾, свидѣ-
тельствowałъ въ столицѣ Князь Василій
Шуйскій, торжественно, на лобномъ мѣ-
стѣ, о несомнительной смерти Царевича,
имѣ видѣннаго во гробѣ и въ могилѣ. То
же писалъ и Патріархъ во всѣ концы Рос-
сіи, ссылаясь и на мать Димитріеву, кото-
рая сама погребала сына ⁽²⁶²⁾. Но безсо-
вѣстность Шуйскаго была еще въ свѣжей
памяти; знали и слѣпую преданность Іова
къ Годунову; слышали только имя Цари-
цы-Инокини; никто не видался, никто не
говорилъ съ нею, снова заключенною въ
пустынь Выксинской. Еще не имѣвъ при-
мѣра въ исторіи Самозванцевъ и не пони-
мая столь дерзкаго обмана; любя древнее
племя Царей и съ жадностію слушая тай-
ные рассказы о мнимыхъ добродѣтеляхъ
Лжедимитрія, Россіяне тайно же переда-
вали другъ другу мысль, что Богъ дѣй-
ствительно, какимъ нибудь чудомъ, достой-
нымъ Его правосудія, могъ спасти Іоан-
нова сына для казни ненавистнаго хищни-
ка и тирана ⁽²⁶³⁾. По крайней мѣрѣ сомнѣ-
вались, и не изъявляли ревности стоять за
Бориса. Разстрига съ своими Ляхами уже
господствовалъ въ нашихъ предѣлахъ, а
воины отечества уклонялись отъ службы,
шли неохотно въ Брянскъ подъ знамена, и
тѣмъ неохотнѣе, чѣмъ болѣе слышали объ
успѣхахъ Лжедимитрія, думая, что самъ

Общее
распо-
ложеніе
умовъ.

Богъ помогаетъ ему. Такъ нелюбовь къ Государю рождаетъ нечувствительность и къ государственной чести!

Въ сей опасности, уже явной, Борисъ прибѣгнулъ къ двумъ средствамъ : къ Церкви и къ строгости. Онъ велѣлъ Іерархамъ пѣть вѣчную память Димитрію въ храмахъ, а Разстригу съ его клеветами, настоящими и будущими, клясть всенародно, на амвонахъ и торжищахъ ⁽²⁶⁴⁾, какъ злаго еретика, умышляющаго не только похитить Царство, но и ввести въ немъ Латинскую Вѣру : слѣдственно Борисъ уже зналъ или угадывалъ обѣтъ, данный Лжедимитріемъ Іезуитамъ и Легату Папскому. Хотя народъ, видѣвъ слабость и потворство Святителей въ изслѣдованіи Димитріева убіенія, не могъ имѣть къ нимъ безпредѣльной довѣренности; но ужасъ анаѳемы долженъ былъ тронуть совѣсть людей набожныхъ и вселить въ нихъ омерзѣніе къ человѣку, отверженному Церковію и преданному ею суду Божію. Второе средство также не осталось безплоднымъ. Издавъ указъ, чтобы съ каждой двухъ сотъ четвертей земли обработанной выходилъ ратникъ въ поле съ конемъ, доспѣхомъ и запасомъ — слѣдственно убавивъ до половины число воиновъ, опредѣленное уставомъ Іоанновымъ ⁽²⁶⁵⁾ — Борисъ требовалъ скорости; писалъ, что владѣльцы богатые живутъ въ домахъ, не заботясь о гибели Царства и Церкви; грозилъ жестокою казнію лѣнливымъ и безпечнымъ, не упоминая о злонамѣренныхъ, и дѣй-

ствительно велѣлъ наказывать ослушныхъ безъ пощады : лишеніемъ имѣнія, темницею и кнутомъ; велѣлъ, чтобы и все слуги Патріаршіе, Святительскіе и монастырскіе, годные для ратнаго дѣла, спѣшили къ войску подъ опасеніемъ тяжкаго гнѣва Царскаго въ случаѣ медленности. «Бывали времена» — сказано въ семъ опредѣленіи Государственнаго Совѣта — «когда и самые Иноки, Священники, Діаконы вооружались для спасенія отечества, не жалѣя своей крови; но мы не хотимъ того : оставляемъ ихъ въ храмахъ, да молятся о Государѣ и Государствѣ.» Сін мѣры, угрозы и наказанія недѣль въ шесть соединили до пятидесяти тысячъ всадниковъ въ Брянскѣ ⁽²⁶⁶⁾, вмѣсто полумилліона, въ 1598 году ополченнаго призывнымъ словомъ Царя, *коего любила Россія!*

Но Борисъ еще оказалъ тогда великодушіе. Шведскій Король, врагъ Сигизмундовъ, услышавъ о Самозванцѣ и вѣроломствѣ Ляховъ, предлагалъ Царю союзъ и войско вспомогательное. Царь отвѣтствовалъ, что Россія не требуетъ вспоможенія иноземцевъ; что она при Іоаннѣ въ одно время восвала съ Султаномъ, Литвою, Швеціею, Крымомъ, и не должна бояться мятежника презрѣннаго ⁽²⁶⁷⁾. Борисъ зналъ, что въ случаѣ вѣрности Россіянъ горсть Шведовъ ему ненужна, а въ случаѣ не-

Велико-
душіе
Борисово.

вѣрности бесполезна, ибо не могла бы спасти его.

Грозный часъ опыта наступалъ: не лѣзя было медлить, ибо Самозванецъ ежедневно усиливался и распространялъ свои мирныя завоеванія. Бояре, Князья Федоръ Ивановичъ Мстиславскій, Андрей Телятевскій, Дмитрій Шуйскій, Василій Голицынъ, Михайло Салтыковъ, Окольничіе Князь Михайло Кашинъ, Иванъ Ивановичъ Годуновъ, Василій Морозовъ, выступили изъ Брянска, чтобы пресѣчь успѣхи измѣны и спасти Новгородскую крѣпость, которая одна противилась Разстригѣ, уже среди подвластной ему страны. — Не только Годуновъ съ мучительнымъ волненіемъ души слѣдовалъ мыслями за Московскими знаменами, но и вся Россія сильно тревожилась въ ожиданіи, чѣмъ Судьба рѣшитъ столь важную прю между Борисомъ и ложнымъ или неложнымъ Димитріемъ: ибо не было общаго удостовѣренія ни въ войскѣ, ни въ Государствѣ. Мысль поднять руку на дѣйствительнаго сына Іоаннова или предаться дерзкому обманщику, клятому Церковію, равно ужасала сердца благородныя. Многіе, и самые благороднѣйшіе изъ Россіянъ, не любя Бориса, но гнушавшаяся измѣною, хотѣли соблюсти данную ему присягу; другіе, слѣдуя единственно внушенію страстей, только желали или не желали перемѣны Царя, и не заботились объ истинѣ, о долгѣ вѣрноподданнаго; а многіе не имѣли точнаго образа мыслей, готовясь думать, какъ велитъ

случай. Если бы въ сіе время открылась проицанію наблюдателя и самая внутренность душъ, то онъ, можетъ быть, еще не рѣшилъ бы для себя вопроса о вѣроятной удачѣ или неудачѣ Самозванцева дѣла: столь расположеніе умовъ было отчасти несогласно, отчасти неясно и нерѣшительно! Войско шло, повинуюсь Царской власти; но колебалось сомнѣніемъ, толками, взаимнымъ недоувѣріемъ.

Приближаясь къ Трубчевску, гдѣ уже славилось имя Димитріева, Воеводы Борисовы писали къ Сендомирскому, чтобы онъ немедленно вышелъ изъ Россіи, мирной съ Литвою, оставивъ злодѣя Разстригу на казнь, имъ заслуженную ⁽²⁶⁸⁾. Мнишекъ не отвѣтствовалъ, въ надеждѣ, что войско Борисово не обнажитъ меча: такъ думалъ Самозванецъ; такъ говорили ему измѣнники, сносясь съ своими единомышленниками въ полкахъ Московскихъ. 18 Декабря, на берегу Десны, верстахъ въ шести отъ стана Лжедимитріева, была перестрѣлка между отрядами того и другаго войска; а на третій день легкая сшибка. Ни съ которой стороны не изъявляли пылкой ревности: Самозванецъ ждалъ, кажется, чтобы рать Борисова, слѣдуя примѣру городовъ, связала и выдала ему своихъ начальниковъ; а Мстиславскій, чтобы непріатель ушелъ безъ битвы, какъ слабѣйшій, едва ли имѣя и 12000 воиновъ ⁽²⁶⁹⁾. Но не выдали ни измѣны, ни бѣгства; перешло къ Лжедимитрію только три человѣка изъ дѣтей Бо-

Битва. ярскихъ. Оставивъ Новгородъ и свой укрѣпленный станъ, онъ выстроился на равнинѣ, весьма неблагопріятной для войска малочисленнаго; оказывалъ спокойствіе и бодрость; говорилъ рѣчь къ сподвижникамъ ⁽²⁷⁰⁾, стараясь воспламенить ихъ мужество; молился велегласно, воздѣвъ руки на небо, и дерзнулъ, какъ увѣряють, громко произнести слѣдующія слова: «Всевышній! Ты зришь глубину моего «сердца. Если обнажаю мечъ неправедно и «беззаконно, то сокруши меня Небеснымъ «громомъ» . . . (увидимъ 17 Мая 1606 года!) . . . «Когда же я правъ и чистъ душею, дай силу неодолимую рукъ моей въ «битвѣ! А Ты, Мать Божія, буди покровомъ «нашего воинства» ⁽²⁷¹⁾! 21 Декабря началось дѣло, сперва не жаркое; но вдругъ конница Польская съ воплемъ устремилась на правое крыло Россіянъ, гдѣ предводительствовали Князья Дмитрій Шуйскій и Михайло Кашинъ: оно дрогнуло, и въ бѣгствѣ опрокинуло средину войска, гдѣ стоялъ Мстиславскій: изумленный такою робостію и такимъ безпорядкомъ, онъ удерживалъ мечемъ своихъ и непріятелей; бился въ свалкѣ; облился кровію, и съ пятнадцатью ранами упалъ на землю: дружина Стрѣльцевъ едва спасла его отъ плѣна ⁽²⁷²⁾. Часъ былъ рѣшительный: если бы Лжедмитрій общимъ нападеніемъ подкрѣпилъ ударъ

смѣлыхъ Ляховъ , то вся рать Московская , какъ пишутъ очевидцы , представила бы зрѣлище срамнаго бѣгства; но онъ далъ ей время опомниться : 700 Нѣмецкихъ всадниковъ , вѣрныхъ Борису , удержали стремленіе непріятельскихъ , и лѣвое крыло наше уцѣлѣло. Тогда же Басмановъ вышелъ изъ крѣпости , чтобы дѣйствовать въ тылу у Самозванца , который , слыша выстрѣлы позади себя и видя свой укрѣпленный станъ въ пламени ⁽²⁷³⁾ , прекратилъ битву. Обѣ стороны вдругъ отступили , Лжедимитрій хвалясь побѣдою и четырьмя тысячами убитыхъ непріятелей , а Борисовы Воеводы отъ стыда безмолвствуя , хотя и взявъ нѣсколько плѣнниковъ. Чтобы менѣе стыдиться , Россіяне выдумали басню : увѣряли , что Ляхи испугали ихъ коней , нарядясь въ медвѣжьи шубы на-выворотъ ; иноземцы же , свидѣтели сего малодушнаго бѣгства , пишутъ , что Россіяне не имѣли , казалось , ни мечей , ни рукъ , имѣя единственно ноги ⁽²⁷⁴⁾ !

Однакожъ мнимый побѣдитель не веселился. Сія битва странная доказала не то , чего хотѣлось Самозванцу : Россіяне сражались съ нимъ худо , безъ усердія , но сражались ; бѣжали , но отъ него , а не къ нему. Онъ зналъ , что безъ ихъ общаго предательства ни Ляхи , ни Козаки не свергнутъ Бориса , и страшился быть между двумя огнями , двумя вѣрными Воеводами , Мстиславскимъ и Басмановымъ , который видя отступление перваго , снова заключился въ крѣпости , готовый умереть въ ея развалинахъ. На другой

день присоединилось къ Лжедимитрію 4000 Запорожцевъ (275), и войско Борисово удалилось къ Стародубу Сѣверскому, но для того, чтобы ожидать тамъ другихъ, свѣжихъ полковъ изъ Брянска, и могло чрезъ нѣсколько дней возвратиться къ Новугороду, обороняемому столь усиленно. Ревность наемниковъ и союзниковъ ослабѣла: Ляхи надѣялись вести своего Царя въ Москву безъ кровопролитія; увидѣли что надобно ратоборствовать; не любили ни зимнихъ походовъ, ни зимнихъ осадъ — и какъ легкомысленно начали, такъ легкомысленно и кончили: объявили, что идутъ назадъ, будто бы исполняя указъ Сигизмундовъ не воевать съ Россіею въ случаѣ, если она будетъ стоять за Царя Годунова. Тицетно убѣждалъ ихъ Лжедимитрій не терять надежды: осталось не болѣе четырехъ сотъ удалцевъ Польскихъ (276); всѣ другіе бѣжали во-свояси, а съ ними и горестный Мнишекъ. Думая, что все погибло, и Княжество Смоленское для него и Царство для Марины, сей вѣтранный старецъ еще дружественно простился съ женихомъ ея и смѣло обѣщалъ ему возвратиться съ сильнѣйшею ратію. Но Самозванецъ, едва ли уже вѣря нареченному тестю, еще вѣрилъ счастію: съ обрядами священными предавъ на полѣ сраженія тѣла убитыхъ, своихъ и непріятелей, и снявъ осаду Нова-

Поляки
остав-
ляютъ
Само-
званца.

города, расположилъ станомъ въ Комарницкой Волости, занялъ Сѣвскій острогъ, спѣшилъ вооружать, кого могъ : гражданъ и земледѣльцевъ. Рать Борисова не дала ему времени.

Смятеніе Воеводъ Московскихъ было столь велико, что они даже медлили извѣстить Царя о битвѣ : узнавъ отъ другихъ всѣ ея печальныя обстоятельства, Борисъ (1 Генваря) послалъ Князя Василя Шуйскаго къ войску, быть вторымъ предводителемъ онаго, а Чашника Вельяминова къ раненному Мстиславскому, ударить ему челомъ за кровь, проліянную имъ изъ усердія къ святому отечеству, и сказать именемъ Государя : «Когда ты, совершивъ знаменитую службу, увидишь образъ Спасовъ, Богоматери, Чудотворцевъ Московскихъ и наши Царскія очи : тогда пожалуемъ тебя выше твоего чаянія. Нынѣ шлемъ къ тебѣ искуснаго врача, да будешь здоровъ и снова на конѣ ратномъ.» Всѣмъ инымъ Воеводамъ Царь велѣлъ объявить свое неудовольствіе за ихъ преступное молчаніе, но войско увѣрить въ милости ⁽²⁷⁷⁾. Чтобы блестящею наградою мужества оживить доблесть въ сердцахъ Россіянъ, Борисъ, искренно довольный однимъ Басмановымъ, Честъ Басманову. призывалъ его къ себѣ, выслалъ знатнѣйшихъ государственныхъ сановниковъ на встрѣчу къ Герою и собственныя велико-

лѣнные сани для торжественнаго вѣзда въ Москву со всею Царскою пышностію; далъ ему изъ своихъ рукъ тяжелое золотое блюдо, насыщенное червонцами, и 2000 рублей ⁽²⁷⁸⁾, множество серебряныхъ сосудовъ изъ казны Кремлевской, доходное помѣстье и санъ Боярина Думнаго. Столица и Россія обратили взоръ на сего новаго Вельможу, ознаменованнаго вдругъ и славою подвига и милостию Царскою; перевозили его необыкновенныя достоинства — и любимецъ Государевъ сдѣлался любимцемъ народнымъ, первымъ человѣкомъ своего времени въ обществѣ мнѣніи. Но столь блестящая награда одного была укоризною для многихъ и естественно раждала негодованіе зависти между знатыми. Если бы Царь осмѣлился презрѣть уставъ Боярскаго старѣйшинства и дать главное Воеводство Басманову, то, можетъ быть, спасъ бы свой Домъ отъ гибели и Россію отъ бѣдствій: чего Судьба не хотѣла! Призвавъ Басманова въ Москву, вѣроятно, съ намѣреніемъ пользоваться его совѣтами въ Думѣ, Царь отнялъ лучшаго Воеводу у рати и сдѣлалъ, кажется, новую ошибку, избравъ Шуйскаго въ начальники. Сей Князь, подобно Мстиславскому, могъ не робѣть смерти въ битвахъ, но не имѣлъ ни ума, ни души Вождя истиннаго, рѣшительнаго и смѣлаго; увѣренный въ самозванствѣ бродяги, не думалъ предать ему отечества, но, угождая Борису какъ царедворецъ льстивый, помнилъ свои опалы: видѣлъ, можетъ быть, не безъ тайнаго удовольствія муку

его тиранскаго сердца, и желая спасти честь Россіи, зложелательствовалъ Царю.

Шуйскій, провождаемый множествомъ чиновныхъ Стольниковъ и Стряпчихъ ⁽²⁷⁹⁾, нашелъ войско близъ Стародуба въ лѣсахъ, между засѣками, гдѣ оно, усиленное новыми дружинами, какъ бы таилось отъ непріятеля, въ бездѣйствіи, въ уныніи, съ Предводителемъ недужнымъ; другая запасная рать подъ начальствомъ Федора Шереметева собиралась близъ Кромъ, такъ, что Борисъ имѣлъ въ полѣ не менѣе осьмидесяти тысячъ воиновъ ⁽²⁸⁰⁾. Мстиславскій, еще изнемогая отъ ранъ, и Шуйскій немедленно двинулись къ Сѣвску, гдѣ Лжедмитрій не хотѣлъ ждать ихъ: смѣлый отчаяніемъ, вышелъ изъ города и встрѣтился съ ними въ Добрыничахъ. Силы были несоразмѣрны: у него 15,000, кон- Побѣда
Воеводъ
Борисо-
выхъ. ныхъ и пѣшихъ; у Воеводъ Борисовыхъ 60 или 70 тысячъ. Узнавъ, что полки наши тѣснятся въ деревнѣ, онъ хотѣлъ ночью зажечь ее и въ располхъ нагрянуть на сонныхъ: тамошніе жители взялись подвести его къ селенію незамѣтно; но стражи увидѣли сіе движеніе: сдѣлалась тревога, и непріятель удалился ⁽²⁸¹⁾. Ждали разсвѣта (21 Генваря). Самозванецъ молился, говорилъ рѣчь къ своимъ, какъ и въ день Новгородской битвы; раздѣлилъ войско на три части: для перваго удара взялъ себѣ

400 Ляховъ и 2000 Россіянъ всадниковъ, которые всѣ отличались бѣлою одеждою сверхъ латъ, чтобы знать другъ друга въ сѣчѣ (²⁸²): за ними должны были итти 8000 Козаковъ, также всадниковъ, и 4000 пѣшихъ воиновъ съ пушками. Утромъ началась сильная пальба. Россіяне, столь многочисленные, не шли впередъ, съ обѣихъ сторонъ примыкая къ селенію, гдѣ стояла ихъ пѣхота. Оглядѣвъ устроеніе Московскихъ Воеводъ, Лжедимитрій сѣлъ на борзаго, каряго аргамака, держа въ рукѣ обнаженный мечъ, и повелъ свою конницу долиною, чтобы стремительнымъ нападеніемъ разрѣзати войско Борисово между селеніемъ и правымъ крыломъ. Мстиславскій, слабый и томный, былъ на концѣ: угадалъ мысль непріятеля, и двинулъ сіе крыло, съ иноземною дружиною, къ нему на встрѣчу. Тутъ Разстрига, какъ истинный витязь, оказалъ смѣлость необыкновенную: сильнымъ ударомъ смялъ Россіянъ и погналъ ихъ; сломилъ и дружину иноземную (²⁸³), не смотря на ея мужественное, блестящее сопротивленіе, и кинулся на пѣхоту Московскую, которая стояла предъ деревнею съ огнестрѣльнымъ снарядомъ — и не трогалась, какъ бы въ оцѣпенѣніи; ждала, и вдругъ залпомъ изъ сорока пушекъ, изъ десяти или двѣнадцати тысячъ ружей, поразила непріятеля: множество всадниковъ и коней пало; кто уцѣлѣлъ, бѣжалъ назадъ въ безпамятствѣ страха — и самъ Лжедимитрій. Уже Козаки его неслись было во всю прыть довершить легкую побѣду

своего Героя; но видя, что она не ихъ, обратили тылъ, сперва Запорожцы, а послѣ и Донцы, и пѣхота. 5000 Россіянъ и Нѣмцы, съ кликомъ : *Hilf Gott* (*помоги Богъ*), гнали, разили бѣгущихъ на пространствѣ осьми верстъ, убили тысячь шесть, взяли не мало и плѣнниковъ, 15 знаменъ, 13 пушекъ; наконецъ истребили бы всѣхъ до единого, если бы Воеводы, какъ пишутъ ⁽²⁸⁴⁾, не велѣли имъ остановиться, думая, вѣроятно, что все кончено, и что самъ Лжедмитрій убитъ. Съ сею счастливою вѣстію прискакалъ въ Москву сановникъ Шеинъ, и нашелъ Царя молящагося въ Лаврѣ Св. Сергія . . .

Борисъ затрепеталъ отъ радости; велѣлъ пѣть благодарственные молебны, звонить въ колокола и представить народу трофеи : знамена, трубы и бубны Самозванцевы; далъ гонцу санъ Окольниковичаго, послалъ съ любимымъ Стольникомъ, Княземъ Мезецкимъ, золотыя медали Воеводамъ, а войску 80,000 рублей ⁽²⁸⁵⁾, и писалъ къ первымъ, что ждетъ отъ нихъ вѣсти о концѣ мятежа, будучи готовъ отдать вѣрнымъ слугамъ и послѣднюю свою рубашку; въ особенности благодарилъ усердныхъ иноземцевъ и двухъ ихъ Предводителей, Вальтера Розена, Ливонскаго Дворянина, и Француза Якова Маржерета; наконецъ изъявлялъ живѣйшее удовольствіе, что побѣда стоила намъ не дорого : ибо мы лишились въ битвѣ только пяти сотъ Россіянъ и двадцати-пяти Нѣмцевъ ⁽²⁸⁶⁾.

Но Самозванецъ былъ живъ : побѣдители, безъ

временно веселясь и торжествуя, упустили его : онъ на раненомъ конѣ ускакалъ въ Сѣвскъ, и въ ту же ночь бѣжалъ далѣе, въ городъ Рыльскъ, съ немногими Ляхами, съ Княземъ Татевымъ и съ другими измѣнниками. Въ слѣдующій день явились къ нему разсѣянные Запорожцы : Самозванецъ не выпустилъ ихъ въ городъ, какъ малодушныхъ трусовъ или предателей ⁽²⁸⁷⁾, такъ, что они съ досадою и стыдомъ ушли во-свояси. Не видя для себя безопасности и въ Рыльскѣ, Лжедимитрій искалъ ее въ Путивлѣ, лучше укрѣпленномъ и ближайшемъ къ границѣ; а Воеводы Борисовы все еще стояли въ Добрыничахъ, занимаясь казнями : вѣшали плѣнниковъ (кромѣ Литовскихъ, Пана Тишкѣвича и другихъ, посланныхъ въ Москву); мучили, разстрѣливали земледѣльцевъ, жителей Комарницкой Волости, за ихъ измѣну ⁽²⁸⁸⁾, безжалостно и безразсудно, усиливая тѣмъ остревеніе мятежниковъ, ненависть къ Царю и доброе расположеніе къ обманщику, который миловалъ и самыхъ усердныхъ слугъ своего непріятеля. Сія жестокость, вмѣстѣ съ оплошностію Воеводъ, спасли злодѣя. Уже лишенный всей надежды, разбитый на голову, почти истребленный, съ горстію бѣглецовъ унылыхъ, онъ хотѣлъ тайно уйти изъ Путивля въ Литву : измѣнники отчаянные удержали его, сказавъ : «мы всѣмъ тебѣ жертвовали, а ты думаешь только о жизни постыдной, и предаешь насъ мести Годунова; но еще можемъ спастися, выдавъ

«тебя живаго Борису» ⁽²⁸⁹⁾! Они предложили ему все, что имѣли: жизнь и достояніе; ободрили его; ручались за множество своихъ единомышленниковъ и въ полкахъ Борисовыхъ и въ Государствѣ. Не менѣе ревности оказали и Козаки Донскіе: ихъ снова пришло къ Самозванцу 4000 въ Путивль ⁽²⁹⁰⁾; другіе засѣли въ городахъ, и клялися оборонять ихъ до послѣдняго издыханія. Лжедмитрій волею и неволею остался; послалъ Князя Татова къ Сигизмунду ⁽²⁹¹⁾ требовать немедленнаго вспоможенія; укрѣплялъ Путивль, и слѣдуя совѣту измѣнниковъ, издалъ новый Манифестъ, рассказывая въ немъ свою вымышленную исторію о Дмитріевомъ спасеніи, свидѣтельствуясь именемъ людей умершихъ ⁽²⁹²⁾, особенно даромъ Князя Ивана Мстиславскаго, крестомъ драгоцѣннымъ, и прибавляя, что онъ (Дмитрій) тайно воспитывался въ Бѣлоруссіи, а послѣ тайно же былъ съ Канцлеромъ Сапѣгою въ Москвѣ, гдѣ видѣлъ хищника Годунова сидящаго на престолѣ Иоанновомъ. Сей второй Манифестъ, удовлетворяя любопытству баснями, дотолѣ неизвѣстными, умножилъ число друзей Самозванца, хотя и разбитаго. Говорили, что Россіяне шли на него только принужденно, съ неизъяснимою боязнію, внушаемою чѣмъ-то сверхъестественнымъ, безъ сомнѣнія Небомъ; что они побѣдили случайно, и не устояли бы безъ слѣднаго остервененія Иѣмцевъ; что Провидѣніе очевидно хотѣло спасти сего витязя и въ самой несчастной битвѣ; что онъ и въ самой

крайности не оставленъ Богомъ, не оставленъ вѣрными слугами, которые, признавъ въ немъ истиннаго Димитрія, еще готовы жертвовать ему собою, женами, дѣтьми, и конечно не могли бы имѣть столь великаго усердія къ обманщику. Такія разглашенія сильно дѣйствовали на легко-вѣрныхъ, и многіе люди, особенно изъ Комарницкой Волости, гдѣ свирѣпствовала месть Борисова, стекались въ Путивль, требуя оружія и чести умереть за Димитрія.

Между тѣмъ Воеводы Царскіе — свѣдавъ, что Самозванецъ не истребленъ — тронулись съ мѣста, приступили къ Рыльску, и не обѣщая никому помилованія, хотѣли, чтобы городъ сдался безъ условія. Тамъ начальствовали злые измѣнники, Князь Григорій Долгорукій-Роща и Яковъ Змѣевъ: видя предъ собою висѣлицу, они велѣли сказать Мстиславскому: «служимъ Царю Димитрію» — и залпомъ изъ всѣхъ пушекъ доказали свою непреклонность ⁽²⁹³⁾. Воеводы стояли двѣ недѣли подъ городомъ, хвалились не во-время челоуѣколюбіемъ, жалѣли крови, и рѣшились дать отдохновеніе войску, дѣйствительно утружденному зимнимъ походомъ; отступили въ Комарницкую Волость и донесли Царю, что будутъ ждать тамъ весны въ покойныхъ станахъ. Но Борисъ, послѣ кратковременной радости встревоженный извѣстіями о спасеніи Лжедимитрія и новыхъ прельщеній измѣны, досадуя на Мстиславскаго и всѣхъ его сподвижниковъ, послалъ къ нимъ въ Острогъ Радогостскій Окольного

Петра Шереметева и Думнаго Дьяка Власьева съ дружиною Московскихъ Дворянъ и съ гнѣвнымъ словомъ : укорялъ ихъ въ нерадѣніи, винилъ въ упущеніи Самозванца изъ рукъ, въ бесполезности побѣды, и произвелъ всеобщее негодованіе въ войскѣ. Жаловались на жестокость и несправедливость Царя, тѣ, которые дотолѣ вѣрно исполняли присягу, обагрились кровію въ битвахъ, изнемогли отъ трудовъ ратныхъ ; еще болѣе жаловались зломысленники, чтобы усиливать нелюбовь къ Царю — и могли хвалиться успѣхомъ : ибо съ сего времени, по извѣстію Лѣтописца ⁽²⁹⁴⁾, многіе чиновники воинскіе видимо склонялись къ Самозванцу, и желаніе *избыть Бориса* овладѣло сердцами. Измѣна возникала, но еще не дозрѣла до мятежа; еще наблюдалось, хотя и неохотно, повиновеніе законное. Слѣдуя строгому предписанію Государеву, Мстиславскій и Шуйскій снова вывели войско въ поле, чтобы удивить Россію ничтожностію своихъ дѣйствій : оставили Ажедимитрія на свободѣ въ Путивлѣ, соединились съ запасною ратію Осдора Шереметева ⁽²⁹⁵⁾, уже двѣ или три недѣли тѣснившаго Кромъ, и вмѣстѣ съ нимъ, въ Великій ностъ, начали осаждать сію крѣпость. Дѣло невѣроятное : тысячъ восемьдесятъ или болѣе ратниковъ, имѣя множество стѣнобитныхъ орудій,

Осада
Кромъ.

безъ успѣха приступало къ деревянному городку, ибо въ немъ, сверхъ жителей, сидѣло 600 мужественныхъ Донцевъ ⁽²⁹⁶⁾ съ храбрымъ Атаманомъ Корелою! Осаждающіе ночью сожгли городъ, заняли пепелище и валъ; но Козаки сильною, мѣткою стрѣльбою не допускали ихъ до острога, и Бояринъ Михайло Глѣбовичъ Салтыковъ, или малодушный или уже предатель, не сказавъ ни слова главнымъ Воеводамъ, велѣлъ рати отступить, въ тотъ часъ, когда ей должно было устремиться на послѣднюю ограду измѣнниковъ ⁽²⁹⁷⁾. Мстиславскій и Шуйскій не дерзнули наказать виновнаго, уже видя худое расположеніе въ сподвижникахъ — и съ сего дня, въ надеждѣ взять крѣпость голодомъ, только стрѣляли изъ пушекъ, не вредя осажденнымъ, которые выкопали себѣ землянки и подъ защитою вала укрывались въ нихъ безопасно; иногда же выпалзывали изъ своихъ норъ и дѣлали смѣлыя вылазки ⁽²⁹⁸⁾. Между тѣмъ войско, стоя на снѣгу и въ сырости, было жертвою повальной болѣзни: смертоноснаго мыта ⁽²⁹⁹⁾. Сіе бѣдствіе еще оказало достохвальную заботливость Царя, приславшаго въ станъ лекарства и все нужное для спасенія болящихъ, но умножило нерадивость осады, такъ, что въ бѣлый день 100 возовъ хлѣба и 500 Козаковъ Лжедимитріевыхъ изъ Путивля могли пройти въ обожженные Кромьы ⁽³⁰⁰⁾.

Досадуя на замедленіе воинскихъ дѣйствій, Борисъ хотѣлъ инымъ способомъ, какъ пишутъ современники, избавить себя и Россію отъ зло-

дѣя. Три Инока, знавшіе Отрепьева Діакономъ, явились въ Путивлѣ (8 Марта) съ грамотами отъ Государя и Патріарха къ тамошнимъ жителямъ : первый обѣщалъ имъ великія милости, если они выдадутъ ему Самозванца, живаго или мертваго ; второй грозилъ срашнымъ дѣйствіемъ Церковной анаѣмы. Сихъ Монаховъ схватили и привели къ Лжедмитрію, который употребилъ хитрость : вмѣсто его, въ Царскомъ одѣяніи, на тронѣ, сидѣлъ Полякъ Иванницкій, и представляя лице Самозванца, спросилъ у нихъ : «знаете ли меня?» Монахи сказали : «нѣтъ; знаемъ только, что «ты во всякомъ случаѣ не Димитрій.» Ихъ стали пытать : двое терпѣли и молчали; а третій снасъ себя объявленіемъ ⁽³⁰¹⁾, что у нихъ есть ядъ, коимъ они, исполняя волю Борисову, хотѣли умерить Лжецаревича, и что нѣкоторые изъ ближнихъ его людей въ заговорѣ съ ними. Ядъ дѣйствительно нашелся въ сапогѣ у младшаго изъ сихъ Иноковъ, и Самозванецъ, открывъ двухъ измѣнниковъ между своими любимцами, предалъ ихъ въ жертву народной мести. Увѣряютъ, что онъ, хваляся явнымъ Небеснымъ къ нему благоволеніемъ, писалъ тогда къ Патріарху и къ самому Царю : укорялъ Іова злоупотребленіемъ Церковной власти въ пользу хищника, а Письмо Бориса убѣждалъ мирно оставить престолъ Само-

званца
къ Бо-
рису.

и свѣтъ, заключиться въ монастырѣ и жить для спасенія души, обѣщая ему свою Царскую милость ⁽³⁰²⁾. Такое письмо, если дѣйствительно писанное и доставленное Годунову, было конечно новымъ искушеніемъ для его твердости!

Душа сего властолюбца жила тогда ужасомъ и притворствомъ. Обманутый побѣдою въ ея слѣдствіяхъ, Борисъ страдалъ, видя бездѣйствіе войска, нерадивость, неспособность или зломыслие Воеводъ, и боясь смѣнить ихъ, чтобы не избрать худшихъ; страдалъ, внимая молвѣ народной, благопріятной для Самозванца, и не имѣя силы унять ее, ни снисходительными убѣжденіями, ни клятвою Святительскою, ни казнію: ибо въ сіе время уже рѣзали языки нескромнымъ ⁽³⁰³⁾. Доносы ежедневно умножались, и Годуновъ страшился жестокостію ускорить общую измѣну: еще былъ Самодержцемъ, но чувствовалъ оцѣпенѣніе власти въ рукѣ своей, и съ престола, еще окруженнаго льстивыми рабами, видѣлъ открытую для себя бездну! Дума и Дворъ не измѣнялись наружно: въ первой текли дѣла, какъ обыкновенно; второй блисталъ пышностію, какъ и дотошъ. Сердца были закрыты: одни таили страхъ, другіе злорадство; а всѣхъ болѣе долженъ былъ принуждать себя Годуновъ, чтобы уныніемъ и разслабленіемъ духа не пред-

вѣстить своей гибели — и, можетъ быть, только въ глазахъ вѣрной супруги обнаруживалъ сердце : казалъ ей кровавыя, глубокія раны его, чтобы облегчать себя свободнымъ стenanіемъ. Онъ не имѣлъ утѣшенія чистѣйшаго : не могъ предаться въ волю Святаго Провидѣнія, служа только идолу властолюбія : хотѣлъ еще наслаждаться плодомъ Димитріева убіенія, и дерзнулъ бы конечно на злодѣяніе новое, чтобы не лишиться приобрѣтеннаго злодѣйствомъ. Въ такомъ ли расположеніи души утѣшается смертный вѣрою и надеждою Небесною? Храмы были отверсты : Годуновъ молился — Богу неумолимому для тѣхъ, которые не знаютъ ни добродѣтели, ни раскаянія! Но есть предѣлъ мукамъ — въ бренности нашего естества земнаго,

Борису исполнилось 53 года отъ рожденія : въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ мужества онъ имѣлъ недуги, особенно жестокую подагру, и легко могъ, уже старѣясь, истощить свои тѣлесныя силы душевнымъ страданіемъ. Борисъ 13 Апрѣля, въ часть утра, судилъ и рядилъ съ Вельможами въ Думѣ, принималъ знатныхъ иноземцевъ ⁽³⁰⁴⁾, обѣдалъ съ ними въ Золотой палатѣ, и едва вставъ изъ-за стола, почувствовалъ дурноту : кровь хлынула у него изъ носу, ушей и рта ; лилась рѣкою : врачи, столь имъ любимые, не могли остано-

Кончи-
на Го-
дунова.

вить ее. Онъ терялъ память, но успѣлъ благословить сына на Государство Россійское, воспріять Ангельскій Образъ съ именемъ Боголѣпа, и чрезъ два часа испустилъ духъ, въ той же храминѣ, гдѣ пировалъ съ Боярами и съ пономѣрами

Къ сожалѣнію, потомство не знаетъ ничего болѣе о сей кончинѣ, разительной для сердца. Кто не хотѣлъ бы видѣть и слышать Годунова въ послѣднія минуты *такой* жизни — читать въ его взорахъ и въ душѣ, смятенной незапнымъ наступленіемъ вѣчности? Предъ нимъ были тронъ, вѣнецъ и могила: супруга, дѣти, ближніе уже обреченныя жертвы Судьбы; рабы неблагодарные, уже съ готовою измѣною въ сердцахъ; предъ нимъ и Святое Знаменіе Христіанства: образъ Того, Кто не отвергаетъ, можетъ быть, и поздняго раскаянія! . . . Молчаніе современниковъ, подобно непроницаемой завѣсѣ, сокрыло отъ насъ зрѣлище столь важное, столь нравоучительное, позволяя дѣйствовать одному воображенію.

Увѣряютъ, что Годуновъ былъ самоубійцею, въ отчаяніи лишивъ себя жизни ядомъ ⁽³⁰⁵⁾; но обстоятельства и родъ его смерти подтверждаютъ ли истину сего извѣстія? И сей пѣж-ный отецъ семейства, сей человѣкъ сильный духомъ, могъ ли, спасаясь ядомъ отъ бѣдствія, малодушно оставить жену и дѣтей на гибель, почти несомнительную? И торжество Самозванца было ли вѣрно, когда войско еще не

измѣняло Царю дѣломъ; еще стояло, хотя и безъ усердія, подъ его знаменами? Только смерть Борисова рѣшила успѣхъ обмана; только измѣнники, явные и тайные, могли желать, могли *ускорить* ее — но всего вѣроятнѣе, что ударъ, а не ядъ прекратилъ бурные дни Борисовы, къ истинной скорби отечества: ибо сія безвременная кончина была Небесною казнію для Россіи еще болѣе, нежели для Годунова: онъ умеръ по крайней мѣрѣ на тронѣ, не въ узахъ предъ бѣглымъ Діакономъ, какъ бы еще въ воздаяніе за государственныя его благоутворенія; Россія же, лишенная въ немъ Царя умнаго и попечительнаго, сдѣлалась добычею злодѣйства на многія лѣта.

Но имя Годунова, одного изъ разумнѣйшихъ Властителей въ мірѣ, въ теченіе столѣтій было и будетъ произносимо съ омерзѣніемъ, во славу нравственнаго неуклоннаго правосудія. Потомство видитъ лобное мѣсто обогренное кровію невинныхъ, Св. Димитрія издыхающаго подъ ножомъ убійцы, Героя Псковскаго въ петлѣ, столь многихъ Вельможъ въ мрачныхъ темницахъ и келліяхъ; видитъ гнусную мзду, рукою Вѣщеносца предлагаемую клеветникамъ-доносителямъ; видитъ систему коварства, обмановъ, лицемерія предъ людьми и Богомъ... вездѣ личину добродѣтели, и гдѣ добродѣтель? въ правдѣ ли судовъ Борисовыхъ, въ щедрости, въ любви къ гражданскому образованію, въ ревности къ величію Россіи, въ Политикѣ мирной и

здравой? Но сей яркій для ума блескъ хладенъ для сердца, удостовѣреннаго, что Борисъ не усомнился бы ни въ какомъ случаѣ дѣйствовать вопреки своимъ мудрымъ государственнымъ правиламъ, если бы властолюбіе потребовало отъ него такой перемѣны. Онъ *не былъ*, но *бывалъ* тираномъ; не безумствовалъ, но злодѣйствовалъ подобно Іоанну, устраняя совмѣстниковъ или казня недоброжелателей. Если Годуновъ на-время благоустроилъ Державу, на-время возвысилъ ее во мнѣніи Европы, то не онъ ли и ввергнулъ Россію въ бездну злополучія, почти неслыханнаго — предалъ въ добычу Ляхамъ и бродягамъ, вызвалъ на оеатръ сонмъ мстителей и самозванцевъ истребленіемъ древняго племени Царскаго? Не онъ ли, наконецъ, болѣе всѣхъ содѣйствовалъ униженію престола, возсѣвъ на немъ святоубійцею?

ГЛАВА III.

ЦАРСТВОВАНИЕ ТЕОДОРА БОРИСОВИЧА ГОДУНОВА.

Г. 1605.

Присяга Теодору. Достоинства юного Царя. Избраніе Басманова въ Военачальники. Присяга войска. Измѣна Басманова. Самозванецъ усиливается. Измѣна Голицыныхъ и Салтыкова. Измѣна войска. Походъ къ Москвѣ. Оцѣпенныя умовъ въ столицѣ. Измѣна Москвитянъ. Сведеніе Теодора съ престола. Присяга Лжедмитрію. Заточеніе Патріарха и Годуновыхъ. Цареубійство.

Еще Россіяне погребли Бориса съ че- г. 1605.
стію во храмъ Св. Михаила, между памятниками своихъ Вѣнценосцевъ Варяжскаго племени; еще Духовенство льстило ему и въ могилѣ: Святители въ окружныхъ грамотахъ къ монастырямъ писали о *безпорочной и праведной душѣ его, мирно отшедшей къ Богу* ⁽³⁰⁶⁾! Еще всѣ, отъ Патріарха и Синклита до мѣщанъ и земледѣльцевъ, съ видомъ усердія присягнули «Царицѣ Маріи ^{Присяга Теодору.} и дѣтямъ ея, Царю Теодору и Ксеніи ⁽³⁰⁷⁾, обязываясь страшными клятвами не измѣнять имъ, не умышлять на ихъ жизнь, и не хотѣть на Государство Московское ни

«бывшаго Великаго Князя Тверскаго, слѣпца Симеона, ни злодѣя, именующаго себя «Димитріемъ; не избѣгать Царской службы, и не бояться въ ней ни трудовъ, ни «смерти.» Достигнувъ вѣнца злодѣйствомъ, Годуновъ былъ однакожь Царемъ законнымъ: сынъ естественно наслѣдовалъ права его, утвержденныя *двукратною* присягою ⁽³⁰⁸⁾, и какъ бы давалъ имъ новую силу прелестію своей невинной юности, красоты мужественной, души равно твердой и кроткой; онъ соединялъ въ себѣ умъ отца съ добродѣтелію матери, и шестнадцати лѣтъ удивлялъ Вельможъ даромъ слова и свѣдѣніями необыкновенными въ тогдашнее время: первымъ счастливымъ плодомъ Европейскаго воспитанія въ Россіи; рано узналъ и науку правленія, отрокомъ засѣдая въ Думѣ; узналъ и сладость благодѣянія, всегда употребляемый родителемъ въ посредники между закономъ и милостію ⁽³⁰⁹⁾. Чего не лзя было ожидать Государству отъ такого Вѣценосца? Но тѣнь Борисова съ ужасными воспоминаніями омрачала престолъ Θεодоровъ: ненависть къ отцу пренятствовала любви къ сыну. Россіяне ждали только бѣдствій отъ злаго племени, въ ихъ глазахъ опальнаго предъ Богомъ, и страшась быть жертвою Небесной казни за Годунова, не уstraшились подвергнуться сей казни за преступленіе собственное: за

Досто-
инства
юваго
Царя.

вѣроломство, осуждаемое уставомъ Божественнымъ и человѣческимъ.

Еще Феодоръ, столь юный, имѣлъ нужду въ совѣтникахъ: мать его блистала единственно скромными добродѣтелями своего пола. Немедленно велѣли тремъ знатнѣйшимъ Боярамъ, Князьямъ Мстиславскому, Василью и Дмитрію Шуйскимъ, оставить войско и быть въ Москву, чтобы правительствовать въ Синклитѣ; возвратили свободу, честь и достояніе славному Бѣльскому ⁽³¹⁰⁾, чтобы также пользоваться его умомъ и свѣдѣніями въ Думѣ. Но всего важнѣе было избраніе главнаго Воеводы: Избраніе Басманова въ Военачальники. искали уже не старѣйшаго, а способнѣйшаго, и выбрали — Басманова, ибо не могли сомнѣваться ни въ его воинскихъ дарованіяхъ, ни въ вѣрности, доказанной дѣлами блестящими. Юный Феодоръ, въ присутствіи матери, сказалъ ему съ умиле-ніемъ: «служи намъ, какъ ты служилъ отцу моему» — и сей честолюбецъ, пылая (такъ казалось) чувствомъ усердія, клялся умереть за Царя и Царицу ⁽³¹¹⁾! Басманову дали въ товарищи одного изъ знатнѣйшихъ Бояръ, Князя Михайла Катырева-Ростовскаго, добраго и слабодушнаго. Послали съ ними и Митрополита Новгородскаго, Исидора, чтобы войско въ его присутствіи цѣловало крестъ на имя Феодора. — Нѣсколько дней прошло въ тишинѣ

для столицы. Дворъ и народъ торжественно молились о душѣ Царя усопшаго; гораздо искреннѣе молились истинные друзья отечества о спасеніи Государства, предвидя бурю. Съ нетерпѣніемъ ждали вѣстей изъ Кромскаго стана — и первыя донесенія новыхъ Воеводъ казались еще благопріятными.

Невидимо держа въ рукѣ судьбу отечества, Басмановъ 17 Апрѣля ⁽³¹²⁾ прибылъ въ станъ, и не нашелъ тамъ уже ни Мстиславскаго, ни Шуйскихъ; созвалъ всѣхъ, чиновниковъ и рядовыхъ, подъ знамена; извѣстилъ ихъ о воцареніи Θεодора, и прочиталъ имъ грамоты его, весьма милостивыя; юный Монархъ обѣщалъ вѣрному, усердному войску безпримѣрныя награды послѣ сорочинъ Борисовыхъ. Сильное внутреннее движеніе обнаружилось на лицахъ: нѣкоторые плакали о Царѣ усопшемъ, боясь за Россію; другіе не таили злой радости. Но войско, подобно Москвѣ, присягнуло Θεодору. Съ симъ извѣстіемъ Митрополитъ Исидоръ возвратился въ столицу: самъ Басмановъ доносилъ о томъ а чрезъ нѣсколько дней узнали его измѣну!

Прися-
га вой-
ска.

Измѣна
Басма-
нова.

Удививъ современниковъ, дѣло Басманова удивляетъ и потомство. Сей человекъ имѣлъ душу, какъ увидимъ въ роковой часъ его жизни; не вѣрилъ Самозванцу; столь ревностно обличалъ и столь муже-

ственно разилъ его подъ стѣнами Новагорода Сѣверскаго; былъ осыпанъ милостями Бориса, удостоенъ всей довѣренности Θεодора, избранъ въ спасители Царя и Царства, съ правомъ на ихъ благодарность безпредѣльную, съ надеждою оставить блестящее имя въ лѣтописяхъ — и палъ къ ногамъ Разстриги, въ видѣ гнуснаго предателя! Изъяснимъ ли такое непонятное дѣйствіе худымъ расположеніемъ войска? Скажемъ ли, что Басмановъ, предвидя неминуемое торжество Самозванца, хотѣлъ ускореніемъ измѣны спасти себя отъ уничтоженія: хотѣлъ лучше отдать и войско и Царство обманщику, нежели быть выданнымъ ему мятежниками ⁽³¹³⁾? Но полки еще клялися именемъ Божіимъ въ вѣрности къ Θεодору: какою новою ревностію могъ бы одушевить ихъ Воевода доблій, силою своего духа и закона обуздавъ зломысленниковъ? Нѣтъ, вѣримъ сказанію Лѣтописца, что не общая измѣна увлекла Басманова, но Басмановъ произвелъ общую измѣну войска ⁽³¹⁴⁾. Сей честолюбецъ безъ правилъ чести, жадный къ наслажденіямъ временщика, думалъ, вѣроятно, что гордые, завистливые родственники Θεодоровы никогда не уступятъ ему ближайшаго мѣста къ престолу, и что Самозванецъ безродный, имъ (Басмановымъ) возведенный на царство, естественно будетъ привязанъ благодарностію и собственною пользою къ главному виновнику своего счастія: судьба ихъ дѣлалась нераздѣльною — и кто могъ затмить Басманова достоинствами личными?

Онъ зналъ другихъ Бояръ и себя: не зналъ только, что сильные духомъ падаютъ какъ младенцы на пути беззаконія! Басмановъ, вѣроятно, не дерзнулъ бы измѣнить Борису, который дѣйствовалъ на воображеніе и долговременнымъ повелительствомъ и блескомъ великаго ума государственнаго: Θεодоръ, слабый юностію лѣтъ и новостію Державства, вселялъ смѣлость въ предателя, вооруженнаго суетумдріемъ для успокоенія сердца: онъ могъ думать, что измѣною спасаетъ Россію отъ ненавистной Олигархіи Годуновыхъ, вручая скипетръ хотя и самозванцу, хотя и человѣку низкаго происхожденія, но смѣлому, умному, другу знаменитаго Вѣнценосца Польскаго, и какъ бы избранному Судьбою для совершенія достойной мести надъ родомъ святоубійцы; могъ думать, что направить Лжедмитрія на путь добра и милости: обманетъ Россію, но загладитъ сей обманъ — ея счастіемъ! Можетъ быть, Басмановъ выѣхалъ изъ столицы еще въ нерѣшимости, готовый дѣйствовать по обстоятельствамъ, для выгодъ своего честолюбія; можетъ быть, онъ рѣшился на измѣну единственно тогда, какъ увидѣлъ преклонность и Восводъ и войска къ обманщику. Всѣ цѣловали крестъ Θεодору (ибо никто не дерзнулъ быть первымъ мятежникомъ), но большею частію съ нехотѣніемъ или съ уныніемъ. И тѣ, которые дотолѣ не вѣрили мнимому Димитрію, стали вѣрить ему, будучи поражены незапною смертію Годунова, и находя въ ней новое доказательство,

что не самозванецъ, а дѣйствительно на-
слѣдникъ Іоанновъ требуетъ своего закон-
наго достоянія : ибо Всевышній — какъ они
думали ⁽³¹⁵⁾ — несомнительно благоволитъ
о немъ и ведетъ его, чрезъ могилу хищ-
ника, на царство. Замѣтили также, что въ
присягѣ Θεодоровой Самозванецъ не былъ
именованъ Отрепьевымъ : слагатели ея,
вѣроятно безъ умысла, написали един-
ственно : *клянемся не приставать къ тому,*
кто именуется себя Димитріемъ ⁽³¹⁶⁾. «Слѣд-
ственно» — говорили многіе — «сказка о
«бѣгломъ Діакопѣ Чудовскомъ уже торже-
ственно объявляется вымысломъ. Кто же
«сей Димитрій, если не истинный?» Самые
вѣрные имѣли печальную мысль, что Тео-
дору не удержаться на престолѣ. Такое
расположеніе умовъ и сердець обѣщало
легкій успѣхъ измѣнѣ : Басмановъ наблю-
далъ, рѣшился, и готовя Россію въ даръ
обманщику, безъ сомнѣнія удостовѣрился,
посредствомъ тайныхъ сношеній, въ его
благодарности.

Оставленный на свободѣ въ Путивлѣ, Самозванецъ усиливается.
Лжедимитрій въ теченіе трехъ мѣсяцевъ
укрѣплялъ свои города и вооружалъ людей;
писалъ къ Минишкѣ, что надѣется на сча-
стіе болѣе, нежели когда нибудь; посылалъ
дары къ Хану, желая заключить съ нимъ
союзъ; ждалъ новыхъ сподвижниковъ изъ
Галиціи, и былъ усиленъ дружиною всад-

никовъ, приведенныхъ къ нему Михайломъ Ратомскимъ, который увѣрялъ его, что въ слѣдъ за нимъ будетъ и Воевода Сеидомирскій съ Королевскими полками ⁽³¹⁷⁾. Но только смерть Борисова, только измѣна Воеводъ Царскихъ могла исполнить дерзкую надежду Разстриги : о первой свѣдалъ онъ въ концѣ Апрѣля отъ бѣглеца, Дворянина Бахметева ⁽³¹⁸⁾; о второй въ началѣ Мая, вѣроятно отъ самого Басманова — и съ того времени зналъ все, что происходило въ станѣ Кромскомъ.

Измѣна
Голицы-
ныхъ и
Салты-
кова.

Отдавъ честь мужа Думнаго и славу знаменитаго витязя за прелесть исключительнаго Вельможства подъ скиптромъ бродяги, Басмановъ, увѣренный въ сей награду, увѣрилъ въ ней и другихъ низкихъ самолюбцевъ : Боярина Князя Василья Васильевича Голицына, брата его Князя Ивана, и Михайла Глѣбовича Салтыкова ⁽³¹⁹⁾, которые также не имѣли ни совѣсти, ни стыда, и также хотѣли быть временщиками новаго царствованія въ воздаяніе за гнусное злодѣйство. Но и злодѣи ищутъ благовидныхъ предлоговъ въ своихъ ковахъ : обманывая другъ друга, лицемѣры находили въ Лжедмитріи всѣ признаки истиннаго ⁽³²⁰⁾, добродѣтели Царскія и свойства души высокой ; дивились чудесной судьбѣ его, ознаменованной перстомъ Божиимъ; злословили царство Годуновыхъ, снисканное лукав-

ствомъ и беззаконіемъ ; оплакивали бѣдствіе войны междоусобной и кровопролитной, необходимой для удержанія короны на слабой главѣ Феодоровой, и въ торжествѣ Разстриги видѣли пользу, тишину, счастье Россіи. Они условились въ предательствѣ, и спѣшили дѣйствовать. Еще нѣсколько дней коварствовали втайнѣ, умножая число надежныхъ единомышленниковъ (между коими отличались ревностію Боярскіе Дѣти городовъ Рязани ⁽³²¹⁾, Тулы, Коширы, Алексина); успокоивали совѣсть людей малоумныхъ, недалъновидныхъ, твердя и повторяя, что для Россіянъ одна присяга законная : данная ими Іоанну и дѣтямъ его; что повѣйшія, взятые съ нихъ на имя Бориса и Феодора, суть плодъ обмана и недѣйствительны, когда сынъ Іоанновъ не умираетъ и здравствуетъ въ Путивлѣ. Наконецъ, 7 Мая ⁽³²²⁾, заговоръ открылся : ударили тревогу; Басмановъ сѣлъ на коня, и громогласно объявилъ Димитрія Царемъ Московскимъ. Тысячи воскликнули, и Рязанцы первые : «да здравствуетъ же отецъ «нашъ, Государь Димитрій Іоанновичъ!» Другіе еще безмолвствовали въ изумленіи. Тогда единственно проснулись Воеводы вѣрные, обманутые коварствомъ Басманова: Князя Михайло Катыревъ-Ростовскій, Андрей Телятевскій, Иванъ Ивановичъ Годуновъ ; но поздно ! Видя малое число усерд-

Памѣна
войска.

ныхъ къ Θεодору, они бѣжали въ Москву, вмѣстѣ съ нѣкоторыми чиновниками и воинами, Россіянами и чужеземцами ⁽³²³⁾: ихъ гнали, били; настигли Ивана Годунова, и связаннаго привели въ станъ, гдѣ войско въ несчастномъ заблужденіи торжествовало измѣну какъ свѣтлый праздникъ отечества. Никто не смѣлъ изъяснить сомнѣнія, когда знаменитѣйшій противникъ Самозванца, Герой Новагорода-Сѣверскаго, уже призналъ въ немъ сына Іоаннова — и радость, видѣть снова на тропѣ древнее племя Царское, заглушала упреки совѣсти для обольщенныхъ вѣроломцевъ! . . . Въ сей памятный беззаконіемъ день первенствовалъ Басмановъ дерзкимъ злодѣйствомъ, а другой измѣнникъ подлымъ лукавствомъ: Князь Василій Голицынъ велѣлъ связать себя, желая на всякій случай увѣрить Россію, что предастся обманщику невольнo ⁽³²⁴⁾!

Нарушивъ клятву, войско съ знаками живѣйшаго усердія обязалось другою: измѣнивъ Θεодору, быть вѣрнымъ мнимому Дмитрію, и дало знать Атаману Корелѣ, что они служатъ уже одному Государю. Война прекратилась: Кромскіе защитники вышолзли изъ своихъ поръ и братски обнимались съ бывшими непріятелями на валу крѣпости; а Князь Иванъ Голицынъ спѣшилъ въ Путивль, уже не къ Царевичу, а къ Царю ⁽³²⁵⁾, съ повинною отъ имени войска и съ узникомъ Иваномъ Годуновымъ въ залогъ вѣрности. Ажедмитріій имѣлъ нужду въ необычно-

венной душевной силѣ, чтобы скрыть свою
чрезмѣрную радость : важно , величаво си-
дѣлъ на тронѣ, когда Голицынъ, провож-
даемый множествомъ сановниковъ и Дво-
рянъ ⁽³²⁶⁾, смиренно билъ ему челомъ, и
съ видомъ благоговѣнія говорилъ такъ :
«Сынъ Іоанновъ! войско вручаетъ тебѣ
«державу Россіи, и ждетъ твоего милосер-
«дія. Обошленные Борисомъ, мы долго
«противились нашему Царю законному :
«нынѣ же, узнавъ истину, все единодушно
«тебѣ присягнули. Иди на престолъ роди-
«тельскій; царствуй счастливо , и многія
«лѣта! Враги твои, клеветы Борисовы,
«въ узахъ. Если Москва дерзнетъ быть
«строптивою, то смиримъ ее. Иди съ нами
«въ столицу, вѣнчаться на царство!» . . Въ
сей самый часъ, по извѣстію Лѣтописца,
нѣкоторые Дворяне Московскіе, смотря на
Лжедмитрія, узнали въ немъ Діакона
Отрепьева ⁽³²⁷⁾ : содрогнулись, но уже не
смѣли говорить, и плакали тайно. Хитро
представляя лице Монарха великодушнаго,
тронутаго раскаяніемъ виновныхъ поддан-
ныхъ, счастливый обманщикъ не благода-
рилъ, а только простилъ войско; велѣлъ
ему идти къ Орлу ⁽³²⁸⁾, и самъ выступилъ
туда 19 Мая изъ Путивля съ 600 Ляховъ, ^{Нѣмцы}
съ Донцами и своими Россіянами, старѣй- <sup>къ Мо-
сквѣ.</sup>
шими другихъ въ измѣнѣ; хотѣлъ видѣть
развалины Кромъ, прославленные муже-

ствомъ ихъ защитниковъ, и тамъ, оглядѣвъ пепелище, валъ, землянки Козаковъ и необозримый, укрѣпленный станъ, гдѣ въ теченіе шести недѣль болѣе осмидесяти тысячъ добрыхъ воиновъ за семидесятью огромными пушками укрывалось въ бездѣйствіи, изъяснилъ удивленіе и хвалился чудомъ Небесной къ нему милости. Далѣе на пути встрѣтили Разстригу Воеводы, Михайло Салтыковъ, Князь Василій Голицынъ, Шереметевъ и Глава предательства, Басмановъ сей послѣдній съ искреннею клятвою умереть за того, кому онъ жертвовалъ совѣстію и бѣднымъ отечествомъ! Единодушно принятый войскомъ какъ Царь благодатный, Ажедимитрій распустилъ часть его на мѣсяць для отдохновенія ⁽³²⁹⁾, другую послалъ къ Москвѣ, а самъ съ двумя или тремя тысячами надежнѣйшихъ сподвижниковъ шелъ тихо въ слѣдъ за нею. Вездѣ народъ и люди воинскіе встрѣчали его съ дарами; крѣпости, города сдавались: изъ самой отдаленной Астрахани привезли къ нему въ цѣпяхъ Воеводу, Михайла Сабурова, ближняго родственника Θεодорова. Только въ Орлѣ горсть великодушныхъ не хотѣла измѣнить закону: сихъ достойныхъ Россіянъ, къ сожалѣнію неизвѣстныхъ для Исторіи, ввергнули въ темницу ⁽³³⁰⁾. Всѣ другіе ревностно преклоняли колѣна, славили Бога и Димитрія, какъ нѣкогда Героя Донскаго или завоевателя Казани! На улицахъ, на дорогахъ тѣснились къ его коню, чтобы лобызать ноги Самозванца! Все было въ

волненіи, не ужаса, но радости. Исчезъ оплотъ стыда и страха для измѣны: она бурною рѣкою стремилась къ Москвѣ, неся съ собою гибель Царю и народной чести. Тамъ первыми вѣстниками злополучія были бѣглецы добросовѣстные, Воеводы Катыревъ-Ростовскій и Телятевскій съ ихъ дружинами ⁽³³¹⁾. Θεодоръ, еще пользуясь Царскою властію, изъявилъ имъ благодарность отечества торжественными наградами — и какъ бы спокойно ждалъ своего жребія на бѣдственномъ тронѣ, видя вокругъ себя уже немногихъ друзей искреннихъ, отчаяніе, недоумѣніе, притворство, а въ народѣ еще тишину, но грозную: готовность къ великой перемѣнѣ, тайно же-лаемой сердцами ⁽³³²⁾. Можетъ быть, зло-

Оцѣне-
ніе
умовъ
въ сто-
лицѣ.

мысліе и лукавство нѣкоторыхъ Думныхъ Совѣтниковъ, благопріятствуя Самозванцу, усыпляли жертву на канупѣ ея закланія: обманывали Θεодора, его мать и ближнихъ, уменьшая опасность или предлагая мѣры недѣйствительныя для спасенія. Власть верховная дремала въ палатахъ Кремлевскихъ, когда Отрепьевъ шелъ къ столицѣ, — когда имя Димитрія уже гремѣло на берегахъ Оки, — когда на самой Красной площади толпился народъ, съ жадностію слушая вѣсти объ его успѣхахъ. Еще были Воеводы и воины вѣрные: юный Стратигъ Державный, въ видѣ Ангела красоты и невинно-

сти, еще могъ бы смѣло итти съ ними на сонмы ослѣпленныхъ клятвопреступниковъ и на подлаго Разстригу: въ дѣлѣ законномъ есть сила особенная, непонятная и страшная для беззаконія. Но если не коварство, то чудное оцѣненіе умовъ предавало Москву въ мирную добычу злодѣйству. Звукъ оружія и движенія ратныя могли бы дать бодрость унылымъ и страхъ измѣнникамъ; но спокойствіе, ложное, смертоносное, господствовало въ столицѣ, и служило для козней вождѣлѣннымъ досугомъ. Дѣятельность Правительства оказывалась единственно въ томъ, что ловили гонцевъ съ грамотами отъ войска и Самозванца къ Московскимъ жителямъ ⁽³³³⁾: грамоты жгли, гонцевъ сажали въ темницу; наконецъ не устерегли — и въ одинъ часъ все совершилось!

Извѣна
Москви-
тянъ.

Алѣксѣй, угадывая, что его письма не доходятъ до Москвы, избралъ двухъ саванниковъ смѣлыхъ, расторопныхъ, Плещеева и Пушкина ⁽³³⁴⁾: далъ имъ грамоту и велѣлъ ѣхать въ Красное село, чтобы возмутить тамошнихъ жителей, а чрезъ нихъ и столицу. Сдѣлалось, какъ думалъ. Купцы и ремесленники Красносельскіе, илѣнные довѣренностію мнимаго Димитрія, присягнули ему съ ревностію, и торжественно ввели гонцевъ его (1 Іюня) въ Москву, открытую, безоружную: ибо вой-

ны, высланные Царемъ для усмиренія сихъ мятежниковъ, бѣжали назадъ, не обнаживъ меча; а Красносельцы, славя Димитрія, нашли множество единомышленниковъ въ столицѣ, мѣщанъ и людей служивыхъ; другихъ силою увлекли за собою: нѣкоторые пристали къ нимъ только изъ любопытства. Сей шумный сонмъ стремился къ лобному мѣсту, гдѣ, по данному знаку, все умолкло, чтобы слушать грамоту Лжедимитріеву къ Синклиту, къ Большимъ Дворянамъ, сановникамъ, людямъ Приказнымъ, воинскимъ, торговымъ, *среднимъ* и чернымъ ⁽³³⁵⁾. «Вы клялися «отцу моему» — писалъ Разстрига — «не измѣнять его дѣтямъ и потомству во вѣки вѣковъ, «но взяли Годунова въ Цари. Не упрекаю васъ: «вы думали, что Борисъ умертвилъ меня въ лѣтахъ младенческихъ; не знали его лукавства и «не смѣли противиться человѣку, который уже «самовластвовалъ и въ царствованіе Феодора «Іоанновича, — жаловалъ и казнилъ, кого хотѣлъ. Имъ обольщенные, вы не вѣрили, что я, «спасенный Богомъ, иду къ вамъ съ любовію и «кротостію. Драгоцѣнная кровь лилася... Но «жалѣю о томъ безъ гнѣва: невѣдѣніе и страхъ «позвиняютъ васъ. Уже судьба рѣшилась: города «и войско мои. Дерзнете ли на брань междоусобную въ угодность Маріи Годуновой и сыну ея? «Имъ не жаль Россіи: они не своимъ, а чужимъ «владѣютъ; упитали кровію землю Сѣверскую и «хотятъ разоренія Москвы. Вспомните, что было «отъ Годунова вамъ, Бояре, Воеводы и всѣ люди

«знаменитые : сколько опаль и безчестія несно-
 «снаго? А вы, Дворяне и Дѣти Боярскіе, чего
 «не претерпѣли въ тягостныхъ службахъ и въ
 «ссылкахъ? А вы, купцы и гости, сколько утѣ-
 «сненій имѣли въ торговлѣ, и какими неумѣрен-
 «ными пошлинами отягощались? Мы же хотимъ
 «васъ жаловать безпримѣрно : Бояръ и всѣхъ
 «мужей сановитыхъ честію и новыми отчинами,
 «Дворянъ и людей Приказныхъ милостію, гостей
 «и купцевъ льготою, въ непрерывное теченіе
 «дней мирныхъ и тихихъ. Дерзните ли быть не-
 «преклонными? Но отъ нашей Царской руки не
 «избудете : иду и сяду на престолѣ отца моего;
 «иду съ сильнымъ войскомъ, своимъ и Литов-
 «скимъ : ибо не только Россіяне, но и чуже-
 «земцы охотно жертвуютъ мнѣ жизнию. Самые
 «невѣрные Ногаи хотѣли слѣдовать за мною : я
 «велѣлъ имъ остаться въ степяхъ, щадя Россію.
 «Страшитесь гибели, временной и вѣчной; стра-
 «шитесь отвѣта въ день суда Божія : смиритесь,
 «и немедленно пришлите Митрополитовъ, Архіе-
 «пископовъ, мужей Думныхъ, Большихъ Дво-
 «рянъ и Дьяковъ, людей воинскихъ и торго-
 «выхъ, бить намъ челомъ, какъ вашему Царю
 «законному.» Народъ Московскій слушалъ съ
 «благоговѣніемъ и разсуждалъ такъ ⁽³³⁶⁾ : «Войско
 «и Бояре поддалися безъ сомнѣнія не ложному
 «Димитрію. Онъ приближается къ Москвѣ : съ
 «кѣмъ стоятъ намъ противъ его силы? съ гор-
 «стію ли бѣглецовъ Кромскихъ? съ нашими ли
 «старцами, женами и младенцами? и за кого? за

«ненавистныхъ Годуновыхъ, похитителей Дер-
жавной власти? Для ихъ спасенія предадимъ ли
«Москву пламени и разоренію? Но не спасемъ
«ни ихъ, ни себя сопротивленіемъ бесполез-
«нымъ. Слѣдственно не о чемъ думать : должно
«прибѣгнуть къ милосердію Димитрія!»

И въ то время, когда сіе незаконное Вѣче
располагало Царствомъ, главные совѣтники Пре-
стола трепетали въ Кремлѣ отъ ужаса. Патріархъ
молилъ Бояръ дѣйствовать, а самъ, въ смятеніи
духа, не мыслилъ явиться на лобномъ мѣстѣ въ
ризахъ Святительскихъ, съ крестомъ въ десни-
цѣ, съ благословеніемъ для вѣрныхъ, съ клят-
вою для измѣнниковъ : онъ только плакалъ ⁽³³⁷⁾!
Знатнѣйшіе Бояре, Мстиславскій и Василій Шуй-
скій, Бѣльскій и другіе Думные Совѣтники вы-
шли изъ Кремля къ гражданамъ, сказали имъ
нѣсколько словъ въ увѣщаніе, и хотѣли схва-
тить гонцевъ Лжедимитріевыхъ : народъ не далъ
ихъ и завопилъ : «Время Годуновыхъ минова-
«лось! Мы были съ ними во тѣмъ кромѣшней :
«солнце восходитъ для Россіи! Да здравствуетъ
«Царь Димитрій! Клятва Борисовой памяти! Ги-
«бель племени Годуновыхъ!» Съ симъ воплемъ
толпы ринулись въ Кремль. Стража и тѣлохра-
нители исчезли вмѣстѣ съ подданными для Оео-
дора : дѣйствовали одни буйные мятежники; вло-
мились во дворецъ, и дерзостною рукою косну-
лись того, кому недавно присягали : стащили
юнаго Царя съ престола ⁽³³⁸⁾, гдѣ онъ искалъ
безопасности! Мать злосчастная упала къ но-

Сведе-
ніе Тео-
дора съ
престо-
ла.

Прися-
га Лже-
имит-
рію.

гамъ неистовыхъ и слезно молила не о царствѣ, а только о жизни милаго сына! Но мятежники еще страшились быть извергами : безвредно вывели Θεодора, его мать и сестру изъ дворца въ Кремлевскій соборный домъ Борисовъ, и тамъ приставили къ нимъ стражу ; всѣхъ родственниковъ Царскихъ, Годуновыхъ, Сабуровыхъ, Вельяминовыхъ , заключили, имѣніе ихъ расхитили, дома сломали ; не оставили ничего цѣлаго и въ жилищѣ иноземныхъ Медиковъ, любимцевъ Борисовыхъ ; хотѣли грабить и погребав казенные , но удержались , когда Бѣльскій напомнилъ имъ , что все казенное уже есть Димитріево ⁽³³⁹⁾. Сей пѣстунъ меньшаго Іоаннова сына ⁽³⁴⁰⁾ явился тогда вдругъ главнымъ совѣтникомъ народа , какъ злѣйшій врагъ Годуновыхъ , и вмѣстѣ съ другими Боярами , малодушными или коварными , старался утишить мятежъ именемъ Царя новаго. Всѣ дали присягу Димитрію , и (3 Іюня) Вельможи , Князья Иванъ Михайловичъ Воротынский , Андрей Телятевскій , Петръ Шереметевъ , Думный Дьякъ Власевъ , и другіе знатнѣйшіе чиновники , Дворяне , граждане выѣхали изъ столицы съ повинною къ Самозванцу въ Тулу ⁽³⁴¹⁾. Уже вѣстникъ Плещеева и Пушкина предупредилъ ихъ ; уже Разстрига зналъ все , что слѣвалось въ Москвѣ , и еще не былъ спокоенъ : послалъ

туда Князя Василья Голицына, Мосальскаго и Дьяка Сутупова ⁽³⁴²⁾ съ тайнымъ наказомъ, а Петра Басманова съ воинскою дружиною, чтобы мерзостнымъ злодѣйствомъ увѣнчать торжество беззаконія.

Сии достойные слуги Лжедимитріевы, принятые въ Москвѣ какъ полновластные исполнители Царской воли, начали дѣло свое съ Патріарха. Слабодушнымъ участіемъ въ козняхъ Борисовыхъ лишивъ себя довѣренности народной, не имѣвъ мужества умереть за истину и за Θεодора, онѣмѣвъ отъ страха, и даже, какъ увѣряютъ, вмѣстѣ съ другими Святителями *бивъ челомъ* Самозванцу ⁽³⁴³⁾, надѣялся ли Іовъ снискать въ немъ срамную милость? Но Лжедимитрій не вѣрилъ его безстыдству; не вѣрилъ, чтобы онъ могъ съ видомъ благоговѣнія возложить Царскій вѣнецъ на своего бѣглаго Діакона — и для того Послы Самозванцевы объявили народу Московскому, что рабъ Годуновыхъ не долженъ остаться Первосвятителемъ. Свергнувъ Царя, народъ во дни беззаконія не усомнился свергнуть и Патріарха ⁽³⁴⁴⁾. Іовъ совершалъ Литургію въ храмѣ Успенія: вдругъ мятежники неистовые, вооруженные коньями и дреколіемъ, вбѣгаютъ въ церковь; не слушаютъ Божественнаго пѣнія; стремятся въ Олтарь, хватаютъ и влекутъ Патріарха; рвутъ съ него одежду

Заточеніе Патріарха и Годуновыхъ.

Святительскую . . . Тутъ несчастный Іовъ изъявилъ и смиреніе и твердость : снявъ съ себя панагію и положивъ ее къ образу Владимірской Богоматери, сказалъ громогласно : «Здѣсь, предъ сею Святою иконою, я былъ удостоенъ сана Архіерейскаго, и 19 лѣтъ хранилъ цѣлость Вѣры : нынѣ вижу бѣдствіе Церкви, торжество «обмана и ереси. Матерь Божія! спаси Православіе!» Его одѣли въ черную ризу, *та-скали, позорили въ храмѣ, на площади, и вывезли въ телегѣ изъ города, чтобы заключить въ монастырѣ Старицкомъ. —* Удаливъ важнѣйшаго свидѣтеля истины, противнаго Самозванцу, рѣшили судьбу Годуновыхъ, Сабуровыхъ и Вельяминовыхъ ⁽³⁴⁵⁾ : отравили ихъ скованныхъ въ темницы городовъ дальнихъ, Низовыхъ и Сибирскихъ (ненавистнаго Семена Годунова задавили въ Переславлѣ). Немедленно рѣшили и судьбу Державнаго семейства.

Царс-
убій-
ство.

Юный Феодоръ, Марія и Ксенія, сидя подѣ стражею въ томъ домѣ, откуда властолюбіе Борисово извлекло ихъ на театръ гибельнаго величія, угадывали свой жрекій. Народъ еще уважилъ въ нихъ святость Царскаго сана, — можетъ быть, и святость непорочности; можетъ быть, въ самомъ неистовствѣ бунта желалъ, чтобы мнимый Димитрій оказалъ великодушіе, и взявъ себѣ корону, оставилъ жизнь не-

счастливымъ хотя въ уединеніи какого нибудь монастыря пустыннаго. Но великодушіе въ семъ случаѣ казалось Разстригѣ несогласнымъ съ Политикою: чѣмъ болѣе достоинствъ личныхъ имѣлъ сверженный, законный Царь, тѣмъ болѣе онъ могъ страшить Лжецаря, возводимого на престолъ злодѣйствомъ нѣкоторыхъ и заблужденіемъ многихъ; успѣхъ измѣны всегда готовитъ другую — и никакая пустыня не скрыла бы Державнаго юношу отъ умиленія Россіяны. Такъ, вѣроятно, думалъ и Басмановъ; однакожь не хотѣлъ явно участвовать въ дѣлѣ ужасномъ: зло и добро имѣютъ степени! Другіе были смѣлѣе: Князья Голицынъ и Мосальскій, чиновники Молчановъ и Шереметевъ (³⁴⁶), взявъ съ собою трехъ звѣровидныхъ Стрѣльцовъ, 10 Іюня пришли въ домъ Борисовъ: увидѣли Θεодора и Ксенію сидящихъ спокойно подлѣ матери, въ ожиданіи воли Божіей (³⁴⁷); вырвали нѣжныхъ дѣтей изъ объятій Царицы, развели ихъ по особымъ комнатамъ, и велѣли Стрѣльцамъ дѣйствовать: они въ ту же минуту удавили Царицу Марію; но юный Θεодоръ, надѣленный отъ природы силою необыкновенною, долго боролся съ четырьмя убійцами, которые едва могли одолѣть и задушить его (³⁴⁷). Ксенія была несчастіе матери и брата: осталась жива: гнусный сластолюбецъ Разстрига слышалъ объ ея прелестяхъ, и велѣлъ Князю Мосальскому взять ее къ себѣ въ домъ. Москвѣ объявили, что Θεодоръ и Марія сами лишили себя жизни ядомъ; но трупы ихъ,

дерзостно выставленные на позоръ, имѣли несомнительные признаки удавленія ⁽³⁴⁸⁾. Народъ толпился у бѣдныхъ гробовъ, гдѣ лежали двѣ вѣщносныя жертвы, супруга и сынъ властолюбца, который обожалъ — и погубилъ ихъ, давъ имъ престолъ на ужасъ и на смерть лютѣйшую! «Святая кровь Димитріева,» говорятъ Лѣтописцы, «требовала крови чистой ⁽³⁴⁹⁾, и невинные пали за виновнаго, да страшатся преступники и за своихъ ближнихъ!» Многіе смотрѣли только съ любопытствомъ, но многіе и съ умиленіемъ; жалѣли о Маріи, которая, бывъ дочерью гнуснѣйшаго изъ палачей Іоанновыхъ и женою святоубійцы, жила единственно благодѣяніями, и коей Борисъ не смѣлъ никогда открывать своихъ злыхъ намѣреній ⁽³⁵⁰⁾; еще болѣе жалѣли о Θεодорѣ, который цвѣлъ добродѣтелію и надеждою: столько имѣлъ, и столько общалъ прекраснаго, для счастія Россіи, если бы оно угодно было Провидѣнію! — Нарушили и покоиство могилъ: выкопали тѣло Борисово, вложили въ раку деревянную, перенесли изъ церкви Св. Михаила въ дѣвичій монастырь Св. Варсонофія на Срѣтенкѣ ⁽³⁵¹⁾, и погребли тамъ уединенно, вмѣстѣ съ тѣлами Θεодора и Маріи! Такъ совершилась казнь Божія надъ убійцею Димитрія истиннаго, и началась новая надъ Россіею подъ скиптромъ ложнаго!

ГЛАВА IV.

ЦАРСТВОВАНИЕ ЛЖЕДИМИТРІЯ.

Г. 1605 — 1606.

Первое оскорбленіе Бояръ. Указы Лжедимитріевы. Посолъ Англіійскій. Шестіе къ Москвѣ. Довѣренность Разстриги къ Нѣмцамъ. Вступленіе въ столицу. Пиръ. Милости. Филаретъ и юный Михаилъ. Царь Симеонъ и Годуновы. Гробы Нагихъ и Романовыхъ препесены въ Москву. Благодѣянія. Преобразование Думы. Любовь Самозванца къ Генриху IV. Милосердіе. Похвальное Слово Разстригѣ. Избраніе новаго Патріарха. Безмолвное свидѣтельство Царицы-Инокіи. Вѣчаніе. Безразсудность Лжедимитрія. Дѣла гнусныя. Постриженіе Ксеніи. Шеноть о Разстригѣ. Обличенія. Шуйскій. Нѣмцы тѣлохранители. Пышность и веселья. Посольство въ Литву за невѣстою. Неудовольствія. Слухъ, что Борисъ Годуновъ живъ. Титулъ Цесаря. Обрученіе. Слухи о Самозванцѣ въ Польшѣ. Лжедимитрій платитъ долги Мнишковы. Происшествія въ Москвѣ. Возвращеніе Шуйскихъ. Самозванецъ Петръ. Начало заговора. Посольство къ Шаху. Собраніе войска въ Ельцѣ. Письмо къ Шведскому Королю. Сношенія съ Ханомъ. Толки о замыслахъ Лжедимитрія. Казнь Стрѣльцевъ и Дьяка Осипова. Опала Царя Симеона и Татищева. Путешествія Воеводы Сендомирскаго съ Мариною. Рѣчь Мнишкова. Условія. Опала двухъ Святителей. Вѣздъ Марины въ столицу. Негодованіе Москвитянь. Соблазны. Ссора съ Послами.

Дары. Обрученіе и свадьба. Новыя причины къ негодованію. Пыры. Новая ссора съ Литовскими Послами. Переговоры государственныя. Замышляемыя потѣхи. Наглость Ляховъ. Ночный совѣтъ въ дому Шуйскаго. Дерзкія рѣчи на площади. Волненіе народа. Спокойствіе Лжедмитрія. Измѣна войска. Последняя ночь для Самозванца. Возстаніе Москвы. Гибель Басманова. Свидѣтельство Царицы-Инокини. Судъ, допросъ и казнь Лжедмитрія. Щадятъ Марину. Убіиства. Бесре утишаютъ мятежъ. Глубокая тишина ночи. Козни властолюбія. Рѣчь Шуйскаго въ Думѣ. Избраніе новаго Царя. Развѣяніе Самозванцева праха. Доказательства, что Лжедмитрій былъ дѣйствительно обманщикъ.

г. 1603. Нелѣпою дерзостію и неслыханнымъ счастіемъ достигнувъ цѣли — какимъ-то обаяніемъ прельстивъ умы и сердца вопреки здравому смыслу — сдѣлавъ, чему нѣтъ примѣра въ Исторіи: изъ бѣглаго Монаха, Козака-разбойника и слуги Пана Литовскаго въ три года ставъ Царемъ великой Державы, Самозванецъ казался хладнокровнымъ, спокойнымъ, неудивленнымъ среди блеска и величія, которые окружали его въ сіе время заблужденія, срама и безстыдства. Тула имѣла видъ шумной столицы, исполненной торжества и ликованія: тамъ собралось болѣе ста тысячъ людей воинскихъ и чиновныхъ ⁽³⁵²⁾, множество купцовъ и народа изъ всѣхъ ближнихъ горо-

довъ и селеній. Въ слѣдъ за Князьями Воротынскимъ и Телятевскимъ, избранными бить челомъ Разстригѣ отъ имени Москвы, спѣшили туда и знатнѣйшіе Думные мужи: Мстиславскій, Шуйскіе и другіе, чтобы достойно вкусить плодъ своего малодушія: презрѣніе отъ того, кому они всѣмъ жертвовали, кромѣ сана и богатства, безчестнаго въ такихъ обстоятельствахъ. Въѣстѣ съ ними были въ Тульскомъ дворцѣ у Лжедмитрія Козаки, новые Донскіе выходцы (Смага Чертенскій съ товарищами): онъ далъ руку имъ первымъ, и съ ласкою; а Боярамъ уже послѣ, и съ гнѣвомъ за ихъ долговременную строптивость. Пишутъ, что подлые Козаки, въ присутствіи Самозванца, нагло ругали сихъ Вельможъ уничиженныхъ, особенно Князя Андрея Телятевскаго, долѣе другихъ вѣрнаго закону ⁽³⁵³⁾. Вельможи представили Лжедмитрію печать государственную, ключи отъ казны Кремлевской, одежды, доспѣхи Царскіе и сонмъ царедворцевъ для услугъ его. Уже началось Державство Разстриги, который, по внушенію ли собственнаго ума или совѣтниковъ, немедленно занялся правительствомъ, дѣйствуя свободно, рѣшительно, какъ бы человѣкъ рожденный на престолѣ, и съ навыкомъ власти: 11 Іюня, Указы Лжедмитріева еще не имѣвъ вѣсти о Θεодоровомъ убійствѣ, писалъ во все города, и въ самую

дальнюю Сибирь, что онъ, уккрытый *неви-
димою* силою отъ злодѣя Бориса, и дозрѣвъ
до мужества, правомъ наслѣдія сѣлъ на
Государствѣ Московскомъ; что Духовен-
ство, Сниклеть, всѣ Чины и народъ цѣло-
вали ему крестъ съ усердіемъ; что Воево-
ды городскіе должны немедленно взять со
всѣхъ людей такую же присягу на имя Ца-
рицы-матери, Инокнии Марѣы Θεодоров-
ны, и его, Царя Димитрія, съ обязатель-
ствомъ служить имъ вѣрно и *не давать
отравы*, не споситъся ни съ женою, ни съ
сыномъ Борисовымъ, *Θедькою*, и ни съ
кѣмъ изъ Годуновыхъ; не мститъ никому,
не убивать никого безъ указа Государе-
ва, жить въ тишинѣ и мирѣ, а на службѣ
прямить и мужествовать неизмѣнно ⁽³⁵⁴⁾.
Уже Самозванецъ занимался и дѣлами

Посолъ
Англій-
скій.

внѣшними: велѣлъ догнать Посла Англій-
скаго, Смита, еще не выѣхавшаго изъ Рос-
сіи; взять у него Борисовы письма къ Ко-
ролю, и сказать ему, что новый Царь, въ
знакъ особеннаго дружества къ Англіи,
дастъ ея купцамъ новыя выгоды въ тор-
говлѣ, и немедленно послѣ своего вѣнча-
нія отправить изъ Москвы знатнаго санов-
ника въ Лондонъ, слѣдуя Европейскому
обычаю и движенію истинной любви къ
Іакову ⁽³⁵⁵⁾.

Шест-
віе въ
Москвѣ.

Узнавъ, что воля его исполнилась: Па-
тріархъ сверженъ, Θεодоръ и Марія въ

могилѣ, ихъ ближніе изгнаны, Москва спокойна и съ нетерпѣніемъ ждетъ воскресшаго Димитрія, — Самозванецъ выступилъ изъ Тулы, и 16 Іюня расположился станомъ на лугахъ Москвы-рѣки, у села Коломенскаго, гдѣ всѣ чиновники и знатнѣйшіе граждане поднесли ему хлѣбъ-соль, златыя кубки и соборей, а Бояре великолѣпнѣйшую утварь Царскую, и говорили съ видомъ единодушнаго усердія: «Иди и «владѣй достояніемъ твоихъ предковъ. «Святые храмы, Москва и чертоги Іоанновы ожидаютъ тебя. Уже нѣтъ злодѣевъ: земля поглотила ихъ. Настало «время мира, любви и веселія» ⁽³⁵⁶⁾. Лжедимитрій отвѣтствовалъ, что забываетъ вины дѣтей, и будетъ не грознымъ Владыкою, а ласковымъ отцемъ Россіи. Тутъ же явились и Нѣмцы съ челобитною: бывъ до конца вѣрны Борису, оказавъ мужество въ двухъ битвахъ, не хотѣвъ участвовать и въ измѣнѣ Воеводъ подъ Кромами, они молили Самозванца не вмѣнять имъ дѣла добросовѣстнаго въ преступленіе, и писали: «мы честно исполнили долгъ присяги, «и какъ служили Борису, такъ готовы служить и тебѣ, уже Царю законному.» Лжедимитрій принялъ ихъ начальниковъ весьма милостиво, и сказалъ: «будьте для меня «то же, что вы были для Годунова: Я Довѣ-
«вѣрю вамъ болѣе, нежели своимъ Рус- р е н- ность

въ Нѣм-
цамъ.

«скимъ» (357)! Онъ хотѣлъ видѣть Нѣмецкаго чиновника, державшаго знамя въ Добрынской битвѣ, и положивъ ему руку на грудь, славилъ его неустрашимость: чего не могли слушать Россіяне съ удовольствіемъ; но они должны были изъяслять радость!

Вступ-
леніе въ
столицу.

20 Іюня, въ прекрасный лѣтній день, Самозванецъ вступилъ въ Москву, торжественно и пышно. Впереди Поляки (358), литаврщики, трубачи, дружина всадниковъ съ копьями, пищальники, колесницы заложенныя шестернями и верховыя лошади Царскія, богато украшенныя; далѣе барабанишки и полки Россіянъ, Духовенство съ крестами (359) и Лжедмитрій на бѣломъ конѣ, въ одеждѣ великолѣпной, въ блестящемъ ожерельѣ, цѣною въ 150,000 червонныхъ: вокругъ его 60 Бояръ и Князей; за ними дружина Литовская, Нѣмцы, Козаки и Стрѣльцы. Звонили во все колокола Московскіе. Улицы были наполнены безчисленнымъ множествомъ людей; кровли домовъ и церквей, башни и стѣны также усыпаны зрителями. Видя Лжедмитрія, народъ падалъ ницъ съ восклицаніемъ: «Здравствуй отецъ нашъ, Государь и Великій Князь Дмитрій Іоанновичъ, спасенный Богомъ для нашего благоденствія! «Сіяй и красуйся, о солнце Россіи!» Лжедмитрій всѣхъ громко привѣтствовалъ и

называлъ своими добрыми подданными, веля имъ встать и молиться за него Богу. Не взирая на то, онъ еще не вѣрилъ Москвитянамъ : ближніе чиновники его скакали изъ улицы въ улицу, и непрестанно доносили ему о всѣхъ движеніяхъ народныхъ : все было тихо и радостно. Но вдругъ, когда Ажедимитрій чрезъ Живой мостъ и ворота Москворѣдскія выѣхалъ на площадь, сдѣлался страшный вихрь : всадники едва могли усидѣть на коняхъ; пыль взвилась столбомъ и заслѣпила имъ глаза, такъ, что Царское шествіе остановилось ⁽³⁶⁰⁾. Сей случай естественный поразилъ воиновъ и гражданъ; они крестились въ ужасѣ, говоря другъ другу : «Спаси насъ, Господи, отъ бѣды! Это худое предзнаменованіе для Россіи и Димитрія!» Тутъ же люди благочестивые были встревожены соблазномъ : когда Разстрига, встрѣченный Святителями и всѣмъ Кляромъ Московскимъ на Лобномъ мѣстѣ, сошелъ съ коня, чтобы приложиться къ образамъ, Литовскіе музыканты играли на трубахъ и били въ бубны, заглушая пѣніе молебна ⁽³⁶¹⁾. Увидѣли и другую непристойность : вступивъ за Духовенствомъ въ Кремль и въ Соборную церковь Успенія, Ажедимитрій ввелъ туда и многихъ иноувѣрцевъ, Ляховъ, Венгровъ : чего никогда не бывало, и что казалось народу оскверненіемъ храма ⁽³⁶²⁾. Такъ Разстрига на самомъ первомъ шагу изумилъ столицу легкомысленнымъ неуваженіемъ къ святынь! . . . Оттуда спѣшилъ онъ въ церковь Архистратига Михаила, гдѣ съ ви-

домъ благоговѣнія преклонился на гробъ Іоанновъ, лилъ слезы и сказалъ : «О родителъ любезный! ты оставилъ меня въ сиротствѣ и гоненіи ; но святыми твоими молитвами я цѣль и державствую!» Сіе искусное лицедействіе было не бесполезно: народъ плакалъ и говорилъ : «то истинный «Димитрій!» Наконецъ Разстрига въ чертогахъ Іоанновыхъ сѣлъ на престолъ Государей Московскихъ.

Въ сей часъ многіе Вельможи вышли изъ дворца на Красную площадь , къ народу, и съ ними Богданъ Бѣльскій, который сталъ на Лобное мѣсто, снялъ съ груди своей образъ Св. Николая, поцѣловалъ его и клялся Московскимъ гражданамъ , что новый Государь есть дѣйствительно сынъ Іоанновъ , сохраненный и данный имъ Николаемъ Чудотворцемъ ⁽³⁶³⁾; убѣждалъ Россіянъ любить того, кто возлюбленъ Богомъ, и служить ему вѣрно. Народъ отвѣтствовалъ единогласно : «многія лѣта Государю нашему Димитрію! Да погибнуть «враги его!» — Торжество казалось искреннимъ, общимъ. Самозванецъ съ Вельможами и Духовенствомъ пировалъ во дворцѣ, граждане на площадяхъ и дома; пили и веселились до глубокой ночи. «Но плачь «былъ не далеко отъ радости,» говоритъ Лѣтописецъ, «и вино лилось въ Москвѣ «предъ кровію» ⁽³⁶⁴⁾.

Объявили милости : Лжедимитрій воз-
 вратилъ свободу, чины и достояніе не
 только Нагимъ, мнимымъ своимъ род-
 ственникамъ, но и всѣмъ опальнымъ Бо-
 рисова времени : страдальца Михайла Но-
 гаго ⁽³⁶⁵⁾ пожаловалъ въ санъ *Великаго*
Конюшаго; брата его и трехъ племянни-
 ковъ, Ивана Никитича Романова, двухъ
 Шереметевыхъ, двухъ Князей Голицы-
 ныхъ, Долгорукаго, Татеева, Куракина и
 Кашина въ Бояре; многихъ въ Окольнічіе,
 и между ими знаменитаго Василья Щел-
 калова, удаленнаго отъ дѣлъ Борисомъ;
 Князя Василья Голицына назвалъ *Вели-*
кимъ Дворецкимъ, Бѣльскаго *Великимъ*
Оружничимъ, Князя Михайла Скопина-
 Шуйскаго *Великимъ Мечникомъ*, Князя
 Лыкова-Оболенскаго *Великимъ Крайчимъ*,
 Пушкина *Великимъ Сокольничимъ*, Дьяка
 Сутупова *Великимъ Секретаремъ* и Печат-
 никомъ, а Власьева также *Секретаремъ Ве-*
ликимъ и *Надворнымъ Подскарбіемъ* или Ка-
 значеемъ, — то есть, кромѣ новыхъ чи-
 новъ, первый ввелъ въ Россіи наименова-
 нія иноязычныя, заимствованныя отъ Ля-
 ховъ. Лжедимитрій вызвалъ и невольнаго,
 опальнаго Инока Филарета изъ Сійскаго
 пустыни, чтобы дать ему санъ Митропо-
 лита Ростовскаго ⁽³⁶⁶⁾ : сей добродѣтель-
 ный мужъ, нѣкогда главный изъ Вельможъ
 и ближнихъ Царскихъ, имѣлъ наконецъ

Мило-
сти.

Фила-
ретъ и
юный
Миха-
илъ.

сладостное утѣшеніе видѣть тѣхъ, о коихъ и въ жизни отшельника тосковало его сердце: бывшую супругу свою и сына. Съ того времени Инокія Марѳа и юный Михаилъ, отданный ей на воспитаніе, жили въ Епархіи Филаретовой, близъ Костромы, въ монастырѣ Св. Ипатія, гдѣ все напоминало непрочную знаменитость и разительное паденіе ихъ личныхъ злодѣевъ: ибо сей монастырь въ XIV вѣкѣ былъ основанъ предкомъ Годуновыхъ, Мурзою Честомъ, и богато украшенъ ими. — Странное пугалище воображенія Борисова, мнимый Царь и Великій Князь Іоаннова времени, Симеонъ Бекбулатовичъ, ослабленный, какъ увѣряютъ ⁽³⁶⁷⁾, и сосланный Годуновымъ, также удостоился Лжедмитріева благоволенія, въ память Іоанну: ему велѣли быть ко Двору, оказали великую честь и дозволили снова именоваться Царемъ ⁽³⁶⁸⁾. Сняли опалу съ родственниковъ Борисовыхъ и дали имъ мѣста Воеводъ въ Сибири и въ другихъ областяхъ дальнихъ. Не забыли и мертвыхъ: тѣла Нагихъ и Романовыхъ, усопшихъ въ бѣдствіи, вынули изъ могилъ пустынныхъ, перевезли въ Москву и схоронили съ честію, тамъ, гдѣ лежали ихъ предки и ближніе ⁽³⁶⁹⁾.

Царь
Симеонъ.

Годуновы.

Гробы
Нагихъ
и Романовыхъ
пренесены въ
Москву.

Угодивъ всей Россіи милостями къ невиннымъ жертвамъ Борисова тиранства, Лжедмитрій старался угодить ей и благо-

дѣланіями общими: удвоилъ жалованье са- Благо-
дѣанія.
новникамъ и войску ⁽³⁷⁰⁾; велѣлъ заплатить
всѣ долги казенные Іоаннова царствованія,
отмѣнилъ многія торговыя и судныя пош-
лины; строго запретилъ всякое мздоимство
и наказалъ многихъ судей безсовѣстныхъ;
обнародовалъ, что въ каждую Среду и Суб-
боту будетъ самъ принимать челобитныя
отъ жалобщиковъ на Красномъ крыльцѣ.
Онъ издалъ также достопамятный законъ
о крестьянахъ и холопахъ: указалъ всѣхъ
бѣглыхъ возвратить ихъ отчинникамъ и
помѣщикамъ, кромѣ тѣхъ, которые ушли
во время голода, бывшаго въ Борисово
царствованіе, не имѣвъ нужного пропита-
нія; объявилъ свободными слугъ, лишен-
ныхъ воли насиліемъ, безъ крѣпостей,
внесенныхъ въ государственныя книги ⁽³⁷¹⁾.
Чтобы оказать довѣренность къ поддан-
нымъ, Ажедимитрій отпустилъ своихъ ино-
земныхъ тѣлохранителей ⁽³⁷²⁾ и всѣхъ Ля-
ховъ, давъ каждому изъ нихъ въ награду
за вѣрную службу по сороку злотыхъ,
деньгами и мѣхами, но тѣмъ не удовлетво-
ривъ ихъ корыстолюбію: они хотѣли бо-
лѣе, не выѣзжали изъ Москвы, жалова-
лись и пировали!

Плѣненный обычаями той земли, гдѣ на-
чалася его жизнь пышная, и гдѣ все каза-
лось ему блестящимъ, превосходнымъ въ
сравненіи съ Россією, Ажедимитрій не удо-

Преоб-
разо-
ваніе
Думы.

вольствовался введеніемъ новыхъ чиновъ и наименованій: онъ спѣшилъ, въ духѣ сего подражанія, измѣнить составъ нашей древней государственной Думы: указалъ засѣдать въ ней, сверхъ Патріарха (что въ важныхъ случаяхъ и дотолѣ бывало), четырьмя Митрополитами, семи Архіепископами и тремя Епископами ⁽³⁷³⁾, надѣясь, можетъ быть, обольстить тѣмъ мірское честолюбіе Духовенства, а болѣе всего желая слѣдовать уставу Королевства Польскаго; назвалъ всѣхъ мужей Думныхъ *Сенаторами*, умножилъ число ихъ до семидесяти, самъ ежедневно тамъ присутствовалъ, слушалъ и рѣшилъ дѣла, какъ увѣряють, съ необыкновенною легкостію ⁽³⁷⁴⁾. Пишуть, что онъ, имѣя даръ красноречія, блисталъ имъ въ Совѣтѣ, говорилъ много и складно, любилъ угодобленія, часто ссылался на Исторію, и рассказывалъ, что самъ видѣлъ въ иныхъ земляхъ, то есть,

Любовь
Самое
званіе
къ Ген-
рику IV.
Мило-
сердіе.

въ Литвѣ и въ Польшѣ; изъявлялъ особенное уваженіе къ Королю Французскому, Генрику IV ⁽³⁷⁵⁾; хвалился, подобно Бонрису, милосердіемъ, кротостію, великодушіемъ, и твердилъ людямъ ближнимъ: «я «могу двумя способами удержаться на престолѣ: тиранствомъ и милостію; хочу «испытать милость и вѣрно исполнить «обѣтъ, данный мною Богу: не проливать «крови» ⁽³⁷⁶⁾. Такъ говорилъ убійца непо-

рочнаго Оеодора и благодѣтельной Ма-
ріи! . . Разстригу славили: Московскій Бла-
говѣщенскій Протоіерей, Терентій, сочи-
нилъ ему похвальное слово, какъ Вѣнце-
носпу доблему, *носящему на языкъ ми-*
лость, а Патріархъ Іерусалимскій унижен-
ною грамотою извѣстилъ его, что вся Па-
лестина ликуеть о спасеніи Іоаннова сына,
предвѣля въ немъ будущаго своего избави-
теля, и что три лампады днею и ночью
пылають надъ гробомъ Христовымъ во
имя Царя Димитрія ⁽³⁷⁷⁾.

По-
хваль-
но е
Слово
Раз-
стригъ

Ближніе люди Самозванца совѣтовали
ему, для утвержденія своей власти, немед-
ленно вѣнчаться на Царство: ибо многіе
думали, что и злосчастный Оеодоръ не
столь легко сдѣлался бы жертвою измѣны,
если бы успѣлъ освятить себя въ глазахъ
народа саномъ Помазанника. Сей обрядъ
торжественный надлежало совершить Па-
тріарху: не довѣря Россійскому Духовен-
ству, Лжедимитрій на мѣсто сверженнаго
Іова выбралъ чужеземца, Грека Игнатія, ^{избра-}
Архіепископа Кипрскаго, который, бывъ ^{ніе во-}
изгнанъ изъ отечества Турками, жилъ нѣ- ^{ваго}
сколько времени въ Римѣ, пріѣхалъ къ ^{Патрі-}
намъ въ царствованіе Оеодора Іоанновича, ^{арха.}
угодилъ Борису, и съ 1603 года правилъ
Епархіею Рязанскою. Онъ снискалъ ми-
лость Самозванца, встрѣтивъ его еще въ
Туль; не имѣлъ ни чистой Вѣры, ни любви

къ Россіи, ни стыда нравственнаго ⁽³⁷⁸⁾, и казался ему надежнѣйшимъ орудіемъ для всѣхъ замышляемыхъ имъ соблазновъ. Наспѣхъ поставили Игнатія въ Патріархи, и наспѣхъ готовились къ Царскому вѣнчанію; а Лжедимитрій готовилъ между тѣмъ иное торжественное явленіе, необходимое для полного удостовѣренія и Москвы и Россіи, что вѣнецъ Мономаховъ возлагается на главу Іоаннова сына.

Войско, Синклить, всѣ Чины государственныя признали обманщика Димитріемъ, всѣ, кромѣ матери, которой свидѣтельство было столь важно и естественно, что народъ безъ сомнѣнія ожидалъ его съ нетерпѣніемъ. Уже Самозванецъ около мѣсяца властвовалъ въ Москвѣ, а народъ еще не видалъ Царицы-Инокини, хотя она жила только въ пяти стахъ верстахъ оттуда ⁽³⁷⁹⁾: ибо Лжедимитрій не могъ быть увѣренъ въ ея согласіи на обманъ, столь противный святому званію Инокини и материнскому сердцу. Тайныя сношенія требовали времени: съ одной стороны представили ей жизнь Царскую, а съ другой муки и смерть; въ случаѣ упрямства, страшнаго для обманщика, могли задушить несчастную — сказать, что она умерла отъ болѣзни или радости, и великолѣпными похоронами мнимой Государевой матери успокоить народъ легковѣрный. Вдовствующая супруга Іоанна

нова, еще не старая лѣтами, помнила удовольствія свѣта, Двора и пышности; 13 лѣтъ плакала въ уничиженіи, страдала за себя, за своихъ ближнихъ ⁽³⁸⁰⁾ — и не усомнилась въ выборѣ. Тогда Лжедимитрій уже гласно послалъ къ ней въ Выксинскую пустыню Великаго Мечника, Князя Михайла Васильевича Скопина-Шуйскаго ⁽³⁸¹⁾, и другихъ людей знатныхъ съ убѣдительнымъ челобитьемъ нѣжнаго сына благословить его на Царство — и самъ, 18 Іюля ⁽³⁸²⁾, выѣхалъ встрѣтить ее въ селѣ Тайнинскомъ. — Дворъ и народъ были свидѣтелями любопытнаго зрѣлища, въ коемъ лицемѣрное искусство имѣло видъ искренности и природы. Близъ дороги разставили богатый шатеръ, куда ввели Царицу, и гдѣ Лжедимитрій говорилъ съ нею наединѣ ⁽³⁸³⁾ — не знали, о чемъ; но увидѣли слѣдствіе: мнимые сынъ и мать вышли изъ шатра, изъявляя радость и любовь; нѣжно обнимали другъ друга, и произвели въ сердцахъ многихъ зрителей восторгъ умиленія. Добродушный народъ обливался слезами, видя ихъ въ глазахъ Царицы, которая могла плакать и нелицемѣрно, воспоминаая объ истинномъ Димитріи, и чувствуя свой грѣхъ предъ нимъ, предъ совѣстію и Россією! Лжедимитрій посадилъ Марѳу въ великолѣпную колесницу; а самъ съ открытою головою шелъ нѣсколько

Безмол-
вно
свидѣ-
тель-
ство
Цари-
цы-ино-
кини.

версть пѣшкомъ, окруженный всѣми Боярами; наконецъ сѣлъ на коня, ускакалъ впередъ и принялъ Царицу въ Іоанновыхъ палатахъ, гдѣ она жила до того времени, какъ изготовили ей прекрасныя комнаты въ Вознесенскомъ Дѣвичьемъ монастырѣ съ особенною Царскою услугою. Тамъ Самозванецъ, въ лицѣ почтительнаго и нѣжнаго сына, ежедневно видѣлся съ нею; былъ доволенъ искуснымъ ея притворствомъ, но удалялъ отъ нее всѣхъ людей сомнительныхъ, чтобы она не имѣла случая измѣнить ему въ важной тайнѣ, отъ нескромности или раскаянія (384).

Вѣнча-
ніе.

21 Іюля совершилось вѣнчаніе съ извѣстными обрядами (385); но Россіяне изумились, когда, послѣ сего священнаго дѣйствія, выступилъ Іезуитъ Николай Черниковскій, чтобы привѣтствовать нововѣнчаннаго Монарха непонятною для нихъ рѣчью на языкѣ Латинскомъ (386). Какъ обыкновенно, все знатнѣйшее Духовенство, Вельможи и чиновники пировали въ сей день у Царя, сядя наперерывъ оказывать ему усердіе и радость — но уже многіе лицемѣрно, ибо общее заблужденіе не продолжилось!

Безраз-
суд-
ность
Лжеди-
митрія.

Первымъ врагомъ Лжедмитрія былъ самъ онъ, легкомысленный и вспыльчивый отъ природы, грубый отъ худаго воспитанія, — надменный, безразсудный и неосто-

рожный отъ счастья. Удивляя Бояръ острою и живостию ума въ дѣлахъ государственныхъ, Державный прощлецъ часто забывался : оскорблялъ ихъ своими насмѣшками, упрекалъ невѣжествомъ, дразнилъ хвалою иноземцевъ, и твердилъ, что Россіяне должны быть ихъ учениками, ѣздить въ чужія земли, видѣть, наблюдать, образоваться и заслужить имя людей ⁽³⁸⁷⁾. Польша не сходила у него съ языка. Онъ распустилъ своихъ иностранныхъ тѣлохранителей, но исключительно ласкалъ Поляковъ, только имъ давалъ всегда свободный къ себѣ доступъ, съ ними обходился дружески и совѣтовался какъ съ ближними ; взялъ даже въ Тайныя Царскіе Секретари двухъ Ляховъ Бучинскихъ ⁽³⁸⁸⁾. Россійскіе Вельможи, измѣнивъ закону и чести, лишились права на уваженіе, но хотѣли его отъ того, кому они жертвовали закономъ и честію : самолюбіе не безмолвствуетъ и въ стыдѣ и въ молчаніи совѣсти. Только одинъ Россіянинъ отъ начала до конца пользовался довѣренностію и дружбою Самозванца : всѣхъ виновнѣйшій Басмановъ; но и сей несчастный ошибся : видѣлъ себя единственно любимцемъ, а не руководителемъ Лжедмитрія, который не для того искалъ престола, чтобы сидѣть на немъ всегдашнимъ ученикомъ Басманова : иногда спрашивался, иногда слушалъ его, но чаще дѣйствовалъ вопреки наставнику, по собственному уму или безумію. Грубостию огорчая Бояръ, Самозванецъ допускалъ ихъ однакожь въ разговорахъ съ нимъ до воль-

ности необыкновенной и несогласной съ мыслями Россіянъ о высокости Царскаго сана, такъ, что Бояре, имъ неуважаемые, и сами уважали его менѣе прежнихъ Государей ⁽³⁸⁹⁾.

Самозванецъ скоро охладилъ къ себѣ и любовь народную своимъ явнымъ неблагоразуміемъ. Снискавъ нѣкоторыя познанія въ школѣ и въ обхожденіи съ знатыми Ляхами, онъ считалъ себя мудрецомъ, смѣялся надъ мнимымъ суевѣріемъ набожныхъ Россіянъ и, къ великому ихъ соблазну, не хотѣлъ креститься предъ иконами; не велѣлъ также благословлять и кропить Святою водою Царской трапезы, сядясь за обѣдъ не съ молитвою, а съ музыкою ⁽³⁹⁰⁾. Не менѣе соблазнялись Россіяне и благоволеніемъ его къ Іезуитамъ, коимъ онъ въ священной оградѣ Кремлевской далъ лучшій домъ и позволилъ служить Латинскую Обѣдню ⁽³⁹¹⁾. Страстный къ обычаямъ иноземнымъ, вѣтранный Лжедмитрій не думалъ слѣдовать Русскимъ: желалъ во всемъ уподобляться Ляху, въ одеждѣ и въ прическѣ, въ походкѣ и въ тѣлодвиженіяхъ ⁽³⁹²⁾; ѣлъ телятину, которая считалась у насъ заповѣднымъ, грѣшнымъ яствомъ; не могъ терпѣть бани, и никогда не ложился спать послѣ обѣда (какъ издревле дѣлали всѣ Россіяне отъ Вѣнценосца до мѣщанина), но любилъ въ сіе время гулять: украдкою выходилъ изъ дворца, одинъ или самодругъ; бѣгалъ изъ мѣста въ мѣсто, къ художникамъ, золотарямъ, Аптекарямъ ⁽³⁹³⁾; а царедворцы, не зная, гдѣ Царь, вездѣ искали его съ

безпокойствомъ и спрашивали объ немъ на улицахъ : чему дивились Москвитяне, дотолѣ выдавъ Государей только въ пышности, окруженныхъ на каждомъ шагу толпою знатныхъ сановниковъ. Всѣ забавы и склонности Лжедимитріевы казались странными : онъ любилъ ѣздить верхомъ на дикихъ, бѣшеныхъ жеребцахъ, и собственною рукою, въ присутствіи Двора и народа, бить медвѣдей ⁽³⁹⁴⁾ ; самъ испытывалъ новыя пушки и стрѣлялъ изъ нихъ въ цѣль съ рѣдкою мѣткостью ; самъ училъ воиновъ, строилъ, бралъ приступомъ земляныя крѣпости, кидался въ свалку, и терпѣлъ, что иногда толкали его небрежно, сшибали съ ногъ, давили ⁽³⁹⁵⁾ — то есть, хвалился искусствомъ всадника, звѣролова, пушкаря, бойца, забывая достоинство Монарха. Онъ не помнилъ сего достоинства и въ дѣйствіяхъ своего права вспыльчиваго : за малѣйшую вину, ошибку, неловкость, выходилъ изъ себя ⁽³⁹⁶⁾ и бивалъ, палкою, знатнѣйшихъ воинскихъ чиновниковъ — а низость въ Государѣ противнѣе самой жестокости для народа. Осуждали еще въ Самозванцѣ непомѣрную расточительность : онъ сыпалъ деньгами и награждалъ безъ ума ; давалъ иноземнымъ музыкантамъ жалованье, какого не имѣли и первые государственные люди ; любя роскошь и великолѣпіе, непрестанно покупалъ, заказывалъ всякія драгоценныя вещи, и мѣсяца въ три издержалъ болѣе семи милліоновъ рублей ⁽³⁹⁷⁾ — а народъ не любитъ расточительности въ Государяхъ, ибо стра-

шится налоговъ. Описывая тогдашній блескъ Московскаго Двора, иноземцы съ удивленіемъ говорятъ о Лжедимитріевомъ престолѣ, вылитомъ изъ чистаго золота, обвѣщенномъ кистями алмазными и жемчужными, утвержденномъ внизу на двухъ серебряныхъ львахъ и покрытомъ крестообразно четырьмя богатыми щитами, надъ коими сіялъ золотой шаръ и прекрасный орелъ изъ того же металла ⁽³⁹⁸⁾. Хотя Разстрига ѣздилъ всегда верхомъ, даже въ церковь, но имѣлъ множество колесницъ и саней окованныхъ серебромъ, обитыхъ бархатомъ и соболями; на гордыхъ Азіятскихъ его коняхъ сѣдла, узды, стремени блистали золотомъ, изумрудами и яхонтами ⁽³⁹⁹⁾; возницы, конюхи Царскіе одѣвались какъ Вельможи. Не любя голыхъ стѣнъ въ палатахъ Кремлевскихъ, находя ихъ печальными, и сломавъ деревянный дворецъ Борисовъ какъ памятникъ ненавистный ⁽⁴⁰⁰⁾, Самозванецъ построилъ для себя, ближе къ Москвѣ-рѣкѣ, новый дворецъ, также деревянный ⁽⁴⁰¹⁾, украсилъ стѣны шелковыми Персидскими тканями, цвѣтныя израсцовыя печи серебряными решетками, замки у дверей яркою позолотою, и въ удивленіе Москвитянамъ предъ симъ любимымъ своимъ жилищемъ поставилъ изваянный образъ адскаго стража, мѣднаго огромнаго Цербера, коего три челюсти, отъ легкаго прикосновенія, разверзались и бряцали ⁽⁴⁰²⁾: «чѣмъ Лжедимитрій,» какъ сказано въ лѣтописи, «предвѣстилъ себѣ жилище въ вѣчности: адъ и тьму кромѣшнюю!»

Дѣйствуя вопреки нашимъ обычаямъ и
 благоразумію, Лжедимитрій презиралъ и
 святѣйшіе законы нравственности: не хо-
 тѣлъ обуздывать вождельпій грубыхъ, и
 пылая сластолюбіемъ, явно нарушалъ уста- ^{дѣла}
 вы цѣломудрія и пристойности, какъ бы ^{гну с-}
 съ намѣреніемъ угодиться тѣмъ мни- ^{вилъ.}
 мому своему родителю; безчестилъ женъ и
 дѣвицъ, Дворъ, семейства и святыя Оби-
 тели дерзостію разврата, и не устыдился
 дѣла гнуснѣйшаго изъ всѣхъ его преступ-
 леній: убивъ мать и брата Ксенію, взявъ
 ее себѣ въ наложницы (⁴⁰³). Красота сей
 несчастной Царевны могла увянуть отъ го-
 рести; но самое отчаяніе жертвы, самое
 злодѣйство неистовое казалось прелестію
 для изверга, который симъ однимъ мер-
 зостнымъ безстудствомъ заслужилъ свою
 казнь, почти сопредѣльную съ торжествомъ
 его... Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ Ксенію ^{Постри-}
 постригли, назвали Ольгою и заключили въ ^{женіе}
 пустынь на Бѣлѣозерѣ, близъ монастыря ^{Ксеніи.}
 Кириллова.

Но Самозванецъ подъ личиною Дими-
 трія, вѣроятно, могъ бы еще долго безум-
 ствовать и злодѣйствовать въ вѣнцѣ Мо-
 номаховомъ, если бы сія, какъ бы волшеб-
 ная личина не спала съ него въ глазахъ
 народа: столь велико было усердіе Рос-
 сіянъ къ древнему племени Державному!
 Заблужденіе возвысило бродягу: истина

долженствовала низвергнуть обманщика. Не одинъ удаленный Іовъ зналъ бѣглеца Чудовскаго въ Москвѣ: надѣялся ли Разстрига казаться другимъ человѣкомъ, стараясь казаться Полуляхомъ, и черную ризу Инока премѣнивъ на Царскую? или, ослѣпленный счастіемъ, уже не видалъ для себя опасности, имѣя въ рукахъ своихъ власть съ грозою и считая Россіяны стадомъ овецъ безсловесныхъ? или дерзостію мыслилъ уменьшить сію опасность, поколебать удостовѣреніе, сомкнуть уста робкой истинѣ? Онъ не думалъ скрываться, и смѣло смотрѣлъ въ глаза всякому любопытному на улицахъ; не ходилъ только въ святую Обитель Чудовскую, мѣсто непріятныхъ для него знакомствъ и воспоминаній. И такъ не удивительно, что въ самомъ началѣ новаго царствованія, когда Москва еще гремѣла хвалою Димитрія, уже многіе

Шепотъ о Разстригѣ. люди шептали между собою о дѣйствительномъ сходствѣ его съ Діакономъ Григоріемъ; хвала умолкала отъ безразсудности и худыхъ дѣлъ Царя, а шепотъ становился внятиѣе — и скоро взволновалъ столицу.

Обличеніе. Первымъ уличителемъ и первою жертвою былъ Инокъ, который сказалъ всенародно, что мнимый Димитрій извѣстенъ ему съ дѣтскихъ лѣтъ подъ именемъ Отрепьева, учился у него грамотѣ и жилъ съ нимъ въ одномъ монастырѣ ⁽⁴⁰⁴⁾: Инока тайно умер-

твили въ темницѣ. Нашелся и другой, опаснѣйшій свидѣтель истины — тотъ, кому Судьба вручала мѣсть праведную, но коего часть еще не наступилъ: Князь Василій Шуйскій. Въ смятеніи ужаса признавъ бродягу Царемъ, вмѣстѣ съ иными Боярами, онъ менѣе всѣхъ могъ извиняться заблужденіемъ, ибо собственными глазами видѣлъ Іоаннова сына во гробѣ. Терзаясь ли горестію и стыдомъ, или имѣя уже дальновидные тайные замыслы властолюбія, Шуйскій не долго безмолвствовалъ въ столицѣ: сказалъ ближнимъ, друзьямъ, пріятелямъ, что Россія у ногъ обманщика; внушалъ и народу, чрезъ своихъ повѣренныхъ, купца Ѳедора Конева и другихъ, что Годуновъ и Святитель Іовъ объявляли совершенную правду о Самозванцѣ, еретикѣ, орудіи Ляховъ и Папистовъ ⁽⁴⁰⁵⁾. Еще Лжедмитрій имѣлъ многихъ ревностныхъ слугъ: Басмановъ узналъ, и донесъ ему о семъ ко-вѣ, опасномъ знатностію виновника. Взяли Шуйскаго съ братьями подъ стражу и велѣли судить, какъ дотолѣ еще никого не судили въ Россіи: Соборомъ, избраннымъ людямъ всѣхъ чиновъ и званій. Лѣтописецъ увѣряетъ, что Князь Василій въ семъ единственномъ случаѣ жизни своей явилъ себя Героемъ: не отрицался; смѣло, великодушно говорилъ истину, къ искреннему и лицемѣрному ужасу судей, которые хо-

тѣли заглушить ее воплемъ, проклиная такіа хулы на Вѣнценосца. Шуйскаго пытали: онъ молчалъ; не назвалъ никого изъ соумышленниковъ, и былъ одинъ приговоренъ къ смертной казни: братьевъ его лишали только свободы. Въ глубокой тишинѣ народъ тѣснился вокругъ Лобнаго мѣста ⁽⁴⁰⁶⁾, гдѣ стоялъ осужденный Бояринъ (какъ бывало въ Іоанново время!) подлѣ сѣкиры и плахи, между дружинами воиновъ, Стрѣльцевъ и Козаковъ; на стѣнахъ и башняхъ Кремлевскихъ также блистало оружіе, для устрашенія Москвитянъ, и Петръ Басмановъ, держа бумагу, читалъ народу отъ имени Царскаго: «Великій Бояринъ, Князь Василій Ивановичъ, «Шуйскій, измѣнилъ мнѣ, законному Государю «вашему, Димитрію Іоанновичу всея Россіи; ко- «варствовалъ, злословилъ, ссорилъ меня съ ва- «ми, добрыми подданными: называлъ Лжеца- «ремъ; хотѣлъ свергнуть съ престола. Для того «осужденъ на казнь: да умретъ за измѣну и вѣ- «роломство!» Народъ безмолвствовалъ въ горести, издавна любя Шуйскихъ, и пролилъ слезы, когда несчастный Князь Василій, уже обнажаемый палачемъ, громко воскликнулъ къ зрителямъ: «братья! умираю за истину, за Вѣру «Христіанскую и за васъ» ⁽⁴⁰⁷⁾! Уже голова осужденнаго лежала на плахѣ... Вдругъ слышатъ крикъ: *стой!* и видятъ Царскаго чиновника, скачущаго изъ Кремля къ Лобному мѣсту, съ Указомъ въ рукѣ: объявляютъ помилованіе Шуйскому! Тутъ вся площадь закипѣла въ не-

описанномъ движеніи радости : славили Царя, какъ въ первый день его торжественнаго вступленія въ Москву; радовались и вѣрные приверженники Самозванца, думая, что такое милосердіе дастъ ему новое право на любовь общую; негодовали только дальновидѣйшіе изъ нихъ, и не ошиблись ⁽⁴⁰⁸⁾ : могъ ли забыть Шуйскій пытки и плаху? Узнали, что не вѣтреныи Лжедимитрій вздумалъ тронуть сердца симъ неожиданнымъ дѣйствіемъ великодушія, но что Царица-Инокиня слезнымъ моленіемъ убѣдила мнимаго сына не казнить врага, который искалъ головы его ⁽⁴⁰⁹⁾ ! . . Совѣсть, вѣроятно, терзала сію несчастную пособницу обмана : спасая мученика истины, Марѳа надѣялась уменьшить грѣхъ свой предъ людьми и Богомъ. Вмѣстѣ съ нею ходатайствовали за осужденнаго и нѣкоторые Ляхи, видя, сколь живое участіе принимали Москвитяне въ судьбѣ его, и желая снискать тѣмъ ихъ благодарность. — Всѣхъ трехъ Шуйскихъ, Князя Василя, Дмитрія, Ивана, сослали въ пригороды Галицкіе; имѣніе ихъ описали, дома опустошили.

Тогда же разгласилось въ Москвѣ и свидѣтельство многихъ Галичанъ, единомысленцевъ и самыхъ ближнихъ Григорія Отрепьева : дяди, брата и даже матери, добросовѣстной вдовы Варвары ⁽⁴¹⁰⁾ : они видѣли его, узнали, и не хотѣли молчать. Ихъ заключили; а дядю, Смирнаго-Отрепьева (въ 1604 году ѣздившаго къ Сигизмунду для уличенія племянника), сослали въ Си-

бирь. Схватили еще Дворянина Петра Тургенева и мѣщанина Оедора, которые явно возмущали народъ противъ Лжецаря. Самозванецъ велѣлъ казнить обоихъ торжественно, и съ удовольствіемъ видѣлъ, что народъ, благодарный ему за помилованіе Шуйскаго, не изъявлялъ чувствительности къ великодушію сихъ двухъ страдальцевъ: оба шли на смерть безъ ужаса и раскаянія, громогласно именуя Лжедимитрія Антихристомъ и любимцемъ Сатаны ⁽⁴¹¹⁾, жалѣя о Россіи и предсказывая ей бѣдствіе; чернь ругалась надъ ними, восклицая: «умираете за дѣло!» — Съ сего времени не умолкали доносы, справедливые и ложные, какъ въ Борисово царствованіе: ибо Самозванецъ, дотоѣ желавъ хвалиться милосердіемъ, уже слѣдовалъ инымъ правиламъ: хотѣлъ грозою унять дерзость, и для того благопріятствовалъ извѣтамъ. Пытали, казнили, душили въ темницахъ, лишали имѣнія, ссылали за слово о Разстригѣ. По такимъ ли доносамъ, или единственно опасаясь нескромности своихъ старыхъ пріятелей, Лжедимитрій велѣлъ удавить многихъ Чудовскихъ Иноковъ въ другія, пустынные Обители, хотя (что достойно замѣчанія) оставилъ въ покоѣ Крутицкаго Митрополита Пафнутія ⁽⁴¹²⁾, который съ перваго взгляда узналъ въ немъ Діакона Григорія, бывъ въ его время Архимандритомъ сего монастыря, но, какъ вѣроятно, лицемѣрнымъ или безсовѣстнымъ изъявленіемъ усердія къ Самозванцу спасъ себя отъ гоненія. Молчали и другіе въ боязни, такъ,

что столица казалась тихою. Но Разстрига сдѣлался осторожнѣе, и явно не довѣря Москвитянамъ, снова окружилъ себя ино-
племенниками ⁽⁴¹³⁾: выбралъ 300 Нѣмцевъ въ свои тѣлохранители, раздѣлилъ ихъ на три особенныя дружины подѣ началь-
ствомъ *Капитановъ*: Француза Маржерета, Ливонца Кнутсена и Шотландца Вандемана; одѣлъ весьма богато, въ камку и бархатъ; вооружилъ алебардами и протазанами, сѣкирами и бердышами съ золотыми орлами на древкахъ, съ кистями золотыми и серебряными; далъ каждому воину, сверхъ помѣстья, отъ 40 до 70 рублей денежнаго жалованья — и съ того времени уже никуда не ѣздилъ и не ходилъ одинъ, всюду провождаемый сими грозными тѣлохранителями, за коими только вдали слѣдовали Бояре и царедворцы ⁽⁴¹⁴⁾. Мѣра достойная бродяги, игрою Судьбы вознесеннаго на степень Державства: триста иноземныхъ сѣкиръ и копій должны были спасать его отъ предполагаемой измѣны цѣлаго народа и полумилліона воиновъ, бесполезно раздражаемыхъ знаками недовѣрія обиднаго! Между тѣмъ Лжедмитрій хотѣлъ веселья: музыка, пляска и зернь были ежедневною забавою Двора. Угождая вкусу Царя къ пышности, всѣ знатные и не знатные старались блистать одеждою богатою ⁽⁴¹⁵⁾. Всякій день казался праздникомъ. «Многіе пла-

Нѣмцы
тѣло-
охрани-
тели.

Пыш-
ность
и ве-
селье

кали въ домахъ, а на улицахъ казались веселыми и нарядными женихами,» говоритъ Лѣтописецъ. Смиранный видъ и смиренная одежда для людей небогихъ считались знакомъ худаго усердія къ Царю веселому и роскошному, который симъ призракомъ благосостоянія желалъ увѣрить Россію въ ея златомъ вѣкѣ подъ державою обманщика.

Посольство въ
Литву
за невѣстою.

Утишивъ ⁽⁴¹⁶⁾, какъ онъ думалъ, Москву, Лжедимитрій спѣшилъ исполнить обѣтъ, данный его благодарностію, сердцемъ или Политикою: предложить руку и вѣнецъ Маринѣ, которая любовію и довѣренностію къ бродягѣ заслуживала честь сидѣть съ нимъ на тронѣ. Сношенія между Воеводою Сендомирскимъ и пареченнымъ его зятемъ не прерывались: Самозванецъ увѣдомлялъ Мнишка о всѣхъ своихъ успѣхахъ, называлъ всегда отцемъ и другомъ; писалъ къ нему изъ Путивля, Тулы, Москвы; а Воевода писалъ не только къ Самозванцу, но и къ Боярамъ Московскимъ, требуя ихъ признательности такими словами: «Спо-собствовавъ счастію Димитрія, я готовъ «стараться, чтобы оно было и счастіемъ «Россіи, побуждаемый къ сему моею всег-дашнею къ ней любовію, и надеждою на «вашу благодарность, когда вы увидите мое «ревностное о васъ ходатайство предъ Тро-номъ, и будете имѣть новыя выгоды, по-

«выя важныя права, неизвѣстные донинѣ
«въ Московскомъ Государствѣ» (417). На-
онецъ (въ Сентябрѣ мѣсяцѣ) Лжедмитрій
послалъ Великаго Секретаря и Казначея,
Аѳанасія Власьева, въ Краковъ для торже-
ственного сватовства, давъ ему грамоту къ
Сигизмунду и другую отъ Царицы-Инокини
Марѣи къ отцу невѣстину. Могли ли Рос-
сіяне одобрить сей бракъ съ иновѣркою,
хотя и знатнаго, но не Державнаго пле-
мени, — съ удовольствіемъ видѣть спесиваго
Пана тестемъ Царскимъ, ждаты къ себѣ
толпу его ближнихъ, не менѣе спесивыхъ,
и раболѣпно чтить въ нихъ свойство съ
Вѣнценосцемъ, который избраніемъ чуже-
земной невѣсты оказывалъ презрѣніе ко
всѣмъ благороднымъ Россіянкамъ? Само-
званецъ, вопреки обычаю, даже и не извѣ-
стилъ Бояръ о семъ важномъ дѣлѣ (418):
говорилъ, совѣтовался единственно съ Ля-
хами. Но, легкомысленно досаждая Россія-
намъ, онъ въ тоже время не выполнѣ удо-
влетворялъ и желаніямъ своихъ друзей
иноземныхъ.

Неудо-
воль-
ствія.

Никто ревностиѣ Нунція Папскаго, Ран-
гони, не служилъ обманщику: пышною гра-
мотою привѣтствуя Лжедмитрія на тро-
пѣ (419), Рангони славилъ Бога и воскли-
чалъ: *мы побѣдили!* льстилъ ему хвалами
неумѣренными и надѣялся, что соединеніе
Церквей будетъ первымъ цзъ его дѣлъ безъ

смертныхъ ; писалъ : «Изображеніе лица твоего
 «уже въ рукахъ Св. Отца, исполненнаго къ тебѣ
 «любви и дружба. Не медли изъяснить свою
 «благодарность Главѣ вѣрныхъ . . . и прими отъ
 «меня дары духовные : образъ сильнаго Воево-
 «ды, Коего содѣйствіемъ ты побѣдилъ и цар-
 «ствуешь ; четки молитвенныя и Библію Латин-
 «скую , да услаждаешься ея чтеніемъ , и да бу-
 «дешь вторымъ Давидомъ.» Скоро прибылъ въ
 Москву и чиновникъ Римскій ⁽⁴²⁰⁾, Графъ Алек-
 сандръ Рангони (племянникъ Нунція) съ *Апо-*
стольскимъ благословеніемъ и съ поздравитель-
 ною грамотою отъ преемника Климентова, не-
 терпѣливаго въ желаніи видѣть себя Главою на-
 шей Церкви ; но Самозванецъ въ учтивомъ отвѣ-
 тѣ, хваляся чудесною къ нему благостію Божіею,
 истребившею злодѣя, *отцеубійцу* его, не сказалъ
 ни слова о соединеніи Церквей : говорилъ только
 о великодушномъ своемъ намѣреніи жить не въ
 праздности , но вмѣстѣ съ Императоромъ идти
 на Султана , чтобы стереть Державу невѣрныхъ
 съ лица земли , убѣждая Павла V не допускать
 Рудольфа до мира съ Турками : для чего хотѣлъ
 отправить въ Австрію и собственнаго Посла.
 Лжедимитрій писалъ и вторично къ Папѣ , обѣ-
 щая доставить безопасность его Миссіонаріямъ
 на пути ихъ чрезъ Россію въ Персію и *быть*
вѣрнымъ въ исполненіи даннаго ему слова ; посы-
 ламъ и самъ Іезуита Андрея Лавицкаго въ Римъ,
 но, кажется, болѣе для государственнаго, нежели
 Церковнаго дѣла : для переговоровъ о войнѣ

Турецкой, которую онъ дѣйствительно замышлялъ, плѣняясь въ воображеніи ея славою и пользою. Надменный счастіемъ, рожденный смѣлымъ и съ любовію къ опасностямъ, Самозванецъ въ круженіи легкой головы своей уже не былъ доволенъ Государствомъ Московскимъ: хотѣлъ завоеваній и Державъ новыхъ ⁽⁴²¹⁾! Сія ревность еще сильнѣе воспыкала въ немъ отъ донесенія Воеводъ Терскихъ, что ихъ Стрѣльцы и Козаки одержали верхъ въ сшибкѣ съ Турками, и что нѣкоторые данники Султанскіе въ Дагестанѣ присягнули Россіи ⁽⁴²²⁾. Издавна проповѣдуя въ Европѣ необходимость всеобщаго возстанія Державъ Христіанскихъ на Оттоманскую, могъ ли Римъ не одобрить намѣренія Лжедмитріева? Папа славилъ Царя-Героя, совѣтуя ему только начать съ ближайшаго: съ Тавриды, чтобы истребленіемъ гнѣзда злодѣйскаго, столь бѣдоноснаго для Россіи и Польши, *отрѣзать крылья и правую руку у Султана въ войнѣ съ Императоромъ*; однакожь имѣлъ причину не довѣрять ревности Самозванца къ Латинской Церкви, видя, какъ онъ въ письмахъ своихъ избѣгаетъ всякаго *яснаго* слова о Законѣ. Кажется, что Самозванецъ охладѣлъ въ усердіи сдѣлать Россіянь Папистами: ибо, не взирая на свойственную ему безразсудность, усмотрѣлъ опасность сего нелѣпаго замысла, и едва ли бы рѣшился приступить къ исполненію онаго, если бы и долѣе царствовалъ.

Скоро увидѣлъ и главный благодѣтель Лже-

димитріевъ, Сигизмундъ лукавый, что счастье и престолъ измѣнили того, кто еще недавно въ восторгѣ лобызалъ его руку, безмолвствовалъ и вздыхалъ предъ нимъ, какъ рабъ униженный ⁽⁴²³⁾. Бывъ непосредственнымъ виновникомъ успѣховъ Самозванца — оказавъ бродягѣ честь сына Царскаго, давъ ему деньги, воинствъ, и тѣмъ склонивъ народъ Сѣверскій вѣрить обману — Сигизмундъ весьма естественно ждалъ благодарности, и чрезъ Секретаря своего, Госѣвскаго, привѣтствуя новаго Царя ⁽⁴²⁴⁾, нескромно требовалъ, чтобы Лжедимитрій выдалъ ему Шведскихъ Пословъ, если они будутъ въ Москву отъ мятежника Карла. Госѣвскій, бесѣдуя съ Царемъ наединѣ, объявилъ за тайну, что Король встревоженъ молвою удивительною. «Недавно» (говорилъ сей чиновникъ) «выѣхалъ къ намъ изъ Россіи одинъ Приказный, который увѣряетъ, что Борисъ живъ: «устрашенный твоими побѣдами, и слѣдуя «наставленію волхвовъ, онъ уступилъ Дер- «жаву сыну, юному Θεодору, притворился «мертвымъ, и велѣлъ торжественно, вмѣсто «себя, схоронить другаго человѣка, опос- «наго ядомъ; а самъ взявъ множество зо- «лота, съ вѣдома одной Царицы и Семена «Годунова бѣжалъ въ Англію, называясь «купецъ. Поручивъ надежнымъ людямъ «развѣдать въ Лондонѣ, дѣйствительно ли

Слухъ,
что Бо-
рисъ
Году-
новъ
живъ.

«укрывается тамъ опасный злодѣй твой, Сигизмундъ, какъ истинный другъ, счелъ «за нужное предостеречь тебя, и думая, «что вѣрность Россіянъ еще сомнительна, «далъ указъ нашимъ Литовскимъ Воево- «дамъ быть въ готовности для твоей за- «щиты.» Сія сказка не испугала Лжедими- трія : онъ благодарилъ Короля, но отвѣт- ствовалъ, что «въ смерти Борисовой не сомнѣвается; что готовъ быть недругомъ мятежнику Шведскому, но прежде хочетъ удостовѣриться въ искренней дружбѣ Си- гизмунда, который, вопреки ласковымъ словамъ, уменьшаетъ данное ему Богомъ достоинство» — ибо Сигизмундъ въ пись- мѣ своемъ назвалъ его Господаремъ и Ве- ликимъ Княземъ, а не *Царемъ*: Самозва- нецъ же хотѣлъ не только сего титула, но и новаго, нынѣйшаго : вздумалъ имено- вать себя *Цесаремъ*, и даже *непобѣдимымъ*, Титулъ Цеса- ря. мечтая о своихъ будущихъ побѣдахъ ⁽⁴²⁵⁾! Узнавъ о такомъ гордомъ требованіи, Си- гизмундъ изъяснилъ досаду, и Вельможные Паны упрекали недавняго бродягу смѣш- нымъ высокоуміемъ, злою неблагодарно- стію; а Лжедмитрій писалъ въ Варшаву, что онъ не забылъ добрыхъ услугъ Сигиз- мундовыхъ, чтитъ его какъ брата, какъ отца; желаетъ утвердить съ нимъ союзъ, но не престанетъ требовать Цесарскаго ти- тула, хотя и не мыслить грозить ему за то

войною ⁽⁴²⁶⁾. Люди благоразумные, особенно Мнишекъ и Нунцій Папскій, тщетно доказывали Самозванцу, что Король называетъ его такъ, какъ Государи Польскіе всегда называли Государей Московскихъ, и что Сигизмунду не лъзя перемѣнить сего обыкновенія безъ согласія Чиновъ Республики. Другіе же, не менѣе благоразумные люди думали, что Республика не должна ссориться за пустое имя съ хвастливымъ другомъ, который можетъ быть ей орудіемъ для усмиренія Шведовъ; но Паны не хотѣли слышать о новомъ титулѣ, и Воевода Познанскій сказалъ въ гнѣвѣ одному чиновнику Россійскому ⁽⁴²⁷⁾: «Богъ не любитъ гордыхъ, и *непо-бѣдимому* Царю вашему не усидѣть на тронѣ.» — Сей жаркій споръ не мѣшалъ однакожь успѣху въ дѣлѣ сватовства.

1 Ноября ⁽⁴²⁸⁾ Великій Посолъ Царскій, Аѳанасій Власьевъ, со многочисленною благородною дружиною пріѣхалъ въ Краковъ и былъ представленъ Сигизмунду: говорилъ сперва о счастливомъ воцареніи Іоаннова сына, о славѣ низвергнуть Державу Оттоманскую, завоевать Грецію, Іерусалимъ, Виолеемъ и Виѳанію, а послѣ о намѣреніи Димитрія раздѣлить престолъ съ Мариною, изъ благодарности за важныя услуги, оказанныя ему, во дни его несгоды и печали, знаменитымъ ея родителемъ ⁽⁴²⁹⁾. 12 Ноября, въ присутствіи Сигизмунда, сына его Владислава и сестры, Шведской Королевы Анны, совершилось торжественное обрученіе (воспѣтое

въ стихахъ Пиндарическихъ ⁽⁴³⁰⁾ Іезуитомъ Гроховскимъ). Марина, съ короною ^{Обру-}
на головѣ, въ бѣлой одеждѣ, унизанной ^{ченіе.}
каменьями драгоцѣнными, блистала равно
и красотою и пышностію. Именемъ Мнишка
сказавъ Власьеву (который заступалъ
мѣсто жениха), что отецъ благословляетъ
дочь на бракъ и Царство, Литовскій Канцлеръ
Сапѣга говорилъ длинную рѣчь, также и
Панъ Ленчицкій и Кардиналъ, Епископъ
Краковскій, славя «достоинства, воспитаніе и
знатный родъ Марины, вольной
«Дворянки Государства вольнаго, — честность
Димитрія въ исполненіи даннаго
«имъ обѣта, счастье Россіи имѣть законнаго,
отечественнаго Вѣнценосца, вмѣсто
«иноземнаго или похитителя, и видѣть
«искреннюю дружбу между Сигизмундомъ
«и Царемъ, который безъ сомнѣнія не
«будетъ примѣромъ неблагодарности, зная,
«чѣмъ обязанъ Королю и Королевству
«Польскому.» Кардиналъ и знатнѣйшіе духовные
сановники пѣли молитву: *veni Creator* : всѣ
преклонили колѣна; но Власъ стоялъ — и едва
не произвелъ смѣха, на вопросъ Епископа :
«не обрученъ ли Димитрій съ другою невѣстою?»
отвѣтствуя: *а мнѣ какъ знать? того у меня
нѣтъ въ наказѣ* ⁽⁴³¹⁾. Мѣняясь перстнями,
онъ вынулъ Царскій изъ ящика, съ однимъ
большимъ алмазомъ, и вручилъ Кардиналу;

а самъ не хотѣлъ голою рукою взять невѣстина перстня. По совершеніи священныхъ обрядовъ былъ великолѣпный столъ у Воеводы Сендомирскаго, и Марина сидѣла подлѣ Короля, принимая отъ Россійскихъ чиновниковъ дары своего жениха : богатый образъ Св. Троицы, благословеніе Царицы-Инокини Марѣы ; перо изъ рубиновъ ; чашу гіацинтовую ; золотой корабль, осыпанный многими драгоцѣнными камнями ; золотого быка, пеликана и павлина ; какія-то удивительныя часы съ флейтами и трубами ; слишкомъ три пуда жемчугу, 640 рѣдкихъ соболей, кипы бархатовъ, парчей, штофовъ, атласовъ ⁽⁴³²⁾, и проч. и проч. Между тѣмъ Власевъ, желая быть почтительнымъ, не хотѣлъ садиться за столъ съ Мариною, ни пить, ни ѣсть, и худо разумѣя, что онъ представляетъ лице Димитрія, билъ челомъ въ землю, когда Сигизмундъ и семейство его пили за здоровье Царя и Царицы : уже такъ именовали невѣсту обрученную. Послѣ обѣда, Король, Владиславъ и Шведская Принцесса Анна танцовали съ Мариною ; а Власевъ уклонился отъ сей чести, говоря : « дерзну ли «коснуться Ея Величества!» Наконецъ, прощаясь съ Сигизмундомъ, Марина упала къ ногамъ его и плакала отъ умиленія, къ неудовольствію Посла, который видѣлъ въ томъ униженіе для будущей супруги Московскаго Вѣнценосца ; но ему отвѣтствовали, что Сигизмундъ Государь ея, ибо она еще въ Краковѣ. Поднявъ Марину съ ласкою, Король сказалъ ей : «Чудесно возвышен-

«ная Богомъ, не забудь, чѣмъ ты обязана «странѣ своего рожденія и воспитанія, — «странѣ, гдѣ оставляешь ближнихъ, и гдѣ «нашло тебя счастье необыкновенное. Пи- «тай въ супругѣ дружество къ намъ и бла- «годарность за сдѣланное для него мною и «твоимъ отцемъ. Имѣй страхъ Божій въ «сердцѣ, чти родителей и не измѣняй обы- «чаямъ Польскимъ.» Снявъ съ себя шапку, онъ перекрестилъ Марину, собственными руками отдалъ Послу и дозволилъ Воеводѣ Сендомирскому ѣхать съ нею въ Россію; а Власевъ, немедленно отправивъ къ Само-званцу перстень невѣсты и живописное изображеніе лица ея, жилъ еще нѣсколько дней въ Краковѣ, чтобы праздновать Си-гизмундово бракосочетаніе съ Австрійскою Эрцгерцогинею, и (8 Декабря) выѣхалъ въ Слонимъ, ожидать тамъ Мнишка и Марины на пути ихъ въ Россію ⁽⁴³³⁾; но ждалъ долго.

Пожертвовавъ Самозванцу знатною ча- стію своего богатства, Воевода Сендомир-скій не былъ доволенъ одними дарами: требовалъ отъ него денегъ, чтобы распла- титься съ займодавцами, и не хотѣлъ безъ того выѣхать изъ Кракова ⁽⁴³⁴⁾; скучалъ, досадовалъ и тревожился худою молвою о будущемъ зятѣ. Въ Краковѣ знали, что дѣлалось въ Москвѣ; знали о негодованіи Россіянъ, и многіе не вѣрили ни Царскому

Слухи
о Само-
званцѣ
въ
Поль-
шѣ.

происхожденію Лжедимитрія, ни долговременности его счастія; говорили о томъ все-народно, предостерегали Короля и Мнишка. Сама Царица-Инокиня Марѳа, какъ увѣ-ряють, тайно велѣла чрезъ одного Шведа объявить Сигизмунду, что мнимый Дими-трій не есть сынъ ея ⁽⁴³⁵⁾. Даже и чиновники Россійскіе, присылаемые гонцами въ Польшу, шептали на ухо любопытнымъ о Царѣ беззаконномъ, и предсказывали не-минуемый скорый ему конецъ. Но Сигиз-мундъ и Мнишекъ не вѣрили такимъ рѣ-чамъ или показывали, что не вѣрятъ, же-лая приписывать ихъ единственно внуше-ніямъ тайныхъ злодѣевъ Царя, друзей Го-дунова и Шуйскаго. Во всякомъ случаѣ уже не время было думать о разрывѣ съ тѣмъ, кто звалъ на престолъ Марину и честно вознаграждалъ отца ея за всѣ его убытки: ибо, наконецъ (въ Генварѣ 1606), Секретарь Янъ Бучинскій привезъ изъ Мо-сквы 200 тысячъ злотыхъ Мнишку, сверхъ ста тысячъ, отданныхъ Лжедимитріемъ Си-гизмунду въ уплату суммы, которую занялъ у него Воевода Сендомирскій на ополченіе 1604 года ⁽⁴³⁶⁾. Разстрига изъяснялъ не-терпѣніе видѣть невѣсту; но отецъ ея, занимаясь пышными сборами, еще долго жилъ въ Галиціи, и выѣхалъ, съ толпою своихъ ближнихъ, уже въ распутицу, такъ, что нѣкоторые изъ нихъ отъ худой дороги

Г. 1606.
Лжеди-
митрій
платитъ
долги
Мниш-
ковы.

возвратились ⁽⁴³⁷⁾, — къ ихъ счастію : ибо въ Москвѣ уже все изготовилось къ страшному дѣйствию народной мести.

Оградивъ себя иноземными тѣлохранителями, и видя тишину въ столицѣ, уклончивость, низость при Дворѣ, Лжедмитрій совершенно успокоился ; вѣрилъ какому-то предсказанію , что ему властвовать 34 года ⁽⁴³⁸⁾, и пировалъ съ Боярами на ихъ свадьбахъ ⁽⁴³⁹⁾, дозволивъ имъ свободно выбирать себѣ невѣстъ и жениться : чего не было въ царствованіе Годунова, и чѣмъ воспользовался, хотя уже и не въ молодыхъ лѣтахъ , знатнѣйшій Вельможа Князь Мстиславскій, за коего Самозванецъ выдалъ двоюродную сестру Царицы-Инокини Марѣы. Казалось, что и Москва искренно веселилась съ Царемъ : никогда не бывало въ ней столько пировъ и шума ; никогда не видали столько денегъ въ обращеніи : ибо Нѣмцы, Ляхи, Козаки, сподвижники Лжедмитрія, отъ щедротъ его сыпали золотомъ ⁽⁴⁴⁰⁾, къ немалой выгодѣ Московскаго купечества, и хвастаясь богатствомъ, по словамъ Лѣтописца, не только ѣли, пили, но и въ баняхъ мылись изъ серебряныхъ сосудовъ. Въ сіи веселые дни Самозванецъ, расположенный къ дѣйствиамъ милости, простилъ Шуйскихъ, чрезъ шесть мѣсяцевъ ссылки ⁽⁴⁴¹⁾ : возвратилъ имъ богатство и знатность, въ удовольствіе ихъ

Прово-
ществіа
въ Мо-
сквѣ.

Возвра-
щеніе
и ху-
скихъ

многочисленныхъ друзей, которые умѣли хитро
ослѣпить его прелестію такого великодушія, и,
вѣроятно, уже не безъ намѣренія, гибельнаго
для Лжецаря. Всѣми уважаемый какъ первосте-
пенный мужъ государственный и потомокъ Рю-
риковъ, Василій Шуйскій былъ тогда идоломъ
народа, прославивъ себя неустрашимую твердо-
стію въ обличеніи Самозванца: пытки и плаха
дали ему, въ глазахъ Россіянъ, блистательный
вѣнецъ Героя-мученика, и никто изъ Бояръ не
могъ, въ случаѣ народнаго движенія, имѣть
столько власти надъ умами, какъ сей Князь,
равно честолубивый, лукавый и смѣлый. Давъ
на себя письменное обязательство въ вѣрности
Лжедмитрію (⁴⁴²), онъ возвратился въ столицу,
по видимому инымъ человѣкомъ: казался усерд-
нѣйшимъ его слугою, и снискалъ въ немъ осо-
бенную довѣренность, вопреки мнѣнію нѣкото-
рыхъ ближнихъ людей Самозванца, которые го-
ворили, что можно изъ милосердія, иногда одо-
бряемаго Политикою, не казнить измѣнника и
клятвопреступника, но безразсудно вѣрить его
новой клятвѣ; что Шуйскій, не выдавъ отъ Ди-
митрія ничего кромѣ благоволенія, замышлялъ
его гибель, а претерпѣвъ отъ него безчестіе,
муки, ужасъ смерти, конечно не исполнился
любви къ своему карателю, хотя и правосудному:
исполнился, вѣроятно же, злобы и мести, скры-
ваемыхъ подъ личиною раскаянія. Они говорили
истину: Шуйскій возвратился съ тѣмъ, чтобы
погибнуть или погубить Лжедмитрія. Но легко-

умный, гордый Самозванецъ, хваляся еще не столько благостію, сколько безстрашіемъ, отвѣтствовалъ, что находя искреннее удовольствіе въ милости, любить прощать совершенно, не вполнину, и безъ грѣха не можетъ чего нибудь страшиться, бывъ отъ самой колыбели чудесно и явно хранимъ Богомъ ⁽⁴⁴³⁾. Онъ хотѣлъ, чтобы Князь Василій, подобно Мстиславскому, избралъ себѣ знатную невѣсту : Шуйскій выбралъ Княжну Буйносову Ростовскую, свойственницу Нагихъ, и долженъ былъ жениться чрезъ нѣсколько дней послѣ Царской свадьбы — однимъ словомъ, бывъ угодникомъ Іоанновымъ и Борисовымъ, обворожилъ Разстригу нехитраго, сдѣлался его совѣтникомъ, и не для того, чтобы совѣтовать ему доброе!

Лжедимитрій дѣйствовалъ, какъ и прежде : вѣтрено и безразсудно ; то желалъ снискать любовь Россіянъ, то умышленно оскорблялъ ихъ. Современники рассказываютъ слѣдующее происшествіе : «Онъ велѣлъ сдѣлать зимою ледяную крѣпость, близъ Вяземы, верстахъ въ тридцати отъ Москвы, и поѣхалъ туда съ своими тѣлохранителями, съ конною дружиною Ляховъ, съ Боярами и лучшимъ воинскимъ Дворянствомъ. Россіянамъ надлежало защищать городокъ, а Нѣмцамъ взять его приступомъ : тѣмъ и другимъ, вмѣсто оружія, дали снѣжные комы. Начался бой, и Самозванецъ, предводительствуя Нѣмцами, первый ворвался въ крѣпость; торжествовалъ побѣду; говорилъ : *такъ возьму*

Азовъ — и хотѣлъ новаго приступа. Но многіе изъ Россіянъ обливались кровію : ибо Нѣмцы, во время схватки, бросая въ нихъ снѣгомъ, бросали и каменьями. Сія худая шутка, оставленная Царемъ безъ наказанія и даже безъ выговора, столь озлобила Россіянъ, что Лжедимитрій, опасаясь дѣйствительной сѣчи между ими ⁽⁴⁴⁴⁾, тѣлохранителями и Ляхами, спѣшилъ развести ихъ и возвратиться въ Москву.» Ненависть къ иноземцамъ, падая и на пристрастнаго къ нимъ Царя, ежедневно усиливалась въ народѣ отъ ихъ дерзости : на примѣръ, съ дозволенія Лжедимитріева имѣя свободный входъ въ наши церкви, они безчинно гремѣли тамъ оружіемъ, какъ бы готовясь къ битвѣ; опирались, ложились на гробы Святыхъ. Не менѣе жаловались Москвитяне и на Козаковъ, сподвижниковъ Разстригиныхъ : величаясь своею услугою, сіи люди грубые оказывали къ нимъ презрѣніе и называли ихъ въ ругательство Жидами ⁽⁴⁴⁵⁾; суда не было. — Но самымъ злѣйшимъ врагомъ Лжедимитрія сдѣлалось Духовенство. Какъ бы желая унижить санъ Монашества, онъ срамилъ Иноковъ, въ случаѣ ихъ гражданскихъ преступленій, безчестною торговою казнію; занималъ деньги въ богатыхъ Обителяхъ, и не думалъ платить сихъ долговъ значительныхъ; наконецъ велѣлъ представить себѣ опись имѣнію и всѣмъ доходамъ монастырей, изъявивъ мысль оставить имъ только необходимое для умѣреннаго содержанія Старцевъ, а все прочее взять на жалованье войску ⁽⁴⁴⁶⁾ : то

есть, смѣлый бродяга, бурю кинутый на престолъ шаткій, и новою бурю угрожаемый, хотѣлъ прямо, необыкновенно совершить дѣло, на которое не отважились Государи законные, Іоанны III и IV, въ тишинѣ безспорнаго властвованія и повиновенія неограниченнаго! — Дѣло менѣе важное, но не менѣе безразсудное также возбудило негодованіе Бѣлаго Московскаго Духовенства: Лжедимитрій выгналъ всѣхъ Арбатскихъ и Чертольскихъ Священниковъ изъ ихъ домовъ, чтобы помѣститъ тамъ своихъ иноземныхъ тѣлохранителей, которые жили большею частію въ слободѣ Нѣмецкой, слишкомъ далеко отъ Кремля. Пастыри душъ, въ храмахъ торжественно молясь за мнимаго Димитрія, тайно кляли въ немъ врага своего, и шептали прихожанамъ о Самозванцѣ, гонителѣ Церкви и благопріятелѣ всѣхъ ересей: ибо онъ, дозволивъ Іезуитамъ служить Латинскую Обѣдню въ Кремлѣ, дозволилъ и Лютеранскимъ Пасторамъ говорить тамъ проповѣди, чтобы его тѣлохранители не имѣли труда ѣздить для моленія въ отдаленную Нѣмецкую слободу (447).

Въ сіе время явленіе новаго Самозванца также повредило Разстригѣ въ общемъ мнѣніи. Завидуя успѣху и чести Донцевъ, ихъ братья, Козаки Волжскіе и Терскіе, назвали одного изъ своихъ товарищей, мо-

Самозванецъ
Петръ.

лодаго Козака Илейку, сыномъ Государя
Оеодора Іоанновича, Петромъ, и выдумали
сказку, что Ирина въ 1592 году разрѣши-
лась отъ бремени симъ Царевичемъ, коего
властолюбивый Борисъ умѣлъ скрыть и
подмѣнилъ дѣвочкою (Оеодосіею). Ихъ со-
бралось 4000, къ ужасу путешественни-
ковъ, особенно людей торговыхъ : ибо сіи
мятежники, сказывая, что идутъ въ Мо-
скву съ Царемъ, грабили всѣхъ купцевъ
на Волгѣ, между Астраханью и Казанью,
такъ, что добычу ихъ цѣнили въ 300 ты-
сячъ рублей ⁽⁴⁴⁸⁾; а Лжедимитрій не мѣ-
шалъ имъ злодѣйствовать, и писалъ къ
мнимому Петру — вѣроятно, желая зама-
нить его въ сѣти — что если онъ истинный
сынъ Оеодоровъ, то спѣшилъ бы въ сто-
лицу, гдѣ будетъ принятъ съ честію. Ни-
кто не вѣрилъ новому обманщику; но мно-
гіе еще болѣе увѣрились въ самозванствѣ
Разстриги, изъясняя одну басню другою;
многіе даже думали, что оба Самозванца въ
тайномъ согласіи; что Лжепетръ есть ору-
діе Лжедимитрія; что послѣдній велитъ Ко-
закамъ грабить купцевъ для обогащенія
казны своей ⁽⁴⁴⁹⁾, и ждетъ ихъ въ Москву,
какъ новыхъ ревностныхъ союзниковъ, для
безопаснѣйшаго тиранства надъ Россіяна-
ми, ему ненавистными. Илейка дѣйстви-
тельно, какъ пишутъ, хотѣлъ воспользо-
ваться ласковымъ приглашеніемъ Разстри-

ги и шелъ къ Москвѣ, но узналъ въ Свіяжскѣ, что мнимаго дяди его уже не стало ⁽⁴⁵⁰⁾.

По всѣмъ извѣстіямъ, возвращеніе Князя ^{Начало заговора.} Василя Шуйскаго было началомъ великаго заговора и рѣшило судьбу Лжедмитрія, который изготовилъ легкій успѣхъ онаго, досаждая Боярамъ, Духовенству и народу, презирая Вѣру и добродѣтель. Можетъ быть, слѣдуя инымъ, лучшимъ правиламъ, онъ удержался бы на тронѣ и вопреки явнымъ уликамъ въ самозванствѣ; можетъ быть, осторожнѣйшіе изъ Бояръ не захотѣли бы свергнуть Властителя хотя и незаконнаго, но благоразумнаго, чтобы не предать отечества въ жертву безначалію. Такъ, вѣроятно, думали многіе въ первые дни Разстригина царствованія: вѣдая, кто онъ, надѣялись по крайней мѣрѣ, что сей человекъ удивительный, одаренный нѣкоторыми блестящими свойствами, заслужитъ счастье дѣлами достохвальными; увидѣли безуміе — и возстали на обманщика: ибо Москва, какъ пишутъ, уже не сомнѣвалась тогда въ единствѣ Отрепьева и Лжедмитрія ⁽⁴⁵¹⁾. Любопытно знать, что самыя ближніе люди Разстригины не скрывали истины другъ отъ друга; самъ несчастный Басмановъ въ бесѣдѣ искренней съ двумя Нѣмцами, преданными Лжедмитрію, сказалъ имъ: «вы имѣете въ немъ отца и благоденствуете въ Россіи: молитесь о здра-

«ви и его вмѣстѣ со мною. Хотя онъ и не сынъ «*Іоанновъ*, но Государь нашъ : ибо мы *присягали* «ему, и лучшаго найти не можемъ» ⁽⁴⁵²⁾. Такъ Басмановъ оправдывалъ свое усердіе къ Самозванцу. Другіе же судили, что *присяга*, данная въ заблужденіи или въ страхѣ, не есть истинная: сію мысль еще не давно внушали народу друзья Лжедмитріевы, склоняя его измѣнить юному Феодору ⁽⁴⁵³⁾; сею же мыслию успокоивалъ и Шуйскій Россіянъ добросовѣстныхъ, чтобы низвергнуть бродягу. Надлежало открыться множеству людей разнаго званія, имѣть сообщниковъ въ Синклитѣ, Духовенствѣ, войскѣ, гражданствѣ. Шуйскій уже испыталъ опасность кововъ, лежавъ на плахѣ отъ нескромности своихъ клеветовъ; но съ того времени общая ненависть ко Лжедмитрію созрѣла и ручалась за вѣрнѣйшее храненіе тайны. По крайней мѣрѣ не нашлось предателей — извѣтниковъ — и Шуйскій умѣлъ, въ глазахъ Самозванца, ежедневно съ нимъ веселась и пируя, составить заговоръ, коего нить шла отъ Царской Думы чрезъ всѣ степени государственныя до народа Московскаго, такъ, что и многіе изъ ближнихъ людей Отрепьева, выведенные изъ терпѣнія его упрямствомъ въ неблагоразуміи, пристали къ сему кову. Распускали слухи зловредныя для Самозванца, истинныя и ложныя: говорили, что онъ, пылая жаждою кровопролитія безумнаго, въ одно время грозитъ войною Европѣ и Азіи. Лжедмитрій несомнительно думалъ воевать съ

Султаномъ, назначилъ для того Посольство къ Шаху Аббасу (⁴⁵⁴), чтобы пріобрѣсти въ немъ важнаго сподвижника, и велѣлъ дружинамъ Дѣтей Боярскихъ итти въ Елецъ, отправивъ туда множество пушекъ; грозилъ и Швеціи; написалъ къ Карлу: «Всѣхъ сосѣдственныхъ Государей увѣдомивъ о своемъ воцареніи, увѣдомляю тебя единственно о моемъ дружествѣ съ законнымъ Королемъ Шведскимъ, Сигизмундомъ, требуя, чтобы ты возвратилъ ему Державную власть, похищенную тобою въроломно, вопреки уставу Божественному, Естественному и Народному Праву — или вооружишь на себя могущественную Россію. Усовѣстись и размысли о печальномъ жребіи Бориса Годунова: такъ Всевышній казнить похитителей — казнить и тебя» (⁴⁵⁵). Увѣряли еще, что Лжедимитрій вызываетъ Хана опустошать южныя владѣнія Россіи, и желая привести его въ бѣшенство, послалъ къ нему въ даръ шубу изъ свиныхъ кожъ (⁴⁵⁶): басня опровергаемая современными государственными бумагами, въ коихъ упоминается о мирныхъ, дружественныхъ сношеніяхъ Лжедимитрія съ Казы-Гиреемъ и дарахъ обыкновенныхъ. Говорили справедливѣе о намѣреніи или обѣщаніи Самозванца предать нашу Церковь Папѣ и знатную часть Россіи Литвѣ: о чемъ сказывалъ Боярамъ

Посольство къ Шаху.

Собрание войска въ Елецѣ. Письмо къ Шведскому Королю.

Сношенія съ Ханомъ. Толки о замыслахъ Лжедимитрія.

Дворянинъ Золотой-Квашнинъ , бѣглець
 Іоаннова времени , который долго жилъ въ
 Польшѣ ⁽⁴⁵⁷⁾. Говорили , что Разстрига
 ждетъ только Воеводы Сендомирскаго съ
 новыми шайками Ляховъ для исполненія
 своихъ умысловъ , гибельныхъ для отече-
 ства. Уже начальники заговора хотѣли-
 бымо приступить къ дѣлу ⁽⁴⁵⁸⁾; но отложили
 ударъ до свадьбы Лжедимитріевой , для
 того ли , какъ пишутъ , чтобы съ невѣстою
 и съ ея ближними возвратились въ Москву
 древнія Царскія сокровища , раздаренныя
 имъ щедростію Самозванца , или для того ,
 чтобы онъ имѣлъ время и способъ еще бо-
 лѣе озлобить Россіянъ новыми беззаконіа-
 ми , предвидѣнными Щуйскимъ и друзья-
 ми его?

Между тѣмъ два или три случая , не бу-
 дучи въ связи съ заговоромъ , могли потре-
 вожить Самозванца. Ему донесли , что нѣ-
 которые Стрѣльцы всенародно злословятъ
 его , какъ врага Вѣры ⁽⁴⁵⁹⁾ : онъ призвалъ
 всѣхъ Московскихъ Стрѣльцевъ съ Голо-
 вою Григоріемъ Микулинымъ , объявилъ
 имъ дерзость ихъ товарищей и требовалъ ,
 чтобы вѣрные воины судили измѣнниковъ:
 Микулинъ обнажилъ мечъ , и хулители Лже-
 царя , не изъясняя ни раскаянія , ни страха ,
 были изсѣчены въ куски своими братьями:
 за что Самозванецъ пожаловалъ Микулина ,
 какъ усерднаго слугу , въ Дворяне Думные ,

Казнь
 Стрѣль-
 цевъ и
 Дьяка
 Осипо-
 ва.

а народъ возненавидѣлъ, какъ убійцу великодушныхъ страдальцевъ. Такимъ же мученикомъ хотѣлъ быть и Дьякъ Тимоѳей Осиповъ : пылая ревностію изобличить Разстригу, онъ нѣсколько дней говѣлъ дома, пріобщился Святыхъ Таинъ, и торжественно, въ палатахъ Царскихъ, предъ всѣми Боярами, назвалъ его *Гришкою Отрепьевымъ, рабомъ грѣха, еретикомъ* ⁽⁴⁶⁰⁾. Всѣ изумились, и самъ Лжедимитрій безмолвствовалъ въ смятеніи : опомнился и велѣлъ умертвить сего въ Исторіи незабвеннаго мужа, который своею кровію, вмѣстѣ съ немногими другими, искупалъ Россіянъ отъ стыда повиноваться бродягѣ. Пишутъ, что и Стрѣльцы и Дьякъ Осиповъ, прежде ихъ убіенія, были допрашиваемы Басмановымъ, но никого не оговорили въ единомысліи съ ними. Не менѣе безстрашнымъ оказалъ себя и знаменитый слѣпецъ, такъ называемый Царь Симеонъ: будучи ревностнымъ Христіаниномъ, и слыша, что Лжедимитрій склоняется къ Латинской Вѣрѣ, онъ презрѣлъ его милость и ласки, всенародно изъявлялъ негодованіе, убѣждалъ истинныхъ сыновъ Церкви умереть за ея святыя уставы: Симеона, обвиняемаго въ неблагодарности, удалили въ монастырь Соловецкій и постригли ⁽⁴⁶¹⁾. Тогда же чиновникъ извѣстный способностями ума и гибкостію нрава, бывъ въ рав-

Опала
Царя
Симео-
на и
Тати-
шева.

ной довѣренности у Бориса и Самозванца, Думный Дворянинъ Михайло Татищевъ, вдругъ заслужилъ опалу смѣлостію, въ немъ совсѣмъ необыкновенною. Однажды, за столомъ Царскимъ, Князь Василій Шуйскій, видя блюдо телятины, въ первый разъ сказалъ Лжедмитрію, что не должно подчивать Россіянъ яствами, для нихъ гнусными; а Татищевъ, приставъ къ Шуйскому, началъ говорить столь невѣжливо и дерзко, что его вывели изъ дворца и хотѣли сослать на Вятку ⁽⁴⁶²⁾; но Басмановъ чрезъ двѣ недѣли исходатайствовалъ ему прощеніе (себѣ на гибель, какъ увидимъ). Сей случай возбудилъ подозрѣніе въ нѣкоторыхъ ближнихъ людяхъ Отрепьева и въ немъ самомъ: думали, что Шуйскій завелъ сей разговоръ съ умысломъ, и что Татищевъ не даромъ измѣнилъ своему навыку; что они, зная вспыльчивость Лжедмитрія, хотѣли вырвать изъ него какое нибудь слово нескромное и во вредъ ему разгласить о томъ въ городѣ; что у нихъ должно быть намѣреніе дальновидное и злое. Къ счастью, Лжедмитрій, по праву и правиламъ неопасливый, скоро оставилъ сію безпокойную мысль, видя вокругъ себя лица веселыя, всѣ знаки усердія и преданности, особенно въ Шуйскомъ, и всего болѣе думая тогда о великолѣпной пріемѣ Маринь.

Но Воевода Сендомирскій какъ долго не трогался съ мѣста, такъ медленно и путешествовалъ; вездѣ останавливался, пировалъ, къ досадѣ своего провожатаго, Аѳанасія Власьева, и еще изъ Минска писалъ въ Москву, что ему не лъзя выѣхать изъ Литовскихъ владѣній, пока Царь не заплатитъ Королю *всего долга*; что грубость излишно ревностнаго слуги Власьева, нудящаго ихъ *не ѣхать, а летѣть* въ Россію, несносна для него, ветхаго старца, и для нѣжной Марины. Самозванецъ не жалѣлъ денегъ: обязался удовлетворить всѣмъ требованіямъ Сигизмундовымъ, прислалъ 5000 червонцевъ въ даръ невѣстѣ, и сверхъ того 5000 рублей и 13,000 талеровъ на ея путешествіе до предѣловъ Россіи ⁽⁴⁶³⁾; но изъявилъ неудовольствіе. «Вижу,» писалъ онъ къ Мнишку, «что вы едва ли и весною «достигнете нашей столицы, гдѣ можете не «найти меня: ибо я намѣренъ встрѣтить «лѣто въ станѣ моего войска, и буду въ «полѣ до зимы. Бояре, высланные ждаты «вась на рубежѣ, истратили въ сей голодной странѣ всѣ свои запасы и должны будутъ возвратиться, къ стыду и попошенію «Царскаго имени.» Мнишекъ въ досадѣ хотѣлъ ѣхать назадъ; однакожь, извинивъ колкія выраженія будущаго зятя петерифніемъ его страстной любви, 8 Апрѣля въѣхалъ въ Россію.

Путешествіе Воеводы Сендомирскаго съ Мариною.

Пишутъ, что Марина, оставляя навѣки отечество, неутѣшно плакала въ горестныхъ предчувствіяхъ, и что Власьевъ не могъ успокоить ее велегрѣчивымъ изображеніемъ ея славы ⁽¹⁶⁴⁾. Воевода Сендомирскій желалъ блеснуть пышностію : съ нимъ было родственниковъ, пріятелей и слугъ не менѣе двухъ тысячъ, и столько же лошадей. Марина ѣхала между рядами конницы и пѣхоты. Миншекъ, братъ и сынъ его, Князь Вишневецкій и каждый изъ знатныхъ Пановъ имѣлъ свою дружину воинскую. На границѣ привѣтствовали невѣсту царедворцы Московскіе, а за мѣстечкомъ Краснымъ Бояре, Михайло Нагой (мнимый дядя Лжедмитріевъ) и Князь Василій Мосальскій, который сказалъ отцу ея, что знаменитѣйшіе Государи Европейскіе хотѣли бы выдать дочерей своихъ за Дмитрія, но что Дмитрій предпочитаетъ имъ его дочь, умѣя любить и быть благодарнымъ. Оттуда повезли Марину на двѣнадцать бѣлыхъ коняхъ, въ саняхъ великолѣпныхъ, украшенныхъ серебрянымъ орломъ ⁽¹⁶⁵⁾; возницы были въ парчевой одеждѣ, въ черныхъ лисьихъ шапкахъ; впереди ѣхало двѣнадцать знатныхъ всадниковъ, которые служили путеводаителями, и кричали возницамъ, гдѣ видѣли камень или яму. Не смотря на весеннюю распутицу, вездѣ исправили дорогу, вездѣ построили новые мосты и дома для ночлеговъ. Въ каждомъ селеніи жители встрѣчали невѣсту съ хлѣбомъ и солью, Священники съ иконами. Граждане въ Смоленскѣ, Дорогобужѣ, Вязмѣ под-

носили ей многоцѣнные дары отъ себя, а сановники вручали письма отъ жениха съ дарами еще богатѣйшими. Всѣ старались угождать не только будущей Царицѣ, но и спутникамъ ея, надменнымъ Ляхамъ ⁽⁴⁶⁶⁾, которые вели себя нескромно, грубили Россіянамъ, притворно смиреннымъ, и достигнувъ береговъ Угры, вспомнили, что тутъ была древняя граница Литвы — надѣялись, что и будетъ снова: ибо Мнишекъ везъ съ собою владѣнную грамоту, данную ему Самозванцемъ, на Княженіе Смоленское!.. Оставивъ Марину въ Вязмѣ, Сендомирскій Воевода съ сыномъ и Княземъ Вишневецкимъ шѣшли въ Москву для нѣкоторыхъ предварительныхъ условій съ Царемъ относительно къ браку ⁽⁴⁶⁷⁾.

25 Апрѣля, имѣвъ пышный вѣздъ въ столицу ⁽⁴⁶⁸⁾, Мнишекъ съ восторгомъ увидѣлъ будущаго зятя на великолѣпномъ тронѣ, окруженномъ Боярами и Духовенствомъ: Патріархъ и Епископы сидѣли на правой сторонѣ, Вельможи на лѣвой. Мнишекъ цѣловалъ руку Лжедмитріеву; гово-
рилъ рѣчь, и не находилъ словъ для выра-
женія своего счастья. «Не знаю (сказалъ
«онъ»), какое чувство господствуетъ теперь
«въ душѣ моей: удивленіе ли чрезмѣрное
«или радость неописанная? Мы проливали
«нѣкогда слезы умиленія, слушая повѣсть
«о жалостной, мнимой кончинѣ Дмитрія —

Рѣчь
Мниш-
кова.

«и видимъ его воскресшаго! Давно ли, съ горестію инаго рода, съ участіемъ искреннимъ и «нѣжнымъ, я жалъ руку изгнанника, моего гостя печальнаго — и сію руку, нынѣ Державную, «лобызаю съ благоговѣніемъ! О счастье! «какъ ты играешь смертными! Но что говорю? «не слѣпому счастью, а Провидѣнію дивимся въ «судьбѣ твоей: Оно спасло тебя и возвысило, «къ утѣшенію Россіи и всего Христіанства. Уже «извѣстны мнѣ твои блестящія свойства: я видѣлъ тебя въ пылу битвы неустрашимаго, въ «трудахъ воинскихъ неустоимаго, къ холоду зим-«нему нечувствительнаго . . . ты бодрствовалъ «въ полѣ, когда и звѣри Сѣвера въ своихъ но-«рахъ таились. Исторія и Стихотворство про-«славятъ тебя за мужество и за многія иныя до-«бродѣтели, которыя спѣши открыть въ себѣ «міру; но я особенно долженъ славить твою вы-«сокую ко мнѣ милость, щедрую награду за мое «къ тебѣ раннее дружество, которое предупре-«дило честь и славу твою въ свѣтѣ: ты дѣлишь «свое величіе съ моею дочерью, умѣя цѣнить ея «нравственное воспитаніе и выгоды, данныя ей «рожденіемъ въ Государствѣ свободномъ, гдѣ «Дворянство столь важно и сильно — а всего «болѣе зная, что одна добродѣтель есть истин-«ное украшеніе человѣка.» Лжедимитрій слу-
шалъ съ видомъ чувствительности, непрестанно
утирая себѣ глаза платкомъ, но не сказалъ ни
слова: вмѣсто Царя отвѣтствовалъ Аѳанасій
Власьевъ. Началось роскошное угощеніе. Мни-

шекъ обѣдалъ у Лжедимитрія въ новомъ дворцѣ, гдѣ Поляки хвалили и богатство и вкусъ украшеній ⁽⁴⁶⁹⁾. Честя гостя, Самозванецъ не хотѣлъ однакожь сидѣть съ нимъ рядомъ : сидѣлъ одинъ за *серебряною трапезою*, и въ знакъ уваженія велѣлъ только подавать ему, сыну его и Князю Вишневецкому золотыя тарелки ⁽⁴⁷⁰⁾. Во время обѣда привели двадцать Лопарей, бывшихъ тогда въ Москвѣ съ данію, и разсказывали любопытнымъ иноземцамъ, что сіи странные дикари живутъ на краю свѣта, близъ *Индіи* и Ледовитаго моря, не зная ни домовъ, ни теплой пищи, ни законовъ, ни Вѣры ⁽⁴⁷¹⁾: Лжедимитрій хвалился неизмѣримостію Россіи и чуднымъ разнообразіемъ ея народовъ. Вечеру играли во дворцѣ Польскіе музыканты; сынъ Воеводы Сендомирскаго и Князь Вишневецкій танцовали, а Лжедимитрій забавлялся пересодѣваніемъ, ежечасно являясь то Русскимъ щеголемъ, то Венгерскимъ гусаромъ! Пять или шесть дней угощали Мнишка изобильными, безконечными обѣдами, ужинами, звѣриною ловлею, въ коей Лжедимитрій, какъ обыкновенно, блисталъ искусствомъ и смѣлостію : билъ медвѣдей рогатиною, отсѣкалъ имъ голову саблею, и веселился громкими восклицаніями Бояръ : «Царю!» — Въ сіе время занимались и дѣломъ.

Условія.

Лжедимитрій писалъ еще въ Краковъ къ Воеводѣ Сендомырскому, что Марина, какъ Царица Россійская, должна по крайней мѣрѣ наружно чтить Вѣру Греческую и слѣдовать обрядамъ ея ⁽⁴⁷²⁾; должна также наблюдать обычаи Московскіе, и не убирать волосовъ: но Легатъ Папскій, Рангони, съ досадою отвѣтствовалъ на первое требованіе, что Государь Самодержавный не обязанъ угождать безсмысленному народному суевѣрію; что законъ не воспрещаетъ брака между Христіанами Греческой и Римской Церкви, и не велитъ супругамъ жертвовать другъ другу совѣстію; что самые предки Димитріевы, когда хотѣли жениться на Княжнахъ Польскихъ, всегда оставляли имъ свободу въ Вѣрѣ ⁽⁴⁷³⁾. Сіе затрудненіе было, кажется, рѣшено въ бесѣдахъ Лжедимитрія съ Воеводою Сендомырскимъ и съ нашимъ Духовенствомъ: условились, чтобы Марина ходила въ Греческія церкви, пріобщалась Святыхъ Таинъ отъ Патріарха и постилась еженедѣльно не въ Субботу, а въ Среду, имѣя однакожь свою Латинскую церковь и наблюдая всѣ иные уставы Римской Вѣры. Патріархъ Игнатій былъ доволенъ; другіе Святители молчали, всѣ, кромѣ Митрополита Казанскаго Ермогена и Коломенскаго Епископа Іосифа, сосланныхъ Разстригою, за ихъ смѣлость: ибо они утверждали, что невѣсту должно кре-

Опала
двухъ
Святителей.

ститъ, или женитьба Царя будетъ беззаконіемъ ⁽⁴⁷⁴⁾. Гордяся хитрою Политикою — удовольствовавъ, какъ онъ думалъ, и Римъ и Москву — устроивъ все для торжественнаго бракосочетанія и принятія невѣсты, Лжедимитрій далъ ей знать, что ждетъ ее съ нѣжнымъ чувствомъ любовника и съ великолѣпіемъ Царскимъ.

Марина дни четыре жила въ Вяземѣ, бывшемъ селѣ Годунова, гдѣ находился его дворецъ, окруженный валомъ, и гдѣ въ каменномъ храмѣ, донинѣ цѣломъ, видны еще многія Польскія надписи Мнишковыхъ спутниковъ. 1 Мая, верстъ за 15 отъ Москвы, встрѣтили будущую Царицу купцы и мещане съ дарами — 2 Мая, близъ городской заставы, Дворянство и войско : Дѣти Боярскіе, Стрѣльцы, Козаки (всѣ въ красныхъ суконныхъ кафтанахъ, съ бѣлою перевязью на груди), Нѣмцы, Поляки, числомъ до ста тысячъ ⁽⁴⁷⁵⁾. Самъ Лжедимитрій былъ тайно въ простой одеждѣ между ними, вмѣстѣ съ Басмановымъ разставилъ ихъ по обѣимъ сторонамъ дороги и возвратился въ Кремль. Не въѣзжая въ городъ, на берегу Москвы-рѣки, Марина вышла изъ кареты и вступила въ великолѣпный шатеръ, гдѣ находились Бояре : Князь Мстиславскій говорилъ ей привѣтственную рѣчь ; всѣ другіе кланялись до земли. У шатра стояли 12 прекрасныхъ верховыхъ

Въѣздъ
Марии
въ
столицу.

коней въ даръ невѣстѣ, и богатая колесница, украшенная серебряными орлами Царскаго герба и запряженная десятью пѣгими лошадьми ⁽⁴⁷⁶⁾ : въ сей колесницѣ Марина вѣхала въ Москву, будучи сопровождаема своими ближними, Боярами, чиновниками и тремя дружинами Царскихъ тѣлохранителей; впереди шло 300 гайдуковъ съ музыкантами, а позади вѣхало 13 каретъ и множество всадниковъ. Звонили въ колокола, стрѣляли изъ пушекъ, били въ барабаны, играли на трубахъ — а народъ безмолвствовалъ; смотрѣлъ съ любопытствомъ, но изъяслялъ болѣе печали, нежели радости, и замѣтилъ *исторично* бѣдственное предзнаменованіе ⁽⁴⁷⁷⁾ : увѣряють, что въ сей день свирѣтствовала буря, такъ же, какъ и во время Разстригина вступленія въ Москву. Предъ воротами Кремлевскими, на возвышенномъ мѣстѣ площади (гдѣ встрѣтило бы невѣсту Царскую Духовенство съ крестами, если бы сія невѣста была православная), встрѣтили Марину новыя толпы литаврщиковъ, производя песносный для слуха шумъ и громъ. При вѣздѣ ея въ Спасскія ворота музыканты Польскіе играли свою народную пѣсню : *навѣки въ счастіе и несчастіе* ⁽⁴⁷⁸⁾ ; колесница остановилась въ Кремлѣ у Дѣвичьяго монастыря : тамъ невѣста была принята Царицею-Инокинею ⁽⁴⁷⁹⁾ ; тамъ увидѣла и жениха — и жила до свадьбы, отложенной на шесть дней еще для нѣкоторыхъ приготовленій.

Между тѣмъ Москва волновалась. Помѣ- Него-
 стивъ Воеводу Сендомирскаго въ Кремлев- дованіе
 скомъ домѣ ⁽⁴⁸⁰⁾ Борисовомъ (вертепѣ Ца- Моск-
 реубійства!), взяли для его спутниковъ всѣ витанъ.
 лучшіе дворы въ Китаѣ, въ Бѣломъ го-
 родѣ, и выгнали хозяевъ, не только куп-
 цевъ, Дворянъ, Дьяковъ, людей Духов-
 наго сана, но и первыхъ Вельможъ, даже
 мнимыхъ родственниковъ Царскихъ, На-
 гихъ ⁽⁴⁸¹⁾: сдѣлался крикъ и вопль. — Съ
 другой стороны, видя тысячи гостей не-
 званыхъ, съ ногъ до головы вооружен-
 ныхъ — видя, какъ они еще изъ телегъ
 своихъ вынимали запасныя сабли, конья,
 пистолеты, Москвитяне спрашивали у Нѣм-
 цевъ, ѣздятъ ли въ ихъ земляхъ на свадь-
 бу какъ на битву ⁽⁴⁸²⁾? и говорили другъ
 другу, что Поляки хотятъ овладѣть столи-
 цею. Въ одинъ день съ Мариною вѣхали
 въ Москву Великіе Послы Сигизмундовы,
 Паны Олесницкій и Госѣвскій ⁽⁴⁸³⁾, также
 съ воинскою многочисленною дружиною, и
 также къ безпокойству народа, который
 думалъ, что они пріѣхали за вѣномъ Ма-
 рины, и что Царь уступаетъ Литвѣ всѣ
 земли отъ границы до Можайска ⁽⁴⁸⁴⁾ —
 мнѣніе несправедливое, какъ доказываютъ
 бумаги сего Посольства: Олесницкій и Го-
 сѣвскій должны были только, вмѣсто Ко-
 роля, присутствовать на свадьбѣ Лжедими-
 трія ⁽⁴⁸⁵⁾, утвердить Сигизмундову съ нимъ

дружбу и союзъ съ Россією, не требуя ничего болѣе. Самозванецъ, по сказанію Лѣтописца, зная молву народную о грамотѣ, данной имъ Мнишку на Смоленскъ и Сѣверскую область, говорилъ Боярамъ, что не уступитъ ни пяди земли Россійской Ляхамъ ⁽⁴⁸⁶⁾ — и, можетъ быть, говорилъ искренно: можетъ быть, обманывая Папу, обманулъ бы и тестя и жену свою; но Бояре, по крайней мѣрѣ Шуйскій съ друзьями, не старались перемѣнить худыхъ мыслей народа о Лжедимитріи, который новыми соблазнами еще усилилъ общее негодованіе.

Соблаз-
ны.

Доброжелатели сего безразсуднаго хотѣли увѣрить благочестивыхъ Россіянъ, что Марина въ уединенныхъ, недоступныхъ келліяхъ учится нашему Закону и постится, готовясь къ крещенію, ⁽⁴⁸⁷⁾: въ первый день она дѣйствительно казалась постницею, ибо ничего не ѣла, гнушаясь Русскими яствами; но женихъ, узнавъ о томъ, прислалъ къ ней въ монастырь поваровъ отца ея, коимъ отдали ключи отъ Царскихъ запасовъ, и которые начали готовить тамъ обѣды, ужины, совѣмъ не монастырскіе ⁽⁴⁸⁸⁾. Марина имѣла при себѣ одну служанку, никуда не выходила изъ келлій, не ѣздила даже и къ отцу; но ежедневно видѣла страстнаго Лжедимитрія, сидѣла съ нимъ наединѣ, или была увесе-

ляема музыкою, пляскою и пѣснями не духовными. Разстрига вводилъ скомороховъ въ Обитель тишины и набожности, какъ бы ругаясь надъ святымъ мѣстомъ и саномъ Инокинь непорочныхъ ⁽⁴⁸⁹⁾. Москва свѣдала о томъ съ омерзѣніемъ.

Соблазнъ инаго рода, плодъ вѣтрености Лжедмитріевой, изумилъ царедворцевъ. 3 Мая Разстрига торжественно принималъ, въ Золотой палатѣ, знатныхъ Ляховъ, родственниковъ Мнишковыхъ, и Пословъ Королевскихъ. Гофмейстеръ Марины, Стадницкій, именемъ всѣхъ ея ближнихъ говоря рѣчь ⁽⁴⁹⁰⁾, сказалъ ему: «Если кто нибудь удивится твоему союзу съ домомъ Мнишка, перваго изъ Вельможъ Королевскихъ, то пусть заглянетъ въ Исторію Государства Московскаго: *прадѣдъ* твой, думаю, «былъ женатъ на дочери Витовта, а дѣдъ на Глинской — и Россія жаловалась ли на соединеніе Царской крови съ Литовскою? ни мало. «Симъ бракомъ утверждаешь ты связь между двумя народами, которые сходятствуютъ въ языкъ и въ обычаяхъ, равны въ силѣ и доблести, «но донынѣ не знали мира искренняго, и своею «закоснѣлою враждою тѣшили невѣрныхъ; нынѣ «же готовы, какъ истинные братья, дѣйствовать «единодушно, чтобы низвергнуть Луну ненавистную... и слава твоѣя какъ солнце возсіяетъ «въ странахъ Сѣвера.» За родственниками Воеводы Сендомирскаго, важно и величаво, шли Послы. Лжедмитрій сидѣлъ на престолѣ: ска-

Ссора
съ По-
слами.

завъ Царю привѣтствіе, Олесницкій вручилъ Сигизмундову грамоту Леонасію Власеву, который тихо прочиталъ Самозванцу ея надпись, и возвратилъ бумагу Посламъ, говоря, что она писана къ какому-то *Князю* Димитрію, а Монархъ Россійскій есть *Цесарь*; что Послы должны ѣхать съ нею обратно къ своему Государю. Изумленный Панъ Олесницкій, взявъ грамоту, сказалъ Лжедимитрію: «Принимаю съ благоговѣніемъ; но что дѣлается? оскорбленіе безпримѣрное для Короля, — для всѣхъ знаменитыхъ Ляховъ, стоящихъ здѣсь предъ тобою, — для всего нашего отечества, гдѣ мы еще не давно видѣли тебя, осыпаемаго ласками и благодѣяніями! Ты съ презрѣніемъ отвергаешь письмо Его Величества, на семь тронъ, на коемъ сидишь по милости Божіей, Государя моего и народа Польскаго!...» Такое нескромное слово оскорбляло всѣхъ Россіянъ не менѣе Царя; но Лжедимитрій не мыслилъ выгнать дерзкаго Пана, и какъ бы обрадовался случаю блистать своимъ краснорѣчіемъ; велѣлъ снять съ себя корону ⁽⁴⁹¹⁾, и самъ отвѣтствовалъ слѣдующее: «Необыкновенное, неслыханное дѣло, чтобы Вѣнцесосцы, сидя на престолѣ, спорили съ иноземными Послами; но Король упрямствомъ выводитъ меня изъ терпѣнія. Ему изъяснено и доказано, что я не только Князь, не

«только Государь и Царь, но и Великій Императоръ въ своихъ неизмѣримыхъ владѣніяхъ. Сей титулъ данъ мнѣ Богомъ, и не есть одно пустое слово, какъ титулы иныхъ Королей; ни Ассирійскіе, ни Мидійскіе, ниже Римскіе Цесари не имѣли дѣйствительнѣйшаго права такъ именоваться. Могу ли быть доволенъ названіемъ Князя и Государя, когда мнѣ служатъ не только Господари и Князья, но и Цари? Не вижу себѣ равнаго въ странахъ полуночныхъ; надо мною одинъ Богъ. И не всѣ ли Монархи Европейскіе называютъ меня Императоромъ? Для чего же Сигизмундъ того не хочетъ? Паиъ Олесницкій! спрашиваю: могъ ли бы ты принять на свое имя письмо, если бы въ его надписи не было означено твое Шляхетское достоинство? . . . Сигизмундъ имѣлъ во мнѣ друга и брата, какого еще не имѣла Республика Польская; а теперь вижу въ немъ своего зложелателя.» Извиняясь въ худомъ витійствѣ неспособностію говорить безъ приготовленія, а въ смѣлости навывкомъ человѣка свободнаго, Олесницкій съ жаромъ и грубостію упрекалъ Лжедмитрія неблагодарностію, забвеніемъ милостей Королевскихъ, безразсудностію въ требованіи титула новаго, безъ всякаго права; указывая на Бояръ, ставилъ ихъ въ свидѣтели, что Вѣнценосцы Россійскіе никогда не думали именоваться *Цесарями*; предавалъ Самозванца суду Божию за кровопролитіе, вѣроятное слѣдствіе такого неуѣреннаго честолюбія. Самозванецъ возражалъ;

наконецъ смягчился, и звалъ Олесницкаго къ рукѣ не въ видѣ Посла, а въ видѣ своего добраго знакома; но разгоряченный Пантъ сказалъ: «или «я Посолъ или не могу цѣловать руки твоей» — и сею твердостію принудилъ Разстригу уступить: «для того (сказалъ Власевъ), что Царь, готовъ «связь къ брачному веселію, расположенъ къ спосходительности и къ мирнымъ чувствамъ.» Грамоту Сигизмундову взяли, Посламъ указали мѣста, и Лжедимитрій спросилъ о здоровьѣ Короля, по сидя: Олесницкій хотѣлъ, чтобъ онъ для сего вопроса, въ знакъ уваженія къ Королю, привсталъ, и Разстрига исполнилъ его желаніе — однимъ словомъ, унижилъ, остыдилъ себя въ глазахъ Двора явленіемъ непристойнымъ, досадивъ вмѣстѣ и Ляхамъ и Россіянамъ. Съ честію отпустивъ Пословъ въ ихъ домъ, Лжедимитрій велѣлъ Дьяку Грамотину сказать имъ, что они могутъ жить, какъ имъ угодно, безъ всякаго надзора и принужденія: видѣться и говорить, съ кѣмъ хотятъ; что обычаи перемѣнились въ Россіи, и снокойная любовь къ свободѣ заступила мѣсто недовѣрчиваго тиранства; что гостепріимная Москва ликуетъ, въ первый разъ видя такое множество Ляховъ, а Царь готовъ удивить Европу и Азію дружбою своею къ Королю, если онъ признастъ его Императоромъ изъ благодарности за титулъ *Шведскаго*, отнятый Борисомъ у Сигизмунда, по возвращаемый ему Димитріемъ. — Дѣломъ государственнаго союза хотѣли заняться послѣ свадьбы Царской: ибо Лже-

димитрій не имѣлъ времени мыслить о дѣлахъ, занимаясь единственно невѣстою и гостями.

Въ монастырѣ веселились, во дворцѣ пировали ⁽⁴⁹²⁾. Женихъ ежедневно дарилъ невѣсту и родныхъ ея, покупая лучшіе товары у купцевъ иноземныхъ, коихъ множество наѣхало въ Москву изъ Литвы, Италіи и Германіи. За два дни до свадьбы при- Дары,несли Маринѣ шкатулу съ узорочьями, цѣною въ 50 тысячъ рублей ⁽⁴⁹³⁾, а Мнишку выдали еще 100 тысячъ злотыхъ для уплаты остальныхъ долговъ его, такъ, что казна издержала въ сіе время на одни дары 800,000 (нынѣшнихъ серебряныхъ 4,000,000) рублей ⁽⁴⁹⁴⁾, кромѣ милліоновъ, издержанныхъ на путешествіе или угощеніе Маряны съ ея ближними. Лжедимитрій хотѣлъ Царскою роскошью затмить Польскую : ибо Воевода Сендомирскій и другіе знатные Ляхи также не жалѣли ничего для внѣшняго блеска, имѣли богатые кареты и прекрасныхъ коней, рядили слугъ въ бархаты, и готовились жить пышно въ Москвѣ (куда Мнишекъ ⁽⁴⁹⁵⁾ привезъ 30 бочекъ одного вина Венгерскаго). Но самая роскошь гостей озлобляла народъ : видя ихъ великолѣпіе, Москвитяне думали, что оно есть плодъ расхищенія казны Царской ⁽⁴⁹⁶⁾; что достояніе отечества, собранное умомъ и

трудами нашихъ Государей , идетъ въ руки вѣчныхъ непріятелей Россіи.

Обру-
ченіе и
свадь-
ба.

7 Мая, ночью, невѣста вышла изъ монастыря, и при свѣтѣ двухъ сотъ факеловъ, въ колесницѣ окруженной тѣлохранителями и Дѣтьми Боярскими, переѣхала во дворецъ, гдѣ, въ слѣдующее утро, совершилось обрученіе по уставу нашей Церкви и древнему обычаю; но, вопреки сему уставу и сему обычаю, въ тотъ же день, на канунъ Пятницы и святаго праздника, совершился и бракъ: ибо Самозванецъ не хотѣлъ ни однимъ днемъ своего счастія жертвовать, какъ онъ думалъ, народному предразсудку. Невѣсту для обрученія ввели въ Столовую палату Княгиня Мстиславская и Воевода Сендомирскій. Тутъ присутствовали только ближайшіе родственники Мнишковы и чиновники свадебные: Тысяцкій Князь Василій Шуйскій, Дружки (братъ его и Григорій Нагой), свахи и весьма немногіе изъ Бояръ. Марина, усыпанная алмазами, яхонтами, жемчугомъ, была въ Русскомъ, красномъ бархатномъ платьѣ съ широкими рукавами и въ сафьянныхъ сапогахъ: на головѣ ея сіялъ вѣнецъ. Въ такомъ же платьѣ былъ и Самозванецъ, также съ головы до ногъ блистая алмазами и всякими камнями драгоцѣнными. Духовникъ Царскій, Благовѣщенскій Протоіерей, читалъ молитвы; Дружки рѣзали короваи съ

сырами и разносили шпринки. Оттуда пошли въ Грановитую палату, гдѣ находились всѣ Бояре и сановники Двора, знатные Ляхи и Послы Сигизмундовы. Тамъ увидѣли Россіяне важную новость: два престола, одинъ для Самозванца, другой для Марины — и Князь Василій Шуйскій сказалъ ей: «Наияснѣйшая Великая Государыня, *Цесарева* Марія Юріевна! волею Божіею и непобѣдимаго Самодержца, Цесаря и Великаго Князя всея Россіи, ты избрана быть его супругою: вступи же на свой Цесарскій *маестатъ* и властвуй вмѣстѣ съ Государемъ надъ нами»⁽⁴⁹⁷⁾! Она сѣла. Вельможа Михайло Нагой держалъ предъ нею корону Мономахову и діадиму. Велѣли Маринѣ поцѣловать ихъ и Духовнику Царскому нести въ храмъ Успенія, гдѣ уже все изготовили къ торжественному обряду, и куда, по разостланнымъ сукнамъ и бархатамъ, велъ жениха Воевода Сендомирскій, а невѣсту Княгиня Мстиславская; впереди шли, сквозь ряды тѣлохранителей и Стрѣльцевъ, Стольники, Стряпчіе, всѣ знатные Ляхи, чиновники свадебные, Князь Василій Голицынъ съ жезломъ или скиптромъ, Басмановъ съ державою; позади Бояре, люди Думные, Дворяне и Дьяки. Народа было множество. Въ церкви Марина приложилась къ образамъ — и началось священнодѣйствіе, дотоѣ безпримѣрное въ Россіи: Царское вѣнчаніе невѣсты, коимъ Лжедимитрій хотѣлъ удовлетворить ея честолюбію, возвысить ее въ глазахъ Россіянъ, и, можетъ быть, дать ей, въ случаѣ

своей смерти и неимѣнія дѣтей, право на Державство. Среди храма, на возвышенномъ, такъ называемомъ *чертожномъ* мѣстѣ сидѣли женихъ, невѣста и Патріархъ: первый на золотомъ тронѣ Персидскомъ ⁽⁴⁹⁸⁾, вторая на серебряномъ. Лжедимитрій говорилъ рѣчь: Патріархъ ему отвѣтствовалъ, и съ молитвою возложилъ животворящій крестъ на Марину, бармы, діадиму и корону (для чего свахи сняли головной уборъ или вѣнецъ невѣсты). Яки пѣла многолѣтіе Государю и *благовѣрной Цесаревъ Маріи*, которую Патріархъ на Литургіи украсилъ цѣннѣю Мономаховою, помазалъ и причастилъ. Такимъ образомъ дочь Мнишкова, еще не будучи супругою Царя, уже была вѣнчанною Царицею (не имѣла только державы и скиптра). Духовенство и Бояре цѣловали ея руку съ обѣтомъ вѣрности ⁽⁴⁹⁹⁾. Наконецъ выслали всѣхъ людей, кромѣ знатнѣйшихъ, изъ церкви, и Протопопъ Благовѣщенскій обвѣнчалъ Разстригу съ Мариною. Держа другъ друга за руку, оба въ коронахъ, Царь и Царица (последняя опираясь на Князя Василія Шуйскаго) вышли изъ храма уже въ часъ вечера и были громко привѣтствуемы звукомъ трубъ и литавръ, выстрѣлами пушечными и колокольнымъ звономъ ⁽⁵⁰⁰⁾, но тихо и невянятно народными восклицаніями. Князь Мстиславскій, въ дверяхъ осыпавъ новобрачныхъ золотыми деньгами изъ богатой мисы, кинулъ толпамъ гражданъ всѣ остальные въ ней червонцы и медали (съ изображеніемъ орла дву-

главаго). Воевода Сепдомирскій и немногіе Бояре обѣдали съ Лжедимитріемъ въ Столовой палатѣ; но сидѣли не долго: встали и проводили его до спальни, а Минишекъ и Князь Василій Шуйскій до постели (501). Все утихло во дворцѣ. Москва казалась спокойною: праздновали и шумѣли одни Ляхи, въ ожиданіи брачныхъ пировъ Царскихъ, новыхъ даровъ и почестей. Не праздновали и не дремали клевреты Шуйскаго: время дѣйствовать наступало.

Сей день, радостный для Самозванца и столь блестящій для Марины, еще усилилъ народное негодованіе. Не взирая на все безразсудныя дѣла Разстриги, Москвитяне думали, что онъ не дерзнетъ дать сана Россійской Царицы иновѣркѣ, и что Марина приметъ Законъ нашъ; ждали того до послѣдняго дня и часа: увидѣли ее въ коронѣ, въ вѣнцѣ брачномъ, и не слышали отреченія отъ Латинства. Хотя Марина цѣловала наши святые иконы, вкусила тѣло и кровь Христову изъ рукъ Патріарха, была помазана елеемъ и торжественно возглашена *благовѣрною Царицею*; но сіе явное дѣйствіе лжи казалось народу новою дерзостію беззаконія, равно какъ и Царское вѣнчаніе Польской Шляхетки, удостоенной величія неслыханнаго и недоступнаго для самыхъ Царицъ, истинно *благовѣрныхъ* и добродѣтельныхъ: для Анастасіи, Ирины

Новыя
причины
къ
негодо-
ванію.

и Маріи Годуновой ⁽⁵⁰²⁾. Корона Мономахова на главѣ иноземки, племени ненавистнаго для тогдашнихъ Россіянь, вопіяла къ ихъ сердцамъ о мести за оскверненіе святыни. Такъ мыслилъ народъ, или такія мысли внушали ему еще невидимые вожди его въ сіе грозное будущимъ время. — Ничто не укрывалось отъ наблюдателей строгихъ. Только немногимъ изъ Ляховъ Разстрига дозволилъ быть въ церкви свидѣтелями его бракосочетанія, но и сіи немногіе своимъ безчинствомъ возбуждали общее вниманіе ⁽⁵⁰³⁾: шутили, смѣялись или дремали въ часъ Литургіи, прислонясь спиною къ иконамъ. Послы Сигизмундовы непременно хотѣли сидѣть, требовали креселъ и едва успокоились, когда Лжедимитрій велѣлъ сказать имъ, что и самъ онъ сидитъ въ церкви, на тронѣ, единственно по случаю коронованія Марины ⁽⁵⁰⁴⁾. Замѣчая, какъ Бояре служили Царю — какъ Шуйскіе и другіе ставили ему и Царицѣ скамьи подъ ноги — кичливые Папы дивились въ слухъ такой низости и благодарили Бога, что живутъ въ Республикѣ, гдѣ Король не смѣетъ требовать столь презрительныхъ услугъ отъ послѣдняго изъ людей вольныхъ... Россіяне видѣли, слышали и не прощали.

Пирь.

Въ слѣдующее утро, на разсвѣтъ, барабаны и трубы возвѣстили начало свадебнаго праздника ⁽⁵⁰⁵⁾: сія шумная музыка не

умолкала до самаго полудня. Во дворцѣ готовился пиръ для Россіянъ и Ляховъ; но Лжедимитрій, желая веселиться, имѣлъ до-
саду: новую ссору съ Королевскими Посла-
ми. Онъ звалъ ихъ обѣдать, учтиво и ла-
сково; Послы также учтиво благодарили, хотѣли однакожь непремѣнно сидѣть съ Царемъ за однимъ столомъ, какъ Власьевъ на свадьбѣ у Короля сидѣлъ за столомъ Королевскимъ. Лжедимитрій для объясне-
нія прислалъ къ нимъ Власьева: сей важ-
ный чиновникъ сказалъ Олесницкому: «Вы
«требуете неслыханнаго: у насъ никому
«нѣтъ мѣста за особливою Царскою трапе-
«зою; Король же угостилъ меня наравнѣ
«съ Послами Императорскимъ и Римскимъ:
«слѣдственно не сдѣлалъ ничего чрезвы-
«чайнаго, ибо Государь нашъ не менѣе ни
«Императора, ни Римскаго Владыки —
«нѣтъ, Великій Цесарь Димитрій болѣе
«нихъ: что у васъ Папа, то у него По-
«пы» (506). Такъ изъяснялся первый дѣ-
лецъ государственный и вѣрный слуга Раз-
стригинъ, въ душѣ своей не благопріят-
ствуя Ляхамъ и желая, можетъ быть, сею
непристойною насмѣшкою доказать, что
Лжедимитрій не есть Панистъ. Олесницкій
снесъ грубость, но рѣшился не ѣхать во
дворецъ. Всѣ ные знатные Ляхи обѣдали
съ Самозванцемъ въ Грановитой палатѣ,
кромѣ Воеводы Сендомирскаго: онъ нахо-

Новая
ссора
съ Лп-
товски-
ми По-
слами.

для требованіе Пословъ справедливымъ, тщетно умолялъ зятя исполнить оное, проводилъ его и Марину до столовой комнаты и въ неудовольствіи уѣхалъ домой.

Сія размолвка не мѣшала блеску пиршества. Новобрачные обѣдали на тронѣ; за ними стояли тѣлохранители съ сѣкирами; Бояре имъ служили. Играла музыка — и Ляхи удивлялись несмѣтному богатству, видя предъ собою горы золота и серебра. Россіяне же съ негодованіемъ видѣли Царя въ гусарскомъ платьѣ, а Царицу въ Польскомъ: ибо оно болѣе правилось мужу ея, который и на канунѣ едва согласился, чтобы Марина, хотя для вѣнчанія, одѣлась Россіянкою ⁽⁵⁰⁷⁾. Вечеру ближніе Мишковые веселились во внутреннихъ Царскихъ комнатахъ; а въ слѣдующій день (10 Мая) Лжедмитрій принималъ дары отъ Патріарха, Духовенства, Вельможъ, всѣхъ знатныхъ людей, всѣхъ купцовъ чужестранныхъ, и снова пировалъ съ ними въ Грановитой палатѣ, сидя лицомъ къ иноземцамъ, спиною къ Русскимъ ⁽⁵⁰⁸⁾. Въ Золотой палатѣ обѣдало 150 Ляховъ, простыхъ воиновъ, но избранныхъ, угощаемыхъ Думными Дворянами: наливъ чашу вина, Лжедмитрій громогласно желалъ славныхъ усѣхъ оружію Польскому, и вышилъ ее до самаго дна ⁽⁵⁰⁹⁾. Наконецъ, 11 Мая, обѣдали во дворцѣ и Послы Сигизмундовы, съ ревностнымъ миротворцемъ, Воеводою Сендомирскимъ, который, убѣдивъ зятя дать Оленицкому первое мѣсто *возлѣ стола*

Царскаго, уговорилъ и сего Пана не требовать ничего болѣе и не жертвовать спору о суетной чести выгодами союза съ Россіею. Хотя Лжедимитрій едва было не возобновилъ прѣнія, сказавъ Олесницкому : «я не звалъ Короля къ себѣ «на свадьбу : слѣдственно ты здѣсь не въ лицѣ «его, а только въ качествѣ Посла;» но Мнишекъ благоразумными представленіями утишилъ зятя, и все кончилось дружелюбно. Сей третій пиръ казался еще пышнѣе. Царь и Царица были въ коронахъ и въ Польскомъ великолѣпномъ нарядѣ. Тутъ обѣдали и женщины: Княгиня Мстиславская, Шуйская ⁽⁵¹⁰⁾ и родственницы Воеводы Сендомбрскаго, который, забывъ свою дряхлость, не хотѣлъ сидѣть : держа шанку въ рукахъ, стоялъ предъ Царицею, и служилъ ей не какъ отецъ, а какъ подданный, къ удивленію всѣхъ ⁽⁵¹¹⁾. Лжедимитрій пилъ здоровье Короля; вообще пили много, особенно иноземные гости, хваля Царскія вина, но жалуясь на яства Русскія, для нихъ не вкусныя ⁽⁵¹²⁾. Послѣ стола откланялись Царю сановники, коимъ надлежало ѣхать къ Шаху Персидскому съ письмами : они цѣловали руку у Лжедимитрія и Марины ⁽⁵¹³⁾. — 12 Мая Царица въ своихъ комнатахъ угощала однихъ Ляховъ, пригласивъ только двухъ Россіянъ : Власьева и Князя Василія Мосальскаго. Услуга и кушанья были Польскія, такъ, что Паны, изъявляя живѣйшее удовольствіе, говорили : «мы пируемъ не въ Москвѣ и не у Царя, «а въ Варшавѣ или въ Краковѣ у Короля на-

«шего» ⁽⁵¹⁴⁾. Пили и плясали до ночи. Лжедмитрій, въ гусарской одеждѣ, танцовалъ съ женою и съ тестемъ. — Но Царица оказала милость и Россіянамъ : 14 Мая обѣдали у нее Бояре и люди чиновные. Въ сей день она казалась Русскою, вѣрно соблюдая наши обычаи ; старалась быть и любезною, всѣхъ привѣтствуя и лаская ⁽⁵¹⁵⁾ . . . Но привѣтствія уже не трогали сердецъ ожесточенныхъ ! — Между тѣмъ не умолкала въ столицѣ музыка : барабаны, литавры, трубы съ утра до вечера оглушали жителей ⁽⁵¹⁶⁾. Ежедневно гремѣли и пушки, въ знакъ веселія Царскаго ; не щадили пороху, и въ пять или въ шесть дней истратили его болѣе , нежели въ войну Годунова съ Самозванцемъ. Ляхи также въ забаву стрѣляли изъ ружей , въ своихъ домахъ и на улицахъ , днемъ и ночью, трезвые и пьяные ⁽⁵¹⁷⁾.

перес-
говоры
госуд-
ар-
ствен-
ные.

Утомленный празднествами , Лжедмитрій хотѣлъ заняться дѣлами, и 15 Мая, въ часъ утра, Послы Сигизмундовы нашли его въ новомъ дворцѣ сидящаго на креслахъ , въ прекрасной голубой одеждѣ, безъ короны , въ высокой шапкѣ , съ жезломъ въ рукѣ , среди множества царедворцевъ ⁽⁵¹⁸⁾ : онъ велѣлъ Посламъ идти къ Боярамъ въ другую комнату, чтобы объяснить имъ предложенія Сигизмундовы. Князь Дмитрій Шуйскій, Татищевъ , Власьевъ и

Дьякъ Грамотинъ бесѣдовали съ ними. Оленицкій, въ рѣчи плодovitой, Ветхимъ и Новымъ Заветомъ доказывалъ обязанность Христіанскихъ Монарховъ жить въ союзѣ и противиться невѣрнымъ; оплакивалъ паденіе Константинополя и несчастіе Іерусалима; хвалилъ великодушное намѣреніе Царя освободить ихъ отъ бѣдственнаго ига, и заключилъ тѣмъ, что Сигизмундъ, пылая усердіемъ раздѣлить съ братомъ своимъ, Димитріемъ, славу такого предпріятія, желаетъ знать, когда и съ какими силами онъ думаетъ итти на Султана? Татищевъ отвѣтствовалъ: «Король хочетъ «знать: вѣримъ; но хочетъ ли дѣйствительно «помогать необходимому Цесарю въ войнѣ съ «Турками? сомнѣваемся. Желаніе все вывѣдать, «съ намѣреніемъ ничего не дѣлать, кажется «намъ только обманомъ и лукавствомъ.» Удивляясь дерзости Татищева (который говорилъ невѣжливо, ибо уже зналъ о скорой перемѣнѣ обстоятельствъ), Послы свидѣтельствовались Власевымъ, что не Сигизмундъ Димитрію, а Димитрій Сигизмунду предложилъ воевать Оттоманскую Державу: слѣдственно и долженъ объявить ему свои мысли о способахъ успѣха. Тутъ Россійскіе чиновники оставили Пословъ, ходили къ Лжедимитрію, возвратились, и сказавъ: «самъ Цесарь будетъ говорить съ вами «въ присутствіи Бояръ,» отпустили ихъ домой; но мнимый Цесарь уже не могъ сдержать слова!

Замыш-
лявши
потѣ-
хи.

Еще Лжедмитрій готовилъ потѣхи новыя ; велѣлъ строить деревянную крѣпость съ земляною осынью вѣѣ города , за Срѣтенскими воротами, и вывезти туда множество пушекъ изъ Кремля, чтобы 18 Мая представить Ляхамъ и Россіянамъ любопытное зрѣлище приступа, если не кровопролитнаго, то громозвучнаго, коему надлежало заключиться пиршествомъ общенароднымъ. Марина также замышляла особенное увеселеніе для Царя и людей ближнихъ во внутреннихъ комнатахъ дворца : думала съ своими Польшками плясать въ личинахъ ⁽⁵¹⁹⁾. Но Россіяне уже не хотѣли ждать ни той, ни другой потѣхи.

Если Шуйскій отложилъ ударъ до свадьбы Отрѣьева съ намѣреніемъ дать ему время еще болѣе возмутить сердца своимъ легкомысліемъ ⁽⁵²⁰⁾, то сіе прелвидѣніе исполнилось : новые соблазны для Церкви, Двора и народа умножили ненависть и презрѣніе къ Самозванцу, а наглость Ляховъ ^{и а г-лостъ} все довершила, такъ, что имъ обязанный счастіемъ, онъ ихъ же содѣйствіемъ и погибнулъ ! Сіи гости и друзья его услуживали хитрому Шуйскому, истощая терпѣніе Россіянъ, столь мало ими уважаемыхъ (какъ мы видѣли), что Мнишекъ нескромно общалъ Боярамъ свою *милость*, и Посолъ Королевскій дерзнулъ торжественно называть Лжедмитрія твореніемъ Сигизмундо-

вымъ (521). На самыхъ пирахъ свадебныхъ, во дворцѣ, разгоряченные виномъ Ляхи укоряли Воеводъ нашихъ трусостию и малодушіемъ, хваляся : «мы дали вамъ Царя!» Но Россіяне, сколь ни униженные, сколь ни виновные предъ отечествомъ и добродѣтелию, еще имѣли гордость народную; кинѣли злобою, но удерживались и шептали другъ другу : «часть мести не далеко!» Сего мало : воины Польскіе, и даже чиновнѣйшіе Ляхи, не трезвые возвращаясь изъ дворца съ обнаженными саблями, на улицахъ рубили Москвитянъ, безчестили женъ и дѣвицъ, самыхъ благородныхъ, силою извлекая ихъ изъ колесницъ или вламываясь въ дома (522); мужья, матери вопли, требовали суда. Одного Ляха преступника хотѣли казнить; но товарищи освободили его, умертвивъ палача, и не страшась закона (523).

Такъ было — и на беззаконіе возстало беззаконіе. Мы удивлялись легкому торжеству Самозванца : теперь удивимся его легкому паденію. Въ то время, какъ онъ безпечно тѣшился и плясалъ съ своими Ляхами — когда головы кружились отъ веселія и мысли затмѣвались парами вина — Шуйскій, неусыпно наблюдая, рѣшился уже не медлить, и въ тишинѣ ночи при-
Ночный
совѣтъ
въ домѣ
у Шуй-
скаго,
звалъ къ себѣ не только сообщниковъ (изъ
конхъ главными именуются Князь Василій

Голицынъ и Бояринъ Иванъ Куракинъ) — не только друзей, клевретовъ, но и многихъ людей стороннихъ : Дворянъ Царскихъ, чиновниковъ военныхъ и градскихъ, Сотниковъ, Пятидесятниковъ ⁽⁵²⁴⁾, которые еще не были въ заговоръ, благопріятствуя оному единственно въ тайнѣ мыслей. Шуйскій смѣло открылъ имъ свою душу; сказалъ, что отечество и Вѣра гибнутъ отъ Ажедимитрія; извинялъ заблужденіе Россіянъ; извинялъ и тѣхъ, которые знали истину, но приняли обманщика, желая низвергнуть ненавистныхъ Годуновыхъ, и въ надеждѣ, что сей юный витязь, хотя и разстрига, будетъ добрымъ Властителемъ ⁽⁵²⁵⁾. «Заблужденіе скоро исчезло,» продолжалъ онъ — «и вы знаете, кто первый дерзнулъ обличать Самозванца; но голова моя лежала на плахѣ, а злодѣй спокойно величался на престолѣ: Москва не тронулась!» Шуйскій извинялъ и сіе бездѣйствіе: ибо многіе еще не имѣли тогда полного удостовѣренія въ обманѣ и въ злодѣйствѣ мнимаго Дмитрія. Представивъ всѣ улики и доказательства его самозванства, всѣ его дѣла неистовыя, измѣну Вѣрѣ, Государству и нашимъ обычаямъ, нравственность гнусную, оскверненіе храмовъ ⁽⁵²⁶⁾ и святыхъ Обителей, расхищеніе древней казны Царской, незаконное супружество и возложеніе вѣнца Мономахова на Польку *некрещеную* — изобразивъ сѣтованіе Москвы, какъ бы пламенный сонмаи Ляховъ, — ихъ дерзость и насилие — Шуйскій спрашивалъ, хотятъ ли Россіане,

сложивъ руки, ждать гибели неминуемой: видѣть костелы Римскіе на мѣстѣ церквей православныхъ, границу Литовскую подъ стѣнами Москвы, и въ самыхъ стѣнахъ ея заое господство иноземцевъ ⁽⁵²⁷⁾? или хотятъ дружнымъ возстаніемъ спасти Россію и Церковь, для коихъ онъ снова готовъ идти на смерть безъ ужаса? Не было ни разгласія, ни безмолвія сомнительнаго: кто не принадлежалъ, тотъ присталъ къ заговору въ семъ сборищѣ многолюдномъ, но единодушномъ сілою ненависти къ Самозванцу. Положили *избыть* Разстригу и Ляховъ, не боясь ни клятвопреступленія, ни безначалія: ибо Шуйскій и друзья его, овладѣвъ умами, смѣло брали на свою душу, именемъ отечества, Вѣры, Духовенства, все затрудненія людей совѣстныхъ, и смѣло обѣщали Россіи Царя лучшаго. Условились въ главныхъ мѣрахъ. Градскіе Сотники и Пятидесятники отвѣтствовали за народъ, воинскіе чиновники за воиновъ, господа за слугъ усердныхъ. Богатые Шуйскіе имѣли въ своемъ распоряженіи нѣсколько тысячъ надежныхъ людей ⁽⁵²⁸⁾, призванныхъ ими въ Москву изъ ихъ собственныхъ владѣній, будто бы для того, чтобы они видѣли пышность Царской свадьбы. Назначили день и часъ; ждали, готовились — и хотя не было *прямыхъ* доносовъ (ибо доносчики страшились, кажется, быть жертвою народной злобы): но какая скромность могла утаить движенія заговора, столь многолюднаго?

Державі
рѣчи на
площа-
ди.

Воле-
ніе на-
рода.

12 Мая говорили торжественно, на площа-
дяхъ, что мнимый Димитрій есть Царь
поганый: не чтить святыхъ иконъ, не лю-
битъ набожности, питается гнусными яст-
вами, ходитъ въ церковь нечистый, прямо
съ ложа сквернаго, и еще ни однажды не
мылся въ банѣ съ своею *поганою* Царицею;
что онъ безъ сомнѣнія еретикъ, и не крови
Царской ⁽⁵²⁹⁾. Ажедимитріевы тѣлохрани-
тели схватили одного изъ такихъ поноси-
телей и привели во дворецъ: Разстрига
велѣлъ Боярамъ допросить его; но Бояре
сказали, что сей человекъ пьянъ и бре-
дитъ; что Царю не должно уважать рѣчей
безумныхъ и слушать Нѣмцевъ-наушни-
ковъ. Самозванецъ успокоился. Въ слѣ-
дующіе три дни примѣтно было сильное
движеніе въ народѣ: разглашали, что Аже-
димитрій для своей безопасности мыслить
изгубить Бояръ, знатнѣйшихъ чиновни-
ковъ и гражданъ; что 18 Мая, въ часъ
мнимой воинской потѣхи въ Москвѣ, на
лугу Срѣтенскомъ, ихъ всѣхъ перестрѣ-
ляютъ изъ пушекъ ⁽⁵³⁰⁾; что столица Рос-
сійская будетъ добычею Ляховъ, коимъ
Самозванецъ отдастъ не только всѣ дома
Боярскіе, Дворянскіе и купеческіе, но и
святые Обители, выгнавъ оттуда Иноковъ
и женивъ ихъ на Инокиняхъ. Москвитяне
вѣрили; толпились на улицахъ, днемъ и
ночью; совѣтовались другъ съ другомъ, и

не давали подслушивать себя иноземцамъ, отгоняя ихъ какъ лазутчиковъ, грозя имъ словами и взорами. Были и драки: уже не спуская гостямъ буйнымъ, народъ прибилъ людей Князя Вишневецкаго и едва не вломился въ его домъ, изъявляя особенную ненависть къ сему Пану, старшему изъ друзей Разстригиныхъ ⁽⁵³¹⁾. Нѣмцы остерегали Лжедимитрія и Ляховъ; остерегалъ перваго и Басмановъ, одинъ изъ Россіяня! Но Самозванецъ, желая болѣе всего казаться неустрашимымъ и твердымъ на тронѣ въ глазахъ Поляковъ, шумѣлъ, смѣялся, искренно или притворно, и сказалъ испуганному Воеводѣ Сендомирскому: «какъ вы, Ляхи, малодушны!» а Посламъ Сигизмундовымъ: «я держу въ рукахъ Москву и Государство; ничто не смѣетъ двинуться безъ моей воли.» Въ полночь, съ 15 на 16 Мая, схватили въ Кремль шесть человекъ подозрительныхъ: пытали ихъ какъ лазутчиковъ, ничего не свѣдали, и Лжедимитрій не считалъ за нужное усилить стражу во дворцѣ, гдѣ находилось обыкновенно 50 тѣлохранителей ⁽⁵³²⁾: онъ велѣлъ другимъ быть дома въ готовности на всякій случай; велѣлъ еще разставить Стрѣльцевъ по улицамъ для охраненія Ляховъ, чтобы успокоить тестя, докучавшаго ему и Маринѣ своею боязнію. — 16 Мая иноземцы уже не могли

Спокой-
ствіе
Лжеди-
трія.

Изята
войска.

кушить въ гостиномъ дворѣ ни фунта пороху и никакого оружія ⁽⁵³³⁾ : всѣ лавки были для нихъ заперты. Ночью, на канунъ рѣшительнаго дня, вкралось въ Москву съ разныхъ сторонъ до 18 тысячъ воиновъ, которые стояли въ полѣ, верстахъ въ шести отъ города, и должны были идти въ Елецъ, но присоединились къ заговорщикамъ ⁽⁵³⁴⁾. Уже дружины Шуйскаго въ сію ночь овладѣли двѣнадцатыо воротами Московскими, никого не пуская въ столицу, ни изъ столицы; а Лжедмитрій еще ничего не зналъ, увеселяясь въ своихъ компанияхъ музыкою ⁽⁵³⁵⁾. Самые Поляки, хотя и не чуждые опасенія, мирно спали въ домахъ, уже *ознаменованныхъ* для кровавой мести : Россіяне скрытно поставили знаки на оныхъ, въ цѣль удара. Нѣкоторые изъ Пановъ имѣли собственную стражу, другіе надѣялись на Царскую : но Стрѣльцы, ихъ хранители, или сами были въ заговорѣ или не думали кровію Русскою спасать иноплемениковъ противныхъ. Ночь миновалась безъ сна для большей части Москвитянъ ⁽⁵³⁶⁾ : ибо градскіе чиновники ходили по дворамъ съ тайнымъ приказомъ, чтобы всѣ жители были готовы стать грудью за Церковь и Царство, ополчились и ждали набата. Многіе знали, многіе и не знали, чему быть надлежало, но угадывали и съ ревностію вооружались, чѣмъ могли,

Послѣ-
днія
ночь
для Са-
моува.
ца.

для великаго и святаго подвига, какъ имъ сказали. Сильнѣе, можетъ быть, всего дѣйствовала въ народѣ ненависть къ Ляхамъ; дѣйствовалъ и стыдъ имѣть Царемъ бродягу, и страхъ быть жертвою его безумія, и, наконецъ, самая прелесть бурнаго мятежа для страстей необузданныхъ.

17 Мая, въ четвертомъ часу дня ⁽⁵³⁷⁾, В о з-
станіе
Мо-
сквы. прекраснѣйшаго изъ весеннихъ, восходящее солнце освѣтило ужасную тревогу столицы: ударилъ въ колоколъ сперва у Св. Иліи, близъ двора гостинаго, и въ одно время загремѣлъ набатъ въ цѣлой Москвѣ, и жители устремились изъ домовъ на Красную площадь, съ коньями, мечами, самопалами, Дворяне, Дѣти Боярскіе, Стрѣльцы, люди Приказные и торговые, граждане и чернь. Тамъ, близъ лобнаго мѣста, сидѣли Бояре на коняхъ, окруженные сонмомъ Князей и Воеводъ, въ шлемахъ и латахъ, въ полныхъ доспѣхахъ ⁽⁵³⁸⁾, и представляя въ лицѣ своемъ отечество, ждали народа. Стеклося безчисленное множество людей, и ворота Спасскія растворились: Князь Василій Шуйскій, держа въ одной рукѣ мечъ, въ другой Распятіе, въѣхалъ въ Кремль, сошелъ съ коня, въ храмѣ Успенія приложился къ святой иконѣ Владимірской, и воскликнувъ къ тысячамъ: «во имя Божіе идите на злаго еретика!» указалъ имъ

дворецъ, куда съ грознымъ шумомъ и крикомъ уже неслся толпы, но гдѣ еще царствовала глубокая тишина! Пробужденный звукомъ набата ⁽⁵³⁹⁾, Лжедимитрій въ удивленіи встаетъ съ ложа, сѣшить одѣться, спрашиваетъ о причинѣ тревоги: ему отвѣтствуютъ, что, вѣроятно, горитъ Москва; но онъ слышитъ свирѣпый вопль народа, видитъ въ окно лѣсъ копій и блистаніе мечей; зоветъ Басманова, ночевавшаго во дворцѣ, и велитъ ему узнать предлогъ мятежа. Сей Бояринъ, духа твердаго, могъ быть предателемъ, но только однажды: измѣнивъ Государю законному, уже стыдился измѣнить Самозванцу, и тщетно желавъ образумить, спасти легкомысленнаго, желалъ по крайней мѣрѣ не разлучаться съ нимъ въ опасности. Басмановъ встрѣтилъ толпу уже въ сѣняхъ: на вопросъ его, куда она стремится? въ нѣсколько голосовъ кричатъ: «веди насъ къ Самозванцу! «выдай намъ своего бродягу!» Басмановъ кинулся назадъ, захлопнулъ двери, велѣлъ тѣлохранителямъ не пускать мятежниковъ, и въ отчаяніи прибѣжавъ къ Разстригѣ, сказалъ ему: «Все кончилось! Москва бунтуетъ; хотятъ головы твоей: спасайся! Ты мнѣ не вѣрилъ!» Въ слѣдъ за нимъ ворвался въ Царскіе покои одинъ Дворянинъ безоружный, съ голыми руками, требуя, чтобы мнимый сынъ Іоанновъ шелъ къ народу, дать отчетъ въ своихъ беззаконіяхъ ⁽⁵⁴⁰⁾; Басмановъ разсѣкъ ему голову мечемъ. Самъ Лжедимитрій, изъясняя

смѣлость, выхватилъ бердынь у тѣлохранителя Шварцгофа, растворилъ дверь въ сѣни, и грозя народу, кричалъ : «я вамъ «не Годуновъ!» Отвѣтомъ были выстрѣлы, и Пѣмцы снова заперли дверь; но ихъ было только 50 человѣкъ, и еще, во внутреннихъ комнатахъ дворца, 20 или 30 Поляковъ, слугъ и музыкантовъ ⁽⁵⁴¹⁾ : иныхъ защитниковъ, въ сей грозный часъ, не имѣлъ тотъ, кому на каунѣ повиновались милліоны! Но Лжедмитрій имѣлъ еще друга : не находя возможности противиться силѣ силою, въ ту минуту, когда народъ отбивалъ двери, Басмановъ вторично вышелъ къ нему — увидѣлъ Бояръ въ толпѣ, и между ими самыхъ ближнихъ людей Разстригиныхъ : Князей Голицыныхъ, Михайла Салтыкова, старыхъ и новыхъ измѣнниковъ; хотѣлъ ихъ усо-вѣстить; говорилъ объ ужасѣ бунта, вѣроломства, безначалія; убѣждалъ ихъ одуматься; ручался за милость Царя. Но ему не дали говорить много : Михайло Татищевъ, имъ спасенный отъ ссылки, завопилъ : «злодѣй! иди въ адъ вмѣстѣ съ «твоимъ Царемъ» ⁽⁵⁴²⁾! и ножемъ ударилъ его въ сердце. Басмановъ испустилъ духъ, и мертвый былъ сброшенъ съ крыльца . . . судьба достойная измѣнника и ревностнаго слуги злодѣйства, но жалостная для чело-

Гибель
Басма-
нова.

вѣка, который могъ и не захотѣлъ быть честію Россіи!

Уже народъ вломился во дворецъ, обезоружилъ тѣлохранителей, искалъ Разстриги и не находилъ: дотолѣ смѣлый и неустрашимый, Самозванецъ, въ смятеніи ужаса кинувъ свой мечъ, бѣгалъ изъ комнаты въ комнату, рвалъ на себѣ волосы, и не видя иного спасенія, выскочилъ изъ палаты въ окно на Житный дворъ ⁽⁵⁴³⁾ — вывихнулъ себѣ ногу, разбилъ грудь, голову, и лежалъ въ крови. Тутъ узнали его Стрѣльцы, которые въ семъ мѣстѣ были на стражѣ, и не участвовали въ заговорѣ: они взяли Разстригу, посадили на фундаментъ сломаннаго дворца Годуновскаго, отливали водою, изъявляли жалость ⁽⁵⁴⁴⁾. Самозванецъ, омывая теплою кровію развалины Борисовыхъ чертоговъ (гдѣ жило нѣкогда счастье, и также измѣнило своему любимцу), пришелъ въ себя: молилъ Стрѣльцевъ быть ему вѣрными, обѣщалъ имъ богатство и чины. Уже стеклося вокругъ ихъ множество людей: хотѣли взять Разстригу; но Стрѣльцы не выдавали его и требовали свидѣтельства Царицы-Иноккии, говоря: «если онъ сынъ ея, то мы умремъ за него; а если Царица скажетъ, «что онъ Лжедимитрій, то воленъ въ немъ «Богъ» ⁽⁵⁴⁵⁾. Сіе условіе было принято. Мнимая мать Самозванцева, вызванная

съ него одежду Царскую. Шумъ и крикъ заглушали рѣчи; слышали только, какъ увѣряютъ, что Разстрига, на вопросъ: «кто ты, злодѣй?» отвѣчалъ: «вы знаете: «я Димитрій» — и ссылался на Царицу-Инокію; слышали, что Князь Иванъ Голицынъ ⁽⁵⁴⁹⁾ возразилъ ему: «ея свидѣтельство уже намъ извѣстно: она предастъ тебя казни.» Слышали еще, что Самозванецъ говорилъ: «несите меня на лобное мѣсто: тамъ объявлю истину всѣмъ «людямъ» ⁽⁵⁵⁰⁾. Нетерпѣливый народъ ломился въ дверь, спрашивая, винится ли злодѣй? Ему сказали, что винится ⁽⁵⁵¹⁾ — и два выстрѣла прекратили допросъ вмѣстѣ съ жизнію Отрепьева (его убили Дворяне ⁽⁵⁵²⁾ Иванъ Воейковъ и Григорій Волуевъ). Толпа бросилась терзать мертвого; сѣкли мечами, кололи трупъ бездушный и кинули съ крыльца на тѣло Басманова, восклицая: «будьте неразлучны и въ адѣ! «вы здѣсь любили другъ друга!» Яростная чернь схватила, извлекла сіи нагіе трупы изъ Кремля и положила близъ лобнаго мѣста: Разстригу на столѣ, съ маскою, дудкою и вольнкою, въ знакъ любви его къ скоморошеству и музыкѣ; а Басманова на скамѣ у ногъ Разстригиныхъ ⁽⁵⁵³⁾.

Щадятъ
Марину.

Совершивъ главное дѣло, истребивъ Лжедимитрія, Бояре спасли Марину. Изумленная тревогою и шумомъ — не имѣвъ

времени одѣться — спрашивая, что дѣлается, и гдѣ Царь? слыша наконецъ о смерти мужа, она въ безсознательствѣ выбѣжала въ сѣни: народъ встрѣтилъ ее, не узнавъ и столкнулъ съ лѣстницы. Марина возвратилась въ свои комнаты, гдѣ была ея Польская Гофмейстерина съ Шляхетками, и гдѣ усердный слуга (именемъ Осмульскій) стоялъ въ дверяхъ съ обнаженною саблею: воины и граждане вломились, умертвили его, и Марина лишилась бы жизни или чести, если бы не присѣли Бояре, которые выгнали неистовыхъ, и взявъ, опечатавъ все достояніе бывшей Царицы, дали ей стражу для безопасности ⁽⁵⁵⁴⁾; не могли однакожь или не хотѣли унять кровопрлитія: убійства только начинались!

Еще при первомъ звукѣ набата войны ^{убійства,} окружили дома Лиховъ, заградили улицы рогатками, завалили ворота; а Паны безпечно и крѣпко спали, такъ, что слуги едва могли разбудить ихъ — и самаго Воеводу Сендомирскаго, который лучше многихъ видѣлъ опасность и предостерегалъ зятя. Миншекъ, сытъ его, Князь Вишневецкій, Послы Сигизмундовы, угадывая вину и цѣль мятежа, сѣвши вооружить людей своихъ; иные прятались или въ оцѣпенѣніи ждали, что будетъ съ ними, и скоро у слышали вопль: «смерть Ляхамъ!» Пылая злобою, умертвивъ въ Кремлѣ му-

зыкантовъ Разстригиныхъ ⁽⁵⁵⁵⁾, опустошивъ домъ Іезуитовъ, истерзавъ Духовника Маринина, служившаго Обѣдно, народъ устремился въ Китай и Бѣлый городъ, гдѣ жили Поляки, и нѣсколько часовъ плавалъ въ крови ихъ, аично наслаждаясь ужасною местію, противною великодушію, если и заслуженною. Сила карала слабость, безъ жалости и безъ мужества: сто нападало на одного! Ни оборона, ни бѣгство, ни моленія трогательныя не спасали: Поляки не могли соединиться, будучи истребляемы въ запертыхъ домахъ или на улицахъ, прегражденныхъ рогатками и копьями. Сіи несчастные, на канушъ гордые, лобызали ноги Россіянь, требовали милосердія именемъ Божіимъ, именемъ своихъ невинныхъ женъ и дѣтей; отдавали все, что имѣли — клялися прислать и болѣе изъ отечества ⁽⁵⁵⁶⁾: ихъ не слушали и рубили. Изсѣченные, обезображенные, полумертвые еще молили о бѣдныхъ остаткахъ жизни: напрасно! Въ числѣ самыхъ жестокихъ карателей находились Священники и Монахи переодѣтые; они вопили: «губите ненавистниковъ нашей Вѣ-
«ры» ⁽⁵⁵⁷⁾! Лилася и кровь Россіянь: отчаяніе вооружало убиваемыхъ, и губители падали вмѣстѣ съ жертвами. Не тронувъ жилища Пословъ Сигизмундовыхъ, народъ приступалъ къ домамъ Минишковыхъ и Князя Вишневецкаго, коихъ люди защищались и стрѣляли въ толпы изъ оконъ: уже Москвитяне везли пушки, чтобы разбить сіи дома въ щепы и не оставить въ нихъ ни

одного человѣка живаго; но тутъ явился Бояре и велѣли прекратить убійства. Мстиславскій, Шуйскіе скакали изъ улицы въ улицу, обуздывая, умиряя народъ, и всюду рассылая Стрѣльцевъ для спасенія Ляховъ, обезоруженныхъ честнымъ словомъ Боярекимъ, что жизнь ихъ уже въ безопасности. Самъ Князь Василій Шуйскій утѣшилъ и спасъ Вишневецкаго ⁽³³⁸⁾, другіе Минска. Именемъ Государственной Думы сказали Посламъ Сигизмундовымъ, что Лжедмитрій, обманувъ Литву и Россію, но скоро изобличивъ себя дѣлами неистовыми, казнень Богомъ и народомъ, который въ самомъ безнорядкѣ и смятеніи уважилъ священный санъ мужей, представляющихъ лице своего Монарха, и мстилъ единственно ихъ наглýmъ единоплеменцамъ, пріѣхавшимъ злодѣйствовать въ Россію ⁽³³⁹⁾. Сказали Воеводѣ Сендомирскому: «Судьба Царствъ зависить отъ Всевышняго, и ничто не бываетъ безъ Его опредѣленія: такъ и въ сей день совершилась воля Божія: кончилось царство бродяги, и добыча исторгнута изъ рукъ хищника! Ты, его опекушъ и наставникъ — ты, который привелъ обманщика къ намъ, чтобы возмутить Россію мирную — не достоинъ ли участи сего злодѣя? не достоинъ ли такой же казни? Но хвалися счастіемъ: ты живъ, и будешь цѣль; дочь твоя спа-

«сена — благодари Небо» ⁽⁵⁶⁰⁾! Ему позволили видѣться съ Мариною во дворцѣ, и безъ свидѣтелей: не нужно было знать, что они могли сказать другъ другу въ своемъ злополучіи! Воевода Сендомирскій шелъ къ ней и назадъ сквозь ряды мечей и копій, обогранныхъ кровію его соотечественниковъ; но Москвитяне смотрѣли на него уже болѣе съ любопытствомъ, нежели съ яростію: побѣда укротила злобу.

Еще смятеніе продолжалось нѣсколько времени; еще изъ слободъ городскихъ и ближнихъ деревень стремилось множество людей съ дрекольемъ въ Москву на звукъ колоколовъ; еще грабили имѣніе Литовское, но уже безъ кровопролитія. Бояре не сходили съ коней и повелѣвали съ твердостію; дружины воинскія разгоняли чернь, вездѣ охраняя Ляховъ какъ плѣнниковъ. Наконецъ, въ 11 часовъ утра ⁽⁵⁶¹⁾, все затихло. Велѣли народу смириться, и народъ, утомленный мятежемъ, сѣвшилъ домой, отдыхать и говорить въ семействахъ о чрезвычайныхъ происшествіяхъ сего дня, незабвеннаго для тѣхъ, которые были свидѣтелями его ужасовъ: «въ теченіи семи часовъ,» пишутъ они, «мы не слышали ничего кромѣ набата, стрѣльбы, стука мечей и крика: *съки, руби злодѣевъ!* «не видали ничего, кромѣ волненія, бѣганія, «скаканія, смертоубійства и мятежа» ⁽⁵⁶²⁾. Число жертвъ простиралось за тысячу, кромѣ избитыхъ и раненныхъ; но знатнѣйшіе Ляхи остались живы, многіе въ рубашкахъ и на соломѣ.

Чернь ошибкою умертвила и нѣкоторыхъ Россіянъ, носившихъ одежду Польскую въ угодность Самозванцу. Нѣмцевъ щадили; ограбили только купцевъ Аугсбургскихъ, вмѣстѣ съ Миланскими и другими, которые жили въ одной улицѣ съ Ляхами ⁽⁵⁶³⁾. Сей для человѣчества горестный день былъ бы еще несравненно ужаснѣе, по сказанію очевидцевъ, если бы Ляхи остереглись, успѣли соединиться для отчаянной битвы и зажгли городъ ⁽⁵⁶⁴⁾, къ несчастію Москвы и собственному : ибо никто изъ нихъ уже не избавился бы тогда отъ мести Россіянъ ; слѣдственно безпечность Ляховъ уменьшила бѣдствіе.

До самаго вечера Москвитяне ликовали въ домахъ или мирно сходились на улицахъ поздравлять другъ друга съ избавленіемъ Россіи отъ Самозванца и Поляковъ, хвалились своею доблестію и «не думали» (говоритъ Лѣтописецъ) «благодарить Всевышняго : храмы были затворены» ⁽⁵⁶⁵⁾!

Радуюсь настоящему, не тревожился о будущемъ — и послѣ такого бурнаго дня настала ночь совершенно тихая ⁽⁵⁶⁶⁾ : казалось, что Москва вдругъ опустѣла ; нигдѣ не слышно было голоса человѣческаго : одни любопытные иноземцы выходили изъ домовъ, чтобы удивляться сей мертвой тишинѣ города многолюдного, гдѣ за нѣсколько часовъ предъ тѣмъ все кипѣло

Глубо-
кая ти-
шина
ночи.

яроетнымъ бунтомъ. Еще улицы дымились кровію, и тѣла лежали грудами; а народъ поконлся какъ бы среди глубокаго мира и непрерывнаго благоденствія — не имѣя Царя, не зная наследника — онытнавъ себя двукратною измѣною и будущему Вѣнец-носу угрожая третьею!

Козни
власто-
любів.

Но въ семъ безмолвіи бодрствовало властолюбіе съ своими обольщеніями и кознями, устремляя алчный взоръ на добычу мятежа и смертоубійства: на вѣнецъ и скипетръ, обагренные кровію двухъ послѣднихъ Царей. Легко было предвидѣть, кто возьметъ сію добычу, силою и правомъ. Смѣлѣйшій обличитель Самозванца, чудесно спасенный отъ казни и еще безстрашный въ новомъ усиліи низвергнуть его; виновникъ, Герой, Глава народнаго возстанія, Князь отъ племени Рюрика, Св. Владиміра, Мономаха, Александра Невского; второй Бояринъ мѣстомъ въ Думѣ, первый любовію Москвитянь и достоинствами личными, Василій Шуйскій могли еще остаться простымъ царедворцемъ, и послѣ *такой* отваги, съ *такою* знаменитостію, начать новую службу лести предъ какимъ нибудь новымъ Годуновымъ? Но Годунова не было между тогдашними Вельможами. Старѣйшій изъ нихъ, Князь Федоръ Мстиславскій, отличаясь добродушіемъ, честностію, мужествомъ, еще бо-

лѣе отличался смиреніемъ или благоразуміемъ; не хотѣлъ слышать о Державномъ санѣ и говорилъ друзьямъ : «если меня «изберутъ въ Цари , то немедленно пойду «въ Монахи» ⁽⁵⁶⁷⁾. Сказаніе нѣкоторыхъ чужеземныхъ Историковъ ⁽⁵⁶⁸⁾, что Бояринъ Князь Иванъ Голицынъ, имѣя многихъ знатныхъ родственниковъ и величался своимъ происхожденіемъ отъ Гедимина Литовскаго , вмѣстѣ съ Шуйскимъ искалъ короны, едва ли достойно вѣроятія, будучи несогласно съ извѣстіями очевидцевъ. Сообщникъ Басманова, коего обнаженное тѣло въ сіи часы лежало на площади, загладилъ ли измѣну измѣною, предавъ юнаго Феодора, предавъ и Лжедмитрія? Не равняясь ни сановитостію , ни заслугами , могъ ли равняться и числомъ усердныхъ клеветовъ съ тѣмъ, кто безъ имени Царя уже начальствовалъ въ день рѣшительный для отечества, велъ Москву и побѣдилъ съ нею? Имѣя силу, имѣя право , Шуйскій употребилъ и всевозможныя хитрости : далъ наставленія друзьямъ и приверженникамъ, что говорить въ Сиклитѣ и на Лобномъ мѣстѣ, какъ дѣйствовать и править умами; самъ изготовился, и въ слѣдующее утро, собравъ Думу ⁽⁵⁶⁹⁾, произнесъ, какъ увѣряють, рѣчь весьма умную и лукавую : славилъ милость Божію къ Россіи , возвеличенной Самодержицами

рѣчь
Шуй-
скаго
въ Ду-
мѣ.

Варяжскаго племени; славилъ особенно разумъ и завоеванія Іоанна IV, хотя и жестокаго; хвалился своею блестящею службою и важною государственною опытностію, пріобрѣтенною имъ въ сіе дѣятельное царствованіе; изобразилъ слабость Іоаннова наслѣдника, злое властолюбіе Годунова, всѣ бѣдствія его времени и ненависть народную къ святоубійцѣ, которая была виною успѣховъ Лжедмитрія и принудила Бояръ слѣдовать общему движенію. «Но мы,» говорилъ Шуйскій, «загладили сію слабость, когда на-
«сталъ часъ умереть или спасти Россію. Жалѣю, «что я, предупредивъ другихъ въ смѣлости, обя-
«занъ жизни Самозванцу: онъ не имѣлъ права, «но могъ умертвить меня, и помиловалъ, какъ
«разбойникъ милуетъ иногда странника. При-
«знаюсь, что я колебался, боясь упрека въ не-
«благодарности; но гласъ совѣсти, Вѣры, оте-
«чества, вооружилъ мою руку, когда я увидѣлъ
«въ васъ ревность къ великому подвигу. Дѣло
«наше есть правое, необходимое, святое; оно,
«къ несчастію, требовало крови: но Богъ бла-
«гословилъ насъ успѣхомъ — слѣдственно оно
«Ему угодно! . . . Теперь, избывъ злодѣя, ере-
«тика, чернокнижника, должны мы думать объ
«избраніи достойнаго Властителя. Уже нѣтъ
«племени Царскаго, но есть Россія: въ ней мо-
«жемъ снова найти угасшее на престолѣ. Мы
«должны искать мужа знаменитаго родомъ,
«усерднаго къ Вѣрѣ и къ нашимъ древнимъ
«обычаямъ, добродѣтельнаго, опытнаго, слѣд-

«ственно уже не юнаго — человѣка, который, «пріѣвъ вѣнецъ и скипетръ, любилъ бы не роскошь и пышность, но умѣренность и правду, «ограждалъ бы себя не копьями и крѣпостями, «но любовію подданныхъ; не умножалъ бы золота въ казнѣ своей, но избытокъ и довольство народа считалъ бы собственнымъ богатствомъ. Вы скажете, что такого человѣка найти «трудно : знаю ; но добрый гражданинъ обязанъ «желать совершенства, по крайней мѣрѣ возможнаго, въ Государѣ!»

Всѣ знали, видѣли, чего хотѣлъ Шуйскій : никто не дерзалъ явно противиться его желанію ; однакожь многіе мыслили и говорили, что безъ Великой Земской Думы не лзя приступить къ дѣлу столь важному ; что должно собрать въ Москвѣ Чины Государственные изъ всѣхъ областей Россійскихъ, какъ было при избраніи Годунова, и съ ними рѣшить, кому отдать Царство ⁽⁵⁷⁰⁾. Сіе мнѣніе было основательно и справедливо : вѣроятно, что и вся Россія избрала бы Шуйскаго ; но онъ не имѣлъ терпѣнія, и друзья его возражали, что время дорого ; что Правительство безъ Царя какъ безъ души, а столица въ смятеніи ; что надобно предупредить и всеобщее смятеніе Россіи немедленнымъ врученіемъ скипетра достойнѣйшему изъ Вельможъ ; что гдѣ Москва, тамъ и Государство ; что нѣтъ пужды въ совѣтѣ, когда всѣ глаза обращены на одного, когда у всѣхъ на языкѣ одно имя . . . Симъ пменемъ огласилась вдругъ и Дума и Красная пло-

Избра-
ніе по-
наго
Царя.

щадь. Не все избирали, но никто не отвергалъ избираемаго — и 19 Мая, во второмъ часу дня, звукъ литавръ, трубъ и колоколовъ возвѣстилъ новаго Монарха столицѣ. Бояре и знатнѣйшее Дворянство вывели Князя Василя Шуйскаго изъ Кремля на Лобное мѣсто, гдѣ люди воинскіе и граждане, гости и кунцы, особенно къ нему усердные, привѣтствовали его уже какъ отца Россіи... тамъ, гдѣ еще не давно лежала голова Шуйскаго на плахѣ, и гдѣ въ сей часъ лежало окровавленное тѣло Разстригино! Подобно Годуну изъясняя скромность, онъ хотѣлъ, чтобы Синклитъ и Духовенство прежде всего избрали Архипастыря для Церкви, на мѣсто Лжесвяителя Игнатія. Толпы восклицали: «Государь нужнѣе Патріарха для отечества!» и проводили Шуйскаго въ храмъ Успенія, въ коемъ Митрополиты и Епископы ожидали и благословили его на Царство (571). Все сдѣлалось такъ скоро и снѣшно, что не только Россіяне иныхъ областей, но и многіе именитые Москвитяне не участвовали въ семъ избраніи — обстоятельство несчастное: ибо оно служило предлогомъ для измѣнъ и смятеній, которыя ожидали Шуйскаго на престолѣ, къ новому стыду и бѣдствію отечества!

Въ день государственнаго торжества едва успѣли очистить столицу отъ крови и тру-

повъ : вывезли , схоронили ихъ за городомъ (572). Трупъ Басманова отдали родственникамъ для погребенія у церкви Николая Мокраго, гдѣ лежалъ его сынъ, умершій въ юности. Тѣло Самозванца , бывъ три дни предметомъ любопытства и ругательствъ на площади, было также вывезено и схоронено въ убогомъ домѣ, за Серпуховскими воротами , близъ большой дороги (573). Но Судьба не дала ему мирнаго убожища и въ нѣдрахъ земли. Съ 18 до 25 Мая были тогда жестокіе морозы, вредные для садовъ и полей : суевѣріе приписывало такую чрезвычайность волшебству Разстриги и видѣло какія-то ужасныя явленія надъ его могилою (574) : чтобы пресѣчь сію молву, тѣло мнимаго чародѣя вынули изъ земли, сожгли на Котлахъ, и смѣшавъ

Развѣя-
ніе Са-
мозван-
ца въ а-
праха.

пепель съ порохомъ, выстрѣлили имъ изъ пушки, въ ту сторону, откуда Самозванецъ пришелъ въ Москву съ великолѣпіемъ (575)! Вѣтеръ развѣялъ бранные остатки злодѣя; но примѣръ остался : увидимъ слѣдствія!

Описавъ исторію сего перваго Лжедмитрія, должны ли мы еще увѣрять *внимательныхъ* Читателей въ его обманъ? Не явна ли для нихъ истина сама собою въ изображеніи случаевъ и дѣяній? Только пристрастные иноземцы, ревностно слушающіе обманщика, ненавидя его истребите-

Дока-
затель-
ства,
что
Лжеди-
митрій

былъ
дѣй-
стви-
тельно
обман-
щикъ.

лей и желая очернить ихъ, писали, что въ Москвѣ убитъ дѣйствительный сынъ Іоанновъ, не бродяга, а Царь законный, — хотя Россіяне, казнивъ и бродягу, не могли хвалиться своимъ дѣломъ, соединеннымъ съ нарушеніемъ присяги: ибо святость ея нужна для цѣлости гражданскихъ обществъ, и вѣроломство есть всегда преступленіе. Не довольные укоризною справедливою, зложелатели Россіи выдумали басню, украсили ее любопытными обстоятельствами, подкрѣпили доводами благовидными, въ пищу умамъ наклоннымъ къ *историческому вольнодумству*, къ сомнѣнію въ несомнительномъ, такъ, что и въ наше время есть люди, для коихъ важный вопросъ о Самозванцѣ остается еще нерѣшеннымъ. Можетъ быть, представивъ всѣ главныя черты истины въ связи, мы дадимъ имъ болѣе силы, если не для совершеннаго убѣжденія *всѣхъ* Читателей, то по крайней мѣрѣ для нашего собственнаго оправданія, чтобы они не укоряли насъ слѣпою вѣрою къ припятому въ Россіи мнѣнію, основанному будто бы на доказательствахъ слабыхъ.

Выслушаемъ защитниковъ Лжедмитріевой памяти. Они рассказываютъ слѣдующее ⁽³⁷⁶⁾: «Годуновъ, предпріавъ умертвить Дмитрія, за тайну объявилъ свое «намѣреніе Царевичеву Медіку, старому

«Нѣмцу, именемъ Симону, который, притворно
 «давъ слово участвовать въ семь злодѣйствъ,
 «спросилъ у девятилѣтняго Димитрія, имѣеть
 «ли онъ столько душевной силы, чтобы снести
 «изгнаніе, бѣдствіе и нищету, если Богу угодно
 «будеть искусить оными твердость его? Царе-
 «вичъ отвѣтствовалъ: *имѣю*; а Медикъ сказалъ:
 «*Въ сію ночь хотятъ тебя умертвить. Ложась*
 «*спать, обмѣняйся бѣльемъ съ юнымъ слугою,*
 «*твоимъ ровесникомъ; положи его къ себѣ на ло-*
 «*же, и скройся за печь: что бы ни случилось въ*
 «*комнатѣ, сиди безмолвно, и жди меня.* Дими-
 «трій исполнилъ предписаніе. Въ полночь отво-
 «рилась дверь: вошли два человѣка, зарѣзали
 «слугу вмѣсто Царевича и бѣжали. На разсвѣтѣ
 «увидѣли кровь и мертваго: думали, что убить
 «Царевичъ, и сказали о томъ матери. Сдѣлалась
 «тревога. Царица кинулась на трущъ, и въ от-
 «чаяніи не узнала, что сей мертвый отрокъ не
 «сынъ ея. Дворецъ наполнился людьми: пскали
 «убійцъ; рѣзали виновныхъ и невинныхъ; от-
 «песли тѣло въ церковь, и всѣ разошлись. Дво-
 «рецъ опустѣлъ, и Медикъ въ сумерки вывелъ
 «оттуда Димитрія, чтобы спастися бѣгствомъ
 «въ Украину, къ Князю *Ивану Мстиславскому,*
 «*который жилъ тамъ въ ссылкѣ еще со временъ*
 «*Іоанновыхъ.* Чрезъ нѣсколько лѣтъ Докторъ и
 «Мстиславскій умерли, давъ совѣтъ Димитрію
 «искать безопасности въ Литвѣ. Сей юноша
 «присталъ къ странствующимъ Инокамъ; былъ
 «съ ними въ Москвѣ, въ землѣ Волошской (377),

«и наконецъ явился въ домѣ Князя Вишневецкаго.» Извѣстно, что и самъ Разстрига приписывалъ свое чудесное спасеніе Доктору ⁽⁵⁷⁸⁾; но сочинители сей басни не знали, что Князь Иванъ Мстиславскій умеръ Инокѣмъ Кирилловской Обители еще въ 1586 году ⁽⁵⁷⁹⁾, и что Іоаннъ никогда не ссылалъ его въ Украину. Другіе изобрѣтатели называютъ Медика спасителя Августинѣмъ, прибавляя, что онъ былъ изъ числа многихъ людей ученыхъ, которые жили тогда въ Угличѣ ⁽⁵⁸⁰⁾, и бѣжалъ съ Царевичемъ къ Ледовитому морю, въ пустынную Обитель. Еще другіе пишутъ, что сама Царица, угадывая злое намѣреніе Борисово, съ помощію своего иноземнаго Дворецкаго (родомъ изъ Кельна), тайно удалила Димитрія и въ его мѣсто взяла Іерейскаго сына ⁽⁵⁸¹⁾. Всѣ такія сказки основаны на предположеніи, что убійство совершилось ночью, когда злодѣи могли не распознать жертвы: и въ семъ случаѣ вѣроятно ли, чтобы слуги Царицыны (не говоримъ объ ней самой) и жители Углича, не рѣдко выдавъ Димитрія въ церкви ⁽⁵⁸²⁾, обманулись въ убійствѣ, коего тѣло пять дней лежало предъ ихъ глазами? Но Царевичъ убитъ въ полдень: кѣмъ? злодѣями, которые жили во дворцѣ и не спускали глазъ съ несчастнаго младенца . . . и кто предалъ его на убіеніе? мамка: отъ колыбели до могилы Димитрій былъ въ рукахъ у Годунова. Сіи обстоятельства ясно, несомнительно утверждены свидѣтельствомъ Лѣтописцевъ и допро-

сами цѣлаго Углича, сохраненными въ нашемъ Государственномъ Архивѣ.

Если Разстрига не былъ самозванецъ, то для чего же онъ, сѣвъ на престолѣ, не удовлетворилъ народному любопытству знать все подробности его судьбы чрезвычайной? для чего не объявилъ Россіи о мѣстахъ своего убѣжища, о своихъ воспитателяхъ и хранителяхъ въ теченіе двѣнадцати или тринадцати лѣтъ, чтобы разрѣшить всякое сомнѣніе? Никакою безпечностію невозможно изъяснить столь важнаго упущенія. Манифесты или грамоты Лжедимитріевы внесены въ лѣтописи, и даже подлинники ихъ цѣлы въ Архивахъ ⁽⁵⁸³⁾: слѣдственно не лзя съ вѣроятностію предположить, чтобы именно любопытнѣйшую изъ сихъ бумагъ истребило время. Бродяга молчалъ, ибо не имѣлъ свидѣтельствъ истинныхъ, и думалъ, что, признанный Царемъ, безопасно можетъ не трудить себя вымысломъ ложныхъ. Въ Литвѣ говорилъ онъ, что въ спасеніи его участвовали нѣкоторые Вельможи и Дьяки Щелкаловы: сіи Вельможи остались безъ извѣстной награды и неизвѣстными для Россіи; а Василій Щелкаловъ, вмѣстѣ съ другими опальными Борисова царствованія, хотя и снова явился у Двора, однакожь не въ числѣ ближнихъ и первыхъ людей. Разстригу окружали не старые, вѣрные слуги его юности, а только новые измѣнники: отъ чего и палъ онъ съ такою легкостію!

«Но Царица-Инокиня Марѳа признала сына «въ томъ, кто назывался Димитріемъ?» Она же признала его и самозванцемъ : первымъ свидѣтельствомъ, безмолвнымъ, неоткровеннымъ ⁽⁵⁸⁴⁾, выраженнымъ для народа только слезами умиленія и ласками къ Разстригѣ, невольная Монахиня возвращала себѣ достоинство Царицы; вторымъ, торжественнымъ, клятвеннымъ, въ случаѣ лжи мать предавала сына злой смерти : которое же изъ двухъ достовѣриѣе? и что понятнѣе, обыкновенная ли слабость человѣческая или дѣйствіе ужасное, столь неестественное для горячности родительской? Геройство знаменитой жены Лигурійской, которая, скрывъ сына отъ ярости непріятелей, на вопросъ, гдѣ онъ? сказала : *здѣсь, въ моей утробѣ*, и погибла въ мукахъ, не объявивъ его убѣжища ⁽⁵⁸⁵⁾ — сіе геройство, прославленное Римскимъ Историкомъ, трогаетъ, но не изумляетъ насъ : видимъ мать! Не удивились бы мы также, если бы и Царица-Инокиня, спасая истиннаго Димитрія, кинулась на коня Москвитянь съ восклицаніемъ : *онъ сынъ мой!* И ей не грозили смертію за правду : грозили единственно судомъ Божиимъ за ложь. — Слово Царицы рѣшило жребій того, кто чтитъ ее какъ истинную мать и дѣлился съ нею величіемъ. Осуждая Лжедимитрія на смерть, Марѳа осуждала и себя на стыдъ вѣчный, какъ участницу обмана — и не усомнилась : ибо имѣла еще совѣсть, и терзалась раскаяніемъ. Сколько людей слабыхъ не впало бы въ искушеніе зла,

если бы они могли предвидѣть, чего стоитъ всякое беззаконіе для сердца! — Замѣтимъ еще обстоятельство достойное вниманія: Шуйскій искалъ гибели Лжедмитрія и былъ спасенъ отъ казни неотступнымъ моленіемъ Царицы-Инокнии ⁽⁵⁸⁶⁾, съ явною опасностію для ея мнимаго сына, изобличаемаго имъ въ самозванствѣ: клеветникъ, измѣнникъ могъ ли бы имѣть право на такое ревностное заступленіе? Но спасеніе Героя истины умирало совѣсть виновной Марѣи. Къ сему прибавимъ вѣроятное сказаніе одного Писателя иноземнаго (находившагося тогда въ Москвѣ), что Разстрига велѣлъ-было извергнуть тѣло Димитріево изъ Углицкаго Соборнаго храма и погребсти въ другомъ мѣстѣ, какъ тѣло мнимаго Іерейскаго сына, но что Царица-Инокния не дозволила ему сдѣлать того, ужасаясь мысли отнять у мертваго, истиннаго ея сына Царскую могилу ⁽⁵⁸⁷⁾.

Возражаютъ еще: «Король Сигизмундъ не «взялъ бы столь живаго участія въ судьбѣ об-«манщика, и Вельможа Мнишекъ не выдалъ бы «дочери за бродягу;» но Король и Мнишекъ могли быть легковѣрны въ случаѣ обольстительномъ для ихъ страстей: Сигизмундъ надѣялся дать Россіянамъ Царя-Католика, взысканнаго его милостию, а Воевода Сендомирскій видѣть дочь на престолѣ Московскомъ. И кто знаетъ, что они дѣйствительно не сомнѣвались въ высокомъ родѣ бѣглеца? Удача была для нихъ важнѣе правды. Король не дерзнулъ торжественно

признать Лжедмитрія истиннымъ до его рѣшительнаго успѣха , и Воевода Сендомирскій , сдѣлавъ только опытъ , пожертвовавъ частію своего богатства надеждѣ величія , оставилъ будущаго зятя , когда увидѣлъ сопротивленіе Россіянъ. Спигизмундъ и Мнишекъ обманулись , можетъ быть , не во мнѣніи о правахъ , но единственно во мнѣніи о счастіи или благоразуміи Самозванца , думавъ , что онъ удержитъ на головѣ вѣнецъ , данный ему измѣною и заблужденіемъ : для того Король снѣшилъ громогласно объявить себя виновникомъ Разстригина Державства , и Панъ Вельможный быть тестемъ Царя , хотя бы и племени Отрепьевыхъ. Похитителями въ ихъ силѣ и благоденствіи гнушаются не страсти мирскія , но только чистая совѣсть и добродѣтель усединенная.

Убѣдительно ли и сужденіе тѣхъ друзей Лжедмитрія , которые говорятъ : «войско , Бояре , Москва , не приняли бы его въ Цари безъ сплѣсныхъ доказательствъ , что онъ сынъ Іоанновъ» (383)? Но войско , Бояре , Москва и свергнули его какъ уличеннаго самозванца : для чего вѣрить имъ въ первомъ случаѣ и не вѣрить въ послѣднемъ? Въ обоихъ конечно дѣйствовало удостовѣреніе , основанное на доказательствахъ ; но люди и народы всегда могли ошибаться , какъ свидѣтельствуется Исторія . . . и самаго Лжедмитрія !

Напомнимъ Читателямъ , что знаменитѣйшій изъ клеветовъ и единственный вѣрный другъ

Разстриги въ бесѣдахъ искреннихъ не скрывалъ его самозванства: такое важное признаніе слышалъ и сообщилъ потомству Нѣмецкій Пасторъ Беръ, который любилъ, усердно славилъ Лжедмитрія, и клялъ Россіянь за убіеніе Царя, хотя и не сына Іоаннова ⁽⁵⁸⁹⁾. Сей же очевидецъ тогдашнихъ дѣяній предасть намъ слѣдующія, не мнѣе достопамятныя свидѣтельства истины:

1) «Голландскій Аптекарь Арендъ Клаузенъ ⁽⁵⁹⁰⁾, бывъ 40 лѣтъ въ Россіи, служивъ Іоанну, Θεодору, Годунову, Самозванцу, и лично знавъ, ежедневно выдавъ Димитрія во младенчествѣ, сказывалъ мнѣ утвердительно, что минимый Царь Димитрій есть совсѣмъ другой человекъ, и не походитъ на истиннаго, имѣвшаго смуглое лице и всѣ черты матери, съ которою Самозванецъ ни мало не сходствовалъ. — 2) Въ томъ же увѣряла меня Ливонская плѣнница, Дворянка Тизенгаузенъ, освобожденная въ 1611 году, бывъ повивальною бабкою Царицы Маріи, служивъ ей днемъ и ночью, не только въ Москвѣ, но и въ Угличѣ — непрестанно выдавъ Димитрія живаго, видѣвъ и мертваго. — 3) Скоро по убіеніи Лжедмитрія выѣхалъ я изъ Москвы въ Угличъ, и разговаривая тамъ съ однимъ маститымъ старцемъ, бывшимъ слугою при дворѣ Маріи, заклиналъ его объявить мнѣ истину о Царѣ убитомъ. Онъ всталъ, перекрестился и такъ отвѣтствовалъ: *«Москвитяне клялися ему въ вѣрности и нарушили клятву: не хвало ихъ. Убитъ человекъ»*

«разумный и храбрый, но не сынъ Иоанновъ, дѣй-
«ствительно зарѣзанный въ Угличѣ: я видѣлъ его
«мертваго, лежащаго на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ
«всегда игрывалъ. Богъ судія Князьямъ и Боя-
«рамъ нашимъ: время покажетъ, будемъ ли сча-
«стливѣе.»

Въ заключеніе упомянемъ о свидѣтельствѣ
извѣстнаго Шведа Петра, который былъ По-
сланникомъ въ Москвѣ отъ Карла IX и Густава
Адольфа, лично зналъ Самозванца и пишетъ, что
онъ казался человѣкомъ лѣтъ за тридцать ⁽³⁹¹⁾ ;
а Димитрій родился въ 1582 году, и слѣдственно
имѣлъ бы тогда не болѣе двадцати четырехъ
лѣтъ отъ рожденія.

Однимъ словомъ, несомнительныя, историче-
скія и нравственныя доказательства убѣждаютъ
насъ въ истинѣ, что мнимый Димитрій былъ
самозванецъ. Но представляется другой вопросъ:
кто же именно? дѣйствительно ли Разстрига
Отрепьевъ? Многіе иноземцы-современники не
хотѣли вѣрить, чтобы бѣглый Инокъ Чудовской
Обители могъ сдѣлаться вдругъ мужественнымъ
витяземъ, неустрашимымъ бойцемъ, искуснымъ
всадникомъ, и многіе считали его Полякомъ или
Трансильванцемъ, незаконнымъ сыномъ Героя
Баторія, воспитанникомъ Іезуитовъ, утверж-
даясь на мнѣніи нѣкоторыхъ знатныхъ Ля-
ховъ ⁽³⁹²⁾, и прибавляя, что онъ не чисто гово-
рилъ языкомъ Русскимъ: мнѣніе явно неспра-
ведливое, когда современныя донесенія Іезуитовъ
къ ихъ начальству свидѣлствуютъ, что они

узнали его въ Литвѣ уже подъ именемъ Димитрія, и не Католикомъ, а сыномъ Греческой Церкви (⁵⁹³). Никто изъ Россіянь не упрекалъ Самозванца худымъ знаніемъ языка нашего, коимъ онъ владѣлъ совершенно, говорилъ правильно, писалъ съ легкостію (⁵⁹⁴), и не уступалъ никакому Дьяку тогдашняго времени въ красивомъ изображеніи буквъ. Имѣя нѣсколько подписей Самозванцевыхъ (⁵⁹⁵), видимъ въ Латинскихъ слабую, невѣрную руку ученика, а въ Русскихъ твердую, мастерскую, кудравый почеркъ грамотѣя Приказнаго, каковъ былъ Отрепьевъ, книжникъ Патріаршій. Возраженіе, что келміи не производятъ витязей, уничтожается исторією его юности: одѣваясь Инокомъ, не велъ ли онъ жизни смѣлаго дикаря, скитаясь изъ пустыни въ пустыню, учась безстрашію, не боясь въ дремучихъ лѣсахъ ни звѣрей, ни разбойниковъ, и наконецъ бывъ самъ разбойникомъ подъ хоругвію Козаковъ Днѣпровскихъ? Если нѣкоторые изъ людей ослѣпленныхъ личнымъ къ нему пристрастіемъ, находили въ Лжедмитріи какое-то *величіе* (⁵⁹⁶), необыкновенное для человѣка рожденнаго въ низкомъ состояніи, то другіе хладнокровнѣйшіе наблюдатели видѣли въ немъ всѣ признаки закоснѣлой подлости, не изглаженные ни обхожденіемъ съ знатными Ляхами, ни счастіемъ нравиться Минишковой дочери. Съ умомъ естественнымъ, легкимъ, живымъ и быстрымъ, даромъ слова, знаніями школьника и грамотѣя соединяя рѣдкую дерзость, силу

души и воли, Самозванецъ былъ однакожь худымъ лицедемъ на престолѣ, не только безъ основательныхъ свѣдѣній въ государственной наукѣ, но и безъ всякой сановитости благородной: сквозь великолѣніе Державства проглядывалъ въ Царѣ бродяга. Такъ судили объ немъ и Поляки безпристрастные. — Доселѣ мы могли затрудняться однимъ важнымъ свидѣтельствомъ: извѣстный въ Европѣ Капитанъ Маржеретъ, усердно служивъ Борису и Самозванцу, видѣвъ людей и происшествія собственными глазами, увѣрялъ Генрика IV, знаменитаго Историка де-Ту и читателей своей книги о Московской Державѣ, что Григорій Отрепьевъ былъ не Лжедмитрій, а совѣмъ другой человѣкъ, который съ нимъ (Самозванцемъ) ушелъ въ Литву, и съ нимъ же возвратился въ Россію, велъ себя непристойно, пьянствовалъ, употреблялъ во зло благосклонность его, и сосланный имъ за то въ Ярославль, дожился тамъ до воцаренія Шуйскаго ⁽⁵⁹⁸⁾. Нынѣ, отыскавъ новыя современныя преданія историческія, изъясняемъ Маржеретово сказаніе обманомъ Монаха Леонида, который назвался именемъ Отрепьева для увѣренія Россіянъ, что Самозванецъ не Отрепьевъ ⁽⁵⁹⁹⁾. Царь Годуновъ имѣлъ способы открыть истину: тысячи лазутчиковъ ревностно служили ему не только въ Россіи, но и въ Литвѣ ⁽⁶⁰⁰⁾, когда онъ развѣдывалъ о происхожденіи обманщика. Вѣроятно ли, что бы въ случаѣ столь важномъ Борисъ легкомысленно, безъ удостовѣренія, объя-

вилъ Лжедимитрія бѣглецомъ Чудовскимъ, коего многіе люди знали въ столицѣ и въ другихъ мѣстахъ, слѣдственно узнали бы и неправду при первомъ взорѣ на Самозванца? Наконецъ Москвитяне видѣли Лжедимитрія, живаго, мертваго, и все еще утвердительно признавали Діакономъ Григоріемъ ⁽⁶⁰¹⁾; ни одинъ голосъ сомнѣнія не раздался въ потомствѣ до нашего времени.

Сего довольно. Приступаемъ къ описанію дальнѣйшихъ бѣдствій Россіи, не менѣе чрезвычайныхъ, не менѣе оскорбительныхъ для ея чести, но уже подобныхъ мрачному сновидѣнію, — уже только любопытныхъ для народа, коему Небо судило временнымъ уничиженіемъ достигнуть величія, и который достигъ онаго, загладивъ память слабости великодушнымъ напряженіемъ силъ и память стыда необыкновенною славою.

конецъ XI тома.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТОМЪ ХІ.

ГЛАВА І.

ЦАРСТВОВАНИЕ БОРИСА ГОДУНОВА.

Г. 1598—1604.

Стр.

Москва встрѣчаетъ Царя. Присяга Борису. Соборная грамота. Дѣятельность Борисова. Торжественный входъ въ столицу. Знаменитое ополченіе. Ханское Посольство. Угощеніе войска. Рѣчь Патріарха. Прибавленіе къ грамотѣ избирательной. Царское вѣнчаніе. Милости. Новый Царь Касимовскій. Происшествія въ Сибири. Гибель Кучюма. Дѣла вѣншей Политики. Судьба Шведскаго Принца, Густава, въ Россіи. Перемиріе съ Литвою. Сношенія съ Швеціею. Тѣсная связь съ Даніею. Герцогъ Датскій, женихъ Ксеніи. Переговоры съ Австріею. Посольство Персидское. Происшествія въ Грузіи. Бѣдствіе Россіянъ въ Дагестанѣ. Дружество съ Англіею. Ганза. Посольство Римское и Флорентійское. Греки въ Москвѣ. Дѣла Ногайскія. Дѣла внутреннія. Жалованная грамота Патріарху. Законъ о крестьянахъ. Питейные дома. Любовь Борисова къ просвѣщенію и къ иноземцамъ. Похвальное слово Годунову. Горячность Борисова къ сыну. Начало бѣдствій

ГЛАВА II.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ЦАРСТВОВАНІЯ БОРИСОВА.

Г. 1604—1603.

Блестящее властвованіе Годунова. Молитва о Царѣ. Подозрѣнія Борисовы. Гопенія. Голодъ. Новыя зданія въ Кремлѣ. Разбои. Порочныя нравы. Мнимыя чудеса. Явленіе Самозванца. Поведеніе и наружность обманщика. Іезуиты. Свиданіе Лжедмитрія съ Королемъ Польскимъ. Письмо къ Папѣ. Собраніе войска. Договоры Лжедмитрія съ Мнишкомъ. Мѣры взятыя Борисомъ. Первая измѣна. Витязь Басмановъ. Робость Годунова. Общее расположеніе умовъ. Великодушіе Борисово. Битва. Поляки оставляютъ Самозванца. Честь Басманову. Побѣда Воеводъ Борисовыхъ. Осада Кромъ. Письмо Самозванца къ Борису. Кончина Годунова. 90

ГЛАВА III.

ЦАРСТВОВАНІЕ ОЕОДОРА БОРИСОВИЧА ГОДУНОВА.

Г. 1603.

Присяга Оеодору. Достоинства юнаго Царя. Избраніе Басманова въ Военачальники. Присяга войска. Измѣна Басманова. Самозванецъ усиливается. Измѣна Голицыныхъ и Салтыкова. Измѣна войска. Походъ къ Москвѣ. Оцѣненіе умовъ въ столицѣ. Измѣна Москвитянъ. Сведеніе Оеодора съ престола. Присяга Лжедмитрію. Заточеніе Патріарха и Годуновыхъ. Цареубійство. 173

ГЛАВА IV.

ЦАРСТВОВАНИЕ ЛЖЕДИМИТРІЯ.

Г. 1603—1606.

Первое оскорбленіе Бояръ. Указы Лжедимитріевы. Посоль Англійскій. Шествіе къ Москвѣ. Довѣренность Разстриги къ Нѣмцамъ. Вступленіе въ столицу. Пиръ. Милости. Филаретъ и юный Михаилъ. Царь Симеонъ и Годуновы. Гробы Нагихъ и Романовыхъ пренесены въ Москву. Благодѣянія. Преобразование Думы. Любовь Самозванца къ Генриху IV. Милосердіе. Похвальное Слово Разстригѣ. Избраніе новаго Патріарха. Безмолвное свидѣтельство Царицы — Инокіи. Вѣщаніе. Безразсудность Лжедимитрія. Дѣла гнусныя. Постриженіе Ксеніи. Шепотъ о Разстригѣ. Обличенія. Шуйскій. Нѣмцы тѣлохранители. Пышность и веселья. Посольство въ Литву за невѣстою. Неудовольствія. Слухъ, что Борисъ Годуновъ живъ. Титулъ Цесаря. Обрученіе. Слухи о Самозванцѣ въ Польшѣ. Лжедимитрій платитъ долги Мнишковы. Происшествія въ Москвѣ. Возвращеніе Шуйскихъ. Самозванецъ Петръ. Начало заговора. Посольство къ Шаху. Собраніе войска въ Ельцѣ. Письмо къ Шведскому Королю. Сношенія съ Ханомъ. Толки о замыслахъ Лжедимитрія. Казнь Стрѣльцевъ и Дьяка Осипова. Опала Царя Симеона и Татищева. Путешествія Воеводы Сендомирскаго съ Мариною. Рѣчь Мнишкова. Условія. Опала двухъ Святителей. Вѣздъ Марины въ столицу. Негодованіе Москвитянъ. Соблазны. Ссора съ Послами. Дары. Обрученіе и свадьба. Новыя причины къ негодованію. Пиръ. Новая ссора съ Литов-

скими Послами. Переговоры государственные. Замышляемая потѣха. Наглость Ляховъ. Ночный совѣтъ въ домѣ Шуйскаго. Дерзкія рѣчи на площади. Волненіе народа. Спокойствіе Лжедмитрія. Измѣна войска. Последняя ночь для Самозванца. Возстаніе Москвы. Гибель Басманова. Свидѣтельство Царицы-Инокини. Судъ, допросъ и казнь Лжедмитрія. Щадятъ Марину. Убійства. Бяре утишаютъ мятежъ. Глубокая тишина почи. Козни властолюбія. Рѣчь Шуйскаго въ Думѣ. Избраніе новаго Царя. Развѣяніе Самозванцева праха. Доказательства, что Лжедмитрій былъ дѣйствительно обманщикъ

ИСТОРІЯ

ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ИСТОРІЯ

ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ XII.

ИСТОРИЯ

24

Възникнувши въ началѣ 18-го столѣтія, въ
Россіи, она имѣла въ себѣ много общаго
съ исторіею Европы. Въ 18-мъ столѣтіи
Россія была въ вѣнѣ, въ 19-мъ столѣтіи
въ Европѣ. Въ 18-мъ столѣтіи Россія была
въ Европѣ, въ 19-мъ столѣтіи въ Европѣ.
Въ 18-мъ столѣтіи Россія была въ Европѣ,
въ 19-мъ столѣтіи въ Европѣ. Въ 18-мъ
столѣтіи Россія была въ Европѣ, въ 19-мъ
столѣтіи въ Европѣ. Въ 18-мъ столѣтіи
Россія была въ Европѣ, въ 19-мъ столѣтіи
въ Европѣ. Въ 18-мъ столѣтіи Россія
была въ Европѣ, въ 19-мъ столѣтіи въ
Европѣ. Въ 18-мъ столѣтіи Россія была
въ Европѣ, въ 19-мъ столѣтіи въ Европѣ.

ИСТОРИЯ

ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКАГО.

ТОМЪ XII.

ИСТОРІЯ ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ XII.

ИЗДАНИЕ ШЕСТОЕ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА.

1853.

300926

ИСТОРИЯ

ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКАГО

ПЕЧАТАНО

по Высочайшему повелѣнію.

1853.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЕЙ XII ТОМА.

(1829 Г.)

Наконецъ мы можемъ исполнить ожиданіе Публики и послѣднюю волю безсмертнаго творца Исторіи Государства Россійскаго.

Въ 1826 году, когда его семейство и друзья еще позволяли себѣ надѣяться, что путешествіе и лучшій климатъ могутъ поправить его здоровье, онъ поручалъ намъ быть Издателями XII Тома его Исторіи; думалъ кончить ее въ Италіи и однакожь хотѣлъ прежде отъѣзда приготовить Примѣчанія къ написаннымъ уже Главамъ. Но Судьбѣ было угодно, чтобы его великій трудъ и въ семъ отношеніи остался недовершеннымъ. Въ первыя минуты ужасной и — не смотря на видимыя дѣйствія четырехъ-мѣсячной мучительной болѣзни — все еще какъ будто неожиданной потери, когда мысли тѣхъ, кои доселѣ его оплакиваютъ, не могли быть заняты ничѣмъ инымъ,

собранныя имъ для составленія Примѣчаній книги и рукописи разосланы по разнымъ мѣстамъ. Нужно было время , чтобы снова собрать ихъ и привести въ порядокъ. Отъ сего и отъ нѣкоторыхъ другихъ , неважныхъ для Публички обстоятельствъ , замедлилось изданіе книги , какъ намъ извѣстно съ истеричніемъ ожидаемой.

Всѣ приложенныя нами Примѣчанія суть не что иное какъ выписки , сдѣланныя по оставшимся въ бумагахъ покойнаго Исторіографа указаніямъ. Что касается до текста , кажется нѣтъ нужды говорить , что онъ представляется Читателямъ въ томъ самомъ видѣ , въ коемъ мы нашли его. Первые четыре Главы, даже и начало пятой , за исключеніемъ лишь немногихъ послѣднихъ страницъ , были еще при жизни Автора переписаны на бѣло , пересмотрѣны имъ и приготовлены къ печати. По странному, достойному замѣчанія стеченію обстоятельствъ , сіе послѣднее произведеніе Карамзина было , какъ можно полагать , послѣднимъ чтеніемъ Императора Александра ; манускриптъ онаго , присланный изъ Таганрога послѣ кончины сего Государя , возвращенъ покойному Исторіографу въ то время , когда онъ самъ быстро склонялся къ гробу.

Карамзинъ не имѣлъ несчастія пережить свой талантъ. Въ самомъ изнеможеніи силъ физиче-

скихъ, силы души его не слабѣли, и послѣднія черты его кисти также живы и вѣрны, какъ и тѣ, коими ознаменованы блистательнѣйшія мѣста его Исторіи. Въ семъ XII Томѣ, коему можетъ быть только не достаетъ конца, чтобъ быть совершеннѣйшимъ, Читатели умѣющіе цѣнить изящное найдутъ все, что по справедливости плѣняетъ насъ въ первыхъ, все, что можно назвать отличительнымъ свойствомъ сего безсмертнаго творенія: необыкновенную точность въ изображеніяхъ, плодъ обширныхъ, неутомимыхъ изысканій и пламенной, благоговѣйной любви къ истинѣ, во всемъ руководствовавшей Автора, выборъ всегда удачный сихъ мелкихъ, но иногда столь важныхъ подробностей, которыя такъ сказать оживотворяютъ разсказъ Историка, искусство поддерживать и пробуждать вниманіе красотою отдѣльныхъ картинъ безъ вреда для общей связи и дѣйствія цѣлаго, и другое еще замѣчательнѣйшее искусство описывать давно бывшія происшествія съ чувствомъ и жаромъ современника, не переставая судить о нихъ, означать ихъ причины и слѣдствія съ безпристрастіемъ и проницательностію Философа богатаго идеями нашего вѣка. Мы уже не говоримъ о достоинствѣ неподражаемаго, доселѣ единственнаго у насъ слога.

Повѣствованіе о бѣдствіяхъ царствованія Ва-

силія Шуйскаго и послѣдовавшаго за онымъ Междоцарствіа перерывается въ 1611 году. Какъ намъ кажется , сіе не ослабляетъ и можетъ быть еще усиливаетъ впечатлѣніе , производимое описаніемъ тогдашняго ужаснаго состоянія Россіи.

Дм. Б.

ИСТОРІЯ ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ XII.

ГЛАВА I.

ЦАРСТВОВАНИЕ ВАСИЛІЯ ІОАННОВИЧА
ШУЙСКАГО.

Г. 1606—1608.

Родъ Василіевъ. Свойства новаго Царя. Клятва Василіева. Обнародованныя грамоты. Вѣнчаніе. Опалы. Неудовольствія. Пренесеніе Димитріева тѣла. Новый Патріархъ. Гордость Марины. Рѣчь Пословъ Литовскихъ. Посольство къ Сигизмунду. Сношенія съ Европою и съ Азіею. Мятежи въ Москвѣ. Бунтъ Шаховскаго. Второй Лжедмитрій. Болотниковъ. Успѣхи мятежниковъ. Прокопій Ляпуновъ. Пренесеніе тѣла Борисова. Мятежники подъ Москвою. Побѣда Скопина-Шуйскаго. Лженетръ. Осада Калуги. Годуновы въ Сибири. Распоряженія Василіевы. Призваніе Іова. Храбрость Болотникова. Побѣда Романова. Мужество Скопина. Бодрость Василія въ несчастіяхъ. Доблесть Воеводъ Царскихъ. Осада Тулы. Явленіе новаго Лжедмитрія. Взятіе Тулы. Бракъ Василіевъ. Законы. Уставъ воинскій.

Василій Іоанновичъ Шуйскій, происходя
въ осьмомъ колѣнѣ отъ Димитрія Суздальскаго, спорившаго съ Донскимъ о Вели-

Г. 1606.
Родъ
Василіевъ.

комъ Княжествѣ, былъ внукомъ ненавистнаго Олигарха Андрея Шуйскаго , казненаго во время Іоанновой юности, и сыномъ Боярина—Воеводы , убитаго Шведами въ 1573 году подъ стѣнами Лодѣ (¹).

Свой-
ства по-
ваго Ца-
ря.

Если всякаго Вѣнценосца избраннаго судятъ съ большою строгостію , нежели Вѣнценосца наслѣдственнаго ; если отъ перваго требуютъ обыкновенно качествъ рѣдкихъ , чтобы повиноваться ему охотно , съ усердіемъ и безъ зависти : то какія достоинства, для царствованія мирнаго и непрекословнаго, надлежало имѣть новому Самодержцу Россіи , возведенному на тронъ болѣе сонмомъ клевретовъ, нежели отечествомъ единоподушнымъ , въ слѣдствіе измѣнъ , злодѣйствъ , буйности и разврата? Василій, льстивый царедворецъ Іоанновъ , сперва явный непріятель , а послѣ безсовѣстный угодникъ и все еще тайный зложелатель Борисовъ, достигнувъ вѣнца успѣхомъ кова , могъ быть только вторымъ Годуновымъ : лицомъромъ , а не Героемъ добродѣтели , которая бываетъ главною силою и Властителей и народовъ въ опасностяхъ чрезвычайныхъ. Борисъ, воцаряясь, имѣлъ выгоду: Россія уже давно и счастливо ему повиновалась , еще не зная примѣровъ въ крамольствѣ. Но Василій имѣлъ другую выгоду: не былъ святоубійцею ; обогранный единственно кровію ненавистною , и

заслуживъ удивленіе Россіянъ дѣломъ блестящимъ , оказавъ въ низложеніи Самозванца и хитрость и неустрашимость , всегда плѣнительную для народа. Чья судьба въ Исторіи равняется съ судьбою Шуйскаго ? Кто съ мѣста казни восходилъ на тронъ , и знаки жестокой пытки прикрывалъ на себѣ хламидою Царскою ? Сіе воспоминаніе не вредило , но способствовало общему благорасположенію къ Василию : онъ страдалъ за отечество и Вѣру ! Безъ сомнѣнія уступая Борису въ великихъ дарованіяхъ государственныхъ , Шуйскій славился однакожь разумомъ мужа Думнаго и свѣдѣніями книжными , столь удивительными для тогдашнихъ суевѣровъ , что его считали волхвомъ ⁽²⁾ ; съ наружностію невыгодною (будучи роста малаго, толстъ, несановитъ и лицомъ смугль; имѣя взоръ суровый, глаза красноватые и поделѣнные, ротъ широкій), даже съ качествами вообще нелюбезными, съ холоднымъ сердцемъ и чрезмѣрною скупостію, умѣлъ, какъ Вельможа, снискать любовь гражданъ ⁽³⁾, честною жизнію, ревностнымъ наблюденіемъ старыхъ обычаевъ, доступностію, ласковымъ обхожденіемъ. Престоль явилъ для современниковъ слабость въ Шуйскомъ: зависимость отъ внушеній, склонность и къ легковѣрію, коего желаетъ зломысліе, и къ недовѣрчивости, которая охлаждаетъ усердіе. Но престоль же явилъ для потомства и чрезвычайную твердость души Василиевой въ бореніи съ неодолимымъ рокомъ : вкусивъ всю горестъ Державства

несчастливаго, уловленнаго властолюбіемъ, и свѣдавъ, что вѣнецъ бываетъ иногда не наградою, а казнію, Шуйскій палъ съ величіемъ въ развалинахъ Государства!

Онъ хотѣлъ добра отечеству, и безъ сомнѣнія искренно: еще болѣе хотѣлъ угождать Россіянамъ. Видѣвъ столько злоупотребленій неограниченной Державной власти, Шуйскій думалъ устранить ихъ и плѣнить Россію новостію важною. Въ часъ своего воцаренія, когда Вельможи, сановники и граждане клялися ему въ вѣрности, самъ нареченный Вѣнценосецъ, къ общему изумленію, далъ присягу, дотоѣ неслыханную: 1) не казнить смертію никого безъ суда Боярскаго, истиннаго, законнаго; 2) преступниковъ не лишать имѣнія, но оставлять его въ наслѣдіе женамъ и дѣтямъ невиннымъ; 3) въ извѣтахъ требовать прямыхъ, явныхъ уликъ съ очей на очи, и наказывать клеветниковъ тѣмъ же, чему они подвергали винимыхъ ими несправедливо (4). «Мы желаемъ» (говорилъ Василій), «чтобы православное Христіанство «наслаждалось миромъ и тишиною подъ «нашею Царскою хранительною властію» — и велѣвъ читать грамоту, которая содержала въ себѣ означенный уставъ, цѣловалъ крестъ въ удостовѣреніе, что исполнитъ его добросовѣстно. Симъ священнымъ обѣтомъ мыслилъ новый Царь избавить

Клятва
Василіе-
ва.

Россіяны отъ двухъ ужасныхъ золъ своего вѣка: отъ ложныхъ доносовъ и беззаконныхъ оналъ, соединенныхъ съ разореніемъ цѣлыхъ семействъ въ пользу алчной казны; мыслилъ, въ годину смятеній и бѣдствій, дать гражданамъ то благо, коего не знали ни дѣды, ни отцы наши до человеколюбиваго царствованія Екатерины Второй. Но вмѣсто признательности, многіе люди, знатные и незнатные, изъявили негодование, и напомнили Василию правлю, уставленное Іоанномъ III, что не Государь народу, а только народъ Государю дастъ клятву ⁽⁵⁾. Сии Россіяне были искренніе друзья отечества, не рабы и не льстецы низкіе: имѣя въ свѣжей памяти грозы тиранства, еще помнили и бурные дни Іоаннова младенчества, когда власть Царская въ челенахъ дремала: боялись ея стѣсненія, вреднаго для Государства, какъ они думали, и предпочитали свободную милость закону. Царь не внялъ ихъ убѣжденіямъ, дѣйствуя или по собственному изволенію или въ угодность нѣкоторымъ Боярамъ, склоннымъ къ Аристократіи ⁽⁶⁾, и чтобы блеснуть великодушіемъ, торжественно обѣщаль забыть всякую личную вражду, всѣ досады, претерпѣнныя имъ въ Борисово время ⁽⁷⁾: ему вѣрили, но не долго.

Отмѣнивъ новости, введенныя Лжедмитріемъ, и возстановивъ древнюю Госу- обна-

р о д о-
ванныя
грамо-
ты.

дарственную Думу , какъ она была до его времени , Василій спѣшилъ извѣстить всю Россію о своемъ воцареніи и не оставить въ умахъ ни малѣйшаго сомнѣнія о Самозванцѣ: послали всюду чиновниковъ знатныхъ приводить народъ къ крестному цѣлованію , съ обѣтомъ , не дѣлать , не говорить , и не мыслить ничего злаго противъ Царя , будущей супруги и дѣтей его ; велили , какъ обыкновенно , три дни звонить въ колокола , отъ Москвы до Астрахани и Чернигова , до Тары и Колы , — молиться о здравіи Государя и мирѣ отечества ⁽⁸⁾. Читали въ церквахъ грамоты отъ Бояръ, Царицы-Инокини Марѣи и Василя (именованнаго въ сихъ бумагахъ *потомкомъ Кесаря Римскаго*). Описавъ дерзость , злодѣйства , собственное въ томъ признаніе и гибель Самозванца, Бояре величали родъ и заслугу Шуйскаго , спасителя Церкви и Государства. Марѣа свидѣтельствовалась Богомъ , что ея сердце успокоено казнію обманщика; а Василій увѣрялъ Россіянъ въ своей любви и милости безпримѣрной. Обнародовали найденную во внутреннихъ комнатахъ дворца переписку Лжедмитрія съ Римскимъ Дворомъ и Духовенствомъ о введеніи у насъ Латинской Вѣры ⁽⁹⁾ , записъ данную Восводѣ Сендомирскому на Смоленскъ и Сѣверскую землю , также допросы Мнишка и Бучинскихъ , Яна и Ста-

нислава : Мнишекъ винился въ заблужденіи, сказывая, что онъ и самъ уже не могъ считать мнимаго Димитрія истиннымъ, примѣтивъ въ немъ ненависть къ Россіи, и для того часто впадалъ въ болѣзнь отъ горести. Бучинскіе объявляли, что Разстрига дѣйствительно хотѣлъ, съ помощію Ляховъ, умертвить, 18 Мая, на дугу Срѣтенскомъ, двадцать главныхъ Бояръ и всѣхъ лучшихъ Москвитянъ; что Пану Ратомскому надлежало убить Князя Мстиславскаго, Тарлу и Стадницкимъ Шуйскихъ; что Ляхи должны были занять всѣ мѣста въ Думѣ, править войскомъ и Государствомъ: свидѣтельство едва ли достойное уваженія, и если не вымышленное, то вынужденное страхомъ изъ двухъ малодушныхъ слугъ, которые, желая спасти себя отъ мести Россіянь, не боялись клеветать на пепелъ своего милостивца, развѣянный вѣтромъ ! Современники вѣрили; но трудно убѣдить потомство, чтобы Лжедимитрій, хотя и неразсудительный, могъ дерзнуть на дѣло ужасное и безумное : ибо легко было предвидѣть, что Бояре и Москвитяне не дали бы рѣзать себя какъ агнецъ, и что кровопролитіе заключилось бы гибелію Ляховъ вмѣстѣ съ ихъ Главою.

Юня 1 совершилось Царское вѣнчаніе, въ храмъ Успенія, съ наблюденіемъ всѣхъ торжественныхъ обрядовъ, но безъ всякой

Вѣчаніе.

расточительной пышности: корону Мономахову возложилъ на Василія Митрополитъ Новгородскій ⁽¹⁰⁾. Синклить и народъ славилъ Вѣщеносца съ усердіемъ; гости и купцы отличились щедростію въ дарахъ, ему поднесенныхъ. Являлось однакожь какое-то уныніе въ столицѣ ⁽¹¹⁾. Не было ни милостей ⁽¹²⁾, ни пировъ; были

Опалы. Смѣнили Дворецкаго, Князя Рубца-Мосальскаго, одного изъ первыхъ клятвопреступниковъ Борисова времени ⁽¹³⁾, и велѣли ему ѣхать Воеводою въ Корелу или Кексгольмъ; Михайлу Нагому запретили именоваться Конюшимъ, желая ли навѣки уничтожить сей знаменитый санъ, чрезмѣрно возвышенный Годуновымъ, или единственно въ знакъ неблаговоленія къ злопамятному страдальцу Василюева криводушія въ дѣлѣ о Димитріевомъ убіеніи ⁽¹⁴⁾; *Великаго Секретаря* и *Подскарбія*, Аѳанасія Власьева, сослали на Воеводство въ Уфу ⁽¹⁵⁾, какъ ненавистнаго приверженика Разстригина; двухъ важныхъ Бояръ, Михайла Салтыкова и Бѣльскаго, удалили, давъ первому начальство въ Иванѣ-городѣ, второму въ Казани ⁽¹⁶⁾; многихъ иныхъ сановниковъ и Дворянъ, не угодныхъ Царю, также выслали на службу въ дальніе города; у многихъ взяли помѣстья. Василій, говоритъ Лѣтописецъ ⁽¹⁷⁾, нарушилъ обѣтъ свой не мстить никому

лично, безъ вины и суда. Оказалось не-
удовольствіе; слышали ропотъ. Василій, <sup>Неудо-
воль-
ствіа.</sup> какъ опытный наблюдатель тридцатилѣт-
няго гнуснаго тиранства, не хотѣлъ
ужасомъ произвести безмолвія, которое
бываетъ знакомъ тайной, всегда опасной
ненависти къ жестокимъ Властителямъ;
хотѣлъ равняться въ государственной му-
дрости съ Борисомъ и превзойти Лжеди-
митрія въ свободолюбіи, отличать слово
отъ умысла, искать въ нескромной искрен-
ности только указаній для Правительства и
грозить мечемъ закона единственно кра-
мольникамъ. Слѣдствіемъ была удивитель-
ная вольность въ сужденіяхъ о Царѣ, осо-
бенная величавость въ Боярахъ ⁽¹⁸⁾, осо-
бенная смѣлость во всѣхъ людяхъ чинов-
ныхъ; казалось, что они имѣли уже не
Государя самовластнаго, а полу-Царя. Ни-
кто не дерзнулъ спорить о коронѣ съ Шуй-
скимъ, но многіе дерзали ему завидовать и
порочить его избраніе, какъ незаконное.
Самые усердные клеветы Василія изъ-
являли негодованіе: ибо онъ, доказывая
свою умѣренность, безпристрастіе и жела-
ніе царствовать не для клеветовъ, а для
блага Россіи, не далъ имъ никакихъ на-
градъ блестящихъ въ удовольствованіе ихъ
суестности и корыстолюбія. Замѣтили еще
необыкновенное своеволие въ наро-
дѣ ⁽¹⁹⁾ и шатость въ умахъ: ибо частыя

перемѣны государственной власти отражаютъ недовѣріе къ ея твердости и любовь къ перемѣнамъ: Россія же въ теченіе года (20) имѣла четвертаго Самодержца, праздновала два цареубійства и не видала нужнаго общаго согласія на послѣднее избраніе. Старость Василія, уже почти шестидесятилѣтняго (21), его одиночество, неизвѣстность наслѣдія, также производили уныніе и безпокойство. Однимъ словомъ, самые первые дни новаго царствованія, всегда благопріятнѣйшіе для ревности народной, болѣе омрачили, нежели утѣшили сердца истинныхъ друзей отечества.

Между тѣмъ, какъ бы еще не полагаясь на удостовѣреніе Россіянъ въ самозванствѣ Разстриги, Василій дерзнулъ явленіемъ торжественнымъ напомнить имъ о своихъ лжесвидѣтельствахъ, коими онъ, въ угодность Борису, затмилъ обстоятельства Дмитріевой гибели: Царь велѣлъ Святителямъ, Филарету Ростовскому и Θεодосію Астраханскому, съ Боярами Княземъ Воротынскимъ, Петромъ Шереметевымъ, Антареємъ и Григоріємъ Нагими, перевезти въ Москву тѣло Дмитрія изъ Углича, гдѣ оно, въ господствованіе Самозванца, лежало уединенно въ опальной могилѣ, нѣмъ непосѣщаемой (22): Іереп не смѣлъ послужить панихидъ надъ нею; граждане

Преве-
сеніе
Дмит-
ріева
тѣла.

боялись приблизиться къ сему мѣсту, которое безмолвно уличало мнимаго Димитрія въ обманѣ. Но паденіе обманщика возвратило честь гробу Царевича: жители устремились къ нему толпами; пѣли молебны, лили слезы умиленія и покаянія, лучше другихъ Россіянь знавъ истину и молчавъ противъ совѣсти. Когда Святители и Бояре Московскіе, прибывъ въ Угличъ, объявили волю Государеву, народъ долго не соглашался выдать нѣтъ драгоцѣнные остатки юнаго мученика, взывая ⁽²³⁾: «Мы его любили и за него страдали! Лишѣнные живаго, лишимся ли и мертваго?» Когда же, вынувъ изъ земли гробъ и снявъ его крышку, увидѣли тѣло, въ пятнадцать лѣтъ едва поврежденное сыростію земли ⁽²⁴⁾: плоть на лицѣ и волосы на головѣ цѣлые, равно какъ и жемчужное ожерелье, шитый платокъ въ лѣвой рукѣ, одежду также шитую серебромъ и золотомъ, сапожки, горсть орѣховъ, найденныхъ у закланнаго младенца въ правой рукѣ и съ нимъ положенныхъ въ могилу: тогда, въ единодушномъ восторгѣ, жители и пришельцы начали славить сіе знаменіе святости — и за чудомъ слѣдовали новыя чудеса, по свидѣтельству современниковъ: недужные, съ вѣрою и любовію касаясь мощей, исцѣлялись. Изъ Углича несли раку, перемѣняясь, люди знатнѣйшіе, воины, граждане и земледѣльцы: Василій, Царица-Инокія Марѣа, Духовенство,

3 Юня. Синклить, народъ встрѣтили ее за городомъ; открыли мощи, явили ихъ нетлѣніе, чтобы *утѣшить вѣрующихъ и сомкнуть уста невѣрныхъ* (25). Василій взялъ святое бремя на рамена свои и несть до церкви Михаила Архангела, какъ бы желая симъ усердіемъ и смиреніемъ очистить себя передъ тѣмъ, кого онъ столь безстыдно оклеветалъ въ самоубійствѣ! Тамъ, среди храма, Инокія Марѳа, обливаясь слезами, молила Царя, Духовенство, всѣхъ Россіянъ простить ей грѣхъ согласія съ Лжедимитріемъ для ихъ обмана — и Святители, исполняя волю Царя, разрѣшили ее торжественно, *изъ уваженія къ ея супругу и сыну* (26). Народъ исполнился умиленія, и еще болѣе, когда церковь огласилась радостными кликами многихъ людей, вдругъ излеченныхъ отъ болѣзней дѣйствіемъ вѣры къ мощамъ Димитріевымъ, какъ пишутъ очевидцы. Хотѣли предать землѣ сіи святыя остатки и раскопали засыпанную могилу Годунова, чтобы поставить въ ней гробъ его жертвы, въ придѣлѣ, гдѣ лежатъ Царь Іоаннъ и два сына его; но благодарность исцѣленныхъ и надежда болящихъ убѣдили Василія не скрывать *источника благодати*: вложили тѣло въ деревянную раку, обитую золотымъ атласомъ, оставили ее на помостѣ и велѣли пѣть молебны новому Угоднику Божію,

вѣчно праздновать его память и вѣчно
клясть Лжедимитріеву (27).

Еще Церковь не имѣла Патріарха: въ Новый
Патрі-
архъ. самый первый день Василиева царствованія
свели Игнатія съ престола, безъ суда Ду-
ховнаго, единственно по указу Госуда-
реву, — одѣли въ черную рясу и заперли
въ келліяхъ Чудова монастыря; Іовъ же,
въ печали, въ слезахъ лишась зрѣнія, не
хотѣлъ возвратиться въ Москву (28), гдѣ
находились тогда всѣ Святители Россійскіе,
кромѣ Митрополита Ермогена, удаленнаго
Лжедимитріемъ (29), и тѣмъ возвышеннаго
во мнѣніи народа. Среди жалостныхъ при-
мѣровъ слабости, оказанной несчастнымъ
Іовомъ и всѣмъ Духовенствомъ, Ермогенъ,
не обольщенный милостію Самозванца, не
устрашенный опалою за ревность къ Пра-
вославію, казался Героемъ Церкви, и былъ
единодушно, единогласно нареченъ Па-
тріархомъ, — нетерпѣливо ожидаемъ и не-
медленно посвященъ, какъ скоро прибылъ
изъ Казани въ столицу, соборомъ нашихъ
Епископовъ. Царь, съ любовію вручая Ер-
могену жезлъ Св. Петра Митрополита, и
Ермогенъ, съ любовію благословляя Царя,
заключили искренній, вѣрный союзъ Цер-
кви съ Государствомъ, но не для ихъ мира
и счастья!

Утвердивъ себя на престолѣ великодуш-
нымъ обѣтомъ блюсти законъ, всенарод-

нымъ оправданіемъ казни Разстригиной, своимъ Царскимъ вѣнчаніемъ, торжествомъ Димитріевоі святости, избраніемъ Патріарха ревностнаго и мужественнаго духомъ, — поставивъ войско на берегахъ Оки и въ Украинѣ, велѣвъ надежнымъ чиновникамъ осмотрѣть его ⁽³⁰⁾ и Воеводамъ ждать Царскаго Указа, чтобы итти для усмиренія враговъ, гдѣ они явятся — Василій немедленно занялся дѣлами внѣшними. Важнѣйшимъ дѣломъ было рѣшить миръ или войну съ Литвою, не уронить достоинства Россіи, но безъ крайности не начинать кровопролитія въ смутныхъ обстоятельствахъ Государства, коего внутреннее устройство, послѣ измѣнъ и бунтовъ, требовало времени и тишины. Еще тѣло Самозванца лежало на лобномъ мѣстѣ, когда Духовенство наше отправило гонца въ Кіевъ, къ тамошнему Воеводѣ, Князю Острожскому, съ извѣстительною грамотою о всемъ, что случилось въ Москвѣ, и съ увѣреніемъ въ миролюбіи Россійскаго Правительства, не взирая на всѣ козни Литовскаго. Въ семъ смыслѣ дѣйствовалъ и новый Вѣнценосецъ: хранилъ Поляковъ отъ злобы народа, велѣлъ давать имъ все нужное въ изобиліи, и съ честію отвезти Марину къ отцу, который, обманывая себя и другихъ, еще именовалъ ее Царицею, и въ видѣ слуги усерднаго благоговѣлъ предъ до-

черью ⁽³¹⁾. Марина изъявляла болѣе высоко- Гор-
дость
марк-
ны.
комѣрія, нежели скорби, и говорила своимъ
ближнимъ: «Избавьте меня отъ вашихъ
«безвременныхъ утѣшеній и слезъ мало-
«душныхъ!» У нее взяли сокровища, одеж-
ды богатые, данныя ей мужемъ: она не
жаловалась отъ гордости. Взяли и все имѣ-
ніе Воеводы Сендомирскаго: 10,000 рублей
деньгами, кареты, лошадей, приборы кон-
скіе, вина, всего на 250,000 нынѣшнихъ
рублей серебряныхъ ⁽³²⁾, сказавъ ему: «воз-
«вратимъ тебѣ, что найдется твоимъ соб-
«ственнымъ; удержимъ достояніе казны
«Царской.» Въ свиданіи съ Боярами Мни-
шекъ не скрывалъ глубокой своей печали,
ни раскаянія, вѣроятно искренняго, бывъ
знаменитѣйшимъ Вельможею въ отечествѣ и
видя себя невольникомъ въ странѣ чуждой,
гдѣ народная месть, имъ заслуженная, угро-
жала ему гибелю или узами, послѣ его
сновидѣнія о Державномъ величіи. Бояре
обѣщали Мнишку не только безопасность,
но и свободу, если Король удостовѣ-
ритъ Василія въ истинномъ расположеніи
къ миру ⁽³³⁾.

Они имѣли нѣсколько свиданій и съ
Послами Литовскими. Первое было 27 Мая,
во дворцѣ, гдѣ сии Паны замѣтили ра-
зительную перемену: исчезла пышность
Александра времени; скрылись блестя-
щіе золотомъ тѣлохранители и Стрѣльцы;

самые знатные чиновники, угождая вкусу Васи-
ліеву къ бережливости, не отличались богат-
ствомъ платья. Въмѣсто роскоши и веселія, явля-
лись вездѣ простота, угрюмая важность, без-
молвная печаль ⁽³¹⁾. «Намъ казалось» — пишутъ
Ляхи очевидцы — «что Дворъ Московскій гото-
вился къ погребенію.» Князья Мстиславскій,
Дмитрій Шуйскій, Трубецкій, Голицыны, Тати-
щевъ, приняли Олесицкаго и Госѣвскаго въ
той же палатѣ, въ коей они бесѣдовали съ ними
именемъ Лжедмитрія, называя его тогда *непо-
бѣдимымъ Цесаремъ*, а въ сіе время гнуснымъ
исчадіемъ ада! Мстиславскій произнесъ силь-
ную рѣчь о злодѣйскомъ убіеніи истиннаго сына
Іоаннова по волѣ Годунова, о нелѣпомъ само-
званствѣ Разстриги, о козняхъ Сигизмундо-
выхъ, желая доказать, что бродяга безъ вспомо-
женія Ляховъ никогда не овладѣлъ бы Мо-
сковскимъ престоломъ; что сей бродяга до-
стойно казненъ Россією, а не многіе Ляхи, въ
часъ мятежа, убиты чернію за ихъ наглость,
безъ вѣдома Бояръ и Дворянства. «Однимъ
«словомъ» — заключилъ Мстиславскій — «кто
«виною зла и всѣхъ бѣдствій? Король и вы,
«Паны, нарушивъ святость мирнаго договора
«и крестнаго цѣлованія.»

Олесицкій и Госѣвскій тихо совѣтовались
другъ съ другомъ и дали отвѣтъ не менѣе силь-
ный, изъясняясь смѣло, и если не во всемъ
искренно, то по крайней мѣрѣ умно и благо-
родно. «Мы слышали о бѣдственной кончинѣ

«Димитрія» — говорили Папы — «и жа- Рѣчь
«лѣли объ ней какъ Христіане, гнушаясь По-
«убійцею. Но явился человѣкъ подѣ имѣ- словъ
«немъ сего Царевича, свидѣтельствуюсь Авто-
«разными примѣтами въ истинѣ своего скихъ.
«увѣренія, и сказывая, какъ онъ спасенъ
«Небомъ отъ убійцы, — какъ Борисъ тайно
«умертвилъ Царя Θεодора, истребилъ знат-
«нѣйшіе роды Дворянскіе, тѣснилъ, гналъ
«всѣхъ людей именитыхъ. Не то ли самое
«говорили намъ о Борисѣ и нѣкоторые
«изъ васъ, мужей Думныхъ? И читая
«Исторію, не находимъ ли въ ней примѣ-
«ровъ, что мнимо-усопшіе являются ино-
«гда живы въ казни злодѣйству? Но мы
«еще не вѣрили бродягѣ: повѣрилъ ему
«только добросердечный Воевода Сепдо-
«мирскій, и не ему одному, но многимъ
«Россіянамъ, признавшимъ въ немъ Ди-
«митрія ⁽³⁵⁾: они клялися, что Россія
«ждетъ его; что города и войско сдадутся
«Іоаннову наслѣднику. Дѣйствуя само-
«вольно, Мишиекъ хотѣлъ быть свидѣте-
«лемъ торжества Димитріева — и былъ;
«но, повинаясь указу Королевскому, воз-
«вратился, чтобы не нарушить мира, за-
«ключеннаго нами съ Годуновымъ. Дими-
«трій, какъ онъ называлъ себя, остался
«въ землѣ Сѣверской единственно съ Рос-
«сіянами, Донскими и Запорожскими Ко-
«заками: чтожь сдѣлали Россіяне? или

«къ ногамъ его : воеводы и войско. Что сдѣ-
«лали и вы, Бояре? выѣхали къ нему на встрѣчу
«съ Царскою утварію ; вопили , что принимаете
«Государя любимаго отъ Бога, и кипѣли гнѣ-
«вомъ , когда Ляхи смѣли утверждать , что они
«дали Царство Димитрію. Мы, Послы, собствен-
«ными глазами видѣли, какъ вы предъ нимъ
«благоговѣли. Здѣсь, въ сей самой палатѣ, раз-
«суждая съ нами о дѣлахъ государственныхъ,
«вы не изъявляли ни малѣйшаго сомнѣнія о
«родѣ его и санѣ. Однимъ словомъ, не мы По-
«ляки , но вы Русскіе признали своего же Рус-
«скаго бродягу Димитріемъ, встрѣтили съ хлѣ-
«бомъ и солью на границѣ, привели въ сто-
«лицу, короновали и убили; вы начали, вы
«и кончили. Для чего же вините другихъ? Не
«лучше ли молчать и каяться въ грѣхахъ, за
«которые Богъ наказалъ васъ такимъ ослѣпле-
«ніемъ? Не говоримъ о клятвопреступленіи и
«цареубійствѣ; не осуждаемъ вашего дѣла, и не
«имѣемъ причины жалѣть о семъ человѣкѣ, ко-
«торый въ вашихъ глазахъ оскорблялъ насъ,
«величался, безумно требовалъ неслыханныхъ
«титоловъ и едва ли могъ быть надежнымъ дру-
«гомъ нашего отечества; но дивимся , что вы,
«Бояре, какъ люди извѣстно умные, позволяете
«себѣ суетловить, желая оправдать душегубство:
«безчеловѣчное избіеніе нашихъ братьевъ.
«Они не воевали съ вами, не помогали вашему
«Лжедимитрію, не хранили его : ибо онъ ввѣ-
«рилъ жизнь свою не имъ , а вамъ единственно!

«Слагаете вину на чернь: повѣримъ тому, если можно; повѣримъ, если вы невре-
«димо отпустите съ нами Воеводу Сендо-
«мирскаго, дочь его и всѣхъ Ляховъ къ
«Королю, дабы мы своимъ миролюбивымъ
«ходатайствомъ обезоружили месть гото-
«вую. Но доколѣ, вопреки Народному Пра-
«ву, уважаемому и варварами, будете дер-
«жать насъ, какъ бы плѣнниковъ, дотолѣ
«въ глазахъ Короля, Республики и всей
«Европы не чернь Московская, а вы съ
«вашимъ новымъ Царемъ останетесь ви-
«новниками сего кровопролитія, и не въ
«безопасности. Разсудите!»

Бояре слушали съ великимъ вниманіемъ и долго сидѣли въ молчаніи, смотря другъ на друга; наконецъ отвѣтствовали Папамъ: «Вы были Послами у Самозванца, а теперь «уже не Послы: слѣдственно не должно «говорить вамъ такъ вольно и смѣло» ⁽³⁶⁾; но разстались съ ними ласково; видѣлись снова, и сказали имъ, что Василій мило- стиво приказалъ освободить всѣхъ нечи- новныхъ Ляховъ и вывезти за границу; но что Послы, Воевода Сендомпрскій и другіе знатные Паны должны ждать въ Россіи рѣшенія судьбы своей отъ Сигиз- мунда, къ коему ѣдетъ Царскій чиновникъ для важныхъ объясненій и переговоровъ.

Дворянинъ Князь Григорій Волконскій не-
медленно былъ посланъ въ Краковъ. Олес-
Посоль-
ство къ
Сигиз-

мунду
43 Ю-
ня.

ницкѣи и Госѣвскѣи остались въ Москвѣ подѣ стражею ; Мнишка съ дочерью вывезли въ Ярославль , Вишневецкаго въ Кострому , товарищей ихъ въ Ростовъ и Тверь ⁽³⁷⁾. Они имѣли дозволеніе писать къ Королю , и писали миролюбиво , желая какъ можно скорѣе избавиться отъ неволи , чтобы говорить и дѣйствовать иначе .

Ужѣ слухъ о гибели Самозванца и многихъ Ляховъ въ Москвѣ встревожилъ всю Польшу : въ городахъ и въ мѣстечкахъ Литовскихъ останавливали Князя Волконскаго и Дьяка его , безчестили , ругали , называли убійцами , злодѣями ⁽³⁸⁾ ; метали въ ихъ людей камнями и грязью ; а Королевскіе чиновники отвѣчали имъ на жалобы , что никакая власть не можетъ унять народнаго негодованія . Бывъ четыре мѣсяца въ дорогѣ , Волконскій пріѣхалъ въ Краковъ , гдѣ Сигизмундъ встрѣтилъ его съ лицомъ угрюмымъ , не звалъ къ обѣду , не удостоилъ ни одного ласковаго слова , и скрывъ печаль свою о судьбѣ Ажедими-трія , отъ коего Польша ждала столько выгодъ , слушалъ холодно извѣщеніе о новомъ Самодержцѣ въ Россіи . Въ переговорахъ съ Коронными Панами , Волконскій доказывалъ тоже , что наши Бояре доказывали въ Москвѣ Посламъ Сигизмундовымъ ; а Паны отвѣтствовали ему тоже , что Послы Боярамъ . Мы говорили Ля-

хамъ : «Вы дали намъ Лжедимитрія!» Ляхи возражали : «Вы взяли его съ благодарно-
«стію!» Но съ обѣихъ сторонъ умѣряли
колкость выраженій, оставляя слово на
миръ. Волконскій требовалъ удовле-
творенія за бѣдствіе, претерпѣнное Россіею отъ
Самозванца : за гибель многихъ людей и
разхищеніе нашей казны ; Король же тре-
бовалъ освобожденія своихъ Пословъ и
платежа за товары, взятые Лжедимитріемъ
у купцевъ Литовскихъ и Галицкихъ , или
разграбленные чернію Московскою въ день
мятежа. Не могли согласиться, однакожь
не грозили войною другъ другу. «Шве-
«ція» — сказалъ Волконскій — «уступаетъ
«Царю знатную часть Ливоніи, желая его
«вспоможенія ; но онъ не хочетъ нарушить
«прежняго мирнаго договора.» Паны увѣ-
ряли , что они также не нарушатъ сего
договора , если мы будемъ соблюдать его.
Ничего не рѣшили и ни въ чемъ не усло-
вились. Сигизмундъ не взялъ даровъ отъ
Волконскаго, и хотѣлъ писать съ нимъ къ
Василію ; но Волконскій отвѣчалъ : «я не
«гонецъ.» Король велѣлъ ему ѣхать къ
Царю съ поклономъ , сказавъ , что при-
шлетъ въ Москву собственнаго чиновника ;
но медлилъ , уже зная о новыхъ мятежахъ
Россіи и готовясь воспользоваться ими,
какъ сосѣдъ дѣятельный въ ненависти къ
сея величію.

Сноше-
нія съ
Евро-
пою и
съ
Азією.

Еще Василій имѣлъ время возобновить дружественныя сношенія съ Императоромъ, съ Королями Англійскимъ и Датскимъ⁽³⁹⁾. Гонецъ Рудольфовъ и Посланникъ Шведскій находились въ Москвѣ. Непримиримый врагъ врага нашего, Сигизмунда, Карлъ IX ревностно искалъ союза Россіи, и Василій дѣйствительно не спѣшилъ заключить его, въ надеждѣ обойтись безъ войны съ Сигизмундомъ. Ханъ Казы-Гирей увѣрялъ Царя въ братствѣ, Ногайскій Князь Иштерекъ въ повиновеніи⁽⁴⁰⁾. Воевода Князь Ромодановскій отправился къ Шаху Аббасу для важныхъ переговоровъ о Турціи и Христіанскихъ земляхъ Востока. Еще Дворъ Московскій занимался дѣлами Европы и Азіи, политикою Австріи и Персіи; но скоро опасности ближайшія, внутреннія, многочисленныя и грозныя скрыли отъ насъ внѣшность, и Россія, терзая свои иѣдра, забыла Европу и Азію! . . . Сія новыя бѣдствія начались такимъ образомъ:

Мятежи
въ Мо-
сквѣ.

Въ первые дни Іюня, ночью, тайные злодѣи, всегда готовые подвижники въ бурныя времена гражданскихъ обществъ — желая ли только беззаконной корысти, или чего важнѣйшаго, бунта, убійствъ, испроверженія верховной власти — написали мѣломъ на воротахъ у богатѣйшихъ иностранцевъ и у нѣкоторыхъ Бояръ и Дво-

рянъ, что Царь предастъ ихъ дома расхищенію за измѣну ⁽⁴¹⁾. Утромъ скопилось тамъ множество людей, и грабители приступили къ дѣлу; но воинскія дружины успѣли разогнать ихъ безъ кровопролитія.

Черезъ нѣсколько дней новое смятеніе. Увѣрили народъ, что Царь желаетъ говорить съ нимъ на лобномъ мѣстѣ. Вся Москва пришла въ движеніе, и Красная Площадь наполнилась любопытными, отчасти и зломысленными, которые лукавыми внушеніями подстрекали чернь къ мятежу. Царь шелъ въ церковь; услышалъ необыкновенный шумъ въ Кремль, свѣдалъ о созваніи народа и велѣлъ немедленно узнать виновниковъ такого беззаконія; остановился и ждалъ донесенія, не трогаясь съ мѣста.

Бояре, Царедворцы, сановники окружали его: Василій безъ робости и гнѣва началъ укорять ихъ въ непостоянствѣ и въ легкомысліи, говоря: «Вижу вашъ умыселъ; но для чего лукавствовать, ежели я вамъ не угоденъ? Кого вы избрали, того можете и свергнуть. Будьте спокойны: противиться не буду» ⁽⁴²⁾. Слезы текли изъ глазъ сего несчастнаго властолюбца. Онъ кинулъ жезлъ Царскій, снялъ вѣнецъ съ головы и примолвилъ: «Ищите же другаго Царя!» — Всѣ молчали отъ изумленія. Шуйскій надѣлъ снова вѣнецъ, поднялъ жезлъ и сказалъ: «Если «я Царь, то мятежники да трепещутъ! Чего хотятъ они? смерти всѣхъ невинныхъ иноземцевъ, всѣхъ лучшихъ, знаменитѣйшихъ Рос-

«сіяпъ, и моей; по крайней мѣрѣ насилія и грабежа. Но вы знали меня, избирая въ Цари: «имѣю власть и волю казнить злодѣевъ.» Всѣ «единогласно отвѣтствовали: Ты нашъ Государь законный! Мы тебѣ присягали и не измѣнимъ! Гибель крамольникамъ!» — Объявили указъ гражданамъ мирно разойтись, и никто не ослушался; схватили пять человѣкъ въ толпахъ, какъ возмутителей народа, и высѣкли кнутомъ. Доискивались и тайныхъ, знатнѣйшихъ крамольниковъ; подозрѣвали Нагихъ: думали, что они волнуютъ Москву, желая свести Шуйскаго съ престола, собрать Великую Думу Земскую и вручить державу своему ближнему, Князю Мстиславскому. Изслѣдовали дѣло, честно и добросовѣстно; выслушали отвѣты, свидѣтельства, оправданія, и торжественно признали невинность скромнаго Мстиславскаго, не тронули и Нагихъ; сослали одного Боярина Петра Щереметева, Воеводу Исковскаго, также ихъ родственника, дѣйствительно уличеннаго въ козняхъ. Шуйскій въ семъ случаѣ оказалъ твердость и не нарушилъ данной имъ клятвы судить законно. Ему готовились искушенія важнѣйшія!

Столица утихла до времени; но знатная часть Государства уже пылала бунтомъ! . . . Тамъ, гдѣ явился первый Лжедимитрій, явился и второй, какъ бы въ посмѣяніе Россіи, снова требуя легковѣрія или безстыдства, и находя его въ ослабленіи или въ развратѣ людей, отъ черни до Вельможнаго сана.

Казалось, что Самозванецъ, всеѣми оставлен-
ный въ часть бѣдствія, не имѣлъ ни друзей, ни
приверженниковъ, кромѣ Басманова. Тѣ, коихъ
онъ любилъ съ довѣренностію, осыпалъ мило-
стями и наградами, громогласнѣе другихъ кляли
память его, желая неблагодарностію спасти се-
бя — и спаслися: сохранили всю добычу измѣ-
ны, санъ и богатство. Нѣкоторыя изъ нихъ
умѣли даже снискать довѣренность Василиеву:
такъ Князь Григорій Петровичъ Шаховскій, из-
вѣстный любимецъ Разстригинъ, былъ посланъ
Воеводою въ Путивль, на смѣну Князю Бахтѣя-
рову, честному, но, можетъ быть, не весьма
расторопному и смѣлому ⁽⁴³⁾. Правительство
знало важность сего назначенія: нигдѣ граж-
дане и чернь не оказывали столько усердія къ
Самозванцу и не могли столько бояться новаго
Царя, какъ въ землѣ Сѣверской, гдѣ оставалось
еще не мало бродягъ, бѣглыхъ разбойниковъ,
злodeевъ, сподвижниковъ Отрепьева ⁽⁴⁴⁾, и куда
многіе изъ нихъ, послѣ его гибели, спѣшили
возвратиться. Шаховскій безъ сомнѣнія гово-
рилъ Василию тоже, что Басмановъ несчастному
Оеодору ⁽⁴⁵⁾, — и сдѣлалъ тоже. Рожденный въ
свое время, въ вѣкъ мятежей и беззаконій, со
всеѣми качествами, нужными для первенства въ
оныхъ, Шаховскій пылалъ ненавистію къ ви-
новникамъ Лжедмитріевой гибели; зналъ распо-
ложеніе народа Сѣверскаго и неудовольствіе мно-
гихъ Россіянь, которые имѣли право участвовать
и не участвовали въ избраніи Вѣнценосца; зналъ

Бунтъ
Шахов-
скаго.

воленіе умовъ и въ Москвѣ и въ цѣломъ Государствѣ, смятенномъ бунтами и еще не совсѣмъ успокоенномъ властію закона; считалъ Державство Васпія нетвердымъ, обстоятельства благопріятными, и, прельщаясь блескомъ великой отваги, рѣшился на злодѣйство, удивительное и для сего времени: созвалъ гражданъ въ Путивлѣ, и сказалъ имъ торжественно, что Московскіе измѣнники, вмѣсто Димитрія, умертвили какого-то Нѣмца; что Димитрій, истинный сынъ Іоанновъ, живъ, но скрывается до времени, ожидая помощи своихъ друзей Сѣверскихъ; что злобный Василій готовитъ жителямъ Путивля и всей Украйны, за оказанное ими усердіе къ Димитрію, жребій Новгородцевъ, истерзанныхъ Іоанномъ Грознымъ ⁽⁴⁶⁾; что не только за истиннаго Царя, но и для собственнаго спасенія они должны возстать на Шуйскаго. Народъ не усомнился, и возсталъ. Казалось, что всѣ города южной Россіи ждали только примѣра: Моравскъ, Черниговъ, Стародубъ, Новгородъ-Сѣверскій немедленно, а скоро и Бѣлгородъ, Борисовъ, Осколь, Трубчевскъ, Кромь, Ливны, Елецъ, отложились отъ Москвы. Граждане, Стрѣльцы, Козаки, люди Боярскіе, крестьяне толпами стекались подъ знамя бунта, выставленное Шаховскимъ и другимъ, еще знатнѣйшимъ сановникомъ,

Черниговскимъ Воеводою , мужемъ Думнымъ , нѣкогда вѣрнымъ закону : Княземъ Андреемъ Телятевскимъ . Сей человѣкъ удивительный , не хотѣвъ вмѣстѣ съ цѣлымъ войскомъ предаться живому , торжествующему Самозванцу , съ шайками крамольниковъ предался его тѣни , имени безъ существа , ослѣпленный заблужденіемъ или неприязнію къ Шуйскимъ : такъ люди , кромѣ истинно великодушныхъ , измѣняются въ государственныхъ смятеніяхъ ! Еще не видали никакого Димитрія , ни лица , ни меча его , и все пылало къ нему усердіемъ , какъ въ Борисово и Θεодорово время ! Сіе роковое имя съ чудною легкостію побѣждало власть законную , уже не обольщая милосердіемъ , какъ прежде ⁽⁴⁷⁾ , но устрашая муками и смертію . Кто не вѣрилъ грубому , безстыдному обману , — кто не хотѣлъ измѣнить Василию и дерзалъ противиться мятежу : тѣхъ убивали , вѣшали , кидали съ башенъ , распинали ! Такъ , еще ко славѣ отечества , погибли Воеводы , Бояринъ Князь Буйновъ въ Бѣлѣгородѣ , Бутурлинъ въ Осколѣ , Плещеевъ въ Ливнахъ , двое Воейковыхъ , Пушкинъ , Князь Щербатый , Бартеневъ , Мальцовъ ; другихъ ввергали въ темницы . Злодѣйствомъ доказывалась любовь къ Царю ; вѣрность называли измѣною , богатство преступленіемъ : холопи грабили имѣніе господъ своихъ , безчестили ихъ женъ , женились на дочеряхъ Боярскихъ . Плавая въ крови , утопая въ мерзостяхъ насилія , терпѣливо ждали Димитрія , и едва

спрашивали : гдѣ онъ? Увѣряя въ необходимости молчанія до нѣкотораго времени, Шаховскій давалъ однакожь разумѣть, что солнце взойдетъ для Россіи — изъ Сеномира!

Могъ ли одинъ человѣкъ предпріять и совершить такое дѣло, равно ужасное и нелѣпное, безъ условія съ другими, безъ приговора и заговора? Шаховскій имѣлъ клеветовъ въ Москвѣ, гдѣ скоро по убіеніи Лжедмитрія распустили слухъ, что онъ живъ, за нѣсколько часовъ до мятежа, ночью, ускакавъ верхомъ съ двумя царедворцами, неизвѣстно куда. Въ то же время видѣли на берегу Оки, близъ Серпухова, трехъ необыкновенныхъ, таинственныхъ путешественниковъ : одинъ изъ нихъ далъ перевозчику семь золотыхъ и сказалъ : «Знаешь ли насъ? Ты перевезъ Государя Дмитрія Іоанновича, который спасается отъ «Московскихъ измѣнниковъ, чтобы возвратиться съ сильнымъ ополченіемъ, казнить «нихъ, а тебя сдѣлать великимъ человѣкомъ» (48). Вотъ онъ!» примолвилъ незнакомецъ, указавъ на младшаго изъ спутниковъ, и немедленно удалился вмѣстѣ съ ними. Многіе другіе видѣли ихъ и далѣе, за Тулою, около Путивля, и слышали тоже. Сія путешественники, или бѣглецы, выѣ-

Второй Лжедмитрій. хали изъ предѣловъ Россіи въ Литву, — и вдругъ вся Польша заговорила о Дмитріи,

который будто бы ушелъ изъ Москвы въ одеждѣ Инока, скрывается въ Сендомирѣ и ждетъ счастливой для него переменъ обстоятельствъ въ Россіи. Посолъ Василювъ, Князь Волконскій, будучи въ Краковѣ, свѣдалъ, что жена Мнишка своимъ зятемъ Димитріемъ; что онъ живетъ то въ Сендомирѣ, то въ Самборѣ, въ ея домѣ и въ монастырѣ, удаляясь отъ людей; что мнимая теща купила для него богатые одежды и приняла 200 слугъ и тѣлохранителей; что съ нимъ только одинъ Москвитянинъ, Дворянинъ Заболоцкій, но что многіе знатные Россіане, и въ числѣ ихъ Князь Василій Мосальскій, ему тайно благопріятствуютъ ⁽⁴⁹⁾. Новый Самозванецъ ни мало не сходствовалъ наружностію съ первымъ: былъ выше его, лицомъ не бѣлъ, а смуглъ; имѣлъ волосы кудрявые, черные (вмѣсто рыжеватыхъ); глаза большіе, брови густыя, навислыя, носъ покляпый, бородавку среди щеки, усъ и бороду стриженную; но такъ же, какъ Отрепьевъ, говорилъ твердо языкомъ Польскимъ и разумѣлъ Латинскій. Волконскій удостовѣрился, что сей обманщикъ былъ Дворянинъ Михайло Молчановъ, гнусный убійца юнаго Царя Θεодора ⁽⁵⁰⁾, и мнимый черноокнижникъ, сѣченый за то кнутомъ въ Борисово время: онъ скрылся въ началѣ Василюва царствованія. Дѣйствуя по условію съ Шаховскимъ, Молчановъ успѣлъ въ главномъ дѣлѣ: ославилъ воскресеніе Разстриги, чтобы питать

мятежъ въ землѣ Сѣверской; но не спѣшилъ явиться тамъ, гдѣ его знали, и готовился передать имя Димитрія иному, менѣе извѣстному или дерзновеннѣйшему злодѣю.

Уже самый первый слухъ о бѣгствѣ Разстриги встревожилъ Московскую чернь, которая, три дни терзавъ мертваго Лжецаря, не знала, вѣрить ли или не вѣрить его спасенію: ибо думала, что онъ, какъ извѣстный чародѣй, могъ ожить силою адскою, или въ часъ опасности сдѣлаться невидимымъ и подставить другаго на свое мѣсто; нѣкоторые даже говорили, что челоуѣкъ, убитый вмѣсто Лжедимитрія, походилъ на одного молодаго Дворянина, его любимца, который съ сего времени пропалъ безъ вѣсти ⁽⁵¹⁾. Дѣйствовала и любовь къ чудесному и любовь къ мятежамъ: «чернь Московская» (пишутъ свидѣтели очевидные) «была готова мѣнять Царей еженедѣльно, въ надеждѣ доискаться лучшаго или своевольствовать въ безначаліи» — и люди, обагренные, можетъ быть, кровію Самозванца, вдругъ начали жалѣть объ его дняхъ веселыхъ, сравнивая ихъ съ унылымъ царствованіемъ Василія! Но легковѣріе многихъ и зломысліе нѣкоторыхъ не могли еще произвести общаго движенія въ пользу Разстриги тамъ, гдѣ онъ воскресъ бы къ ужасу своихъ измѣнниковъ и душегубцевъ, — гдѣ всѣ, отъ Вельможъ до мѣщанъ, хвалились его убіеніемъ. Клевреты Шаховскаго въ столицѣ желали единственно волненія, безпокойства народ-

наго, и вмѣстѣ съ слухами распространяли письма отъ имени Лжедмитрія, кидали ихъ на улицахъ, прибивали къ стѣнамъ ⁽⁵²⁾: въ сихъ грамотахъ упрекали Россіянь неблагодарностію къ милостямъ великодушнѣйшаго изъ Царей, и сказывали, что Дмитрій будетъ въ Москвѣ къ Новому году. Государь велѣлъ искать виновниковъ такого возмущенія; призывали всѣхъ Дьяковъ, сличали ихъ руки съ подметными письмами, и не открыли сочинителей ⁽⁵³⁾.

Еще Правительство не уважало сихъ козней, изъясняя оныя безсильною злобою тайныхъ, малочисленныхъ друзей Разстригиныхъ; но свѣдавъ въ одно время о бунтѣ южной Россіи и Сендомирскомъ Самозванцѣ, увидѣло опасность и спѣшило дѣйствовать — сперва убѣжденіемъ. Василій послалъ Крутицкаго Митрополита Пафнутія въ Сѣверскую землю ⁽⁵⁴⁾, образумить ея жителей словомъ истины и милосердія, закона и совѣсти: Митрополита не приняли и не слушали. Царица-Инокія Марѳа, исполненная ревности загладить вину свою, писала къ жителямъ всѣхъ городовъ Украинскихъ, свидѣтельствуя предъ Богомъ и Россією, что она собственными глазами видѣла убіеніе Дмитрія въ Угличѣ и Самозванца въ Москвѣ ⁽⁵⁵⁾; что одни Ляхи и злодѣи утверждаютъ противное; что Царь великодушный далъ ей слово *покрыть милосердіемъ* вину заблужденія; что не только возмущенные, но даже и возмутители могутъ жить безопасно и мирно въ домахъ своихъ,

если изъяснять раскаяніе ; что она шлетъ къ нимъ брата , Боярина Григорія Нагаго , и святой образъ Димитріевъ , да услышатъ истину , да зрятъ Ангельское лице ея сына , который былъ рожденъ любить , а не терзать отечество смутами и злодѣйствами . Ни грамоты , ни Посольства не имѣли успѣха . Бунтъ кипѣлъ ; остервененіе возрастало . Дѣйствуя неусыпно , Шаховскій звалъ всю Россію соединиться съ Украиною ; писалъ указы именемъ Димитрія и прикладывалъ къ нимъ печать государственную , которую онъ похитилъ въ день Московскаго мятежа ⁽⁵⁶⁾ . Рать измѣнниковъ усиливалась и выступала въ поле , съ Воеводою достойнымъ такого начальства , холопомъ Князя Телятевскаго , Иваномъ Болотниковымъ . Сей человекъ , взятый въ плѣнъ Татарами , проданный въ неволю Туркамъ и выкупленный Нѣмцами въ Константинополь , жилъ нѣсколько времени въ Венеціи , захотѣлъ возвратиться въ отечество , услышалъ въ Польсѣ о мнимомъ Димитріи , предложилъ ему свои услуги и явился съ письмомъ отъ него къ Князю Шаховскому въ Путивль . Внутренно вѣря или не вѣря Самозванцу , Болотниковъ воспламенилъ другихъ любопытными объ немъ разсказами ; имѣя умъ смѣтливый , нѣкоторыя знанія воинскія и дерзость , сдѣлался главнымъ орудіемъ мятежа , къ которому при-

стали еще двое Князей Мосальскихъ и Михайло Долгорукій (57).

Видя необходимость кровопролитія, Василій велѣлъ полкамъ идти къ Ельцу и Кромамъ. Предводительствовали Бояринъ Воротынский, сынъ отца столь знаменитаго, и Князь Юрій Трубецкій, Стольникъ, удостоенный необыкновенной чести имѣть мужей Думныхъ подъ своими знаменами (58). Воротынский близъ Ельца разсѣялъ шайки мятежниковъ; но чиновникъ Царскій, везя къ нему золотыя медали въ награду его мужества, вмѣсто побѣдителей встрѣтилъ бѣглецовъ на пути. Гдѣ нѣкогда самъ Шуйскій съ сильнымъ войскомъ не умѣлъ одолѣть горсти измѣнниковъ, и гдѣ измѣна Басманова рѣшила судьбу отечества, тамъ, въ виду несчастныхъ Кромъ, Болотниковъ напалъ на 5000 Царскихъ всадниковъ: они, съ Княземъ Трубецкимъ, дали тылъ; за ними и Воротынский ушелъ отъ Ельца; винили, обгоняли другъ друга въ срамномъ бѣгствѣ, и какъ бы еще имѣя стыдъ, не хотѣли явиться въ столицѣ: разбѣхались по домамъ, сложивъ съ себя обязанность чести и защитниковъ Царства (59).

Успѣхъ
мятеж-
никовъ.

Побѣдитель Болотниковъ ругался надъ измѣнниками: называлъ ихъ кровопійцами, злодѣями, бунтовщиками, а Царя Василя Шубникомъ (60); велѣлъ однихъ утопить,

Проко-
пій Ля-
пуновъ.

другихъ вести въ Путивль для казни; нѣ-
которыхъ сѣчь плетми и едва живыхъ
отпустить въ Москву; шелъ впередъ и воз-
становлялъ Державу Самозванца. Орелъ,
Мценскъ, Тула, Калуга, Веневъ, Кашира,
вся земля Рязанская пристаии къ бунту,
вооружились, избрали начальниковъ: Сына
Боярскаго Истому Пашкова, Веневскаго
Сотника ⁽⁶¹⁾; Григорія Сунбулова, быв-
шаго Воеводою въ Рязани, и тамошняго
Дворянина Прокопія Ляпунова, дотолѣ
неизвѣстнаго, отселѣ знаменитаго, создан-
наго быть вождемъ и повелителемъ людей
въ безначаліи, въ мятежахъ и буряхъ, —
одареннаго красотою и крѣпостію тѣлес-
ною, силою ума и духа, смѣлостію и муже-
ствомъ ⁽⁶²⁾. Сіе новое войско отличалось
ревностію чистѣйшею, составленное изъ
гражданъ, владѣльцевъ, людей домови-
тыхъ. Бывъ первыми, усерднѣйшими кле-
ветами Басманова ⁽⁶³⁾ въ измѣнѣ Оеодору,
они хотя и присягнули Василию, но осуж-
дали дѣло Москвитянъ, убіеніе Разстриги,
и думали, что присяга Шуйскому сама со-
бою уничтожается, когда живъ Димитрій,
старѣйшій и слѣдственно одинъ Вѣнцено-
сецъ законный. Но ревность ихъ также
вела къ злодѣйствамъ: лилась кровь вой-
новъ и гражданъ, вѣрныхъ чести и Васи-
лію. Рязанскій Намѣстникъ, Бояринъ Князь
Черкасскій, Воеводы Князь Тростенскій,

Вердеревскій, Князь Каркадиновъ, Измайловъ ⁽⁶⁴⁾, были скованные отиравлены Ляпуновымъ въ Путивль на судъ или смерть. Разбойники Сѣверскіе жгли, опустошали селенія; грабя, не щадили и святыни церквей; срамили челоѡчество гнуснѣйшими дѣлами ⁽⁶⁵⁾. Ужасъ распространялъ измѣну, какъ буря пламень, съ неимовѣрною быстротою, отъ предѣловъ Тулы и Калуги къ Смоленску и Твери: Дорогобужъ, Вязьма, Ржевъ, Зубцовъ, Старица предались тѣни Лжедимитрія, чтобы спастися отъ ярости мятежниковъ; но Тверь, издревле славная въ нашихъ лѣтописяхъ вѣрностію, не измѣнила: достойный ея Святитель Оеоктистъ, великодушно негодуя на слабость Воеводъ, явился бодрымъ Стратигомъ: ополчилъ Духовенство, людей приказныхъ, собственныхъ Дѣтей Боярскихъ, гражданъ, разбилъ многочисленную шайку злодѣевъ ⁽⁶⁶⁾ и послалъ къ Государю нѣсколько сотъ плѣнныхъ.

Встревоженный бѣгствомъ Воеводъ отъ Ельца и Кромъ, бѣгствомъ чиновниковъ и рядовыхъ отъ Воеводъ и знаменъ, — наконецъ силою, успѣхами бунта, Василій еще не смутился духомъ, имѣя данное ему отъ природы мужество, если не для одолѣнія бѣдствій, то по крайней мѣрѣ для великодушной гибели. Лѣтописецъ говоритъ, что Царь безъ искусныхъ Стратиговъ и безъ казны есть орелъ безкрылый, и что таковъ былъ жребій Шуйскаго ⁽⁶⁷⁾. Борисъ оставилъ преемнику казну и только одного слав-

наго храбостію Воеводу, Басманова-пзмѣнника : Лжедимитрій-расточитель не оставилъ ничего, кромѣ пзмѣнниковъ; но Василій дѣлалъ, что могъ. Объявивъ всенародно о происхожденіи мятежа — о нелѣпой басыѣ Разстригина спасенія, о сомнѣнцѣ воровъ и негодяевъ, коимъ имя Димитрія служить единственно предлогомъ для злодѣйства ⁽⁶³⁾, въ самыхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ жители, ими обманутые, встрѣчаютъ ихъ какъ друзей, — Царь выслалъ въ поле новое сильнѣйшее войско, и какъ бы спокойный сердцемъ, какъ бы въ мирное, безмятежное время, удумалъ загладить несправедливость современниковъ въ глазахъ потомства : снять опалу съ памяти Вѣнецносца, хотя и ненавистнаго за многія дѣла злыя, но достойнаго хвалы за многія государственныя благотворенія : велѣлъ, пышно и великолѣпно, перенести тѣло Бориса, Маріи, юнаго Феодора, изъ бѣдной обители Св. Варсонофія въ знаменитую Лавру Сергіеву. Торжественно огласивъ убіеніе и святость Димитрія, Шуйскій не смѣлъ приблизить къ его мощамъ гробъ убійцы и снова поставить между Царскими памятниками ; но хотѣлъ симъ дѣйствіемъ уважить законнаго Монарха въ Годуновѣ, будучи также Монархомъ избраннымъ ; хотѣлъ возбудить жалость, если не къ Борису виновному, то къ Маріи и къ Феодору не-

Пренесеніе
тѣла
Борисова.

виннымъ, чтобы произвести живѣйшее омерзѣніе къ ихъ гнуснымъ умертвителямъ, сообщникамъ Шаховскаго ⁽⁶⁹⁾, жаднымъ къ новому царевубійству. Въ присутствіи безчисленнаго множества людей, всего Духовенства, Двора и Синклита, открыли могилы: двадцать Иноковъ взяли раку Борисову на плеча свои (ибо сей Царь скончался Инокомъ); Оеодорову и Маріинну несли знатные сановники, провождаемые Святителями и Боярами. Позади ѣхала, въ закрытыхъ саняхъ ⁽⁷⁰⁾, несчастная Ксенія, и громко вопила о гибели своего Дома, жалуясь Богу и Россіи на изверга Самозванца. Зрители плакали, воспоминавшая счастливые дни ея семейства, счастливые и для Россіи въ первые два года Борисова царствованія. Многіе объ немъ тужили, встревоженные настоящимъ, и страшась будущаго ⁽⁷¹⁾. Въ Лаврѣ, въ церкви Успенія, съ благоговѣніемъ погребли отца, мать и сына; оставили мѣсто и для дочери, которая жила еще 16 горестныхъ лѣтъ въ Дѣвичьемъ монастырѣ Владимірскомъ, не имѣя никакихъ утѣшеній, кромѣ небесныхъ ⁽⁷²⁾. Новымъ погребеніемъ возвращая санъ Царю, лишенному онаго въ могилѣ, думалъ ли Василій, что нѣкогда и собственныя его кости будутъ лежать въ неизвѣстности, въ презрѣніи, и что великодушная жалость, справедливость и Политика также возвратятъ имъ честь Царскую ⁽⁷³⁾?

Уже не только Политика мирила Василія съ Годуновымъ, но и злополучіе, разительное сход-

ство ихъ жребія. Обоимъ власть измѣняла; опоры того и другаго, видомъ крѣпкія, падали, рушились, какъ тѣнѣ и брѣніе. Рати Василіевы, подобно Борисовымъ, цѣпенѣли, казалось, предъ тѣнію Димитрія. Юноша, ближній Государевъ, Князь Михаилъ Скопинъ-Шуйскій, имѣлъ уснѣхъ въ битвѣ съ непріятельскими толпами на берегахъ Пахры ⁽⁷⁴⁾; но Воеводы главные, Князья Мстиславскій, Дмитрій Шуйскій, Воротынскій, Голицыны, Нагіе, имѣя съ собою всѣхъ Дворянъ Московскихъ, Стольниковъ, Стряпчихъ, Жильцовъ ⁽⁷⁵⁾, встрѣтились съ непріателемъ уже въ пятидесяти верстахъ отъ Москвы, въ селѣ Троицкомъ ⁽⁷⁶⁾, сразились и бѣжали, оставивъ въ его рукахъ множество знатныхъ плѣнниковъ.

Мятеж-
ники
подъ
Мо-
сковю.

Уже Болотниковъ, Пашковъ, Ляпуновъ, взявъ, опустошивъ Коломну, стояли (въ Октябрѣ мѣсяцѣ) подъ Москвою, въ селѣ Коломенскомъ; торжественно объявили Василія Царемъ сверженнымъ; писали къ Москвитянамъ, Духовенству, Синклиту и народу, что Димитрій снова на престолѣ и требуетъ ихъ новой присяги ⁽⁷⁷⁾; что война кончилась и Царство милосердія начинается. Между тѣмъ мятежники злодѣйствовали въ окрестностяхъ, звали къ себѣ бродягъ, холопей; приказывали имъ рѣзать Дворянъ и людей торговыхъ, брать ихъ женъ и до-

стояніе, обѣщая имъ *богатство* и *Воеводство* ⁽⁷⁸⁾; разсыпались по дорогамъ, не пускали занасовъ въ столицу, ими осажденную . . . Войско и самое Государство какъ бы исчезли для Москвы, преданной съ ея святынею и славою въ добычу неистовому бунту. Но въ сей ужасной крайности еще блеснулъ лучъ великодушія: оно спасло Царя и Царство, хотя на время!

Василій, велѣвъ написать къ мятежникамъ, что ждетъ ихъ раскаянія, и еще медлятъ истребить жалкій сонмъ безумцевъ, спокойно устроилъ защиту города, предмѣстій и слободъ ⁽⁷⁹⁾. Духовенство молилось; народъ постился три дни, и видя неустрашимость въ Государѣ, самъ казался неустрашимымъ. Воины, граждане по собственному движенію обязали другъ друга клятвою въ вѣрности, и никто изъ нихъ не бѣжалъ къ злодѣямъ ⁽⁸⁰⁾. Полководцы, Князья Скопинъ-Шуйскій, Андрей Голицынъ и Татевъ расположились станомъ у Серпуховскихъ воротъ, для наблюденія и для битвы въ случаѣ приступа. Высланные изъ Москвы отряды возстановили ея сообщеніе съ городами, ближними и дальними. Патріархъ, Святители писали всюду грамоты увѣщательныя: вѣрные одушевились ревностію, измѣнники устыдились. Тверь, Смоленскъ служили примѣромъ: ихъ Дворяне, Дѣти Боярскіе, люди торговые кинули семейства и спѣшили спасти Москву. Къ добрымъ Тверитянамъ присоединились жители Зубцова, Старицы, Ржева; къ добрымъ Смолянамъ граждане Вязьмы, До-

рогобужа, Серпейска, уже не преступники отъ малодушія, но снова достойные Россіяне ⁽⁸¹⁾; вездѣ били злодѣевъ; выгнали ихъ изъ Можайска, Волока, Обители Св. Іосифа; не давали имъ пощады: казнили плѣнныхъ.

Тогда же въ Коломенскомъ станѣ открылась важная измѣна. Болотниковъ, называя себя Воеводою Царскимъ, хотѣлъ быть главнымъ ⁽⁸²⁾; но Воеводы, избранные городами, не признавали сей власти, требовали Дмитрія отъ него, отъ Шаховскаго: не видали, и начинали хладѣть въ усердіи. Ляпуновъ первый удостовѣрился въ обманѣ, и стыдясь быть союзникомъ бродягъ, холопей, разбойниковъ безъ всякой государственной, благородной цѣли, первый явился въ столицѣ съ повинною (вѣроятно, въ слѣдствіе тайныхъ, предварительныхъ сношеній съ Царемъ); а за Ляпуновымъ и всѣ Рязанцы, Сунбуловъ и другіе. Василій простилъ ихъ и далъ Ляпунову санъ Думнаго Дворянина. Скоро и многіе иные сподвижники бунта, удостовѣренные въ милосердіи Государя, перебѣжали изъ Коломенскаго въ Москву, гдѣ уже не было ни страха, ни печали: все ожило и пылало ревностію ударить на остальныхъ мятежниковъ. Василій медлилъ; изъявляя челоуѣколюбіе и жалость къ несчастнымъ жертвамъ заблужденія ⁽⁸³⁾, говорилъ: «Они также Русскіе и Христіане: молюся о спасеніи ихъ душъ, да рас-
«каются, и кровь отечества да не ліется въ меж-
«доусобін!» Василій или дѣйствительно надѣялся

утушить бунтъ безъ дальнѣйшаго кровопролитія, торжественно предлагая милость самымъ главнымъ виновникамъ онаго, или для вѣрнѣйшей побѣды ждалъ Смолянъ и Тверитянъ: они соединились въ Можайскѣ съ Воеводою Царскимъ Колычевымъ и приближались къ столицѣ.

Еще мятежники упорствовали въ намѣреніи овладѣть Москвою; укрѣпили Коломенскій станъ валомъ и тыномъ, терпѣливо сносили напасть и холодъ глубокой осени; приступали къ Симону монастырю ⁽⁸⁴⁾ и къ Гонной или Рогожской слободѣ; были отражены, лишились многихъ людей, и все еще не унывали — по крайней мѣрѣ Болотниковъ: онъ не слушалъ обѣщаній Василія забыть его вину и дать ему знатный чинъ ⁽⁸⁵⁾, отвѣтствуя: «я клялся Димитрію умереть за «него, и сдержу слово: буду въ Москвѣ не измѣнникомъ, а побѣдителемъ;» уже видѣлъ знамена Тверитянъ и Смолянъ на Дѣвичьемъ полѣ; видѣлъ движеніе въ войскѣ Московскомъ, и смѣло ждалъ битвы неравной. Василій, самъ опытный въ дѣлѣ бранномъ, еще не хотѣлъ и предъ стѣнами Кремлевскими ратоборствовать лично, какъ бы стыдясь врага подлаго; хотѣлъ быть только невидимымъ зрителемъ сей битвы: ввѣрилъ главное начальство усерднѣйшему или счастливѣйшему витязю: двадцатилѣтнему Князю Скопину-Шуйскому, который свелъ полки въ монастырь Даниловскомъ, и мыслилъ окружить непріятеля въ станѣ. Болотниковъ и Папи-

2 Дека- ковъ встрѣтили Воеводѣ Царскихъ: пер-
бри. вый сразился какъ левъ; второй, не обна-
живъ меча, передался къ нимъ со всѣми
Дворянами и съ знатною частію войска ⁽⁸⁶⁾.
У Болотникова остались Козаки, холопы,
Сѣверскіе бродяги; но онъ бился до совер-

Побѣда Скоп- на-Шуй- ского. шеннаго изнуренія силъ, и бѣжалъ съ не-
многими къ Серпухову: остальные разсѣя-
лись. Козаки еще держались въ укрѣплен-
номъ селеніи Заборьѣ, и наконецъ съ Ата-
маномъ Беззубцевымъ сдались, присяг-
нувъ Василію въ вѣрности. Кромѣ ихъ,
взяли на бою столь великое число плѣн-
ныхъ, что они не умѣстились въ темни-
цахъ Московскихъ, и были всѣ утоплены
въ рѣкѣ, какъ злодѣи ожесточенные; но
Козаковъ не тронули и приняли въ Цар-
скую службу ⁽⁸⁷⁾. Юношѣ — побѣдителю,
Князю Скопину, рожденному къ чести, утѣ-
шенію и горести отечества, дали санъ Боя-
рина, а Воеводѣ Колычеву — Боярина и
Дворецкаго ⁽⁸⁸⁾. Радовались и торжество-
вали; пѣли молебны съ колокольнымъ зво-
номъ ⁽⁸⁹⁾ и благодарили Небо за истребле-
ніе мятежниковъ, но прежде времени.

Болотниковъ думалъ остановиться въ
Серпуховѣ: жители не впустили его ⁽⁹⁰⁾.
Онъ засѣлъ въ Калугѣ; въ нѣсколько дней
укрѣпилъ ее глубокими рвами и валомъ;
собралъ тысячь десять бѣглецовъ, изгото-
вился къ осадѣ, и писалъ къ Сѣверской

Думѣ измѣнниковъ, что ему нужно вспоможеніе и еще нужнѣе Димитрій, истинный или мнимый; что имя безъ человѣка уже не дѣйствуетъ, и что всѣ ихъ клеветы готовы слѣдовать примѣру Ляпунова, Сунбулова и Пашкова, если явленіе вождельннаго Царя-изгнанника, столь долго славимаго и невидимаго, не дастъ имъ новаго усердія и новыхъ сподвижниковъ ⁽⁹¹⁾. Но кого было представить? Сендомирскаго ли Самозванца, Молчанова, извѣстнаго въ Россіи и ни мало не сходнаго съ Лжедмитріемъ, еще извѣстнѣйшимъ? Сей бѣглець могъ дѣйствовать на легковѣрныхъ только издали, слухомъ, а не присутвіемъ, которое изобличило бы его въ обманѣ. Пишутъ, что злодѣи Россійскіе хотѣли назвать Димитріемъ янаго чело-вѣка, какого-то благороднаго Ляха, но что онъ — взявъ, вѣроятно, деньги за такую отвагу — раздумалъ искать гибельнаго величія въ буряхъ мятежа, мирно остался въ Польшѣ жить нескуднымъ Дворяниномъ, и прервалъ наконецъ связь съ Шаховскимъ ⁽⁹²⁾, коему случай далъ между тѣмъ другое орудіе.

Мы упоминали о бродягѣ Илейкѣ, Лжепетрѣ, мнимомъ сынѣ Царя Θεодора ⁽⁹³⁾. Лже-
петръ. На пути къ Москвѣ узнавъ о гибели Разстриги, онъ съ Терскими Козаками бѣжалъ назадъ, мимо Казани, гдѣ Бояре Морозовъ

и Бѣльскій хотѣли схватить его : Козаки обманули ихъ ; прислали сказать , что выдадутъ имъ самозванца , и ночью уплыли внизъ по Волгѣ ; грабили людей торговыхъ и служивыхъ ; злодѣйствовали , жгли селенія на берегахъ , до Царицына , гдѣ убили Князя Ромодановскаго , ѣхавшаго Посломъ въ Персію , и Воеводу Акинѣева ⁽⁹⁴⁾ ; остановились зимовать на Дону и разславили въ Украинѣ о своемъ Лжецаревичѣ . Обманъ способствовалъ обману : Шаховскій призналъ Илейку сыномъ Феодоровымъ , звалъ къ себѣ вмѣстѣ съ шайкою Терскихъ мятежниковъ , встрѣтилъ въ Путивлѣ съ честію , какъ племянника и намѣстника Димитріева въ его отсутствіе , и даже не усомнился обѣщать ему Царство , если Димитрій , ими ожидаемый , не явится ⁽⁹⁵⁾ . Сей союзъ злодѣйства праздновали новымъ душегубствомъ , въ доказательство державной власти разбойника Илейки . Онъ велѣлъ умертвить всѣхъ знатныхъ плѣнниковъ , которые еще сидѣли въ темницахъ : вѣрныхъ Воеводъ Рязанскихъ ⁽⁹⁶⁾ , Думнаго мужа Сабурова , Князя Пріимкова-Ростовскаго , начальниковъ города Борисова , и Воеводу Путивльскаго , Князя Бахтѣярова , взявъ себѣ его дочь въ наложницы . Искали и союзниковъ внѣшнихъ , тамъ , гдѣ вредъ Россіи всегда считался выгодною , и гдѣ старая ненависть къ намъ усилилась желаніемъ мести за стыдъ неудачнаго дружества съ бродягою : новый Самозванецъ Петръ также обратился къ Сигизмунду , и Вельможные Пань не

устыдились сказать Князю Волконскому, который еще находился тогда въ Краковѣ, что они «ждутъ Пословъ отъ Государя Сѣверскаго, сына Θεодорова, который вмѣстѣ съ Димитріемъ, укрывающимся въ Галиціи, намѣренъ свергнуть Василия съ престола; что если Царь возвратитъ свою боду Мнишку и всѣмъ знатымъ Ляхамъ, Московскимъ плѣнникамъ, то не будетъ ни Лжедимитрія, ни Лжепетра; а въ противномъ случаѣ оба сдѣлаются истинными и найдутъ сподвижниковъ въ Республикѣ» ⁽⁹⁷⁾! Но Ляхи только грозили Василию; манили, вѣроятно, мятежниковъ обѣщаніями, и не спѣшили дѣйствовать; Шаховскій, Телятевскій, Долгорукій, Мосальскіе, съ новымъ Атаманомъ Илейкою не имѣли времени ждать ихъ; призывали къ себѣ Запорожцевъ; ополчили всѣхъ, кого могли, въ землѣ Сѣверской, и выступили въ поле, чтобы спасти Болотникова.

Умѣлъ ли Василій воспользоваться своею побѣдою, давъ мятежникамъ соединиться и вновь усилиться въ Калугѣ? Онъ послалъ къ ней войско, но уже чрезъ нѣсколько дней, и малочисленное, смятое первою смѣлою вылазкою; послалъ и другое, сильнѣйшее съ Бояриномъ Иваномъ Шуйскимъ, который, одержавъ верхъ въ кровопролитномъ дѣлѣ съ Болотниковымъ при устьѣ рѣки ^{Осада Калуги.} Угры ⁽⁹⁸⁾, осадилъ Калугу (30 Декабря), но

безъ надежды взять ее скоро. Худыя вѣсти, одна за другою, встревожили Москву. Въ Калужской и Тульской области новыя шайки злодѣевъ скопились и заняли Тулу ⁽⁹⁹⁾. Бунтъ вспыхнулъ въ Уѣздѣ Арзамасскомъ и въ Алатырскомъ ⁽¹⁰⁰⁾: Мордва, холопи, крестьяне грабили, рѣзали Царскихъ чиновниковъ и Дворянъ, утопили Алатырскаго Воеводу Сабурова, осадили Нижній Новгородъ именемъ Димитрія. Астрахань также измѣнила: ея знатный Воевода, Окольниковъ Князь Иванъ Хворостининъ, взялъ сторону Шаховскаго: вѣрныхъ умертвили: добраго, мужественнаго Дьяка Карпова и многихъ иныхъ ⁽¹⁰¹⁾. Самыхъ границъ Сибири коснулось возмущеніе, но не проникло въ оную: тамъ начальство-

Годуно-
вы въ
Сибирь.

вали усердные Годуновы, хотя и въ чест-
ной ссылкѣ ⁽¹⁰²⁾. Изъ Вятки, изъ Перми
силою гнали воиновъ въ Москву, а чернь
славилъ Димитрія ⁽¹⁰³⁾. Къ сему смятенію
присоединилось ужасное естественное бѣд-
ствіе: язва въ Новѣгородѣ, гдѣ умерло
множество людей, и въ числѣ ихъ Бояринъ
Катыревъ ⁽¹⁰⁴⁾. Между тѣмъ цѣлое войско
злодѣевъ разными путями шло отъ Пу-
тивля къ Тулѣ, Калугѣ и Рязани.

г. 1607.
Распо-
ряженія
Василіе-
вы.

Василій бодрствовалъ неусыпно, распо-
ряжалъ хладнокровно: послалъ рати и Вое-
водъ: знатнѣйшаго саномъ, Князя Мсти-
славскаго, и знаменитѣйшаго мужествомъ,

Скопина-Шуйскаго, къ Калугѣ; Воротынскаго къ Тулѣ (¹⁰⁵), Хилкова къ Веневу, Измайлова къ Козельску, Хованскаго къ Михайлову, Боярина Ѳедора Шереметева къ Астрахани, Пушкина къ Арзамасу; а самъ еще остался въ Москвѣ съ дружиною Царскою, чтобы хранить святыню отечества и Церкви, или явиться на полѣ битвы въ часъ рѣшительный. Василій думалъ предупредить соединеніе мятежниковъ, истребить ихъ отдѣльно, нападеніями разными, единомысленными, чтобы вдругъ и вездѣ утушить бунтъ. Дѣйствуя въ воинскихъ распоряженіяхъ какъ Стратигъ искусный, онъ хотѣлъ дѣйствовать и на сердца людей, оживить въ нихъ силу нравственную, успокоить совѣсть, возмущенную беззаконіями государственными, и снова скрѣпить союзъ Царя съ Царствомъ, нарушенный злодѣйствомъ.

Имѣвъ торжественное совѣщаніе съ Ермогеномъ, Духовенствомъ, Синклитомъ, людьми чиновными и торговыми, Василій опредѣлилъ звать въ Москву бывшаго Патриарха Іова для *великаго земскаго дѣла*. Ермогенъ писалъ къ Іову: «Преклоняемъ колѣна: удостой насъ видѣть благолѣпное лице твое и слышать гласъ твой сладкій: молимъ тебя именемъ отечества смятеннаго» (¹⁰⁶). Іовъ пріѣхалъ, и (20 Февраля) явился въ церкви Успенія, извѣ

3 Фе-
враля.

При-
званіе
Іова.

14 Фе-
враля.

окруженной и внутри наполненной несмѣтнымъ множествомъ людей. Онъ стоялъ у Патріаршаго мѣста въ видѣ простаго Инока, въ бѣдной ризѣ, но возвышаемый въ глазахъ зрителей памятію его знаменитости и страданій за истину, смиреніемъ и святостію : отшельникъ, вызванный почти изъ гроба примирить Россію съ закономъ и Небомъ. Все было изготовлено Царемъ для дѣйствія торжественнаго, въ коемъ Патріархъ Ермогенъ съ любовію уступалъ первенство Старцу, уже безчиновному. Въ глубокой тишинѣ общаго безмолвія и вниманія поднесли Іову бумагу и велѣли Патріаршему Діакону читать ее на амвонѣ. Въ сей бумагѣ народъ — и только одинъ народъ — молилъ Іова отпустить ему, именемъ Божиимъ, всѣ его грѣхи предъ Закономъ, строптивость, ослѣпленіе, вѣроломство, и клялся впредь не нарушать присяги, быть вѣрнымъ Государю ; требовалъ прощенія для живыхъ и мертвыхъ, дабы успокоить души клятвопреступниковъ и въ другомъ мірѣ ; винилъ себя во всѣхъ бѣдствіяхъ, ниспосланныхъ Богомъ на Россію, но не винился въ цареубійствахъ, приписывая убіеніе Θεодора и Маріи одному Разстригѣ ⁽¹⁰⁷⁾ ; наконецъ молилъ Іова, какъ святаго мужа, благословить Василія, Князей, Бояръ, Христолюбивое воиство и всѣхъ Христіанъ, да восторжествуетъ Царь надъ мятежниками и да насладится Россія счастіемъ тишины. Іовъ отвѣтствовалъ грамотою, заблаговременно, но дѣйствительно имъ сочиненною,

писанною извѣстнымъ его слогомъ, уми-
тельно и не безъ искусства. Тотъ же Діаконъ
читалъ ее народу. Изобразивъ въ ней величіе
Россіи, произведенное умомъ и счастіемъ ея
Монарховъ — хвала особенно государственнѣй-
шій Іоанна Грознаго ⁽¹⁰⁸⁾, Іовъ соболѣзновалъ
о гибельныхъ слѣдствіяхъ его преждевременной
кончины и Димитріева закланія, но умолчалъ о
виновникѣ онаго, нѣкогда любивъ и славивъ
Бориса; напомнилъ единодушное избраніе Го-
дунова въ Цари и народное къ нему усердіе;
дивился ослѣпленію Россіяны, прельщенныхъ
бродягою; говорилъ: «Я давалъ вамъ страшную
«на себя клятву въ удостовѣреніе, что онъ са-
«мозванецъ: вы не хотѣли мнѣ вѣрить — и сдѣ-
«лалось, чему нѣтъ примѣра ни въ Священной,
«ни въ свѣтской Исторіи.» Описавъ всѣ измѣ-
ны, бѣдствіе отечества и Церкви, свое изгнаніе,
гнусное царубійство, если не совершенное, то
по крайней мѣрѣ допущенное народомъ — воз-
давъ хвалу Василию, *Царю святому и правед-*
ному, за великодушное избавленіе Россіи отъ
стыда и гибели — Іовъ продолжалъ: «Вы знаете,
«убить ли Самозванецъ; знаете, что не осталось
«на землѣ и *скарднаго* тѣла его — а злодѣи
«дерзаютъ увѣрять Россію, что онъ живъ и есть
«истинный Димитрій! Велики грѣхи наши предъ
«Богомъ, *въ сіи времена послѣднія* ⁽¹⁰⁹⁾, когда
«вымыслы нечестивые, когда сволочь мерзостная,
«тати, разбойники, бѣглые холопы могутъ столь
«ужасно возмущать отечество!» Наконецъ, исчи-

сливъ всѣ клятвопреступленія Россіянъ, не исключая и данной Лжедимитрію присяги⁽¹¹⁰⁾, Іовъ именемъ Небеснаго милосердія, своимъ и всего Духовенства объявлялъ имъ разрѣшеніе и прощеніе, въ надеждѣ, что они уже не измѣнятъ снова Царю законному, и добродѣтелию вѣрности, плодомъ чистаго раскаянія, умилоостивятъ Всевышняго, да побѣдятъ враговъ и возвратятъ Государству миръ съ тишиною.

Дѣйствіе было неописанное. Народу казалось, что тяжкія узы клятвы снали съ него, и что самъ Всевышній устами Праведника изрекъ помилованіе Россіи. Плакали, радовались — и тѣмъ сильнѣе тронуты были вѣстію, что Іовъ, едва усиѣвъ доѣхать изъ Москвы до Старицы, преставился⁽¹¹¹⁾. Мысль, что онъ, уже стоя на прагѣ вѣчности, бесѣдовалъ съ Москвою, умиляла сердца. Забыли въ немъ слугу Борисова: видѣли единственно мужа святаго, который въ послѣднія минуты жизни и въ послѣднихъ моленіяхъ души своей ревностно занимался судьбою горестнаго отечества, умеръ, благословляя его и возвѣстивъ ему умилоостивленіе Неба!

Но происшествія не соотвѣтствовали благопріятнымъ ожиданіямъ. Воеводы, посланные Царемъ истребить скопища мятежниковъ, большею частію не имѣли успѣха. Мстиславскій, съ главнымъ войскомъ об-

ступивъ Калугу ⁽¹¹²⁾, стрѣлялъ изъ тяжелыхъ пушекъ, дѣлалъ приметь къ укрѣпленіямъ, издали велъ къ нимъ *деревянную* Храбрость
Болотникова. *гору* и хотѣлъ зажечь ее вмѣстѣ съ тыномъ острога : но Болотниковъ подкопомъ взорвалъ сію гору; не зналъ и не давалъ успокоенія осаждающимъ ; сражался день и ночь; не жалѣлъ людей, ни себя; обливался кровію въ битвахъ непрестанныхъ, и выходилъ изъ оныхъ побѣдителемъ, доказывая, что ожесточеніе злодѣйства можетъ иногда уподобляться геройству добродѣтели. Онъ боялся не смерти, а долговременной осады, предвидя необходимость сдаться отъ голода : ибо не успѣлъ занастися хлѣбомъ. Разбойники Калужскіе ѣли лошадей, не жаловались и не слабѣли въ сѣчахъ. Царь велѣлъ снова обѣщать милость ихъ Атаману, если покорится : отвѣтомъ его было : «жду милости единственно «отъ Димитрія!» Тщетно прибѣгали и къ средствамъ, менѣе законнымъ : Московскій лекаръ Фидлеръ вызвался отравить главнаго злодѣя, далъ на себя страшную клятву, и взявъ 100 флориновъ, обманулъ Василия : уѣхалъ въ Калугу служить за деньги Болотникову, изъ любви къ Разстригѣ. — Неудачная осада продолжалась четыре мѣсяца ⁽¹¹³⁾.

Другіе Воеводы, встрѣтивъ непріятеля въ полѣ, бѣжали ⁽¹¹⁴⁾ : Хованскій отъ Ми-

хайлова въ Переславль Рязанскій, Хилковъ отъ Венева въ Коширу, Воротынскій отъ Тулы въ Алексинъ, на голову разбитый предводителемъ измѣнниковъ, Княземъ Андреемъ Телятевскимъ, который успѣлъ прежде его занять и Тулу и Дѣдиловъ. Только Измайловъ и Пушкинъ честно сдѣлали свое дѣло: первый, разсѣявъ многочисленную шайку измѣнника, Князя Михайла Долгорукаго, осадилъ мятежниковъ въ Козельскѣ ⁽¹¹⁵⁾; второй спасъ Нижній Новгородъ, умирилъ бунтъ въ Арзамасѣ, въ Ардатовѣ, и еще прислѣлъ къ Хилкову въ Коширу, чтобы идти съ нимъ къ Серебрянымъ Прудамъ ⁽¹¹⁶⁾, гдѣ они истребили скопище злодѣевъ и взяли ихъ двухъ начальниковъ, Князя Ивана Мосальскаго и Литвина Сторовскаго; но близъ Дѣдилова были разбиты сильными дружинами Телятевскаго и въ безпорядкѣ отступили къ Коширѣ: Воевода Адауровъ положилъ голову на мѣстѣ сей несчастной битвы, и множество бѣглецовъ утонуло въ рѣкѣ Шатѣ ⁽¹¹⁷⁾. — Бояринъ Шереметевъ, коему надлежало усмирить Астрахань, не могъ взять города; укрѣпился на островѣ Болдинскомъ, и не взирая на зимній холодъ, нужду, смертоносную цынгу въ своемъ войскѣ, отражалъ всѣ приступы тамошнихъ бунтовщиковъ, которые въ изступленіи ярости мучили, убивали плѣнныхъ. Глава ихъ, Князь Хворостининъ, объявивъ самого Шереметева измѣнникомъ, грозилъ ему лютейшею казнію и звалъ Ногайскихъ Владѣтелей подъ знамена Димитрія ⁽¹¹⁸⁾. —

Но Царь уже не думалъ о томъ, что происходило въ отдаленной Астрахани, когда судьба его и Царства рѣшилась за 160 верстъ отъ столицы.

Ежедневно надѣясь побѣдить Болотникова если не мечемъ, то голодомъ — надѣясь, что Воротынской въ Алексинѣ и Хилковъ въ Коширѣ заслоняютъ осаду Калуги и блюдутъ безопасность Москвы — главный Воевода, Князь Мстиславскій, отрядилъ Бояръ, Ивана Никитича Романова, Михайла Нагаго и Князя Межецкаго противъ злодѣя, Василя Мосальскаго ⁽¹¹⁹⁾, который шелъ съ своими толпами Бѣлевскою дорогою къ Калугѣ. Они сразились съ непріателемъ на берегахъ Вырки ⁽¹²⁰⁾, смѣло и мужественно. Цѣлыя сутки продолжалась битва. Мосальскій палъ, оказавъ храбрость, достойную лучшей цѣли. Такъ пали и многіе клеветы его: уже не имѣя вождя, тѣснимые, разстроенные, не хотѣли бѣжать, ни сдаться: умирали въ сѣчѣ; другіе зажгли свои пороховыя бочки и взлетѣли на воздухъ, какъ жертвы остревенія, свойственнаго только войнамъ междоусобнымъ. Романовъ, дотолѣ извѣстный единственно великодушнымъ терпѣніемъ въ несчастіи ⁽¹²¹⁾, удостоился благодарности Царя и золотой медали за оказанную имъ доблесть ⁽¹²²⁾.

Побѣда
Романова.

Но измѣнники въ другомъ мѣстѣ были

счастливыѣ. Они, подобно Царю, соображали свои дѣйствія наступательныя, сѣдую общей мысли, и стремясь съ разныхъ сторонъ къ одной цѣли: освободить Болотникова. Гибель Мосальскаго не утратила Телятевскаго, который также шелъ къ Калугѣ и также встрѣтилъ Московскихъ Воеводъ, Князей Татевъ, Черкаскаго и Борятинскаго, высланныхъ Мстиславскимъ изъ Калужскаго стана ⁽¹²³⁾. Въ жестокой битвѣ на Пчелѣ лежали Татевъ и Черкасскій со многими изъ добрыхъ воиновъ; остальные снасились бѣгствомъ въ станъ Калужскій, и привели его въ ужасъ, коимъ воспользовался Болотниковъ: сдѣлавъ вылазку и разогналъ войско, еще многочисленное; все обратили тылъ, кромѣ юнаго Князя Скопина-Шуйскаго и витязя Истома Пашкова, уже вѣрнаго слуги Царскаго ⁽¹²⁴⁾: они упорнымъ боемъ дали время малодушнымъ бѣжать, спасая если не честь, то жизнь ихъ; отступили сражаясь къ Боровску, гдѣ несчастный Мстиславскій и другіе Воеводы соединили разсѣянные остатки войска, бросивъ пушки, обозъ, запасы въ добычу непріятелю. Еще хуже робости была измѣна: 15000 воиновъ Царскихъ, и въ числѣ ихъ около ста Нѣмцевъ, пристали къ мятежникамъ. Узнавъ, что сдѣмалось подъ Калугою, Измайловъ снялъ осаду Козельска; по крайней мѣрѣ не кинулъ

Муже-
ство
Скопи-
на.

снаряда огнестрѣльнаго, и засѣлъ въ Ме-
щовскѣ (125).

Син вѣсти поразили Москву. Шуйскій
снова колебался на престолѣ, но не въ ду-
шѣ: созвалъ Духовенство, Бояръ, людей
чиновныхъ; предложилъ имъ мѣры спасе-
нія, далъ строгіе указы, требовалъ не-
медленнаго исполненія, и грозилъ казню
ослушникамъ: всѣ Россіяне, годные для
службы, должны были спѣшить къ нему
съ оружіемъ, монастыри занести столицу
хлѣбомъ на случай осады, и самые Иноки
готовиться къ ратнымъ подвигамъ за Вѣ-
ру (126). Употребили и нравственное сред-
ство: Святители предали анаѹемъ Болот-
никова и другихъ извѣстныхъ, главныхъ
злодѣевъ: чего Царь не хотѣлъ дотолѣ, въ
надеждѣ на ихъ раскаяніе. Время было
дорого: къ счастію, мятежники не двига-
лись впередъ, ожидая Илейки, который съ
последними силами и съ Шаховскимъ еще
шелъ къ Тулѣ (127). 21 Мая Василій сѣлъ
на ратнаго коня и самъ вывелъ войско,
приказавъ Москву брату, Димитрію Шуй-
скому, Князьямъ Одоевскому и Трубецко-
му (128), а всѣхъ иныхъ Бояръ, Окольні-
чихъ, Думныхъ Дьяковъ и Дворянъ взявъ
съ собою, подъ Царское знамя, коего уже
давно не видали въ полѣ съ такимъ блес-
комъ и множествомъ сановниковъ: уже не
стыдѣлись итти всѣмъ Царствомъ на ско-

Бо-
ро-
сти
Вас-
п-
лія
въ
несча-
стіяхъ.

нище злодѣевъ храбрыхъ! Близъ Серпухова соединились съ Василиемъ Мстиславскій и Воротынский, оба какъ бѣглецы въ уныніи стыда. Довольный числомъ, но боясь робости сподвижниковъ, Царь умѣлъ одушевить ихъ своимъ великодушіемъ: въ присутствіи ста тысячъ воиновъ цѣлуя крестъ, громогласно произнесъ обѣтъ возвратиться въ Москву побѣдителемъ или умереть ⁽¹²⁹⁾; онъ не требовалъ клятвы отъ другихъ, какъ бы опасаясь ввести слабыхъ въ новый грѣхъ вѣроломства, и далъ се въ твердой рѣшимости исполнить.казалось, что Россія нашла Царя, а Царь нашелъ подданныхъ: всѣ съ ревностію повторили обѣтъ Васи́левъ — и на сей разъ не измѣнили.

Свѣдавъ, что Илейка съ Шаховскимъ уже въ Тулѣ, и что Болотниковъ къ нимъ присоединился, Василий послалъ Князей Андрея Голицына, Лыкова и Прокопія Ляпунова ⁽¹³⁰⁾ къ Коширѣ. Самозванецъ Петръ, какъ главный предводитель злодѣевъ, велѣлъ также занять сей городъ Телятевскому. Рати сошлись на берегахъ
 5 Июня. Восми ⁽¹³¹⁾: началось дѣло кровопролитное, и мятежники одолѣвали: но Голицынъ и
 Д о б- Лыковъ кинулись въ пылъ битвы съ вос-
 л е с т ь
 Боеводъ клинцаніемъ: «нѣтъ для насъ бѣгства; одна
 Ц а р- «смерть или побѣда!» и сильнымъ, отчаян-
 скихъ. нымъ ударомъ смяли непріятеля. Телятев-

скій ушелъ въ Тулу, оставивъ Москвитянамъ всѣ свои знамена, пушки, обозъ; гнали бѣгущихъ на пространствѣ тридцати верстъ и взяли 5000 плѣнныхъ. Храбрѣйшіе изъ злодѣевъ, Козаки Терскіе, Яицкіе, Донскіе, Украинскіе, числомъ 1700, засѣли въ оврагахъ, и стрѣляли; уже не имѣли пороха, и все еще не сдавались: ихъ взяли силою на третій день, и казнили, кромѣ семи человекъ, помилованныхъ за то, что они спасли нѣкогда жизнь вѣрнымъ Дворянамъ, которые были въ рукахъ у злодѣя Илейки (¹³²): черта достохвальная въ самой неумолимой мести!

Обрадованный столь важнымъ успѣхомъ и геройствомъ Воеводъ своихъ еще болѣе, нежели числомъ враговъ истребленныхъ, Василій изъявилъ Голицыну и Лыкову живѣйшую благодарность (¹³³); двинулся къ Алексиному, выгналъ оттуда мятежниковъ, шелъ къ Тулѣ. Еще злодѣи хотѣли отвѣдать счастія, и въ семи верстахъ отъ города, на рѣчкѣ Воронежъ, сразились съ полкомъ Князя Скопина-Шуйскаго: стояли въ мѣстѣ крѣпкомъ, въ лѣсу, между топами, и долго противились; наконецъ Москвитяне зашли имъ въ тылъ, смѣшали ихъ и вогнали въ городъ; нѣкоторые вломились за ними даже въ улицы, но тамъ пали: ибо Воеводы безъ Царскаго указа не дерзнули на общій приступъ; а Царь жалѣлъ людей или опасался неудачи, зная, что въ Тулѣ было еще не менѣе двадцати тысячъ злодѣевъ отчаянныхъ: Россіяне умѣли

Осада
Тулы.

оборонять крѣпости, не умѣя брать ихъ. Обложили Тулу. Князь Андрей Голицынъ занялъ дорогу Коширскую: Метиславскій, Скопинъ и другіе Воеводы Кропивинскую; тяжелый снарядъ огнестрѣльный разставили за турами близъ рѣки Упы; далѣе, въ трехъ верстахъ отъ города, шатры Царскіе. Началась осада, медленная и кровопролитная, подобно Калужской: тотъ же Болотниковъ и съ тою же смѣлостію бился въ вылазкахъ ⁽¹³⁴⁾; презирая смерть, казался и невредимымъ и неутомимымъ: три, четыре раза въ день нападалъ на осаждающихъ, которые одерживали верхъ единственно превосходствомъ силы, и не могли хвалиться дѣйствіемъ своихъ тяжелыхъ стѣнобитныхъ орудій, стрѣляя только издали и не мѣтко. Воеводы Московскіе взяли Дѣдиловъ, Кропивну, Енифанъ, и не пускали никого ни въ Тулу, ни изъ Тулы: Василій хотѣлъ одолѣть ея жестокое сопротивленіе голодомъ, чтобы въ одномъ гнѣздѣ захватить всѣхъ главныхъ злодѣевъ, и тѣмъ прекратить бѣдственную войну междоусобную. «Но Россія,» говоритъ Лѣтописецъ ⁽¹³⁵⁾, «утонала въ пучинѣ крамоль, и волны стремились за волнами: «рушились однѣ, поднимались другія.»

Замышляя измѣну, Шаховскій надѣялся, вѣроятно, одною сказкою о Царѣ изгнанникѣ низвергнуть Василя и дать Россіи

инаго Вѣщевосца, новаго ли бродягу, или кого нибудь изъ Вельможъ, знаменитыхъ родомъ, если, не взирая на свою дерзость, не смѣлъ мечтать о коронѣ для самого себя; но, обманутый надеждою, уже стоялъ на краю бездны. Ежедневно уменьшались силы, запасы и ревность стѣпенныхъ въ Тулѣ мятежниковъ, которые спрашивали: «гдѣ же тотъ, за кого умираемъ? гдѣ Димитрій?» Шаховскій и Болотниковъ клялися имъ: первый, что Царь въ Литвѣ; второй, что онъ видѣлъ его тамъ собственными глазами. Оба писали въ Галицію, къ ближнимъ и друзьямъ Мнишковымъ, требуя отъ нихъ какого нибудь Димитрія или войска, предлагая даже Россію Ляхамъ, такими словами: «Отъ границы до Москвы все наше: придите и возьмите; только избавьте насъ отъ Шуйскаго» ⁽¹³⁶⁾. Съ письмами и наказомъ послали въ Литву Атамана Козаковъ Дибровскихъ, Ивана Мартинова Зарудкаго, смѣлаго и лукаваго: умѣвъ ночью пройти сквозь станъ Московскій, онъ не хотѣлъ ѣхать далѣе Стародуба, жилъ въ семъ городѣ безопасно и питалъ въ гражданахъ ненависть къ Василю. Послали другаго вѣстника, который достигъ Сендомира, не нашелъ тамъ никакого Димитрія, но заставилъ ближнихъ Мнишковыхъ искать его ⁽¹³⁷⁾: искали и нашли бродягу, Явленіе жителя Украины, сына Поповскаго, Мат- новаго

Лжеди-
митрій.

вѣя Веревкина, какъ увѣряютъ Лѣтописцы, или Жида, какъ сказано въ современныхъ бумагахъ государственныхъ ⁽¹³⁸⁾. Сей Самозванецъ и видомъ и свойствами отличался отъ Разстриги: былъ грубъ, свирѣпъ, корыстолюбивъ до низости; только, подобно Отрепьеву, имѣлъ дерзость въ сердцѣ и нѣкоторую хитрость въ умѣ; владѣлъ искусно двумя языками, Русскимъ и Польскимъ; зналъ твердо Св. Писаніе и Кругъ Церковный ⁽¹³⁹⁾; разумѣлъ, если вѣрить одному чужеземному Историкъ ⁽¹⁴⁰⁾, и языкъ Еврейскій, читалъ Тальмудъ, книги Раввиновъ, среди самыхъ опасностей воинскихъ; хвалился мудростію и предвидѣніемъ будущаго ⁽¹⁴¹⁾. Панъ Мѣховецкій, другъ перваго обманщика, сдѣлался руководителемъ и наставникомъ втораго; впечатлѣлъ ему въ память всѣ обстоятельства и случаи Лжедимитріевой исторіи, — открылъ много и тайнаго, чтобы изумлять тѣмъ любопытныхъ; взялъ на себя чинъ его Гетмана; пригласилъ сподвижниковъ, какъ нѣкогда Воевода Сендомирскій, чтобы возвратить Державному изгнаннику Царство; находилъ менѣе легковѣрныхъ, но столько же, или еще болѣе, ревнителей славы или корысти. «Не спрашивали» — говоритъ Историкъ Польскій ⁽¹⁴²⁾ — «истинный ли Димитрій или обманщикъ зоветъ воителей? Довольно было того, что Шуй-

«скіи сидѣлъ на престолѣ, обагренномъ кровію «Ляховъ. Война Ливонская кончилась : юношество, скучая праздностію, кипѣло любовію къ «ратной дѣятельности; не ждало указа Королевскаго и рѣшенія Чиновъ Государственныхъ : «хотѣло и могло дѣйствовать самовольно,» но конечно съ тайнаго одобренія Сигизмундова и Пановъ Думныхъ. Богатые давали деньги бѣднымъ на предиріятіе, коего цѣлію было расхищеніе цѣлой Державы. Выставили знамена, образовалось войско; и вѣсть за вѣстію приходила къ жителямъ Сѣверскимъ, что скоро будетъ у нихъ Димитрій (143).

Наконецъ, 1 Августа, явились въ Стародубѣ два человѣка : одинъ именовалъ себя Дворяниномъ Андреемъ Нагимъ, другой Алексѣемъ Рукинымъ, Московскимъ Подьячимъ ; они сказали народу, что Димитрій не далеко съ войскомъ и велѣлъ имъ ѣхать впередъ, узнать расположеніе гражданъ : любятъ ли они своего Царя законнаго? хотятъ ли служить ему усердно? Народъ единодушно воскликнулъ : «гдѣ онъ? гдѣ «отецъ нашъ? идемъ къ нему всѣ головами» (144). Онъ здѣсь, отвѣтствовалъ Рукинъ, и замолчалъ, какъ бы устрашась своей нескромности. Тщетно граждане убѣждали его изъясниться; вышли изъ терѣнія, схватили и хотѣли пытать безмолвнаго упрямца : тогда Рукинъ объявилъ имъ, что мнимый Андрей Нагой есть Димитрій. Никто не усомнился : всѣ кинулись лобызать ноги пришельца; вопили : «Хвала Богу! нашлося сокро-

«вище нашихъ душъ!» Ударили въ колокола, пѣли молебны, честили Самозванца, коего прислалъ Мѣховецкій ⁽¹⁴⁵⁾, готовясь итти въ слѣдъ за нимъ съ войскомъ: прислалъ съ однимъ клевретомъ, безоружнаго, беззащитнаго, по тайному уговору, какъ вѣроятно, съ главными Стародубскими измѣнниками, желая доказать Ляхамъ, что они могутъ надѣяться на Россіянъ въ войнѣ за Дмитрія. Путивль, Черниговъ, Новгородъ Сѣверскій, едва услышавъ о прибытіи Лжедмитрія, и еще не видя знаменъ Польскихъ, спѣшили изъявить ему свое усердіе, и дать воиновъ. Заблужденіе уже не извиняло злодѣйства: многіе изъ Сѣверянъ знали перваго Самозванца и слѣдственно знали обманъ, видя втораго, человѣка имъ неизвѣстнаго; но славили его какъ Царя истиннаго, отъ ненависти къ Шуйскому, отъ буйности и любви къ мятежу. Такъ Атаманъ Заруцкій, бывъ наперсникомъ Разстригинымъ, упалъ къ ногамъ Стародубскаго обманщика, увѣряя, что будетъ служить ему съ прежнею ревностію ⁽¹⁴⁶⁾, и безстыдно исчисляя опасности и битвы, въ коихъ они будто бы вмѣстѣ храбровали. Но были и легковѣрныя, съ горячимъ сердцемъ и воображеніемъ, слабыя умомъ, твердые душою. Такимъ оказалъ себя одинъ Стародубецъ, сынъ Боярскій: взялъ и вручилъ Царю, въ станѣ подъ Тулою, письмо отъ городовъ Сѣверскихъ, въ которомъ мятежники совѣтовали Шуйскому уступить престолъ Дмитрію и грозили казню

въ случаѣ упорства: сей посолъ дерзнулъ сказать въ глаза Василю тоже, называя его не Царемъ, а злымъ измѣнникомъ; терпѣлъ пытку, хваляся вѣрностію къ Димитрію, и былъ сожженъ въ пепелъ, не изъявивъ ни чувствительности къ мукамъ, ни сожалѣнія о жизни, въ изступленіи ревности удивительной ⁽¹⁴⁷⁾.

Василій, узнавъ о семъ явленіи Самозванца, о семъ новомъ движеніи и скопищѣ мятежниковъ въ южной Россіи, отрядилъ Воеводъ, Князей Литвинова-Мосальскаго и Третьяка Сеитова, къ сея предѣламъ: первый сталъ у Козельска; второй занялъ Лихвинъ, Бѣлевъ и Болховъ ⁽¹⁴⁸⁾. Скоро слышали, что Мѣховецкій уже въ Стародубѣ съ сильными Литовскими дружинами; что Заруцкій призвалъ нѣсколько тысячъ Козаковъ и соединилъ ихъ съ толнами Сѣверскими; что Лжедимитрій, выступивъ въ поле, идетъ къ Тулѣ. Воеводы Царскіе не могли спасти Брянска и велѣли зажечь его, когда жители вышли съ хлѣбомъ и солью на встрѣчу къ мнимому Димитрію ⁽¹⁴⁹⁾. . . Въ сіе время, одинъ изъ Польскихъ друзей его, Николай Харлескій, исполненный къ нему усердія и надежды завоевать Россію, писалъ къ своимъ ближнимъ въ Литву слѣдующее письмо любопытное ⁽¹⁵⁰⁾: «Царь Димитрій и всѣ «наши благородные витязи здравствуютъ. Мы «взяли Брянскъ, сожженный людьми Шуйскаго, «которые вывезли оттуда всѣ сокровища, и бѣ- «жали такъ скоро, что ихъ не лзя было настиг- «нуть. Димитрій теперь въ Карачевѣ, ожидая

«знатнѣйшаго вспоможенія изъ Литвы. Съ нимъ
«нашихъ 5000, но многіе вооружены худо
«Зовите къ намъ всѣхъ храбрыхъ ; прельщайте
«ихъ и славою и жалованьемъ Царскимъ. У васъ
«носится слухъ, что сей Димитрій есть обман-
«щикъ: не вѣрьте. Я самъ сомнѣвался и хотѣлъ
«видѣть его ; увидѣлъ, и не сомнѣваюсь. Онъ
«набоженъ, трезвъ, уменъ, чувствителенъ ; лю-
«битъ военное искусство ; любитъ нашихъ ; ми-
«лостивъ и къ измѣнникамъ : дастъ плѣннымъ
«волю служить ему или снова Шуйскому. Но
«есть злодѣи : опасаясь ихъ, Димитрій никогда
«не спитъ на своемъ Царскомъ ложѣ, гдѣ только
«для вида велитъ быть стражѣ : положивъ тамъ
«кого нибудь изъ Русскихъ, самъ уходитъ ночью
«къ Гетману или ко мнѣ, и возвращается домой
«на разсвѣтѣ. Часто бываетъ тайно между вой-
«нами, желая слышать ихъ рѣчи, и все знаетъ.
«Зная даже и будущее, говоритъ, что ему вла-
«ствовать не долѣе трехъ лѣтъ ; что лишится
«престола измѣною, но опять воцарится и рас-
«пространитъ Государство. Безъ прибытія но-
«выхъ, сильнѣйшихъ дружинъ Польскихъ, онъ
«не думаетъ спѣшить къ Москвѣ, если возьметъ
«и самого Шуйскаго, который въ ужасѣ, въ
«смятеніи снялъ осаду Тулы⁽¹⁵¹⁾; всѣ бѣгутъ
«отъ него къ Димитрію» Но Самозванецъ,
«оставивъ за собою Болховъ, Бѣлевъ, Козельскъ,
и разбивъ Князя Литвинова-Мосальскаго близъ
Мещовска, на пути къ Тулѣ свѣдалъ, что въ ней
славится уже не Димитріево, а Васиіево имя.

Еще мятежники оборонялись тамъ усиленно до конца лѣта, хотя и терпѣли недостатокъ въ сѣстныхъ припасахъ, въ хлѣбѣ и соли. Счастливая мысль одного воина Взятіе
Тулицы. дала Царю способъ взять сей городъ безъ кровопролитія. Муромецъ, Сынъ Боярскій, именемъ Суминъ Кровковъ, предложилъ Василию затопить Тулу, изъяснилъ возможность успѣха, и ручался въ томъ жизни (152). Приступили къ дѣлу; собрали мельниковъ; велѣли ратникамъ носить землю въ мѣшкахъ на берегъ Уны, ниже города, и запрудили рѣку деревянною плотиною: вода поднялася, вышла изъ береговъ, влилась въ острогъ, въ улицы и дворы, такъ, что осажденные ѣздили изъ дому въ домъ на лодкахъ (153); только высокія мѣста остались сухи и казались грядями острововъ. Битвы, вылазки пресѣклись. Ужасъ потопа и голода смирилъ мятежниковъ: они ежедневно цѣлыми толпами приходили въ станъ къ Царю, винились, требовали милосердія и находили его, всѣ безъ исключенія. Главные злодѣи еще нѣсколько времени упорствовали: наконецъ и Телятевскій, Шаховскій, самъ непреклонный Болотниковъ, извѣстили Василія, что готовы предать ему Тулу и Самозванца Петра, если Царскимъ словомъ удостовѣрены будутъ въ помилованіи, или, въ противномъ случаѣ, умрутъ съ оружіемъ въ ру-

дахъ, и скорѣе съѣдятъ другъ друга отъ голода, нежели сдадутся. Уже зная, что новый Лжедмитрій недалеко, Василій обѣщалъ милость, — и 10 Октября Бояринъ Колычевъ, вступивъ въ Тулу съ войсками Московскими, взялъ подлѣйшаго изъ злодѣевъ, Илейку. Болотниковъ явился, съ головы до ногъ вооруженный, предъ шатрами Царскими, сошелъ съ коня, обнажилъ саблю, положилъ ее себѣ на шею, палъ ницъ и сказалъ Василю : «Я исполнилъ обѣтъ свой : «служилъ вѣрно тому, кто называлъ себя Димитріемъ въ Сеномирѣ : обманщикъ или Царь истинный, не знаю ; но онъ выдалъ меня. Теперь я въ твоей власти : вотъ сабля, если хочешь головы моей ; когда же оставишь мнѣ жизнь, то умру въ твоей службѣ, усерднѣйшимъ изъ рабовъ вѣрныхъ» ⁽¹⁵⁴⁾. Онъ угадывалъ, кажется, свою долю. Миловать такихъ злодѣевъ есть преступленіе ; но Василій обѣщалъ, и не хотѣлъ явно нарушить слова : Болотникова, Шаховскаго и другихъ начальниковъ мятежа отпраздновали, въ слѣдъ за скованнымъ Илейкою, въ Москву съ приставами ; а Князя Телятевскаго, знатнѣйшаго и тѣмъ виновнѣйшаго измѣнника, изъ уваженія къ его именитымъ родственникамъ, не лишили ни свободы, ни Боярства, къ посрамленію сего Вельможнаго достоинства и къ соблазну государственному ⁽¹⁵⁵⁾ : слабость безстыдная, вреднѣйшая жестокости!

Но общая радость все прикрывала. Взятіе

Тулы праздновали какъ завоеваніе Казанскаго Царства или Смоленскаго Княжества ⁽¹⁵⁶⁾; и желая, чтобы сія радость была еще искреннѣе для войска утомленнаго, Царь далъ ему отдыхъ: уволилъ Дворянъ и Дѣтей Боярскихъ въ ихъ помѣстья, свѣдавъ, что Ажедмитрій, испуганный судьбою Лженетра, ушелъ назадъ къ Трубчевску ⁽¹⁵⁷⁾. Вопреки опыту презирая новаго злодѣя Россіи, Василій не спѣшилъ истребить его; послалъ только легкія дружины къ Брянску, а конницу Черемисскую и Татарскую въ Сѣверскую землю для грабежа и казни виновныхъ ея жителей ⁽¹⁵⁸⁾; не хотѣлъ ждать, чтобы сдалася Калуга, гдѣ еще держались клеветы Болотникова съ Атаманомъ Скотницкимъ ⁽¹⁵⁹⁾: велѣлъ осаждать ее малочисленной рати, и возвратился въ столицу. Москва встрѣтила его 21 Окт. какъ побѣдителя ⁽¹⁶⁰⁾. Онъ въѣзжалъ съ необыкновенною пышностію, съ двумя тысячами нарядныхъ всадниковъ, въ богатой колесницѣ, на прекрасныхъ бѣлыхъ коняхъ; умиленно слушалъ рѣчь Патріарха, видѣлъ знаки народнаго усердія, и казался счастливымъ! Три дни славили въ храмахъ милость Божію къ Россіи; пять дней молился Василій въ Лаврѣ Св. Сергія, и заключилъ церковное торжество дѣйствіемъ государственнаго правосудія: злодѣя Илейку повѣсили на Серпуховской дорогѣ, близъ

Данилова Монастыря ⁽¹⁶¹⁾. Болотникова, Атамана Федора Нагибу и строптивѣйшихъ мятежниковъ отвезли въ Каргополь и тайно утопили. Шаховскаго сослали въ Каменную Пустыню Кубенскаго Озера, а вѣроломныхъ Нѣмцевъ, взятыхъ въ Тулѣ, числомъ 52, и съ ними Медика Фидлера, въ Сибирь ⁽¹⁶²⁾. Всѣхъ другихъ плѣнниковъ оставили безъ наказанія и свободными. Калуга, Козельскъ еще противились; вся южная Россія, отъ Десны до устья Волги, за исключеніемъ немногихъ городовъ, признавала Царемъ своимъ мнимаго Дмитрія: сей злодѣй, отступивъ, ждалъ времени и новыхъ силъ, чтобы итти впередъ, — а Москва, утомленная тревогами, наслаждалась тишиною, послѣ ужасной грозы и предъ ужаснѣйшею! Испытавъ умъ, твердость Царя и собственное мужество, вѣрные Россіяне думали, что главное сдѣлано; хотѣли временнаго успокоенія и надѣялись легко довершить остальное.

Такъ думалъ и самъ Василій. Бывъ до толѣ въ непрестанныхъ заботахъ и въ безпокойствѣ, мысливъ единственно о спасеніи Царства и себя отъ гибели, онъ вспомнилъ наконецъ о своемъ счастіи и невѣстѣ: жестокою Политикою лишенный удовольствія быть супругомъ и отцемъ въ лѣтахъ цвѣтущихъ, спѣшилъ вкусить его хотя въ лѣтахъ преклонныхъ, и женился

на Марію, дочери Боярина Князя Петра Ивановича Буйносова — Ростовскаго ⁽¹⁶³⁾. Вѣрить ли сказанію одного Лѣтописца ⁽¹⁶⁴⁾, что сей бракъ имѣлъ слѣдствія бѣдственныя; что Василій, алчный къ наслажденіямъ любви, столь долго ему неизвѣстнымъ, предался нѣгѣ, роскоши, лѣности: началъ слабѣть въ государственной и въ ратной дѣятельности, среди опасностей засыпать духомъ, и своимъ небреженіемъ охладилъ ревность лучшихъ Совѣтниковъ Думы, Воеводъ и воиновъ, въ Царствѣ Самодержавномъ, гдѣ все живетъ и движется Царемъ, съ нимъ бодрствуетъ или дремлетъ? Но согласно ли такое очарованіе любви съ природными свойствами человѣка, который въ недосугахъ заговора и властвованія смутнаго цѣлые два года забывалъ милую ему невѣсту? И какое очарованіе могло устоять противу такихъ бѣдствій?

Но крайней мѣрѣ до сего времени Василій бодрствовалъ не только въ усиліяхъ истребить мятежниковъ, но съ удивительнымъ хладнокровіемъ, едва избавивъ отъ нихъ Москву, занимался и земскими или государственными уставами и способами ^{Законы.} народнаго образованія, какъ бы среди глубокаго мира. Въ Мартѣ 1607 года, имѣвъ торжественное разсужденіе съ Патріархомъ, Духовенствомъ и Синоклитомъ, онъ

издалъ Соборную грамоту о бѣглыхъ крестьянахъ, велѣлъ ихъ возвратить тѣмъ владѣльцамъ, за коими они были записаны въ книгахъ съ 1593 года : то есть, подтвердилъ Уложеніе Феодора Иоанновича, но сказавъ, что оно есть дѣло Годунова, неодобренное Боярами старѣйшими, и произвело въ началѣ много зла, неизвѣстнаго въ Иоанново время, когда земледѣльцы могли свободно переходить изъ селенія въ селеніе ⁽¹⁶⁵⁾. Далѣе уставлено въ сей грамотѣ, что припимающій чужихъ крестьянъ долженъ платить въ казну 10 рублей нени съ человѣка, а господамъ ихъ три рубля за каждое лѣто; что подговорщикъ, сверхъ денежной нени, наказывается кнутомъ; что мужъ бѣглой дѣвки или вдовы дѣлается рабомъ ея господина; что если господинъ не жепить раба до двадцати лѣтъ, а рабы не выдастъ за-мужъ до осьмнадцати, то обязанъ дать имъ волю и не имѣть права жаловаться въ судъ на ихъ бѣгство, даже и въ случаѣ кражи или сноса : законъ благонамѣренный, полезный не только для размноженія людей, но и для чистоты нравственной!

Уставъ
Воин-
скій.

Тогда же Василій велѣлъ перевести съ Нѣмецкаго и Латинскаго языка *Уставъ Дѣлъ Ратныхъ*, желая, какъ сказано въ началѣ оного, чтобы «Россіяне знали все новыя хитрости воинскія, коими хвалятся

«Италія, Франція, Испанія, Австрія, Голландія, Англія, Литва, и могли не только силѣ «силою, но и смыслу смысломъ противиться съ «успѣхомъ, въ такое время, когда умъ чело- «вѣческій всего болѣе впередъ въ науку необ- «ходимую для благосостоянія и славы Гоеу- «дарствъ: въ науку побѣждать враговъ и хра- «нить цѣлость земли своей» ⁽¹⁶⁶⁾. Ничто не за- быто въ сей любовитной книгѣ: даны правила для образованія и раздѣленія войска, для строя, похода, становъ, обоза, движеній пѣхоты и конницы, стрѣльбы пушечной и ружейной, осады и приступовъ, съ ясностію и точностію. Не забыты и нравственные средства. Предъ всякою битвою надлежало Воеводѣ ободрять воиновъ *лицемъ веселымъ* ⁽¹⁶⁷⁾, напоминать имъ отечество и присягу; говорить: «я буду впередъ . . . лучше умереть съ честію, нежели жить «безчестно,» и съ симъ вручать себя Богу.

Угождая народу своею любовію къ старымъ обычаямъ Русскимъ, Василій не хотѣлъ одна- кожь, въ угодность ему, гнать иноземцевъ: не оказывалъ къ нимъ пристрастія, коимъ упрекали Разстригу и даже Годунова, но не давалъ ихъ въ обиду мятежной черни ⁽¹⁶⁸⁾; выславъ ревностныхъ тѣлохранителей Лжедимитріевыхъ и четырехъ Медиковъ Германскихъ за тѣсную связь съ Поляками, — оставивъ лучшаго изъ нихъ, лекаря Вазмера, при себѣ ⁽¹⁶⁹⁾: но старался милостію удержать всѣхъ честныхъ Нѣмцевъ въ Москвѣ и въ Царской службѣ, какъ

воиновъ, такъ и людей ученыхъ, художниковъ, ремесленниковъ, любя гражданское образова-
ніе, и зная, что они нужны для успѣховъ его
въ Россіи; однимъ словомъ, имѣлъ желаніе,
не имѣлъ только времени сдѣлаться просвѣти-
телемъ отечества. . . и въ какой вѣкъ! въ ка-
кихъ обстоятельствахъ ужасныхъ!

ГЛАВА II.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ВАСИЛІЕВА ЦАРСТВОВАНІЯ.

Г. 1607—1609.

Бѣгство Воеводъ отъ Калуги. Самозванецъ усиливается. Дѣло знаменитое. Грамота Лжедмитріева. Предложеніе Шведовъ. Побѣда Лисовскаго. Побѣда Самозванца. Ужасъ въ Москвѣ. Измѣна Воеводъ. Самозванецъ въ Тушинѣ. Перемиріе съ Литвою. Коварство Ляховъ. Побѣда Сапѣги. Марина и Мишиекъ у Самозванца. Скопинъ посланъ къ Шведамъ. Бѣгство къ Самозванцу. Развратъ въ Москвѣ. Знаменитая осада Лавры. Измѣна городовъ. Ужасное состояніе Россіи. Тушино. Договоръ Самозванца съ Мишикомъ. Польша объявляетъ войну Россіи. Крайность Россіи и перемѣна къ лучшему.

Въ то время, когда Москва праздновала
Василіево бракосочетаніе, война между-
собная уже снова пылала.

Г. 1607-
1608.

Калуга упорствовала въ бунтѣ. Отъ имени Царя ѣздилъ къ ея жителямъ и людямъ воинскимъ прощенный измѣнникъ, Атаманъ Беззубцевъ (170), съ убѣжденіемъ смириться. Они сказали: «не знаемъ Царя, «кромѣ Димитрія: ждемъ и скоро его увидимъ!» Вѣроятно, что явленіе втораго

Лжедмитрія было имъ уже извѣстно. Василій, жалѣя утомлять войско трудами зимней осады, предложилъ, весьма неосторожно, четыремъ тысячамъ Донскихъ мятежниковъ, которые въ битвѣ подъ Москвою ему сдалися (171), загладить вину свою взятіемъ Калуги: Донцы изъявили не только согласіе, но и живѣйшую ревность; клялись оказать чудеса храбрости; прибыли въ Калужскій станъ къ Государевымъ Воеводамъ, и чрезъ нѣсколько дней взбунтовались, такъ, что уstraшенные Воеводы бѣжали отъ нихъ въ Москву. Часть мятежниковъ вступила въ Калугу; другіе ушли къ Самозванцу.

Бѣгство
Воеводъ
отъ Ка-
луги.

Самозванецъ
усиливается.

Сей наглый обманщикъ не долго былъ въ бездѣйствіи. Дружины за дружинами приходили къ нему изъ Литвы, конныя и пѣхотныя, съ вождями знатными: въ числѣ ихъ находились Мозырскій Хорунжій, Іосифъ Будзило, Паны Тишкѣвичи и Лисовскій, бѣглець, за какое-то преступленіе осужденный на казнь въ своемъ отечествѣ: смѣлостію и мужествомъ витязь, ремесломъ грабитель (172). Узнавъ, что Василій распустилъ главное войско, Лжедмитрій, по совѣту Лисовскаго, немедленно выступилъ изъ Трубчевска съ семью тысячами Ляховъ, осмью тысячами Козаковъ и немалымъ числомъ Россіянъ. Воеводы Царскіе, Князь Михайло Кашинъ и Ржев-

скій, укрѣпились въ Брянскѣ ⁽¹⁷³⁾: Самозванецъ осадилъ его, но не могъ взять, отъ храбрости защитниковъ, которые терпѣли голодъ, ѣли лошадей, и не имѣя воды, доставали ее своею кровію, ежедневными вылазками и битвами. Рать Лжедмитріева усилилась шайками новыхъ Донскихъ выходцевъ: они представили ему какого-то неизвѣстнаго бродягу, мнимаго Царевича Θεодора, будто бы втораго сына Ирины; но Лжедмитрій не хотѣлъ признать его племянникомъ и велѣлъ умертвить. Осада длилась, и Василій успѣлъ принять мѣры: Бояринъ Князь Иванъ Семеновичъ Куракинъ изъ столицы, а Князь Литвиновъ изъ Мещовска шли спасти Брянскъ. Литвиновъ первый съ дружинами Московскими достигъ береговъ Десны, видѣлъ сей городъ и станъ Лжедмитріевъ на другой сторонѣ ея, но не могъ перейти туда, ибо рѣка покрывалась льдомъ: осажденные также видѣли его; кричали своимъ Московскимъ братьямъ: «спасите насъ! не имѣемъ куска хлѣба!» и съ слезами простирали къ нимъ руки ⁽¹⁷⁴⁾. Сей день (15 Декабря 1607) остался памятнымъ въ нашей Исторіи: Литвиновъ кинулся въ рѣку на конѣ; за Литвиновымъ всѣ, восклицая: «лучше умереть, нежели «выдать своихъ: съ нами Богъ!» плыли, разгребая ледъ, подъ выстрѣлами непріа-

Дѣло
знаме-
нито.

теля, изумленнаго такою смѣлостію; вышли на берегъ, и сразились. Кашинъ и Ржевскій сдѣлали вылазку. Непріятель между двумя огнями не устоялъ, смѣшался, отступилъ. Уже побѣда совершилась, когда приспѣлъ Куракинъ, дивиться мужеству добрыхъ Россіянъ и славить Бога Русскаго; но самъ, какъ главный Воевода, не отличился: только запасъ городъ всѣмъ нужнымъ для осады; укрѣпился на лѣвомъ берегу Десны, и далъ время непріятелю образумиться. Рѣка стала. Лжедмитрій соединилъ полки свои и напалъ на Куракина. Бились мужественно, нѣсколько разъ, безъ рѣшительнаго слѣдствія, и войско Царское, оставивъ Брянскъ, заняло г. 1608. Карачевъ. Не имѣя надежды взять ни того, ни другаго города, Самозванецъ двинулся впередъ, мирно вступилъ въ Орелъ, и написалъ оттуда слѣдующую грамоту къ своему мнимому тестю, Воеводѣ Сендомирскому: «Мы, Димитрій Іоанновичъ, Богъ-
«жіею милостію Царь всея Россіи, Великій
«Князь Московскій, Дмитровскій, Углиц-
«скій, Городецкій и другихъ многихъ
«земель и Татарскихъ Ордъ, Московскому
«Царству подвластныхъ, Государь и на-
«слѣдникъ Любезному отцу нашему!
«Судьбы Всевышняго непостижимы для ума
«человѣческаго. Все, что бываетъ въ мірѣ,
«искони предопредѣлено Небомъ, коего

Грамота Лже-
дмитріева.

«страшный судъ совершился и надо мною: за
«грѣхи ли нашихъ предковъ или за мои соб-
«ственные изгнанный изъ отечества, и скитаюсь
«въ земляхъ чуждыхъ, сколько терпѣлъ я бѣдъ-
«ствій и печали! Но Богъ же милосердый, не
«помянувъ моихъ беззаконій, и спасъ меня отъ
«измѣнниковъ, возвращаетъ мнѣ Царство, ка-
«раетъ нашихъ злодѣевъ, преклоняетъ къ намъ
«сердца людей, Россіянъ и чужеземцевъ, такъ,
«что надѣмся скоро освободить васъ и всѣхъ
«друзей нашихъ, къ неописанной радости ва-
«шего сына. Богу единому слава! Да будетъ
«также вамъ извѣстно, что Его Величество, Ко-
«роль Сигизмундъ, нашъ пріятель, и вся Рѣчь
«Посполитая усердно содѣйствуютъ мнѣ въ оты-
«сканіи послѣдственной Державы» (175). Сія гра-
мота, вѣроятно, не дошла до Мнишка, заклю-
ченнаго въ Ярославль, но была конечно и пи-
сана не для него, а единственно для тѣхъ, кото-
рые еще могли вѣрить обману.

Самозванецъ зимовалъ въ Орлѣ спокойно, умножая число подданныхъ обольщеніемъ и силою; слѣдуя правилу Шаховскаго и Болотникова, возмущалъ крестьянъ: объявлялъ независимость и свободу тѣмъ, коихъ господа служили Царю; жаловалъ холопей въ чины, давалъ помѣстья своимъ усерднымъ слугамъ, ивоземцамъ и Русскимъ (176). Тамъ прибыли къ нему знатные Князья, Рожинскій и Адамъ Вишневецкій, съ двумя или тремя тысячами всадниковъ (177). Первый, властолюбивый, надменный

и необузданный, въ жаркой распрѣ собственною рукою умертвилъ Мѣховецкаго, друга, наставника Лжедмитріева, и заступилъ мѣсто убитаго: сдѣлался Гетманомъ бродяги, презираемаго имъ и всѣми умными Ляхами.

Но Василій уже не могъ презирать сего злодѣя: еще не думая оставить юной супруги и столицы, онъ ввѣрилъ рать любимому своему брату, Дмитрію Шуйскому, Князьямъ Василю Голицыну, Дыкову, Волконскому, Нагому ⁽¹⁷⁸⁾; велѣлъ присоединиться къ нимъ Куракину, конницѣ Татарской и Мордовской, посланной еще изъ Тулы на Сѣверскую землю ⁽¹⁷⁹⁾, и если не былъ, то по крайней мѣрѣ казался удосто-
вѣреннымъ, что власть законная, не взирая на смятеніе умовъ въ Россіи, одолѣеть крамолу. Въ сіе время чиншникъ Шведскій, Петрей, находясь въ Москвѣ, остерегалъ Василя: доказывая, что явленіе Лжедмитріевъ есть дѣло Сигизмунда и Папы, желающихъ овладѣть Россією, предлагалъ намъ, отъ имени Карла IX, союзъ и значительное вспоможеніе ⁽¹⁸⁰⁾; но Василій — также, какъ и Годуновъ ⁽¹⁸¹⁾ — сказалъ, что ему нуженъ только одинъ помощникъ, Богъ, а другихъ не надобно. Къ несчастію, онъ долженъ былъ скоро перемѣнить мысли.

Главный Воевода, Дмитрій Шуйскій, от-

Пред-
ложе-
ніе
Ш в е-
довъ.

личался единственно величавостію и спесію; не былъ ни любимъ, ни уважаемъ войскомъ (182); не имѣлъ ни духа ратнаго, ни прозорливости въ совѣтахъ и въ выборѣ людей; имѣлъ зависть къ достоинствамъ блестящимъ и слабость къ ласкательямъ коварнымъ: для того, вѣроятно, не взялъ юнаго, счастливаго витязя, Скопина-Шуйскаго, и для того взялъ Князя Василя Голицына, знаменитаго измѣнами. Рать Московская остановилась въ Болховѣ; не дѣйствовала, за тогдашними глубокими снѣгами (183), до самой весны, и дала неприятелю усилиться. Шуйскій и сподвижники его, утружденные зимнимъ походомъ, съ семидесятью тысячами воиновъ (184) отдыхали; а толпы Лжедмитріевы, не боясь ни морозовъ, ни снѣговъ, вездѣ разсыпались, брали города, жгли села и приближались къ Москвѣ. Начальники Рязани, Князь Хованскій и Думный Дворянинъ Ляпуновъ, хотѣли выгнать мятежниковъ изъ Пронска, овладѣли его вѣшними укрѣпленіями и вломились въ городъ; но Ляпунова тяжело ранили: Хованскій отступилъ — и чрезъ нѣсколько дней, подъ стѣнами Зарайска, былъ на голову разбитъ Паномъ Лисовскимъ (185), который оставилъ тамъ памятникъ своей побѣды, видимый и донынѣ: высокій курганъ, насыпанный надъ могилою убитыхъ въ семь дѣлъ Россіянъ.

Побѣда
Лисов-
скаго.

Апрѣ-
ля 43.

Царю надлежало защитить Москву новымъ войскомъ. Писали къ Дмитрію Шуйскому, чтобы онъ не медилъ, шелъ и дѣйствовалъ : Шуйскій наконецъ выступилъ, и верстахъ въ десяти отъ Болхова уже встрѣтилъ Самозванца (186).

Первый вступилъ въ дѣло Князь Василій Голицынъ, и первый бѣжалъ; главное войско также дрогнуло : но запасное, подъ начальствомъ Куракина, смѣлымъ ударомъ остановило стремленіе непріятеля. Бились долго, и разошлись безъ побѣды. Съ честью пали многіе воины, Московскіе и Нѣмецкіе, конхъ главный сановникъ, Ламсдорфъ, тайно обѣщалъ Лжедмитрію передаться къ нему со всею дружиною, но пьяный забылъ о семъ уговорѣ, и не мѣшалъ ей отличаться мужествомъ въ битвѣ. Въ слѣдующій день возобновилось кровопролитіе, и Шуйскій, излишно осторожный или робкій, велѣвъ преждевременно спастись тяжелыя пушки и везти назадъ къ Болхову, далъ мысль войску о худомъ концѣ сраженія : чѣмъ воспользовался Лжедмитрій, извѣщенный переметчикомъ (Боярскимъ Сыномъ, Лихаревымъ), и сильнымъ нападеніемъ смялъ ряды Москвитянъ ; всѣ бѣжали, еще кромѣ Нѣмцевъ : Капитанъ Ламсдорфъ, уже непьяный, предложилъ имъ братски соединиться съ Ляхами; но многіе, сказавъ : «наши жены и

Побѣда
Само-
званца.

«дѣти въ Москвѣ,» ускакали въ слѣдъ за Россіянами. Остались 200 человекъ при знаменахъ съ Ламсдорфомъ, ждали чести отъ Лжедмитрія — и были изрублены Козаками: Гетманъ Рожинскій велѣлъ умертвить ихъ какъ обманщиковъ, за кровь Ляховъ, убитыхъ ими на канунѣ. Сія измѣна Нѣмцевъ утаилась отъ Василія: онъ награждалъ ихъ вдовъ и сиротъ, думая, что Ламсдорфъ съ добрыми сподвижниками легъ за него въ жаркой сѣчѣ (187).

Царскіе Воеводы и воины бѣжали къ Москвѣ; нѣкоторые, съ Княземъ Третьякомъ Сеитовымъ, засѣли въ Болховъ; другіе ушли въ дома. Болховъ, гдѣ находилось 5000 людей ратныхъ (188), сдался Лжедмитрію: всѣ они присягнули ему въ вѣрности, выступили съ нимъ къ Калугѣ, но шли особенно, подъ начальствомъ Князя Сеитова. Москва была въ ужасѣ. Бѣглецы, оправдывая себя, въ разсказахъ своихъ умножали силы Самозванца, число Ляховъ, Козаковъ и Россійскихъ измѣнниковъ; даже увѣряли, что сей второй Лжедмитрій есть одинъ человекъ съ первымъ; что они узнали его въ битвѣ по храбрости еще болѣе, нежели по лицу. Чернь начинала уже винить Бояръ въ несчастной измѣнѣ Самозванцу ожившему, и думала, въ случаѣ крайности, выдать ихъ ему головами (189); нѣкоторые только страшились, чтобы онъ,

Ужась
въ Мо-
сковѣ.

какъ волшебникъ, не увидѣлъ на нихъ крови истерзанныхъ ими Дяховъ или своей собственной! Но въ то же время достойные Россіяне, многіе Дворяне и Дѣти Боярскіе, оставивъ семейства, изъ ближнихъ городовъ спѣшили въ столицу защитить Царя въ опасности. Явились и мнимые измѣнники Болховскіе, Князь Третьякъ Сеитовъ съ пятью тысячами воиновъ: удостовѣренные, что Самозванецъ есть подлый злодѣй, они ушли отъ него съ береговъ Оки въ Москву, извиняясь минутнымъ страхомъ и неволею ⁽¹⁹⁰⁾. Василій составилъ новое войско, и далъ начальство — къ несчастію, поздно — знаменитому Князю Скопину и доброму Боярину, Ивану Романову. Сіе войско стало на берегахъ Незнани, между Москвою и Калугою, ждало непріятеля, и готовилось къ битвѣ, — но едва не было жертвою гнуснаго заговора. Главные сподвижники Скопина и Романова, чистыхъ сердцемъ предъ людьми и Богомъ, не имѣли ихъ души благородной: Восводы, Князя Иванъ Катыревъ, Юрій Трубецкій ⁽¹⁹¹⁾, Троекуровъ, думая, что пришла гибель Шуйскихъ, какъ нѣкогда Годуновыхъ, и что лучше ускореніемъ ея снискать милость бродяги, какъ сдѣлалъ Басмановъ, нежели гибнуть вмѣстѣ съ Царемъ злосчастливымъ, начали тайно склонять Дворянъ и Дѣтей Боярскихъ къ измѣнѣ. Умы-

Измѣна
Вос-
водъ.

сель открылся : Василій приказалъ ихъ схватить , везти въ Москву, пытать — и, не сомнѣнно уличенныхъ , осудилъ единственно на ссылку, изъ уваженія къ древнимъ родамъ Княжескимъ : Катырева удалили въ Сибирь, Трубецкаго въ Тотьму, Троекурова въ Нижній ; но менѣе знатныхъ и менѣе виновныхъ преступниковъ, участниковъ злодѣйскаго кова, казнили : Желябовскаго и Невтева ⁽¹⁹²⁾. Встревоженный симъ происшествіемъ и вѣстію, что Самозванецъ обходитъ станъ Воеводъ Царскихъ и приближается къ Москвѣ другимъ путемъ , Государь велѣлъ имъ также идти къ столицѣ, для ея защиты.

1 Юня Лжедимитрій съ своими Ляхами и Россіянами сталъ въ двѣнадцати верстахъ оттуда, на дорогѣ Волоколамской, въ селѣ Тушинѣ ⁽¹⁹³⁾, думая однимъ своимъ явленіемъ взволновать Москву и свергнуть Василія; писалъ грамоты къ ея жителямъ, и тщетно ждалъ отвѣта. Войско, вѣрное Царю, заслоняло съ сей стороны городъ. Были кровопролитныя сшибки, но ничего не рѣшили. Увѣряютъ, что Князь Рожинскій хотѣлъ взять Москву немедленнымъ приступомъ, но что Лжедимитрій сказалъ ему : *Если разорите мою столицу, то гдѣ же мнѣ царствовать? если сожжете мою казну, то чѣмъ же будетъ мнѣ наградить васъ?* «Сія жалость къ Москвѣ погубила его,»

Самозванецъ въ Тушинѣ.

пишетъ Историкъ чужеземный ⁽¹⁹⁴⁾, который
доброхотствовалъ злодѣю болѣе, нежели Россіи:
«Самозванецъ щадилъ столицу, но не щадилъ
«Государства, преданнаго имъ въ жертву Ля-
«хамъ и разбойникамъ. На пенѣ Москвы скоро
«явилась бы новая; она уцѣлѣла, а вся Россія
«сдѣлалась пепелищемъ.» Но Самозванецъ, имѣя
тысячъ пятнадцать Ляховъ и Козаковъ, пятьде-
сятъ или шестьдесятъ тысячъ Россійскихъ из-
мѣнниковъ ⁽¹⁹⁵⁾, большею частію худо воору-
женныхъ, дѣйствительно ли имѣлъ способъ
взять Москву, обширную твердыню, гдѣ кромѣ
жителей, находилось не менѣе осьмидесяти ты-
сячъ исправныхъ воиновъ подъ защитою крѣп-
кихъ стѣнъ и безчисленнаго множества пушекъ?
Александръ надѣялся болѣе на измѣну, нежели
на силу ⁽¹⁹⁶⁾; хотѣлъ отрѣзать Москву отъ горо-
довъ сѣверныхъ, и перенесъ станъ въ село Тай-
нинское, но былъ самъ отрѣзанъ: войско Мо-
сковское заняло Калужскую дорогу, и пресѣкло
его сообщеніе съ Украиною, откуда шли къ нему
новыя дружины Литовскія и везли запасы: дру-
жины были разсѣяны, запасы взяты, и Але-
ксандръ стѣсненъ на маломъ пространствѣ.
Усиленнымъ боемъ очистивъ себѣ путь, онъ воз-
вратился въ Тушино ⁽¹⁹⁷⁾, избралъ мѣсто вы-
годное, между рѣками Москвою и Восточною,
подлѣ Волоколамской дороги, и сѣвши тамъ
укрѣпиться валомъ съ глубокими рвами (коихъ
слѣды видимъ и нынѣ). Воеводы Царскіе, Князь
Скопинъ-Шуйскій, Романовъ и другіе ⁽¹⁹⁸⁾, стали

между Тушинымъ и Москвою, на Ходынкѣ; за ними и самъ Государь, на Прѣснѣ или Ваганковѣ, со всѣмъ Дворомъ и полками отборными: выѣзжая изъ столицы, онъ видѣлъ усердіе и любовь народа, слышалъ его искренніе обѣты вѣрности, и требовалъ отъ него тишины, великодушнаго спокойствія. Столица дѣйствительно казалась спокойною, извнѣ оберегаемая Царемъ, внутри особеннымъ *засаднымъ* войскомъ, коимъ предводительствовали Бояре ⁽¹⁹⁹⁾, и которое, храня всѣ укрѣпленія отъ Кремля до слободъ, въ случаѣ нападенія могло одно спасти городъ. Воспоминали нашествіе, угрозы и гибель Болотникова; надѣялись, что будетъ тоже и Самозванцу, а Царю новая слава, и ежечасно ждали битвы. Но Царь, готовый обороняться, не думалъ наступать, и далъ время непріятелю укрѣпиться въ Тушинскомъ станѣ: Василій занимался переговорами.

Уже нѣсколько мѣсяцевъ находились въ Москвѣ чиновники Сигизмундовы, Витовскій и Князь Друцкій-Соколинскій ⁽²⁰⁰⁾, присланные Кородемъ поздравить Василія съ воцареніемъ и требовать свободы всѣхъ знатныхъ Ляховъ. Бояре предложили имъ возобновить мирный договоръ Годунова времени, нарушенный Сигизмундомъ столь безсовѣстно; но чиновники Королевскіе объявили, что имъ должно видѣться для того съ Литовскими Послами, заключенными въ Москвѣ, и что безъ нихъ они не могутъ ни чего сдѣлать. Бояре согласились ⁽²⁰¹⁾. Живъ 18 мѣ-

сяцевъ въ страхѣ и въ скукѣ, тщетно хотѣвъ бѣжать и даже силою вырваться изъ неволи ⁽²⁰²⁾, Олесницкій и Госѣвскій снова явились въ Кремлевскомъ дворцѣ, какъ Послы, съ вѣрющею грамотою Королевскою; говорили, спорили, расходились съ неудовольствіемъ, чтобы опять сойтися. Мы желали мира: Ляхи желали только освободить единоземцевъ своихъ изъ рукъ нашихъ. Исполняя ихъ требованіе, Царь велѣлъ привезти въ Москву Воеводу Сендомирскаго, и дозволилъ ему бесѣдовать съ ними тайно, наединѣ, безъ сомнѣнія не въ миролюбивомъ къ намъ расположеніи Но Самозванецъ былъ уже подъ Москвою! Имѣя одну цѣль: отнять у него союзниковъ — Ляховъ, Василій дозволилъ Князю Рожинскому навѣдываться, словесно или письменно, о здоровьѣ Пословъ Сигизмундовыхъ: для чего сановники Литовскіе ѣздили изъ Тушинскаго стана въ Москву, свободно и безопасно ⁽²⁰³⁾. Наконецъ, 25 Іюля, Послы заключили съ Боярами слѣдующій договоръ: «1) Въ теченіе трехъ лѣтъ и одиннадцати мѣсяцевъ не быть «войнѣ между Россіею и Литвою. 2) Въ сіе «время условиться о вѣчномъ мирѣ или «двадцатилѣтнемъ перемиріи. 3) Обоимъ «Государствамъ владѣть, чѣмъ владѣютъ. «4) Царю не помогать врагамъ Королевскимъ, Королю врагамъ Царя, ни людьми,

пере-
миріе съ
Литвою.

«ни деньгами. 5) Воеводу Сендомирскаго «ссть дочерью и всѣхъ Ляховъ освободить и «дать имъ нужное для путешествія до гра- «ницы. 6) Князьямъ Рожинскому, Вишне- «вецкому и другимъ Ляхамъ, безъ вѣдома «Королевскаго вступившимъ въ службу къ «зломѣю, второму Лжедимитрію ⁽²⁰⁴⁾, не- «медленно оставить его, и впредь не при- «ставать къ бродягамъ, которые вздумаютъ «именовать себя Царевичами Россійскими. «7) Воеводѣ Сендомирскому не называть «сего новаго обманщика своимъ зятемъ, и «не выдавать за него дочери. 8) Маринѣ не «именоваться и не писаться Московскою «Царицею ⁽²⁰⁵⁾.» Договоръ утвердили съ обѣихъ сторонъ клятвою; но не Василій, а Сигизмундъ достигъ цѣли. Коварство Ляховъ открылось еще во время перегово- ровъ.

Чиновники, посылаемые отъ Князя Ро- Ковар-
ство
Ляховъ.
жинскаго изъ Тушина въ Москву, дѣйстви-
вали какъ лазутчики, высматривая укрѣ-
пленія города и стана Ходынского. Царь
былъ неостороженъ: Воеводы еще неосто-
рожиѣ. Сперва они бодрствовали неуто-
мимо, днемъ и ночью, въ доспѣхахъ и на
коняхъ; вдали легкіе отряды, вокругъ не-
усыпная стража. Но тишина, бездѣйствіе и
слухъ о мирѣ съ Ляхами уменьшили опа-
сеніе: Россіяне уже не береглися; а Гет-
манъ Лжедимитріевъ, ночью, съ Ляхами и

Козаками незапно ударилъ на станъ Ходынскій : захватилъ обозъ и пушки , рѣзалъ сонныхъ или безоружныхъ , и гналъ изумленныхъ ужасомъ бѣглецовъ почти до самой Прѣсни , гдѣ ихъ встрѣтило войско , высланное Царемъ съ Людьми Ближними , Стольниками , Стряпчими и Жняльцами . Тутъ началась кровопролитная битва , и непріятель долженъ былъ отступить ; его тѣснили и гнали до Ходынки ⁽²⁰⁶⁾ .

Василій могъ сираведливо жаловаться , что Ляхи , заключая миръ , воюють и нападаютъ въ распахъ : онъ скоро увидѣлъ ихъ совершенное вѣроломство . Исполняя договоръ , Василій вмѣстѣ съ Послами немедленно отпустилъ въ Литву Воеводу Сендомирскаго , Марину и всѣхъ ихъ знатныхъ единоземцевъ изъ Москвы и другихъ мѣстъ , гдѣ они содержались ; далъ имъ для храненія воинскую дружину подъ начальствомъ Князя Владиміра Долгорукаго , и надѣялся , что Рожинскій , Вишневецкій и другіе Паны , извѣщенные объ условіяхъ мира , оставятъ Лжедмитрія : но никто изъ нихъ не думалъ оставить его ! Они дали время Посламъ и Мнишку удалиться , и снова начали воевать , не внимая убѣжденіямъ нашихъ Бояръ , которые писали къ нимъ , что обманъ столь гнусный достоинъ не витязей Державы Христіанской , а подлыхъ слугъ злодѣя подлаго ; что если Рожинскій имѣетъ хотя искру чести въ душѣ , то обязанъ выдать Самозванца для казни , и немедленно выйти изъ Россіи ⁽²⁰⁷⁾ . Число Ляховъ грабителей

еще умножилось семью тысячами всадниковъ, приведенныхъ въ Тушино Усвятскимъ Старостою, Яномъ Петромъ Сапѣгою ⁽²⁰⁸⁾. Сей Рыцарь знатный, воинскими способностями превосходя всѣхъ иныхъ сподвижниковъ бродяги, превосходилъ ихъ и въ безстыдствѣ: зналъ, кто онъ; смѣялся надъ нимъ и надъ Россіянами; говорилъ: «мы жалуемъ въ Цари Московскіе, «кого хотимъ» ⁽²⁰⁹⁾; жегъ, грабилъ и хвалился *Римскимъ* геройствомъ! Сапѣга хотѣлъ битвою рѣшить судьбу Москвы, и тревожилъ нападеніями станъ Ходынской ⁽²¹⁰⁾: Рожинскій, управляя Самозванцемъ, медлилъ, ожидая скорой измѣны въ столицѣ: ибо тамъ уже дѣйствовали злодѣи, ненавистники Василювы; сносились еще съ Послами Литовскими ⁽²¹¹⁾, сносились и съ Гетманомъ Лжедмитріевымъ, давали имъ совѣты, готовили предательство. Нетерпѣливый и гордый Сапѣга отдѣлился отъ Гетмана; желалъ начальствовать независимо, завоевать внутреннія области Россіи, и съ пятнадцатью тысячами двинулся къ Лаврѣ Сергіевой, чтобы разграбить ея богатство. Съ другой стороны Панъ Лисовскій, именемъ Дмитрія присоединивъ къ своимъ шайкамъ 30,000 измѣнниковъ Тульскихъ и Рязанскихъ ⁽²¹²⁾, взялъ Коломну, плѣнилъ тамошняго Воеводу Долгорукаго, Епископа Іосифа, Дѣтей Боярскихъ и шелъ къ Москвѣ. Царь выслалъ противъ него Князей Куракина и Лыкова, которые на берегахъ Москвы рѣки, на Медвѣжьемъ Броду, сражались цѣлый

день, разбили непріятеля, освободили Коломенскихъ плѣнниковъ ⁽²¹³⁾ — и Лисовскій, хотѣвъ явиться въ Тушинѣ побѣдителемъ, явился тамъ бѣглецомъ съ многими всадниками. Царскіе Воеводы, Иванъ Бутурлинъ и Глѣбовъ, снова заняли Коломну.

Сей успѣхъ былъ предтечею бѣдствія. Князя Иванъ Шуйскій и Григорій Ромодановскій, посланные съ войскомъ въ слѣдъ за Сапѣгою, настигли его между селомъ Здвиженскимъ и Рахманцовымъ: отразили два нападенія и взяли пушки. Казалось, что они побѣдили; но Сапѣга, раненный пулею въ лице, не выпускалъ меча изъ рукъ, и сказавъ своимъ ⁽²¹⁴⁾: «отечество далеко; спасеніе и честь впереди, а

Побѣда Сапѣги. «за спиною стыдъ и гибель,» третьимъ отчаяннымъ ударомъ смѣшалъ Москвитянъ. Винили Воеводу Федора Головина, который первый дрогнулъ и бѣжалъ; хвалили Ромодановскаго, который не думалъ о сынѣ, подлѣ него убитомъ, и сражался мужественно: другіе слѣдовали примѣру Головина, а не Ромодановскаго, и, бывъ числомъ вдвое сильнѣе непріятеля, разсыпались, какъ стадо овецъ. Сапѣга гналъ ихъ 15 верстъ, взялъ 20 знаменъ и множество плѣнниковъ. Воеводы съ главными чиновниками бѣжали по крайней мѣрѣ къ Царю, но войны въ дома свои, крича:

«идемъ защитить нашихъ женъ и дѣтей отъ непріятеля (215)!»

Другое важное происшествіе имѣло для Москвы и Россіи еще вреднѣйшее слѣдствіе. Послы Литовскіе и Мнишекъ, выѣзжая изъ столицы, уже знали, чему надлежало случиться, бывъ въ тайномъ сношеніи съ Лжедмитріевыми совѣтниками, какъ мы сказали (216). Василій далъ на себя оружіе злодѣямъ, давъ свободу Маринѣ. Онъ вѣрилъ договору и клятвѣ; но могъ ли благоразумно вѣрить имъ въ такихъ обстоятельствахъ, въ такомъ общемъ забвеніи всѣхъ уставовъ чести и справедливости? Князь Долгорукій ѣхалъ съ Послами и съ Восводою Сендомирскимъ черезъ Угличъ, Тверь, Бѣлую, къ Смоленской границѣ, и былъ встрѣченъ сильнымъ отрядомъ конницы, высланной изъ Тушинскаго стапа съ двумя чиновными Ляхами, Зборовскимъ и Стадницкимъ (217), чтобы освободить Марину. Долгорукій не могъ или не хотѣлъ противиться; воины его разбѣжались: онъ самъ ускакалъ назадъ въ Москву; а чиновники Лжедмитріевы, объявивъ Маринѣ, что супругъ ждетъ ее съ нетерпѣніемъ, вручили грамоту отцу ея. «Мы сердечно обрадовались» — писалъ къ нему Самозванецъ — «услышавъ о вашемъ отъѣздѣ изъ Москвы: ибо лучше знать, что «вы далѣе, но свободны, нежели думать, что вы «близко, но въ плѣну. Сиѣшите къ нѣжнему «сыну. Не въ униженіи, какъ теперь, а въ чести и въ славѣ, какъ будетъ скоро, должна ви-

«дѣтъ вась Польша. Мать моя, ваша су-
«пруга, здорова и благополучна въ Сендо-
«мирѣ : ей все извѣстно.» Мнишекъ и Ма-
рина не колебались. Отечество, безопас-
ность, вельможество и богатство, еще до-
статочно для жизни роскошной, не имѣли
для нихъ прелести тропа и мщенія ; ни
опасности, ни стыдъ не могли удержать
ихъ отъ новаго, вѣроломнаго и еще гнус-
нѣйшаго союза съ злодѣйствомъ. Лжеди-
митрій звалъ къ себѣ и Пословъ Сигиз-
мундовыхъ : одинъ Николай Олесницкій
возвратился; другіе спѣшили въ Литву⁽²¹⁸⁾,
не хотѣвъ быть свидѣтелями срамнаго тор-
жества Марины, которая ѣхала къ мни-
мому Царю своему пышно и безопасно,
мѣстами уже ему подвластными. Узнавъ,
что она приближается, Самозванецъ ве-
лѣлъ палить изъ всѣхъ пушекъ⁽²¹⁹⁾; но
Марина остановилась въ шатрахъ за вер-
сту отъ Тушина : тамъ было первое свиданіе,
и не радостное, какъ пишутъ. Марина
знала истину; знала вѣрно, что убитый
мужъ ея не воскресъ изъ мертвыхъ, и за-
благовременно приготовилась къ обману :
съ печалію однакожь увидѣла сего втораго
Самозванца, гадкаго наружностію, грубаго,
низкаго душою — и, еще не мертвая для
чувствъ женскаго сердца, содрогнулась отъ
мысли раздѣлять ложе съ такимъ человѣ-
комъ. Но поздно! Мнишекъ и честолюбіе

убѣдили Марину преодолѣть слабость. Условились, чтобы Духовникъ Воеводы Сепдомирскаго, Іезуитъ, тайно обвинчалъ ее съ Лжедмитріемъ, который далъ слово жить съ нею какъ братъ съ сестрою, до завоеванія Москвы ⁽²²⁰⁾. Наконецъ, 1 Сентября, Марина торжественно въѣхала въ Тушинскій станъ, и лицедѣйствовала столь искусно, что зрители умилялись ея нѣжностію къ супругу: радостныя слезы, объятія, слова внушенныя, казалось, истиннымъ чувствомъ — все было употреблено для обмана, и не бесполезно: многіе вѣрили ему, или по крайней мѣрѣ говорили, что вѣрятъ, и Россійскіе измѣнники писали къ своимъ друзьямъ: «Димитрій есть безъ сомнѣнія истинный, когда Марина признала въ немъ мужа» ⁽²²¹⁾. Сіи письма имѣли дѣйствіе: изъ разныхъ городовъ, изъ самаго войска Царскаго пріѣхали къ злодѣю Дворяне, люди чиновные, Стольники: Князья Дмитрій Трубецкій, Черкасскій, Алексѣй Сицкій, Засѣкины, Михайло Бутурлинъ, Дьякъ Грамотинъ, Третьяковъ и другіе, которые знали перваго Лжедмитрія, и слѣдственно знали обманъ втораго ⁽²²²⁾. Въ числѣ сихъ немаловажныхъ измѣнниковъ находился и знатнѣйшій, Вельможа, Дворецкій Отрепьева, Князь Василій Рубецъ-Мосальскій: сосланный воеводствовать въ Кексгольмъ, онъ былъ вызванъ или привезенъ въ Москву какъ человѣкъ подозрительный, видѣлъ себя въ опасности и съ дерзостію явился на новомъ театрѣ злодѣйства ⁽²²³⁾. Другіе, менѣе безсовѣстные, но

малодушные, не ожидая ничего, кромѣ бѣдствій для Царя, разтѣхались отъ него по домамъ ⁽²²⁴⁾; не тронулись, и были ему до конца вѣрны, одни Украинскіе Дворяне и Дѣти Боярскіе, вопреки бунтамъ ихъ отчизны клятой ⁽²²⁵⁾.

С к о-
п и н ъ
посланъ
къ Шве-
дамъ.

Видя страшное начало измѣнъ и ежедневное уменьшеніе войска, Василій рѣшился устранить гордость народную: доселѣ не хотѣвъ слышать о вспоможеніи иноземномъ, велѣлъ своему знаменитому племяннику, Князю Михаилу Скопину-Шуйскому, ѣхать къ непріятелю Сигизмундову, Карлу IX, заключить съ нимъ союзъ и привести Шведовъ для спасенія Россіи! Уже Царь могъ безъ вины не вѣрить отечеству, зараженному духомъ предательства — и лучшій изъ Воеводъ, хотя и юнѣйшій, въ годину величайшей опасности съ печалію удалился отъ рати, думая, что онъ возвратится, можетъ быть, уже поздно, не спасти Царя, а только умереть послѣднимъ изъ достойныхъ Россіянъ!... Тогда же Царь писалъ къ Государямъ западной Европы, къ Королю Датскому, Англійскому и къ Императору ⁽²²⁶⁾, о вѣроломствѣ Сигизмундовомъ, требуя ихъ вспоможенія или, по крайней мѣрѣ, суда безпристрастнаго. Но не въ такихъ обстоятельствахъ Державы находятъ союзниковъ ревностныхъ: касаясь гибели, Россія могла

быть только предметомъ любопытства или
безплодной жалости для отдаленной Ев-
ропы!

Еще оказывая благородную неустраши-
мость, Василій искалъ если не геройства,
то стыда въ Россіянахъ; собралъ воиновъ
и спрашивалъ, кто хочетъ стоять съ нимъ
за Москву и за Царство? говорилъ: «Для
«чего срамить себя бѣгствомъ? Даю вамъ
«волю: идите, куда хотите! Пусть только
«вѣрные останутся со мною!» Казалось,
что воины ждали сего великодушнаго сло-
ва: требовали Евангелія и креста; напере-
рывъ цѣловали его и клялися умереть за
Царя а на другой и въ слѣдующіе ^{Бѣгство}
дни толпами бѣжали въ Тушино тѣ, ^{къ Само-}
^{званцу.} которые еще недавно служили вѣрно Іоанну
ужасному, измѣняли Царю снисходитель-
ному, передавались къ бродягѣ и Ляхамъ,
древнимъ непріятелямъ Россіи, исполнен-
нымъ злобой мести и справедливаго къ
нимъ презрѣнія! Чудесное изступленіе
страстей, изъясняемое единственно гнѣ-
вомъ Божиимъ! Сей народъ, безмолвный
въ грозахъ Самодержавія послѣдствен-
наго, уже игралъ Царями, узнавъ, что
они могутъ быть избираемы и низвер-
гаемы его властію или дерзкимъ своеволь-
ствомъ (227)!

Съ такимъ ли войскомъ могъ Василій
отважиться на рѣшительную битву въ по-

лѣ? Бывъ дотолѣ защитникомъ Москвы, онъ уже искалъ въ ней защиты для себя : вступилъ со всѣми полками въ столицу ⁽²²⁸⁾, орошенную кровію Самозванца и Ляховъ, туда, гдѣ страхъ лютой мести долженъ былъ воспламенить и малодушныхъ для отчаяннаго сопротивленія. Всѣ улицы, стѣны, башни, земляныя укрѣпленія наполнились воинами, подъ начальствомъ мужей Думныхъ ⁽²²⁹⁾, которые еще съ видомъ усердія ободряли ихъ и народъ. Но не было уже ни взаимной довѣренности между государственною властію и подданными, ни ревности въ душахъ, какъ бы утомленныхъ напряженіемъ силъ въ непрестанномъ бореніи съ опасностями грозными. Все ослабѣло : благоговѣніе къ сану Царскому, уваженіе къ Синклиту и Духовенству. Блескъ Василиевой великодушной твердости затмѣвался въ глазахъ страждущей Россіи его несчастіемъ, которое ставили ему въ вину и въ обманъ : ибо сей Властолюбецъ, принимая скипетръ, обѣщалъ благоденствіе Государству. Видѣли ревностную мольбу Василиеву въ храмахъ; но Богъ не внималъ ей — и Царь злосчастный казался народу Царемъ неблагословеннымъ, отверженнымъ. Духовенство славilo высокую добродѣтель Вѣщеносца ⁽²³⁰⁾, и Бояре еще изъявляли къ нему усердіе; но Москвитяне помнили, что Духовенство славilo и кляло Годунова, славilo и кляло Отрепьева; что Бояре изъявляли усердіе и къ Разстригѣ наканунѣ его убіенія. Въ смятеніи мыслей и чувствъ, добрые скорбѣли,

слабые недоумѣвали, злые дѣйствовали... и гнусныя измѣны продолжались.

Столица уже не имѣла войска въ полѣ : конныя дружины непріятельскія , разѣзжая въ виду стѣнъ ея , прикрывали бѣгство Московскихъ измѣнниковъ , воиновъ и чиновниковъ , къ Самозванцу ; многіе изъ нихъ возвращались съ увѣреніемъ , что онъ не Димитрій ⁽²³¹⁾ , и снова уходили къ нему. Злодѣйство уже казалось только легкомысліемъ ; уже не мерзли сими обыкновенными бѣглецами , а шутили надъ ними , называя ихъ *перелетами* ⁽²³²⁾ . Развратъ былъ столь ужасенъ , что родственники и ближніе уговаривались между собою , кому оставаться въ Москвѣ , кому ѣхать въ Тушино , чтобы пользоваться выгодами той и другой стороны , а въ случаѣ несчастія , здѣсь или тамъ , имѣть заступниковъ . Вмѣстѣ обѣдавъ и пировавъ (тогда еще пировали въ Москвѣ !) одни спѣшили къ Царю въ Кремлевскія палаты , другіе къ Царику : такъ именovali втораго Лжедимитрія . Взявъ жалованье изъ казны Московской , требовали инаго изъ Тушинской — и получали ! Купцы и Дворяне за деньги снабжали станъ непріятельскій яствами , солью , платьемъ , оружіемъ , и не тайно : знали , видѣли и молчали ; а кто доносилъ Царю , именовался *паушникомъ* ⁽²³³⁾ . Василій колебался : то не смѣлъ въ крайности быть

Раз-
вратъ
въ Мо-
сквѣ.

жестокимъ, подобно Годунову ⁽²³⁴⁾, и спускалъ преступникамъ; то хотѣлъ строго-стію унять ихъ, и вѣря иногда клеветникамъ, наказывалъ невинныхъ, къ умноженію зла. «Вельможи сего» — говоритъ Лѣтописецъ — «были въ смущеніи и въ *двоемыслии*: служили ему яыкомъ, а не душею и тѣломъ; нѣкоторые дерзали и сло-«вами язвить Царя заочно, вопреки при-«сягѣ и совѣсти.» Не взирая на то, Москва, наученная примѣромъ Отрепьева ⁽²³⁵⁾, еще не думала предать Царя; еще вѣрность, хотя и сомнительная, одолевала измѣну въ войскѣ и въ народѣ: все колебалось, но еще не падало къ ногамъ Самозванца. Окруженная твердынями, наполненная воинами, столица могла не страшиться приступа, когда гордый Сапѣга, въ сіе время, тщетно силился взять и монастырскую ограду, гдѣ горсть защитниковъ среди ужасовъ беззаконія и стыда еще помнила Бога и честь Русскаго имени.

Знаме-
ннѣйша
осада
Лавры.

Троицкая Лавра Св. Сергія (въ шестидесяти четырехъ верстахъ отъ столицы), прельщая Ляховъ своимъ богатствомъ, множествомъ золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ, драгоценныхъ каменьевъ, образовъ, крестовъ, была важна и въ воинскомъ смыслѣ, способствуя удобному сообщенію Москвы съ Сѣверомъ и Востокомъ Россіи: съ Новымъ городомъ, Вологдою,

Пермію, Сибирскою землею, съ областію Владимірскою, Нижегородскою и Казанскою, откуда шли на помощь къ Царю дружины ратныя, везли казну и занасы. Основанная въ лѣсной пустынѣ, среди овраговъ и горъ, Лавра еще въ царствованіе Іоанна IV была ограждена (на пространствѣ шести сотъ сорока двухъ саженой) каменными стѣнами (вышиною въ четыре, толщиною въ три сажени) съ башнями, острогомъ и глубокимъ рвомъ ⁽²³⁶⁾: предусмотрительный Василій успѣлъ занять ее дружинами Дѣтей Болгарскихъ, Козаковъ вѣрныхъ, Стрѣльцевъ, и съ помощію усердныхъ Иноковъ снабдить всѣмъ нужнымъ для сопротивленія долговременнаго. Сии Иноки — изъ коихъ многіе, бывъ мірянами, служили Царямъ въ чинахъ воинскихъ и Думныхъ — взяли на себя не только значительныя издержки и молитву, но и труды кровавые въ бѣдствіяхъ отечества; не только, сверхъ рясъ надѣвъ до сѣѣхи, ждали непріятеля подъ своими стѣнами, но и выходили вмѣстѣ съ воинами на дороги, чтобы истреблять его разбѣзды, ловить вѣстниковъ и лазутчиковъ, прикрывать обозы Царскіе ⁽²³⁷⁾; дѣйствовали и невидимо въ станахъ вражескихъ, писменными увѣщаніями отнимая клеветовъ у Самозванца, трогая совѣсть легкомысленныхъ, еще незакоснѣлыхъ пзмѣнниковъ, и представляя имъ въ спасительное убѣжище Лавру, гдѣ число добрыхъ подвижниковъ, одушевленныхъ чистою ревностію или раскаяніемъ, умножалось. «Доколѣ» — говорили Лжедмитрію

Ляхи — «доколѣ свирѣпствовать противъ насъ «симъ кровожаднымъ вранамъ, гнѣздящимся въ ихъ каменномъ гробѣ»⁽²³⁸⁾? Города многолюдные «и цѣлыя области уже твои; Шуйскій бѣжалъ «отъ тебя съ войскомъ, а Черныцы ведутъ дерзкую войну съ тобою! Разсыплетъ ихъ прахъ и «жилище!» Еще Лисовскій, злодѣйствуя въ Переславской и Владимірской области, мыслилъ взять Лавру; увидѣвъ трудность, прошелъ мимо, и сжегъ только посадъ Клементьевскій⁽²³⁹⁾: но Сапѣга, разбивъ Князей Ивана Шуйскаго и Ромодановскаго⁽²⁴⁰⁾, хотѣлъ, чего бы то ни стоило, овладѣть ею.

Сія осада знаменита въ нашихъ лѣтописяхъ не менѣе Псковской, и еще удивительнѣе: первая утѣшила народъ во время его страданія отъ жестокости Іоанновой; другая утѣшаетъ потомство въ страданіи за предковъ, униженныхъ развратомъ. Въ общемъ паденіи духа увидимъ доблесть нѣкоторыхъ, и въ ней причину государственнаго спасенія: казня Россію, Всевышній не хотѣлъ ея гибели, и для того еще оставилъ ей *такихъ* гражданъ. Не устранимъ подробностей въ описаніи дѣлъ славныхъ, совершенныхъ хотя и въ предѣлахъ смиренной Обители Монашеской, людьми простыми, низкими званіемъ, высокими единственно душою!

23 Сентября Сапѣга, а съ нимъ и Лисовскій; Князь Константинъ Вишневецкій, Тишкѣвичи и многіе другіе знатные Паны, предводительствуя тридцатю тысячами Ляховъ, Козаковъ и Рос-

сійскихъ измѣнниковъ, стали въ виду монастыря на Клементьевскомъ полѣ ⁽²⁴¹⁾. Осадные Воеводы Лавры, Князь Григорій Долгорукій и Алексѣй Голохвастовъ, желая узнать непріятеля и показать ему свое мужество, сдѣлали вылазку, и возвратились съ малымъ урономъ, давъ время жителямъ монастырскихъ слободъ обратить ихъ въ пепелъ: каждый зажегъ домъ свой, спасая только семейство, и спѣшилъ въ Лавру. Непріятель, въ слѣдующій день, осмотрѣвъ мѣста, занялъ всѣ высоты и всѣ пути, расположился станомъ и началъ укрѣпляться ⁽²⁴²⁾. Между тѣмъ Лавра наполнилась множествомъ людей, которые искали въ ней убѣжища, не могли вмѣститься въ келліяхъ и не имѣли крова: больные, дѣти, родильницы лежали на дождѣ въ холодную осень ⁽²⁴³⁾. Легко было предвидѣть дальнѣйшія, гибельныя слѣдствія тѣсноты; но добрые Иноки говорили: «Св. Сергій не отвергаетъ «злосчастныхъ» — и всѣхъ принимали. Воеводы, Архимандритъ Іоасафъ и Соборные Старцы урядили защиту: вездѣ разставили пушки; назначили, кому биться на стѣнахъ, или въ вылазкахъ, и Князь Долгорукій съ Голохвастовымъ первые, надъ гробомъ Св. Сергія, поцѣловали крестъ въ томъ, чтобы *сидѣть въ осадѣ безъ измѣны* ⁽²⁴⁴⁾. Всѣ люди ратные и монастырскіе слѣдовали ихъ примѣру въ духѣ любви и братства, ободряли другъ друга и съ ревностію готовились къ *трапезѣ кровопролитной*, пить чашу смертную за отечество ⁽²⁴⁵⁾. Съ сего времени

пѣніе не умолкало въ церквахъ Лавры, ни днемъ, ни ночью.

29 Сентября Сапѣга и Лисовскій писали къ Воеводамъ : «Покоритесь Димитрію, истинному Царю вашему и нашему, который не только силенъ, но и милостивъ Ажецаря Шуйскаго, имѣя, чѣмъ жаловать вѣрныхъ, ибо владѣтъ уже едва не всѣмъ Государствомъ, стѣснивъ своего злодѣя въ Москвѣ осажденной. Если мирно сдадитесь, то будете Намѣстниками *Троицкаго града* и владѣтелями многихъ селъ богатыхъ; въ случаѣ бесполезнаго упорства, падутъ ваши головы.» Они писали и къ Архимандриту и къ Инокамъ, напоминая имъ милость Іоанна къ Лаврѣ, и требуя благодарности, ожидаемой отъ нихъ его сыномъ и невѣсткою. Архимандритъ и Воеводы читали сіи грамоты всенародно; а Монахи и воины сказали : «упомянутое наше есть Святая Троица, стѣна и щитъ Богоматерь, Святые Сергій и Никонъ сподвижники : не страшимся!» Въ бравномъ отвѣтѣ Ляхамъ не оставили слова на миръ; но не тронули измѣнника, Сына Боярскаго, Безсона Руготина, который привозилъ къ нимъ Сапѣгины грамоты ⁽²⁴⁶⁾.

30 Сентября непріятель утвердилъ туры на горѣ Волкушѣ, Терентьевской, Круглой и Красной ⁽²⁴⁷⁾; выкопалъ ровъ отъ Келарева пруда до Глинянаго врага, насыпалъ широкій валъ, и съ 3 Октября, въ теченіе шести недѣль, палилъ изъ шестидесяти трехъ пушекъ ⁽²⁴⁸⁾, стараясь разру-

шить каменную ограду; стѣны, башни тряслися, но не падали, отъ худаго ли искусства пушкарей, или отъ малости ихъ орудій: сыпались кирпичи, дѣлались отверстія и немедленно задѣлывались; ядра каленныя летѣли мимо зданій монастырскихъ въ пруды, или гасли на пустыряхъ и въ ямахъ, къ удивленію осажденныхъ, которые, видя въ томъ чудесную къ нимъ милость Божію, укрѣплялись духомъ, и въ ожиданіи приступа всѣ исповѣдались, чтобы съ чистою совѣстію не робѣть смерти; многіе постриглись, желая умереть въ санѣ Монашескомъ. Иноки, дѣла съ воинами опасности и труды, ежедневно обходили стѣны съ святыми иконами.

Санѣга готовился къ первому рѣшительному дѣлу не молитвою, не покаяніемъ, а пиромъ для всего войска. 12 Октября съ утра до вечера Ляхи и Россійскіе пзмѣнники шумѣли въ станѣ, пили, стрѣляли, скакали на лошадяхъ съ знаменами вокругъ Лавры, въ сумерки вышли полками къ турамъ, заняли дорогу Углицкую, Переславскую, и ночью устремились къ монастырю съ лѣстницами, щитами и тарасами, съ крикомъ и музыкою. Ихъ встрѣтили залпомъ изъ пушекъ и пищалей; не допустили до стѣнъ; многихъ убили, ранили: всѣ другіе бѣжали, кинувъ лѣстницы, щиты и тарасы ⁽²¹⁹⁾. Въ слѣдующее утро осажденные взяли сіи трофеи и предали огню, слава Бога. — Не одолѣвъ силою, Санѣга еще думалъ взять Лавру угрозами и лестію: Ляхи мирно подѣзжали къ стѣнамъ, указывали на

свое многочисленное войско, предлагали выгодныя условія; но чѣмъ болѣе требовали сдачи, тѣмъ менѣе казались страшными для осажденныхъ, которые уже дѣйствовали и наступательно.

19 Октября, видя малое число непріятелей въ огородахъ монастырскихъ, Стрѣльцы и Козаки безъ повелѣнія Воеводъ спустились на веревкахъ съ стѣны, напали и перерѣзали тамъ всѣхъ Ляховъ. Пользуясь сею ревностію, Князь Долгорукій и Голохвастовъ тогда же сдѣлали смѣлую вылазку съ конными и пѣхотными дружинами, къ турамъ Красной горы, чтобы разрушить непріятельскія бойницы; но въ жестокой сѣчѣ лишились многихъ добрыхъ воиновъ ⁽²³⁰⁾. Никто не отдался въ плѣнъ; раненыхъ и мертвыхъ принесли въ Лавру, всего болѣе жалѣя о храбростѣ чиновникѣ Бреховѣ: онъ еще дышалъ, и былъ вмѣстѣ съ другими умирающими постриженъ въ Монахи. . . . Въ возмездіе за вѣрную службу Царю земному, отечество передавало ихъ въ Образѣ Ангельскомъ Царю Небесному.

Гордясь симъ дѣломъ какъ побѣдою, непріатель хотѣлъ довершить ее: въ темную осеннюю ночь (25 Октября), когда огни едва свѣтились и все затихло въ Лаврѣ, дремлющіе воины встрепенулись отъ незапнаго шума: Ляхи и Россійскіе измѣнники, подъ громомъ всѣхъ своихъ бойницъ, съ крикомъ и воплемъ, стремились къ монастырю, достигли рва, и соломкою съ берегомъ зажгли острогъ: яркое пламя озарило ихъ

толпы какъ бы днемъ, въ цѣль пушкамъ и пищалямъ. Сильною стрѣльбою и гранатами осажденные побили множество смѣлѣйшихъ Ляховъ и не дали имъ сжечь острога; непріятель ушелъ въ свои законы, но и въ нихъ не остался: при свѣтѣ восходящаго солнца видя на стѣнахъ церковныя хоругви, воиновъ, Священниковъ, которые пѣли тамъ благодарственный молебенъ за побѣду, онъ устранился нападенія и бѣжалъ въ станъ укрѣпленный. Нѣсколько дней минуло въ бездѣйствіи ⁽²⁵¹⁾.

Но Сапѣга и Лисовскій въ тишинѣ готовили гибель Лаврѣ: вели подкопы къ стѣнамъ ея ⁽²⁵²⁾. Угадывая сіе тайное дѣло, Князь Долгорукій и Голохвастовъ хотѣли добыть языковъ: сдѣлали вылазку на Княжеское поле, къ Мишутинскому врагу, гдѣ, разбивъ непріятельскую стражу, захватили Литовскаго Ротмистра, Брушевскаго, и безъ урона возвратились, не давъ Сапѣгѣ преградить имъ пути. Разспрашивали чиновнаго пѣшника и пытали: онъ сказалъ, что Ляхи дѣйствительно ведутъ подкопъ, но не знаютъ мѣста ⁽²⁵³⁾. Воеводы избрали человѣка искуснаго въ ремеслѣ горномъ, монастырскаго слугу, Корсакова, и велѣли ему *дѣлать* подъ башнями такъ называемые *слухи*, или ямы въ глубину земли, чтобы слушать тамъ голоса или стука людей копающихъ въ ея нѣдрахъ; велѣли еще углубить ровъ внѣ Лавры, отъ Востока къ Сѣверу ⁽²⁵⁴⁾. Сія работа произвела двѣ битвы кро-

воиrolитныя : непріятель напалъ на копателей, но былъ отраженъ дѣйствіемъ монастырскихъ пушекъ. Въ другой сѣчѣ за ровомъ, Ноября 1, Ляхи убили 190 человекъ и взяли нѣсколько плѣнниковъ ⁽²⁵⁵⁾; стѣснили осажденныхъ, не пускали ихъ черпать воды въ прудахъ вѣхъ крѣпости ⁽²⁵⁶⁾, и приблизили свои окопы къ стѣнамъ. Сердца уныли и въ великодушныхъ : видѣли уменьшеніе силъ ратныхъ ; опасались болѣзней отъ тѣсноты и недостатка въ хорошей водѣ ; знали вѣрно, что есть подкопъ, но не знали, гдѣ, и могли ежечасно взлетѣть на воздухъ ⁽²⁵⁷⁾. Тогда же нѣсколько ядеръ упало въ Лавру : одно ударило въ большой колоколъ, въ церковь, и, къ общему ужасу, раздробило святыя иконы, предъ коими народъ молился съ усердіемъ ; другимъ убило Инокиню ; третьимъ, въ день Архангела Михаила, оторвало ногу у Старца Корнилія : сей Инокъ благочестивый, неходя кровію, сказалъ : «Богъ Архистратигомъ «своимъ Михаиломъ отмститъ кровь Христіанскую» — и тихо скончался. Тогда же между вѣрными Россіянами нашлись и невѣрные : слуга монастырскій, Селевинъ, бѣжалъ къ Ляхамъ. Боялись его извѣстовъ, козней и тайныхъ единомышленниковъ : одинъ примѣръ измѣны былъ уже опасенъ ⁽²⁵⁸⁾. — Въ сихъ обстоятельствахъ не измѣнилась ревность добрыхъ Старцевъ : первые на молитвѣ, на стражѣ и въ битвахъ, они словомъ и дѣломъ воспламеняли защитниковъ, представляя имъ малодушіе грѣхомъ, не-

робкую смерть долгомъ Христіанскимъ и гибель временную вѣчнымъ спасеніемъ ⁽²⁵⁹⁾.

Битвы продолжались. Осажденные сдѣлали въ землѣ ходъ, изъ-подъ стѣны въ ровъ, съ тремя желѣзными воротами для скорѣйшихъ вылазокъ ⁽²⁶⁰⁾; въ темныя ночи напали на окопы непріятельскіе, хватали языковъ, допрашивали и свѣдали наконецъ важную тайну: тяжело раненный плѣнникъ, Козакъ Дѣдиловскій, умирая Христіаниномъ, указалъ Воеводамъ мѣсто подкопа: Ляхи вели его отъ мельницы къ круглой угольной башнѣ нижняго монастыря ⁽²⁶¹⁾. Укрѣпивъ сіе мѣсто частоколомъ и турами, Воеводы рѣшились уничтожить опасный замыселъ Сапѣги. Два случая ободрили ихъ: мѣткою стрѣльбою имъ удалось разбить главную Литовскую пушку, которая называлась *Трещерою*, и болѣе иныхъ вредила монастырю. Другое счастливое происшествіе уменьшало силу непріятеля: 500 Козаковъ Донскихъ, съ Атаманомъ Епифанцемъ, устыдились воевать святую Обитель и бѣжали отъ Сапѣги въ свою отчизну ⁽²⁶²⁾. 9 Ноября, за три часа до свѣта, взявъ благословеніе Архимандрита надъ гробомъ Св. Сергія, Воеводы тихо вышли изъ крѣпости съ людьми ратными и Монахами. Глубокая тьма скрывала ихъ отъ непріятеля; но какъ скоро они стали въ ряды, сильный порывъ вѣтра разсѣялъ облака: мгла исчезла; ударили въ осадный колоколъ, и все кинулись впередъ, восклицая имя Св. Сергія ⁽²⁶³⁾. Нападеніе было

съ трехъ сторонъ , но стремились къ одной цѣ-
ли : выгнали Козаковъ и Ляховъ изъ ближай-
шихъ укрѣпленій , овладѣли мельницею , нашли
и взорвали подкопъ , къ сожалѣнію , съ двумя
смѣльчаками (Шиловымъ и Слотомъ , Кле-
ментьевскими земледѣльцами) , которые напо-
нили его веществомъ горючимъ , зажгли и не
успѣли спастись. Побѣдители были еще не до-
вольны : рѣзались съ непріателемъ между его
бойницами , падали отъ ядеръ и меча. Не слу-
шаясь начальниковъ , всѣ остальные Иноки и
воины , толпа за толпою , прибѣжали изъ мона-
стыря въ пылъ сѣчи , долго упорной. Нѣсколько
разъ Ляхи сбивали ихъ съ высотъ въ лощины ,
гнали и трубили побѣду ; но Россіяне снова вы-
ходили изъ овраговъ , лѣзли на горы , и нако-
нецъ взяли Красную со всѣми ея турами , не
мало плѣнниковъ , знамена , 8 пушекъ , множе-
ство самопаловъ , ручницъ , копій , палашей ,
воинскихъ снарядовъ , трубъ и литавръ ; сожгли ,
чего не могли взять , и въ торжествѣ , облитые
кровію , возвратились при колокольномъ звонѣ
всѣхъ церквей монастырскихъ , неся своихъ
мертвыхъ , 174 человѣка , и 66 тяжело ранен-
ныхъ , а непріятельскія укрѣпленія оставивъ въ
пламени. Битва не пресѣкалась съ ранняго утра
до темнаго вечера. 1500 Россійскихъ измѣнни-
ковъ и Ляховъ , съ Панами Угорскимъ и Мазо-
вецкимъ , легли около мельницы , прудовъ Кле-
ментьевскаго , Келарева , Конюшеннаго и Круг-
лаго , церквей нижняго монастыря и противъ

Красныхъ воротъ (ибо Ляхи, въ срединѣ дѣла имѣвъ выгоду, гнали нашихъ до самой ограды) ⁽²⁶⁴⁾. Иноки и воины хоронили тѣла съ умиленіемъ и благодарностію; раненныхъ покоили съ любовію въ лучшихъ келліяхъ, на иждивеніи Лавры. Славили мужество Дворянъ, Внукова и Есипова убитыхъ, Ходырева и Зубова живыхъ ⁽²⁶⁵⁾. Братъ измѣнника и переметчика ⁽²⁶⁶⁾, Сотникъ Данило Селевинъ, сказалъ: «хочу смертію загладить безчестіе нашего рода,» и сдержалъ слово: пѣшіи напалъ на дружину Атамана Чики, саблею изрубилъ трехъ всадниковъ, и смертельно раненный въ грудь четвертымъ, еще имѣлъ силу убить его на мѣстѣ. Другой воинъ Селевинъ также удивилъ храбростію и самыхъ храбрыхъ ⁽²⁶⁷⁾. Слуга монастырскій, Меркурій Айгустовъ, первый достигъ непріятельскихъ бойницъ, и былъ застрѣленъ изъ ружья Литовскимъ пушкаремъ, коему сподвижники Меркуріевы въ то же мгновеніе отсѣкли голову ⁽²⁶⁸⁾. Иноки сражались вездѣ впереди. — О семъ счастливомъ дѣлѣ Архимандритъ и Воеводы извѣстили Москву, которая праздновала оное вмѣстѣ съ Лаврою ⁽²⁶⁹⁾.

Стыдяся своихъ неудачъ, Сапѣга и Лисовскій хотѣли испытать хитрость: ночью скрыли конницу въ оврагахъ, и послали нѣсколько дружинъ къ стѣнамъ, чтобы выманить осажденныхъ, которые дѣйствительно устремились на нихъ и гнали бѣгущихъ къ засадѣ; но стражи, увидѣвъ ее съ высокой башни, звукомъ осад-

наго колокола извѣстили своихъ о хитрости непріятельской : они возвратились безвредно, и съ плѣнниками ⁽²⁷⁰⁾.

Настала зима. Непрѣитель, большею частію укрываясь въ станѣ, держался и въ закопахъ : Воеводы Троицкіе хотѣли выгнать его изъ ближнихъ укрѣпленій, и на разсвѣтѣ туманнаго дня вступили въ дѣло жаркое ; занявъ врагъ Мишутинъ, Благовѣщенскій дѣсъ и Красную гору до Клементьевскаго пруда, не могли одолѣть соединенныхъ силъ Лисовскаго и Сапѣги : были притиснуты къ стѣнамъ ; но подкрѣпленные новыми дружинами, начали вторую битву, еще кровопролитнѣйшую и для себя отчаянную, ибо уже не имѣли ничего въ запасѣ. Монастырскія бойницы и личное геройство многихъ дали имъ побѣду. «Св. Сергій» — говоритъ Лѣтописецъ — «охрабрилъ и невѣждъ ; безъ латъ и шлемовъ, безъ навыка и знанія ратнаго, они шли на «войновъ опытныхъ, dospѣпныхъ, и побѣждали» ⁽²⁷¹⁾. Такъ житель села Молокова, именемъ Суета, ростомъ великанъ, силою и душою богатырь, всѣхъ затмилъ чудесною доблестію ; слѣдался истиннымъ Воеводою, увлекалъ другихъ за собою въ жестокою свалку ; на обѣ стороны сѣкъ головы бердышемъ и двигался впередъ по трунамъ. Слуга Пименъ Тененевъ пустилъ стрѣлу въ лѣвый високъ Лисовскаго и свалилъ его съ коня ⁽²⁷²⁾. Другаго знатнаго Ляха, Князя Юрія Горскаго, убилъ воинъ Павловъ, и примчалъ мертваго въ Лавру ⁽²⁷³⁾. Бились въ руко-

нашъ, рѣзались ножами, и толпы непріятельскія рѣдѣли отъ сильнаго дѣйствія стѣнныхъ пушекъ. Сапѣга, неготовый къ приступу, увидѣвъ наконецъ вредъ свой запальчивости, удалился; а Лавра торжествовала вторую знаменитую побѣду.

Но предстояло искушеніе для твердости. Въ холодную зиму монастырь не имѣлъ дровъ: надлежало кровлю доставать ихъ: ибо непріятель стерегъ дровосѣковъ въ рощахъ, убивалъ и плѣнилъ многихъ людей ⁽²⁷⁴⁾. Осажденные едва не лишились и воды: два злодѣя, изъ Дѣтей Боярскихъ, передались къ Ляхамъ и сказали Сапѣгѣ, что если онъ велитъ спустить главный внѣшній прудъ, изъ коего были проведены трубы въ ограду, то всѣ монастырскіе пруды иссохнутъ ⁽²⁷⁵⁾. Непріятель началъ работу, и тайно: къ счастью, Воеводы узнали отъ плѣнника и могли уничтожить сей замыселъ: сдѣлавъ ночью вылазку, они умертвили работниковъ, и вдругъ отворивъ всѣ подземельныя трубы, водою внѣшняго пруда наполнили свои, внутри Обители, на долгое время ⁽²⁷⁶⁾. — Нашлись и другіе, гораздо важнѣйшіе измѣнники: Казначей монастырскій, Іосифъ Дѣвочкинъ, и самъ Воевода Голохвастовъ, если вѣрить сказанію Лѣтописца: ибо въ великихъ опасностяхъ или бѣдствіяхъ, располагающихъ умы и сердца къ подозрѣнію, не рѣдко вражда личная язвитъ и невинность клеветою смертоносною. Пишутъ, что сіи два чиновника, сомнѣваясь въ возможности спасти

Лавру доблестію, хотѣли спасти себя злодѣйствомъ, и черезъ бѣглеца Селевина тайно условились съ Сапѣгою предать ему монастырь; что Голохвастовъ думалъ, въ часъ вылазки, впустить непріятеля въ крѣпость; что Старецъ Гурій Шишкинъ хитро вывѣдалъ отъ нихъ адскую тайну и донесъ Архимандриту. Іосифу дали время на покаяніе: онъ умеръ скоропостижно. Голохвастовъ же остался Воеводою: слѣдственно не былъ уличенъ ясно; но сія измѣна, дѣйствительная или мнимая, произвела зло: взаимное предовѣріе между защитниками Лавры ⁽²⁷⁷⁾.

Тогда же открылось зло еще ужаснѣйшее. «Когда» — говоритъ Лѣтописецъ Лавры — «бѣдствіе «и гибель ежедневно намъ угрожали, мы думали «только о душѣ; когда гроза начинала слабѣть, мы «обратились къ тѣлесному» ⁽²⁷⁸⁾. Непріатель, изнуренный тщетными усиліями и холодомъ, кинулъ окопы, удалился отъ стѣнъ и заключился въ земляныхъ укрѣпленіяхъ стана, къ великой радости осажденныхъ, которые могли наконецъ безопасно выходить изъ тѣсной для нихъ ограды, чтобы дышать свободнѣе за стѣнами, рубить лѣсъ, мыть бѣлье въ прудахъ внѣшнихъ; уже не боялись приступовъ, и только добровольно сражались, отъ времени до времени тревожа непріятеля вылазками: начинали и прекращали битву, когда хотѣли. Сей отдыхъ, сія свобода пробудили склонность къ удовольствіямъ чувственнымъ: крѣпкіе меды и молодые женщины кружили головы воинамъ; увѣщанія и примѣръ

трезвыхъ Иноковъ не имѣли дѣйствія. Уже не берегли, какъ дотолѣ, запасовъ монастырскихъ; роскошествовали, пировали, тѣшились музыкою, пляскою и скоро оцѣпенѣли отъ ужаса ⁽²⁷⁹⁾.

Долговременная тѣснота, зима сырая, употребленіе худой воды, недостатокъ въ укусѣ, въ пряныхъ земляхъ и въ хлѣбномъ винѣ произвели цынгу ⁽²⁸⁰⁾: ею заразались бѣднѣйшіе, и заразили другихъ. Больные пухли и гнили; живые смердѣли какъ трупы; задыхались отъ зловонія и въ келліяхъ и въ церквахъ ⁽²⁸¹⁾. Умирало въ день отъ двадцати до пятидесяти чело-вѣкъ; не успѣвали копать могилъ: за одну платили два, три и пять рублей; клали въ нее тридцать и сорокъ тѣлъ. Съ утра до вечера отпѣвали усопшихъ и хоронили; ночью стонъ и вой не умолкали: кто издыхалъ, кто плакалъ надъ издыхающимъ. И здоровые шатались какъ тѣни отъ изнеможенія, особенно Священники, коихъ водили и держали подъ руки для исправленія требъ церковныхъ. Томные и слабые, предвидя смерть отъ страшнаго недуга, искали ее на стѣнахъ, отъ пули непріятельской ⁽²⁸²⁾. Вылазки пресѣклись, къ злой радости измѣнниковъ и Ляховъ, которые, слыша всегдашній плачь въ Обители, всходили на высоты, взлѣзали на деревья и видѣли гибель ея защитниковъ, кучи тѣлъ и ряды могилъ свѣжихъ, исполнились дерзости, подлѣзали къ воротамъ, звали Иноковъ и воиновъ на битву, ругались надъ ихъ безсиліемъ,

но не думали приступомъ увѣриться въ ономъ, надѣясь, что они скоро сдадутся или всѣ изгибнутъ.

Въ крайности бѣдствія Архимандритъ Іоасафъ писалъ къ знаменитому Келарю Лавры, Аврамію Палицыну, бывшему тогда въ Москвѣ, чтобы онъ убѣдилъ Царя спасти сію священную твердыню немедленнымъ вспоможеніемъ: Аврамій убѣждалъ Василия, братьевъ его, Синклитъ, Патріарха; но столица сама трепетала, ожидая приступа Тушинскихъ злодѣевъ. Аврамій доказывалъ, что Лавра можетъ еще держаться только мѣсяцъ, и паденіемъ откроетъ непріятелю весь Сѣверъ Россіи до моря. Наконецъ Василій послалъ нѣсколько военныхъ снарядовъ и 60 Козаковъ съ Атаманомъ Останковымъ, а Келарь 20 слугъ монастырскихъ⁽²⁸³⁾. Сія дружина, хотя и слабая числомъ, утѣшила осажденныхъ: они видѣли готовность Москвы помогать имъ, и новою дерзостію — къ сожалѣнію, дѣломъ жестокимъ — явили непріятелю, сколь мало страшатся его злобы. Неосторожно пропустивъ Царскаго Атамана въ Лавру, и захвативъ только четырехъ Козаковъ, варваръ Лисовскій съ досады велѣлъ умертвить ихъ предъ монастырскою стѣною. Такое злодѣйство требовало мести: осажденные вывели цѣлую толпу Литовскихъ плѣнниковъ и казнили изъ нихъ 42 человекъ, къ ужасу Поляковъ, которые, гнушаясь виновникомъ сего душегубства, хотѣли убить Лисовскаго, едва спасеннаго менѣе безчеловѣчнымъ Сапѣгою⁽²⁸⁴⁾.

Бѣдствіа Лавры не уменьшились : болѣзнь еще свирѣпствовала ; новыя сподвижники, Атаманъ Останковъ съ Козаками, сдѣлались также ея жертвою, и непріятель удвоилъ заставы, чтобы лишить осажденных всякой надежды на помощь. Но великодушіе не слабѣло : всѣ готовились къ смерти ; ни кто не смѣлъ упомянуть о едачѣ. Кто выздоравливалъ, тотъ отвѣдывалъ силъ своихъ въ битвѣ, и вылазки возобновились. Дѣйствуя мечемъ, употребляли и коварство. Часто Ляхи, пользуясь къ стѣнамъ, дружелюбно разговаривали съ осажденными, вызывали ихъ, давали имъ вино за медъ, вмѣстѣ пили и хватали другъ друга въ плѣнъ или убивали. Въ числѣ такихъ плѣнниковъ ⁽²³⁵⁾ былъ одинъ Ляхъ, называемый въ лѣтописи Мартіасомъ, умный и столь искусный въ льстивомъ притворствѣ, что Воеводы ввѣрили въ него какъ въ измѣнника Литвы и въ друга Россіи : ибо онъ извѣщалъ ихъ о тайныхъ намѣреніяхъ Сапѣги ; предсказывалъ съ точностію всѣ движенія непріятеля, училъ пушкарей мѣткой стрѣльбѣ, выходилъ даже биться съ своими единоземцами за стѣною, и бился мужественно. Князь Долгорукій столь любилъ его, что жилъ съ нимъ въ одной комнатѣ, совѣтовался въ важныхъ дѣлахъ, и поручалъ ему иногда ночную стражу. Къ счастью, перебѣжалъ тогда въ Лавру отъ Сапѣги другой Панъ Литовскій, *Пьлко*, отъ природы глухій и безсловесный, но въ бояхъ витязь неустрашимый, ревнитель нашей Вѣры и Св.

Сергія. Увидѣвъ Мартіаса, Нѣмко заскрежеталъ зубами, выгналъ его изъ горницы, и съ видомъ ужаса знаками изъяснилъ Воеводамъ, что отъ сего человѣка падутъ монастырскія стѣны. Мартіаса начали пытать и свѣдали истину: онъ былъ лазутчикъ Сапѣгинъ, пускалъ къ нему тайныя письма на стрѣлахъ, и готовился, по условію, въ одну ночь заколотить всѣ пушки монастырскія. Коварство непріятеля, усиливая остервененіе, возвышало доблесть подвижниковъ Лавры. Славнѣйшіе изгибли: ихъ мѣсто заступили новые, дотолѣ презираемые или неизвѣстные, безчиновные, слуги, земледѣльцы. Такъ Ананія Селевинъ, рабъ смиренный, заслужилъ имя Сергіева витязя ⁽²⁸⁶⁾ дѣлами храбрости необыкновенной: Россійскіе измѣнники и Ляхи знали его коня и тяжелую руку; *видѣли издали и не смѣли видѣть вблизи*, по сказанію Лѣтописца: дерзнулъ одинъ Лисовскій, и раненный палъ на землю ⁽²⁸⁷⁾. Такъ Стрѣлецъ Нехорошевъ и селянинъ Никифоръ Шиловъ были всегда путеводителями и Героями вылазокъ; оба, единоборствуя съ тѣмъ же Лисовскимъ, обагрились его кровію: одинъ убилъ подъ нимъ коня, другой разсѣкъ ему бедра ⁽²⁸⁸⁾. Стражи непріятельскія бодрствовали, но грамоты утѣшительныя, хотя и безъ воиновъ, изъ Москвы приходили: Келарь Аврамій, душою присутствуя въ Лаврѣ, писалъ къ ея вѣрнымъ Россіянамъ: «будьте непоколебимы до конца» ⁽²⁸⁹⁾! Архимандритъ, Иноки рассказывали о видѣніяхъ и чудесахъ: увѣряли,

что Святые Сергій и Никонъ являются имъ съ благовѣстіемъ спасенія; что ночью, въ церквахъ затворенныхъ, невидимые лики Ангельскіе поютъ надъ усопшими, свидѣтельствуя тѣмъ ихъ санъ небесный въ награду за смерть добродѣтельную. Все питало надежду и вѣру, огонь въ сердцахъ и воображеніи; терпѣли и мужались до самой весны ⁽²⁹⁰⁾.

Тогда цѣлебное вліяніе теплаго воздуха прекратило болѣзнь смертоносную, и 9 Мая, въ новоосвященномъ храмѣ Св. Николая, Иноки и воины пѣли благодарственный молебенъ, за коимъ слѣдовала счастливая вылазка ⁽²⁹¹⁾. Хотѣли доказать непріятелю, что Лавра уже снова цвѣтетъ душевнымъ и тѣлеснымъ здравіемъ. Но силы не соотвѣтствовали духу. Въ теченіе пяти или шести мѣсяцевъ умерло тамъ 297 старыхъ Иноковъ, 500 новопостриженныхъ и 2125 Дѣтей Боярскихъ, Стрѣльцевъ, Козаковъ, людей даточныхъ и слугъ монастырскихъ ⁽²⁹²⁾. Сапѣга зналъ, сколь мало осталось живыхъ для защиты, и рѣшился на третій общій приступъ. 27 Мая зашумѣлъ станъ непріятельскій: Ляхи, слѣдуя своему обыкновенію, съ утра начали веселиться, пить, играть на трубахъ. Въ полдень многіе всадники объѣзжали вокругъ стѣнъ и высматривали мѣста; другіе взадъ и впередъ скакали, и мечами грозили осажденнымъ. Ввечеру многочисленная конница съ знаменами стала на Клементьевскомъ полѣ; вышелъ и Сапѣга съ остальными дружинами, всадниками и пѣхотою, какъ

бы желая доказать, что презираетъ выгоду нечаянности въ нападеніи и даетъ время непріятелю изготавиться къ бою. Лавра изготавилась: не только Монахи съ оружіемъ, но и женщины явились на стѣнахъ съ камнями, съ огнемъ, смолою, известью и сѣрою ⁽²⁹³⁾. Архимандритъ и старые Іеромонахи въ полномъ облаченіи стояли предъ Олтаремъ и молились. Ждали часа. Уже наступила ночь и скрыла непріятеля; но въ глубокомъ мракѣ и безмолвіи ссажденные слышали ближе и ближе шорохъ: Ляхи какъ змѣи ползли ко рву съ стѣнобитными орудіями, щитами, лѣстницами — и вдругъ съ Красной горы грянулъ пушечный громъ: непріятель завошилъ, ударилъ въ бубны и кинулся къ оградѣ; придвинулъ щиты на колесахъ, лѣзъ на стѣны. Въ сей роковой часъ, остатокъ великодушныхъ увѣнчалъ свой подвигъ. Готовые къ смерти, защитники Лавры уже не могли ничего страшиться: безъ ужаса и смятенія каждый дѣлалъ свое дѣло; стрѣляли, кололи изъ отверстій, метали камни, зажженную смолу и сѣру; лили варъ; ослѣпляли глаза известью; отбивали щиты, тарасы и лѣстницы. Непріятель оказывалъ смѣлость и твердость; отражаемый, съ усиліемъ возобновлялъ приступы, до самаго утра, которое освѣтило спасеніе Лавры: Ляхи и Россійскіе злодѣи начали отступать; а побѣдители, неутомимые и пенасытные, сдѣлавъ вылазку, еще били ихъ во рвахъ, гнали въ полѣ и въ лощинахъ, схватили 30 Пановъ и чиповыхъ измѣн-

никовъ, взяли множество стѣнобитныхъ орудій, и возвратились славить Бога въ храмъ Троицы (²⁹⁴). Симъ дѣломъ важнымъ, но кровопролитнымъ только для непріятеля, рѣшилась судьба осады. Еще держася въ станѣ, еще надѣясь одолѣть непреклонность Лавры совершеннымъ изнеможеніемъ ея защитниковъ, Сапѣга уже берегъ свое войско; не нападая, единственно отражалъ смѣлыя ихъ вылазки, и ждалъ, что будетъ съ Москвою. Ждала того и Лавра, служа для нее примѣромъ, къ несчастію, бесплоднымъ.

Когда горсть достойныхъ воиновъ-Монаховъ, слугъ и земледѣльцевъ, изнуренныхъ болѣзнію и трудами — неослабно боролась съ полками Сапѣги, Москва, имѣя, кромѣ гражданъ, войско многочисленное, все лучшее Дворянство, всю нравственную силу Государства, давала властвовать бродягѣ Лжедмитрію въ двѣнадцать верстахъ огъ стѣнъ Кремлевскихъ и досугъ покорять Россію. Москва находилась въ осадѣ: ибо непріятель своими разѣздами мѣшалъ ея сообщеніямъ. Хотя Царскіе Воеводы иногда выходили въ поле, иногда сражались, чтобы очистить пути, и въ дѣлѣ кровопролитномъ, въ коемъ былъ раненъ Гетманъ Лжедмитріевъ (²⁹⁵), имѣли выгоду: но не предпринимали ничего рѣшительнаго. Василій ждалъ вѣстей отъ Скопина; ждалъ и ближайшей помощи, давъ указъ жителямъ всѣхъ городовъ сѣверныхъ вооружиться, итти въ Ярославль и къ Москвѣ (²⁹⁶), — велѣвъ и Боярину Федору Шереметеву оставить Астра-

хань, взять людей ратныхъ въ Низовыхъ городахъ и также спѣшить къ столицѣ⁽²⁹⁷⁾. Но для сего требовалось времени, коимъ непріятель могъ воспользоваться, отчасти и воспользовался къ ужасу всей Россіи.

Не имѣя силъ овладѣть Москвою, не умѣвъ овладѣть и Лаврою, Лжедимитрій съ
г. 1608- измѣнниками и Ляхами послалъ отряды къ
1609. Суздаю, Владиміру и другимъ городамъ, чтобы дѣйствовать обольщеніемъ, угроза-

ми или силою. Надежда его исполнилась. Суздаль первый измѣнилъ чести, слушаясь злодѣя, Дворянина Шилова: цѣловалъ крестъ Самозванцу, принялъ Лисовскаго и Воеводу Ѳедора Плещеева отъ Сапѣги⁽²⁹⁸⁾. Переславль Залѣсскій очернилъ себя еще гнуснѣйшимъ дѣломъ: жители его соединились съ Ляхами и приступили къ Ростову. Тамъ крушился о бѣдствіяхъ отечества добродѣтельный Митрополитъ Филаретъ: не имѣя крѣпкихъ стѣнъ, граждане предложили ему удалиться вмѣстѣ съ ними въ Ярославль; но Филаретъ сказалъ, что не бѣгствомъ, а кровію должно спасать отечество; что великодушная смерть лучше жизни срамной; что есть другая жизнь и вѣнецъ мучениковъ для Христіанъ, вѣрныхъ Царю и Богу. Видя бѣгство народа, Филаретъ съ немногими усердными воинами и гражданами заключился въ Соборной церкви: все исповѣдались, причасти-

лись Святыхъ Таинъ и ждали непріятеля или смерти. Не Ляхи, а братья единовѣрные, Переславцы, дерзнули осадить святой храмъ, стрѣляли, ломились въ двери, и дикимъ ревомъ ярости отвѣтствовали на голосъ Митрополита, который молилъ ихъ не быть извергами. Двери пали: добрые Ростовцы окружили Филарета и бились до совершеннаго изнеможенія. Храмъ наполнился трупами. Злодѣи побѣдители схватили Митрополита, и сорвавъ съ него ризы Святительскія, одѣли въ рубище, обнажили церковь, сняли золото съ гробницы Св. Леонтія и раздѣлили между собою по жеребью ⁽²⁹⁹⁾; опустошили городъ, и съ добычею святотатства вышли изъ Ростова, куда Санѣга прислалъ воеводствовать злаго измѣнника, Матвѣя Плещеева. Филарета повезли въ Тушинскій станъ, какъ узника, босаго, въ одеждѣ Литовской, въ Татарской шапкѣ ⁽³⁰⁰⁾; но Самозванецъ готовилъ ему безчестіе и срамъ иного рода: встрѣтилъ его съ знаками чрезвычайнаго уваженія, какъ племянника Іоанновой супруги Анастасіи, и жертву Борисовой ненависти; величалъ какъ знаменитѣйшаго, достойнаго Архипастыря и называлъ Патріархомъ: далъ ему золотой поясъ и Святительскихъ чиновниковъ для наружной пышности, но держалъ его въ тѣсномъ заключеніи, какъ непреклоннаго въ вѣрности къ Царю Василю ⁽³⁰¹⁾. Сей вторый Лжедимитрій, наученный бѣдствіемъ перваго, хотѣлъ казаться ревностнымъ чителемъ Церкви и Духовенства; училъ

лицемѣрію и жену свою, которая съ благоговѣніемъ приняла отъ Сапѣги богатую икону Св. Леонтія, Ростовскую добычу ⁽³⁰²⁾; уже не смѣла гнушаться обрядами Православія, молилась въ нашихъ церквахъ и покланялась мощамъ Угодниковъ Божіихъ ⁽³⁰³⁾. Еще притворствовали и хитрили для ослѣпленія умовъ въ вѣкъ безумія и страстей неистовыхъ!

Городъ за городомъ сдавался Лжедимитрію: Владиміръ, Угличъ, Кострома, Галичъ, Вологда и другіе ⁽³⁰⁴⁾, тѣ самыя, откуда Василій ждалъ помощи. Являлась толпа измѣнниковъ и Ляховъ, восклицая: «да здравствуетъ Димитрій!» и жители, отвѣтствуя такимъ же восклицаніемъ, встрѣчали ихъ какъ друзей и братьевъ. Добро-совѣстные безмолвствовали въ горести, видя силу на сторонѣ разврата и легкомыслія: ибо многіе, вопреки здравому смыслу, еще вѣрили мнимому Димитрію! Другіе, зная обманъ, измѣняли отъ робости, или для того, чтобы злодѣйствовать свободно; приставали къ шайкамъ Самозванца и вмѣстѣ съ ними грабили, гдѣ и что хотѣли. Шуя, наслѣдственное владѣніе Василіевыхъ предковъ, и Кинешма, гдѣ защищался Воевода Федоръ Бабарыкинъ, были взяты, разорены Лисовскимъ ⁽³⁰⁵⁾; взята и вѣрная Тверь: ибо лучшіе воины ея находились съ Царемъ въ Москвѣ. Отрядъ легкой Сапѣгиной конницы вступилъ и въ отдаленный Бѣлозерскъ, гдѣ издревле хранилась часть казны государственной: Ляхи не нашли казны, но тамъ и вездѣ освободили

ссыльныхъ, а въ ихъ числѣ и злодѣя Шаховскаго, себѣ въ усердные сподвижники ⁽³⁰⁶⁾. Ярославль, обогащенный торговлею Англійскою, сдался на условіи не грабить его церквей, домовъ и лавокъ, не безчестить женъ и дѣвицъ; принялъ Воеводу отъ Лжедмитрія, Шведа Греческой Вѣры, именемъ Лоренца Біугге, Іоаннова Ливонскаго плѣнника ⁽³⁰⁷⁾; послалъ въ Тушинскій станъ 30,000 рублей, обязался снарядить 1000 всадниковъ. Псковъ, знаменитый древними и новѣйшими воспоминаніями славы, сдѣлался вдругъ вертепомъ разбойниковъ и душегубцевъ. Тамъ снова начальствовалъ Бояринъ Петръ Шереметевъ, не долго бывъ въ опалѣ ⁽³⁰⁸⁾: вѣрный Царю, нелюбимый народомъ за лихоимство ⁽³⁰⁹⁾. Духовенство, Дворяне, гости были также вѣрны; но лазутчики и письма Тушинскаго злодѣя взволновали *мелкихъ* гражданъ, чернь, Стрѣльцевъ, Козаковъ, исполненныхъ ненависти къ людямъ сановитымъ и богатымъ. Мятежниками предводительствовалъ Дворянинъ Федоръ Плещеевъ: торжествуя числомъ, силою и дерзостію, они присягнули Лжедмитрію; вознили, что Шуйскій отдастъ Псковъ Шведамъ; заключили Шереметева и гражданъ знатнѣйшихъ; расхитили достояніе Святительское и монастырское. Узнавъ о томъ, Лжедмитрій прислалъ къ нимъ свою шайку: начались убійства. Шереметева удавили въ темницѣ; другихъ узниковъ казнили, мучили, сажали на колъ. Въ сіе ужасное время сторѣла знатная часть Пскова, и

кучи пепла облилися новою кровію : неистовые мятежники объявили Дворянъ и богатыхъ купцевъ зажигателями ; грабили, рѣзали невинныхъ , и славили Царя Тупинскаго Кто могъ въ сихъ изступленіяхъ злодѣйства узнать отчизну Св. Ольги, гдѣ цвѣла нѣкогда добродѣтель, челоуѣческая и государственная ; гдѣ, еще за 26 лѣтъ предъ тѣмъ , жили граждане великодушные, побѣдители Героя Баторія, спасители нашей чести и славы ⁽³¹⁰⁾ ?

Но кто могъ узнать и всю Россію , гдѣ, въ теченіе вѣковъ , видѣли мы столько подвиговъ достохвальныхъ , столько твердости въ бѣдствіяхъ , столько чувствъ благородныхъ ? Казалось, что Россіяне уже не имѣли отечества , ни души , ни Вѣры ; что Государство , зараженное нравственною язвою , въ страшныхъ судорогахъ кончалось ! Такъ повѣствуетъ добродѣтельный свидѣтель тогдашнихъ ужасовъ , Аврамій Палицынъ , исполненный любви къ злосчастному отечеству и къ истинѣ :

Ужасное
состояніе
Россіи.

«Россію терзали свои болѣе, нежели ино-
«племенные : путеводителями , наставника-
«ми и хранителями Ляховъ были наши из-
«мѣнники, первые и послѣдніе въ крова-
«выхъ сѣчахъ : Ляхи, съ оружіемъ въ ру-
«кахъ , только смотрѣли и смѣялись безум-
«ному междоусобию. Въ лѣсахъ , въ боло-
«тахъ непроходимыхъ Россіяне указывали

«или готовили имъ путь, и числомъ превосход-
«нымъ берегли ихъ въ опасностяхъ, умирая за
«тѣхъ, которые обходились съ ними какъ съ
«рабами. Вся добыча принадлежала Ляхамъ :
«они избирали себѣ лучшихъ изъ плѣнниковъ,
«красныхъ юношей и дѣвицъ, или отдавали на
«выкупъ ближнимъ — и снова отнимали, къ за-
«бавѣ Россіянъ! Сердце трепещетъ отъ
«воспоминанія злодѣйствъ : тамъ, гдѣ стыла
«теплая кровь, гдѣ лежали трупы убіенныхъ,
«тамъ гнусное любострастіе искало одра для
«своихъ мерзостныхъ наслажденій Свя-
«тыхъ юныхъ Инокъ обнажали, позорили;
«лишенные чести, лишались и жизни въ му-
«кахъ срама Были жены прельщаемыя
«иноплемениками и развратомъ ; но другія
«смертію избавляли себя отъ звѣрскаго наси-
«лія. Уже не сражаясь за отечество, еще мно-
«гіе умирали за семейства : мужъ за супругу,
«отецъ за дочь, братъ за сестру вонзалъ ножъ
«въ грудь Ляху. Не было милосердія : добрый,
«вѣрный Царю воинъ, взятый въ плѣнъ Ля-
«хамп, иногда находилъ въ нихъ жалость и
«самое уваженіе къ его вѣрности; но измѣнники
«называли ихъ за то женами слабыми и худыми
«союзниками Царя Тушинскаго : всѣхъ твер-
«дыхъ въ добродѣтели предавали жестокой
«смерти; метали съ крутыхъ береговъ въ глу-
«бину рѣкъ, разстрѣливали изъ луковъ и са-
«мопаловъ; въ глазахъ родителей жгли дѣтей,
«носили головы ихъ на сабляхъ и копьяхъ;

«грудныхъ младенцевъ , вырывая изъ рукъ ма-
«терей, разбивали о камни. Видя сію неслы-
«ханную злобу, Ляхи солрогались и говорили :
«что же будетъ намъ отъ Россіянь , когда они
«и другъ друга губятъ съ такою лютостію?
«Сердца окаменѣли , умы омрачились ; не имѣли
«ни состраданія, ни предвидѣнія : вблизи свирѣ-
«ствовало злодѣйство, а мы думали : оно ми-
«нуетъ насъ ! или искали въ немъ личныхъ для
«себя выгодъ. Въ общемъ круженіи головъ все
«хотѣли быть выше своего званія : рабы госпо-
«дами , чернь Дворянствомъ , Дворяне Вельмо-
«жами. Не только простые простыхъ , но и
«знатные знатныхъ , и разумные разумныхъ
«обольщали измѣною , въ домахъ и въ самыхъ
«битвахъ ; говорили : мы блаженствуемъ ; иди-
«те къ намъ отъ скорби къ утѣхамъ ! . . . Гибли
«отечество и Церковь : храмы истиннаго Бога
«разорялись , подобно капищамъ Владимірова
«времени ; скотъ и псы жили въ Олтаряхъ ;
«воздухами и пеленами украшались кони , пили
«изъ потировъ ; мяса стояли на дискосахъ ; на
«иконахъ играли въ кости ; хоругви церковныя
«служили вмѣсто знаменъ ; въ ризахъ Іерей-
«скихъ плясали блудницы. Иноковъ , Священни-
«ковъ палили огнемъ , допытываясь ихъ сокро-
«вищъ ; отшельниковъ , Схимниковъ заставляли
«нѣтъ срамныя пѣсни , а безмолвствующихъ
«убивали Люди уступили свои жилища
«звѣрямъ : медвѣди и волки , оставивъ лѣса ,
«витаютъ въ пустыхъ городахъ и весяхъ ; враны

«плотоядные сидѣли станицами на тѣлахъ че-
«ловѣческихъ ; малыя птицы гнѣздились въ че-
«репахъ. Могилы какъ горы вездѣ возвыша-
«лись. Граждане и земледѣльцы жили въ деб-
«ряхъ, въ лѣсахъ и въ пещерахъ недовѣдо-
«мыхъ, или въ болотахъ, только ночью выходя
«изъ нихъ осушиться. И лѣса не спасали: люди,
«уже покинувъ звѣроловство, ходили туда съ
«чуткими псами на ловлю людей ; матери, укры-
«ваясь въ густотѣ древесной, страшились вопля
«своихъ младенцевъ, зажимали имъ ротъ и ду-
«шили ихъ до смерти. Не свѣтомъ луны, а по-
«жарами озарялись ночи : ибо грабители жгли,
«чего не могли взять съ собою, дома и все,
«да будетъ Россія пустынею необитаемою» (311)!

Россія бывала пустынею ; но въ сіе время, не
Батыевы, а собственные варвары свирѣпство-
вали въ ея нѣдрахъ, изумляя и самыхъ неисто-
выхъ иноплеменниковъ : Россія могла тогда за-
видовать временамъ Батыевымъ, будучи жерт-
вою величайшаго изъ бѣдствій, разврата госу-
дарственнаго, который мертвитъ и надежду на
умилостивленіе Небесное ! Сія надежда питалась
только великодушною смертію многихъ Рос-
сіянъ : ибо не въ одной Лаврѣ блистало герой-
ство : сія, по выраженію Лѣтописца, *горы мо-*
гилъ, всюду видимыя, вмѣщали въ себѣ персть
мучениковъ вѣрности и закона : добродѣтель,
какъ Фефиксъ, возраждается изъ пепла могилы,
примѣромъ и памятію ; тамъ не все погибло,
гдѣ хотя немногіе предпочитаютъ гибель без-

законію. Съ честію умирали и воины и граждане, и старцы и жены. Въ Духовенствѣ особенно сіяла доблесть. Мы видѣли мужество Филарета. Епископъ Тверскій, Оеоктисть, крестомъ и мечемъ вооруженный, до послѣдняго издыханія боролся съ измѣною, и, взятый въ плѣнъ, удостоился вѣнца страдальческаго. Архіепископъ Суздальскій, Галактіонъ, не хотѣвъ благословить Самозванца, скончался въ изгнаніи. Добродѣтельнаго Коломенскаго Святителя, Іосифа, злодѣи владчили привязаннаго къ пушкѣ: онъ терпѣлъ и молилъ Бога образумить Россіянь ⁽³¹²⁾. Святитель Псковскій, Геннадій, въ тщетномъ усиліи обуздать мятежниковъ, умеръ отъ горести ⁽³¹³⁾. Не многіе изъ Священниковъ, какъ сказано въ Лѣтописи ⁽³¹⁴⁾, уцѣлѣли, ибо вездѣ противились бунту.

Сей бунтъ уже поглощалъ Россію : какъ разсѣянные острова среди бурнаго моря, являлись еще подъ знаменемъ Московскимъ вблизи Лавра, Коломна, Переславль Рязанскій, вдали Смоленскъ, Новгородъ, Нижній, Саратовъ ⁽³¹⁵⁾, Казань, города Сибирскіе; всѣ другіе уже принадлежали къ царству беззаконія, коего столицею былъ Тушинскій станъ, дѣйствительно подобный городу разными зданіями внутри онаго, купеческими лавками, улицами, площадями ⁽³¹⁶⁾, гдѣ толпилось болѣе ста

Тушин-
но.

тысячъ разбойниковъ, обогащаемыхъ плодами грабежа; гдѣ каждый день, съ утра до вечера, казался праздникомъ грубой роскоши: вино и медъ лилися изъ бочекъ; мяса, варенныя и сырыя, лежали горами, пресыщая и людей и псовъ, которые вмѣстѣ съ измѣнниками стекались въ Тушино ⁽³¹⁷⁾. Число сподвижниковъ Лжедмитріевыхъ умножилось Татарами, приведенными къ нему потѣшнымъ Царемъ Борисовымъ, Державцемъ Касимовскимъ, Уразъ-Магметомъ ⁽³¹⁸⁾, и крещенымъ Ногайскимъ Княземъ, Арасланомъ Петромъ, сыномъ Урусовымъ ⁽³¹⁹⁾: оба, менѣе Россіянъ виновные, измѣнили Василю; второй оставилъ и Вѣру Христіанскую и жену (бывшую Княгиню Шуйскую), чтобы служить Царику Тушинскому, то есть грабить и злодѣйствовать. Жилище Самозванца, пышно именуемое дворцемъ, наполнялось лицемѣрами благоговѣнія, Россійскими чиновниками и знатыми Ляхами (между которыми ⁽³²⁰⁾ унижался и Посоль Сигизмундовъ, Олесницкій, выпросивъ у бродяги въ даръ себѣ городъ Бѣлую). Тамъ безстыдная Марина, съ своею поруганною красотою, наружно величалась саномъ оеатральной Царицы, но внутренно тосковала, не властвуя, какъ ей хотѣлось, а раболѣпствуя, и съ трепетомъ завися отъ мужа варвара, который даже отказывалъ ей и въ средствахъ блистать пышностію ⁽³²¹⁾; тамъ Вельможный отецъ ея лобызалъ руку бѣлаго поповича или Жида ⁽³²²⁾, принявъ отъ

Дого- него новую владѣнную грамоту на Смо-
воръ ленскъ, еще не взятый, и Сѣверскую зем-
Само- ленскъ, еще не взятый, и Сѣверскую зем-
зван- лю, съ обязательствомъ выдать ему (Мниш-
на съ ку) 300,000 рублей изъ казны Московской,
Мниш- еще незавоеванной. Тамъ, упоенный сча-
комъ, стіемъ, и господствуя надъ Россією отъ
Десны до Чудскаго и Бѣлаго Озера, Дви-
ны и моря Каспійскаго — ежедневно слы-
ша о новыхъ успѣхахъ мятежа, ежедневно
видя новыхъ подданныхъ у ногъ своихъ —
стѣсняя Москву, угрожаемую голодомъ и
предательствомъ — Самозванецъ терпѣ-
ливо ждалъ послѣдняго успѣха: гибели
Шуйскаго, въ надеждѣ скоро взять сто-
лицу и безъ кровопролитія, какъ обѣщали
ему легкомысленные переметчики ⁽³²³⁾, ко-
торые не хотѣли видѣть въ ней ни меча,
ни пламени, имѣя тамъ дома и семей-
ства.

Миновало и возвратилось лѣто: само-
званецъ еще стоялъ въ Тушинѣ! Хотя въ
злодѣйскихъ предпріятіяхъ всякое замед-
леніе опасно, и близкая цѣль требуетъ не
отдыха, а быстрѣйшаго къ ней стремленія;
хотя Лжедмитрій, слишкомъ долго смотря
на Москву, давалъ время узнавать и пре-
зирать себя, и съ умноженіемъ силъ ве-
щественныхъ лишался нравственной: по-
торжество злодѣя могло бы совершиться
(³²⁴), если бы Ляхи, виновники его сча-
стія, не сдѣлались виновниками и его ги-

бели, невольно услуживъ нашему отечеству, какъ и во время перваго Лжедмитрія ⁽³²⁵⁾. Россіи издыхающей *помогъ новый непріятель!*

Доселѣ Король Сигизмундъ враждовалъ намъ тайно, не снимая съ себя личины мирной, и содѣйствуя Самозванцамъ только наемными дружинами или вольницею: настало время снять личину и дѣйствовать открыто.

Соединивъ, уже неразрывно, судьбу Марины и мнимую честь свою съ судьбою обманщика, боясь худаго оборота въ дѣлахъ его и надѣясь быть зятю полезиѣ въ Коротевской Думѣ, нежели въ Тушинскомъ станѣ, Воевода Сендомирскій (въ Генварѣ 1609 года) уѣхалъ въ Варшаву, такъ скоро, г. 1609. что не успѣлъ и благословить дочери, которая въ письмахъ къ нему жаловалась на сію холодность ⁽³²⁶⁾. Въ слѣдъ за Мнишникомъ надлежало ѣхать и Посламъ Лжедмитріевымъ, туда, гдѣ все съ живѣйшимъ любопытствомъ занималось нашими бѣдствіями, желая ими воспользоваться и для государственныхъ и для частныхъ выгодъ: ибо еще многіе благородные Ляхи, пылая страстію удалства и корысти, думали искать счастія въ смятенной Россіи. Уже друзья Воеводы Сендомирскаго дѣйствовали ревностно на Сеймѣ, представляя, что торжество мнимаго Димитрія есть

торжество Польши; что нужно довершить оное силами Республики, дать корону бродягѣ, и взять Смоленскъ, Сѣверскую и другія, нѣкогда Литовскія земли ⁽³²⁷⁾. Они хотѣли, чего хотѣлъ Мнишекъ: войны за Самозванца, и — если бы Сигизмундъ, признавъ Лжедмитрія Царемъ, усердно и заблаговременно помогъ ему какъ союзнику новымъ войскомъ: то едва ли Москва, едва ли шесть или семь городовъ, еще вѣрныхъ, устояли бы въ сей бурѣ общаго мятежа и разрушенія. Что сдѣлалось бы тогда съ Россією, вторичною гнусною добычею Самозванства и его пѣстуновъ? могла ли бы она еще возстать изъ сей бездны срама и быть, чѣмъ видимъ ее нынѣ? Такъ, судьба Россіи зависѣла отъ Политики Сигизмундовой; но Сигизмундъ, къ счастью, не имѣлъ духа Баторіева: властолюбивый съ малодушіемъ и съ умомъ недалновиднымъ, онъ не вразумился въ причины дѣйствій; не зналъ, что Ляхи единственно подъ знаменами Россійскими могли терзать, унижать, топтать Россію, не своимъ геройствомъ, а Димитріевымъ именемъ чудесно обезоруживая народъ ея слѣпотствующій, — не зналъ, и Политикою, грубо-стяжательною, открылъ ему глаза, воспламенилъ въ немъ искру великодушія, оживилъ, усилилъ старую ненависть къ Литвѣ, и сдѣлавъ много зла Россіи, далъ ей спастися, для ужаснаго, хотя и медленнаго возмездія ея врагамъ непримиримымъ.

Увѣряють, что многіе знатные Россіяне, въ искреннихъ разговорахъ съ Ляхами, изъявляли желаніе видѣть на престолѣ Московскомъ юнаго Сигизмундова сына, Владислава, вмѣсто обманщиковъ и бродягъ, безразсудно покровительствуемыхъ Королемъ и Вельможными Панами; нѣкоторые даже прибавляли, что самъ Шуйскій желаетъ уступить ему Царство ⁽³²⁸⁾. Искренно ли, и дѣйствительно ли такъ объяснялись Россіяне, неизвѣстно; но Король вѣрилъ, и въ надеждѣ пріобрѣсти Россію для сына или для себя, уже не доброхотствовалъ Лжедмитрію. Друзья Королевскіе предложили Сейму объявить войну Царю Василю, за убіеніе мирныхъ Ляховъ въ Москвѣ и за долговременную безчестную неволю Пословъ Республики, Оленицкаго и Гостѣвскаго; доказывали, что Россія не только виновна, но и слаба; что война съ нею не только справедлива, но и выгодна; говорили: «Шуйскій зоветъ Шведовъ, и если ихъ «вспоможеніемъ утвердитъ власть свою, то чего «добраго ждать Республикѣ отъ союза двухъ «враговъ ея? Еще хуже, если Шведы овладѣютъ Москвою; не лучше, если она, утомленная бѣдствіями, покорится и Султану или Татарамъ ⁽³²⁹⁾. Должно предупредить опасность, «и легко: 3000 Ляховъ въ 1605 году дали бродягъ Московское Царство; нынѣ дружины «вольницы угрожаютъ Шуйскому плѣномъ: «можемъ ли бояться сопротивленія?» Были однакожь Сенаторы благоразумные, которые

не восхищались мыслию о завоеваніи Москвы и думали, что Республика едва ли не виновнѣе Россіи, дозволивъ *первому* Лжедмитрію, вопреки миру, ополчаться въ Галиціи и въ Литвѣ на Годунова, и не мѣшая Ляхамъ участвовать въ злодѣйствахъ *второго*; что Польша, бывъ еще недавно жертвою междоусобія, не должна легкомысленно начинать войны съ Государствомъ обширнымъ и многочисленнымъ; что въ семъ случаѣ надлежитъ имѣть четыре войска: два противъ Шуйскаго и мнимаго Димитрія, два противъ Шведовъ и собственныхъ мятежниковъ; что такіа ополченія безъ тягостныхъ налоговъ невозможны, а налоги опасны. Имъ отвѣтствовали: «богатая Россія будетъ наша» — и Сеймъ исполнилъ желаніе Короля: не взирая на перемиріе, вновь заключенное въ Москвѣ (330), одобрилъ войну съ Россією, безъ всякаго сношенія съ Лжедмитріемъ, къ горести Мнишка, который, пріѣхавъ въ отечество, уже не могъ ничего сдѣлать для своего зятя и долженъ былъ удалиться отъ Двора, гдѣ только сожалѣли объ немъ, и не безъ презрѣнія.

Польша
объяв-
ляетъ
войну
Россіи.

Сигизмундъ казался новымъ Баторіемъ, съ необыкновенною ревностію готовясь къ походу; собиралъ войско, не имѣя денегъ для жалованья, но тѣмъ болѣе обѣщая (331), въ надеждѣ, что кончитъ войну одною

угрозою ⁽³³²⁾, и что Россія изнуренная встрѣтитъ его не съ мечемъ, а съ вѣнцемъ Мономаховымъ, какъ спасителя. Узнавъ толки злословія, которое приписывало ему намѣреніе завоевать Москву и сплами ея подавить вольность въ Республикѣ — то есть, сдѣлаться обоихъ Государствъ Самодержцемъ — Король окруженнымъ письмомъ удостовѣрилъ Сенаторовъ въ нелѣпости сихъ разглашеній, клялся не мыслить о личныхъ выгодахъ, и дѣйствовать единственно для блага Республики ⁽³³³⁾; выѣхалъ изъ Кракова въ Іюнь мѣсяцъ къ войску, и еще не зналъ, куда вести оное: въ землю ли Сѣверскую, гдѣ царствовало беззаконіе подъ именемъ Димитрія, или къ Смоленску, гдѣ еще царствовали законъ и Василій, или прямо къ Москвѣ, чтобы истребить Лжедимитрія, отвлечь отъ него и Ляховъ и Россіянь, а послѣ истребить и Шуйскаго, какъ совѣтовалъ умный Гетманъ Жолкѣвскій ⁽³³⁴⁾? Сигизмундъ колебался, медлилъ — и наконецъ пошелъ къ Смоленску: ибо Канцлеръ Левъ Сапѣга и Панъ Госѣвскій увѣрили Короля, что сей городъ желаетъ ему сдаться, желая избавиться отъ ненавистой власти Самозванца. Но въ Смоленскѣ начальствовалъ доблій Шейнъ!

Границы Россіи были отверсты, сообще- Край-
нія прерваны, войны разсѣяны, города и Россія ность

и пере-
мѣна къ
лучше-
му.

селенія въ пеплѣ или въ бунтѣ, сердца въ ужасѣ или въ ожесточеніи, Правительство въ безсиліи, Царь въ осадѣ и среди измѣнниковъ Но когда Сигизмундъ, согласенъ съ пользою своей Державы, шелъ къ намъ за легкою добычею властолюбія, въ то время бѣдствія Россіи, достигнувъ крайности, уже являли признаки оборота и возможность спасенія, раждая надежду, что Богъ не оставляетъ Государства, гдѣ многіе или не многіе граждане еще любятъ отечество и добродѣтель.

ГЛАВА III.

Продолженіе Василенова Царствованія.

Г. 1608—1610.

Князь Пожарскій. Доблесть Нижняго Новгорода. Возстаніе и другихъ городовъ Низовыхъ. Возстаніе Сѣверной Россіи. Крамолы въ Москвѣ. Голодъ. Вѣсть о Князѣ Михаилѣ и его подвиги. Приступы Лжедмитрія къ Москвѣ. Побѣда Царскаго войска. Три Самозванца. Нѣкоторыя удачи Лжедмитріевы. Новый мятежъ въ Москвѣ. Слобода Александровская. Побѣда надъ Сапѣгою. Любовь къ Князю Михаилу. Предлагають вѣнецъ Герою. Разбой. Пожарскій. Осада Смоленска. Смятеніе Лжедмитріевыхъ Ляховъ. Распря между Сигизмундомъ и Конфедератами. Посольство Королевское въ Тушино. Переговоры съ Тушинскими измѣнниками. Бѣгство Лжедмитрія. Высокомѣріе Марины. Злодѣйства Самозванца въ Калугѣ. Волненіе въ Тушинѣ. Бѣгство Марины. Посольство Тушинское къ Королю. Измѣнники признають Владислава Царемъ. Марина въ Калугѣ. Успѣхи Князя Михаила. Освобожденіе Лавры. Бѣгство Сапѣги. Опустѣніе Тушина. Дѣло Князя Михаила. Торжественное вступленіе Героя въ Москву.

Первое счастливое дѣло сего времени было подъ Коломною, гдѣ Воеводы Цар-

г. 1608.
1610.

Князь
Пожар-
скій.

скіе, Князь Прозоровскій и Сукинъ, раз-
били Пана Хмѣлевскаго. Во второмъ дѣлѣ
оказалось мужество и счастье юнаго, еще
неизвѣстнаго Стратига, коему Провидѣніе
готовило благотворнѣйшую славу въ мірѣ:
славу Героя—спасителя отечества. Князь
Димитрій Михайловичъ Пожарскій, проис-
ходя отъ Всеволода III и Князей Стародуб-
скихъ ⁽³³⁵⁾, царедворецъ безчиновный въ
Борисово время и Стольникъ при Раз-
стригѣ, опасностями Россіи вызванный на
одежду кровопролитія, долженъ былъ вто-
рично защитить Коломну отъ нападенія
Литвы и нашихъ измѣнниковъ, шедшихъ
изъ Владиміра. Пожарскій не хотѣлъ ждать
ихъ: встрѣтилъ въ селѣ Высоцкомъ, въ
тридцати верстахъ отъ Коломны, и на
утренней зарѣ незанятымъ, сильнымъ уда-
ромъ изумилъ непріятеля; взялъ множе-
ство плѣнниковъ, запасовъ и богатую каз-
ну ⁽³³⁶⁾, одержалъ побѣду съ малымъ уро-
номъ, явивъ не только смѣлость, но и рѣд-
кое искусство, въ предвѣстіе своего вели-
каго назначенія.

до б-
лестъ
Нижня-
го Пова-
города.

Тогда же и въ иныхъ мѣстахъ Судьба
начинала благоприятствовать Царю. Мя-
тежники, Мордва, Черемисы и Лжедими-
тріевы шайки, Ляхи, Россіяне, съ Воево-
дою Княземъ Вяземскимъ осаждали Ниж-
ній Новгородъ: вѣрные жители обрекли
себя на смерть; простились съ женами,

дѣтьми, и единодушною вылазкою разбили осаждающихъ на-голову: взяли Вяземскаго и немедленно повѣсили какъ измѣнника, Такъ добрые Нижегородцы воспрянули къ подвигамъ, конмъ надлежало увѣнчаться ихъ безсмертною, святою, для самыхъ отдаленныхъ вѣковъ утѣшительною славою въ нашей Исторіи. Они не удовольствовались своимъ избавленіемъ, только временнымъ: свѣдавъ, что Бояринъ Ѳедоръ Шереметевъ, въ исполненіе Василіева указа, оставилъ наконецъ Астрахань, идетъ къ Казани, вездѣ смиряетъ бунтъ, вездѣ бьетъ и гонитъ шайки мятежниковъ, Нижегородцы выступили въ поле, взяли Балахну и съ ея жителей присягу въ вѣрности къ Василію ⁽³³⁷⁾; обратили къ закону и другіе Низовые города, воспламеня въ нихъ ревность добродѣтельную. Возстали и жи-

тели Юрьевца, Гороховца, Луха, Решмы, Ходуя, и подъ начальствомъ Сотника Краснаго, мѣщанъ Кувшинникова, Нагавицына, Денгина и крестьянина Лапши разбили непріятеля въ Лухѣ и въ селѣ Дуниловѣ: Ляхи и наши измѣнники съ Воеводою Ѳедоромъ Плещеевымъ, сподвижникомъ Лисовскаго, бѣжали въ Суздаль. Побѣдители взяли многихъ недостойныхъ Дворянъ, отправляли какъ плѣнниковъ въ Нижній Новгородъ, и разорили ихъ дома.

Москва осажденная не знала о сихъ важ-

Возста-
ніе и
дру-
гихъ
горо-
довъ
Низо-
выхъ.

Возста-
ше Сѣ-
верной
Россій.

ныхъ происшествіяхъ, но знала о другихъ, еще важнѣйшихъ. Не теряя надежды усо-
вѣститъ измѣнниковъ, Василій писалъ къ
жителямъ городовъ Сѣверныхъ (³³⁸), Га-
лича, Ярославля, Костромы, Вологды,
Устюга. «Несчастные! кому вы рабски цѣ-
«довали крестъ и служите? Злодѣю и зло-
«дѣямъ, бродягѣ и Ляхамъ! Уже видите
«ихъ дѣла, и еще гнуснѣйшія увидите!
«Когда своимъ малодушіемъ предадите имъ
«Государство и Церковь; когда падетъ
«Москва, а съ нею и святое отечество и
«святая Вѣра: то будете отвѣтствовать
«уже не намъ, а Богу... есть Богъ мсти-
«тель! Въ случаѣ же раскаянія и новой
«вѣрной службы, обѣщаемъ вамъ, чего у
«васъ нѣтъ и на умѣ: милости, льготу,
«торговлю безошлинную на многія лѣта.»
Сіи письма, доставляемые усердными слу-
гами гражданамъ обольщеннымъ, имѣли
дѣйствіе; всего же сильнѣе дѣйствовали
наглость Ляховъ и неистовство Россій-
скихъ клеветовъ Самозванца, которые,
губя враговъ, не щадили и друзей. При-
сяга Лжедимитрію не спасала отъ грабежа;
а народъ, лишась чести, тѣмъ болѣе стоитъ
за имѣніе. Земледѣльцы первые ополчи-
лись на грабителей; встрѣчали Ляховъ уже
не съ хлѣбомъ и солью, а при звукѣ на-
бата, съ дрекольемъ, копыями, сѣкирами и
ножами; убивали, топили въ рѣкахъ и кри-

чали: «вы опустошили наши житницы и хлѣ-
«вы: теперь питайтесь рыбою» ⁽³³⁹⁾! Примѣру
земледѣльцевъ слѣдовали и города, отъ Рома-
нова до Перми: свергали съ себя иго зло-
дѣйства, изгоняли чиновниковъ Лжедимитріе-
выхъ ⁽³⁴⁰⁾. Люди слабые раскаялись; люди твер-
дые ободрились, и между ими два человѣка про-
славившись особенною ревностію: знаменитый
гость, Петръ Строгановъ, и Нѣмецъ Гречес-
каго Исповѣданія, богатый владѣлецъ Давидъ
Эйлофъ. Первый не только удержалъ Соль-Вы-
чегодскую, гдѣ находились его богатые заведе-
нія, въ неизмѣнномъ подданствѣ Царю, но и
другіе города, Пермскіе и Казанскіе, жертвуя
своимъ достоинствомъ для ополченія гражданъ и
крестьянъ ⁽³⁴¹⁾; втораго именуютъ главнымъ
виновникомъ сего возстанія, которое встрево-
жило станъ Тушинскій и Сапѣгинъ, замѣшало
Царство злодѣйское, отвлекло знатную часть
силъ непріятельскихъ отъ Москвы и Лавры ⁽³⁴²⁾.
Паны Тишкѣвичъ и Лисовскій выступили съ
полками усмирять мятежъ, сожгли предмѣстіе
Ярославля, Юрьевецъ, Кинешму: Зборовскій и
Князь Григорій Шаховскій Старицу ⁽³⁴³⁾. Жи-
тели противились мужественно въ городахъ;
дѣлали въ селеніяхъ остроги, въ дѣсахъ за-
сѣлки; не имѣли только единодушія, ни устрой-
ства. Измѣнники и Ляхи побили ихъ нѣсколько
тысячъ въ шестидесяти верстахъ отъ Ярославля,
въ селеніи Даниловскомъ ⁽³⁴⁴⁾, и пылая злобою,
все жгли и губили: женъ, дѣтей, старцевъ —

и тѣмъ усиливали взаимное остервененіе. Вѣрные Россіяне также не знали ни жалости, ни человѣчества въ мести, одерживая иногда верхъ въ сшибкахъ, убивали плѣнныхъ; казнили Воеводу Самозванцевыхъ, Застолпскаго, Нащокина и Пана Маттіаса; Нѣмца Шмита, Ярославскаго жителя, сварили въ котлѣ, за то, что онъ, выѣхавъ къ тамошнимъ гражданамъ для переговоровъ, дерзнулъ склонять ихъ къ новой измѣнѣ ⁽³⁴⁵⁾. Бѣдствія сего края, душегубство, пожары еще умножились, но уже знаменовали великодушное сопротивленіе злодѣйству, и вѣсти о счастливой перемѣнѣ, сквозь пламя и кровь, доходили до Москвы. Уже Василій писалъ благодарныя грамоты къ добрымъ Сѣвернымъ Россіянамъ; посылалъ къ нимъ чиновниковъ для образованія войска; велѣлъ ихъ дружинамъ итти въ Ярославль, открыть сообщеніе съ городами Низовыми и съ Бояриномъ Ѳедоромъ Шереметевымъ ⁽³⁴⁶⁾; наконецъ спѣшить къ столицѣ.

Крамолы въ Москвѣ.

Но столица была театромъ козней и мятежей. Тамъ, гдѣ опасались не измѣны, а доносовъ на измѣну ⁽³⁴⁷⁾ — гдѣ страшились мести Лиховъ и Самозванца болѣе, нежели Царя и закона — гдѣ власть верховная, ужасаясь явнаго и тайнаго множества злодѣевъ, умышленнымъ послабленіемъ хотѣла, казалось, только продлить тѣнь бы-

тія своего и на часть удалить гибель — тамъ надлежало дивиться не смятенію, а призраку тишины и спокойствія, когда Государство едва существовало и Москва видѣла себя среди Россіи въ уединеніи, будучи отрѣзана, угрожаема всѣми бѣдствіями долговременной осады, безъ надежды на избавленіе, безъ довѣренности къ Правительству, безъ любви къ Царю: ибо Москвитяне, нѣкогда усердные къ Боярину Шуйскому, уже не любили въ немъ Вѣнценосца, приписывая государственныя злополучія его неразумію или несчастію ⁽³⁴⁸⁾: обвиненіе равно важное въ глазахъ народа! Еще какая-то невидимая сила, законъ, совѣсть, нерѣшительность, разномысліе, хранили Василія. Желали перемѣны; но кому отдать вѣнецъ? въ тайныхъ прѣніяхъ не соглашались. Самозванцемъ вообще гнушались; Ляховъ вообще ненавидѣли, и никто изъ Вельможъ не имѣлъ ни столько достоинствъ, ни столько клеветовъ, чтобы обѣщать себѣ Державство. Дни текли, и Василій еще сидѣлъ на тронѣ, измѣряя взорами глубину бездны предъ собою, мысля о средствахъ спасенія, но готовый и погибнуть безъ малодушія. Уже блеснулъ лучъ надежды: оружіе Царское снова имѣло успѣхи ⁽³⁴⁹⁾; Лавра стояла непоколебимо; Востокъ и Сѣверъ Россіи ополчились за Москву, — и въ сіе время крамольники дерзнули явно, рѣшительно возстать на Царя, боясь ли упустить время? боясь ли, чтобы счастливая

перемѣна обстоятельствъ не утвердила Васи-
ліева Державства?

Извѣстными начальниками кова были царедворецъ Князь Романъ Гагаринъ ⁽³⁵⁰⁾, Воевода Григорій Сунбуловъ (прощенный измѣнникъ) и Дворянинъ Тимоѳей Грязной : знатнѣйшіе, вѣро-
роятно, скрывались за ними до времени. 17 Февраля ⁽³⁵¹⁾ вдругъ сдѣлалась тревога : заговор-
щики звали гражданъ на Лобное мѣсто; силою
привели туда и Патріарха Еρμοгена; звали и
всѣхъ Думныхъ Бояръ, торжественно предла-
гая имъ свести Василя съ Царства, и доказы-
вая, что онъ избранъ не Россією, а только свои-
ми угодниками ⁽³⁵²⁾, обманомъ и насиліемъ; что
сіе беззаконіе произвело всѣ распри и мятежи,
междоусобіе и Самозванцевъ ⁽³⁵³⁾; что Шуйскій
и не Царь и не умѣетъ быть Царемъ, имѣя бо-
лѣе тщеславія, нежели разума и способностей,
нужныхъ для успокоенія Державы въ такомъ
волненіи. Не стыдились и клеветы грубой : об-
виняли Василя даже въ нетрезвости и распут-
ствѣ. Они умолчали о преемникѣ Шуйскаго и
мнимомъ Димитріи; не сказали, гдѣ взять Царя
новаго, лучшаго, и тѣмъ затруднили для себя
удачу. Не многіе изъ гражданъ и воиновъ сое-
динились съ ними; другіе, подумавъ, отвѣтство-
вали имъ хладнокровно : «Мы всѣ были свидѣ-
«телями Василяева избранія, добровольнаго, об-
«щяго; всѣ мы, и вы съ нами, присягали ему
«какъ Государю законному. Пороковъ его не
«вѣдаемъ. И кто далъ вамъ право располагать

«Царствомъ безъ Чиновъ Государственныхъ?» Ергогенъ, презирая угрозы, заклиналъ народъ не участвовать въ злодѣйствѣ, и возвратился въ Кремль. Синклитъ также остался вѣрнымъ, и только одинъ мужъ Думный, старый измѣнникъ, Князь Василій Голицынъ — вѣроятно, тайный благопріятель сего кова — выѣхалъ къ мятежникамъ на Красную площадь; всѣ иные Бояре, съ негодованіемъ выслушавъ предложеніе свергнуть Царя и быть участниками беззаконнаго Вѣча, съ дружинами усердными окружили Шуйскаго ⁽³⁵⁴⁾. Не взирая на то, мятежники вломились въ Кремль; но были побѣждены безъ оружія. Въ часъ опасный, Василій снова явилъ себя неустрашимымъ: смѣло вышелъ къ ихъ сонму; *сталъ имъ въ лице* и сказалъ голосомъ твердымъ: «Чего хотите? Если убить меня, то я предъ вами, и не боюсь смерти; но «свергнуть меня съ Царства не можете безъ «Думы Земской. Да соберутся Великіе Бояре и «Чины Государственные, и въ моемъ присутствіи да рѣшатъ судьбу отечества и мою собственную: ихъ судъ будетъ для меня закономъ, «но не воля крамольниковъ!» Дерзость злодѣйства обратилась въ ужасъ: Гагарины, Сунбуловъ, Грязной, и съ ними 300 человекъ бѣжали; а вся Москва какъ бы снова избрала Шуйскаго въ Государи: столь живо было усердіе къ нему, столь сильно дѣйствіе оказаннаго имъ мужества!

Къ несчастію, торжество закона и великоду-

шія было недолговременно. Мятежники ушли въ Тушно, для того ли, что доброжелательствовали Самозванцу, или единственно для своего личнаго спасенія, какъ въ мѣсто безопаснѣйшее для злодѣевъ? Ихъ бѣгствомъ Москва не очистилась отъ крамолы. Мужъ знатный, Воевода Василій Бутурлинъ, донесъ Царю, что Бояринъ и Дворецкій, Крюкъ-Колычевъ, есть измѣнникъ и тайно сносится съ Лжедмитріемъ. Измѣны тогда не удивляли: Колычевъ, бывъ вѣренъ, могъ сдѣлаться предателемъ, подобно Юрію Трубецкому⁽³⁵⁵⁾ и столь многимъ другимъ, но могъ быть и нагло оклеветанъ врагами личными. Его судили, пытали и казнили на Лобномъ мѣстѣ. Пытали и всѣхъ мнимыхъ участниковъ новаго кова, и наполняли ими темницы, обѣщая невиннымъ, спокойнымъ гражданамъ утвердить ихъ безопасность искорененіемъ мятежниковъ.

Голодъ. Но зло инаго рода уже начинало свирѣпствовать въ столицѣ. Лишасмая подводъ, она истощила свои запасы; имѣла сообщеніе съ одною Коломною, и того лишилась: ибо рать Лжедмитріева вторично осадила сей городъ⁽³⁵⁶⁾. Предвидѣвъ недостатокъ, алчные корыстолюбцы скупили весь хлѣбъ въ Москвѣ и въ окрестностяхъ, и ежедневно возвышали его цѣну, такъ, что четверть ржи стоила наконецъ семь

рублей ⁽³⁵⁷⁾, къ ужасу людей бѣдныхъ. Тщетно Васи́лій желалъ умѣрить дороговизну неслыханную, уставлялъ цѣну справедливую и запрещалъ безбожную; купцы не слушались: скрывали свое изобиліе и продавали тайно, кому и какъ хотѣли. Тщетно Царь и Патріархъ надѣялись разбудить совѣсть и жалость въ людяхъ: призывали Вельможъ, купцевъ, богачей въ храмъ Успенія, и предъ олтаремъ Всевышняго заклинали быть челоуѣколюбивыми: не торговать жизнію Христіанъ и спустить цѣну хлѣба; не скупать его въ большомъ количествѣ и тѣмъ не отнимать у бѣдныхъ ⁽³⁵⁸⁾. Лицемеры съ слезами увѣряли, что у нихъ нѣтъ запасовъ, и безсовѣстно обманывали, думая единственно о своей выгодѣ, какъ и во время дороговизны 1603 года. Народъ впадалъ въ отчаяніе. Кричали на улицахъ: «Мы «гибнемъ отъ Царя злосчастнаго; отъ него кро-
«вопролитіе и голодъ!» Люди, увѣренные въ обманъ мнимаго Димитрія, уходили къ нему единственно для того, чтобы не умереть въ Москвѣ безъ пищи ⁽³⁵⁹⁾; другіе толпами врывались въ Кремль и воили предъ дворцемъ: «Долго ли «намъ сидѣть въ осадѣ и ждать голодной смер-
«ти?» Они требовали избавленія, побѣды и хлѣба — или Царя счастливѣйшаго! Васи́лій не скрывался отъ народа: выходилъ къ нему съ лицомъ спокойнымъ, увѣщалъ и грозилъ; смирялъ дерзость страждущихъ, но только на время. Радѣя о бѣдныхъ, онъ убѣдилъ Троицкаго Келаря Аврамія отворить для нихъ Московскія

житницы его Обители : цѣна хлѣба вдругъ упала отъ семи до двухъ рублей ⁽³⁶⁰⁾. Сихъ запасовъ не могло стать на-долго; но вопль умолкъ въ столицѣ, и счастливая вѣсть ободрила Москву.

Князь Гагаринъ, первый изъ мятежниковъ, ушедшихъ къ Самозванцу, не смотря на крамольство, имѣлъ душу : увидѣлъ, 28 Мая. узналъ Лжедмитрія, и явился къ Царю съ раскаяніемъ ⁽³⁶¹⁾; прищесь ему свою виновную голову ; сказалъ , что лучше хочетъ умереть на плахѣ , нежели служить бродягѣ гнусному — и былъ помилованъ Василіемъ : выведенный къ народу, Гагаринъ именемъ Божіимъ заклиналъ его не прельщаться Діавольскимъ обманомъ, не вѣрять злодѣю Тушинскому, орудію Ляховъ, желающихъ единственно гибели Россіи и святой Церкви. Сіи убѣжденія произвели дѣйствіе , и еще несравненно болѣе , когда Гагаринъ объявилъ Москвитянамъ, что стантъ Тушинскій въ сильной тревогѣ; что Лжедмитрій и Ляхи свѣдали о соединеніи Шведовъ съ Россіянами; что Князь Михаилъ Скопинъ-Шуйскій ведетъ ихъ къ столицѣ и побѣждаетъ. Удивленіе радости измѣнило лица печальныя : всѣ славили Бога ; многіе устыдились своего намѣренія бѣжать въ Тушино ; укрѣпились въ вѣрности — и съ того дня уже никто не уходилъ къ Самозванцу.

Вѣсть о
Князѣ
Михаилѣ
и его
подви-
гах.

Гагаринъ сказалъ истину о тревогѣ злодѣевъ Тушинскихъ. Опишемъ начало подвиговъ знаменитаго юноши, который въ бѣдственные времена родился счастливымъ, и коему надлежало бы только жить, чтобы спасти Царя, ознаменованнаго Судьбою для злополучія. Мы видѣли, какъ Михаилъ Шуйскій, во время величайшей опасности, съ горестію удалился отъ войска, чтобы искать защитниковъ Россіи внѣ Россіи ⁽³⁶²⁾: прибывъ въ Новгородъ, гдѣ начальствовали Бояринъ Князь Андрей Куракинъ и царедворецъ Татищевъ ⁽³⁶³⁾, онъ немедленно доставилъ Королю Шведскому грамоту Василюеву; писалъ къ нему и самъ, писалъ и къ его Воеводамъ, Финляндскому и Ливонскому, Арвиду Вильдману и Графу Мансфельду ⁽³⁶⁴⁾, требуя вспоможенія и представляя имъ, что Ляхи воцареніемъ Лжедимитрія хотятъ обратить силы Россіи на Швецію, для торжества Латинской Вѣры, будучи побуждаемы къ тому Папою, Іезуитами и Королемъ Испанскимъ. Ничто не было естественнѣе союза между Шведскимъ и Россійскимъ Вѣнценосцами, искренними друзьями отъ ихъ общей ненависти къ Ляхамъ. Надлежало единственно удостовѣрить Карла, что Шведы еще найдутъ и могутъ утвердить Василя на престолѣ: для чего Князь Михаилъ, слѣдуя своему наказу и внушенію Политики, таилъ отъ Карла ужасныя обстоятельства Россіи; говорилъ только о частныхъ въ ней мятежахъ, объ измѣнѣ тысячь осьми или

десяти Россіянъ, которые вмѣстѣ съ пятью или шестью тысячами Ляховъ злодѣйствуютъ близъ Москвы ⁽³⁶⁵⁾. Требовалось не мало времени для объясненій. Секретарь Мансфельдовъ видѣлся съ Княземъ Михаиломъ въ Новѣгородѣ, а Воевода Головинъ, шурина Скопина, поѣхалъ въ Выборгъ, гдѣ знатные чиновники Шведскіе ждали его, чтобы условиться въ мѣрахъ вспоможенія. Между тѣмъ Князь Михаилъ, желая спасти Москву и Царя не одною рукою иноплемениковъ, мыслилъ ополчить всю Сѣверозападную Россію, и грамотою убѣдительною звалъ къ себѣ Псковитянъ, хваля ихъ древнюю доблесть; но Псковитяне, уже хвалясь злодѣйствомъ ⁽³⁶⁶⁾, отвѣтствовали ему угрозою — и самые Новгородцы оказывали расположеніе столь подозрительное, что Князь Михаилъ рѣшился искать усердія или безопасности въ иномъ мѣстѣ; вышелъ изъ Новгорода съ Татищевымъ, Дьякомъ Теленцевымъ и малочисленною дружиною вѣрныхъ, и требовалъ убѣжища въ Иваѣгородѣ: тамъ ихъ не приняли, ни въ Орѣшкѣ, гдѣ Воевода, предатель, Бояринъ Михайло Самтыковъ, считая Лжедмитрія побѣдителемъ, уже именовалъ себя его Намѣстникомъ ⁽³⁶⁷⁾. Въ то время, когда Михаилъ, оставленный и нѣкоторыми изъ робкихъ спутниковъ, при устьѣ Невы думалъ въ печали, что дѣлать? явились Послы отъ Новгорода съ моленіемъ, чтобы онъ возвратился къ Святой Софіи. Митрополитъ Исидоръ и достойные Рос-

сіяне одержали тамъ верхъ надъ беззаконіемъ, и встрѣтили Князя Михаила какъ утѣшителя, въ лицѣ его привѣтствуя отечество и вѣрность; искренно клялися умереть за Царя Василя, какъ предки ихъ умирали за Ярослава Великаго, и свѣдавъ, что Воевода Лжедимитріевъ, Керносичкій, съ Ляхами и Россіянами идетъ отъ Тушина къ берегамъ Ильменя, готовились выступить въ поле. Древній Новгородъ, казалось, воскресъ съ своимъ великодушіемъ: къ несчастію, ревность достохвальная имѣла дѣйствіе зловредное.

Татищевъ, извѣстный мужествомъ, вызвался вести передовой отрядъ къ Бронницамъ; но Князю Михаилу донесли, что сей царедворецъ лукавый замышляетъ предательство. Извѣтъ былъ важенъ, а Князь Шуйскій молодъ и пылокъ: онъ созвалъ воиновъ и гражданъ, объявилъ имъ доносъ, и хотѣлъ съ ними торжественно судить, уличить или оправдать виновнаго. Въмѣсто суда, народъ въ изступленіи ярости умертвилъ Татищева, не давъ ему сказать ни единого слова, къ горести Михаила, увидѣвшаго поздно, что народъ, въ кипѣніи страстей, можетъ быть скорѣе палачемъ, нежели судією ⁽³⁶⁸⁾. Татищева, едва ли виновнаго, схоронили съ честію въ Обители Св. Антонія, и многіе Дворяне, вѣроятно уstraшенные его судьбою, бѣжали изъ города, даже къ непріятелю, который шелъ впередъ невозбранно, занялъ Хутынский и другіе окрестные монастыри, жегъ,

грабилъ — и вдругъ скрылся, услышавъ отъ плѣнниковъ, что сильное войско вступило въ село Грузино и спѣшитъ на помощь къ Новгороду. Плѣнники обманули непріятеля: мнимое войско состояло единственно изъ тысячи областныхъ жителей, ополченныхъ Дворянами Горихвостовымъ и Рязановымъ въ Тихвинѣ и за Онегою⁽³⁶⁹⁾. Сіа добрые Россіяне, будучи въ шесть разъ слабѣе Керносицкаго⁽³⁷⁰⁾, имѣли счастье безъ кровопролитія избавить Новгородъ, гдѣ Князь Михаилъ съ нетерпѣніемъ ждалъ вѣстей отъ Головина.

г. 1609. Вѣсти были благопріятны. Король Шведскій словомъ и дѣломъ доказалъ свою искренность. Еще Генералы его, Бос и Вильдманъ, не успѣли заключить договора съ Головинымъ и Дьякомъ Зиновьевымъ, а войско Королевское уже стояло подъ знаменами въ Финляндіи. Съ обѣихъ сторонъ не хотѣли тратить времени, и 28 Февраля подписали въ Выборгѣ слѣдующія условія⁽³⁷¹⁾: «1) Мирный договоръ 1595 года «возобновляется между Россією и Швецією на вѣки вѣковъ. 2) Первой не вступаться въ Ливонію. 3) Карлъ дастъ Василю 2000 конныхъ и 3000 пѣшихъ ратниковъ, а Василій 100,000 ефимковъ въ мѣсяцъ на ихъ жалованье⁽³⁷²⁾. 4) Сіе войско въ полномъ распоряженіи Князя Михаила Шуйскаго; должно занимать города

«единственно именемъ Царскимъ, и не можетъ
«выводить плѣнниковъ изъ Россіи, кромѣ Ля-
«ховъ. 5) Съѣстные припасы будутъ ему до-
«ставляемы по цѣнѣ умѣренной ⁽³⁷³⁾. 6) Царь
«взаимно обязывается помогать Королю вой-
«скомъ на Сигизмунда въ Ливоніи, куда от-
«крыть путь Шведамъ изъ Финляндіи чрезъ Рос-
«сійскія владѣнія. 7) Ни та, ни другая Держава
«безъ общаго согласія не вольна мириться съ
«Сигизмундомъ. 8) Царь, въ знакъ признатель-
«ности, уступаетъ Швеціи Кексгольмъ въ вѣч-
«ное владѣніе, по *тайно* до времени ⁽³⁷⁴⁾: ибо
«сія уступка можетъ произвести сильное недо-
«вольствіе между Россіянами. 9) Князь Михаилъ
«Шуйскій даритъ Шведскому войску 5000 руб-
«лей не въ счетъ опредѣленнаго жалованья. —
«Сія грамота будетъ утверждена въ Новѣгородѣ
«имъ Княземъ Шуйскимъ, Воеводою, Бояри-
«номъ и *Ближнимъ Пріятелемъ* Царскимъ, а въ
«Москвѣ самимъ Царемъ.»

26 Марта ⁽³⁷⁵⁾ уже вступилъ въ Россію Пол-
ководецъ Шведскій, Іаковъ Делагарди, сынъ
Понтусовъ, юный, двадцати-семилѣтній витязь,
ученикъ и сподвижникъ славнаго Морица Нас-
савскаго въ долговременномъ, кровопролитномъ
бореніи за свободу Голландской Республики. На
границѣ встрѣтилъ союзниковъ Воевода Одолу-
ровъ, посланный Княземъ Михаиломъ, и 2300
Россіянъ, которые въ первый разъ увидѣли себя
подъ одними знаменами съ Шведами и наемни-
ками ихъ, Французами, Англичанами, Шотланд-

цами, Нѣмцами и Нидерландцами. Сіи 5000 раз-
ноземцевъ , большею частію людей безъ отече-
ства и нравственности , исполненныхъ любви не
къ ратной чести, а къ низкой корысти, шли
спасать преемника Монарховъ, ославленныхъ
въ Европѣ и въ Азіи несмѣтными ихъ силами!
Союзникамъ указали станъ близъ Новагорода,
куда звали Делагарди и Генераловъ его для сви-
данія съ Княземъ Шуйскимъ . . .

Тамъ сіи два Полководца, оба юные, привѣт-
ствовали другъ друга съ ласкою, съ уваженіемъ
взапнымъ. «Князь Михаилъ» — пишетъ совре-
менный Шведскій Историкъ ⁽³⁷⁶⁾ — «имѣлъ 23
«года отъ рожденія, прекрасную душу, умъ не
«по лѣтамъ зрѣлый, наружность, осанку пріят-
«ную, искусство въ битвахъ и въ обхожденіи съ
«иноземнымъ войскомъ. Делагарди сказалъ ему,
«что Королю извѣстны всѣ ухищренія Ляховъ;
«что онъ прислалъ рать и готовитъ еще силь-
«нѣйшую для вспоможенія Россіи, желая благо-
«денствія Царю и народу ея, а врагамъ ихъ же-
«лая гибели. Князь Михаилъ, кланяясь, опу-
«стилъ руку до земли; изъявлялъ благодарность;
«увѣрялъ, что Россія усердна къ Царю и вол-
«нуема только малымъ числомъ измѣнниковъ,
«коихъ легко одолѣть единодушнымъ дѣйстви-
«емъ союзниковъ! Разсуждали, какъ дѣйствовать, и
«съ чего начать. Делагарди требовалъ впередъ
«жалованья войску: Князь Шуйскій обѣщалъ
«немедленно выдать 8000 рублей, 5000 деньгами
«и 3000 соболями; утвердилъ (4 Апрѣля) Вы-

«боргскій договоръ, и самъ проводилъ Делагарди до воротъ крѣпости.»

Грязи и разлитіе рѣкъ мѣшали походу. Шведскій Военачальникъ хотѣлъ ждать просухи, и для безопаснаго сообщенія съ Ливонією и Финляндією, заняться прежде всего осадою Копорья, Иванягорода и Ямы, гдѣ царствовала измѣна: Князь Михаилъ имѣлъ другую мысль. Еще до прибытія Шведовъ, Воевода Осининъ ходилъ изъ Новагорода съ Дѣтьми Боярскими и Козаками къ мятежному Пскову, разбилъ тамошнихъ злодѣевъ въ полѣ и надѣялся взять городъ ⁽³⁷⁷⁾; но Скопинъ велѣлъ ему возвратиться, чтобы не тратить времени въ предпріятіяхъ частныхъ, и склонилъ Делагарди немедленно идти къ Москвѣ. Воевода Чулковъ и Шведскій Генераль Эвертъ Горнъ вступили въ Русу, гнали измѣнниковъ и Ляховъ до уѣзда Торопецкаго, одержали (25 Апрѣля) побѣду надъ Керносичскимъ въ селѣ Каменкахъ, взяли 9 пушекъ, знамена и плѣнниковъ ⁽³⁷⁸⁾. Порховъ, Торопецъ сдалися мирно — и Торжекъ другому Воеводѣ, Чоглокову. Узнавъ, что Панъ Зборовскій и Князь Григорій Шаховскій ⁽³⁷⁹⁾ съ тремя тысячами измѣнниковъ и Ляховъ идутъ изъ Твери на Чоглокова, Князь Михаилъ отрядилъ туда Головина и Горна: имѣя не болѣе двухъ тысячъ воиновъ, они сразились съ непріателемъ; Чоглоковъ сдѣлалъ вылазку, и Зборовскій, послѣ дѣла кровопролитнаго, отступилъ къ Твери.

Самъ Князь Михаилъ, отиѣвъ молебень въ

Софійскомъ храмѣ , исполненномъ древнихъ знаменитыхъ воспоминаній , вывелъ (10 Мая) главную рать. Новгородъ , нѣкогда *Великій*, столь многочисленный и воинственный , далъ ему все , что могъ : тысячи двѣ подвижниковъ неопытныхъ ⁽³⁸⁰⁾! Но войско Россійское усилилось въ Торжкѣ (24 Іюня) новыми дружинами : Князь Борятинскій , Воевода усердный и мужественный , привелъ туда 3000 Дѣтей Боярскихъ и земледѣльцевъ изъ Смоленскихъ Уѣздовъ , смиривъ на пути Дорогобужъ и Вязьму ⁽³⁸¹⁾. Союзники спѣшили къ Твери : тамъ засѣли Зборовскій и Керпосицкій , бывъ подкрѣплены Тушинскимъ войскомъ. Ляхи и Россійскіе измѣнники вышли изъ города и сразились мужественно , во время сильнаго дождя , который препятствовалъ дѣйствию пѣльбы : непріятель , ударивъ съ коньями на лѣвое крыло Шведовъ , обратилъ Французовъ въ бѣгство ; Нѣмцы , Финляндцы , Россіане также дали тылъ , — и хотя правое крыло , гдѣ начальствовалъ Делагарди , имѣло выгоду и втѣснило Ляховъ въ городъ ; хотя самъ Воевода Зборовскій раненный едва спасся отъ пѣльбы : но союзники отступили. Дождь лилъ цѣлыя сутки. Въ слѣдующую ночь , когда Ляхи безпечно спали въ Острогѣ , Князь Михайлъ тихо приблизился , напалъ и взялъ его безъ урона : восходящее солнце освѣтило тамъ Царскія хоругви и кучи непріятельскихъ тѣлъ ⁽³⁸²⁾. Юный Полководецъ Россійскій обнялъ Делагарди съ живѣйшимъ чувствомъ признательно

сти за мужество Шведовъ ⁽³⁸³⁾, которые хотѣли вломиться и въ городъ, гдѣ остальные измѣнники и Ляхи заключились; но Князь Михаилъ, жалѣя людей, велѣлъ прекратить сѣчу кровопролитную и не нужную: ибо угадывалъ, что непріятель, уже слабый, или мирно сдастся на договоръ или бѣжить. Чрезъ нѣсколько часовъ дѣйствительно Ляхи и клеветы ихъ ушли изъ Твери, до половины сожженной и наполненной трупами ⁽³⁸⁴⁾. Такимъ образомъ Князь Михаилъ въ два мѣсяца очистилъ всѣ мѣста отъ Новгородскихъ до Московскихъ предѣловъ; думалъ скоро освободить и Москву, надѣясь на ужасъ непріятелей и содѣйствіе войска Царскаго. Доселѣ онъ могъ быть доволенъ Шведами. Карлъ IX писалъ къ нашему Духовенству, Боярамъ, Дворянамъ и купцамъ ⁽³⁸⁵⁾, что онъ готовъ всѣми силами дѣйствовать для защиты ихъ древней *Греческой вѣры, вольности и льготы*, — для истребленія Польской сволочи и бродягъ, жалуемыхъ ею въ Цари съ умысломъ изгубить знатнѣйшіе роды, цвѣтъ и славу нашего отечества ⁽³⁸⁶⁾. Делагарди уклонялся отъ всякаго сношенія съ Ляхами, и въ отвѣтъ на дружелюбную, лукавую грамоту Зборовскаго, писанную изъ Твери (11 Іюня) къ Шведскимъ Генераламъ о правахъ мнимаго Димитрія, сказалъ: «мое дѣло воевать, а не разсуждать съ вами о Димитріяхъ» ⁽³⁸⁷⁾. Тщетно и лазутчики Зборовскаго старались возмутить союзное войско: ихъ ловили и казнили. Но чего не произвело обольщеніе, то произвела буй-

ность. Оставивъ Тверь и Шведовъ позади себя, Князь Михаилъ шелъ къ столицѣ и свѣдалъ въ Городнѣ, что союзники идутъ не за нимъ, а назадъ къ Новугороду! Сія неожидаемая измѣна была слѣдствіемъ мятежа. Выступивъ изъ Твери, Финляндцы первые объявили своему Генералу, что не хотятъ итти въ глубину Россіи на вѣрную гибель; что имъ не выдано полного жалованья: что вѣроломство Московскаго народа всѣмъ извѣстно; что жены и дѣти ихъ безъ защиты дома ⁽³⁸⁸⁾. Французы, Нѣмцы, наконецъ и Шведы также взволновались; не слушались Генераловъ; бросили знамена. Делагарди обнажилъ мечъ, грозилъ — и долженъ былъ уступить мятежникамъ, чтобы не остаться Военачальникомъ безъ войска: онъ самъ повелъ ихъ къ Шведской границѣ ⁽³⁸⁹⁾, для прикрытія бунта жалуюсь, что Россіяне не исполняютъ договора: не сдаютъ Кексгольма и не платятъ обѣщанныхъ денегъ. Изумленный Князь Михаилъ спѣшилъ удержать союзниковъ нужныхъ, хотя и ненадежныхъ, и послалъ къ нимъ Ододурова съ убѣжденіемъ не измѣнять чести, не срамить имени Шведскаго, не выдавать друзей, въ то время, когда непріятель, болѣе раздраженный, нежели ослабленный, готовится къ рѣшительному дѣлу. Сіи представленія и серебро, врученное наемникамъ корыстолюбивымъ, ихъ усвоѣстили: Генераль Зоме съ частію пѣхоты и конницы возвратился къ Князю Михаилу на канунъ величайшей для него опасности и сла-

вы (³⁹⁰). Здѣсь подвиги юнаго Героя уже связываются съ происшествіями знаменитой Троицкой осады.

Еще Сапѣга стоялъ подъ Лаврою (³⁹¹): разсылалъ отряды, занималъ или жегъ города, обуздывалъ или каралъ жителей, мѣшалъ сообщенію Москвы съ Востокомъ и Сѣверомъ Россіи, и подкрѣплялъ Зборовскаго, чтобы отразить Шведовъ. Между тѣмъ слухъ о движеніяхъ Скопина и Шереметева уже достигъ Лавры (³⁹²): защитники ея ждали слѣдствій, надѣялись, и вдругъ увидѣли необычайное воиеніе въ непріятельскомъ станѣ: Зборовскій прибѣжалъ туда съ остаткомъ разсѣяннаго войска (³⁹³) и съ вѣстію, что Тверь уже взята союзниками; прибѣжали и многіе измѣнники, Дворяне, Дѣти Боярскіе, которые измѣною хотѣли единственно избавить свои помѣстья отъ грабежа, не думая служить Царику Тушинскому, и до того времени жили въ нихъ спокойно, но не дерзнули ждать Князя Михаила (³⁹⁴). Всѣ отряды возвратились къ Сапѣгѣ: Лжедмитрій усилилъ его и частію Тушинской рати, велѣвъ ему итти противъ Скопина и Шведовъ. Ляхи, какъ обыкновенно, готовились къ битвѣ шумными играми, пили, веселились, и дали знать Троицкому Воеводѣ Долгорукому, что они торжествуютъ побѣды; что Шведы истреблены, а Скопинъ и Шереметевъ сдались. Ихъ не слушали. Тогда подѣхали къ стѣнамъ два человѣка, нѣкогда знаменитые на степеняхъ мужей государственныхъ: Бояринъ Сал-

тыковъ (изгнанный изъ Орѣшка успѣхами Князя Михаила) и Думный Дьякъ Грамотинъ ⁽³⁹⁵⁾ : оба увѣряли , что междоусобная война уже прекратилась въ Россіи ; что Москва встрѣчаетъ Димитрія , и Шуйскій съ Синклитомъ въ его рукахъ. Клевреты ихъ , Дворяне измѣнники , утверждали тоже , прибавляя : « Не мы ли были съ «Шереметевымъ , а теперь служимъ Димитрію ? «Кого еще ждете ? Все у ногъ Іоаннова сына — «и если одни будете противиться , то немедленно увидите здѣсь Царя гнѣвнаго со всемъ «Литовскимъ войскомъ , Скопиннымъ и Шереметевымъ , для казни вашего послушанія . » Имъ отвѣтствовали единогласно , люди умные и простые (какъ говоритъ Лѣтописецъ) : « Всевышній «съ нами , и никого не боимся . Хотите ли , что- «бы мы вамъ вѣрили ? скажите , что Князь Ми- «хаилъ подъ Тверію тѣлами Литовскими и ва- «шими сравнялъ Волгу съ берегами и напиралъ «звѣрей плотоядныхъ : не усомнимся и восхва- «лимъ Бога ! Ложь не побѣда : идите съ мечемъ на мечъ , и Господь разсудитъ виновнаго съ правымъ ! » Такъ еще мужался сіи Герои вѣрности , числомъ уже не болѣе двухъ сотъ ⁽³⁹⁶⁾ . Сапѣга не могъ медлить , однакожь дозволилъ Зборовскому съ его дружинами еще приступить къ стѣнамъ Обители , которую сей гордый Ляхъ , шутя надъ нимъ и Лисовскимъ , уподоблялъ лукну и *гнѣзду воронъ* ⁽³⁹⁷⁾ . Зборовскій приступилъ ночью , стрѣлялъ , убилъ одну женщину на стѣнѣ , и ничего болѣе не сдѣлавъ , удалился . Вѣ-

роятно, что непріятель хотѣлъ на сію ночь не взять, а только устрашить Лавру для своей безопасности: Сапѣга спѣшилъ къ берегамъ Волги, ввѣривъ облежаніе монастыря и храненіе стана Козакамъ, Россійскимъ измѣнникамъ и не многимъ Ляхамъ.

Не зная, что дѣлается въ Москвѣ, но зная, что вся Россія полунощная, отъ Углича до Бѣлаго моря и Перми, уже снова вѣрна Царю, Князь Михаилъ, исполненный надежды, но тѣмъ болѣе осторожный, послалъ, для вѣстей къ столицѣ, чиновника Безобразова ⁽³⁹⁸⁾, а самъ не дерзая итти впередъ съ малыми силами, двинулся влѣво по теченію Волги, къ монастырю Колязину, для удобнаго сообщенія съ Ярославлемъ, богатымъ и многолуднымъ. Туда прибылъ къ нему Царскій Дворянинъ Волуевъ, умертвитель Отрепьева ⁽³⁹⁹⁾, сказывая, что Москва цѣла и Василій еще державствуетъ. Царь писалъ къ Михаилу: «Слышимъ о твоёмъ великомъ радѣніи, и славимъ Бога. Когда ужасомъ или побѣдою избавишь Государство, то какой хвалы сподобишься отъ насъ и добрыхъ Россіянъ! какого веселія исполнишь сердца ихъ! Имя твое и дѣло будутъ памятны во вѣки вѣковъ не только въ нашей, но и во всѣхъ Державахъ окрестныхъ. А мы на тебя надежны, какъ на свою душу» ⁽⁴⁰⁰⁾. — За вѣстію радостною слѣдовала другая: Сапѣга, Зборовскій, Лисовскій и Лжедимитріевъ Атаманъ Заруцкій находились уже близъ Колязина, въ селѣ Пироговѣ ⁽⁴⁰¹⁾. Имѣя едва ли тысячь

десять собственныхъ воиновъ и не болѣе тысячи Шведовъ, приведенныхъ къ нему Генераломъ Зоме (⁴⁰²), Князь Михаилъ рѣшился однакожь встрѣтить непріятеля, хотя и гораздо сильнѣйшаго. Передовыя рати сошлись на топкихъ берегахъ Жабны: чиновники Головинъ, Борятинскій, Волуевъ и Жеребцовъ отличились мужествомъ; втоптали непріятеля въ болота, и дали время Князю Михаилу изготавиться, занять мѣста выгодныя, распорядить движенія. Сапѣга напалъ стремительно, съ громкимъ воплемъ: Россіяне и Шведы стояли твердо, и сами нападали, гдѣ слабѣлъ непріятель. Пальба и сѣча продолжались нѣсколько часовъ. На закатѣ солнца вѣрные Россіяне призывая имя Св. Макарія Колязинскаго, двинулись впередъ такъ дружно и сильно; что утомленные Ляхи не могли удержать мѣста битвы; ихъ тѣснили до Рябова монастыря, и Князь Михаилъ вступилъ въ Колязинъ съ плѣнниками и трофеями (⁴⁰³), не хваляся побѣдою, но хваля единодушную доблесть своихъ и Шведовъ, въ надеждѣ на успѣхи будущіе и важнѣйшіе. Онъ не гналъ Ляховъ и не мѣшалъ имъ возвратиться къ постыдной для нихъ осадѣ Троицкой, готовясь быть избавителемъ и Лавры и Москвы — и Россіи, если бы Небо оставило ей сего Героя-юношу!

Тамъ, на берегу Волги, въ пустынныхъ келліяхъ Св. Макарія, Князь Михаилъ, оглашаемый церковнымъ пѣніемъ Иноковъ и звукомъ трубъ воинскихъ, какъ Геній отечест-

ва, неуспынно бодрствовалъ день и ночь для спасенія Царства; сносился съ городами съ-верными, принималъ отъ нихъ дары, казну и воиновъ (⁴⁰⁴); поручилъ Генералу Зоме устройство дружинъ, образованіе людей опытныхъ въ ратномъ дѣлѣ, и нетерпѣливо ждалъ всѣхъ Шведовъ для дальнѣйшихъ предпріятій. Но Делагарди, увлеченный новымъ бунтомъ войска, опять шелъ къ границѣ (⁴⁰⁵): Послы Скопина настигли его въ Крестцахъ; заплатили ему 6000 рублей деньгами, 5000 рублей соболями (⁴⁰⁶), и Князь Михаилъ взялъ на себя, безъ утвержденія Царскаго, отдать Кексгольмъ Шведамъ. Въ сихъ переговорахъ миновало недѣль шесть: Делагарди пошелъ наконецъ къ Колязину, гдѣ Князь Михаилъ, нетревожимый измѣнниками и Ляхами, усиливался ежедневно.

Видя предъ собою Москву неодолимую, вкругъ себя города уже непріятельскіе, пепелища, лѣса, пустыни, въ коихъ изгнанные жители, воспламененные злобою, стерегли, истребляли Ляховъ малочисленныхъ въ ихъ разъѣздахъ — будучи съ Сѣвера угрожаемы княземъ Михаиломъ, съ Востока Шереметевымъ, Лжедмитрій еще мыслилъ однимъ ударомъ кончить войну; взять силою, чего долго тщетно ждалъ отъ измѣны и голода: взять Москву вмѣстѣ съ Царемъ и Царствомъ. Въ сей надеждѣ утвердилъ его Панъ Бобовскій, который, прибывъ къ нему тогда изъ Литвы съ дружиною удалцевъ, винилъ Рожинскаго въ слабости духа, увѣряя, что

Москва спасается единственно бездѣй-
Прясту
пѣ. Лже-
ди м и
триа къ
Москва па. Лжедмитрій далъ ему нѣсколько
полковъ: хваляся напередъ дѣломъ слав-
нымъ, Бобовскій устремился къ городу;
но Царскіе Воеводы не допустили его и
до предмѣстія: вышли, напали, разби-
ли — и Москва торжествовала свою пер-
вую блестящую побѣду; а скоро и вто-
рую, еще важнѣйшую, надъ всею Ту-
шинскою силою (⁴⁰⁷). Самъ Лжедмит-
рій, Гетманъ Рожинскій, Атаманъ За-
руцкій, въ знатные измѣнники и Бояре
вели дружины на приступъ (въ день
Троицы), и хотѣли сжечь Деревянный го-
родъ; но Василій успѣлъ выслать вой-
ско съ Княземъ Дмитріемъ Шуйскимъ.
Непріятель быстрымъ движеніемъ вло-
мился въ средину Царскихъ полковъ,
смялъ конницу и замѣшалъ пѣхоту: тутъ
съ одной стороны Воевода Князь Иванъ
Куракинъ, съ другой Князь Андрей Го-
лицынъ и Борисъ Лыковъ, уже извѣст-
ные достоинствами ратными (⁴⁰⁸), на-
Побѣда
Перска
го вой-
ска. пали на измѣнниковъ и Ляховъ. Зачал-
ся бой, въ коемъ, по увѣренію Лѣто-
писца, Московскіе воины превзошли се-
бя въ блестящемъ мужествѣ, сражаясь,
какъ еще не сражались дотолъ съ Ту-
шинскими злодѣями; одолѣли, гнали ихъ
до Ходынки и взяли 700 плѣнниковъ.
Ужасъ непріятеля былъ такъ великъ,

что бѣглецы не удержались бы въ Тушинѣ, если бы побѣдители, слишкомъ умѣренные, не остановились на Ходынкѣ. Однимъ словомъ, Москвитяне сами дивились своей храбрости, вселенной въ нихъ счастливыми вѣстями о возстаніи Сѣверной Россіи, объ успѣхахъ Князя Михаила и войска Низоваго, коего чиновникъ, Дворянинъ Соловой, прибылъ тогда къ Царю съ донесеніемъ Шереметева (¹⁰⁹). Сей Бояринъ вездѣ истреблялъ непріятеля и власть Лжедмитрія, отъ Казани до Нижняго Новгорода; близъ Юрьевца, побилъ на голову Лисовскаго, отряженнаго Сапѣгою для усмиренія Костромской области (¹¹⁰); мирно вступилъ въ Муромъ, и взявъ Касимовъ, освободилъ тамъ многихъ вѣрныхъ Россіянъ, заключенныхъ измѣнниками. Довольный^{ше} его службою, но не довольный медленностію, Царь послалъ къ нему Князя Прозоровскаго съ милостивымъ словомъ и съ указомъ слѣшить къ Москвѣ (¹¹¹). Въ то же время древняя столица Боголюбскаго обратилась къ закону: жители владиміра снова присягнули Царю — всѣ, кромѣ Воеводы Вельяминова, ревностнаго слуги Лжедмитріева. Народъ велѣлъ ему исповѣдаться въ церкви, вывелъ его на площадь, объявилъ врагомъ Государства, убилъ камнемъ, и съ живѣйшимъ усердіемъ принялъ Воеводу Царскихъ (¹¹²).

Уже безъ легкомыслія можно было предаваться надеждѣ. Царство обмана падало: царство закона возстановлялось. Образовались

подки вѣрныхъ -- стремились къ одной цѣли къ Москвѣ, почти освобожденной двумя важными успѣхами собственнаго оружія. Народъ опомнился, и радостными кликами привѣтствовалъ знамена любезнаго отечества и Святой Вѣры. Ждали только соединенія силъ, чтобы дружно наступить на гнѣздо злодѣйства, столь долго ужасное Тушино .. и вдругъ едва не впали въ новое отчаяніе!

Какъ измѣнники и Ляхи въ явномъ омраченіи ума давали Князю Михаилу спокойно готовить имъ гибель, такъ войскъ Московское, худо вѣря своимъ побѣдамъ, дадо отдохнуть Самозванцу разбитому. Онъ усилился новыми толпами Козаковъ, вышедшихъ изъ Астрахани съ тремя мнимыми Царевичами: Августомъ, Три Самозванца. Осиновикомъ и Лавромъ: первый назывался сыномъ, второй и третій внуками Іоанна Грознаго (¹¹²). «Злодѣи рабскаго племени» — говоритъ Лѣтописецъ --- «холопы, крестьяне, считая Россію привольемъ наглыхъ обманщиковъ, являлись одинъ за другимъ подъ именемъ Царевичей даже небывалыхъ, и надѣялись властвовать въ ней, какъ союзники и ближніе Тушинскаго злодѣя» (¹¹⁴). Но сами Козаки, отбитые отъ вѣрнаго Саратова Воеводою Замятнею Сабуровымъ, съ досады умертвили Осиновика на берегу Волги: Августа и Лавра велѣлъ повѣсить Лжедимитрій на Москов-

ской дорожѣ. чтобы ихъ казню засвидѣ-
 тельствовать свое небратство съ ними.
 Въ опасностяхъ не теряя дерзости — еще
 имѣя тысячь шестьдесятъ или болѣе
 сподвижниковъ — еще властвуя надъ
 знатною частію Россіи южной и запад-
 ной, отъ Тушина до Астраханы (⁴¹⁵),
 предѣловъ Крымскихъ и Литовскихъ —
 Самозванецъ тревожилъ нападеніями сло-
 боды Московскія (⁴¹⁶), перехватывалъ <sup>нѣкото-
рыя</sup> обозы на дорогахъ, тѣснилъ Коломну. ^{удачи}
 Воевода его, Ляхъ Млоцкій, побилъ Ря-
 занцевъ, хотѣвшихъ освободить сей го-
 родъ, имъ осажденный; а Лисовскій,
 всегда храбрый, не всегда счастливый,
 загладилъ свои неудачи важнымъ успѣ-
 хомъ. Винимый Царемъ въ медленности,
 Шереметевъ сиѣшилъ изъ Владиміра къ
 Суздалю, еще непріятельскому, и сталъ
 на равнинахъ, гдѣ Лисовскій ударомъ
 конницы смялъ всю его многочислен-
 ную, худо устроенную пѣхоту. Легло
 не малое число Низовыхъ жителей въ
 битвѣ кровопролитной и безпорядоч-
 ной (⁴¹⁷); съ остальными Шереметевъ
 бѣжалъ къ Владиміру. Москва узнала о
 томъ и смутилась. Народъ уже не хо-
 тѣлъ вѣрить побѣдамъ Князя Михаила.
 Въ сіе время голодъ опять усилился Жи-
 тницы Авраміевы истощились (⁴¹⁸), и чет-
 верть хлѣба опять возвысилась цѣною
 отъ двухъ до семи рублей. Чернь бунто-
 вала; съ шумомъ стремилась въ Кремль;

<sup>Новый
мятежъ</sup>

въ Мос-
квѣ.

осаждала дворецъ; кричала: «хлѣба! хлѣба! или да здравствуетъ Тушинскій!»... Но въ часъ величайшаго волненія явился Безобразовъ съ дружиною (⁴¹⁹): сквезъ разѣзды непріятельскіе онъ благополучно достигъ москвы, и вручилъ Царю письмо отъ Князя Михаила; а Царь велѣлъ читать оное всенародно, при звукѣ колоколовъ и пѣніи благодарственного молебна во всѣхъ церквяхъ. Князь Михаилъ писалъ, что Богъ ему помогаетъ. Исчезло отчаяніе, сомнѣніе и мтежъ. Надежда на скорое избавленіе уменьшила и дороговизну съ голодомъ. Новыя вѣсти еще болѣе обрадовали Москву.

Ожидая Делагарди, Князь Михаилъ хотѣлъ выгнать непріятеля изъ Переславля Залѣскаго, чтобы безпрепятственно сноситься съ Шереметевымъ и Низовыми областями. Головинъ, Болуевъ и Зоме (1 Сентября) ночью взяли сей городъ, убивъ 500 человекъ и плѣнивъ 150 шляхтичей Санѣгиной рати (⁴²⁰). 16 Сентября пришелъ наконецъ и Делагарди. Казна; доставленная Скопину усердіемъ городовъ, дала ему средство удовлетворить вполнѣ корыстолюбіе Шведовъ: имъ заплатили 15,000 рублей мѣхами, и тѣмъ оживили ихъ ревность (⁴²¹). Полководцы, оба юные и пылкіе духомъ, служили примѣромъ искренняго братства для воиновъ. 26 Сентября Князь

Михаилъ и Делагарди двинулись впередъ. оставили въ Переславлѣ сильную дружину и шли далѣе на Югъ; встрѣти-Слобо-
ли, гнали малочисленныхъ Ляховъ, и за-да Але-
няли Александровскую слободу, прослав-ксанд-
ленную Іоанномъ. Тамъ все еще напо-ровская
минало его время: дворецъ, пять богатыхъ храмовъ (⁴²²), чистые пруды, глубокіе рвы и высокія стѣны, гдѣ Грозный искалъ безопаснаго убѣжища отъ Россіи и совѣсти. Мѣсто ужасовъ обратилось въ мѣсто надежды и спасенія. Тамъ Михаилъ остановился; велѣлъ немедленно дѣлать новыя деревянныя укрѣпленія, выслалъ разъѣзды на дороги, открылъ сообщеніе съ Москвою и ежедневно писалъ къ Царю, чтобы условиться съ нимъ въ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ. Москва ожила изобиліемъ (⁴²³). Уже съ трехъ сторонъ везли къ ней запасы: изъ Переславля, Владиміра и Коломны: ибо Ляхъ Млоцкій, свѣдавъ о вступленіи союзниковъ въ Александровскую Слободу, удалился къ Серпухову (⁴²⁴). Уже Князь Михаилъ имѣлъ 18,000 воиновъ кромѣ Шведовъ; но зная, что къ нему идутъ новыя дружины изъ городовъ сѣверныхъ, хотѣлъ до времени только отражать непріятеля.

Между тѣмъ изнуренная Лавра, все еще осаждаемая Санѣгою, простирала руки къ избавителю. Горсть ея неутоми-

мыхъ воителей еще уменьшилась въ новыхъ дѣлахъ кровопролитныхъ (⁴²⁵), хотя и счастливыхъ. Узнавъ о Колязинской побѣдѣ, они торжествовали ее дерзкими вылазками, били измѣнниковъ и Ляховъ, отнимали у нихъ запасы и стада. Князь Михаилъ далъ чиновнику Жеребцову 900 воиновъ, и велѣлъ силою или хитростію проникнуть въ Лавру: Жеребцовъ обманулъ непріятеля, и, къ радости ея защитниковъ, безъ боя соединился съ ними.

Побѣда
надъ Са-
пѣгою.

Тогда, встревоженный близостію Князя Михаила и Шведовъ, Сапѣга (18 Октября) съ 4000 Ляховъ вышелъ изъ Троицкаго стана, чтобы узнать ихъ силу; встрѣтилъ передовую дружину Россіянъ въ селѣ Коринскомъ и гналъ ее до укрѣпленія слободы (⁴²⁶). Тутъ было жаркое дѣло. Начали Шведы, кончили Россіяне: Сапѣга уступилъ, если не мужеству, то числу превосходному — и возвратился къ своей безконечной осадѣ, какъ бы все еще надѣясь взять Лавру! Но онъ самъ находился уже едва не въ осадѣ: разѣзды высылаемые Княземъ Михаиломъ изъ Слободы, Шереметевымъ изъ Владиміра, и Царемъ изъ Москвы, прерывали сообщеніе измѣнниковъ и Ляховъ между Лаврою и Тушинымъ; не пускали къ нимъ ни гонцевъ, ни хлѣба, портили дороги, дѣлали засѣвки (⁴²⁷). Къ счастію Князя Михаила, главные Вожди

Польскіе, Гетманъ Рожинскій и Сапѣга, оба гордыя, властолюбивые; не могли быть единокорными: видя его опасное наступленіе, съѣхались для совѣта и разстались въ жаркой ссорѣ, чтобы дѣйствовать независимо другъ отъ друга: Гетманъ ускакалъ назадъ въ Тушино, а Сапѣга возобновилъ бесполезныя приступы къ Лаврѣ ⁽⁴²⁸⁾, почти въ глазахъ Князя Михаила, коего войско умно-

жалось.

Уже слобода Александровская какъ бы представляла Россію и затмѣвала Москву своею важностію. Туда стремились взоры и сердца сыновъ отечества; туда и воины, толпами и порознь, конные и пѣшіе, не многі: въ доспѣхахъ, всѣ съ мечемъ или копіемъ и съ ревностію. Новыя дружины изъ Ярославля ⁽⁴²⁹⁾; Бояринъ Шереметевъ изъ Владиміра съ Низовою ратію, Князя Иванъ Куракинъ и Лыковъ изъ Москвы съ полками Царскими присоединились къ Князю Михаилу. Ждали и сильнѣйшаго вспоможенія отъ Карла IX: Делагарди писалъ къ нему, что должно побѣдить Сигизмунда не въ Ливоніи, а въ Россіи ⁽⁴³⁰⁾. Все благопріятствовало юному Герою: довѣренность Царя и союзниковъ, усердіе и единокоріе своихъ, смятеніе и раздоръ непріятелей. Наконецъ Россіяне видѣли, ^{Любовь} чего уже давно не видали: умъ, муже-^{къ Кня.}

всю Ма-ство, добродѣтель и счастье въ одномъ
ханду. лицѣ; видѣли мужа великаго въ прекрас-
номъ юношѣ, и славили его съ любовію,
которая столь долго была жаждою, по-
требностію неудовлетворлемою ихъ серд-
ца, и нашла предметъ столь чистый. Но
сія любовь, способствуя успѣху велика-
го дѣла, избавленію отечества, имѣла и
несчастное слѣдствіе.

Князь Михаилъ служилъ Царю и Цар-
ству по закону и совѣсти, безъ всякихъ
намѣреній властолюбія, въ невинной,
смиренной душѣ едва ли плѣняясь и
славою: не такъ мыслили за него дру-
гіе, уже съ бѣдственнымъ обычаемъ къ
перемѣнамъ, низверженіямъ и беззаконі-
ямъ. Многимъ казалось, что если Богъ
возстановитъ Россію, то она въ награ-
ду за свои великодушныя усилія должна
имѣть Царя лучшаго, не Василия, кото-
рый предалъ Государство разбойникамъ,
сравнивалъ Москву съ Тушинымъ, и ед-
ва, на головѣ слабой, удерживаетъ вѣ-
нецъ, срываемый съ него буйною чер-
нію (⁴³¹); а мысль о новомъ Царѣ бы-
ла мыслию о Князѣ Михаилѣ — и че-
ловѣкъ, сильный духомъ, дерзнулъ все-
народно изъявить оную. Тотъ, кто гос-
подствомъ ума своего рѣшилъ судьбу
перваго бунта, способствовалъ успѣхамъ
и гибели опаснаго Болотникова (⁴³²), из-
мѣнилъ Василию и загладилъ измѣну

важными услугами, — не только не присталъ ко второму Лжедимитрію, но и не далъ ему Рязани — Думный Дворянинъ Ляпуновъ вдругъ, и торжественно, имевъ ^{Предлагаютъ вѣнецъ Герою.} Россіи, предложилъ Цаство Скопину, называя его въ льстивомъ письмѣ единымъ достойнымъ вѣнца, а Василия осыпая укоризнами (⁴³³). Сію грамоту вручили Князю Михаилу Послы Рязанскіе: не дочитавъ, онъ изодралъ ее, велѣлъ схватить ихъ, какъ мятежниковъ и представить Царю. Послы упали на колѣна, обливались слезами, винили одного Ляпунова, клялися въ Вѣрности къ Василию. Еще болѣе милосердый, нежели строгій, Князь Михаилъ дозволилъ имъ мирно возвратиться въ Рязань, надѣясь, можетъ быть, образумить ея дерзкаго Воеводу и сохранить въ немъ знаменитаго слугу для отечества. Онъ сохранилъ Ляпунова, но не спасъ себя отъ клеветы: сказали Василию, что Скопинъ съ удивительнымъ великодушіемъ милуетъ злодѣевъ, которые предлагаютъ ему измѣну и Царство. Подозрѣніе гибельное уязвило Василіево сердце; но еще имѣли нужду въ Героѣ, и злоба таилась.

Еще, не взирая на близость спасенія, Москва тревожилась нѣкоторыми удачами и дерзостію непріятеля. Млоцкій въ набѣгахъ своихъ изъ Серпухова грабилъ обозы

Разбой между Коломною и столицею. Тамъ же явились многочисленныя толпы разбойниковъ съ Атаманомъ Салковымъ, Хатунскимъ крестьяниномъ; присоединились къ Млоцкому и побили Воеводу, Князя Литвинова-Мосальскаго, высланнаго Царемъ очистить Коломенскую дорогу; а на Слободской злодѣйствовалъ измѣнникъ Князь Петръ Урусовъ съ шайками Татаръ Юртовскихъ (⁴³⁴). Цѣна хлѣба снова возвысилась въ Москвѣ; открылась даже и нечаянная измѣна. Царскій Атаманъ Гороховый, будучи съ Козаками и Дѣтьми Боярскими въ Красномъ селѣ на стражѣ, ночью впустилъ въ него отрядъ Лжедмитріевъ: вѣрныя Дѣти Боярскіе имѣли время спастись, а Козаки передались къ Самозванцу, выжгли Красное село и бѣжали въ Тушино. Въ другую ночь такіе же измѣнники подвели не-пріятеля, выше Неглинной, къ Деревянному Городу и зажгли стѣны; но Москвитяне, отбивъ злодѣевъ, утушили огонь.—Между тѣмъ разбойникъ Салковъ, въ пятнадцати верстахъ отъ столицы, одержалъ верхъ надъ Воеводою Московскимъ, Сукинымъ, и занялъ Владимірскую дорогу. Надлежало избрать лучшаго Стратига, чтобы одолѣть сего втораго Хлопка (⁴³⁵): выступилъ Князь Дмитрій Пожарскій, уже знаменитый,—встрѣтилъ на берегахъ Цехорки и совершенно

Пожар-
скій.

истребилъ его злую шайку; осталось только тридцать человѣкъ, которые, вмѣстѣ съ ихъ Атаманомъ, дерзнули явиться въ Москвѣ съ повинною! Другіе отряды Царскіе прогнали Млоцкаго къ Можайску.—Изъ Слободы Князя Лыковъ и Борятинскій, съ Россіянами и Шведами, ходили къ Суздалью и думали взять его незапно, въ темную ночь: тамъ бодрствовалъ Лисовскій и встрѣтилъ ихъ неустрашимо: они уклонились отъ битвы ⁽⁴³⁶⁾.

Въ то время, когда Князь Михаилъ, <sup>Осада
Смол.
ленска.</sup> умножая, образуя войско, и щитомъ своимъ уже прикрывая вмѣстѣ и Лавру и столицу, готовился дѣйствовать наступательно — когда Москва, долго отлученная отъ Россіи, снова соединялась съ нею, какъ глава съ тѣломъ, видя вокругъ себя уже не многіе города подъ знаменами Лжедмитрія — въ то время новый непріятель, не съ шайками бродягъ и разбойниковъ, но съ войскомъ стройнымъ, съ предводителями искусными, съ силами цѣлой, знаменитой Державы, находился въ нѣдрахъ Россіи и дѣлалъ, что ему угодно, какъ бы не возбуждая ни малѣйшаго вниманія ни въ Москвѣ, ни въ станѣ Александровскомъ!... Обращаемся къ Сигизмунду ⁽⁴³⁷⁾. Василій не противился его вступленію въ наше Княжество Смоленское, ибо не имѣлъ силъ противиться: оказалось, что сіе вѣроломъ-

ное нападеніе было для Василя лучшимъ средствомъ избавитися отъ врага опаснѣйшаго и ближайшаго.

Вѣря слухамъ, что жители Смоленска нетерпѣливо ждутъ Сигизмунда какъ избавителя, онъ (въ Сентябрѣ мѣсяцѣ) подступилъ къ сей древней столицѣ Княжества Мономахова съ двѣнадцатю тысячами отборныхъ всадниковъ, пѣхотою Нѣмецкою, Литовскими Татарами и десятию тысячами Козаковъ Запорожскихъ ⁽⁴³⁸⁾; расположился станомъ на берегу Днѣпра, между монастырями Троицкимъ, Спасскимъ, Борисоглѣбскимъ ⁽⁴³⁹⁾, и послалъ Универсалъ или манифестъ къ гражданамъ, объявляя, что Богъ казнить Россію за Годунова и *другихъ* властолюбцевъ которые беззаконно въ ней царствовали и царствуютъ, воспалая междоусобіе, и призывая иноплеменниковъ терзать ея нѣдра; что Шведы хотятъ овладѣть Московскимъ Государствомъ, истребить Вѣру православную и дать намъ свою ложную; что многіе Россіяне тайными письмами убѣждали его (Сигизмунда), Вѣнценосца истинно Христіанскаго, брата и союзника ихъ Царей законныхъ, спасти отечество и Церковь; что онъ, движимый любовію, единственно снисходя къ такому слезному моленію, идетъ съ войскомъ и съ помощію Богоматери избавить Россію отъ всѣхъ непріятелей; что жители Смоленска, въ знакъ душевной радости, должны встрѣтить его съ хлѣбомъ и солью ⁽⁴⁴⁰⁾. За мирное подданство Сигиз-

мундъ общалъ имъ новыя права и милости; за упрямство грозилъ огнемъ и мечемъ. На сію пышную грамоту отвѣтствовали словесно Воеводы, Бояринъ Шейнъ и Князь Горчаковъ, Архіепископъ Сергій, люди служивые и народъ: «мы въ храмъ Богоматери дали обѣтъ не измѣнять Государю нашему Василию Іоанновичу, а тебѣ Литовскому Королю, и твоимъ Панамъ не рабодѣнствовать во вѣки» ⁽⁴⁴¹⁾. Пославъ Сигизмундову грамоту въ Москву, они писали къ Царю: «Не оставь сиротъ твоихъ въ крайности. Людей ратныхъ у насъ мало. Жители уѣздные не хотѣли къ намъ присоединиться: ибо Король обманываетъ ихъ вольностію; но мы будемъ стоять усердно.» Воеводы совѣтовались съ Дворянами и гражданами; выжгли посады и слободы; заключились въ крѣпости и выдержали осаду, если не знаменитѣйшую Псковской или Троицкой, то еще долговременнѣйшую и равно блистательную въ лѣтописяхъ нашей воинской славы.

Видя, что Смоленскъ надобно взять не краснорѣчіемъ, а силою, Король велѣлъ громить стѣны пушками, но ядра или не достигали вершины косогора, гдѣ стоитъ крѣпость, или безвредно падали къ подножію ея высокихъ, твердыхъ башенъ, воздвигнутыхъ Годуновымъ; а пальба осажденныхъ, гораздо дѣйствительнѣйшая, выгнала Ляховъ изъ монастыря Спаскаго. Зная, вѣроятно, что въ крѣпости болѣе женъ и дѣтей, нежели воиновъ, Сигизмундъ

рѣшился на приступъ: 23 Сентября, за два часа до свѣта, Ляхи подкрались къ стѣнѣ, и разбили петардою Аврамовскія ворота, но не могли вломиться въ крѣпость ⁽⁴⁴²⁾ 26 Сентября, также ночью, взяли острогъ Пятницкаго Конца; а въ слѣдующую ночь всѣми силами приступили къ Большимъ воротамъ: тутъ было дѣло кровопролитное, счастливое для осажденныхъ, и непріятель, вездѣ отбитый, съ того времени уже не выходилъ изъ стана; только стрѣлялъ день и ночь въ городъ, напрасно желая проломить стѣну, и велъ подкопы бесполезные: ибо Россіяне, имѣя *слухи* ⁽⁴⁴³⁾ или ходы въ глубинѣ земли, всегда узнавали мѣсто сей тайной работы, сами дѣлали подкопы и взрывали непріятельскіе съ людьми на воздухъ ⁽⁴⁴⁴⁾. Историки Польскіе отдають справедливость мужеству и разуму Шеина, также и блестящей смѣлости его сподвижниковъ, сказывая, что однажды, среди бѣлаго дня, шесть воиновъ Смоленскихъ приплыли въ лодкѣ къ стану Маршала Дорогостайскаго, схватили знамя Литовское и возвратились съ нимъ въ крѣпость.—Наступала зима. Сигизмундъ, упрямствомъ подобный Баторію, хотѣлъ непременно завоевать Смоленскъ; терялъ время и людей въ праздной осадѣ, и думая свергнуть Шуйскаго, губилъ Самозванца!

Смате. Вѣсть о вступленіи Сигизмундовомъ въ

Россію встревожила не столько Москву, ^{не Лже-} сколько Тушино, гдѣ скоро узнали, ^{д и м и} что шайки Запорожцевъ, ^{т р і е} служа Коро- ^{в и х ъ} лю, берутъ города его именемъ, и что ^{Ляховъ.} Путивль, Черниговъ, Брянскъ. вмѣстѣ съ иными областями Сѣверскими, волею или неволею ему покорились, измѣнивъ Лжедмитрію (⁴⁴⁵). «Чего хочетъ Сигизмундъ?» говорили Тушинскіе и Сапѣгины Ляхи съ негодованіемъ: «лишить насъ славы и возмездія за труды; взять даромъ, что мы въ два года приобрѣли своею кровію и побѣдами! Сѣверская земля есть наша собственность; изъ нея доходовъ Димитрій обѣщалъ платить намъ жалованье—и кто же въ ней теперь властвуетъ? новые пришельцы, богатѣя грабежемъ; а мы остаемся въ бѣдности, съ одними ранами!» Такъ говорили чиновники и Дворяне: Воеводы же главные негодовали еще сильнѣе; лишаясь надежды раздѣлить съ Лжедмитріемъ всѣ богатства Державы Россійской, и привыкнувъ видѣть въ немъ не властителя, а клеветы, не могли спокойно воображать себя подъ знаменами Республики наравнѣ съ другими Воеводами Королевскими (⁴⁴⁶). Сапѣга колебался: Рожинскій дѣйствовалъ, и заключилъ съ своими товарищами новый союзъ (⁴⁴⁷): они клялися умереть или воцарить Лжедмитрія, назвались Конфедератами, и послали ска-

Распр^изять Сигизмунду: «Если сила и безза-
 между коніе готовы исхитить изъ нашихъ
 Сигиз['] м у н-рукъ достояніе меча и геройства, то
 домъ и не признаемъ ни Короля Королемъ, ни
 Конфе-отечества отечествомъ, ни братьевъ
 дерата-братьями» (448)! Рожинскій писалъ къ
 ми. своему Монарху: «Ваше Величество все
 знали, и единственно намъ предоста-
 вляли кончить войну за Димитрія,
 еще болѣе для Республики, нежели
 для насъ выгодную; но вдругъ неожи-
 данно, вы являетесь съ полками, отни-
 маете у него землю Сѣверскую, вол-
 нуете, смущаете Россіянъ, усиливаете
 Шуйскаго и вредите дѣлу, уже поч-
 ти совершенному нами!... Сія земля
 нашею кровію увлажнена, нашею сла-
 вою блистаетъ. Въ сихъ мѣгилахъ, отъ
 Днѣпра до Волги, лежатъ кости моихъ
 храбрыхъ сподвижниковъ.... Уступимъ
 ли другому Россію? Скорѣе всѣ мы,
 остальные, положимъ также свои го-
 ловы.... и врагъ Димитрія, кто бы онъ
 ни былъ, есть нашъ непріятель!»
 Гетману Жолкѣвскому говорили По-
 слы Конфедератовъ: Издревле витязи
 Республики, рожденные въ нѣдрахъ
 златой свободы, любили искать воин-
 ской славы въ земляхъ чуждыхъ :
 такъ и мы своимъ мечемъ, истин-
 нымъ Марсовымъ раломъ, воздвигали
 землю Московскую, чтобы пожать на
 ней честь и корысть. Сколь же горестно

намъ видѣть противниковъ въ единомысльцахъ и братьяхъ! Въ сей горести простираемъ руки къ тебѣ, Гетману отечественнаго воинства, нашему учителю въ дѣлахъ славы! Изъясни Сенату, блюстителю законовъ и свободы, чего мы тебѣ требуемъ справедливо: да удержишь Сигизмунда» . . . Тутъ Паны и Дворяне Королевскіе воплемъ негодованія прервали дерзкую рѣчь; велѣли Посламъ удалиться, язвительно издѣвались надъ ними; спрашивали въ насмѣшку о здоровьи *ихъ Государя Димитрія*, о второмъ бракосочетаніи Царицы Маріи (⁴⁴⁹) — и дали имъ отъ имени Сигизмундова, слѣдующій отвѣтъ письменный: «Вамъ надлежало не посылать къ Королю, а ждать его Посольства: тогда вы узнали бы, для чего онъ вступилъ въ Россію. Отечество наше конечно славится рѣдкою свободою; но и свобода имѣетъ законы, безъ коихъ Государство стоять не можетъ. Законъ Республики не дозволяетъ воевать и королю безъ согласія Чиновъ Государственныхъ; а вы, люди частные, своевольнымъ нападеніемъ раздражаете опаснѣйшаго изъ враговъ ея: вами озлобленный, Шуйскій мститъ ей Крымцами и Шведами. Легко призвать, трудно удалить опасность. Хвалитесь побѣдами; но вы еще среди непріятелей сильныхъ. . . Идите и скажите своимъ клеветамъ, что искать славы и корысти беззаконіемъ, мятежничать и нагло оскорблять Верховную Власть есть дѣло не гражданъ

свободныхъ, а людей дикихъ и хищныхъ» (⁴³⁰).

Однимъ словомъ, казалось, что не подданные съ Государемъ и Государствомъ, а двѣ особенныя Державы находятся въ жаркомъ преніи между собою и грозятъ другъ другу войною! Изъясясь съ нѣкоторою твердостію, Сигизмундъ не думалъ однакожь быть строгимъ для усмиренія крамольниковъ, ибо имѣлъ въ нихъ нужду и надѣялся вѣрнѣе обольстить, нежели утратить ихъ: развѣдывалъ что дѣлается въ Лжедмитріевомъ станѣ; узналъ о несогласіи Сапѣги и Зборовскаго съ Рожинскимъ, о явномъ презрѣніи умныхъ Ляховъ къ Самозванцу, о желаніи многихъ изъ нихъ, вопреки клятвенно утвержденному союзу между ими, дѣйствовать заодно съ Королевскимъ войскомъ, — и торжественно назначилъ (въ Декабрѣ 1609)

Посольство Королевское въ Тушино

Пословъ въ Тушино: Пановъ Стадницкаго, Князя Збараскаго, Тишкѣвича, съ дружиною знатною (⁴³¹). Онъ предписалъ имъ что говорить воинамъ и начальникамъ, гласно и тайно; далъ грамоту къ Царю Василію, доказывая въ ней справедливость своего нападенія (⁴³²), но изъявляя и готовность къ миру на условіяхъ выгодныхъ для Республики; далъ еще особенную грамоту къ Патриарху, Духовенству. Синклиту, Дворянству и гражданству Московскому, въ

костей, уже снимая съ себя личину, вызываясь прекратить ихъ жалостныя бѣдствія, если они съ благодарнымъ сердцемъ прибѣгнутъ къ его Державной власти, и Королевскимъ словомъ увѣрялъ въ цѣлости нашего бого-служенія и всѣхъ уставовъ священныхъ ⁽⁴³³⁾. Въ такомъ же смыслѣ писалъ Сигизмундъ и къ Россіянамъ служащимъ мнимому Дмитрію: а къ Самозванцу писали только Сенаторы называя его въ титулѣ *Яснѣйшимъ Княземъ*, и прося оказать Посламъ достойную честь изъ уваженія къ Республикѣ, не сказывая, за чѣмъ они ѣдутъ въ станъ Тушинскій.

Уже Конфедераты, лишаясь надежды взять Москву, болѣе и болѣе опасаясь Князя Михаила и страшась недостатка въ хлѣбѣ, отнимаемомъ у нихъ разѣздами Воеводъ Царскихъ ⁽⁴³⁴⁾, умѣрили свою гордость; ждали сихъ Пословъ нетерпѣливо и встрѣтили пышно. Любопытный Самозванецъ, вмѣстѣ съ Мариною, смотрѣлъ изъ окна на ихъ торжественный въѣздъ въ Тушино, едва ли угадывая что они везутъ ему гибель! Рожинскій совѣтовалъ имъ представиться Лжедмитрію: Стадницкій и Збараскій отвѣчали, что имѣютъ дѣло единственно до войска — и, по слѣ великолѣннаго пира, созвали всѣхъ Ляховъ слушать наказъ Королевскій. Среди обширной равнины Послы сидѣли нѣ креслахъ: Воеводы, чиновники, Дворяне стояли въ глубокомъ молчаніи. Сигизмундъ объявлялъ что извлекая мечъ на Шуйскаго за многія непріа-

тельскія дѣйствія Россіянъ (⁴⁴⁵), спасаетъ тѣмъ Конфедератовъ, уже малочисленныхъ, изнуренныхъ долговременною войною и тѣснимыхъ соединенными силами Москвитянъ и Шведовъ; ждетъ добрыхъ сыновъ отечества подъ свои хоругви, забываетъ вину дерзкихъ, обѣщаетъ всѣмъ жалованье и награды (⁴⁴⁶). Выслушавъ рѣчь Посольскую, многіе изъявили готовность исполнить волю Сигизмунда; другіе желали, чтобы онъ, взявъ Смоленскъ и Сѣверскую землю отъ Димитрія, мирно возвратился въ отечество, а войско Республики присоединилъ къ Конфедератамъ для завоеванія всего Царства Московскаго. «Согласно ли съ достоинствомъ Короля» — возражали Послы — «имѣть владѣнную грамоту на Россійскія земли отъ того, кому большая часть Россіянъ даетъ имя обманщика (⁴³⁷)? и благоразумно ли проливать за него драгоцѣнную кровь Ляховъ?» Конфедераты требовали по крайней мѣрѣ двухъ милліоновъ злотыхъ; требовали еще, чтобы Сигизмундъ назначилъ пристойное содержаніе для мнимаго Димитрія и жены его. «Вспомните» — отвѣтствовали имъ — «что у насъ нѣтъ Перуанскихъ рудниковъ. Удовольствуйтесь нынѣ жалованьемъ обыкновеннымъ когда же Богъ покорить Сигизмунду великую Державу Московскую, тогда и прежняя ваша служба не останется безъ возмездія, хотя вы служили не Государю, не Республикѣ, а человѣку стороннему, безъ ихъ вѣдома и согласія.» О будущей долѣ

Самозванца Послы не сказали ни слова. Вожди и воины просили времени для размышленія.

Что жь дѣлалъ Самозванецъ, еще окруженный множествомъ знатныхъ Россіянъ, еще Глава войска и стана? Какъ бы ничего не зная, сидѣлъ въ высокихъ хоромахъ Тушинскихъ, и ждалъ спокойно рѣшенія судьбы своей отъ людей, которые назывались его слугами; упоенный сновидѣніемъ величія, боялся пробужденія и смыкалъ глаза подъ ударомъ смертоноснымъ. Уже давно терпѣлъ онъ наглость Ляховъ и презрѣніе Россіянъ, не смѣя быть взыскательнымъ или строгимъ: такъ Гетманъ вспыльчивый, въ присутствіи Лжедмитрія, изломалъ налку объ его любимца, Князя Вишневецкаго (⁴³⁸), и заставилъ Царика бѣжать отъ страха вонъ изъ комнаты; а Тишкѣвичъ въ глаза называлъ Самозванца обманщикомъ. Многіе Россіяне, долго лицемѣривъ и честивъ бродягу, уже явно гнушались имъ, досаждали ему невниманіемъ, словами грубыми, и думали между собою, какъ избыть вмѣстѣ и Шуйскаго и Лжедмитрія. Сіе спокойствіе злодѣя, въ роковой часъ оставленнаго умомъ и смѣлостію, способствовало успѣху Пословъ Сигизмундовыхъ.

Они пригласили къ себѣ знатнѣйшихъ <sup>Церего-
воры съ
Тушинъ -</sup> Россіянъ Лжедмитріева стана, и вручивъ

с к и м и имъ грамоту Сигизмундову, изъясни-
и м ѣ н н ы м ѣ н ли, что хотя Король вступилъ въ Россію
и к н я м и съ оружіемъ, но единственно для ея
мира и благоденствія, желая утишить
бунтъ, истребить безстыднаго Самозван-
ца, низвергнуть тирана вѣроломнаго
(Шуйскаго), освободить народъ, утвер-
дить Вѣру и Церковь, «Сіи люди» — пи-
шетъ Историкъ Польскій (⁴⁵⁹)—«угне-
тенные долговременнымъ злосчастьемъ,
не могли найти словъ для выраженія
своей благодарности: печальные лица
ихъ освѣтились радостію; они пла-
кали отъ умиленія, читали другъ другу
письмо Королевское, цѣловали, прижи-
мали къ сердцу начертаніе его руки,
воскликая: *не можемъ имѣть Государя
лучшаго!*... Такъ замыселъ Сигизмун-
довъ на вѣнецъ Мономаховъ былъ тор-
жественно объявленъ и торжественно
одобренъ Россіянами; но какими? Сѣн-
момъ измѣнниковъ: Бояриномъ Михай-
ломъ Салтыковымъ, Княземъ Василиемъ
Рубцомъ Мосальскимъ и клевретами ихъ,
вѣроломцами опытными, которые, на-
рушивъ три присяги (⁴⁶⁰), и нарушая
четвертую, не усомнились предать ино-
племеннику и Лжедимитрію и Россію,
чтобы спастися отъ мести Шуйскаго,
раннимъ усердіемъ снискать благово-
леніе Короля и водъ сѣбію новаго цар-
ствующаго Дома вкусить счастливое забве-
ніе своихъ беззаконій! Въ сей думѣ крамоль-

никовъ присутствовалъ , какъ пишутъ , и мужъ добродѣтельный, плѣнникъ Филаретъ (⁴⁶¹), ся невольный и безгласный участникъ.

Увѣренные въ согласіи Тушинскихъ Россіянъ имѣть Царемъ Сигизмунда, Послы въ тоже время готовы были вступить въ сношеніе и съ Василіемъ, какъ законнымъ Монархомъ: доставили ему грамоту Королевскую и, вѣроятно, предложили бы миръ на условіи возратить Литвѣ Смоленскъ или землю Сѣверскую: чѣмъ могло бы удовольствоваться властолюбіе Сигизмундово, если бы Россіяне не захотѣли измѣнить своему Вѣнценосцу. Но Василій, перехвативъ возмутительныя письма Королевскія къ Духовенству, Боярамъ и гражданамъ столицы, не отвѣчалъ Сигизмунду, въ знакъ презрѣнія: обнародовалъ только его вѣроломство и козни (⁴⁶²), чтобы исполнить негодованія сердца Россіянъ. Москва была спокойна; а въ Тушинѣ вспыхнулъ мятежъ.

Давъ Конфедератамъ время на размышленіе, Послы Сигизмундовы уже тайно склонили Князя Рожинскаго и главныхъ Воеводъ присоединиться къ Королю. Не хотѣли вдругъ оставить Самозванца, боясь, чтобы многочисленная сволочь Тушинская не передалась къ Василю (⁴⁶³): условились до времени терпѣть въ станѣ мнимое господство Лжедимитріево для устрашенія Москвы, а дѣйствовать по волѣ Сигизмунда, имѣя главною цѣлію низвергнуть Шуйскаго. Но ослѣпленіе и спокойствіе бродяги уже исчезли: угадывая или свѣдавъ ва-

мышляемую измѣну, онъ призвалъ Рожинскаго и съ видомъ гордымъ спросилъ, что дѣлають въ Тушинѣ Вельможи Сигизмундовы, и для чего къ нему не являются? Гетманъ не трезвый забылъ лицемѣріе: отвѣчалъ бранью, и даже поднялъ руку (⁴⁶³). Самозванецъ въ ужасѣ бѣжалъ къ Маринѣ; кинулся къ ея ногамъ; сказалъ ей: «Гетманъ выдаетъ меня Королю; я долженъ спастись: прости» и ночью (29 Декабря), надѣвъ крестьянское платье, съ шуткомъ своимъ Петромъ Кошелевымъ, въ навозныхъ саняхъ уѣхалъ искать новаго гнѣзда для злодѣйства: ибо царство злодѣя еще не кончилось!

Бѣгство
Лжеди-
митрія.

На разсвѣтѣ узнали въ Тушинскомъ станѣ, что мнимый Димитрій пропалъ: всѣ изумились. Многіе думали что онъ убитъ и брошенъ въ рѣку (⁴⁶³). Сдѣлалось ужасное смятеніе: ибо знатная часть войска еще усердствовала Самозванцу, любя въ немъ атамана разбойниковъ (⁴⁶⁶). Толпы съ яростнымъ крикомъ приступили къ Гетману, требуя своего Димитрія, и въ то же время грабя обозъ сего бѣглеца, серебряные и золотые сосуды, имъ оставленные. Гетманъ и другіе начальники едва могли смирить мятежниковъ, увѣривъ ихъ, что Самозванецъ, не убитый, не изгнанный, добровольно скрылся въ чувствѣ малодушнаго страха, и что не бунтомъ, а

твердостію и единодушіемъ должно имъ выйти изъ положенія весьма опаснаго. Не менѣе волновались и Россійскіе измѣнники, лишенные Главы: одни бѣжали въ слѣдъ за Самозванцемъ, другіе въ Москву (⁴⁶⁷); знатнѣйшіе пристали къ Конфедератамъ, и вмѣстѣ съ ними отправили Посольство къ Сигизмунду.

Между тѣмъ Марина, оставленная мужемъ и Дворомъ, не измѣняла высокомѣ-^{В ы с о ъ}рїю и твердости въ злосчастіи; видя се-^{к о м ѣ}бя въ станѣ подъ строгимъ надзоромъ и ^{ріе М а.} ^{ринъ.} какъ бы плѣнницею ненавистнаго ей Гетмана, упрекала Ляховъ и Россіянъ предательствомъ; хотѣла жить или умереть Царицею; отвѣтствовала своему дядѣ, Пану Стадницкому, который убѣждалъ ее прибѣгнуть къ Сигизмундовой милости и назвалъ въ письмѣ только дочерью Сендомирскаго Воеводы, а не Государынею Московскою: «Благодарю за добрыя желанія и совѣты; но правосудіе Всевышняго не дастъ злодѣю моему, Шуйскому, насладиться плодомъ вѣроломства. Кому Богъ единожды даетъ величіе, тотъ уже никогда не лишается сего блеска, подобно солнцу, всегда лучезарному, хотя и затмѣваемому на часъ облаками» (⁴⁶⁸). Она писала къ Королю: «Счастіе меня оставило, но не лишило права Властительскаго, утвержденнаго моимъ Царскимъ вѣнча-

ишемъ и двукратною присягою Россіяны;» желала ему успѣха въ войнѣ, не уступая вѣнца Мономахова — ждала случая дѣйствовать, и воспользовалась первымъ (¹⁶⁹).

- . 1610. Скоро свѣдали, гдѣ Лжедимитрій: онъ уѣхалъ въ Калугу; сталъ близъ города въ монастырѣ, и велѣлъ Инокамъ объявить ея жителямъ, что Король Сигизмундъ требовалъ отъ него земли Сѣверской, желая обратить ее въ Латинство, но получивъ отказъ, склонилъ Гетмана и все Тушинское войско къ измѣнѣ; что его (Самозванца) хотѣли схватить или умертвить; что онъ удалился къ нимъ достойнымъ гражданамъ знаменитой Калуги, надѣясь съ ними и съ другими вѣрными ему городами изгнать Шуйскаго изъ Москвы и Ляховъ изъ Россіи, или погибнуть славно за цѣлость Государства и за святость Вѣры (¹⁷⁰). Духъ буйности жилъ въ Калугѣ, гдѣ оставались еще многіе изъ сподвижниковъ Атамана Болотникова: они съ усердіемъ встрѣтили злодѣя, какъ Государя законнаго, ввели въ лучшій домъ, надѣлили всѣмъ нужнымъ, богатыми одеждами, конями. Прибѣжали изъ Тушина нѣкоторые ближніе чиновники Самозванцевы; пришелъ главный крамольникъ (¹⁷¹), Князь Григорій Шаховскій, съ полками Козаковъ изъ Царева-Займища, гдѣ онъ наблюдалъ движенія Сигизмундовой рати (¹⁷²). Составились дружины тѣло-

хранителей и воиновъ, Дворъ и Правительство, достойное Лжецаря, коего первымъ указомъ въ семъ новомъ вертепѣ злодѣйства было истребленіе Ляховъ и Нѣмцевъ за непріятельскія дѣйствія Сигизмунда и Шведовъ ⁽⁴⁷³⁾: ихъ убивали ^{Злодѣйства Сигизмунда и Шведовъ на въ Калугѣ} вмѣстѣ съ вѣрными Царю Россіянами, во всѣхъ городахъ, еще подвластныхъ Самозванцу: Тулѣ, Перемышлѣ, Козельскѣ; грабили купцевъ иноземныхъ на пути изъ Литвы къ Тушину. Въ Калугѣ утопили бывшего Воеводу ея, Ляха Скотницкаго, подозрѣваемаго Лжедмитріемъ въ измѣнѣ ⁽⁴⁷⁴⁾. Тамъ же истерзали и добраго Окольниковича, Ивана Ивановича Годунова, какъ усерднаго слугу Василиева. Взявъ его въ плѣнъ ⁽⁴⁷⁵⁾, свергнули съ башни, и еще живого кинули въ рѣку; онъ ухватился за лодку: злодѣй Михайло Бутурлинъ отсѣкъ ему руку, и сей мученикъ вѣрности утонулъ въ глазахъ отчаянной жены своей, сестры Филаретовой. Бывъ дотолѣ въ нѣкоторой зависимости отъ Гетмана и другихъ знатныхъ клевретовъ, Самозванецъ уже могъ дѣйствовать свободно, звѣрствовать до безумія, хваляся особенно ненавистію ко всему не Русскому, и говоря, что когда будетъ Царемъ на Москвѣ, то не оставитъ въ живыхъ ни единого иноплеменника, ни грудного младенца, ни зародыша въ утробѣ матери ⁽⁴⁶⁷⁾! И кро-

вію Ляховъ обогранный, тогда же ис-
калъ въ нихъ еще усердія къ его
злѣдѣйству!

Въ Тушинскомъ станѣ читали тайныя
грамоты Лжедимитріевы (⁴⁷⁷): Самозва-
нецъ писалъ, что возвратится къ своимъ
добрымъ сподвижникамъ съ богатою каз-
ною, если они дадутъ ему новую клятву
въ вѣрности и накажутъ главныхъ
виновниковъ измѣны. Прибыли и тайные
Послы его Ляхъ Казимирскій и Глазунъ-
Плещеевъ (⁴⁷⁸): они внушали Ляхамъ и
Козакамъ, что одинъ Димитрій можетъ
обогатить ихъ, имѣя еще владѣнія об-
ширныя и милліоны готовые. Люди,
сколько нибудь благоразумные, не слу-
шали (⁴⁷⁹); но бродяги грабители снова
взволновались и еще болѣе, когда Ма-
рина, пользуясь смятеніемъ, явилась
между воинами съ растрепанными воло-
сами, съ лицомъ блѣднымъ, съ глубо-
кою горестію и слезами; не упрекала,
но трогала, видомъ и словами; убѣждала
не оставлять Димитрія, исполненнаго къ
нимъ любви и благодарности: не ли-
шать себя праведнаго возмездія за тру-
ды, для него понесенные, — не оболь-
щаться Королевскою милостію, ничѣмъ
незаслуженною и слѣдственно ненадеж-
ною; ходила изъ ставки въ ставку; каж-
даго изъ чиновниковъ называла именемъ,
ласково привѣтствовала, молила соеди-
ниться съ ея мужемъ (⁴⁸⁰). Все было

Вслѣд-
ствіе въ
Туши-
нѣ.

въ движеніи: стремились видѣть и слушать прелестную женщину, красно-рѣчивую отъ живыхъ чувствъ и разительныхъ обстоятельствъ судьбы ея. Говорили: «Послы Королевскіе насъ обманули и разлучили съ Дими ріемъ! Гдѣ тотъ, за кого мы умирали? Отъ кого будемъ требовать награды?» Еще Гетманъ и Воеводы нашли средство обуздать Ляховъ; но Донцы сѣли на коней и выступили полками изъ Тишина къ Калугѣ. Гетманъ съ своими латниками настигъ ихъ, изрубилъ болѣе тысячи (481) и заставилъ побѣжденныхъ возвратиться.

Спокойствіе было кратковременно. Не имѣвъ совершеннаго успѣха въ намѣреніи взбунтовать Тушинскій станъ, и боясь мести Гетмана, Марина, въ одеждѣ воина, съ лукомъ и туломъ за плечами, ночью, въ трескучій морозъ ускакала¹¹ Фе. вралл. верхомъ къ мужу, провождаемая только^{Б ѣ г .} слугою и служанкою (482). Поутру наш^{ст в о} ли въ ея комнатахъ слѣдующее письмо Маринны. къ войску: «Безъ друзей и ближнихъ, одна съ своею горестію, я должна спастись себя отъ наглости моихъ мнимыхъ защитниковъ. Въ упоеніи шумныхъ пировъ, клеветники гнусные равняютъ меня съ женами презрительными, умышляютъ измѣну ковы. Сохрани Боже, чтобы кто нибудь дерзнулъ торговать мною и выдать меня чело-вѣку,

которому ни я, ни мое Царство не подвластны! Утѣшенная и гонимая, свидѣтельствуюсь Всевышнимъ, что не перестану блюсти своей чести и славы, и бывъ Властительницею народовъ, уже никогда не соглашусь возвратиться въ званіе Польской Дворянки. Надѣясь, что храброе воинство не забудетъ присяги, моей благодарности и наградъ ему обѣщанныхъ, удаляюсь» (⁴⁸³). Сіе письмо читали всенародно въ Тушинѣ благопріятели Марины и произвели желаемое дѣйствіе: новый мятежь, еще сильнѣйшій прежнихъ. Неистовые, съ обнаженными саблями окруживъ ставку Гетмана, вопили: «Злодѣй! Ты выгналъ злосчастную Марину твоею буйностію, въ чадѣ высокоумія и пьянства! Ты, вѣроломецъ, подкупленный Королемъ, чтобы обманомъ вырвать изъ нашихъ рукъ казну Московскую! Возврати намъ Димитрія, или умри, измѣнникъ!» Стрѣляли изъ пистолетовъ; хотѣли дѣйствительно убить Рожинскаго, выбрать инаго начальника (⁴⁸⁴) и немедленно идти къ Самозванцу; но снова одумались, примирились съ неустрашимымъ Гетманомъ и дали ему слово ждать отвѣта Королевскаго. «Ни за что не ручаюсь» — писалъ Рожинскій къ Сигизмунду — «если Ваше Величество не благоволите удовлетворить желаніямъ воиска и Бояръ Московскихъ, съ нами соединенныхъ» (⁴⁸⁵).

Сии желанія или требованія были объявлены Королю Послами Россіянъ и ^{Посольство Ту-} Ляховъ Тушинскихъ. Въ числѣ соро- ^{и н -} ка-двухъ первыхъ находились Михайло ^{ское кѣ} Салтыковъ и сынъ его Иванъ, Князья, ^{Коро-} Рубецъ-Мосальскій и Юрій Хворостининъ, Левъ Плещеевъ, Молчановъ (тотъ самый ⁽⁴⁸⁶⁾), который въ Галиціи выдавалъ себя за Димитрія), Дьяки Грамотинъ, Андроновъ, Чичеринъ, Апраксинъ и многіе Дворяне. Сигизмундъ принималъ ихъ (31 Генваря) съ великою пышностію, сидя на престолѣ, въ кругу Сенаторовъ и знатныхъ Пановъ. Сѣдовласый измѣнникъ Салтыковъ говорилъ длинную рѣчь о бѣдствіяхъ Россіи, о довѣренности ея къ Королю, и замолчалъ отъ усталости. Сынъ его и Дьякъ Грамотинъ продолжали: одинъ исчислилъ всѣхъ нашихъ Государей отъ Рюрика до Іоанна и Θεодора; другой молилъ Сигизмунда быть заступникомъ нашего православія и тѣмъ снискать милость Всевышняго. Наконецъ Бояринъ Салтыковъ предложилъ вѣнецъ Мономаховъ—не Сигизмунду, но юному Королевичу Владиславу ⁽⁴⁸⁷⁾; а Грамотинъ заключилъ изображеніемъ выгодъ безопасности, благоденствія обѣихъ Державъ, которыя со временемъ будутъ единою подъ скиптромъ Владислава. Литовскій Канцлеръ, Левъ Сапѣга, отвѣтствовалъ, что Сигизмундъ благодарить за оказываемую ему честь

и довѣренность, соглашается быть покровителемъ Россійской Державы и Церкви, и назначить Сенаторовъ для переговоровъ о дѣлѣ столь важномъ.

Переговоры начались немедленно, и Послы измѣнниковъ Тушинскихъ сказали Сенаторамъ: Съ того времени, какъ смертію Іоаннова наслѣдника извелось Державное племя Рюриково, мы всегда желали имѣть одного Винценосца съ вами: въ чемъ можетъ удостовѣрить васъ сей Думный Бояринъ, Михайло Глѣбовичъ Салтыковъ, зная всѣ тайны государственныя. Препятствіемъ были грозное властвованіе Борисово, успѣхи Лжедмитрія, незаконное воцареніе Шуйскаго и явленіе втораго Самозванца, къ моему мы пристали, не вѣря ему, но отъ ненависти къ Василию, и только до времени. Обрадованные вступленіемъ Короля въ Россію, мы тайно снеслись съ людьми знатнѣйшими въ Москвѣ, свѣдали ихъ единомысліе съ нами и давно прибѣгнули бы къ Сигизмунду, если бы Ляхи Лжедмитріевы тому не противились. Нынѣ же когда Вожди и войско готовы повиноваться законному Монарху, объявившему намъ чистоту своихъ намѣреній,—нынѣ смѣло убѣждаемъ Его Величество дать намъ сына въ Цари: ибо ему самому, Государю иной великой Державы, нельзя оставить ее, ни управлять Московскою чрезъ Намѣстника. Вся Россія встрѣтитъ Царя вождедѣннаго съ радостію; города и крѣпости отворятъ врата; Патріархъ

и Духовенство благословять его усердно. Только да не медлить Сигизмундъ; да идетъ прямо къ Москвѣ и подкрѣпитъ войско, угрожаемое превосходными силами Скопина и Шведовъ. Мы впереди: укажемъ ему путь и средства взять столицу; сами свергнемъ, истребимъ Шуйскаго, какъ жертву, уже давно обреченную на гибель. Тогда и Смоленскъ, осаждаемый съ такимъ усиліемъ тягостнымъ, доселѣ бесполезнымъ—тогда и все Государство послѣдуетъ нашему примѣру.» Но, боясь ли, какъ пишутъ, ввѣрить судьбу шестнадцатилѣтняго Королевича народу ослабленному строптивостію и мятежами (⁴⁸⁸), или отъ личнаго властолюбія не расположенный уступить Московское Царство даже и сыну, Сигизмундъ изъяснился двусмысленно. Сенаторы его отвѣтствовали измѣнникамъ, что *если* Всевышній благословитъ доброе желаніе Россіянъ; *если* грозныя тучи, висящія надъ ихъ Державою, удалятся, и тихіе дни въ ней снова возсіяютъ; *если*, въ мирѣ и согласіи, Духовенство, Вельможи, войско, граждане всѣ единодушно захотятъ Владислава въ Цари: то Сигизмундъ конечно удовлетворитъ ихъ общей волѣ—и готовъ итти къ Москвѣ, какъ скоро Тушинская рать къ нему присоединится.

Въ дальнѣйшихъ объясненіяхъ Послы требовали, чтобы Владиславъ принялъ нашу Вѣру: имъ сказали, что Вѣра есть дѣло совѣсти и не терпитъ насилія; что можно внушать и склонять, а не ведѣть. «Сіи люди» —говорить Польш.

скій Историкъ (⁴⁸⁹) — «мало заботились о правахъ и вольностяхъ государственныхъ: твердили единственно о Церкви, монастыряхъ, обрядахъ; только ими дорожили, какъ главнымъ, существеннымъ предметомъ, необходимымъ для ихъ мира душевнаго и счастія.» Именемъ Королевскимъ Сенаторы писменно утвердили неприкосновенность всѣхъ нашихъ священныхъ уставовъ и согласились, чтобы Королевичъ, *если* Богъ дастъ ему Государство Московское, былъ вѣнчанъ Патріархомъ; обязались также соблюсти цѣлость Россіи, ея законы и достояніе людей частныхъ

Измѣн-
н и к и
п р и
з н ю т
Влади-
слава
Царемъ

(⁴⁹⁰); а Послы клялися оставить Шуйскаго и Самозванца, вѣрно служить Государю Владиславу, и доколѣ онъ еще не царствуетъ, служить отцу его (⁴⁹¹). Въ то же время Король писалъ къ Сенату, что Москва въ смятеніи, и Князь Михаилъ въ раздорѣ съ Василиемъ; что должно пользоваться обстоятельствами, расширить владѣнія Республики и завоевать часть Россіи или всю Россію (⁴⁹²)! Не могли Салтыковъ и клеветы его быть слѣпыми: они видѣли, что Король готовитъ Царство себѣ, а не Владиславу; знали, что и Владиславъ не могъ ни въ какомъ случаѣ принять нашего Закона: но ужасаясь близкаго торжества Васиііева, какъ своей гибели, и давно погрязнувъ въ злодѣйствахъ, не усомнились

предать отечество изъ рукъ низкаго Самозванца въ руки Вѣнценосца иновѣрнаго; предлагали условія единственно для ослѣпленія другихъ Россiянъ, и лицемѣрно восхищаясь мнимою готовностію Сигизмунда исполнить всѣ ихъ желанія, громогласно благодарили его и плакали отъ радости (⁴⁹³). Пировали, обѣдали у Короля, Гетмана Жолкѣвскаго и Льва Сапѣги. Сидя на возвышенномъ мѣстѣ, Король пилъ за здравіе Пословъ; они пили за здравіе Царя Владислава. Написали грамоты къ Воеводамъ городовъ окрестныхъ, славя великодушіе Сигизмунда, убѣждая ихъ присягнуть Королевичу, соединиться съ братьями Ляхами, и нѣкоторыхъ обольстили: Ржевъ и Зубцовъ поддалися Царю новому, мнимому (⁴⁹⁴). Но знаменитый Шеинъ, уже пять мѣсяцевъ осаждаемый въ Смоленскѣ, къ его славѣ и бѣдствію Королевскаго войска, истребляемаго трудами, битвами и морозами, не обольстился: вызванный изъ крѣпости измѣнниками для свиданія, слушалъ ихъ съ презрѣніемъ, и возвратился вѣрнымъ, непоколебимымъ.

Довольный Тушинскими Россiянами, Сигизмундъ тѣмъ менѣе былъ доволенъ Тушинскими Ляхами, коихъ Послы снова требовали милліоновъ, и хотѣли, чтобы онъ, взявъ Московское Государство, далъ Маринѣ Новгородъ и Псковъ, а мужу ея Княжество особенное (⁴⁹⁵). Опасаясь раздражить людей буйныхъ и лишиться ихъ важнаго, необходимаго содѣйствія,

Король обѣщалъ уступить имъ доходы земли Сѣверской и Рязанской, милости-
во надѣлить Марину и Лжедмитрія, если они смирятся, и немедленно прислать въ Тушино Вельможу Потоцкаго съ деньгами и съ войскомъ, чтобы истребить или прогнать Князя Михаила, стѣснить Москву и низвергнуть Шуйскаго. Но сей отвѣтъ не успокоилъ Конфедератовъ; не вѣрили обѣщаніямъ; ждали денегъ—а Сигизмундъ медлилъ, и морилъ людей подъ стѣнами Смоленска; не присылалъ ни серебра, ни войска къ мятежникамъ: ибо его любимецъ, Потоцкій, къ досадѣ Гетмана Жолкѣвскаго, распоряжая осадой, не хотѣлъ двинуться съ мѣста, чтобы отсутствіемъ не утратить выгодъ временщика.

Вѣсти Калужскія еще болѣе взволновали Конфедератовъ: тамъ Лжедмитрій снова усиливался и царствовалъ; тамъ явилась и жена его, славимая какъ героиня. Выѣхавъ изъ Тушина, она сбилась съ дороги (¹⁹⁶), и попала въ Дмитровъ, занятый войскомъ Сапѣги, который совѣтовалъ ей удалиться къ отцу. «Царица Московская» — сказала Марина — «не будетъ жалкою изгнанницею въ домѣ родительскомъ» — и взявъ у Сапѣги Нѣмецкую дружину для безопасности, прискакала къ мужу, который встрѣтилъ ее торжественно вмѣстѣ съ народомъ, восхищеннымъ ея красотою въ

Марина
въ Ка-
лужѣ.

убранствѣ юнаго витязя (⁴⁹⁷). Калуга веселилась и пировала; хвалилась призракомъ Двора, многолюдствомъ, изобиліемъ, покоемъ,—а Тушинскіе Ляхи терпѣли голодъ и холодъ, сидѣли въ своихъ укрѣпленіяхъ какъ въ осадѣ, или толпами выѣзжая на грабежъ, встрѣчали пули и сабли Царскихъ или Михайловыхъ огрядовъ. Кричали, что вмѣстѣ съ Димитріемъ оставило ихъ и счастье; что въ Тушинѣ бѣдность и смерть, въ Калугѣ честь и богатствъ; не слушали новыхъ Пословъ Королевскихъ (⁴⁹⁸), прибывшихъ къ нимъ только съ ласковыми словами; кляли измѣну своихъ Предводителей и козни Сигизмундовы; хотѣли грабигъ станъ и съ сею добычею итти къ Самозванцу. Но Гетманъ, въ послѣдній разъ, обуздавъ буйность страхомъ.

Уже Князь Михаилъ дѣйствовалъ. Войско его умножилось образовалось. Пришло еще 3000 Шведовъ изъ Выборга и Нарвы (⁴⁹⁹). Готовились итти прямо на Санѣгу и Рожинскаго, но хотѣли озаботить ихъ и съ другой стороны: послали Воеводъ Хованскаго, Борятинскаго и Горна (⁵⁰⁰), занять южную часть Тверской и сѣверную Смоленской области, чтобы препятствовать сообщенію Конфедератовъ съ Сигизмундомъ. Между тѣмъ чиновникъ Волуевъ съ пятьюстами ратниковъ долженъ

Успѣхи
Князя
Михаи-
ла.

былъ осмотрѣть вблизи укрѣпленія Сапѣгины. Онъ сдѣлалъ болѣе: ночью (Генваря 4) вступилъ въ Лавру, взялъ тамъ дружину Иеребцова (³⁰¹), утромъ напалъ на Ляховъ и возвратился къ Князю Михаилу съ толпою плѣнниковъ и съ вѣстію о слабости непріятеля. Войско ревностно желало битвы, надѣясь поразить Сапѣгу и Гетмана отдѣльно. Но дерзость первого уже исчезла: будучи въ несогласіи съ Рожинскимъ, оставивъ Лжедмитрія и еще не приставъ къ Королю, едва ли имѣя 6000 сподвижниковъ (³⁰²), изнуренныхъ бо-
лѣзнями и трудами, Сапѣга увидѣлъ поздно, что не время мыслить о заво-
еваніи монастыря, а время спастись: снялъ осаду (12 Генваря) и бѣжалъ къ Дмитрову. Инокъ и воины Лавры не вѣ-
рили глазамъ своимъ, смотря на сіе бѣгство врага, столь долго упорнаго (³⁰³)! Оглядѣли безмолвный станъ измѣнни-
ковъ и Ляховъ; нашли тамъ множество запасовъ и даже не мало вещей драго-
цѣнныхъ; думали, что Сапѣга возвра-
тится — и чрезъ восемь дней послали
наконецъ Инока Макарія со Святою водою
въ Москву, объявить Царю, что Лавра
спасена Богомъ и Княземъ Михаиломъ,
бывъ 16 мѣсцевъ въ тѣсномъ oblega-
ніи. Уже сія не только святостію, но и
славою рѣдкою — любовію къ отечеству и
Вѣрѣ преодолевъ искусство и число непріа-

О с а о
божде-
ніе Ла-
вры.

теля, нужду и язву — обративъ свои башни и стѣны, дебри и холмы въ памятники доблести безсмертной — Лавра увѣчала сей подвигъ новымъ государственнымъ благодѣяніемъ. Россіяне требовали тогда единственно оружія и хлѣба чтобы сражаться; но союзники ихъ, Шведы, требовали денегъ: Иноки Троицкіе, встрѣтивъ Князя Михаила и войско его съ любовію, отдали ему все, что еще имѣли въ житницахъ, а Шведамъ нѣсколько тысячъ рублей изъ казны монастырской ⁽⁵⁰⁴⁾. — Глубина снѣговъ затрудняла воинскія дѣйствія: Князь Иванъ Куракинъ съ Россіянами и Шведами выступилъ на лыжахъ изъ Лавры къ Дмитрову ⁽⁵⁰⁵⁾, и подъ стѣнами его увидѣлъ Сапѣгу. Началось кровопролитное дѣло, въ коемъ Россіяне блестящимъ мужествомъ заслужили громкую хвалу Шведовъ, судей непристрастныхъ; побѣдили, взяли знамена, пушки, городъ Дмитровъ, и гнали непріятеля легкими отрядами къ Клину, нигдѣ не <sup>Бѣг-
ство Сапѣги.</sup> находя ни жителей, ни хлѣба въ сихъ ^{пѣги.} мѣстахъ опустошенныхъ войною и разбоями. Предавъ Ляховъ Тушинскихъ судьбѣ ихъ, Сапѣга шелъ день и ночь къ Калужскимъ и Смоленскимъ границамъ, чтобы присоединиться къ Королю или Лжедмитрію; смотря по обстоятельствамъ ⁽⁵⁰⁶⁾.

До сего времени Салѣга былъ щитомъ для Тушина, стоя между имъ и Слободою Александровскою: свѣдавъ о бѣгствѣ его—свѣдавъ тогда же, что Воеводы, отряженные Княземъ Михайломъ ⁽⁵⁰⁷⁾, заняли Старицу, Ржевъ и приступаютъ къ Бѣлому—Конфедераты не хотѣли медлить ни часу въ станѣ, угрожаемомъ въблизи и вдали Царскими войсками; но смиренные ужасомъ, изъявили покорность Гетману: онъ вывелъ ихъ съ распущенными знаменами, при звукѣ трубъ и подъ дымомъ пылающаго, имъ зажженнаго стана, чтобы идти къ Королю. Измѣнники, клевреты Салтыкова, соединились съ Ляхами; гнуснѣйшіе изъ нихъ ушли къ Самозванцу; менѣе виновные въ Москву и въ другіе города ⁽⁵⁰⁸⁾, надѣясь на милосердіе Василіево или свою неизвѣстность,—и чрезъ нѣсколько часовъ остался только непелъ въ уединенномъ Тушинѣ, которое 18 мѣсяцевъ кипѣло шумнымъ многолюдствомъ, величалось именемъ Царства и боролось съ Москвою! Жарко преслѣдуемый дружинами Князя Михаила, изгнанный изъ крѣпкихъ стѣнъ Іосифовской Обители и разбитый въ полѣ мужественнымъ Волуевымъ (который въ семь дѣлъ ⁽⁵⁰⁹⁾ освободилъ знаменитаго плѣнника, Филарета), Рожинскій, Князь племени Гедиминова, еще юный лѣтами, отъ изнуренія силъ и

Оиустѣ-
ніе Ту-
шина.

горести кончилъ бурную жизнь въ Волоколамскѣ, жалуясь на измѣну счастья, безуміе втораго Лжедмитрія, крамольный духъ сподвижниковъ и медленность Сигизмундову : Полководецъ искусный какъ. увѣряють его единоземцы (⁵¹⁰), или только смѣлый наѣздникъ и грабитель, какъ свидѣлствуютъ наши лѣтописи. Смерть начальника рушила составъ войска: оно разсѣялось; толпы бѣжали къ Сигизмунду, толпы къ Лжедмитрію и Сапѣгѣ, который сталъ на берегахъ Угры, въ мѣстахъ еще изобильныхъ хлѣбомъ (⁵¹¹), и предлагалъ своему Государю условія для вѣрной ему службы, сносяся и съ Калугою. — Такъ исчезло главное, страшное ополченіе удалцевъ и разбойниковъ чужеземныхъ, измѣнниковъ и злодѣевъ Россійскихъ, бывъ на шагъ отъ своей цѣли, гибели нашего отечества, и вдругъ остановлено великодушнымъ усиліемъ добрыхъ Россіянъ, и вдругъ уничтожено дѣйствіями грубой Политики Сигизмундовой.!. Одинъ Лисовскій, съ измѣнникомъ Атаманомъ Просовецкимъ, съ шайками Козаковъ и вольницы, держался еще нѣсколько времени въ Суздалѣ, но весною ушелъ (⁵¹²) оттуда въ мятежный Псковъ, разграбивъ на пути монастырь Колязинскій гдѣ честный Воевода, Давидъ Жеребцовъ, палъ въ битвѣ. Нанонецъ вся внутренность Государства успокоилась.

Дѣло. Такъ успѣлъ Герой-юноша въ своемъ
Князя дѣлѣ великомъ! За 5 мѣсяцевъ предъ
Михаи- тѣмъ оставивъ Царя почти безъ Цар-
ла. ства, войско въ оцѣпенѣніи ужаса, сре-
ди враговъ и предателей—найдя вез-
дѣ отчаяніе или зложелательство, но
умѣвъ тронуть, оживить сердца добродѣ-
тельною ревностію, собрать на краю Го-
сударства новое войско отечественное,
благовременно призвать иноземное, воз-
становить цѣлость Россіи отъ Запада до
Востока, разсѣять сонмы непріятелей мно-
гочисленныхъ и взять одною угрозою
крѣпкіе, годовые ихъ станы—Князь Ми-
хаиль двинулся изъ Лавры, имъ осво-
божденной, къ столицѣ, имъ же спасен-
ной, чтобы вкусить сладость добродѣтели,
увѣнчанной славою.

Россіяне и Шведы, одни съ веселіемъ,
другіе съ гордостію, шли какъ братья,
Воеводы и воины, на торжество рѣдкое
въ лѣтописяхъ міра. Царь велѣлъ знат-
нымъ чинownikамъ встрѣтить Князя Ми-
хаила: народъ предупредилъ чиновни-
ковъ (³¹³); стѣснилъ дорогу Троицкую;
поднесъ ему хлѣбъ и соль, *близъ целомъ*
за спасеніе Государства Московскаго, да-
валъ имя *отца отечества*; благодарилъ
и сподвижника его, Делагарди. Василій
также благодарилъ обоихъ, съ слезами
на глазахъ, съ видомъ искренняго уни-
женія. Казалось, что одно чувство всѣхъ

Торже-
ствен-
п о е.
вступ-
леніе
Героя
въ Мо-
сву.

2 Мар-
та.

одушевляло, отъ Царя до послѣдняго гражда-
нина. Москва бывъ еще не давно столи-
цею безъ Государства, окруженная непріа-
тельскими владѣніями, смятенная внутренними
крамолами, терзаемая голодомъ, и ввечеру
не знавъ, кого утреннее солнце освѣтитъ въ
ней на престолѣ, законнаго ли Вѣщеносца
Россійскаго или бродягу, клеветы разбойни-
ковъ иноземныхъ—Москва снова возвышала
главу надъ обширнымъ Царствомъ, простирая
руку къ Ильменю и къ Енисею, къ морю Бѣ-
лому и Каспійскому,—опираясь въ стѣнахъ
своихъ на легіоны побѣдоносные, и насла-
ждаясь спокойствіемъ, славою, изобиліемъ;
видѣла въ Князѣ Михаилѣ виновника сей ра-
зительной переменѣ и не щадила ни его сми-
ренія, ни его безопасности (³¹⁴): гдѣ онъ
являлся, вездѣ торжествовалъ и слышалъ
клики живѣйшей къ нему любви, естественной
справедливой, но опасной: ибо зависть, уже
не окованная страхомъ, готовила жало на зна-
менитаго подвижника Россіи, и раздражаемая
симъ народнымъ восторгомъ, тѣмъ болѣе ки-
пѣла ядомъ въ слѣпой злобѣ не прид-
видя, что будетъ сама его жертвою!

Еще не спаслось, а только спасалось оте-
чество—и Князь Михаилъ среди свѣтлыхъ
нировъ столицы не упоенный ни честію, ни
славою, требовалъ указа Царскаго довершить
великое дѣло: истребить Лжедмитрія въ Ка-
лугѣ, изгнать Сигизмунда изъ Россіи, очис-

тить южные предѣлы ея, успокоить Государство навѣки, имѣя все для усиѣха несомнѣтельнаго: войско, доблесть, счастье или милость Небесную. Но судьба Шуйскаго противилась такому концу благословенному: не въ его бѣдственное царствованіе отечество паше должно было возродиться для величія!

Г Л А В А IV.

Низверженіе Василя и междоцарствіе.
Г. 1610—1611.

Наушники. Кончина Скопина Шуйскаго. Горестъ народная. Князь Дмитрій Шуйскій Военачальникомъ. Бунтъ Ляпунова. Битва подъ Клушинымъ. Делагарди отступаетъ къ Новугороду. Поляки занимаютъ Царево-Займище. Отчаяніе столицы. Новые усиѣхи Самозванца. Твердость Пожарскаго. Ропотъ народный. Василій лишенъ престола. Тщетныя увѣщанія Патріарха. Постриженіе Василя и сужруги его. Совѣтъ Князя Метиславскаго. Переговоры съ Жолкѣвскимъ. Условія. Присяга Владиславу. Намѣреніе Сигизмунда. Бѣгство Самозванца въ Калугу. Политика Жолкѣвскаго. Посольство къ Королю. Вступленіе Поляковъ въ Москву. Дѣйствія Пословъ Московскихъ. Отъѣздъ Жолкѣвскаго. Шуйскій преданъ Полякамъ. Неудачные приступы къ Смоленску. Самовластіе Сигизмунда. Нетерпѣніе народа. Непріятельскія дѣйствія Делагарди. Злодѣяства Лисовскаго. Измѣна Казани. Смерть Самозванца. Новый обманъ. Начальники возстанія народного. Грамоты Смолянъ и Москвитянъ. Слабость Московской Думы. Ссоры съ Поляками. Составъ ополченія за Россію.

Кровопродитіе въ столицѣ. Пожаръ Москвы. Прибытіе Струса. Подвиги Пожарскаго. Неистовства Поляковъ въ Москвѣ. Заключение Ермагена.

г. 1610.} Въ то время, когда всякой часъ былъ дорогъ, чтобы совершенно избавить Россію отъ всѣхъ непріятелей, смятенныхъ ужасомъ, ослабленныхъ раздѣленіемъ—когда всѣ друзья отечества изъявляли Князю Михаилу живѣйшую ревнотть (³¹⁵), а Князь Михаилъ живѣйшее нетерпѣніе Царю итти въ поле—минудо около мѣсяца въ бездѣйствіи для отечества, но въ дѣятельныхъ проискахъ злобы личной.

Робкіе въ бѣдствіяхъ, надменные въ успѣхахъ, низкіе душею, трепетавъ за себя болѣе нежели за отечество, и мысля, что все труднѣйшее уже сдѣлано, — что остальное легко и не превышаетъ силы ихъ собственнаго ума или мужества, близніе царедворцы въ тайныхъ думахъ немедленно начали внушать Василю, сколь юный Князь Михаилъ для него опасенъ (³¹⁶), любимый Россією до чрезмѣрности, явно уважаемый болѣе Царя и явно въ Цари готовимый единомысліемъ народа и войска. Слава Героя, многіе Дворяне и граждане дѣйствительно говорили нескромно, что спаситель Россіи долженъ и властвовать надъ нею (³¹⁷) многіе нескромно уподобляли Василю Саулу. а Михаила Давиду. Общее усердіе къ знаменитому юношѣ питалось и суевѣріемъ:

Наущ.
жжжж.

какіе-то гадатели предсказывали, что въ Россіи будетъ Вѣщеносецъ, именемъ *Михаилъ*, назначенный Судьбою умирить Государство: «чрезъ два года благодатное воцареніе Филаретова сына оправдало гадателей,» пишетъ Историкъ чужеземный (³¹⁸); но Россіяне отяголили мнимое пророчество къ Скопину, и видѣли въ немъ если не совмѣстника, то преемника дяди его, къ особенной досадѣ любимаго Василюева брата, Дмитрія Шуйскаго, который мыслилъ, вѣроятно, правомъ наслѣд'я уловить Державство: ибо шестидесятилѣтній Царь не имѣлъ дѣтей, кромѣ неворожденной дочери, Анастасіи (³¹⁹), Князь Дмитрій, духомъ слабый (³²⁰), сердцемъ жестокий, былъ первымъ наушникомъ и первымъ клеветникомъ: не довольствуясь истиною, что народъ желаетъ царства Михаилу, онъ сказалъ Василию, что Михаилъ въ заговоръ съ народомъ, хочетъ похитить верховную власть и дѣйствуетъ уже какъ Царь, отдавъ Шведамъ Кексгольмъ безъ указа Государева (³²¹). Еще Василій ужасался или стыдился неблагодарности велѣлъ умолянуть брата, — даже выгналъ его съ гнѣвомъ; ежедневно привѣтствовалъ, чествовалъ Героя — но медлил снова вѣрить ему войско! Узнавъ о наветѣхъ, Князь Михаилъ снѣшилъ изъясниться съ Царемъ; говорилъ спокойно о своей невинности, свидѣтельствуясь въ томъ чистою совѣстію, службою вѣрною, а всего болѣе окомъ Всевышняго; говорилъ свободно и смѣло о безуміи зависти преждевременной, когда еще всякая остановка въ войнѣ, всякое охлажденіе, несогласіе и внушеніе лич-

ныхъ страстей могутъ быть гибельны для отечества. Всилій слушалъ не безъ внутренняго смятенія (³²²): ибо собственное сердце его уже волновалось завистію и безпокойствомъ: онъ не имѣлъ счастья вѣрить добродѣтели! Но успокоилъ Михаила ласкою: велѣлъ ему и Думнымъ Боярамъ условиться съ Генераломъ Делагарди о будущихъ военныхъ дѣйствіяхъ; утвердилъ договоръ Выборгскій и Колязинскій; обѣщалъ не медленіемъ заплатить весь долгъ Шведамъ.

Между тѣмъ умный Делагардъ въ частыхъ свиданіяхъ съ ближними царедворцами замѣтилъ ихъ худое расположеніе къ Князю Михаилу и предостерегалъ его какъ друга (³²³): Дворъ казался ему спасіе ратнаго поля для героя. Оба нетерпѣливо желали идти къ Смоленску и неохотно участвовали въ пирахъ Московскихъ. 23 Апрѣля Князь Дмитрій Шуйскій давалъ обѣдъ Скопину (³²⁴). Бесѣдовали дружественно и весело. Жена Дмитріева, Княгиня Екатерина—дочь того, кто жилъ смертоубійствами: Малюты Скуратова—явилась съ ласкою и чашею наедъ гостемъ знаменитымъ: Михаилъ выпилъ чашу....и былъ принесенъ въ домъ, исходя кровію, безпрестанно лившеюся изъ носа; успѣлъ только исполнить долгъ Христіанна и предалъ свою душу Богу, вмѣстѣ съ судьбою отечества!.... Москва въ ужасѣ онѣмѣла.

Сію внезапную смерть юноши, цвѣтущаго здравіемъ, приписали яду (³²⁵), и народъ,

Кончи-
Схопи-
й у я-
снато.

въ первомъ движеніи, съ воплемъ ярости устремился къ дому Князя Дмитрія Шуйскаго: дружина Царская защитила и домъ и хозяина. Увѣряли пародъ въ естественномъ концѣ сей жизни драгоценной, но не могли увѣрить. Видѣли или усадывали злорадство и винили оное въ злодѣйствѣ безъ доказательствъ: ибо одна скоропостижность, а не родъ Михайловой смерти (напомнившей Борису), утверждала подозрѣніе, бѣдственное для Василя и его ближнихъ.

Не находя словъ для изображенія общей скорби, Лѣтописцы говорятъ единственно, что Москва оплакивала Князя Михаила столь же неутѣшно, какъ Царя Θεодора Іоанновича: любивъ Θεодора за добродушіе и теряя въ немъ послѣдняго изъ наслѣдственныхъ Вѣценосцевъ Рюрикова племени, она страшилась неизвѣстности въ будущемъ жребіи Государства; а кончина Михайлова, столь наождаемая, казалась ей явнымъ дѣйствіемъ гнѣва Небеснаго (⁵²⁶): думали что Богъ осуждаетъ Россію на вѣрную гибель, среди преждевременнаго торжества вдругъ лишивъ ее защитника, который одинъ вселялъ надежду и бодрость въ души, одинъ могъ спасти Государство, снова ввергаемое въ пучину мятежей безъ кормчаго! Россія имѣла Государя, по Россіяне плакали какъ сироты, безъ любви и довѣренности къ Василю, омраченному въ

Горестъ
народ-
ная.

ихъ глазахъ и несчастнымъ царствованіемъ и мыслию, что Князь Михаилъ сдѣлался жертвою его тайной вражды. Самъ Василій лилъ горькія слезы о Герое: ихъ считали притворствомъ, и взоры подданныхъ убѣгали Царя, въ то время когда онъ, знаменуя общественную и свою благодарность, оказывалъ необыкновенную честь усопшему: отиѣвали, хоронили его великолѣпно, какъ бы Державнаго: дали ему могилу пышную, гдѣ лежатъ наши Вѣнцесцы: въ Архангельскомъ Соборѣ; тамъ, въ придѣлѣ Іоанна Крестителя (³²⁷), стоитъ уединенно гробница сего юноши, единственнаго добродѣтели и любви народною въ вѣкъ ужасный? Огъ древнихъ до новѣйшихъ временъ Россіи никто изъ подданныхъ не заслуживалъ ни такой любви въ жизни, ни такой горести и чести въ могилѣ;.... Именуя Михаила Ахилломъ и Гекторомъ Россійскимъ, Лѣтописцы не менѣе славятъ въ немъ и *милость* безпримѣрную, *улытливость*, смиреніе Ангельское, прибавляя, что огорчать и презирать людей было мукою для его нѣжнаго сердца (³²⁸). Въ двадцать-три года жизни успѣвъ стяжать (доля рѣдная?) лучезарное безсмертіе, онъ скончался рано не для себя, а только для отечества, которое желало ему вѣнца, ибо желало быть счастливымъ?

Все перемѣнилось—и завистники Скопина, думавъ, что Россія уже можетъ безъ него обойтись, скоро увидѣли противное. Союзъ между Царемъ и Царствомъ, возстановленный Михаи-

ломъ , рушился , и злополучіе Василю-
во , какъ бы одолѣнное на время Ми-
хаиловымъ счастіемъ , снова явилось во
всемъ ужасѣ надъ Государствомъ и Го-
сударемъ.

Надлежало избрать Военачальника: из-
брали того , кто уже давно былъ нелю- Князь
Дмитрій
Шуй-
скій
Воена-
чальни-
комъ.
бимъ , а въ сіе время ненавидимъ: Кня-
зя Дмитрія Шуйскаго . Россіяне вышли
въ поле съ уныніемъ и безъ ревности:
Шведы ждали обѣщанныхъ денегъ . Не
имѣя готоваго серебра , Василий требо-
валъ его отъ Иноковъ Лавры ; но Ино-
ки говорили , что они , давъ Борису
15,000 , Разстригѣ 30,000 , самому Ва-
силію 20,000 рублей , остальною каз-
ною едва могутъ исправить стѣны и баш-
ни свои , поврежденные непріятельскою
стрѣльбою (⁵²⁹). Царь силою взялъ у
нихъ и деньги и множество церковныхъ ,
сосудовъ , золотыхъ и серебряныхъ , для
сплавки . Иноки роптали : народъ изъ-
являлъ негодованіе , уподобляя такое
дѣло святотатству. Одни Шведы , изъ-
явивъ участіе въ народной скорби о Ми-
хаилѣ (⁵³⁰), ими также любимомъ , ка-
зались утѣшенными и довольными , по-
лучивъ жалованье — и Делагарди вы-
ступилъ въ слѣдъ за Княземъ Дмитрі-
емъ къ Можайску , чтобы освободить
Смоленскъ. Ждали еще новыхъ союзни-
ковъ , не бывалыхъ подъ хоругвами Хри-
стіанскими : Крымскихъ Царевичей съ

толпами разбойниковъ, чтобы примкнуть къ нимъ нѣсколько дружинъ Московскихъ и вести ихъ къ Калугѣ для истребленія Самозванца. Не думали о стыдѣ имѣть нужду въ такихъ сподвижникахъ! Довольно было силъ: не доставало только человѣка, коего въ бѣдствіяхъ государственныхъ и милліоны людей не замѣняютъ... Орошая слезами, искренними или притворными, тѣло Михаила, Василій погребалъ съ нимъ свое Державство, и два раза спасенный отъ близкой гибели (³³¹), уже не спасся въ третій!

Бунтъ
Ляпу-
нова.

Первая страшная вѣсть пришла въ Москву изъ Рязани, гдѣ Ляпуновъ явный злодѣй Царя, сильный духомъ болѣе, нежели знатностію сана, не обольстивъ Михаила властолюбіемъ беззаконнымъ, и предвидя неминуемую для себя опалу въ случаѣ рѣшительнаго торжества Василіева, именемъ Героя вѣрности дерзнулъ на бунтъ и междоусобіе. Что Москва подозрѣвала, то Ляпуновъ объявилъ всенародно за истину несомнительную: Дмитрія Шуйскаго и самаго Василія убійцами, отравителями Скопина; звалъ мстителей, и нашелъ усердныхъ: ибо горестная любовь къ усопшему Михаилу представляла и бунтъ за него въ видѣ подвига славнаго! Княжество Рязанское отложилось отъ Москвы и Василія (³³²), все, кромѣ Зарайска: тамъ явился племянникъ Ляпунова

съ грамотою отъ дяди ; но тамъ воеводство-
валъ Князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій.
Заслуживая будущую свою знаменитость и
храбростію и добродѣтелію , Князь Дмитрій
выгналъ гонца крамолы , прислалъ мятяжную
грамоту въ Москву и требовалъ вспоможенія:
Царь отрядилъ къ нему чиновника Глѣбова
съ дружиною , и Зарайскъ остался вѣрнымъ.
Но въ то же время Стрѣльцы Московскіе , по-
сланные къ Шацку (гдѣ явился Воевода Лже-
дмитріевъ , Князь Черкасскій , и разбилъ
Царскаго Воеводу , Князя Литкинова) были
остановлены на пути Ляпуновымъ и переда-
лись къ нему добровольно (³³³) Чего хотѣлъ
сей мятежникъ ? Свергнуть Василія , изба-
вить Россію отъ Лжедмитрія , отъ Ляховъ,
и быть Государемъ ея , какъ утверждаетъ
одинъ Историкъ (³³⁴); другіе пишутъ вѣроят-
нѣе , что Ляпуновъ желалъ единственно ги-
бели Шуйскихъ , имѣя тайныя сношенія съ
знатнѣйшимъ крамольникомъ, Бояриномъ Кня-
земъ Василиемъ Голицынымъ въ Москвѣ , и
даже съ Самозванцемъ въ Калугѣ , но не дол-
го: онъ презрѣлъ бродягу , какъ орудіе срам-
ное , видя и безъ того легкое исполненіе же-
лаемаго имъ и многими иными врагами Царя
несчастнаго.

Бунтъ Ляпунова встревожилъ Москву : дру-
гія вѣсти были еще ужаснѣе. Князь Дмит-
рій Шуйскій и Делагарди шли къ Смоленску,
а Ляхи къ нимъ на встрѣчу. Доселѣ опасли-
вый, нерѣшительный, Сигизмундъ вдругъ ока-
залъ смѣлость , узнавъ , что Россія лиши-

лась своего Героя , и вѣря нашимъ измѣнникамъ , Салтыкову съ клевертамъ , что сія кончина есть паденіе Василя , ненавистнаго Москвѣ и войску. Еще Сигизмундъ не хотѣлъ оставить Смоленска ; но давъ Гетману Жолкѣвскому 2000 всадниковъ и 1000 пѣхотныхъ воиновъ , велѣлъ ему съ сею горстію людей искать непріятеля и славы въ полѣ (⁵³⁵). Гетманъ двинулся сперва къ Бѣлому , тѣсному Хованскимъ и Горномъ (⁵³⁶): имѣя 6500 Россіянь и Шведовъ , они уклонились отъ битвы и сѣвши присоединиться къ Дмитрію Шуйскому , который стоялъ въ Можайскѣ , отдѣливъ 6000 Дѣтей Боярскихъ съ Княземъ Елецкимъ и Волуевымъ въ Царево-Займище , чтобы тамъ укрѣпиться и служить щитомъ для главной рати. Будучи въ десятеро сильнѣе непріятеля , Шуйскій хотѣлъ уподобиться Скопину осторожностію : медлилъ и тратилъ время. Тѣмъ быстрѣе дѣйствовалъ Гетманъ: соединился съ остатками Тушинскаго войска , приведеннаго къ нему Зборовскимъ , и (13 Іюня) подступилъ къ Займищу (⁵³⁷) ; имѣлъ тамъ выгоду въ битвѣ съ Россіянами , но не взялъ укрѣплений — и свѣдалъ , что Шуйскій и Делагарди идутъ отъ Можайска на помощь къ Елецкому и Волуеву. Сподвижники Гетмана смутились : онъ убѣждалъ ихъ въ необходимости кончить войну однимъ смѣлымъ ударомъ ; говорилъ о чести и доблести , а ждалъ успѣха отъ измѣны : ибо клеверты Салтыкова окружали , вели его , — сносились съ своими единомышленниками въ царскомъ

войскѣ , знали общее уныніе , негодованіе , и ручались Жолкѣвскому за побѣду ; ручались и бѣглецы Шведскіе , Нѣмцы , Французы , Шотландцы ⁽⁵³⁸⁾ , являясь къ нему толпами , и сказывая , что всѣ ихъ товарищи , недовольные Шуйскимъ , готовы передаться къ Ляхамъ . Шведы дѣйствительно , едва вышедши изъ Москвы , начали снова требовать жалованья и бунтовать : Князь Дмитрій далъ имъ еще 10,000 рублей , но не могъ удовлетворить , ни самъ Делagarди смирить сихъ мятежныхъ корыстолюбцевъ : они шли не-хотя и грозили , казалось , болѣе союзникамъ нежели врагамъ . Такія обстоятельства изъясняютъ для насъ удивительное дѣло Жолкѣвскаго , еще болѣе проникательнаго , нежели смѣлаго .

Оставивъ малочисленную пѣхоту въ обозѣ у Займища , Гетманъ ввечеру (23 Юня) съ десятию тысячами всадниковъ и съ легкими пушками выступилъ на встрѣчу къ Шуйскому , столь тихо , что Елецкій и Волуевъ не замѣтили сего движенія и сидѣли спокойно въ укрѣпленіяхъ , воображая всю рать непріятельскую предъ собою ; а Гетманъ , принужденный итти верстъ двадцать медлен- Битва
подъ
Клуши.
нымъ.
Юня 24. но , ночью , узкою , худою дорогою , на разсвѣтъ увидѣлъ , близъ села Клушина , между полями и лѣсомъ , плетнями и двумя деревеньками , обширный

станъ тридцати тысячъ Россіянъ и пяти тысячъ Шведовъ , ни мало неготовыхъ къ бою, безпечныхъ , сонныхъ. Онъ еще ждалъ усталыхъ дружинъ и пушекъ ; зажегъ плетни, и трескомъ огня , пламенемъ , дымомъ пробудилъ спящихъ. Изумленные внезапнымъ явленіемъ Ляховъ, Шуйскій и Делагарди спѣшили устроить войско : конницу впереди, пѣхоту за нею , въ кустарникъ, — Россіянъ и Шведовъ особенно. Гетманъ съ трубнымъ звукомъ ударилъ вмѣстѣ на тѣхъ и другихъ: конница Московская другнула ; но подкрѣпленная новымъ войскомъ , стѣснила непріятеля въ своихъ густыхъ толпахъ , такъ , что Жолкѣвскій , стоя на холмѣ , едва могъ видѣть хоругвь Республики въ облакахъ пыли и дыма (539). Шведы удержали стремленіе Ляховъ сильнымъ залпомъ. Гетманъ пустилъ въ дѣло запасныя дружины ; стрѣлялъ изъ всѣхъ пушекъ въ Шведовъ ; напалъ на Россіянъ съ боку — и побѣдилъ. Конница наша , обративъ тылъ, смѣшала пѣхоту; Шведы отступили къ лѣсу ; Французы , Нѣмцы, Англичане , Шотландцы передались къ Ляхамъ. Сдѣлалось не описанное смятеніе. Все бѣжало безъ памяти : сто гнало тысячу. Князя Шуйскій , Андрей Голицынъ и Мезецкій застѣли — было въ станѣ съ пѣхотою и пушками ; но узнавъ вѣроломство союзниковъ , также бѣжали въ лѣсъ , усыная дорогу разными вещами драгоцѣнными , чтобы прехестію добычи остановить непріятеля. Делагарди — въ искренней горести , какъ ни-

шутъ (³⁴⁰) — ни угрозами , ни моленіемъ не удержавъ своихъ отъ безчестной измѣны , вступилъ въ переговоры: далъ слово Гетману не помогать Василю , и захвативъ казну Шуйскаго , 5450 рублей деньгами и мѣховъ на 7000 рублей (³⁴¹) , съ Генераломъ Горномъ и четырьмястами Шведовъ удалился къ Новугороду , жалуясь на малодушіе Россіянъ столько же , какъ и на мятежный духъ Англичанъ и Французовъ , писменно обѣщая Царю новое вспоможеніе отъ короля Шведскаго , а Королю легкое завоеваніе сѣверо-западной Россіи для Швеціи!

Дела-
гарди
отсту-
паетъ
къ Но-
вугоро-
ду.

Но стыдъ союзниковъ уменьшался стыдомъ Россіянъ , которые , въ бѣдственномъ ослѣпленіи , жертвовали целюбви къ Царю любовію къ отечеству , не хотѣли мужествовать за мнимаго убійцу Михайлова , думая , кажется , что побѣда Ляховъ губить только несчастнаго Василя , и гнуснымъ бѣгствомъ отъ врага слабого предали ему Россію. Безъ сомнѣнія оказавъ умъ необыкновенный , Гетманъ хвалился числомъ своихъ и непріятелей , скромно уступалъ всю честь геройству сподвижниковъ , и всего искреннѣе славилъ ревность Тушинскихъ измѣнниковъ , сына и друзей Михайла Салтыкова , которые находились въ сей битвѣ , дѣйствуя тайно , чрезъ лазутчиковъ , на Царское войско. Не многіе легли въ дѣлѣ : одинъ знатный

Князь Яковъ Борятинскій палъ сража-
ясь ; Воевода Бутурлинъ отдался въ
плѣнъ . Гораздо болѣе кололи , сѣкли
и топтали Россіянь въ погонѣ . И пу-
шекъ , нѣсколько знаменъ , бархатная
хоругвь Князя Дмитрія Шуйскаго , его
карета , шлемъ , мечъ и булава , так-
же на мало богатства , суконъ , собо-
лей , присланныхъ Царемъ для Шве-
довъ , были трофеями и добычею Ля-
ховъ . Несчастный Князь Дмитрій ска-
калъ не оглядываясь , увязилъ коня
въ болотѣ , иѣвши достигъ Можайска ,
и сказавъ гражданамъ , что все погиб-
ло , съ сею вѣстію спѣшилъ къ Дер-
жавному брату въ столицу (³⁴²).

Дѣятельный Гетманъ въ тотъ же день
возвратился къ Займицу , гдѣ Россія-
не , ночью , были пробуждены шумомъ
и кликомъ : Ляхи громогласно извѣща-
ли ихъ о слѣдствіяхъ Клушинской бит-
вы . Князь Елецкій и Волуевъ не хотѣ-
ли вѣрить : Гетманъ на разсвѣтѣ по-
казалъ имъ Царскія знамена и плѣнни-
ковъ , требуя , чтобы они мирно сда-
лись , не Ляхамъ , а новому Царю сво-
ему , Владиславу , будто бы уже избран-
ному значною частію Россіи (³⁴³). Елец-
кій и Волуевъ убѣждали Гетмана идти

Поляки
занима-
ютъ Ца-
рево-
Займи-
ще.

къ Москвѣ и начать съ нею переговоры :
имъ отвѣтствовали : « когда вы сдади-
тесь , то и Москва будетъ наша . » Во-
луевъ , болѣе Елецкаго властвуя надъ

умами сподвижниковъ , рѣшилъ ихъ недоумѣніе : присягнуть Владиславу , на условіяхъ , заключенныхъ Михайломъ Салтыковымъ и клеветами его съ Сигизмундомъ (³⁴⁴); другіе также присягнули , и вмѣстѣ съ Ляхами , уже братьями , пошли къ столицѣ. . . Смѣлый въ бигвахъ , Жолкѣвскій изъявилъ смѣлость и въ важномъ дѣлѣ государственномъ : онъ безъ указа Королевскаго желалъ воцарить юнаго Владислава , по удостовѣренію измѣнниковъ Тушинскихъ и собственному , что нѣтъ инаго , лучшаго , надежнѣйшаго способа кончить сію войну съ истинною славою и выгодною для Республики (³⁴⁵)! Гетманъ мирно занялъ Можайскъ и другія мѣста окрестныя именемъ Королевича , вездѣ гоня предъ собою разсѣянные остатки полковъ Шуйскаго.

Въ одно время столица узнала о семъ бѣдствіи и читала воззваніе Жолкѣвскаго къ ея жителямъ , распространенное въ ней дѣятельными единомышленниками Салтыкова. «Виною всѣхъ вашихъ золъ» — писалъ Гетманъ — «есть Шуйскій : отъ него Царство въ крови и въ пеплѣ. Для одного ли человѣка гибнуть милліонамъ ? Спасеніе предъ вами : побѣдоносное войско Королевское и новый Царь благодатный : да здравствуетъ Владиславъ» (³⁴⁶) ! Еще Василій , не измѣняясь духомъ , вѣрный твердости въ злосчастіи , писалъ указы , чтобы изъ всѣхъ городовъ спѣшили къ нему послѣдніе люди воинскіе , и въ послѣдній разъ , для спасенія Царства (³⁴⁷);

Отчал.
ніе сто.
лицы.

ободрялъ Москвитянъ , давалъ деньги Стрѣльцамъ ⁽³⁴⁸⁾ ; хотѣлъ писать къ Гетману , назначить гонца , но отмѣнилъ , чтобы не унизиться бесполезно, въ такихъ обстоятельствахъ , когда не переговорами, а битвами надлежало спастися. Города не выслали въ Москву ни одного воина ⁽³⁴⁹⁾: Рязанскій мятежникъ Ляпуновъ не велѣлъ имъ слушаться Царя , вмѣстѣ съ Княземъ Василіемъ Голицынымъ крамольствуя и въ столицѣ , волнуемой отчаяніемъ. . . Грозы внѣшнія еще умножились : явился и Лжедмитрій въ полѣ , съ безстыднымъ Сапѣгою , который за нѣсколько тысячъ рублей ⁽³⁵⁰⁾ , доставленныхъ ему изъ Калуги , снова обязался служить злодѣю. Они надѣялись предупредить Гетмана и взять Москву , думая , что она въ смятеніи ужаса скорѣе сдастся дерзкому бродягѣ , нежели Ляхамъ. Сей подлый непріятель еще казался опаснѣйшимъ Царю : свѣдавъ , что союзники, вызванные имъ изъ гнѣзда разбоевъ, сыновья Хана , уже близъ Серпухова, Василий отрядилъ туда знатныхъ мужей, Князя Воротынскаго , Лыкова и чиновника Измайлова съ дружиною Дѣтей Боярскихъ и съ пушками , чтобы вести ихъ противъ Самозванца ⁽³⁵¹⁾; но Крымцы , встрѣтивъ его въ Боровскомъ Уѣздѣ , послѣ дѣла кровопролитнаго ушли назадъ въ степи, а Воротынскій и Лы-

ковъ едва спаслися бѣгствомъ въ Моск- Новые
успѣхи
Само-
званца
ву. Все кончилось для Василія! Снова
торжествовалъ Самозванецъ; снова обра-
тились къ нему измѣнники и счастье.
Сапѣгины Ляхи осадили крѣпкій мона-
стырь Пафнутіевъ, гдѣ начальствовали
вѣрный Князь Михайло Волконскій и два
предателя: первый сражался какъ Герой;
но младшіе чиновники, Змѣевъ и Челищевъ
выпустили непріятеля. Волконскій палъ
въ сѣчѣ надъ гробомъ Св. Пафнутія
(оставивъ для вѣковъ память (³⁵²) сво-
ей доблести въ гербѣ Боровска), а Ля-
хи наполнили ограду и церковь трупам-
и Иноковъ, Стрѣльцевъ и жителей мо-
настырскихъ. Коломна, дотола непоко-
лебимая въ вѣрности, вдругъ измѣни-
ла, возмущенная Сотникомъ Бобыни-
нымъ. Не слушая добраго Епископа Ю-
сифа, народъ кричалъ, что Василию
уже не быть Царемъ, и что лучше слу-
жить Димитрію, нежели Сигизмунду.
Воеводы Коломенскіе, Бояре Князь Ту-
ренинъ и Долгорукій, въ ужасѣ сами
присягнули обманщику: также и Воево-
да Коширскій, Князь Ромодановскій, вмѣ-
стѣ съ гражданами. Едва уцѣлѣлъ и Твер.
д о с т ь
Зарайскъ, спасенный твердостью Князя Пожар-
скаго.
Пожарскаго: видя бунтъ жителей и не
страшась ни угрозъ, ни смерти, онъ съ
усердною дружиною выгналъ ихъ изъ
крѣпости и восстановилъ тишину догово-
ромъ, заключеннымъ съ ними, остаться

вѣрными Василию, если Василий останет-
ся Царемъ, или служить Царю новому,
кого изберетъ Россія. Въ семь случаѣ
ревностнымъ сподвижникомъ Князя Дмит-
рія былъ достойный Протоіерей Николь-
скій (⁵⁵³). Но усмиреніе Зарайска не
отвратило гибельнаго мятежа въ столицѣ.

Лжедмитрій спѣшилъ къ Москвѣ и
расположился станомъ въ селѣ Коломен-
скомъ (⁵⁵⁴), памятномъ первою славою
юнаго Князя Михаила, коего уже не
имѣло отечество для надежды! Что могъ
предпріять Царь злосчастный, побѣжден-
ный Гетманомъ и Самозванцемъ, уг-
рожаемый Ляпуновымъ и крамолою, ма-
лодушіемъ и зломысліемъ, безъ войска
и любви народной? Рожденный не въ
вѣкъ Катоновъ и Брутовъ, онъ могъ
предаться только въ волю Божию: такъ
и сдѣлалъ, спокойно ожидая своего жре-
бія, и еще держась рукою за кормило
государственное, хотя уже и бесполез-
ное въ часъ гибели; еще давалъ пове-
лѣнія, не внимаемая, не исполняемая,
будучи уже болѣе зрителемъ, нежели
дѣйствователемъ съ того времени, какъ
узнали въ Москвѣ о бунтѣ или непови-
новеніи городовъ, видѣли подъ ея стѣ-
нами знамена Лжедмитріевы и ежечасно
ждали Сигизмундовыхъ съ Гетманомъ.
Дворецъ опустѣлъ: улицы и площади
кипѣли народомъ; всѣ спрашивали другъ
у друга, что дѣлается, и что дѣлать?

Ропотъ
народ.
кипитъ

Ненавистники Васи́левы уже громогласно требовали его сверженія ; кричали : «Онъ сѣлъ на престолъ безъ вѣдома земли Русской ⁽⁵³⁵⁾ : для того земля раздѣлилась ; для того льется кровь Христіанская. Братья Васи́левы ядомъ умертвили своего племянника , а нашего отца-защитника. Не хотимъ Царя Васи́лія!» *Ни Самозванца , ни Ляховъ!* прибавляли многіе , благороднѣйшіе духомъ , слѣдуя внушенію Ляпунова Рязанскаго , брата его Захаріи и Князя Васи́лія Голицына ⁽⁵³⁶⁾. Они превозмогли числомъ и знатностію единомышленниковъ ; гнушаясь Лжедмитріемъ , думали усовѣститъ его клеветовъ , чтобы усилиться ихъ союзомъ , и предложили имъ свиданіе. Еще люди чиновные окружали злодѣя Тушинскаго : Князя Сицкій и Засѣкинъ , Дворяне Нагой , Сунбуловъ , Плещеевъ Дьякъ Третьковъ и другіе. Сѣхались въ полѣ , у Даниловскаго монастыря ⁽⁵³⁷⁾ , какъ братья ; мирно разсуждали о чрезвычайныхъ обстоятельствахъ Государства и вѣрнѣйшихъ средствахъ спасенія ; наконецъ взаимно дали клятву , Москвитяне оставить Васи́лія , измѣнники предать имъ Лжедмитрія , избрать вмѣстѣ новаго Царя и выгнать Ляховъ. Сей договоръ объявили столицѣ братъ Ляпунова и Дворянинъ Хомутовъ , выѣхавъ съ сонмомъ единомышленниковъ на Лобное мѣсто , гдѣ , кромѣ черни , находилось и множество людей сановныхъ , лучшихъ гражданъ , гостей и купцевъ : всѣ громкимъ кликомъ изъявили

радость (³³⁸); все казались увѣренными, что новый Царь необходимъ для Россіи. Но тутъ не было ни знатнаго Духовенства, ни Синклита: пошли въ Кремль, взяли Патріарха, Бояръ; вывели ихъ къ Серпуховскимъ воротамъ, за Москвою-рѣкою, и въ виду непріятельскаго стана — указывая на разѣзды Лжедмитріевой конницы и на Смоленскую дорогу, гдѣ всякое облако пыли грозило явленіемъ Гетмана — предложили имъ избавить Россію отъ стыда и гибели. избавить Россію отъ Шуйскаго; соблюдали умѣренность въ рѣчахъ: укоряли Василя только несчастіемъ (³³⁹). Говорили, что «земля Сѣверская и все бывшіе слуги Лжедмитріевы немедленно возвратятся подъ сѣнь отечества, какъ скоро не будетъ Шуйскаго, для нихъ ненавистнаго и страшнаго; что Государство безсильно только отъ раздѣленія силъ: усмирится. . . . и враги исчезнутъ!» Раздался одинъ голосъ въ пользу закона и Царя злосчастнаго: Ермогеновъ; съ жаромъ и твердостію Патріархъ изъяснялъ народу, что нѣтъ спасенія, гдѣ нѣтъ благословенія свыше; что измѣна Царю есть злодѣйство, всегда казнимое Богомъ, и не избавитъ, а еще глубже погрузитъ Россію въ бездну ужасовъ (³⁴⁰). Вѣсьма не многіе Бояре, и вѣсьма не твердо, стояли за Шуйскаго; самые его искренніе и ближніе уклонились, видя рѣшительную общую волю; самъ Патріархъ съ горестію удалился, чтобы не быть свидѣтелемъ дѣла мятежнаго, — и сія народная

Дума единодушно , единогласно приговорила: «1) *бить челомъ* Василию , да оставитъ Царство и да возметъ себѣ въ удѣлъ Нижній-Новгородъ ⁽⁵⁶¹⁾ ; 2) уже никогда не возвращать ему престола , но блюсти жизнь его, Царицы , братьевъ Васнліевыхъ ; 3) цѣловать крестъ всѣмъ міромъ въ неизмѣнной вѣрности къ Церкви и Государству для истребленія ихъ злодѣевъ , Ляховъ и Лжедмитрія ; 4) всею землею выбрать въ Цари, кого Богъ дастъ ; а между тѣмъ управлять ею Боярамъ , Князю Мстиславскому съ товарищами , коихъ власть и судъ будутъ священные ; 5) въ сей Думѣ верховной не сидѣть Шуйскимъ , ни Князю Ивану ; 6) всѣмъ забыть вражду личную , месть и злобу; всѣмъ помнить только Бога и Россію» ⁽⁵⁶²⁾. Въ дѣйствіи незаконномъ еще блисталъ призракъ великодушія : щадили Царя свергаемаго и хотѣли умереть за отечество , за честь и независимость.

Послали къ Василию, еще Вѣнценосцу, знатнаго Боярина , его свояка , Князя Ивана Воротынскаго, съ главными крамольниками, Захаріею Ляпуновымъ и другими, объявить ему приговоръ Думы. Дотолѣ тихій Кремлевскій дворецъ наполнился людьми и шумомъ : ибо въ слѣдъ за Послами стремилось множество дерзкихъ мятежниковъ и любопытныхъ. Василий ожидалъ ихъ безъ трепета , воспоминая , можетъ быть , невольно о такомъ же стремленіи шумныхъ сонмовъ , подъ его собственнымъ предводительствомъ, къ сему же

дворцу, въ день Разстригиной гибели!... Захарія Ляпуновъ , увидѣвъ Царя, сказалъ: «Василій Іоанновичъ! ты не умѣлъ царствовать : отдай же вѣнецъ и скипетръ» (³⁶³). Шуйскій отвѣтствовалъ: «какъ смѣешь!»... и вынулъ ножъ изъ за пояса. Наглый Ляпуновъ , великанъ ростомъ , силы необычайной , грозилъ ему своею тяжкою рукою... Другіе хотѣли сладкорѣчіемъ убѣдить Царя къ повиновенію волѣ Божіей и народной. Василій отвергнулъ всѣ предложенія, готовый умереть , но Вѣнценосцемъ , и лишенъ престола. волю мятежниковъ , испровергающихъ законъ , не признавая народною. Онъ уступилъ только насилію, и былъ, вмѣстѣ съ юною супругою , перевезенъ изъ палатъ Кремлевскихъ въ старый домъ свой , гдѣ ждалъ участи Борисова семейства (³⁶⁴), зная , что шагъ съ престола есть шагъ къ могилѣ.

Въ столицѣ господствовало смятеніе, и скоро еще умножилось , когда народъ свѣдалъ , что Тушинскіе измѣнники обманули Московскихъ. Ляпуновъ и клеветы его немедленно объявили первымъ, въ новомъ свиданіи съ ними у монастыря Даниловскаго (³⁶⁵), что Шуйскій сведенъ съ престола , и что Москва , въ слѣдствіе договора , ждетъ отъ нихъ связаннаго Лжедмитрія , для казни. Тушинцы отвѣтствовали : «Хвалимъ ваше дѣло. Вы свергнули Царя беззаконнаго ; слу-

жите же истинному : да здравствуетъ сынъ Іоанновъ ! Если вы клятвопреступники , то мы вѣрны въ обѣтахъ. Умремъ за Димитрія» (³⁶⁶) ! Достоинъ осмѣянные злодѣями , Москвитяне изумились. Симъ часомъ думалъ еще воспользоваться Ермогенъ : вышелъ къ народу , молилъ , заклиналъ снова возвести Василя на Царство ; но убѣжденіямъ добраго Патріарха не внимали : страшились мести Василюевой , и тѣмъ скорѣе хотѣли себя успокоить.

Тщот;
и м я
увѣща;
и і я
Патрі;
арха.

Всѣми оставленный , многимъ ненавистный или противный , не многимъ жалкій ; Царь сидѣлъ подѣ стражею въ своемъ Боярскомъ домѣ , гдѣ , за четыре года предѣ тѣмъ . въ ночномъ совѣтѣ знаменитѣйшихъ Россіянъ , имъ собранныхъ и движимыхъ (³⁶⁷) , рѣшилась гибель Отрепьева. Тамъ , въ слѣдующее утро , явились Захарія Ля-^{18 Іюля.}пуновъ , Князь Петръ Засѣкинъ (³⁶⁸) , нѣсколько сановниковъ съ Чудовскими Пноками и Священниками , съ толпою людей вооруженныхъ , велѣли Шуйскому готовиться къ постриженію , еще гнушаясь новымъ царевубійствомъ и считая келлію надежнымъ предверіемъ гроба. «Нѣтъ!» сказалъ Василій съ твердостію : «никогда не буду Монахомъ» — и на угрозы отвѣтствовалъ видомъ презрѣнія ; но смотря на многихъ извѣстныхъ ему Москвитянъ , съ умиленіемъ

говори́лъ имъ : «Вы нѣкогда любили
меня. . . . и за что возненавидѣли? за
казнь ли Отрепѣва и клеветовъ его?
Я хотѣлъ добра вамъ и Россіи ; нака-
зывалъ единственно злодѣевъ — и кого
не миновалъ» (³⁶⁹)? Вопль Ляпунова и
другихъ неистовыхъ заглушилъ рѣчь
трогательную. Читали молитвы постри-
женія , совершали обрядъ священный,
и но слышали уже ни ед наго слова отъ
Василія : онъ безмолвствовалъ , и вмѣ-
сто его произносилъ страшные обѣты
монашества Князь Туренинъ (³⁷⁰). По-
стригли и несчастную Царицу , Марію,
также безмолвную въ обѣтахъ , но кра-
снорѣчивую въ изъявленіи любви къ
супругу : она рвалась къ нему , сте-
нала , называла его своимъ *Государемъ*
милымъ , Царемъ великимъ народа не-
достойнаго (³⁷¹) , ея супругомъ закон-
нымъ и въ рясѣ Инока. Ихъ разлучи-
ли силою : отвели Василія въ монастырь
Чудовскій, Марію въ Ивановскій; двухъ
братьевъ Василіевыхъ заключили въ
ихъ домахъ. Никто не противился на-
силию безбожному, кромѣ Ермогена: онъ
торжественно Молился за Шуйскаго въ
храмахъ , какъ за Помазанника Бо-
жія , Царя Россіи , хотя и невольни-
ка ; торжественно клялъ бунтъ и при-
знавалъ Инокомъ не Василія , а Князя
Туренина , который вмѣсто его свя-
залъ себя обѣтами Монашества (³⁷²).

Постри-
женіе
Василія
и супру-
гъ его.

Уваженіе къ сану и лицу Первосвятителя давало смѣлость Ермогену, но бесполезную.

Такъ Москва поступила съ Вѣнценосцемъ, который хотѣлъ снискать ея и Россіи любовь подчиненіемъ своей воли закону, бережливостію государственною, безпристрастіемъ въ наградахъ ⁽⁵⁷³⁾, умѣренностію въ наказаніяхъ, терпимостію общественной свободы, ревностію къ гражданскому образованію — который не изумлялся въ самыхъ чрезвычайныхъ бѣдствіяхъ, оказывалъ неустрашимость въ бунтахъ, готовность умереть вѣрнымъ достоинству Монаршему, и не былъ никогда столь знаменитъ, столь достоинъ престола, какъ свергаемый съ онаго измѣною: влекомый въ келію толпою злодѣевъ, несчастный Шуйскій являлся одинъ истинно великодушнымъ въ мятежной столицѣ. . . . Но удивительная судьба его ни въ уничтоженіи, ни въ славѣ, еще не совершилась!

Доселѣ властвовала безпрекословно сторона Ляпуновыхъ и Голицына, рѣшительныхъ противниковъ и Шуйскаго и Самозванца и Ляховъ: она хотѣла *своего Царя* — и въ семъ смыслѣ Дума писала отъ имени Синклита, людей Приказныхъ и воинскихъ, Стольниковъ, Стряпчихъ, Дворянъ и Дѣтей Боярскихъ, гостей и купцевъ, ко всѣмъ областнымъ Воеводамъ и жителямъ, что Шуйскій, *внявъ челобитію земли Русской, оставилъ Государство и міръ* ⁽⁵⁷⁴⁾ для спасенія отечества; что Москва цѣловала

крестъ не поддаваться ни Сигизмунду, ни злодѣю Тушинскому; что всѣ Россіане должны возстать, устремиться къ столицѣ, сокрушить враговъ и выбрать всею землею Самодержца вождельнаго. Въ семъ же смыслѣ отвѣтствовали Бояре и Гетману Жолкѣвскому, который, узнавъ въ Можайскѣ о Васпліевомъ незверженіи, объявилъ имъ грамотою, что идетъ защитить ихъ въ бѣдствіяхъ. «Не требуемъ твоей защиты,» писали они: «не приближайся, или «встрѣтимъ тебя какъ непріятеля» (575). Но Дума Боярская, присвоивъ себѣ верховную власть, не могла утвердить ее въ слабыхъ рукахъ своихъ, ни утишить всеобщей тревоги, ни обуздать мятежной черни. Самозванецъ грозилъ Москвѣ нападеніемъ, Гетманъ къ ней приближался, народъ вольничалъ, холопы не слушались господъ, и многіе люди чиновные, страшась быть жертвою безначалія и бунта, уходили изъ столицы, даже въ станъ къ Лжедмитрію (576), единственно для безопасности личной. Въ сихъ обстоятельствахъ ужасныхъ сторону Ляпуновыхъ и Голицына превозмогла другая, менѣе благопріятная для народной гордости, хотя и менѣе лукавая: ибо ея главою былъ Князь Федоръ Мстиславскій, извѣстный добродушіемъ и вѣрностію, чуждый властолюбія и козней (577).

Въ то время, когда Москва, безъ Царя, безъ устройства, всего болѣе опасалась злодѣя Тушинскаго и собственныхъ злодѣевъ, готовыхъ душегубствовать и грабить въ стѣнахъ ея —

когда отечество смятенное не видало между своими ни одного человѣка, столь знаменитаго родомъ и дѣлами, чтобы оно могло возложить на него вѣнецъ единодушно, съ любовію и надеждою — когда измѣны и предательства въ глазахъ народа унизили самыхъ первыхъ Вельможъ, и два несчастныя избранія доказали, сколь трудно бывшему подданному державствовать въ Россіи и бороться съ завистію: тогда мысль искать Государя внѣ отечества, какъ древніе Новгородцы искали Князей въ землѣ Варяжской, могла естественно представиться уму и добрыхъ гражданъ. Мстиславскій, одушевленный чистымъ усердіемъ — вѣроятно, послѣ тайныхъ совѣщаній съ людьми важнѣйшими — торжественно объявилъ Болрамъ, Духовенству, всѣмъ Чинамъ и гражданамъ, что для спасенія Царства должно вручить скипетръ.... Владиславу ⁽⁵⁷⁸⁾. Кто могъ самъ и не хотѣлъ быть Вѣщеносцемъ ⁽³⁷⁹⁾, того мнѣніе и голосъ имѣли силу; имѣли оную и домогательства единомышленниковъ Салтыкова, особенно Волуева, и наконецъ явныя выгоды сего избранія. Жолкѣвскій, грозный побѣдитель, дѣлался намъ усерднымъ другомъ, чтобы избавить Москву отъ злодѣевъ: онъ писалъ о томъ (31 Іюля) къ Думѣ Боярской ⁽⁵⁸⁰⁾, вмѣстѣ съ Иваномъ Салтыковымъ и Волуевымъ, которые

Совѣтъ
Князя
Мстислава.

сообщили ей договоръ Тушинскихъ Пословъ съ Сигизмундомъ и новѣйшій, заключенный Гетманомъ въ Царевѣ-Займицѣ ⁽⁵⁸¹⁾ для цѣлости Вѣры и Государства. Надѣялись, что Король наѣвится честію видѣть сына Монархомъ великой Державы и дозволить ему перемѣнить Законъ, или Владиславъ юный, еще не твердый въ Догматахъ Латинства, легко склонится къ нашимъ и вопреки отцу, когда сядетъ на престолъ Московскій, увидитъ необходимость единовѣрія для крѣпкаго союза между Царемъ и народомъ, возмужаетъ въ обычаяхъ Православія, и будучи уважаемъ какъ Вѣнценосецъ знаменитаго Державнаго племени, будетъ любимъ какъ истинный Россіянинъ духомъ. Еще благородная гордость страшилась уничиженія взять невольню Властителя отъ Ляховъ, молить ихъ о спасеніи Россіи и тѣмъ оказать ей постыдную слабость. Еще Духовенство страшилось за Вѣру, и Патріархъ убѣждалъ Бояръ не жертвовать Церковію никакимъ выгодамъ государственнымъ ⁽⁵⁸²⁾: уже не имѣя средства возратить вѣнецъ Шуйскому, онъ предлагалъ имъ въ Цари или Князя Василія Голицына или юнаго Михаила, сына Филаретова ⁽⁵⁸³⁾, внука первой супруги Іоанновой. Духовенство благопріятствовало Голицыну, народъ Михаилу, любезному для него памятію Анастасіи, добродѣтелю отца и даже тезоименитствомъ съ усопшимъ Героемъ Россіи. . . . Такъ Ермогенъ безсмертный предвѣстилъ ей волю Небесъ! Но время еще

не наступило — и Гетманъ уже стоялъ подъ Москвою, на Сѣтуни ⁽⁵⁸⁴⁾, противъ Коломенскаго и Лжедмитрія: ни Голицынъ, крамольникъ въ Синклитъ и бѣглець на полѣ ратномъ ⁽⁵⁸⁵⁾, ни юноша, питомецъ келлій, едва извѣстный свѣту, не обѣщали спасенія Москвѣ, извнѣтѣнной двумя непріятелями, внутри волнуемой мятежемъ; каждый часть былъ дорогъ — и большинство голосовъ въ Думѣ, на самомъ Лобномъ мѣстѣ, рѣшило: «принять совѣтъ «Метиславскаго!»

Немедленно послали къ Гетману спросить, другъ ли онъ Москвѣ или непріятель ⁽⁵⁸⁶⁾? «Желаю не крови вашей, а блага «Россіи,» отвѣчалъ Жолкѣвскій: «предлагаю вамъ Державство Владислава и гибель Самозванца.» Дали взаимно аманатовъ; вступили въ переговоры, на Дѣвичьемъ полѣ, въ шатрѣ, гдѣ Бояре, Князья Метиславскій, Василій Голицынъ и Шереметевъ, Окольный Князь Межецкій и Дьяки Думные, Телепневъ и Луговскій, съ честію встрѣтили Гетмана ⁽⁵⁸⁷⁾, объявляя, что Россія готова признать Владислава Царемъ, но съ условіями необходимыми для ея достоинства и спокойствія. Дьякъ Телепневъ, развернувъ свитокъ, прочиталъ сіи условія, столь важныя, что Гетманъ ни въ какомъ случаѣ не могъ бы принять ихъ безъ рѣшительнаго согласія

Переговоры съ Жолкѣвскимъ.

Королевскаго : Король же не только медлилъ дать ему наказъ , но и не отвѣтствовалъ ни слова на всѣ его донесенія послѣ Клушинскаго дѣла , заботясь единственно о взятіи Смоленска и съ гордостію являя Гетмановы трофеи , знамена и плѣнниковъ , Шенну непреклонному ! Жолкѣвскій , равно смѣлый и благоразумный , скрывъ отъ Бояръ свое затрудненіе , спокойно разсуждалъ съ ними о каждой статьѣ предлагаемаго договора : отвергалъ и соглашался Королевскимъ именемъ. Выслушавъ первое требованіе , чтобы *Владиславъ крестился въ нашу Вѣру* , онъ далъ имъ надежду , но устранилъ обязательство , говоря : « да будетъ Королевичъ «Царемъ, и тогда, внимая гласу совѣсти и пользы государственной , можетъ добровольно «исполнить желаніе Россіи» (588). Устранилъ , до особеннаго *Сигизмундова* разрѣшенія , и другія статьи : «1) Владиславу не сноситься съ «Папою о Законѣ (589); 2) утвердить въ Россіи «смертную казнь для всякаго, кто оставитъ Гре- «ческую Вѣру для Латинской; 3) не имѣть при «себѣ болѣе пятисотъ Ляховъ ; 4) соблюсти всѣ «титла Царскія (слѣдственно Государя Кіевскаго «и Ливонскаго) и жениться на Россіянкѣ;» по все прочее, какъ согласное съ договоромъ Салтыкова и Волуева, было одобрено Жолкѣвскимъ, хотя и не вдругъ : ибо онъ съ умысломъ замедлялъ переговоры, тщетно ожидая вѣстей отъ Короля ; наконецъ уже не могъ медлить , опасаясь нетерпѣнія Россіянъ и своихъ Ляховъ ,

готовыхъ къ бунту за невыдачу имъ жалованья, ⁽⁵⁹⁰⁾ — и 17 Августа подписалъ слѣдующія достопамятныя условія:

«1) Святѣйшему Патріарху, всему Духо-Условіа.
«венству и Сиклиту, Дворянамъ и Дьякамъ
«Думнымъ, Стольникамъ, Дворянамъ,
«Стряпчимъ, Жильцамъ и Городскимъ
«Дворянамъ, Головамъ Стрѣлецкимъ, При-
«казнымъ людямъ, Дѣтямъ Боярскимъ, го-
«стямъ и купцамъ, Стрѣльцамъ, Козакамъ,
«пушкарямъ и всѣхъ чиновъ служивымъ и
«Жилецкимъ людямъ Московскаго Государ-
«ства бить челомъ Великому Государю
«Сигизмунду, да пожалуетъ имъ сына сво-
«его, Владислава, въ Цари, коего всѣ Рос-
«сіяне единодушно желаютъ, цѣлуя святыи
«крестъ съ обѣтомъ служить вѣрно ему и
«потомству его, какъ они служили преж-
«нимъ Великимъ Государямъ Москов-
«скимъ.

«2) Королевицу Владиславу вѣнчаться
«Царскимъ вѣнцемъ и діадимою отъ Свя-
«тѣйшаго Патріарха и Духовенства Грече-
«ской Церкви, какъ издревле вѣнчались
«Самодержцы Россійскіе.

«3) Владиславу Царю блюсти и чтить
«святыя храмы, иконы и мощи цѣлебныя,
«Патріарха и все Духовенство; не отни-
«мать имѣнія и доходовъ у церквей и мона-
«стырей; въ Духовныя и Святительскія
«дѣла не вступаться.

«4) Не быть въ Россіи ни Латинскимъ , ни «другихъ исповѣданій костеламъ и молебнымъ «храмамъ ⁽⁵⁹¹⁾ ; не склонять никого въ Римскую, «ни въ другія Вѣры , и Жидамъ не вѣзжать «для торговли въ Московское Государство.

«5) Не перемѣнять древнихъ обычаевъ. Бояре «и всѣ чиновники, воинскіе и земскіе, будутъ, «какъ и всегда, одни Россіяне; а Польскимъ и «Литовскимъ людямъ не имѣть ни мѣсть, ни чи- «новъ : которые же изъ нихъ останутся при «Государѣ , тѣмъ можетъ онъ дать денежное «жалованье или помѣстья , не стѣсняя чести «Московскихъ , Боярскихъ и Княжескихъ ро- «довъ честию новыхъ выходцевъ иноземныхъ.

«6) Жалованье , помѣстья и вотчины Рос- «сіянъ неприкосновенны. Если же нѣкоторые «надѣлены сверхъ достоинства , а другіе оби- «жены, то совѣтоваться Государю съ Боярами, «и сдѣлать, что уложить вмѣстѣ.

«7) Основаніемъ гражданскаго правосудія «быть Судебнику , коего нужно исправленіе и «дополненіе зависитъ отъ Государя, Думы Бояр- «ской и Земской ⁽⁵⁹²⁾.

«8) Уличенныхъ государственныхъ и граж- «данскихъ преступниковъ казнить единственно «по осужденію Царя съ Боярами и людьми «Думными ; имѣніе же казненныхъ наследуютъ «ихъ невинныя жены , дѣти и родственники. «Безъ сего торжественнаго суда Боярскаго никто «не лишается ни жизни, ни свободы, ни чести.

«9) Кто умретъ бездѣтенъ, того имѣніе отда-

«вать ближнимъ его или кому онъ прика-
жетъ ⁽⁸⁹³⁾; а въ случаѣ недоумѣнія рѣшить
«такія дѣла Государю съ Боярами.

«10) Доходы государственные остаются преж-
«ніе; а *новыхъ налоговъ не вводитъ Государю*
«*безъ согласія Бояръ* ⁽⁸⁹⁴⁾, и съ ихъ же согласія
«дать льготу областямъ, помѣстьямъ и вотчи-
«намъ разореннымъ въ сіи времена смутныя.

«11) Земледѣльцамъ не переходитъ ни въ
«Литву, ни въ *Россіи отъ господина къ господину*,
«и всѣмъ крѣпостнымъ людямъ быть навсегда
«такими.

«12) Великому Государю Сигизмунду, Польшѣ
«и Литвѣ утвердить съ Великимъ Государемъ
«Владиславомъ и съ Россією миръ и любовь
«на вѣки и стоять другъ за друга противъ всѣхъ
«непріятелей.

«13) Ни изъ Россіи въ Литву и Польшу, ни
«изъ Литвы и Польши въ Россію не переводить
«жителей.

«14) Торговлѣ между обоими Государствами
«быть свободною.

«15) Королю уже не приступать къ Смоленску
«и немедленно вывести войско изъ всѣхъ горо-
«довъ Россійскихъ; а платежъ изъ Московской
«казны за убытки и на жалованье рати Литов-
«ской и Польской будетъ уставленъ въ договорѣ
«особенномъ.

«16) Всѣхъ плѣнныхъ освободить безъ вы-
куна, «всѣ обиды и насилія предать вѣчному
«забвенію,

«17) Гетману отвести Сапѣгу и другихъ Ляховъ отъ Лжедмитрія, вмѣстѣ съ Боярами «взять мѣры для его истребленія, идти къ Можайску, какъ скоро уже не будетъ сего злодѣя, «и тамъ ждать указа Королевскаго.

«18) Между тѣмъ стоять ему съ войскомъ «у Дѣвичьяго монастыря ⁽⁵⁹⁵⁾ и не пускать никого изъ своихъ людей въ Москву, для нужныхъ покупокъ, безъ дозволенія Бояръ и безъ «писменнаго вида.

«19) Дочери Воеводы Сендомирскаго, Маринѣ, «ѣхать въ Польшу и не именоваться Государынею Московскою.

«20) Отправиться Великимъ Посламъ Россійскимъ къ Государю Сигизмунду и бить челомъ, «да крестится Государь Владиславъ въ Вѣру «Греческую, и да будутъ приняты всѣ иныя «условія, оставленныя Гетманомъ на разрѣшеніе «Его Королевскаго Величества» ⁽⁵⁹⁶⁾.

И такъ Россіяне, бывъ недовольны собственнымъ желаніемъ Царя Василія умѣрить Самодержавіе ⁽⁵⁹⁷⁾, въ четыре года перемѣнили мысли и хотѣли еще болѣе ограничить верховную власть, удѣляя часть ея не только Боярамъ, въ правосудіи и въ налогахъ, но и *Земской Думѣ* въ гражданскомъ законодательствѣ ⁽⁵⁹⁸⁾? Они боялись не Самодержавія вообще (какъ увидимъ въ Исторіи 1613 года), но Самодержавія въ рукахъ иноплеменинаго, еще иновѣрнаго Монарха, избираемаго въ крайности, невольно и безъ любви, — и для того предни-

сали ему условія согласныя съ выгодами Боярскаго властолюбія и съ видами хитраго Жолкѣвскаго, который, любя вольность, не хотѣлъ приучить наследника Сигизмундова, будущаго Монарха Польскаго, къ безпредѣльной власти въ Россіи.

Утвердивъ договорную грамоту подписями и печатами — съ одной стороны Жолкѣвскій и всѣ его чиновники, а съ другой Бояре — звали народъ къ присягѣ. Среди Дѣвичьяго поля, въ сѣни двухъ шатровъ великолѣпныхъ, стояли два олтаря, богато украшенные; вокругъ олтарей Духовенство, Патріархъ, Святители, съ иконами и крестами, за Духовенствомъ Бояре и сановники, въ одеждахъ блестящихъ серебромъ и золотомъ; далѣе безчисленное множество людей, ряды конницы и пѣхоты, съ распущенными знаменами, Ляхи и Россіяне. Все было тихо и чинно. Гетманъ, съ своими Воеводами, вступилъ въ шатеръ, приблизился къ олтарю, положилъ на него руку и далъ клятву въ вѣрномъ соблюденіи условій, за Короля и Королевича, Республику Польскую и Великое Княжество Литовское, за себя и войско. Тутъ два Архіерея, обратясь къ Боярамъ и чиновникамъ, сказали громогласно: «Во-
Прися-
га Вла-
дисла-
ву.

«слаю Святѣйшаго Патріарха, Ермогена, «призываемъ васъ къ исполненію торже- «ственного обряда: цѣлуйте крестъ, вы,

«мужи Думные, все Чины и народъ, въ вѣрности къ Царю и Великому Князю Владиславу Сигизмундовичу, нынѣ благополучно избранному, да будетъ Россія, со всеми ея жителями «и достояніемъ, его наследственной Державою!» Раздался звукъ литавръ и бубновъ, громъ пушечный и кликъ народный: «Многія лѣта Государю Владиславу! да царствуетъ съ «побѣдою, миромъ и счастіемъ!» Тогда началась присяга: Бояре и сановники, Дворянство и купечество, воины и граждане, числомъ не менѣе трехъ сотъ тысячъ, какъ увѣряютъ ⁽⁵⁹⁹⁾, цѣловали крестъ съ видомъ усердія и благоговѣнія. Тогда измѣнники прежніе, Иванъ Салковъ, Волуевъ и клеветы ихъ, ревностные участники и главные пособники договора ⁽⁶⁰⁰⁾, обнялись съ Москвитянами, уже какъ съ братьями въ общей измѣнѣ Василю и въ общемъ подданствѣ Владиславу! . . . Гонцы отъ Думы Боярской сѣшили во все города, объявить имъ новаго Царя, конецъ смятеніямъ и бѣдствіямъ; а Гетманъ великолѣпнымъ пиромъ въ станѣ угостилъ знатнѣйшихъ Россіянъ, и каждого изъ нихъ одарилъ щедро, раздавъ имъ всю добычу Клушинской битвы, коней Азіатскихъ, богатые чаши, сабли, и не оставивъ ничего драгоцѣннаго ни себе, ни у своихъ чиновниковъ, въ надеждѣ на сокровища Московскія. Первый Вельможа, Князь Мстиславскій, отплатилъ ему такимъ же роскошнымъ пиромъ и такими же дарами богатыми.

Однимъ словомъ, умный Гетманъ достигъ цѣли — и Владиславъ, хотя только Москвою избранный, безъ вѣдома другихъ городовъ, и слѣдственно незаконно, подобно Шуйскому, остался бы, какъ вѣроятно, Царемъ Россіи и перемѣнилъ бы ея судьбу ослабленіемъ Самодержавія — перемѣнилъ бы тѣмъ, можетъ быть, и судьбу Европы на многіе вѣки, если бы отецъ его имѣлъ умъ Жолкѣвскаго!

Но еще крестъ и Евангеліе лежали на олтарахъ Дѣвичьяго поля, когда вручили Гетману грамоту Сигизмундову, привезенную Ѳеодоромъ Андроновымъ, Печатникомъ и Думнымъ дьякомъ ⁽⁶⁰¹⁾, усерднымъ слугою Ляховъ, измѣнникомъ Государства и Православія: Сигизмундъ писалъ къ Гетману, чтобы онъ занялъ Москву именемъ Королевскимъ, а не Владиславовымъ; о томъ же писалъ къ нему и съ другимъ, знатнѣйшимъ Посломъ, Гостѣвскимъ. Гетманъ изумился. Торжественно заключить и безстыдно нарушить условія; вмѣсто юноши безпорочнаго и любезнаго представить Россіи въ Вѣнценосцы стараго, коварнаго врага ея, виновника или питателя нашихъ мятежей ⁽⁶⁰²⁾, извѣстнаго ревнителя Латинской Вѣры и братства Іезуитскаго; дѣйствовать одною силою съ войскомъ малочисленнымъ противъ цѣлаго народа, ожесточеннаго бѣдствіями, озлобленнаго Ля-

Намѣ-
реніи
Сигиз-
мунда.

хами, казалось Гетману болѣе, нежели дерзостию — казалось безуміемъ. Онъ рѣшился исполнить договоръ, утаить волю Королевскую отъ Россіянъ и своихъ сподвижниковъ, сдѣлать требуемое честію и благомъ Республики, вопреки Сигизмунду и въ надеждѣ склонить его къ лучшей Политикѣ.

Согласно съ договоромъ, надлежало прежде всего отвлечь Ляховъ отъ Самозванца. Сей злодѣй думалъ ослѣпить Жолкѣвскаго разными льстивыми увѣреніями: клялся Царскимъ словомъ выдать Королю 300,000 злотыхъ, и въ теченіе десяти лѣтъ ежегодно платить Республикѣ столько же, а Королевичу 100,000 — завоевать Ливонію для Польши и Швецію для Сигизмунда — не стоять и за Сѣверскую землю, когда будетъ Царемъ ⁽⁶⁰³⁾; но Жолкѣвскій, извѣстивъ Санѣгу, что Россія есть уже Царство Владислава, убѣждалъ его присоединиться къ войску Республики, а бродягу упасть къ ногамъ Королевскимъ, обѣщая ему за такое смиреніе Гродно или Самборъ въ удѣлъ. Послы Гетмановы нашли Лжедмитрія въ Обители Угрѣшской ⁽⁶⁰⁴⁾, гдѣ жила Марина: выслушавъ ихъ предложеніе, онъ сказалъ: «хочу лучше жить въ избѣ крестьянской, нежели милостию Сигизмундовою!» Тутъ Марина вбѣжала въ горницу; пылая гнѣвомъ, злословила, поносила Короля, и съ насмѣшкою примолвила: «теперь слушайте мое предложеніе: пусть Сигизмундъ уступитъ Царю Димитрію Краковъ и возьметъ отъ него, въ знакъ милости, Варшаву» ⁽⁶⁰⁵⁾! Ля-

хи также гордились и не слушали Гетмана, который, видя необходимость употребить силу, вмѣстѣ съ Княземъ Мстиславскимъ и пятнадцатью тысячами Москвитянъ, выступилъ противъ своихъ мятежныхъ единоплеменцевъ. Уже начиналось и кровопролитіе ⁽⁶⁰⁶⁾; но малочисленное и худое войско Лжедмитріево не могло обѣщать себѣ побѣды: Сапѣга выѣхалъ изъ рядовъ, снялъ шапку предъ Жолкѣвскимъ, далъ ему руку въ знакъ братства — и чрезъ нѣсколько часовъ все умирилось. Ляхи и Россіяне оставили Лжедмитрія: первые объявили себя до времени слугами Республики; послѣдніе цѣловали крестъ Владиславу, и между ими Бояре Князя Туренинъ и Долгорукій, Воеводы Коломенскіе ⁽⁶⁰⁷⁾; а Са- ^{Бѣгство} мовзанецъ и Марина ночью (26 Августа) ^{Самозванца} усаkali верхомъ въ Калугу, съ Атама- ^{въ Ка-} номъ Заруцкимъ, съ шайкою Козаковъ, лугу. Татаръ и Россіянъ немногихъ.

Гетманъ дѣйствовалъ усердно: Бояре усердно и прямодушно. Началось безпрекословно царствованіе Владислава въ Москвѣ и въ другихъ городахъ: въ Коломнѣ, Тулѣ, Рязани, Твери, Владимирѣ, Ярославлѣ ⁽⁶⁰⁸⁾ и далѣе. Молились въ храмахъ за Государи новаго; все Указы писались, все суды производились его именемъ; спѣшили изобразить оное на медаляхъ и монетахъ ⁽⁶⁰⁹⁾. Многіе радовались искренно,

алкая тишины послѣ такихъ мятежей бурныхъ. Многіе — и въ ихъ числѣ Патріархъ — скрывали горестъ, не ожидая ничего добраго отъ Ляховъ. Всего болѣе торжествовали старые измѣнники Тушинскіе, первые имѣвъ мысль о Владиславѣ ⁽⁶¹⁰⁾: Михайло Салтыковъ, Князь Рубецъ-Мосальскій и Осдоръ Менцерскій, Дворяне Кологривовъ, Василій Юрьевъ, Молчановъ, бывъ дотолѣ у Сигизмунда, явился въ столицѣ съ видомъ лицемѣрнаго умиленія, какъ бы великодушные изгнанники и страдальцы за любовь къ отечеству, имъ возвращаемому, милостію Божіею, ихъ невинностію и добродѣтелию. Они цѣлою толпою пришли въ храмъ Успенія и требовали благословенія отъ Ермогена, который, велѣвъ удалиться одному Молчанову, мнимому еретику и чародѣю ⁽⁶¹¹⁾, сказалъ другимъ: «благословляю васъ, если вы дѣйствительно хотите добра Государству; но если вы «Ляхи душою, лукавствуете и замышляете гибель Православія, то клянусь васъ именемъ Церкви» ⁽⁶¹²⁾. Обливаясь слезами, Михайло Салтыковъ увѣрялъ, что Государство и Православіе спасены на вѣки — увѣрялъ, можетъ быть, непритворно, желая, чего желала столица вмѣстѣ съ знатною частію Россіи: Владиславова царствованія на заключенныхъ условіяхъ. Самъ Гетманъ не имѣлъ иной мысли, ежедневными письмами убѣждая Сигизмунда не разрушать дѣла, счастливо совершеннаго добрымъ Геніемъ Республики, а Бояръ Московскихъ плѣвля изо-

браженіємъ златаго вѣка Россіи подъ державою Вѣнденосца юнаго, любезнаго, готоваго внимать ихъ мудрымъ наставленіямъ и быть сильнымъ единственно силою закона ⁽⁶¹³⁾. Жолѣвскій не хотѣлъ Поли-
тика
Жолѣвска-
го. явно властвовать надъ Думою, довольствуясь единственно внушеніями и совѣтами. Такъ онъ доказывалъ ей необходимость изгладить въ сердцахъ память минувшаго общимъ примиреніемъ, забыть вину клеветовъ Самозванца, оставить имъ чины и дать всѣ выгоды Россіянь безпорочныхъ. Бояре не согласились, отвѣтствуя: «возможно ли слугамъ обманщика равняться съ нами?» . . . и *сдѣлали не благоразумно*, какъ мыслилъ Жолѣвскій: ибо многіе изъ сихъ людей, оскорбленные презрѣніемъ, снова ушли къ Самозванцу въ Калугу. Но Гетманъ умѣлъ выслать изъ Москвы двухъ человекъ, опасаясь ихъ знаменитости и тайнаго неудовольствія: Князя Василія Голицына, одобренаго Духовенствомъ искателя Державы, и Филарета, коего сыну желали вѣнца народъ и лучшіе граждане ⁽⁶¹⁴⁾: оба, какъ устроилъ Гетманъ, должны были, въ качествѣ Великихъ Пословъ, ѣхать къ Сигизмунду, чтобы вручить ему хартію Владиславова избранія, а Владиславу утварь Царскую, — требовать ихъ согласія на статьи договора, нерѣшенныя Гетманомъ,

и между тѣмъ служить Королю аманатами: отвѣтствовать своею головою за вѣрность Россіянъ ⁽⁶¹⁵⁾! Товарищами Филарета и Посольство къ
Королю. Голицына были Окольничій Князь Меценкій, Думный Дворянинъ Сукинъ, Дьяки Луговскій и Сыдавыи-Васильевъ, Архимандритъ Новоспасскій Евфимій, Келарь Лавры Аврамій, Угрѣшскій Игуменъ Іона и Вознесенскій Протоіерей Кириллъ ⁽⁶¹⁶⁾. Отпѣвъ молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ въ Соборѣ Успенскомъ, давъ Посламъ благословеніе на путь и грамоту къ юному Владиславу о величій и православій Россіи ⁽⁶¹⁷⁾, Ермогенъ заклиналъ ихъ не измѣнять Церкви, не плѣняться мірскою лестию — и ревностный Филаретъ съ жаромъ произнесъ обѣтъ умереть вѣрнымъ. Сіе важное, великолѣпное Посольство, сопровождаемое множествомъ людей чиновныхъ и пятью стами воинскихъ, выѣхало 11 Сентября изъ Москвы . . . а чрезъ десять дней Ляхи были уже въ стѣнахъ Кремлевскихъ!

Такимъ образомъ случилось первое нарушение договора, по коему надлежало Гетману отступить къ Можайску ⁽⁶¹⁸⁾. Употребили лукавство. Опасаясь непостоянства Россіянъ, и желая скорѣе имѣть все въ рукахъ своихъ, Гетманъ склонилъ не только Михайла Салтыкова съ Тушинскими измѣнниками, но и Мстиславскаго, и дру-

гихъ Бояръ легкоумныхъ, хотя и честныхъ, *требовать* вступленія Ляховъ въ Москву для усмиренія мятежной черни, будто бы готовою призвать Лжедмитрія ⁽⁶¹⁹⁾. Не слушали ни Патріарха, ни Вельможъ благоразумнѣйшихъ, еще ревностныхъ къ государственной независимости. Впустили иноземцевъ ночью; велѣли имъ свернуть знамена, идти безмолвно въ тишинѣ пустыхъ улицъ, ⁽⁶²⁰⁾ — и жители на разсвѣтъ увидѣли себя какъ бы плѣнниками между воинами Королевскими; изумились, негодовали, однакожь успокоились, въря торжественному объявленію Думы, что Лихи будутъ у нихъ не господствовать, а служить: хранить жизнь и достояніе Владиславовыхъ подданныхъ. Сіи мнимые хранители заняли всѣ укрѣпленія, башни, ворота въ Кремль, Китаѣ и Бѣломъ городѣ; овладѣли пушками и снарядами, расположились въ палатахъ Царскихъ и въ лучшихъ домахъ цѣлыми дружинами для безопасности. По крайней мѣрѣ не дерзали своевољствовать, ни грабить, ни оскорблять жителей; избрали чиновниковъ, для доставленія запасовъ войску, и судей для разбора всякихъ жалобъ. Гетманъ властвовалъ, но только указами Думы; изъяснялъ снисходительность къ народу, честилъ Бояръ и Духовенство. Дворецъ Кремлевскій, гдѣ шли и веселились соимы иноплемен-

Вступленіе
Полковъ въ
Москву.

ныхъ ратниковъ, уподоблялся шумной гостиницѣ; Кремлевскій домъ Борисовъ, занятый Жолкѣвскимъ, представлялъ благолѣпіе истиннаго дворца, ежечасно наполнясь, какъ въ Осодорово время ⁽⁶²¹⁾, знатнѣйшими Россіянами, которые искали тамъ совѣта въ дѣлахъ отечества и милостей личныхъ: такъ Гетманъ именемъ Царя Владислава далъ первому Боярину, Князю Мстиславскому, не хотѣвшему быть Вѣнценосцемъ, санъ *Конюшаго* и *Слуги* ⁽⁶²²⁾. Утративъ честь, хвалились тишиною, даромъ умнаго Жолкѣвскаго! Довольные тѣмъ, что онъ не впустилъ Сапѣги съ шайками разбойниковъ въ столицу, выдавъ ему изъ Царской казны 10,000 злотыхъ и склонивъ его итти на зиму въ Сѣверскую землю ⁽⁶²³⁾, Россіяне спокойно видѣли несчастнаго Василія въ рукахъ Ляховъ: вопреки намѣренію Бояръ удалить сего невольнаго Инока въ Соловки, Гетманъ послалъ его съ Литовскими Приставами въ Юсифовскую Обитель, чтобы имѣть въ немъ залогъ на всякій случай. Россіяне снесли также избраніе Ляха Госѣвскаго въ Предводители осьмнадцати тысячъ Московскихъ Стрѣльцевъ, которые со временъ Разстриги, едва не спасеннаго ими ⁽⁶²⁴⁾, уже чувствовали свою силу и могли быть опасны для иноплеменниковъ: Госѣвскій снискалъ ихъ любовь ласкою, щедростію и пирами. «Упорствовалъ въ зложелательствѣ къ намъ» — пишутъ Ляхи ⁽⁶²⁵⁾ — «только осьмидесятилѣтній «Патріархъ, боясь Государя иновѣрнаго; но и

«его, уже хладное, загрубѣлое сердце смягчалось привѣтливостію и любезнымъ обхожденіемъ Гетмана, въ частыхъ съ нимъ бесѣдахъ «всегда хвалившаго Греческую Вѣру, такъ, что «и Патріархъ казался наконецъ искреннимъ ему «другомъ.» Ермогенъ былъ другомъ единственно отечества, и въ глубокой старости еще пылалъ духомъ, какъ увидимъ скоро!

Утвердивъ спокойствіе въ Москвѣ, и занявъ отрядами всѣ города Смоленской дороги для безопаснаго сношенія съ Королемъ, Гетманъ ждалъ нетерпѣливо вѣстей изъ его стана; ждалъ согласія души слабой на дѣло смѣлое, великое — и рѣшительно увѣрялъ Бояръ въ немедленномъ прибытіи къ нимъ Владислава Но судьба, благословенная для Россіи, влекла ее къ другому назначенію, готова ей новыя искушенія и новыя имена для безсмертія!

Какъ несчастный Царь Василій съ своими братьями завидовалъ Князю Михаилу Шуйскому, такъ Сигизмундъ съ своими Панами завидовалъ Гетману, хотя слава обоихъ великихъ мужей была славою ихъ отечества и Государя: ослѣпленіе страстей, удивительное для разума, и тѣмъ не менѣе обыкновенное въ дѣйствіяхъ человѣческихъ! Недоброжелатели Гетмановы, Потоцкіе и друзья ихъ, говорили Королю: «Не «успѣхи случайные, но правила твердыя, вну- «шаемыя зрѣлою мудростію, должны быть намъ «руководствомъ въ дѣлѣ столь важномъ. Извле- «кая мечъ, ты, Государь, объявилъ, что ду-

«маешь единственно о благѣ Республики : теперь, имѣя случай распространить ея владѣнія, можешь ли упустить его только для чести видѣть сына на престолѣ Московскомъ? Отдашь ли пятнадцатилѣтняго юношу, безъ совѣтниковъ и блюстителей, въ руки людей упоенныхъ духомъ мятежа и крамолы? Что отвѣтствуетъ за ихъ вѣрность и безопасность сего престола, обліяннаго кровію? Не скажетъ ли народъ твой, ревнитель свободы, что ты плѣняешься властію Самодержавною? Если же Царство Россійское столь завидно, то, взявъ Смоленскъ, иди въ Москву, и собственною рукою, какъ побѣдитель, возьми ея державу» ⁽⁶²⁶⁾! Хотя разсудительные Вельможи, Левъ Сапѣга и другіе, умоляли Короля немедленно принять договоръ Гетмановъ, немедленно отпустить Владислава въ Москву, дать ему Жолкѣвскаго въ наставники и легіонъ Поляковъ въ блюстители, обогатить казну Республики казною Царскою, удовлетворить ея всѣмъ требованіямъ войска, — наконецъ утвердить вѣчный союзъ Литвы съ Россією; но Король слѣдовалъ мнѣнію первыхъ совѣтниковъ : хотѣлъ самъ быть Царемъ или завоевателемъ Россіи — и въ семъ расположеніи ждалъ Пословъ Московскихъ, Филарета и Голицына, коихъ личное избраніе — то есть, удаленіе — должно было содѣйствовать видамъ хитраго Гетмана ⁽⁶²⁷⁾, но обратилось единственно во славу ихъ великодушной твердости, безъ пользы для Литвы, безъ пользы и для Россіи,

кромя чести имѣть такихъ мужей государственныхъ!

Менѣ другихъ вѣря Гетману, или Сигизмунду, они еще съ дороги извѣстили Думу, что вопреки условіямъ Ляхи грабятъ въ Уѣздахъ Осташкова, Ржева и Зубцова; что Сигизмундъ велитъ Дворянамъ Россійскимъ присягать ему и Владиславу вмѣстѣ ⁽⁶²⁸⁾, обѣщая имъ за то жалованье и земли. 7 Октября Послы увидѣли Смоленскъ и станъ Королевскій, куда ихъ не пустили: указали имъ мѣсто на пустомъ берегу Днѣпра, гдѣ они расположились въ шатрахъ, терпѣть ненастье, холодъ и голодъ . . . Тѣ, которые предлагали Царство Владиславу, требовали нищизни отъ Сигизмунда, жалуясь на бѣдность, слѣдствіе долговременныхъ опустошеній и мятежей въ Россіи; а Вельможи Литовскіе отвѣчали: «Король здѣсь на войнѣ, и самъ терпитъ «нужду» ⁽⁶²⁹⁾! Представленные Сигизмунду (12 Октября), Голицынъ, Мезецкій и Дьяки, — одинъ за другимъ, какъ обыкновенно — торжественными рѣчами изъяснили дѣй-
ствія
по-
словъ
мо-
сков-
скихъ. вину своего Посольства, и сказавъ, что Шуйскій добровольно оставилъ Царство, именемъ Россіи били челомъ о Владиславѣ. Вмѣсто Короля, гордо отвѣтствовалъ Канцлеръ Сафѣга: «Всебѣчный Богъ боговъ назначилъ степени для Монарховъ и подданныхъ. Кто дерзаетъ возноситься выше

«своего званія, того Онъ казнитъ и низвергаетъ: казнилъ Годунова и низвергнулъ Шуйскаго, Вѣнценосцевъ рожденныхъ слугами!... «Вы узнаете волю Королевскую.» И чрезъ нѣсколько дней объявили имъ сію волю!

Какъ ни важны были статьи договора, устраниенныя Жолкѣвскимъ; хотя Патріархъ и Бояре въ наказѣ, данномъ Посламъ, велѣли имъ неотступно «требовать и *молить слезно*, чтобы Королевичъ» — находившійся тогда въ Литвѣ — «принялъ Греческую Вѣру отъ Филарета и Смоленскаго Епископа, ѣхалъ въ Москву уже православный, и тѣмъ отвратилъ соблазнъ, нетерпимый и въ Польшѣ, гдѣ Государи должны «быть всегда одной Вѣры съ народомъ» ⁽⁶³⁰⁾: но царствованіе Владислава зависѣло единственно отъ согласія Королевскаго на статьи утвержденныя Гетманомъ: ибо Россіяне цѣловали крестъ первому безъ всякой оговорки, довольствуясь *надеждою* склонить его къ своему Закону уже въ Царскомъ санѣ. Главнымъ дѣломъ для Пословъ было возвратиться въ Москву съ Владиславомъ, *дать отца сиротамъ* ⁽⁶³¹⁾, жизнь, душу составу государственному, полумертвому безъ Государя... И что же? Вельможи Королевскіе объявили имъ въ самомъ началѣ переговоровъ, что Владиславъ малолѣтний не можетъ устроить Царства смятеннаго; что Сигизмундъ долженъ прежде утишить оное и занять Смоленскъ, будто бы преклонный къ Лжедимитрію ⁽⁶³²⁾. Послы отвѣчали: «Королевичъ молодъ, но Богъ устроитъ

«Державу разумомъ его и счастиемъ, нашимъ радѣніемъ и вашими совѣтами, Вельможи Думные. Смоленскъ не имѣеть нужды въ войнахъ иноземныхъ: оказавъ столько вѣрности во времена самыя бѣдственныя, столько доблести въ защитѣ противъ васъ, измѣнить ли чести нынѣ, чтобы служить бродягѣ? Ручаемся вамъ душами за Боярина Шеина и гражданъ: они искренно, вмѣстѣ съ Россією, присягнутъ Владиславу» ⁽⁶³³⁾. Для чего же и не Сигизмунду? возразили Паны: *Государи суть земные Боги, и воля ихъ священна. Вы оскорбляете Короля своимъ недовпріемъ, дерзая раздѣлять отца съ сыномъ: Смоленскъ долженъ присягнуть имъ обоимъ. Филаретъ и Голицынъ изумились. «Мы избрали Владислава, а не Сигизмунда,» сказали они: «и вы, избравъ Шведскаго Принца въ Короли, не цѣловали креста родителю его, Іоанну.» Сравненіе нелпное! воскликнули Паны: Іоаннъ не спасалъ нашей Республики, какъ Сигизмундъ спасаетъ Россію: ибо, взявъ Смоленскъ, древнюю собственность Литвы, поидетъ съ войскомъ къ Калугѣ, чтобы истребить Лжедмитрія и тѣмъ успокоить Москву, гдѣ еще не все жители усердствуютъ Королевичу, — гдѣ много людей зломысленныхъ и мятежныхъ. «Нѣтъ надобности Сигизмунду» — говорили Послы — «и для великаго Монарха унижительно итти самому противъ злодѣя Калужскаго: пусть велитъ только Жолкѣвскому соединиться съ Россіянами, чтобы общими силами истребить его,*

«какъ уставлено въ договорѣ! Походъ Королев-
 «скій внутри Государства разореннаго еще умно-
 «жилъ бы зло. Ты, Левъ Сапѣга, бывалъ въ
 «Россіи; зналъ ея богатство, многолюдство,
 «цвѣтущіе города и селенія: нынѣ осталась
 «единственно тѣнь ихъ, пепелища, обгорѣлыя
 «стѣны; жители изгнаны, отведены плѣнниками
 «въ Литву, разбѣжались въ инныя земли А
 «кто виною? ваши грабители еще болѣе, нежели
 «Самозванцы: да удалятесь же на вѣки, и Россія
 «будетъ, что была, — по крайней мѣрѣ въ тече-
 «ніе времени. Гнусный Лжедмитрій и безъ ва-
 «шего содѣйствія исчезнетъ. Упорнѣйшіе изъ
 «клеветовъ Тушинскихъ и цѣлыя города, оболь-
 «щенные именемъ Дмитрія, возвратились подъ
 «сѣнь отечества, какъ скоро слышали о новомъ
 «Царѣ законномъ. Вы говорите о Московскихъ
 «мятежникахъ: ихъ не знаемъ, видѣвъ соб-
 «ственными глазами, что всѣ, *отъ мала до ве-*
 «*лика*, и тамъ и въ другихъ городахъ цѣловали
 «крестъ Владиславу съ живѣйшею радостію.
 «Нѣтъ, Синклитъ и народъ немедленно казнили
 «бы перваго, кто дерзнулъ бы измѣнить святому
 «обѣту вѣрности. Однимъ словомъ, исполните
 «только договоръ, утвержденный клятвою Гет-
 «мана отъ имени Короля и Республики. Дѣло
 «было кончено, къ обоюдному удовольствію:
 «не вымышляйте новаго, чтобы *нашедши не по-*
 «*терять и не каяться* ⁽⁶³⁴⁾. Въ случаѣ вѣролом-
 «ства, какія откроются бѣдствія! Вы знаете, что
 «Государство Московское обширно: еще не все

«разрушено, не все пало; есть Новгородъ Великій, многолюдная земля Поморская и Низовая ⁽⁶³⁵⁾; есть Царство Казанское, Астраханское и Сибирское! Не снесутъ обмана, и возстанутъ Господь да спасетъ и васъ и насъ отъ слѣдствій ужасныхъ!»

Послы велѣли Дьяку читать Гетмановы условія: Паны не хотѣли слушать ⁽⁶³⁶⁾; но вдругъ какъ бы одумались, и ссылаясь на сей договоръ ⁽⁶³⁷⁾, требовали милліоновъ въ уплату жалованья Королевскому и даже Сапѣгину войску «За то ли, спросилъ Голицынъ, что «Сапѣга, клеветъ низкаго злодѣя, обнажилъ «наши церкви, иконы, гробы Святыхъ, и пилъ «кровь Христіанъ? Да и войско Королевское что «сдѣлало и дѣлаетъ въ Россіи? губить людей и «достояніе; какое право на мзду и благодар- «ность? Но когда успокоится Держава, тогда «Царь Владиславъ, Патріархъ, Бояре и Чины «Государственные условятся съ Сигизмундомъ о «вознагражденіи вашихъ убытковъ. Договоръ «помнимъ; хотѣли напомнить его вамъ, и спра- «шиваемъ: даетъ ли Король сына на престолъ «Московскій?» . . . *Жалуетъ*, сказали наконецъ Паны (Октября 23). Тутъ Филаретъ, Голицынъ, Мезецкій, встали и поклонились до земли, изъявляя радость, славя мудрость Сигизмундову и счастливое царствованіе Владислава; а Левъ Сапѣга, въ отвѣтъ на статьи, нерѣшенныя Гетманомъ, объявилъ Королевскимъ именемъ: 1) что въ крещеніи и женитьбѣ Владислава воленъ Богъ

и Владиславъ (⁶³⁸); 2) что онъ не будетъ сноситься о Вѣрѣ съ Папою; 3) что смертная казнь для отметниковъ Греческаго исповѣданія въ Россіи (⁶³⁹) утверждается; 4) что о числѣ Ляховъ, коимъ быть при особѣ Царя, Послы могутъ условиться съ нимъ самимъ; 5) что всѣ иныя желанія и требованія Россіянъ предложатся Сейму въ Варшавѣ, гдѣ, *съ его согласія*, Король дастъ имъ сына въ Цари, но прежде занявъ Смоленскъ, истребивъ Лжедимитрія и совершенно умиривъ Россію . . . Тутъ исчезла радость Пословъ! Паны изъясняли имъ, что если бы Сигизмундъ, не сдѣлавъ ничего, выступилъ изъ Россіи, то вольные Ляхи и Козаки, числомъ не менѣе осьмидесяти тысячъ въ ся предѣлахъ (⁶⁴⁰), соединились бы съ Лжедимитріемъ; что Король хочетъ Смоленска не для себя, а для Владислава: ибо оставитъ ему все въ наслѣдство, и Литву и Польшу; что Смоленскіе граждане должны присягнуть Королю единственно изъ чести! Но Филаретъ и Голицынъ, видя намѣреніе Сигизмунда только манить Россію Владиславомъ и взять ее себѣ въ добычу, или раздробить, выразили негодованіе столь сильно, что гнѣвные Паны уже не хотѣли говорить съ ними, воскликнувъ: «конецъ терпѣнію и Смоленску! На васъ будетъ его пепелъ и кровь жителей!»

О семъ худомъ успѣхѣ Посольства свѣдали въ Москвѣ съ равною горестію и Бояре благонамѣренныя и Гетманъ честодюбивый, кото-

рый, все еще увѣряя ихъ въ непремѣн-
номъ исполненіи своего договора, рѣшил-
ся употребить крайнее средство: оставить
Москву, только имъ утишаемую, и лично
объясниться съ Королемъ. Сами Россіяне
удерживали, заклинали его не предавать
столицы опасностямъ безначалія и мяте-
жей. Пожавъ руку у Князя Мстиславскаго,
онъ сказалъ ему: «ѣду довершить мое дѣло
«и спокойствіе Россіи;» а Ляхамъ: «я далъ
«слово Боярамъ, что вы будете вести себя
«примѣрно для вашей собственной безо-
«пасности; поручаю вамъ Царство Влади-
«слава, честь и славу Республики.» Преем-
никомъ его, то есть, истиннымъ градоначаль-
никомъ Москвы, надлежало быть Ляху
Госѣвскому, съ усердною помощію Ми-
хайла Салтыкова и Дьяка Ѳедора Андро-
нова, названнаго Государственнымъ Казна-
чеемъ ⁽⁶⁴¹⁾. Устроивъ все для храненія ти-
шины, Жолкѣвскій сѣлъ въ колесницу и
тихо ѣхалъ Москвою, провождаемый Син-
клитомъ и толпами жителей. Улицы и
кровли домовъ были наполнены людьми.
Вездѣ раздавались громкіе клики: желали
ему счастливаго пути и скорого возвра-
щенія! Сіе торжество Гетманово озна-
меновалось дѣломъ безславнѣйшимъ для
Боярской Думы: она выдала бывшаго
Царя своего иноплеменнику! Жолкѣвскій
взялъ съ собою двухъ братьевъ Василіе-

О т ѣ -
ѣ з д ѣ
Ж о л -
к ѣ в с к а -
го.

Ш у й -
ск і й
п р е -
д а н ѣ
П о л я -
камъ.

выхъ — и народъ Московскій любопытно смотрѣлъ, какъ ихъ везли въ особенныхъ колесницахъ предъ Гетманомъ! Жена Князя Дмитрія Шуйскаго дозволили ѣхать съ мужемъ ⁽⁶⁴²⁾; а несчастную Царицу удалили въ Суздальскую Дѣвичью Обитель. Гетманъ заѣхалъ въ Іосифовъ монастырь, взялъ тамъ самаго Василя и въ мірской, Литовской одеждѣ, какъ узника, повезъ къ Сигизмунду! «О время стыда и безчувствія!» восклицаетъ современникъ: «Мы забыли Бога! Какой отвѣтъ дадимъ Ему и людямъ? Что скажемъ чужимъ Государствамъ себѣ въ оправданіе, самовольно отдавъ Царство и Царя въ плѣнъ иновѣрнымъ? Не многіе злодѣйствовали; но мы видѣли и терпѣли, «не имѣвъ великодушія умереть за добродѣтель» ⁽⁶⁴³⁾. Такъ лучшіе Россіяне скорбѣли внутренно, и въ искреннемъ негодованіи готовились, еще не зная и не думая, къ возстанію отчаянному: часъ приближался!

Гетмана встрѣтили пышно, Воеводы Королевскіе и Сенаторы; говорили ему рѣчи и славили его какъ Героя. Жолкѣвскій, вмѣстѣ съ трофеями, представилъ Сигизмунду и своего Державнаго плѣнника, въ богатой одеждѣ ⁽⁶⁴⁴⁾. Всѣ взоры устремились на Василя, безмолвнаго и неподвижнаго. Хотѣли, чтобы онъ поклонился Королю: *Царь Московскій, отвѣтствовалъ Василій, не кланяется Королямъ. Судьбами Всевышняго я плѣнникъ, но взять не вашими руками: выданъ вамъ моими подданными*

измыслили (643). «Его твердость, величіе, «разумъ заслужили удивленіе Ляховъ,» говоритъ Лѣтописецъ: «и Василій, лишенный вѣн-
«ца, сдѣлался честію Россіи.» Онъ еще имѣлъ
пужду въ сей твердости, чтобы великодушно
спосить неволю, и тѣмъ заплатить послѣдній
долгъ отечеству, въ удостовѣреніе, что оно
могло безъ стыда именовать его четыре года
своимъ Вѣнцепосцемъ! . . . Изъявивъ Гетману
благодарность за мнимую славу имѣть такого
илѣянника и за мнимое *взятіе* Москвы, Король
не хотѣлъ однакожь утвердить его договора.
Напрасно Жолкѣвскій доказывалъ, грозилъ:
доказывалъ, что воцареніемъ Королевича Мо-
сковская и Польская Держава будутъ навѣки
единою къ ихъ обоюдному счастью, и что ни-
когда первая не признаетъ Сигизмунда Царемъ;
грозилъ новою, жестокою, необозримою въ
бѣдствіяхъ войною. Считая Гетмана пристраст-
нымъ къ своему дѣлу и жаднымъ къ личной
славѣ, Сигизмундъ не вѣрилъ ему; твердилъ,
что занятіе Смоленска необходимо для блага
Республики и для его Королевской чести; на-
конецъ велѣлъ самому Жолкѣвскому склонять
Пословъ Московскихъ къ уступчивости миро-
любивой.

Съ отчаяніемъ въ сердцѣ Гетманъ долженъ
былъ исполнить Королевскую волю; но, вла-
ствуя надъ собою, въ переговорахъ съ Филаре-
томъ и Голицынымъ казался убѣжденнымъ въ
ея справедливости, и требовалъ отъ нихъ Смо-

ленска единственно въ залогъ временный, для безопаснаго сообщенія войска Сигизмундова съ Литвою. «Вы боялись» — сказалъ онъ — «впустить насъ и въ Москву; а впустивъ, радовались! Не упорствуйте, или договоръ, заключенный мною съ вами, столь благонамѣренный, столь благословенный для обѣихъ Державъ, уничтожится неминуемо. Король думаетъ, что не взять Смоленска есть для него безчестіе; возметъ силою, и только изъ уваженія къ моему ходатайству медлитъ: съкира лежитъ у корня!» Не хотѣли дать времени Посламъ описатьъ съ Москвою, говоря: «не Москва указываетъ Королю, а Король Москвѣ» ⁽⁶⁴⁶⁾; требовали неукоснительнаго рѣшенія. Въ сихъ обстоятельствахъ Филаретъ и Князь Голицынъ совѣтовались съ чиновниками и Дворянами Посольскими; желали знать мнѣніе и *Смоленскихъ* Дѣтей Боярскихъ, которые пріѣхали съ ними, усердно служивъ Шуйскому до его низверженія. Всѣ отвѣтствовали: «Не вводить въ Смоленскъ ни единого Ляха. Если Король дерзнетъ лить кровь, то она будетъ на немъ, въроломномъ; имъ, не вами священной договоръ рушится.» Дѣти Боярскіе примолвили: «Наши матери и жены въ Смоленскѣ: пусть тамъ гибнутъ; но города вѣрнаго не отдавайте Ляхамъ. И знайте, что вы не можете отдать его: защитники Смоленскіе не послушаются васъ, какъ измѣнниковъ» ⁽⁶⁴⁷⁾. Съ твердостью отказавъ Панамъ, Филаретъ и Голицынъ еще слезно заклинали ихъ не испровергать дѣла Гетманова

и быть навѣки братьями Россіянъ ; но тщетно ! 21 Ноября Ляхи , новымъ подкопомъ взорвавъ Грановитую башню и часть городской стѣны , съ Нѣмцами и Козаками устремились къ Смоленской крѣпости ; приступали три раза и были славно отражены Шейнымъ , въ глазахъ Сигизмунда , Гетмана и нашихъ Пословъ ! . . . Еще переговоры длились , хотя и бесполезно . Послы Россійскіе жили въ тѣсномъ заключеніи : имъ не позволяли писать въ Смоленскъ ; мѣшали сношеніямъ ихъ съ Москвою и съ другими городами , такъ , что они долгое время не имѣли никакихъ вѣстей , никакихъ предписаній отъ Думы Боярской ⁽⁶¹⁸⁾ , слыша единственно отъ Пановъ , что Шведы воюють Россію , и Самозванецъ усиливается въ Калугѣ , ожидая къ себѣ Крымцевъ и Турковъ въ сподвижники ; что Король Датскій готовится взять Архангельскъ ; что всѣ возстають , всѣ идутъ на Россію ; что она гибнетъ , и можетъ быть спасена только великодушнымъ Сигизмундомъ .

Россія дѣйствительно гибла , и могла быть спасена только Богомъ и собственною добродѣтелію ! Столица , безъ осады , безъ приступа взятая иноплемениками , казалась печувствительною къ своему уничтоженію и стыду . Бояре сидѣли въ Думѣ и писали указы , но слушаясь Гостѣвскаго , который , уже зная Сигизмундову волю

Не-
удач-
ны е
при-
ступы
къ Смо-
ленску.

отвергнуть договоръ Гетмановъ, и предвидя слѣдствія, употреблялъ все нужныя мѣры для своей безопасности: высылалъ Стрѣльцевъ изъ Москвы, чтобы уменьшить въ ней число людей ратныхъ; велѣлъ истребить все рогатки на улицахъ ⁽⁶⁴⁹⁾; запретилъ жителямъ носить оружіе, толпиться на площадяхъ, выходить ночью изъ домовъ, и вездѣ усилилъ стражу ⁽⁶⁵⁰⁾. Выгнали Дворянъ и богатѣйшихъ купцевъ изъ Китая и Бѣлаго города за валъ Деревяннаго, чтобы въ ихъ домахъ помѣстить Нѣмцевъ и Ляховъ. Однакожь благоразумныя предписанія Гетмановы исполнялись строго: не касались ни чести, ни собственности жителей, ни святыни церквей; наглость унимали и наказывали безъ милосердія. Одинъ Ляхъ выстрѣлилъ въ икону Богоматери, другой обезчестилъ дѣвицу: ихъ судили, и первого сожгли, а второго высѣкли кнутомъ ⁽⁶⁵¹⁾. Еще тишина царствовала, и Москвитяне провалили съ Ляхами, скрывая взаимное опасеніе и непріязнь, называясь братьями и *нося камень за пазухою*, какъ говоритъ Историкъ-очевидецъ ⁽⁶⁵²⁾. Ляхи не вѣрили терпѣнію Россіянъ, а Россіянне доброму намѣренію Ляховъ, видя ихъ беззаконное господство въ столицѣ, угодное только немногимъ знатымъ крамольникамъ: Салтыкову, Рубцу-Мосальскому и другимъ Тушинскимъ злодѣямъ, которые хотя и предлагали иноплеменнику условія благовидныя для нашей свободы, но вмѣсто Владислава готовы были отдать

Россію и Сигизмунду безъ всякихъ условій, чтобы подъ его державою спастися отъ праведной казни. Сильные мечемъ Ляховъ, они законодательствовали въ робкой Думѣ, утверждая Князя Мстиславскаго и другихъ Боярѣ слабыхъ въ надеждѣ, что Сигизмундъ дастъ имъ сына въ Цари, не взирая на свою медленность и требованія несправедливыя. Прошло около двухъ мѣсяцевъ. Дума знала, что наши Послы живутъ у Короля въ неволѣ; знала о приступѣ Ляховъ къ Смоленску, и все еще ждала Владислава ⁽⁶⁵³⁾! Долго молчавъ, Король написалъ къ ней, что онъ не предастъ Россіи въ жертву злодѣю Калужскому и гнуснымъ его сообщникамъ ⁽⁶⁵⁴⁾: долженъ искоренить ихъ, смирить мятежный Смоленскъ — и тогда возвратится въ Литву, чтобы на Сеймѣ, въ присутствіи нашихъ Пословъ, утвердить договоръ Московскій. Между тѣмъ Король *отъ собственного имени* давалъ указы Думѣ о вознагражденіи Боярѣ и сановниковъ, къ нему усердныхъ: Салтыковыхъ, Мосальскаго, Хворостинина, Мещерскаго, Долгорукаго, Молчанова, Печатника Грамотина и другихъ, разоренныхъ Шуйскимъ ⁽⁶⁵⁵⁾; жаловалъ чины и мѣста, земли и деньги; однимъ словомъ, уже дѣйствовалъ какъ Властелинъ Россіи, не имѣя ни тѣни права, — и Дума уважала его волю, какъ

С а м о-
в л а с т і е
С и г и з-
м у н д а.

будто бы нераздѣльную съ волею Царя малолѣтнаго ⁽⁶⁵⁶⁾! И люди знатные ѣздили изъ Москвы въ станъ Королевскій, просить милостей, равно незаконныхъ и срамныхъ ⁽⁶⁵⁷⁾! . . . Уже народъ, менѣе Думы терпѣливый, изъясняя досаду, не видя Владислава, и Бояре, опасаясь мятежа, заклинали Сигизмунда удовлетворить сему нетерпѣнію безъ отлагательства и безъ Сейма: о Владиславѣ не было слуха, а Король заботился единственно о взятіи Смоленска!

Въ такомъ положеніи могла ли столица съ ея мнимымъ Правительствомъ быть главою и душею Государства? Все волновалось въ неустройствѣ, безъ связи въ частяхъ цѣлаго, безъ единства въ движеніяхъ. Областные жители, присягнувъ Королевичу, съ неудовольствіемъ слышали о господствѣ Ляховъ въ столицѣ, съ негодованіемъ видѣли ихъ чиновниковъ, разосланныхъ Гетманомъ и Госѣвскимъ для собранія дани на жалованье Королевскому войску ⁽⁶⁵⁸⁾. Вездѣ кричали: «Мы прися-
Петер-
п ѣ н і е
народа. «гали Владиславу, а не Гетману и не Го-
«сѣвскому!» Жалобы еще удвоились отъ неистовства Ляховъ, которые вели себя благоразумно въ одной Москвѣ: презирая договоръ, они не только не выходили изъ нашихъ городовъ, не только самовольствова-
вали въ нихъ и грабили, но и жгли, му-

чили, убивали Россіяны (659). Гдѣ нѣтъ защиты отъ Правительства, тамъ нѣтъ къ нему и повиновенія. Новогородцы затворили ворота, и долго не хотѣли впустить Боярина Ивана Салтыкова, извѣстнаго друга Гетманова, присланнаго къ нимъ Думою съ дружинами Стрѣльцевъ, чтобы выгнать Шведовъ изъ сѣверной Россіи: ибо союзникъ Делагарди, послѣ несчастной Клу-
Непріятельскія дѣйствія Делагарди.
 шинской битвы отступая къ Финляндскимъ границамъ, уже дѣйствовалъ какъ непріятель; занявъ Ладогу, осадилъ Кексгольмъ, и съ горстію воиновъ мыслить отнять Царство у Владислава, самъ собою, безъ вѣдома Карлова, торжественно предлагая одного изъ Шведскихъ Принцевъ намъ въ Государи (660). Давъ клятву Новогородцамъ не вводить къ нимъ ни одного Ляха, Салтыковъ убѣдилъ ихъ, какъ подданныхъ Владиславовыхъ, содѣйствовать ему въ изгнаніи Шведовъ и въ усмиреніи мятежниковъ: вытѣснилъ первыхъ изъ Ладоги, но не могъ выгнать изъ Россіи, — ни смирить Пскова, гдѣ еще царствовало имя Лжедмитрія, и гдѣ злодѣйствовалъ Лисовскій (661), торгуя добычею разбоевъ и
Злодѣйства Лисовскаго.
 святотатства, пируя съ жителями какъ съ братьями и грабя ихъ какъ непріятель (662). Великія Луки, занятые его сподвижникомъ, измѣнникомъ Просовецкимъ, Яма, Иванъгородъ, Копорье, Орѣшекъ также

Измѣна
Казани.

упорствовали въ вѣрности къ Самозванцу, отъ ненависти къ Ляхамъ. Сія ненависть произвела тогда еще новую, разительную измѣну. Знаменитая именемъ Царства, Казань, въ счастливѣйшіе дни Тушинскаго злодѣя бывъ вѣрною Москвѣ (⁶⁶³), вдругъ пристала къ нему, уже почти всѣми отверженному и презрѣнному! Ея чернь и граждаже, свѣдавъ о вступленіи Гетмана въ столицу, возмутились; объявили, что лучше хотятъ служить Калужскому Царику, нежели зловѣрной Литвѣ, и цѣловали крестъ Лжедимитрію, слѣдуя внушенію лазутчиковъ и слугъ его, которые были имъ тогда посланы въ Астрахань и находились въ Казани (⁶⁶⁴). Воевода, славный любимецъ Іоанновъ, Бѣльскій, уговаривалъ народъ не присягать ни Владиславу, ни Лжедимитрію, а *будущему* Вѣнценосцу Московскому, безъ имени; стыдилъ, заклиналъ — и былъ жертвою яростной черни, подстрекаемой Дьякомъ Шульгинымъ: Бѣльскаго схватили, кинули съ высокой башни и растерзали — того, кто служилъ шести Царямъ, не служа ни отечеству, ни добродѣтели; лукавствовалъ, измѣнялъ.... и погибъ въ лучшій часъ своей государственной жизни, какъ страдалецъ за достоинство народа Россійскаго (⁶⁶⁵)! Другой Воевода Казанскій, Бояринъ Морозовъ, и люди чиновные не дерзнули противиться

ослѣпленнымъ гражданамъ, и вмѣстѣ съ ними писали къ жителямъ сѣверныхъ областей, что Москва сдѣлалась Литвою, а Калуга столицею отечества; что имя Димитрія должно соединить всѣхъ истинныхъ Россіянъ для возстановленія Государства и Церкви ⁽⁶⁶⁶⁾. Но Казанцы присягнули уже тѣни!

Никѣмъ не тревожимый въ Калугѣ и до времени нужный Сигизмунду какъ пугалище для Москвы, Самозванецъ, имѣя тысячъ пять Козаковъ, Татаръ и Россіянъ, еще грозилъ и Москвѣ и Сигизмунду, мучилъ Ляховъ, захватываемыхъ его шайками въ разбѣздахъ ⁽⁶⁶⁷⁾, и говорилъ: «Христіане мнѣ измѣнили: и такъ «обращусь къ Магометанамъ; съ ними завоюю «Россію, или не оставляю въ ней камня на камнѣ: доколѣ я живъ, ей не знать покоя.» Онъ думалъ, какъ пишутъ, удалиться въ Астрахань, призвать къ себѣ всѣхъ Донцевъ и Ногаевъ, основать тамъ новую Державу и заключить братскій союзъ съ Турками! Между тѣмъ веселился, безумствовалъ, и хваляся дружбою Магометанъ, то ласкалъ, то казнилъ ихъ, на свою гибель. Судьба его рѣшилась внезапно. Ханъ или Царь Касимовскій, Уразъ-Магметъ, во время Лжедимитріева бѣгства изъ Тушина не присталъ ни къ Ляхамъ, ни къ Россіянамъ, и съ новымъ усердіемъ явился къ нему въ Калугѣ; но сынъ Ханскій донесъ, что отецъ его мыслить тайно уѣхать въ Москву, — и Лжедимитрій, безъ всякаго изслѣдованія, велѣлъ палачамъ своимъ,

Михайлу Бутурлицу и Михневу, умертвить несчастнаго Уразъ-Магмета ⁽⁶⁶⁸⁾ и кинуть въ Оку; а Князя Ногайскаго, Петра Араслана Урусова, хотѣвшаго метить сыну-клеветнику, посадилъ въ темницу. Чрезъ нѣсколько дней освобожденный и снова ласкаемый Самозванцемъ, Арасланъ уже пылалъ злобою непримиримою, и выѣхавъ съ нимъ на охоту (Декабря 11), въ мѣстѣ уединенномъ прострѣлилъ его насквозь пулею, сказавъ: «я научу тебя топить Ха-«новъ и сажать Мурзъ въ темницу,» отсѣкъ ему голову, и съ Ногаями ушелъ въ Тавриду, прославивъ себя злодѣйскимъ истребленіемъ злодѣя, который едва не овладѣлъ обширнѣйшимъ Царствомъ въ мірѣ, къ стыду Россіи не имѣвъ ничего, кромѣ подлой души и безумной дерзости.

Смерть
Само-
званца.

Съ вѣстію о семъ убійствѣ прискакалъ въ Калугу шутъ Ажедимитріевъ, Кошелевъ, бывъ свидѣтелемъ онаго. Сдѣлалось страшное смятеніе. Ударили въ набатъ. Марина отчаянная, полунагая, ночью съ зажженнымъ факеломъ бѣжала изъ улицы въ улицу, требуя мести ⁽⁶⁶⁹⁾ — и къ утру не осталось ни единаго Татарина живаго въ Калугѣ: ихъ всѣхъ, хотя и невинныхъ въ Араслановомъ дѣлѣ, безжалостно умертвили Козаки и граждане. Обезглавленный трупъ Ажедимитріевъ съ честію предали землѣ въ Соборной церкви ⁽⁶⁷⁰⁾, и Марина,

въ отчаяніи не теряя ни ума, ни властолюбія, немедленно объявила себя беременною; немедленно и родила . . . сына, торжественно крещеннаго и названнаго Царевичемъ Іоанномъ, къ живѣйшему удовольствію народа. Готовился новый обманъ; по Россіянѣ чиновные, которые еще находились между послѣдними клеветами Самозванца: Князь Дмитрій Трубецкій, Черкасскій ⁽⁶⁷¹⁾, Бутурлинъ, Микулинъ и другіе, уже не хотѣли служить ни срамной вдовѣ двухъ обманщиковъ, ни ея сыну, дѣйствительному или мнимому; цѣловали крестъ Государю законному, тому, кто волею Божіею и всенародною утвердился на Московскомъ престолѣ ⁽⁶⁷²⁾; дали знать о семъ Думѣ Боярской; овладѣли Калугою и взяли Марину подѣ стражу ⁽⁶⁷³⁾.

Россія, казалось, ждала только сего происшествія, чтобы единодушнымъ движеніемъ явить себя еще не мертвою для чувствъ благородныхъ: любви къ отечеству и къ независимости государственной. Что можетъ народъ, въ крайности уничтоженія, безъ вождей смѣлыхъ и рѣшительныхъ? Два мужа, избранные Провидѣніемъ начать великое дѣло . . . и быть жертвою онаго, бодрствовали за Россію: одинъ старецъ ветхій, но адамантъ Церкви и Государства — Патріархъ Ермогенъ; другой, крѣпкій мышцею и духомъ, стремитель-

Новый
обманъ.

Началь-
никъ
возста-
нія на-
родна-
го.

ный на пути закона и беззаконія — Лянуновъ Рязанскій. Первому надлежало увѣнчать свою добродѣтель : второму примириться съ добродѣтелию. Лянуновъ враждовалъ, Ермогенъ усердствовалъ несчастному Шуйскому : новыя бѣдствія отечества согласили ихъ. Оба, уступивъ силѣ, признали Владислава, но съ условіемъ — и не безмолвствовали, когда, нарушая договоръ, Гетманъ овладѣлъ столицей. Сигизмундъ давалъ указы отъ своего имени и громилъ Смоленскъ, а Ляхи злодѣйствовали въ мнимомъ Владиславовомъ Царствѣ ⁽⁶⁷⁴⁾. Лянуновъ зналъ все, что дѣлалось въ Королевскомъ станѣ, гдѣ находился его братъ, въ числѣ Дворянъ, съ Филаретомъ и Голицынымъ. Сей человекъ дерзкій и лукавый — извѣстный Захарія, одинъ изъ главныхъ виновниковъ Василіева низверженія, въ личинѣ измѣнника пировалъ съ Вельможными Панами, грубо смѣялся надъ Послами, вишилъ ихъ въ упрямствѣ ⁽⁶⁷⁵⁾, но обманывалъ Ляховъ : наблюдалъ, вывѣдывалъ, и тайно сносился съ братомъ, какъ ревностный противникъ Владиславова царствованія ⁽⁶⁷⁶⁾. Такъ и нѣкоторые изъ Пословъ, свѣтскіе и духовные, лицемерно изъявляли доброжелательство къ Сигизмунду и были милостиво уволены имъ въ Москву, обѣщая содѣйствовать въ ней его видамъ : Думный Дворянинъ Сукинъ, Дьякъ Васильевъ, Архимандритъ Евфимій и Келарь Аврамій ⁽⁶⁷⁷⁾; но возвратились единственно для того, чтобы огласить въ столицѣ и въ Россіи вѣроломство Гетма-

ново или Сигизмундово. — Уже Ермогенъ въ искреннихъ бесѣдахъ съ людьми надежными, Ляпуновъ въ перепискѣ съ Духовенствомъ и чиновниками областей, убѣждалъ ихъ не терпѣть насплія иноплемениковъ. Убѣжденія дѣйствовали, негодованіе возрастало — и какъ скоро услышали Москвитяне о смерти Лжедмитрія, страшилища для ихъ воображенія, то, радуясь и славя Бога ⁽⁶⁷⁸⁾, вдругъ заговорили смѣло о необходимости соединиться душами и головами для изгнанія Ляховъ. Тщетно Сигизмундъ — уже знавъ, вѣроятно, о гибели Самозванца, и лишась предлога оставаться въ Россіи, будто бы для его истребленія — писалъ (отъ 13 Декабря) къ Болрамъ, что «Владиславъ скоро будетъ въ Москву, а войско Королевское идетъ противъ «Калужскаго злодѣя» ⁽⁶⁷⁹⁾: Россія уже не хотѣла Владислава! Дума, въ своемъ отвѣтѣ, благодарила Сигизмунда за милость, требуя однакожь скорости, и прибавляя, что Россіяне уже не могутъ терпѣть сиротства, *будучи стадомъ безъ пастыря или великимъ зѣремъ безъ главы* ⁽⁶⁸⁰⁾; но Патріархъ, удостовѣренный въ единомысліи добрыхъ гражданъ, объявилъ торжественно, что Владиславу не царствовать, *если не крестится въ нашу вѣру* и не выплетъ всѣхъ Ляховъ изъ Державы Московской ⁽⁶⁸¹⁾. Ермогенъ сказалъ: столица и Государство повторили. Уже не довольствовались ропотомъ. Москва, подъ саблею Ляховъ, еще не двигалась, ожидая часа; но въ предѣлахъ сосѣдственныхъ блеснули мечи

Грамо-
ты Смо-
лянъ и
Москви-
танъ.

и конья : начали вооружаться. Городъ сно-
сился съ городомъ ; писали и наказывали
другъ къ другу словесно , что пришло вре-
мя стать за Вѣру и Государство. Особен-
ное дѣйствіе имѣли двѣ грамоты , всюду
разосланныя изъ Москвы : одна къ ся жи-
телямъ отъ *Упѣдныхъ* Смоленъ , другая отъ
Москвитянъ ко всеѣмъ Россіянамъ. Смо-
ляне писали : «Оболенные Королемъ , мы
«ему не противились. Что же видимъ? ги-
«бель душевную и тѣлесную. Святые цер-
«кви разорены ; ближніе наши въ могилѣ
«или въ узахъ. Хотите ли такой же доли?
«Вы ждете Владислава , и служите Ляхамъ ,
«угождая извергамъ , Салтыкову и Андро-
«нову ; но Польша и Литва не уступятъ
«своего будущаго Вѣнценосца вамъ , ослав-
«леннымъ измѣнами ⁽⁶⁸²⁾. Нѣтъ , Король и
«Сеймъ , долго думавъ , рѣшились взять
«Россію безъ условій , вывести ея лучшихъ
«гражданъ и господствовать въ ней надъ
«развалинами. Возстаньте , доколѣ вы еще
«вмѣстѣ и не въ узахъ ; поднимите и дру-
«гія области , да спасутся души и Царство!
«Знаете , что дѣлается въ Смоленскѣ : тамъ
«горсть вѣрныхъ стоитъ неуклонно подъ
«щитомъ Богоматери и разитъ сонмы ино-
«племенниковъ!» Москвитяне писали къ
братьямъ во всеѣ города ⁽⁶⁸³⁾ : «Не слухомъ
«слышимъ , а глазами видимъ бѣдствіе
«неизглаголанное. Заклинаемъ васъ име-

«немъ Судіи живыхъ и мертвыхъ : воз-
«станьте и къ намъ сѣшьте! Здѣсь корень
«Царства , здѣсь знамя отечества , здѣсь
«Богоматерь изображенная Евангелистомъ
«Лукою ; здѣсь свѣтильники и хранители
«Церкви , Митрополиты Петръ , Алексій,
«Іона ! Извѣстны виновники ужаса , преда-
«тели студныя : къ счастью, ихъ мало ; не
«многіе идутъ во слѣдъ Салтыкову и Ан-
«дронову — а за насъ Богъ , и всѣ добрые
«съ нами, хотя и не явно до времени : Свя-
«тѣйшій Патріархъ Ермогенъ, прямой учи-
«тель, прямой наставникъ, и всѣ Христіане
«истинные ! Дадите ли насъ въ плѣнъ и въ
«Латинство?» — Кромѣ Рязани, Владиміръ,
Суздаль , Нижній , Романовъ , Ярославль,
Кострома , Вологда ополчились усердно,
для избавленія Москвы отъ Ляховъ , по
мысли Ляпунова и благословенію Ермоге-
на (684).

Что же слѣдало такъ называемое Прави-
тельство, Боярская Дума , свѣдавъ о семъ
движеніи, признакъ души и жизни въ Го-
сударствѣ истерзанномъ? . . . Донесло Си-
гизмунду на Ляпунова, какъ на мятежника,
требуя казни его брата и единомышлен-
ника, Захаріи ; велѣло Посламъ , Филарету
и Голицыну, уважать Сигизмундову волю
и ѣхать въ Литву къ Владиславу, если такъ
будетъ угодно Королю; велѣло Шенну вну-
снуть Ляховъ въ Смоленскъ; выслало даже

Сла-
вость
Мо-
сков-
ской
Думы.

войско съ Княземъ Иваномъ Куракинымъ для усмиренія мнимаго бунта въ Владимірѣ (685). Но Филаретъ и Голицынъ уже все знали и благопріятствовали великому начинанію Ляпунова; замѣтили, что грамота Боярская не скрѣплена Патріархомъ, и не хотѣли повиноваться (686); дали тайно знать и Смоленскому Воеводѣ, чтобы онъ не исполнялъ указа Думы, — и доблій Шеинъ отвѣтствовалъ Королевскимъ Панамъ: «исполните прежде договоръ Гетмановъ;» длилъ время въ сношеніяхъ съ ними, и ждалъ избавленія, готовый и на славную гибель. Съ другой стороны войско союзныхъ городовъ близъ Владимира встрѣтило и разбило Куракина (687). Симъ междоусобнымъ кровопролитіемъ рушилась государственная власть Думы, оттолѣ признаваемая единственно невольною Москвою. Ляпуновъ, остановивъ всѣ доходы казенные и не велѣвъ пускать хлѣба въ столицу, всенародно объявилъ Вельможъ Синклита богоотступниками, преданными *славѣ міра и враждебному Западу, не пастырями, а губителями Христіанскаго стада* (688). Таковы дѣйствительно были Салтыковъ и клеветы его; не таковы Мстиславскій и другіе, единственно запутанные въ ихъ сѣтяхъ, единственно слабодушные, и съ любовію къ отечеству безъ умѣнія избрать для него лучшее въ обстоятельствахъ чрезвычайныхъ: страшась народныхъ мятежей болѣе, нежели государственнаго уничтоженія, они думали спасти Россію Владиславомъ, вѣрили Гетману, вѣрили Сигиз-

мунду — не вѣрили только добродѣтели своего народа, и заслужили его презрѣніе, уступивъ добрую славу тремъ изъ мужей Думныхъ, Князьямъ Андрею Голицыну, Воротынскому и Засѣкину, которые не таили своего единомыслія съ Ергоменомъ, обличали предательство или заблужденіе другихъ Бояръ, и были отданы подъ стражу въ видѣ крамольниковъ ⁽⁶⁸⁹⁾.

Уже Москвитяне, слыша о ревностномъ возстаніи городовъ, переѣзжались въ обхожденіи съ Ляхами: бывъ долго смиренны, начали оказывать неуступчивость, строптивость, духъ враждебный и сварливый ⁽⁶⁹⁰⁾, какъ было предъ гибелію Разстриги. Кричали на улицахъ: «мы по глупости выбрали Ляха въ Цари, однакожь «не съ тѣмъ, чтобы итти въ неволю къ «Ляхамъ; время раздѣлаться съ ними» ⁽⁶⁹¹⁾! Въ грубыхъ насмѣшкахъ давали имъ прозваніе *Хохловъ*, а кунцы за все требовали съ нихъ вдвое. Уже начинались ссоры и драки. Госѣвскій требовалъ отъ своихъ ^{Ссоры съ Поляками.} благоразумія, терпѣнія и неусыпности. Они бодрствовали день и ночь, не снимая съ себя доспѣховъ, ни сѣделъ съ коней ⁽⁶⁹²⁾; ежедневно, три и четыре раза, били тревогу; имѣли вездѣ лазутчиковъ; осматривали на заставахъ возы съ дровами, сѣномъ, хлѣбомъ, и находили въ нихъ иногда скрытое оружіе ⁽⁶⁹³⁾. Высылали кон-

ныя дружины на дороги, перехватили тайное письмо изъ Москвы къ областнымъ жителямъ, и свѣдали, что они въ заговорѣ съ ними, и что Патріархъ есть Глава его; что Москвитяне надѣются не оставить ни одного Ляха живаго, какъ скоро увидятъ войско избавителей подъ своими стѣнами ⁽⁶⁹⁴⁾. Не взирая на то, Гостѣвскій еще не смѣлъ употребить средствъ жестокихъ, ни обезоружить Стрѣльцевъ и гражданъ, ни свергнуть Патріарха; довольствовался угрозами, сказавъ Ермогену, что святость сана не есть право быть возмутителемъ ⁽⁶⁹⁵⁾. Болѣе наглости оказали злодѣи Россійскіе. Михайло Салтыковъ требовалъ, чтобы Ермогенъ не велѣлъ онолчаться Лянунову. «Не велю» — отвѣтствовалъ Патріархъ — «если увижу крещеннаго Вла-
«дислава въ Москвѣ и Ляховъ выходящихъ изъ
«Россіи; велю, если не будетъ того, и разрѣшаю
«всѣхъ отъ данной Королевичу присяги» ⁽⁶⁹⁶⁾. Салтыковъ въ бѣшенствѣ выхватилъ ножъ: Ермогенъ осѣнилъ его крестнымъ знаменіемъ и сказалъ громогласно: «Сіе знаменіе противъ
«ножа твоего, да възидетъ вѣчная клятва на
«главу измѣнника» ⁽⁶⁹⁷⁾! и взглянувъ на печальнаго Мстиславскаго, примолвилъ тихо: «Твое
«начало: ты долженъ первый умереть за Вѣру
«и Государство; а если плѣнишься кознями Са-
«танинскими, то Богъ истребитъ корень твой на
«землѣ живыхъ — и самъ умрешь какою смер-
«тію?» *Предсказаніе исполнилось*, говоритъ Лѣтописецъ ⁽⁶⁹⁸⁾: ибо Мстиславскій никакъ не

хотѣлъ одобрить народнаго возстанія, и писалъ отъ имени Синклита грамоту за грамотою къ Королю, что обстоятельства ужасны и время дорого; что одна столица еще не измѣняетъ Владиславу, а Держава въ безначаліи готова раздѣлиться; что Иваньгородъ и Псковъ, обольщенные Генераломъ Делагарди, желаютъ имѣть Царемъ Шведскаго Принца; что Астрахань и Казань, гдѣ господствуетъ злочестіе Магометово, умышляютъ предаться Шаху Аббасу; что области Низовыя, степныя, восточныя и сѣверныя до пустынь Сибирскихъ возмущены Лянуновымъ; но что немедленное прибытіе Королевича еще можетъ все исправить, спасти Россію и честь Королевскую ⁽⁶⁹⁹⁾. Измѣнники же, Салтыковъ и Андроновъ, звали въ Москву не Владислава, а самого Короля съ войскомъ ⁽⁷⁰⁰⁾, отвѣтствуя ему за успѣхъ, то есть, за порабощеніе Россіи обманомъ и насиліемъ.

Но Сигизмундъ, вопреки настоянію Бояръ и даже многихъ Польскихъ Сенаторовъ ⁽⁷⁰¹⁾, вопреки собственному обѣту, не думалъ отправить сына въ Москву; не думалъ и самъ итти къ ней съ войскомъ, какъ предлагали ему наши измѣнники; сильно, упорно хотѣлъ одного: взять Смоленскъ — и ничего не дѣлалъ; писалъ только указы Синклиту уже вмѣстѣ отъ себя и Владислава, именуя его однакожь не Царемъ, а просто Королевичемъ ⁽⁷⁰²⁾; увѣрялъ Бояръ и всю Россію, что желаетъ ея мира и счастья, умиленный нашими бѣдствіями, и будучи ревностнымъ за—

ступникомъ Греческаго Православія ; желаетъ соединить ее съ Республикою узами любви и блага общаго, подъ нераздѣльнымъ Державствомъ своего рода ⁽⁷⁰³⁾ ; что виною всего зла есть упрямство Шеина и Князя Василя Голицына, не желающихъ ни Владислава, ни тишины ; что до усмиренія Смоленска не лзя предпріять ничего рѣшительнаго для успокоенія Государства. Между тѣмъ, какъ бы уже спокойно властвуя надъ Россією, Сигизмундъ непрестанно извѣщалъ Думу о своихъ милостяхъ : производилъ Дворянъ въ Стольники и Бояре, раздавалъ имѣнія, вершилъ дѣла старыя, предписывалъ казнь платить долги купцамъ иноземнымъ ⁽⁷⁰⁴⁾ еще за Іоанна, въ то время, когда указы ея были уже ничтожны для Россіи ; когда города одинъ за другимъ возставали на Ляховъ ; когда и жители Смоленской области стерегли, истребляли ихъ въ разбѣздахъ, тревожа нападеніями и въ станѣ, откуда многіе Россіяне, дотолѣ служивъ Королю, уходили служить отечеству : такъ Иванъ Никитичъ Салтыковъ, пожалованный въ Бояре Сигизмундомъ, мнимый доброхотъ его, мнимый противникъ Ермогена, Филарета и Голицына, съ цѣлою дружиною ушелъ къ Лянунову ⁽⁷⁰⁵⁾. Напрасно Гостѣвскій ждалъ вспоможенія отъ Короля : видя необходимость дѣйствовать только собственными силами, онъ выслалъ шайки Днѣпровскихъ Козаковъ и Московскаго измѣнника, Исаю Сунбулова, воевать мѣста Рязанскія. Лянуновъ, имѣя еще мало рати, вы-

гналъ толпы непріятельскія изъ Пронска, но чрезъ нѣсколько дней былъ осажденъ ими въ семь городѣ, и спасенъ Княземъ Дмитріемъ Пожарскимъ, уже ревностнымъ его сподвижникомъ: обративъ ихъ въ бѣгство, и скоро разбивъ на-голову у Зарайска, доблій Князь Дмитрій избавилъ вмѣстѣ и Ляпунова отъ плѣна и землю Рязанскую отъ грабежа; блеснулъ новымъ лучемъ славы, и съ чистою душою приставъ къ великому дѣлу, далъ ему новую силу... Козаки бѣжали въ Украину, предвидя несгору злодѣйства, а Сунбуловъ въ Москву съ худою вѣстію для измѣнниковъ и Ляховъ, устрашаемыхъ и возстаніемъ областей и ножами Москвитянъ. Но Гостѣвскій хвалился презрѣніемъ къ Россіянамъ: надѣялся управиться съ боязливою Москвою, вопреки неблагоразумію Короля соблюсти ее какъ важное завоеваніе для Республики и съ малымъ числомъ удалыхъ воиновъ побѣдить многолюдную сволочь.

Рать Ляпунова и другихъ областныхъ начальниковъ была дѣйствительно странною смѣсью людей воинскихъ и мирныхъ гражданъ съ бродягами и хищниками, кои въ сіи бѣдственныя времена купила Россія, и которые искали единственно добычи подъ знаменами силы, законной или беззаконной: грабивъ прежде съ Ляхами, они шли тогда на Ляховъ, чтобы также

Составъ
опозче-
нилъ за
Россію.

грабить, и болѣе мѣшать, нежели способствовать добру. Такъ Атаманъ Просовецкій, бывъ клеветомъ и ставъ непріателемъ Лисовскаго, имѣвъ даже, близъ Пскова, кровопролитную съ нимъ битву, какъ разбойникъ съ разбойникомъ ⁽⁷⁰⁶⁾, вдругъ явился въ Суздаль какъ честный слуга Россіи, привелъ къ Ляпунову тысячь шесть Козаковъ и сдѣлался однимъ изъ главныхъ Воеводъ народнаго ополченія! Всѣхъ звали въ союзъ, чтобы только умножить число людей. Приняли Князя Дмитрія Трубецкаго, Атамана Заруцкаго и всю остальную дружину Тушинскую ⁽⁷⁰⁷⁾: ибо сіи, долго упорные мятежники вдругъ воспламенились усердіемъ къ государственной чести, отвергнули указъ Московскихъ Бояръ, не давъ клятвы въ вѣрности къ Владиславу, и выгнали изъ Калуги Посла ихъ, Князя Никиту Трубецкаго ⁽⁷⁰⁸⁾. Звали и безстыднаго Сапѣгу, который, не хотѣвъ удалиться въ Сѣверскую землю ⁽⁷⁰⁹⁾, писалъ изъ Перемышля къ Калужанамъ, что онъ служитъ не Королю, не Королевичу, а вольности, — не слушаетъ Бояръ, убѣждающихъ его идти на Ляпунова, и готовъ стоять за независимость Россіи ⁽⁷¹⁰⁾. Чего надлежало ждать и въ святомъ предпріятіи отъ такого несчастнаго состава? не единства, а раздора и безпорядка. Но кто вѣрилъ таинственной силѣ добра, могъ чаять успѣха благословеннаго, видя, сколь многіе, и сколь ревностно шли умирать за отечество сирое ⁽⁷¹¹⁾, кинувъ

домы и семейства. Раздоръ и безпорядокъ должны были уступить великодушiю!

Около трехъ мѣсяцевъ готовились — и наконецъ (въ Мартѣ) выступили къ Москвѣ: Ляпуновъ изъ Рязани, Князь Дмитрій Трубецкiй изъ Калуги, Заруцкiй изъ Тулы, Князь Литвинковъ-Мосальскiй и Артемiй Измайловъ изъ Владимира, Просовецкiй изъ Суздаля, Князь Олдоръ Волконскiй изъ Костромы, Иванъ Волинскiй изъ Ярославля, Князь Козловскiй изъ Романова, съ Дворянами, Дѣтьми Боярскими, Стрѣльцами, гражданами, земледѣльцами, Татарами и Козаками ⁽⁷¹²⁾; были на пути встрѣчаемы жителями съ хлѣбомъ и солью, пконами и крестами, съ усердными кликами и палъбою; шли бодро, но тихо — и сiя, вѣроятно невольная, неминуемая по обстоятельствамъ медленность имѣла для Москвы ужасное слѣдствiе.

Въ то время, когда ея граждане съ нетерпѣнiемъ ждали избавителей, Бояре, исполняя волю Госѣвскаго, въ послѣднiй разъ заклинали Ерогена удалить бурю, спасти Россiю отъ междоусобiя и Москву отъ крайняго бѣдствiя: писать къ Ляпунову и сподвижникамъ его, чтобы они шли назадъ и распустили войско. *Ты далъ имъ оружiе въ руки*, говорилъ Салтыковъ: *ты можешь и смирить ихъ*. «Все смирится» — отвѣтствовалъ Патрiархъ — «когда ты, измѣнникъ, съ своею Литвою исчезнешь; но въ царственномъ градѣ видя ваше злое господство, въ свя-
«тыхъ храмахъ Кремлевскихъ оглашаясь Ла-

«типскимъ иѣніемъ,» (ибо Ляхи въ домѣ Годунова устроили себѣ божищу) «благословляю «достойныхъ Вождей Христіанскихъ утолить «печаль отечества и Церкви.» Дерзнули наконецъ приставить воинскую стражу къ непреклонному Іерарху; не пускали къ нему ни мірянъ, ни Духовенства; обходились съ нимъ то жестоко и безчинно, то съ уваженіемъ, опасаясь народа ⁽⁷¹³⁾. Въ Недѣлю Ваіи велѣли или дозволили Ермогену священнодѣйствовать и взяли мѣры для обузданія жителей, которые въ сей день обыкновенно стекались изъ всѣхъ частей города и ближнихъ селеній въ Китай и Кремль, быть зрителями великолѣпнаго обряда церковнаго ⁽⁷¹⁴⁾. Ляхи и Нѣмцы, иѣхота и всадники, заняли Красную площадь съ обнаженными саблями, пушками и горящими фитилями. Но улицы были пусты! Патріархъ ѣхалъ между удивленными рядами иновѣрныхъ воиновъ; узду его ослати держалъ, вмѣсто Царя, Князь Гундуровъ ⁽⁷¹⁵⁾, за коимъ шло иѣсколько Бояръ и савоиниковъ, унылыхъ, мрачныхъ видомъ. Граждане не выходили изъ домовъ, воображая, что Ляхи умышляютъ незаконное кровопролитіе и будутъ стрѣлять въ толпы народа безоружнаго ⁽⁷¹⁶⁾. День прошелъ мирно; также и слѣдующій. Госѣвскій имѣя только 7000 воиновъ ⁽⁷¹⁷⁾ противъ двухъ или трехъ сотъ тысячъ жителей, не хотѣлъ кровопролитія ⁽⁷¹⁸⁾: ни Москвитяне. Первый, слыша, что Ляпуновъ и Заруцкій уже не далеко, мыслилъ идти къ нимъ на встрѣчу и

разбить ихъ отдѣльно (719); а Москвитяне, готовые къ возстанію, откладывали его до появленія избавителей (720). Но взаимная злоба вспыхнула, не давъ ни Госѣвскому выступить изъ Москвы, ни Воеводамъ Россійскимъ спасти ее. Кто началъ? неизвѣстно (721); но вѣроятно, Ляхи, съ досадою терпѣвъ насмѣшки, грубости жителей, и думая, что лучше управиться съ ними заблаговременно, нежели поставить себя между ихъ тайно-острыми ножами и войскомъ городовъ союзныхъ (722), — наконецъ удовлетворяя своему алчному корыстолюбію разграбленіемъ богатой столицы. Такъ началось и свершилось ея бѣдствіе ужасное:

19 Марта, во Вторникъ Страстной недѣли, въ часъ Обѣдни, слышали въ Китаѣ-городѣ тревогу, вопль и стукъ оружія. Госѣвскій прискакалъ изъ Кремля: увидѣлъ кровопролитіе между Ляхами и Россіянами, хотѣлъ остановить, не могъ, и далъ волю первымъ, которые дѣйствовали наступательно, рѣзали купцевъ и грабили лавки (723); вломились въ домъ къ Боярину вѣрному, Князю Андрею Голицыну, и безчеловѣчно умертвили его. Жители Китая искали спасенія въ Бѣломъ городѣ и за Москвою-рѣкою: конные Ляхи гнали, топили, рубили ихъ; но въ Тверскихъ воротахъ были удержаны Стрѣльцами. Еще

Крово-
проли-
тіе въ
столи-
цѣ.

сильнѣйшая битва закипѣла на Срѣтенкѣ : тамъ явился витязь знаменитый , отраженный ли впередъ Лянуновымъ , или собственною ревностію приведенный одушевить Москву : Князь Дмитрій Пожарскій. Онъ кликнулъ доблѣхъ , устроилъ дружины , снялъ пушки съ башенъ , и встрѣтилъ Ляховъ ядрами и пулями , отбилъ и втопталъ въ Китай. Иванъ Бутурлинъ въ Яузскихъ воротахъ и Колтовскій за Москвою-рѣкою также стали противъ нихъ съ воинами и народомъ. Бились еще въ улицахъ Тверской , Никитской и Чертольской , на Арбатѣ и Знаменкѣ ⁽⁷²⁴⁾. Гостѣвскій подкрѣплялъ своихъ ; но число Россіянъ несравненно болѣе умножалось : при звукѣ набата старые и малые , вооруженные дрекольемъ и топорами , бѣжали въ пылъ сѣчи ; изъ оконъ и съ кровель разили непріятеля камнями и чурбанами ⁽⁷²⁵⁾ ; преграждали улицы столами , лавками , дровами : стрѣляли изъ-за нихъ и двигали сіе укрѣпленіе впередъ , гдѣ Ляхи отступали. Уже Москвитяне вездѣ имѣли верхъ , когда присѣлъ изъ Кремля съ Нѣмцами Капитанъ Маржеретъ ⁽⁷²⁶⁾ , вѣрный слуга Годунова и Разстриги , изгнанный Шуйскимъ и принятый Гетманомъ въ Королевскую службу : торгуя вѣрностію и жизнію , сей честный наемникъ ободрилъ Ляховъ неустрашимостію , и нѣкогда ливъ кровь свою за Россіянъ , жадно облился ихъ кровію. Битва снова сдѣлалась упорною ; многолюдство однакожь преодолѣвало , и Москвитяне тѣснили непріятеля къ Кремлю , его послѣдней оградѣ и

надеждѣ. Тутъ, въ часъ рѣшительный, услышали голосъ : «огня! огня!» и первый вспыхнулъ въ Бѣломъ городѣ домъ Михайла Салтыкова, зажженный собственною рукою хозяина ⁽⁷²⁷⁾ : гнусный измѣнникъ, уже не могъ имѣть жилища въ столицѣ отечества, имъ преданнаго инноплеменнику! Зажгли и въ другихъ мѣстахъ : сильный вѣтеръ раздувалъ пламя, въ лице Москвитянамъ, съ густымъ дымомъ, несноснымъ жаромъ, въ улицахъ тѣсныхъ. Многіе кинулись тушить, спасать дома; битва ослабѣла, и ночь прекратила ее, къ счастію изнуреннаго непріятеля, который удержался въ Китаѣ-городѣ, опираясь на Кремль. Тамъ все затихло; но другія части Москвы представляли шумное смятеніе. Бѣлый-городъ пымалъ; набатъ гремѣлъ безъ умолку; Пожаръ
Мо-
сквы. жители съ воплемъ гасили огонь, или бѣгали, искали, кликали женъ и дѣтей, забытыхъ въ часы жаркаго боя. Послѣ такого дня, и предвидя такой же, никто не думалъ успокоиться.

Ляхи въ пустыхъ домахъ Китая-города, среди труповъ, отдыхали; а въ Кремлѣ, при свѣтѣ зарева, бодрствовали и разсуждали Вожди ихъ, что дѣлать? Тамъ еще находилось мнимое Правительство Россійское съ знатнѣйшими сановниками, воинскими и гражданскими: ужасаясь мысли желать побѣды инноплеменникамъ, дымя-

щимся кровію Москвитянъ, но малодушно боясь и мести своего народа, или не вѣря успѣху возстанія, Мстиславскій и другіе легкоумные Вельможи, упорные въ вѣрности къ Владиславу, были въ изумленіи и бездѣйствіи : тѣмъ ревностнѣе дѣйствовали измѣнники ожесточенные : прервавъ навѣки связь съ отечествомъ, заслуживъ его ненависть и клятву церковную, пылая адскою злобою и жаждою губительства, они сидѣли въ сей ночной Думѣ Ляховъ⁽⁷²⁸⁾ и совѣтовали имъ разрушить Москву для ихъ спасенія. Госѣвскій принялъ совѣтъ — и въ слѣдующее утро 2000 Нѣмцевъ съ отрядомъ коннымъ вышли изъ Кремля и Китая въ Бѣлый городъ и къ Москвѣ-рѣкѣ, зажгли въ разныхъ мѣстахъ дома, церкви, монастыри, и гнали народъ изъ улицы въ улицу не столько оружіемъ, сколько пламенемъ. Въ сей самый часъ прискакали къ стѣнамъ уже пылающаго Деревяннаго города, отъ Ляпунова Воевода Иванъ Плещеевъ, изъ Можайска Королевскій Полковникъ Струсъ, каждый для вспоможенія своимъ, оба съ легкими дружинами, равными въ силахъ, не въ мужествѣ. Ляхи напали: Россіяне обратили тылъ — и Вождь первыхъ, кликнувъ : «за мною, храбрые!» сквозь пыль и трескъ деревянныхъ падающихъ стѣнъ вринулся въ городъ, гдѣ жители, осыпаемые искрами и головнями,

Примѣ-
тіе
Струса.

задыхаясь отъ жара и дыма, уже не хотѣли сражаться за пепелище : бѣжали во всѣ стороны, на коняхъ и пѣшіе ⁽⁷²⁹⁾, не съ богатствомъ, а только съ семействами. Нѣсколько сотъ тысячъ людей вдругъ разсыпалось по дорогамъ къ Лаврѣ, Владиміру, Коломнѣ, Тулѣ; шли и безъ дорогъ, взяли въ снѣгу, еще глубокомъ; цѣпенѣли отъ сильнаго, холоднаго вѣтра ⁽⁷³⁰⁾; смотрѣли на горящую Москву и вопили, думая, что съ нею исчезаетъ и Россія! Нѣкоторые засѣли въ крѣпкой Симоновской Обители, ждать избавителей. Но оставленная народомъ и войскомъ въ жертву огню и Ляхамъ, Москва еще имѣла ратоборца : Князь Дмитрій Пожарскій еще стоялъ твердо въ облакахъ дыма, между Срѣтенкою и Мясницкою, въ укрѣпленіи, имъ сдѣланномъ; бился съ Ляхами, и долго не давалъ имъ жечь за каменною городскою стѣною; не берегъ себя отъ пуль и мечей, изнемогъ отъ ранъ и палъ на землю ⁽⁷³¹⁾. Вѣрные ему до конца не многіе сподвижники взяли и спасли будущаго спасителя Россіи : отвезли въ Лавру. . . . До самой ночи уже безпрерывственно губивъ огнемъ столицу, Ляхи съ гордостію побѣдителей возвратились въ Китай и Кремль, любоваться зрѣлищемъ, ими произведеннымъ : бурнымъ пламеннымъ моремъ, которое, разливаясь вокругъ ихъ, обещало имъ безопасность,

Подня-
га По-
ж а р-
скаго.

какъ они думали, не заботясь о дальнѣйшихъ, вѣковыхъ слѣдствіяхъ такого дѣла, и презирая мѣсть Россіянъ!

Москва пустая горѣла двое сутокъ. Гдѣ угасалъ огонь, тамъ Ляхи, выѣзжая изъ Китая, снова зажигали, въ Бѣломъ-городѣ, въ Деревянномъ и въ предмѣстіяхъ. Наконецъ вездѣ утухло пламя, ибо все сдѣлалось непломъ, среди коего возвышались только черныя стѣны, церкви и погребя каменные. Сія громада золы, въ окружности на двадцать верстъ или болѣе, курилась еще нѣсколько дней, такъ, что Ляхи въ Китаѣ и Кремлѣ, дыша смрадомъ, жили какъ въ туманѣ — но ликовали: грабили казну Царскую: взяли всю утварь нашихъ древнихъ Вѣнценосцевъ, ихъ короны, желы, сосуды, одежды богатые, чтобы послать къ Сигизмунду, или употребить вмѣсто денегъ на жалованье войску ⁽⁷³²⁾; сносили добычу, найденную въ гостиномъ дворѣ, въ жилищахъ купцевъ и людей знатныхъ ⁽⁷³³⁾; сдирали съ иконъ оклады; дѣлили на равныя части золото, серебро, жемчугъ, камни и ткани драгоценныя, съ презрѣніемъ кидая мѣдь, олово, холсты, сукна; рядились въ бархаты и штофы; нили изъ бочекъ Венгерское и Мальвазію. Изобиловали всѣмъ роскошнымъ, не имѣя только нужнаго: хлѣба! Бражничали, играли въ зернь и въ карты, распутствовали, и

П е в с -
т в о с т в а
П о л я
к о в ѣ в ѣ
М о с к в ѣ .

пьяные рѣзали другъ друга ⁽⁷³⁴⁾! . . . А Россіяне, ихъ клеветы гнусныя или невольники малодушныя, праздновали въ Кремлѣ Свѣтлое Воскресеніе и молились за Царя Владислава, съ Іерархомъ достойнымъ такой паствы: Игнатіемъ, угодникомъ Разстригинымъ, коего вывели изъ Чудовской Обители, гдѣ онъ пять лѣтъ жилъ опальнымъ Инокомъ, и снова называли Патріархомъ, свергнувъ и заключивъ Ермогена на Кирилловскомъ подворьѣ ⁽⁷³⁵⁾. Сей мужъ безсмертный, одинъ среди враговъ неистовыхъ и Россіянъ презрительныхъ — между памятниками нашей славы, въ оградѣ священной для вѣковъ могилами Димитрія Донскаго, Іоанна III, Михаила Шуйскаго — въ темной келліи сіялъ добродѣтелію какъ лучезарное свѣтило отечества, готовое угаснуть, но уже воспламенивъ въ немъ жизнь и ревность къ великому дѣлу!

Заключе-
ніе
Ермо-
гена.

ГЛАВА V.

МЕЖДОЦАРСТВІЕ.

Г. 1611—1612.

Слѣдствія сожженія Москвы. Поляки осаждены. Твердость Ермагена. Избраніе главныхъ Военачальниковъ. Дѣйствія Санъги. Приступъ къ Китаю-городу. Послы Московскіе отправлены въ Литву. Взятіе Смоленска. Шуйскіе въ Варшавѣ. Умыселъ Заруцкаго и Марины. Уставная грамота. Виды Ляпунова. Дѣла съ Шведами. Новгородъ взятъ Генераломъ Делагарди. Договоръ Шведовъ съ Новымъ городомъ. Мятежъ въ войскѣ Генерала Делагарди. Убіеніе Ляпунова. Послѣдствія. Состоянія Россіи

Г. 1611.
Слѣд-
ствія
сожже-
нія Мо-
сквы.

Вѣсть о бѣдствіи Москвы, распростра-
нивъ ужасъ, дала новую силу народному
движенію. Ревностные Иноки Лавры, едва
услышавъ, что дѣлается въ столицѣ ⁽⁷³⁶⁾,
послали къ ней всѣхъ ратныхъ людей мо-
настырскихъ, написали умиленные гра-
моты къ областнымъ Воеводамъ и закли-
нали ихъ угасить ся дымящійся пепелъ
кровію измѣнниковъ и Ляховъ ⁽⁷³⁷⁾. Вое-
воды уже не медлили и шли впередъ, на
каждомъ шагу встрѣчая толпы бѣгущихъ

Москвитянъ, которые, съ воплемъ о мести, примыкали къ войску, поручая женъ и дѣтей своихъ великодушію народа. 25 Марта Ляхи увидѣли, на Владимірской дорогѣ, легкій отрядъ Россіянъ, Козаковъ Атамана Просовецкаго; напали — и возвратились, хвалясь побѣдою ⁽⁷³⁸⁾. Въ слѣдующій день пришелъ Ляпуновъ отъ Коломны, Заруцкій отъ Тулы; соединились съ другими Воеводами близъ Обители Угрѣшской, и 28 Марта двинулись къ пенеліщу Московскому. Непріятель, встрѣтивъ ихъ за Яузскими воротами, скоро отступилъ къ Китаю и Кремлю, гдѣ Россіяне, числомъ не менѣе ста тысячъ ⁽⁷³⁹⁾, но безъ устройства и взаимной довѣренности, осадили шесть или семь тысячъ храбрецовъ иноземныхъ, исполненныхъ къ нимъ презрѣнія. Ляпуновъ сталъ на берегахъ Яузы, Князь Дмитрій Трубецкій съ Атаманомъ Заруцкимъ противъ Воронцовскаго поля, Ярославское и Костромское ополченіе у воротъ Покровскихъ, Измайловъ у Срѣтенскихъ, Князь Литвиновъ-Мосальскій у Тверскихъ, внутри обожженныхъ стѣнъ Бѣлаго города. Тутъ прибылъ къ войску Келарь Аврамій съ святою водою отъ Лавры, оживить сердца ревностію, укрѣпить мужествомъ ⁽⁷⁴⁰⁾. Тутъ, на завоеванныхъ кучахъ пепла водрузивъ знамена, войны и Воеводы съ торжественными обрядами дали клятву не

Поляки
осаж-
дены.

читать ни Владислава Царемъ, ни Бояръ Московскихъ Правителями, служить Церкви и Государству до избранія Государя новаго, не крамольствовать ни дѣломъ, ни словомъ, — блюсти законъ, тишину и братство, ненавидѣть единственно враговъ отечества, злодѣевъ, измѣнниковъ, и сражаться съ ними усердно ⁽⁷⁴¹⁾.

Битвы начались. Дѣлая вылазки, осажденные дивились несмѣтности Россіянъ и еще болѣе умнымъ распоряженіямъ ихъ Вождей ⁽⁷⁴²⁾ — то есть, Ляпунова, который въ битвѣ 6 Апрѣля стяжалъ имя *лвообразнаго* Стратига ⁽⁷⁴³⁾: его звучнымъ голосомъ и примѣромъ одушевляемые, Россіяне кидались пѣшіе на всадниковъ, рѣзались человѣкъ съ человѣкомъ, и втѣснивъ непріятеля въ крѣпость, ночью заняли берегъ Москвы-рѣки и Неглинной. Ляхи тщетно хотѣли выгнать ихъ оттуда; нападали конные и пѣшіе, имѣли выгоды и невыгоды въ ежедневныхъ схваткахъ, но видѣли уменьшеніе только своихъ: во многолюдствѣ осаждающихъ уронъ былъ незамѣтенъ. Россіяне надѣялись на время; Ляхи страшились времени, скудные людьми и хлѣбомъ. Госѣвскій желалъ прекратить бесполезныя вылазки, но сражался иногда невольно, для спасенія кормовщиковъ, высылаемыхъ имъ тайно, ночью, въ окрестныя деревни ⁽⁷⁴⁴⁾; сражался и для того, чтобы имѣть плѣнниковъ для размѣна. Извѣстивъ Короля о сожженіи Москвы и приступѣ Россіянъ къ ея пенелищу, онъ требовалъ скорого вспоможенія, ободрялъ това-

рищей, совѣтовался съ гнуснымъ Салтыковымъ — и еще испыталъ силу души Ермогеновой. Къ старцу ветхому, изнуренному добровольнымъ постомъ и тѣснымъ заключеніемъ, приходили наши измѣнники и самъ Госѣвскій съ увѣщаніями и съ угрозами: хотѣли, чтобы онъ велѣлъ Ляпунову и сподвижникамъ его удалиться. Отвѣтъ Ермогеновъ былъ тотъ же: «пусть удалятся «Ляхи!» Грозили ему злою смертію: старецъ указывалъ имъ на небо, говоря: «боюся Единого, тамъ живущаго» (743)! Невидимый для добрыхъ Россіянъ, великій Іерархъ сообщался съ ними молитвою; слышалъ звукъ битвъ за свободу отечества, и тайно, изъ глубины сердца, пылающаго неугасимымъ огнемъ добродѣтели, слалъ благословеніе вѣрнымъ подвижникамъ!

Твер-
дость
Ермо-
гена.

Къ несчастію, между сими подвижниками господствовало несогласіе: Воеводы не слушались другъ друга, и ратныя дѣйствія безъ общей цѣли, единства и связи, не могли имѣть и важнаго успѣха (746). Рѣшились торжественно избрать Начальника; но, вмѣсто одного, выбрали трехъ: вѣрные Ляпунова, чиновные мятежники Тушинскіе Князя Дмитрія Трубецкаго, грабители-Козаки Атамана Заруцкаго, чтобы такимъ зловѣщимъ выборомъ утвердить мнимый союзъ Россіянъ добрыхъ съ из-

Изра-
ніе
глав-
ныхъ
Воена-
чальни-
ковъ.

мѣнниками и разбойниками, коихъ находилось множество въ войскѣ. Трубецкій, сверхъ знатности, имѣлъ по крайней мѣрѣ умъ Стратига ⁽⁷⁴⁷⁾ и нѣкоторыя, еще благородныя свойства, усердствуя оказать себя достойнымъ высокаго сана: Заруцкій же, вмѣстѣ съ нимъ выслуживъ Боярство въ Тушинѣ ⁽⁷⁴⁸⁾, имѣлъ одну смѣлую предпріимчивость для удовлетворенія своимъ гнуснымъ страстямъ, не зная ничего святаго, ни Бога, ни отечества. Сіи ратные Тріумвиры слѣмались и государственными: ибо войско представляло Россію. Они писали указы въ города, требуя запасовъ и денегъ еще болѣе, нежели людей: города повиновались, *многолѣтствовали въ церквахъ благовѣрнымъ Князьямъ и Боярамъ* ⁽⁷⁴⁹⁾, а въ своихъ донсеніяхъ били челомъ *Синклиту Великаго Россійскаго Государства*, и давали, что могли. Казань, стыдясь своего заблужденія ⁽⁷⁵⁰⁾, снова присоединилась къ отечеству, цѣловала крестъ *быть въ любви, въ единодушіи со всею землею* и выслала дружины къ Москвѣ: области Низовыя и Поморскія также ⁽⁷⁵¹⁾. Пришли и Смоленскіе Уѣздные Дворяне и Дѣти Боярскіе, бѣжавъ отъ Сигизмунда ⁽⁷⁵²⁾. Ляхи гнались за ними, и многихъ изъ нихъ умертвили, какъ измѣнниковъ: остальные тѣмъ ревностиѣ желали участвовать въ народномъ подвигѣ Россіянъ ⁽⁷⁵³⁾. При-

шелъ и Сапѣга съ своими шайками и занялъ <sup>Дѣй-
ствія
Сапѣ-
ги.</sup> Поклонную гору, объявляя себя другомъ Россіи. Ему не вѣрили; предложенія его выслушали, но отвергнули ⁽⁷⁵⁴⁾. Атаманъ разбойниковъ, осыпанный цепломъ нашихъ городовъ, утучненный нашею кровію, хотѣлъ, какъ пишутъ, вѣнца Мономахова: вѣроятнѣе, что онъ хотѣлъ миліоновъ, предлагая свои услуги. Не обольстивъ Россіянъ, Сапѣга ударилъ на часть ихъ стана противъ Лужниковъ; отбитый, напалъ съ другой стороны, близъ Тверскихъ воротъ: не могъ одолѣть многолюдства, и, по совѣту Госѣвскаго, взявъ отъ него 1500 Ляховъ въ сподвижники и Князя Григорія Ромодановскаго въ путеводители, удалился къ Переславлю, чтобы грабить внутри Россіи и тревожить осаждающихъ. Въ слѣдъ за нимъ Ляпуновъ отрядилъ нѣсколько легкихъ дружинъ: Сапѣга разбилъ ихъ въ Александровской слободѣ, осадилъ Переславль, жегъ, злодѣйствовалъ, гдѣ хотѣлъ — и Россіяне Московскаго стана, видя за собою дымъ пылающихъ селеній, вдругъ слышали, въ Китаѣ и Кремлѣ, необыкновенный шумъ, громкія восклицанія, звонъ колоколовъ, стрѣльбу изъ пушекъ и ружей ⁽⁷⁵⁵⁾: ждали вылазки, но узнали, что Ляхи только веселились и праздновали счастливую вѣсть о скоромъ прибытіи къ нимъ Гетмана съ

П р и-
ступъ
къ Кя-
таю-го
роду.

сильнымъ войскомъ — вѣсть еще несправедливую, которая однакожь рѣшила Ляпунова и товарищей его не медлить. Они изготовились въ тишинѣ, и за часъ до разсвѣта (22 Маѣ) приступивъ къ Китаю-городу (756), взяли одну башню, гдѣ находилось 400 Ляховъ. Мѣсто было важно: Россіяне могли оттуда громить пушками внутренность Китая. Госѣвскій избралъ смѣлыхъ, и велѣлъ имъ, чего бы то ни стоило, вырвать сію башню изъ рукъ непріятеля: съ обнаженными саблями, подъ картечью, Ляхи шли къ ней узкою стѣною, человѣкъ за человѣкомъ; кинулись на пушки, рубили, выгнали Россіянъ, и мужественно отбили всѣ ихъ новые приступы (757). Въ другихъ мѣстахъ Ляпуновъ, вездѣ первый, и Трубецкій имѣли болѣе успѣха: очистили весь Бѣлый-городъ, взяли укрѣпленія на Козьемъ болотѣ, башни Никитскую, Алексѣевскую, ворота Тресвятскія, Чертольскія, Арбатскія (758), вездѣ послѣ жаркаго кровопролитія. Черезъ пять дней сдѣлся имъ и Дѣвичій монастырь съ двумя ротами Ляховъ и пятьюстами Нѣмцевъ (759). Въ то же время Россіяне сдѣлали укрѣпленія за Москвою-рѣкою, стрѣляли изъ нихъ въ Кремль и препятствовали сношенію осажденныхъ съ Сигизмундомъ, отъ коего Госѣвскій, стѣсненный, изнуряе-

мый, съ малымъ числомъ людей и безъ хлѣба, ждалъ избавленія.

Но Король все еще думалъ только о Смоленскѣ. Донесеніе Госѣвскаго о сожженіи Москвы и наступательномъ дѣйствіи многочисленнаго Россійскаго войска, полученное Сигизмундомъ ⁽⁷⁶⁰⁾ вмѣстѣ съ трофеями (или съ частію разграбленной Ляхами утвари и казны Царской), не перемѣнило его мыслей. Паны въ новой бесѣдѣ съ Филаретомъ и Голицынымъ (8 Апрѣля), жалѣя о несчастіи столицы, слѣдствіи ея *мятежнаго духа* ⁽⁷⁶¹⁾, спрашивали ихъ мнѣнія о лучшемъ способѣ *изгладить зло*. Съ слезами отвѣтствовалъ Митрополитъ: «Уже не знаемъ! Вы легко могли предупредить сіе зло; исправить едва ли можете.» Послы соглашались однакожь писать къ Ермогену, Боярамъ и войску объ унятіи кровопролитія, *если* Сигизмундъ обяжется немедленно выступить изъ Россіи: чего онъ никакъ не хотѣлъ, упорно требуя Смоленска ⁽⁷⁶²⁾, и въ гнѣвѣ велѣлъ имъ наконецъ готовиться къ ссылкѣ въ Литву. «Ни ссылки, ни Литвы не боимся,» сказалъ умный Дьякъ Луговскій: «но дѣлами насилія достигнете ли желаемаго?» Угроза совершилась: вопреки всему священному для Государей и народовъ, взяли Пословъ . . . еще мало: ограбили ихъ какъ въ темномъ лѣсу или въ вертепѣ разбой-

Послы
Мо-
сков-
скіе от-
праве-
ны въ
Литву.

никовъ; отдали воинамъ, повезли въ ладіяхъ къ Кіеву; безчестили, срамили мужей вѣрныхъ только въ добродѣтели, въ ревности ко благу отечества и къ исполненію государственныхъ условій ⁽⁷⁶³⁾! . . . Одинъ изъ Ляховъ еще стыдился за Короля, Республику и самого себя: Жолкѣвскій. Сигизмундъ предлагалъ ему главное начальство въ Москвѣ и въ Россіи. «Поздно!» отвѣтствовалъ Гетманъ, и съ негодованіемъ удалился въ свои маѣтности ⁽⁷⁶⁴⁾, мимо коихъ везли Филарета и Голицына: онъ прислалъ къ нимъ, въ знакъ уваженія и ласки, спросить о здоровьѣ. Знаменитые страдальцы написали къ Жолкѣвскому: «Вспомни крестное цѣлованіе; вспомни душу! Въ чемъ клялся ты Московскому Государству? и что дѣлается? «Есть Богъ и вѣчное правосудіе» ⁽⁷⁶⁵⁾!

Не страшась сего правосудія, Король въ письмахъ къ Боярамъ Московскимъ хвалился своею милостію къ Россіи, благодарилъ за ихъ вѣрность и непричастіе къ бунту Ермагена и Ляпунова ⁽⁷⁶⁶⁾, обѣщалъ скорое усмиреніе всѣхъ мятежей, а Жолкѣвскому скорое избавленіе, позволяя ему употреблять на жалованье войску не только сокровища Царскія ⁽⁷⁶⁷⁾, но и все имѣніе богатыхъ Москвитянъ — и возобновилъ приступы къ Смоленску ⁽⁷⁶⁸⁾, снова неудачные. Шейнъ, воины его и граждане оказывали больше, нежели храбрость: истинное геройство, безбоязненность неизмѣнную, хладнокровную, нечувствительность къ ужасу и страданію, рѣ-

шительность терпѣть до конца , умереть , а не сдаться. Уже двадцать мѣсяцевъ продолжалась осада : запасы , силы , все истощилось , кромѣ великодушія ; все сносили , безмолвно , не жалуясь , въ тишинѣ и въ повиновеніи , лвы для враговъ , агнцы для начальниковъ. Осталась едва пятая доля защитниковъ , не столько отъ ядеръ , пуль и сабель непріятельскихъ , сколько отъ трудовъ и болѣзней ; смертоносная цынга , произведенная недостаткомъ въ соли и въ укусуѣ ⁽⁷⁶⁹⁾ , довершила бѣдствіе — но еще сражались ! Еще Ляхи имѣли нужду въ злодѣйской измѣнѣ , чтобы овладѣть городомъ : бѣглець Смоленскій , Андрей Дедишинъ ⁽⁷⁷⁰⁾ , указалъ имъ слабое мѣсто крѣпости : новую стѣну , дѣланную въ осень на-скоро и не прочно. Сію стѣну безпре-
станною пальбою обрушили — и въ полночь (3 Іюня) Ляхи вломились въ крѣпость , тутъ и въ другихъ мѣстахъ , оставленныхъ малочисленными Россіянами для защиты пролома. Бились долго въ развалинахъ , на стѣнахъ , въ улицахъ , при звукѣ всѣхъ колоколовъ и святомъ иѣннѣ въ церквахъ , гдѣ жены и старцы молились. Ляхи , вездѣ одолевая , стремились къ главному храму Богоматери , гдѣ заперлися многіе изъ гражданъ и купцевъ съ ихъ семействами , богатствомъ и пороховою казною. Уже не было спасенія : Россіяне

Взятіе
Смо-
ленска.

зажгли порохъ и взлетѣли на воздухъ, съ дѣтьми, имѣніемъ — и славою! Отъ страшнаго взрыва, грома и треска непріятель оцѣпенѣлъ, забывъ на время свою побѣду, и съ равнымъ ужасомъ видя весь городъ въ огнѣ, въ который жители бросали все, что имѣли драгоцѣннаго, и сами съ женами бросались, чтобы оставить непріятелю только пенелъ, а любезному отечеству примѣръ добродѣтели. На улицахъ и площадяхъ лежали груды тѣлъ сожженныхъ. Смоленскъ явился новымъ Сагуитомъ ⁽⁷⁷¹⁾, и не Польша, но Россія могла торжествовать сей день, великій въ ея лѣтописяхъ ⁽⁷⁷²⁾.

Еще одинъ воинъ стоялъ на высокой башнѣ съ мечемъ окровавленнымъ и противился Ляхамъ: доблій Шеинъ. Онъ хотѣлъ смерти; но предъ нимъ плакали жена, юная дочь, сынъ малолѣтній ⁽⁷⁷³⁾: тронутый ихъ слезами, Шеинъ объявилъ, что сдастся Вождю Ляховъ — и сдался Потоцкому. Вѣрить ли Лѣтописцу, что сего Героя оковали цѣпями въ станѣ Королевскомъ и пытали, допытываясь о казнѣ Смоленской, будто бы имъ сокрытой ⁽⁷⁷⁴⁾? Король взялъ къ себѣ его сына; жену и дочь отдалъ Льву Сапѣгѣ; самого Шеина послалъ въ Литву узникомъ. — Плѣнниками были еще Архіепископъ Сергій, Воевода Князь Горчаковъ и 300 или 400 Дѣтей Боярскихъ ⁽⁷⁷⁵⁾. Во время осады изгубло въ городѣ, какъ увѣряютъ, не менѣе семидесяти тысячъ людей; она дорого стоила и Ляхамъ: едва третья доля Королевской рати

осталась въ живыхъ , огнемъ лишенная добычи, а съ нею и ревности къ дальнѣйшимъ подвигамъ , такъ , что слушая торжественное благодареніе Сигизмундово , за ея великое дѣло , и новыя щедрыя обѣты его , воины смѣялись , столько разъ манямыя наградами и столько разъ обманутые . Но Сигизмундъ восхищался своимъ блестящимъ успѣхомъ ⁽⁷⁷⁶⁾ ; далъ Потоцкому грамоту на Староство Каменецкое , три дни угощалъ сподвижниковъ , велѣлъ изобразить на медаляхъ завоеваніе Смоленска , и съ гордостію извѣстилъ о томъ Бояръ Московскихъ , которые отвѣтствовали , что сѣтуя о гибели единокровныхъ братьевъ , радуются его побѣдѣ надъ непослушными и славятъ Бога ⁽⁷⁷⁷⁾ ! . . . Торжество еще разительнѣйшее ожидало Сигизмунда , но уже не въ Россіи .

Историки Польскіе , строго осуждая его неблагоразуміе въ семъ случаѣ , пишутъ , что если бы онъ , взявъ Смоленскъ , немедленно устремился къ Москвѣ , то войско осаждающихъ , видя съ одной стороны наступленіе Короля , съ другой смѣлаго витязя Сапѣгу , а предъ собою неодолимаго Госѣвскаго , разсѣялось бы въ ужасѣ какъ стадо овецъ ; что Король вошелъ бы побѣдителемъ въ Москву , съ Думою Боярскою умирилъ бы Государство , или давъ ему Владислава , или присоединивъ оное къ Республикѣ , и возвратился бы въ Варшаву завоевателемъ не одного Смоленска , но цѣлой Державы Россійской ⁽⁷⁷⁸⁾ . Заключеніе едва ли справедливое :

ибо тысячь пять усталыхъ воиновъ, съ Королемъ мало уважаемымъ Ляхами и ненавидимымъ Россіянами, не слѣзали бы, вѣроятно, болѣе того, что слѣзаль послѣ новый его Военачальникъ, какъ увидимъ: не премѣнило бы судьбы, назначенной Провидѣніемъ для Россіи!

Сей Военачальникъ, Гетманъ Литовскій, Ходкѣвичъ, знаменитый опытностію и мужествомъ, дотолѣ дѣйствовавъ съ успѣхомъ противъ Шведовъ, былъ вызванъ изъ Ливоніи, чтобы идти съ войскомъ къ Москвѣ, вмѣсто Сигизмунда, который нетерпѣливо желалъ успокоиться на лаврахъ, и немедленно уѣхалъ въ Варшаву, гдѣ Сенатъ и народъ съ веселіемъ привѣтствовали въ немъ Героя. Но блестящее торжество для него и Республики совершилось въ день достопамятный, когда Жолкѣвскій явился въ столицѣ съ своимъ Державнымъ плѣнникомъ, несчастнымъ Шуйскимъ. Сіе зрѣлище, данное тщеславіемъ тщеславію, надмевало Ляховъ отъ Монарха до послѣдняго шляхтича, и было, какъ они думали, несомнительнымъ знакомъ ихъ уже рѣшеннаго первенства надъ нами, концемъ долговременнаго боренія между двумя великими народами Славянскими. Утромъ (19 Октября), при несмѣтномъ стеченіи любопытныхъ, Гетманъ ѣхалъ Краковскимъ предмѣстіемъ ко дворцу, съ дружиною

Шуй-
скій въ
Варша-
ву.

благородныхъ всадниковъ, съ Вельможами Коронными и Литовскими, въ шестидесяти каретахъ ⁽⁷⁷⁹⁾; за ними, въ открытой богатой колесницѣ, на шести бѣлыхъ аргамакахъ, Василій, въ парчевой одеждѣ и въ черной лисьей шапкѣ, съ друмя братьями, Князьями Шуйскими, и съ Капитаномъ Гвардіи; далѣе Шенцъ, Архіепископъ Сергій и другіе Смоленскіе плѣнники въ особенныхъ каретахъ ⁽⁷⁸⁰⁾. Король ждалъ ихъ во дворцѣ, сидя на тронѣ, окруженный Сенаторами и чиновниками, въ глубокой тишинѣ. Гетманъ ввелъ Царя-невольника и представилъ Сигизмунду. Лице Василія изображало печаль, безъ стыда и робости: онъ держалъ шанку въ рукѣ, и легкимъ наклоненіемъ головы привѣтствовалъ Сигизмунда. Всѣ взоры были устремлены на сверженнаго Монарха, съ живѣйшимъ любопытствомъ и наслажденіемъ: мысль о превратностяхъ рока и жалость къ злосчастію не мѣшала восторгу Ляховъ. Продолжалось молчаніе: Василій также внимательно смотрѣлъ на лица Вельможъ Польскихъ, какъ бы искалъ знакомыхъ между ими, и нашелъ: отца Маринина, имъ спасеннаго отъ ужасной смерти, и въ сію минуту счастливаго его бѣдствіемъ ⁽⁷⁸¹⁾! . . . Наконецъ Гетманъ прервалъ безмолвіе высокопарною рѣчью, не весьма искреннею и скромною: «дивилсѣя въ ней разительнымъ перемѣнамъ въ судьбѣ Государствъ и счастію Сигизмунда; хвалилъ его мужество и твердость въ обстоятельствахъ трудныхъ; славилъ завоеваніе Смолен-

«ска и Москвы; указывалъ на Царя, преемника
«великихъ Самодержцевъ, еще недавно ужас-
«ныхъ для Республики и всѣхъ Государей со-
«сѣдственныхъ, *даже Султана и почти цѣлаго*
«міра; указывалъ и на Дмитрія Шуйскаго, Пред-
«водителя *ста — осьмидесяти тысячъ* воиновъ
«*храбрыхъ*; исчислялъ Царства, Княженія, об-
«ласти, народы и богатство, коими владѣли сіи
«плѣнники, всего лишенные умомъ Сигизмун-
«довымъ, взятые, повергаемые къ ногамъ Ко-
«ролевскимъ . . . Тутъ (*пишутъ Ляхи*) Василій,
«кланяясь Сигизмунду, опустилъ правую руку
«до земли и приложилъ себѣ къ устамъ: Дми-
«трій Шуйскій ударилъ челомъ въ землю, а
«Князь Иванъ три раза, и заливаясь слезами.
«Гетманъ поручалъ ихъ Сигизмундову велико-
«душію; доказывалъ Исторією, что и самые зна-
«менитѣйшіе Вѣнценосцы не могутъ назваться
«счастливыми до конца своей жизни, и ходатай-
«ствовалъ за несчастныхъ.»

Великодушіе Сигизмунда состояло въ обузда-
ніи мстительныхъ друзей Воеводы Сендомир-
скаго, которые пымали нетерпѣніемъ сказать
торжественно Василю, что «онъ не Царь, а зло-
«дѣй, и недостойнъ милосердія, измѣнивъ Ди-
«митрію, упоивъ стогны Московскія кровію
«благородныхъ Ляховъ, обезчестивъ Пословъ
«Королевскихъ, вѣнчанную Марину, ея Вель-
«можнаго отца, и въ бѣдствіи, въ неволѣ дерзая
«быть *гордымъ, упрямымъ* ⁽⁷⁸²⁾, какъ бы въ по-
«смѣяніе надъ судьбою :» упрекъ достохвальный

для Царя злополучнаго и несогласный съ извѣстіемъ о минимомъ уничиженіи его предъ Королемъ ⁽⁷⁸³⁾! — Насытивъ глаза и сердце зрѣлищемъ лестнымъ для народнаго самолюбія, послали Василия въ Гостинскій замокъ, близъ Варшавы, гдѣ онъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ (12 Сентября 1612) кончилъ жизнь бѣдственную, но не безславную; гдѣ умерли и его братья, менѣе твердые въ уничиженіи и въ неволѣ ⁽⁷⁸⁴⁾. Чтобы увѣковѣчить свое торжество, Сигизмундъ воздвигнулъ мраморный памятникъ надъ могилою Василия и Князя Дмитрія въ Варшавѣ, въ предмѣстіи Краковскомъ, въ новой часовнѣ у церкви Креста Господня, съ слѣдующею надписью: «Во славу Царя Царей, «одержавъ побѣду въ Клушинѣ, занявъ Москву, «возвративъ Смоленскъ Республикѣ, плѣнивъ «Великаго Князя Московскаго, Василия, съ братомъ его, Княземъ Дмитріемъ, Главнымъ Воеводою Россійскимъ, Король Сигизмундъ, по «ихъ смерти, велѣлъ здѣсь честно схоронить «тѣла ихъ, не забывая общей судьбы человѣческой, и въ доказательство, что во дни его «царствованія не лишались погребенія и враги, «Вѣнценосцы беззаконные» ⁽⁷⁸⁵⁾! — Во времена лучшія для Россіи, въ государственіе Михаила, Польша должна была отдать ей кости Шуйскихъ; во времена еще славнѣйшія, въ государственіе Петра Великаго, отдала сему ревностному заступнику Августа II и другой памятникъ нашей незгоды: картину взятія Смо-

ленска и Василиева позора въ неволѣ, писанную искуснымъ художникомъ Долабелю (786). Рукою мугущества стерты знаменія слабости!

Еще имѣя нѣкоторый стыдъ, Король не являлъ Филарета, Голицына и Мезецкаго въ видѣ плѣнниковъ въ Варшавѣ: ихъ, вмѣстѣ съ Шейнымъ, томили въ неволѣ девять лѣтъ, славныхъ особенно для Филаретовой добродѣтели: ибо не только Литовскіе единовѣрцы наши, но и Вельможи Польскіе, дивясь его твердости, разуму, великодушію, оказывали искреннее къ нему уваженіе. Онъ дожилъ, къ счастью, до свободы; дожилъ и знаменитый Шейнъ, къ несчастію своему и къ горести Россіи (787)! . . .

Между тѣмъ, не взирая на паденіе Смоленска, на торжество Сигизмундово и важныя приготовленія Гетмана Ходкѣвича, Воеводы Московскаго стана имѣли бы время и способъ одолѣть упорную защиту Госѣвскаго, если бы они дѣйствовали съ единодушною ревностію; но съ Ляпуновымъ и Трубецкимъ сидѣлъ въ совѣтѣ, начальствовалъ въ битвахъ, дѣлилъ власть государственную и воинскую . . . злодѣй, коего умыселъ гнусный уже не былъ тайною. Атаманъ Заруцкій, сильный числомъ и дерзостію своихъ Козаковъ-разбойниковъ, алчный, ненасытный въ любостяжа-

Умь
сель Заруцкаго
и Маринь.

ни, пользуясь смутными обстоятельствами, не только хваталъ все, что могъ, цѣлые города и волости себѣ въ добычу ⁽⁷⁸⁸⁾ — не только давалъ Козакамъ опустошать селенія, жить грабежемъ, какъ бы въ землѣ непріятельской, и плавалъ съ ними въ изобиліи, когда другіе войны едва не умирали съ голоду въ станѣ: но мыслилъ схватить и Царство! Марина была въ рукахъ его: тщетно писалъ изъ Калуги жалобныя грамоты къ Сапѣгѣ ⁽⁷⁸⁹⁾, чтобы онъ спасъ ея честь и жизнь отъ свирѣпыхъ Россіянъ, сія безстыдная кинулась въ объятія Козака, съ условіемъ, чтобы Заруцкій возвелъ на престолъ Ажедимитріева сына-младенца и, въ качествѣ Правителя, властвовалъ съ нею! Что нелѣпое и безумное могло казаться тогда несбыточнымъ въ Россіи? Лицемерно приставъ къ Трубецкому и Ляпунову — взявъ подъ надзоръ Марину, переведенную въ Коломну — имѣя дружелюбныя сношенія и съ Голышевскимъ ⁽⁷⁹⁰⁾, обманывая Россіянъ и Ляховъ, Заруцкій умножалъ свои шайки прелестію добычи, искалъ единомышленниковъ, въ пользу Ажедаревича Іоанна, между людьми чиновными, и находилъ ⁽⁷⁹¹⁾, но еще не довольно для успѣха вѣроятнаго. Ковъ огласился — и Ляпуновъ предпріималъ, одинъ, безъ слабаго Трубецкаго, если не вдругъ обличить злодѣя въ Атаманѣ многолюдныхъ шакъ, то обуздать его беззаконія, которыя давали ему силу.

Ляпуновъ сдѣлалъ, что всѣ Дворяне, Дѣти Боярскіе, люди служивые написали челобитную

къ Тріумвирамъ о собраніи Думы Земской, требуя уставовъ для благоустройства и казни для преступниковъ ⁽⁷⁹²⁾. Къ досадѣ Заруцкаго и даже Трубецкаго, сія Дума составилаь изъ Выборныхъ войска, чтобы дѣйствовать именемъ отечества и Чиновъ Государственныхъ, хотя и безъ знатнаго Духовенства, безъ мужей Синклита. Она утвердила власть Тріумвировъ ⁽⁷⁹³⁾, по предписала имъ правила; усталила: «1) Взять «помѣстья у людей сильныхъ, которые за- «владѣли ими въ мятежныя времена безъ «земскаго приговора, раздать скуднымъ «Дѣтямъ Боярскимъ или употребить до- «ходы оныхъ на содержаніе войска; взять «также все данное именемъ Владислава или «Сигизмунда, *сверхъ старыхъ окладовъ*, «Боярамъ и Дворянамъ, оставшимся въ «Москвѣ съ Литвою; взять помѣстья у «всѣхъ худыхъ Россіянъ, нехотящихъ въ «годину чрезвычайныхъ опасностей ѣхать «на службу отечества или самовольно уѣз- «жающихъ изъ Московскаго стана; взять «въ казну всѣ доходы питейные и тамо- «женные, незаконно присвоенные себѣ «нѣкоторыми *Воеводами*» (вѣроятно Заруц- кимъ). «2) Снова учредить Вѣдомство По- «мѣстное, Казенное и Дворцовое для сбо- «ровъ хлѣбныхъ и денежныхъ. 3) Урав- «нять, землями и жалованьемъ, всѣхъ са- «новниковъ *безъ разбора, гдѣ кто слу-*

Устав-
ная гра-
мота.

«жилъ : въ Москвѣ ли, въ Тушинѣ или въ Калу-
«гѣ, смотря по ихъ достоинству и чину. 4) Не
«касаться имѣнія добрыхъ Россіянъ, убитыхъ
«или плѣненныхъ Литвою, но отдать его ихъ
«семействамъ или соблюсти до возвращенія
«плѣнниковъ ; не касаться также имѣнія цер-
«квей, монастырей и Патріаршаго ; не касаться
«ничего, даннаго Царемъ Василиемъ въ награду
«сподвижникамъ Князя Михаила Скопина-Шуй-
«скаго и другимъ воинамъ за вѣрную службу.
«5) Назначить жалованье и доходы сановникамъ
«и Дѣтямъ Боярскимъ, коихъ помѣстья заняты
«или опустошены Литвою, и которые стоятъ
«нынѣ со всею землею противъ измѣнниковъ и
«враговъ. 6) Для посылокъ въ города употреб-
«лять единственно Дворянъ раненныхъ и неспо-
«собныхъ къ бою, а всѣмъ здоровымъ возвра-
«титься къ знаменамъ. 7) Кто нынѣ умретъ за
«отечество, или будетъ изувѣченъ въ битвахъ,
«тѣхъ имена да внесутся въ Розрядныя Книги,
«вмѣстѣ съ неложнымъ описаніемъ всѣхъ дѣлъ
«знаменитыхъ, на память вѣкамъ. 8) Атама-
«намъ и Козакамъ строго запретить всякіе разъ-
«ѣзды и насилія; а для кормовъ посылать только
«Дворянъ добрыхъ съ Дѣтьми Боярскими. Кто же
«изъ людей воинскихъ дерзнетъ грабить въ се-
«леніяхъ и на дорогахъ, тѣхъ казнить безъ
«милосердія: для чего возстановится старый
«Московскій Приказъ Разбойный или Земскій.
«9) Управлять войскомъ и землею тремъ из-
«бравнымъ Властителемъ, но не казнить никого

«смертію и не ссылатъ безъ торжествен-
наго земскаго приговора, безъ суда и вины
законной; кто же убьетъ человѣка само-
вольно, того лишить жизни, какъ злодѣя.
«10) А если избранные Властители не бу-
дутъ радѣть вседушно о благѣ земли и
слѣдовать уставленнымъ здѣсь правиламъ,
или Воеводы не будутъ слушаться ихъ
безпрекословно: то мы вольны *всею зем-
лею* перемѣнить Властителей и Воеводъ,
и выбрать иныхъ, способныхъ къ бою и
дѣлу земскому.»

Сію важную, уставную грамоту, ознаме-
нованную духомъ умѣренности, любви къ
общему государственному благу и снис-
хожденія къ несчастнымъ обстоятель-
ствамъ времени, подписали Тріумвиры
(Ляпуновъ вмѣсто Заруцкаго, вѣроятно
безграмотнаго), три Дьяка, Окольникій Ар-
темій Измайловъ, Князь Иванъ Голицынъ,
Вельяминовъ, Иванъ Шереметевъ и мно-
жество людей безчиновныхъ отъ имени
двадцати-пяти городовъ и войска ⁽⁷⁰⁴⁾.
Дали и старались исполнить законъ; воз-
становили хотя тѣнь Правительства, без-
душнаго въ Самодержавіи безъ Самодерж-
ца. Но Ляпуновъ уже занимался и глав-
нымъ дѣломъ: вопросомъ, гдѣ искать луч-
шаго Царя для одушевленія Россіи? Уже,
перемѣнивъ мысли ⁽⁷⁰⁵⁾, онъ думалъ, по-
добно Мстиславскому и другимъ, что сей

лучшій Царь долженъ быть иноземецъ Державнаго племени, безъ связей наслѣдственныхъ и личныхъ, родственниковъ и клевретовъ, враговъ и завистниковъ между подданными. Недоставало времени обозрѣть все Державы Христіанскія, искать далеко, сноситься долго: ближайшее казалось и выгоднѣйшимъ, обѣщая намъ, вмѣсто вражды, миръ и союзъ. Ляхи насъ обманули: мы еще могли испытать Шведовъ, менѣе противныхъ Россійскому народу. Ненависть къ Ляхамъ кипѣла во всехъ сердцахъ: ненависть къ Шведамъ была только историческимъ воспоминаніемъ Новгородскимъ — и даже Новгородъ, какъ увѣряютъ, мыслилъ въ случаѣ крайности поддаться скорѣе Шведамъ, нежели Сигизмунду (796). Что предлагалъ Делагарди самъ собою, того уже ревностно хотѣлъ Карлъ IX: дать намъ сына въ Цари; уполномочилъ Вождя своего для всехъ важныхъ договоровъ съ Россією, и писалъ къ ея Чиnamъ Государственнымъ, что Сигизмундъ, будучи орудіемъ Іезуитовъ или Папы, желаетъ властвовать надъ нею единственно для искорененія Греческой Вѣры; что Король Испанскій въ заговорѣ съ ними и намѣренъ занять Архангельскъ или гавань Св. Николая; но что Россія въ тѣсномъ союзѣ съ Швецією можетъ презирать и Ляховъ и Папу и Короля Испанскаго (797). Россія видѣла Шведовъ въ Клушинѣ! Могла однакожь извинять ихъ невѣрность невѣрностію своихъ, и помнила, что они съ незабвеннымъ Княземъ Михаиломъ

освободили Москву. Ляпуновъ рѣшился вступить въ переговоры съ Генераломъ Делагарди.

Дѣла съ
Шведа-
ми.

Желая утвердить вѣчную дружбу съ нами, Шведы въ сіе время продолжали безсовѣстную войну свою въ древнихъ областяхъ Новгородскихъ, и тщетно хотѣвъ взять Орѣшекъ ⁽⁷⁹⁸⁾, взяли наконецъ Кексгольмъ, гдѣ изъ трехъ тысячъ Россіянъ, истребленныхъ битвами и цынгою, оставалось только сто человѣкъ, вышедшихъ свободно, съ имѣніемъ и знаменами: ибо непріятель еще страшился ихъ отчаянія, свѣдавъ, что они готовы взорвать крѣпость и взлетѣть съ нею на воздухъ! Дикія скалы Корельскія прославились великодушіемъ защитниковъ, достойныхъ сравненія съ Героями Лавры и Смоленска! Къ сожалѣнію, Новгородцы не имѣли такого духа, и хваляся ненавистію къ одному врагу, къ Ляхамъ, какъ бы безопасно видѣли завоеванія другаго: уже Делагарди стоялъ на берегахъ Волхова! Бояринъ Иванъ Салтыковъ, начальствуя въ Новгородѣ, внутренно благопріятствовалъ, можетъ быть, Сигизмунду ⁽⁷⁹⁹⁾: по крайней мѣрѣ дѣйствовалъ усердно противъ Шведовъ; но его уже не было. Свѣдавъ, что онъ намѣренъ итти съ войскомъ къ Москвѣ, Новгородцы встревожились; не вѣрили сыну злодѣя и ревнителю Владиславова

царствованія, опасаясь въ немъ готоваго сподвижника Ляховъ; призвали Салтыкова изъ Ладожскаго стана, удостовѣрили крестнымъ объѣтомъ въ личной безопасности — и посадили на колъ, возбужденные къ дѣлу столь гнусному злымъ Дьякомъ Самсоновымъ ⁽⁸⁰⁰⁾! Издыхая въ мукахъ, злосчастный клялся въ своей невинности; говорилъ: «не знаю отца, знаю только «отечество, и буду вездѣ рѣзаться съ Ляхами»... Жертва беззаконія человѣческаго и правосудія Небеснаго: ибо сей юный, умный Бояринъ въ день Клушинской битвы усердіе другихъ измѣнниковъ способствовалъ торжеству Ляховъ и сраму Россіянъ ⁽⁸⁰¹⁾! . . . На мѣсто Салтыкова Ляпуновъ прислалъ Воеводу Бутурлина, а въ слѣдъ за нимъ и Князя Троекурова, Думнаго Дворянина Собакина, Дьяка Васильева, чтобы немедленно условиться во всемъ съ Генераломъ Делагарди, который съ пятью тысячами воиновъ находился уже близъ Хутынской Обители ⁽⁸⁰²⁾. Переговоры начались въ его станѣ. «Судьба Россіи» — сказалъ ему Бутурлинъ — «не терпитъ Вѣнценосца отечественнаго: два бѣдственныхъ избранія доказали, что «подданному нельзя быть у насъ Царемъ благословеннымъ» ⁽⁸⁰³⁾. Ляпуновъ хотѣлъ мира, союза съ Шведами и Принца ихъ, юнаго Филиппа, въ Государи; а Делагарди прежде всего хотѣлъ денегъ и крѣпостей въ залогъ нашей искренности: требовалъ Орѣшка, Ладоги, Ямы, Копорья, Иваня-города, Гдова ⁽⁸⁰⁴⁾. «Лучше

«умереть на своей землѣ, нежели искать спасенія такими уступками,» отвѣтствовали Россійскіе Сановники, и заключили только перемиріе, чтобы описаться съ Ляпуновымъ. Наученный обманомъ Сигизмунда, сей Властитель не думалъ дѣлиться Россіею съ Шведами; соглашался однакожь впустить ихъ въ Невскую крѣпость и выдать имъ нѣсколько тысячъ рублей изъ казны Новгородской, если они поспѣшатъ къ Москвѣ, чтобы вмѣстѣ съ вѣрными Россіянами очистить ея престолъ отъ тѣни Владиславовой — для Филиппа. Все зависѣло отъ Делагарди, какъ прежде отъ Сигизмунда, — и Делагарди сдѣлалъ тоже, что Сигизмундъ: предпочелъ городъ Державъ! . . . Если бы онъ неукоснительно присоединился къ нашему войску подъ столицею, чтобы усилить Ляпунова, раздѣлить съ нимъ славу успѣха, истребить Госѣвскаго и Санѣгу, отразить Ходкѣвича, возстановить Россію: то вѣнецъ Мономаховъ, исторгнутый изъ рукъ Литовскихъ, возвратился бы, вѣроятно, потомству Варяжскому, и братъ Густава Адольфа или самъ Адольфъ, въ освобожденной Москвѣ законно избранный, законно утвержденный на престолѣ Великою Думою Земскою, включилъ бы Россію въ систему Державъ, которыя, чрезъ нѣсколько лѣтъ, Вестфальскимъ миромъ основали равновѣсіе Европы до временъ новѣйшихъ!

Но Делагарди, снискавъ личную пріязнь Бутурлина, бывшаго Гетманова плѣнника и ревностнаго

ненавистника Ляховъ, вздумалъ, по тайному совѣту сего легкомысленнаго Воеводы, какъ пишутъ ⁽⁸⁰⁵⁾ — захватить древнюю столицу Рюрикову, чтобы возвратить ее Московскому Царю-Шведу, или удержать какъ важное приобрѣтеніе для Швеціи. Срокъ перемирія минулъ, и Делагарди, жалуясь, что Новгородцы не даютъ ему денегъ, изъявляютъ расположеніе непріятельское, укрѣпляются, жгутъ деревянныя зданія близъ вала, ставятъ пушки на стѣнахъ и башняхъ ⁽⁸⁰⁶⁾, приближился къ Колмову монастырю, устроилъ войско для нападенія, тайно высматривалъ мѣста и дружелюбно угощалъ пословъ Ляпунова. Бутурлинъ съ нимъ не разлучался, празднуя въ его станѣ. Другіе Воеводы также безпечно пили въ Новѣгородѣ; не берегли ни стѣнъ, ни башенъ; жители ссорились съ людьми ратными; купцы возили товары къ Шведамъ. Ночью съ 15 на 16 Іюля ⁽⁸⁰⁷⁾ Делагарди, объявивъ своимъ чиновникамъ, что *враждебный Новгородъ, великій имениемъ, славный богатствомъ, не страшный силами, долженъ быть ихъ легкою добычею и важнымъ залогомъ, съ помощію одного слуги измѣнника, Ивана Швала, незапно вломился въ западную часть города, въ Чудинцовскія ворота. Всѣ спали: обыватели и стража. Шведы рѣзали безоружныхъ. Скоро раздался вопль изъ конца*

Новгородъ
взять
Генераломъ
Делагарди.

въ конецъ, но не для битвы: кидались отъ ужаса въ рѣку, спасались въ крѣпость, бѣжали въ поле и въ лѣса ⁽⁸⁰⁸⁾; а Бутурлинъ Московскою дорогою съ Дѣтьми Боярскими и Стрѣльцами, имѣвъ однакожь время выграбить лавки и дома знатнѣйшихъ купцевъ. Сражалась только горсть людей подъ начальствомъ Головы Стрѣлецкаго, Василія Гаютина, Атамана Шарова, Дьяковъ Голенищева и Орлова; не хотѣла сдаться и легла на мѣстѣ. Еще одинъ домъ на Торговой Сторонѣ казался неодолимою твердынею: Шведы приступали и не могли взять его. Тамъ мужествовалъ Протоіерей Софійскаго храма, Аммосъ, съ своими друзьями, въ глазахъ Митрополита Исидора, который на стѣнахъ крѣпости пѣлъ молебны, и видя такую доблесть, издали давалъ ему благословеніе крестомъ и рукою, снявъ съ него какую-то эпитимію церковную. Шведы сожгли наконецъ и домъ и хозяина, послѣдняго славнаго Новгородца въ Исторіи ⁽⁸⁰⁹⁾! Уже не находя сопротивленія, они искали добычи; но пламя объяло вдругъ нѣсколько улицъ, и Воевода Бояринъ Князь Никита Одоевскій, будучи въ крѣпости съ Митрополитомъ, немногими Дѣтьми Боярскими и народомъ малодушнымъ, предложилъ Генералу Делагарди мирныя условія. Заключили, 17 Іюля ⁽⁸¹⁰⁾, слѣдующій договоръ, отъ имени Карла IX и Новгорода,

Дого-
воръ
Шве-

съ вѣдома Бояръ и народа Московскаго, утверждая всякую статью крестнымъ цѣлованіемъ за себя и потомство: ловъ съ
Новым-
горо-
домъ.

1) Быть вѣчному миру между обѣими Державами, на основаніи *Теузинскаго* (811) договора. Мы, Новгородцы, отвергнувъ Короля Сягизмунда и наслѣдниковъ его, Литву и Ляховъ вѣроломныхъ, признаемъ своимъ защитникомъ и покровителемъ Короля Шведскаго, съ тѣмъ, чтобы Россіи и Швеціи вмѣстѣ противиться сему врагу общему, и не мириться одной безъ другой.

2) Да будетъ Царемъ и Великимъ Княземъ Владимірскимъ и Московскимъ сынъ Короля Шведскаго, Густавъ Адольфъ или Филиппъ. Новгородъ цѣлуется ему крестъ въ вѣрности, и до его прибытія обязывается слушать военачальника Іакова Делагарди во всемъ, что касается до чести упомянутаго сына Королевскаго и до государственнаго, общаго блага; вмѣстѣ съ нимъ, Іаковомъ, утвердить въ вѣрности къ Королевицу всѣ города своего Княжества, оборонять ихъ и не жалѣть для того самой жизни. Мы, Исидоръ Митрополитъ, Восвода Князь Одоевскій и всѣ иные сановники, клянемся ему, Іакову, быть искренними въ совѣтѣхъ и ревностными на дѣлѣ; немедленно сообщать все, что узнаемъ изъ Москвы и другихъ мѣстъ Россіи; безъ его вѣдома не замышлять

ничего важнаго, особенно вреднаго для Шведовъ, но предостерегать и хранить ихъ во всѣхъ случаяхъ; также объявить добросовѣстно всѣ приходы казенные, наличныя деньги и запасы, чтобы удовлетворять войско, снабдить крѣпости всѣмъ нужнымъ для ихъ безопасности и тѣмъ успѣшнѣе смирить непослушныхъ Королевичу и великому Новугороду.

3) Взаимно и мы, Іаковъ Делагарди и всѣ Шведскіе сановники, клянемся, что *если* Княжество Новгородское и Государство Московское признають Короля Шведскаго и наслѣдниковъ его своими покровителями, заключивъ союзъ, противъ Ляховъ, на вышеозначенныхъ условіяхъ: то Король дастъ имъ сына своего, Густава или Филиппа, въ Цари, какъ скоро они единодушно, торжественнымъ посольствомъ, изъяснятъ Его Величеству свое желаніе; а я, Делагарди, именемъ моего Государя обещаю Новугороду и Россіи, что ихъ древняя Греческая Вѣра и Богослуженіе останутся свободны и невредимы, храмы и монастыри цѣлы, Духовенство въ чести и въ уваженіи, имѣніе Святительское и Церковное неприкосновенно.

4) Области Новгородскаго Княжества и другія, которыя захотятъ также имѣть Государя моего покровителемъ, а сына его Царемъ, не будутъ присоединены къ Швеціи, но останутся Россійскими, исключая Кексгольмъ съ Уѣздомъ; а что Россія должна за наемъ Шведскаго войска, о томъ Король, давъ ей сына въ Цари и сми-

ривъ всѣ мятежи ея, съ Боярами и народомъ сдѣлаеть расчетъ и постановленіе особенное.

5) Безъ вѣдома и согласія Россійскаго Правительства не вывозить въ Швецію ни денегъ, ни воинскихъ снарядовъ, и не сманивать Россіянъ въ Шведскую землю, но жить имъ спокойно на своихъ древнихъ правахъ, какъ было отъ времени Рюрика до Θεодора Іоанновича.

6) Въ судахъ, вмѣстѣ съ Россійскими сановниками должно засѣдать такое же число и Шведскихъ для наблюденія общей справедливости. Преступниковъ, Шведовъ и Россіянъ, наказывать строго; не укрывать ни тѣхъ, ни другихъ, и въ силу Теузискаго договора, выдавать обидчиковъ истцамъ.

7) Бояре, чиновники, Дворянство и люди воинскіе сохраняютъ отчины, жалованье, помѣстья и права свои; могутъ заслужить и новыя, усердіемъ и вѣрностію.

8) Будутъ награждаемы и достойные Шведы, за ихъ службу въ Россіи, имѣніемъ, жалованьемъ, землями, но единственно съ согласія Вельможъ Россійскихъ, и не касаясь собственности церковной, монастырской и частной.

9) Утверждается свобода торговли между обѣими Державами.

10) Козакамъ Дерптскимъ, Ямскимъ и другимъ изъ Шведскихъ владѣній открыть путь въ Россію и назадъ ⁽⁸¹²⁾, какъ было уставлено до Борисова царствованія.

11) Крѣпостные люди, или холопи, какъ

издревле ведется, принадлежать Господамъ, и не могутъ искать вольности.

12) Пльиники, Россійскіе и Шведскіе, освобождаются.

13) Сіи условія тверды и ненарушимы какъ для Новагорода, такъ и для всей Московской Державы, если она признаетъ Государя Шведскаго покровителемъ, а Королевича Густава или Филиппа Царемъ. О всемъ дальнѣйшемъ, что будетъ нужно, Король условится съ Россією по воцареніи его сына.

14) Между тѣмъ, ожидая новыхъ повелѣній отъ Государя моего, я, Делагарди, введу въ Новгородъ столько воиновъ, сколько нужно для его безопасности; остальную же рать употреблю, или для смиренія непослушныхъ, или для защиты вѣрныхъ областныхъ жителей; а Княжествомъ Новогородскимъ, съ помощію Божією, Митрополита Исидора, Воеводы Князя Одоевскаго и товарищей его, буду править радѣтельно и добросовѣстно, охраняя гражданъ и строгостію удерживая воиновъ отъ всякаго насплія.

15) Жители обязаны Шведскому войску давать жалованье и припасы, чтобы оно тѣмъ ревностнѣе содѣйствовало общему благу.

16) Боярамъ и ратнымъ людямъ не дозволяется, безъ моего вѣдома, ни выѣзжать, ни вывозить своего имѣнія изъ города (⁸¹³).

17) Сіи взаимныя условія ненарушимы для Новагорода, и въ такомъ случаѣ, если бы,

сверхъ чаянія , Государство Московское не приняло оныхъ : въ удостовѣреніе чего мы, Воевода Іаковъ Делагарди , Полковники и Сотники Шведской рати , даемъ клятву , утвержденную нашими печатами и рукоприкладствомъ .

18) И мы , Исидоръ Митрополитъ съ Духовенствомъ , Бояре , Чиновники , купцы и всякаго званія люди Новгородскіе , также клянемся , въ вѣрномъ исполненіи договора , нашему покровителю , Его Величеству Карлу IX и сыну его , будущему Государю нашему , хотя бы , сверхъ чаянія , Московское Царство и не приняло сего договора .

О Вѣрѣ избираемаго не сказано ни слова ; Делагарди безъ сомнѣнія успокоилъ Новгородцевъ , какъ Жолкѣвскій Москвитянь , единственно надеждою , что Королевичъ исполнитъ ихъ желаніе и будетъ сыномъ нашей Церкви . Въ крайности обстоятельствъ молчала и ревность къ Православію ! Думали только спастися отъ государственной гибели , хотя и съ соблазномъ , хотя и съ опасностію для Вѣры .

Шведы , вступивъ въ крѣпость , нашли въ ней множество пушекъ ⁽⁸¹⁴⁾ , но мало воинскихъ и съѣстныхъ припасовъ и только 500 рублей въ казнѣ , такъ , что Делагарди , мысливъ обогатиться несмѣтными богатствами Новгородскими , долженъ былъ требовать денегъ отъ Короля : ибо войско его нетерпѣ-

Мятежъ живо хотѣло жалованья, волновалось, въ войскѣ Генерала Деллагарди бунтовало, и цѣлыя дружины съ распущенными знаменами бѣжали въ Финляндію (813).

Къ счастью Шведовъ, Новгородцы оставались зрителями ихъ мятежа, и дали Генералу Деллагарди время усмирить его, вѣрно исполняя договоръ, утвержденный и присягою всѣхъ Дворянъ, всѣхъ людей ратныхъ, которые ушли съ Бутурлинымъ, но возвратились изъ Бронницъ. Самъ же Бутурлинъ, если не измѣнникъ, то безумецъ, живъ нѣсколько дней въ Бронницахъ, чтобы дождаться тамъ своихъ пожитковъ изъ Новгорода, имъ злодѣйски ограбленнаго, сѣвшиль въ станъ Московскій, вмѣстѣ съ Деллагардіевымъ чиновникомъ, Георгомъ Бромме, извѣстить нашихъ Воеводъ, что Шведы, взявъ Новгородъ какъ непріатели, готовы какъ друзья стоять за Россію противъ Ляховъ.

Но станъ Московскій представлялся уже не Россіею вооруженною, а мятежнымъ скопищемъ людей буйныхъ, между коими честь и добродѣтель въ слезахъ и въ отчаяніи укрывались! — Одинъ Россіянинъ былъ душою всего, и палъ, казалось, на гробъ отечества. Врагамъ иноплеменнымъ ненавистный, еще ненавистнѣйшій измѣнникамъ и злодѣямъ Россійскимъ, тотъ, на кого Атаманъ разбойниковъ, въ личинѣ

Убіеніе
Япунова.
Историческіе
описанія.

государственнаго Властителя, извергъ Заруцкій, скрежеталъ зубами — Ляпуновъ дѣйствовалъ подъ ножами ⁽⁸¹⁶⁾. Уважаемый, но мало любимый за свою гордость, онъ не имѣлъ, по крайней мѣрѣ, смиренія Михайлова; зналъ цѣну себѣ и другимъ; снисходилъ рѣдко, презиралъ явно; жилъ въ избѣ, какъ во дворцѣ недоступномъ, и самые знатные чиновники, самые раболѣбные уставали въ ожиданіи его выхода, какъ бы Царскаго ⁽⁸¹⁷⁾. Хищники, имъ унижаемые, пылали злобою и замыслили убійство, въ надеждѣ угодить многимъ личнымъ неприятелямъ сего величаваго мужа. Первое покушеніе обратилось ему въ славу ⁽⁸¹⁸⁾; 20 Козаковъ, кинутыхъ Воеводою Плещеевымъ въ рѣку за разбой близъ Угрюнской Обители, были спасены ихъ товарищами и приведены въ станъ Московскій. Сдѣлался мятежъ: грабители, вступаясь за грабителей, требовали головы Ляпунова. Видя остервененіе злыхъ и холодность добрыхъ, онъ въ порывѣ негодованія сѣлъ на коня и выѣхалъ на Рязанскую дорогу, чтобы удалиться отъ недостойныхъ сподвижниковъ. Козаки догнали его у Симонова монастыря, но не дерзнули тронуть: напротивъ того убѣждали остаться съ ними. Онъ ночевалъ въ Никитскомъ укрѣпленіи, гдѣ въ слѣдующій день явилось все войско: кричало, требовало, слезно молило именемъ Россіи, чтобы ея главный поборникъ не жертвовалъ ею своему гнѣву. Ляпуновъ смягчился, или одумался: занялъ

прежнее мѣсто въ станѣ и въ совѣтѣ, одолѣвъ враговъ, или только углубивъ ненависть къ себѣ въ ихъ сердцахъ. Мятежъ утихъ; возникъ гнусный ковъ, съ участіемъ и внѣшняго непріятеля. Имѣя тайную связь съ Атаманомъ-Тріумвиромъ, Госѣвскій изъ Кремля подалъ ему руку на гибель человѣка, для обоихъ страшнаго: вмѣстѣ умыслили и написали именемъ Ляпунова указъ къ городскимъ Воеводамъ о немедленномъ истребленіи всѣхъ Козаковъ въ одинъ день и часъ ⁽⁸¹⁹⁾. Сію подложную, будто бы отнятую у гонца бумагу представилъ товарищамъ Атаманъ Заварзинъ: рука и печать казались несомнительными. Звали Ляпунова на сходъ: онъ мелалъ; наконецъ увѣренный въ безопасности двумя чиновниками, Толстымъ и Потемкинымъ, явился среди шумнаго сборища Козаковъ; выслушалъ обвиненія; увидѣлъ грамоту и печать; сказалъ: «писано не мною, «а врагами Россіи;» свидѣтельствовался Богомъ; говорилъ съ твердостію; смыкалъ уста и буйныхъ; не усовѣстилъ единственно злодѣевъ: его убили, и только одинъ Россіянинъ, личный непріятель Ляпунова, Иванъ Ржевскій, сталъ между имъ и ножами: ибо любилъ отечество; не хотѣлъ пережить такого убійства, и великодушно пріять смерть отъ изверговъ ⁽⁸²⁰⁾: жертва единственная, но драгоцѣнная, въ честь Герою своего времени, Главѣ возстанія, животворцу государственному, коего великая тѣнь, уже примиренная съ закономъ,

является лучезарно въ преданіяхъ Исторіи, а тѣло, искаженное злодѣями, осталось, можетъ быть, безъ Христіанскаго погребенія, и служило пищею вранамъ, въ упрекъ современникамъ неблагодарнымъ, или малодушнымъ, и къ жалости потомства!

Слѣдствія были ужасны. Не умѣвъ защитить мужа силы, достойнаго Стратига и Властителя, войско пришло въ неописанное смятеніе; надежда, довѣренность, мужество, устройство исчезли. Злодѣйство и Заруцкій торжествовали ⁽⁸²¹⁾; грабительства и смертоубійства возобновились, не только въ селахъ, но и въ станѣ, гдѣ неистовые Козаки, расхитивъ имѣніе Ляпунова и другихъ, умертвили многихъ Дворянъ и Дѣтей Боярскихъ. Многіе воины бѣжали изъ полковъ, думая о жизни болѣе, нежели о чести, и вездѣ распространили отчаяніе; лучшіе, благороднѣйшіе искали смерти въ битвахъ съ Ляхами ⁽⁸²²⁾. . . Въ сіе время явился Сапѣга отъ Переслава, а Госѣвскій сдѣлалъ вылазку: напали дружно, и снова взяли все отъ Алексѣевской башни до Тверскихъ воротъ, весь Бѣлый городъ и всѣ укрѣпленія за Москвою-рѣкою. Россіяне вездѣ противились слабо, уступивъ малочисленному неприятелю и монастырь Дѣвичій ⁽⁸²³⁾. Сапѣга вошелъ въ Кремль съ побѣдою и запасами. Хотя Россія еще видѣла знамена свои на пеплѣ столицы, но чего могла ждать отъ войска, коего срамными Главами оставались Тушинскій

Лжебояринъ и злодѣй, сообщникъ Марины, вмѣстѣ съ измѣнниками, Атаманомъ Просовецкимъ и другими, не воинами, а разбойниками и губителями?

Состоя-
ніе Рос-
сіи.

И что была тогда Россія? Вся полу-
денная беззащитною жертвою грабителей
Ногайскихъ и Крымскихъ: пенелищемъ
кровавымъ, пустынею; вся юго-западная,
отъ Десны до Оки, въ рукахъ Ляховъ,
которые, по убіеніи Лжедмитрія въ Ка-
лугѣ, взяли, разорили вѣрные ему го-
рода: Орелъ, Болховъ, Бѣлевъ, Кара-
чевъ, Алексинъ и другіе ⁽⁸²⁴⁾; Астра-
хань, гнѣздо мелкихъ Самозванцевъ ⁽⁸²⁵⁾,
какъ бы отдѣлилась отъ Россіи, и думала
существовать въ видѣ особеннаго Цар-
ства, не слушаясь ни Думы Боярской, ни
Воеводъ Московскаго стана; Шведы, схва-
тивъ Новгородъ, убѣжденіями и силою
присвоивали себѣ наши сѣверо-западные
владѣнія, гдѣ господствовало безначаліе,—
гдѣ явился еще новый, третій или четвер-
тый Лжедмитрій ⁽⁸²⁶⁾, достойный пред-
шественниковъ, чтобы прибавить новый
стыдъ къ стыду Россіянъ современныхъ
и новыми гнусностями обременить Исто-
рію, — и гдѣ еще держался Лисовскій съ
своими злодѣйскими шайками. Выслан-
ный наконецъ жителями изъ Пскова и не
впущенный въ крѣпкій Иваньгородъ, онъ
взялъ Вороночь, Красный, Заволочье;

нападалъ на малочисленные отряды Шведовъ;
грабилъ, гдѣ и кого могъ ⁽⁸²⁷⁾. Тихвинъ, Ладога
сдались Генералу Делагарди на условіяхъ Ново-
городскихъ ⁽⁸²⁸⁾; Орѣшекъ не сдавался. . . .

.
.
.
.

ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКАГО.

I. Перечисл. правительствъ, собственноручно изданныхъ Историческимъ Департаментомъ на графствъ, концы окъ именовались для сочиненія XII Тома.

II. О Древней и Новой Россіи въ ея политическомъ и гражданскомъ отноше-
ніи (отрывокъ изъ рукописи Исто-
рическаго).

ПРИЛОЖЕНІЯ

къ XII тому

ИСТОРІИ

ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

- I. Перечень происшествій, собственно-ручно выписанныхъ Исторіографомъ изъ главнѣйшихъ матеріаловъ, кои онъ пользовался для сочиненія XII Тома.
- II. О Древней и Новой Россіи въ ея политическомъ и гражданскомъ отношеніяхъ (отрывокъ изъ рукописи Исторіографа).

ВНѢЖНОСТЬ

УЧЕБН. ПУТ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ
Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
С. Петербургъ. 8 Мая 1853 года.

Цензоръ *А. Крыловъ.*

М. 1813—1814

ПЕРЕЧЕНЬ ПРОИСШЕСТВІЙ,

собственноручно выписанныхъ Исторіографомъ изъ главнѣйшихъ матеріаловъ , коими онъ пользовался для сочиненія XII тома.

ИЗЪЯСНЕНІЕ СОКРАЩЕНІЙ.

- Грамоты. Собрание Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ , хранящихся въ Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. М. 1813—1826.
- Договоры. Та же книга.
- Д. Димитрій или Ажедимитрій.
- Ермолаевъ. Выписки сообщенныя Историографу Ермолаевымъ изъ Сборника, хранящагося въ Императорской Публичной Библиотецѣ.
- Ж. Жолѣвскій.
- Журналы. «Rzeczy Polskich za Dymitra opisanie» и «Dyariusz Posłow.»
- Камен. Дипломатическое собраніе Бантыша-Каменскаго.
- Латух. Латухинская Степенная Книга
- Львовъ. Львовскій Лѣтописецъ.
- Л. Лѣтописецъ.
- л. листъ.
- Н. Л. } Никоновскій Лѣтописецъ.
- Ник. }
- об. На оборотѣ.
- Румянц. Румянцовская рукопись.
- Rzeczy. { Rzeczy Polskich za Dymitra opisanie.
- Rz }
- Уваровъ. Хронографъ принадлежавшій Уварову.
- Ф. Рукопись Патріарха Филарета.
- Ш. Шуйскій.
-

ВАРІАНТЪ

КЪ СТРАНИЦАМЪ 318 и 319.

Нѣкоторыя изъ послѣднихъ страницъ XII тома найдены въ подлинной рукописи покойнаго Исторіографа въ двухъ видахъ. Издатели сего тома въ 1829 году выбрали изъ обоихъ варіантовъ полнѣйшій Предлагаемъ и другой, для любопытныхъ Читателей, считая долгомъ, замѣтить, что начало его слѣдуетъ немедленно за словами страницы 318: *дожилъ и знаменитый Шеинъ, къ несчастію своему и къ горести Россіи (78)!...*

Сія неволя тяжкая въ землѣ враждебной сколь была завидна въ сравненіи съ жребіемъ тѣхъ Россіянъ, которые, еще дерзая именоваться Боярами, Правителями Государственными, служили тогда Ляху Госѣвскому или злодѣю Салтыкову, и въ смятеніи ума писали изъ Кремля къ Сигизмунду, что они поздравляютъ его съ одолѣніемъ бунтовщиковъ Смоленскихъ и воздаютъ за то хвалу Богу!

Если въ осажденномъ Кремлѣ недостойные Россіяне могли искренно или притворно, хотя и не менѣе гнусно радоваться : то сердце въ осаждающихъ унало , когда свѣдали о гибели Смоленска , а скоро и другаго знаменитаго , дотолѣ вѣрнаго города, гдѣ самая ненависть къ Ляхамъ дала выгоду иному врагу нашему, столь же хищному. Бояринъ Иванъ Салтыковъ , начальствуя въ Новѣгородѣ , мирволилъ , можетъ быть , Сигизмунду : но крайней мѣрѣ дѣйствовалъ усердно противъ Шведовъ , и выгнавъ ихъ изъ Ладоги, хотѣлъ освободить Кексгольмъ , уже нѣсколько мѣсяцевъ ими тѣсимый; но узнавъ о происшедшемъ въ Москвѣ , немедленно выступилъ туда съ войскомъ изъ Ладоги : съ какимъ намѣреніемъ , неизвѣстно. Сынъ злодѣя и ревнитель Владиславова царствованія могъ ли вселять довѣренность? Желая дѣйствовать за одно со всѣми Россіянами для избавленія столицы отъ Ляховъ , Новогородцы подозрѣвали Ивана Салтыкова въ единомысліи съ отцемъ и звали къ себѣ , давъ ему клятву въ личной для него безопасности. Салтыковъ явился — и былъ вѣроломно преданъ ужасной пыткѣ; клялся въ невинности; говорилъ : «не знаю отца; знаю только отечество и буду рѣзаться съ Ляхами.» Возбуждаемые Дьякомъ Самсоновымъ, Новогородцы посадили сего несчастнаго, юнаго Боярина на колъ, — и Тріумвиры Московскаго стана , довольные ихъ ревностію , на его мѣсто прислали къ нимъ знатнаго Сановника Василія Бутурлина, кото-

рый, бывъ плѣнникомъ Гетмана Жолкѣвскаго, хвалился омерзѣніемъ къ Ляхамъ, а не любовію къ чести и свободѣ Государственной; судилъ по себѣ о другихъ Россіянахъ, не ждалъ ничего добраго отъ своихъ, и лично зная Делагарди, тайно изъявилъ ему готовность содѣйствовать видамъ Шведской политики. Въ сіе время Шведы безъ успѣха приступали къ Орѣшку, но взяли наконецъ Кексгольмъ, гдѣ изъ трехъ тысячъ Россіянъ, истребленныхъ битвою и цынгою, оставалось только 100 человекъ, вышедшихъ свободно съ имѣніемъ и съ оружіемъ: ибо непріятель еще страшился ихъ отчаянія, свѣдавъ, что они готовы взорвать крѣпость и взлетѣть съ нею на воздухъ! Къ несчастію Новгородцы не имѣли такого духа. Делагарди, увѣренный въ Бутурлинъ, съ пятью тысячами Шведовъ приблизился къ Хутынскому монастырю, объявляя вездѣ письмо Карла IX къ Государственнымъ Чиномъ о намѣреніи Короля Испанскаго завоевать пристань Св. Николая, или Архангельскъ, если мы не соединимся съ Шведами, заплативъ имъ всѣ деньги по договору Мансфельдову и Выборгскому: Новгородцы увѣряли Делагарди въ дружелюбіи, въ готовности возобновить союзъ съ Шведами, но требовали, чтобы онъ удалился къ границѣ ждать тамъ отвѣта Воеводѣ Московскаго стана на предложенія Карловы, и между тѣмъ, пославъ ихъ къ Тріумвирамъ, взяли мѣры, хотя исподоволь, для своей защиты: ибо Делагарди не хотѣлъ отступить, тайно сносясь

съ Бутурлинымъ. Еще Новгородцы вѣрили
Шведамъ: вѣрилъ имъ и Лянуновъ, коего
мысль и дѣло въ семъ случаѣ изъяснились об-
стоятельствами важными.

конецъ XII тома.

ЦАРСТВОВАНИЕ

ВАСИЛІЯ ІОАННОВИЧА ШУЙСКАГО.

Сарax imperii
nisi imperasset. Г. 1606—1610.

Грамоты 300.

- 1) Присяга Царю.
- 2) отъ Бояръ.
- 3) отъ Царя.
- 4) отъ Марѣы.

Никон. 76.

Родъ — Клятва — Грамоты —

Никон.

Журнал.

Патріарх. — Ссылка Власье-
ва — Игнатія заключаютъ —
Грамоты о томъ. Н. А. 79.

Никон.

Мощи Іюня 3. Разсылаютъ
Поляковъ — Посольство въ
Литву — Измѣны *) городовъ
Н. А. 79.

— Осада Ельца — Моръ въ
Новѣгородѣ — Петрушка —
80.

Бунтъ крестьянъ и холопей.

Іюня 2.

- 5) Царя о подроб-
ностяхъ.

(Паляцкыя).

- 6) Марѣы о мощахъ
къ жителямъ Ель-
ца.

- 1) родъ
- 2) клятва
- 3) грамоты
- 4) мощи

{ Крѡва-
цѣль?
не 24 ?
Патрі-
архъ ?

Матеріалы :

*) Хронограф. : Сѣвера боится
мести, и къ Полякамъ. —
Царь къ миру уговаривать
Митроп. Пафнутія.

Іовъ ослѣпъ : разрѣшаетъ на-
родъ (Ермолаевъ?) Петруш-
ка : Иваномъ Ивановичемъ
— холопъ Свіяжск. головы
Стрѣлецкаго Григорія Ела-
гина.

Журналы 2.

Беръ —

Паерле —

Де-Ту —

Филаретъ.

Никон.,

Морозов.,

Аврамій.,

Латух.,

Хронографы.

Псков. Лѣт.

2 Іюня RZECZY 67.

21 Мая Марину къ Мнишку, который обходился съ нею etc. 101. — См. Нѣмцев.

Жолверовъ.

Выслали Поляковъ къ границѣ : Rzeczy 67.

6 Іюня (Н. С.) Послы съ боярами во дворцѣ.

103 об. (пышность исчезла ; какъ похороны).

Рѣчь : «мы объ немъ не можемъ жалѣть.» — 76. Rz.

Коронація 1 Іюня (въ Воскресенье) Rzeczy 67 и 119 об.

2 — тѣло Димитріево въ Москву (въ другомъ 123 об.)

9 Іюня. Мнишекъ у Бояръ. 67 : вещи присланы къ Маринѣ.

78 : Наши послы въ Литву 22 Іюня. 25 Іюня смятеніе въ Москвѣ 79.

79 : Сослали Аѳан. Власьева : къ нему въ домъ воеводу и Марину (домъ Борисовъ горитъ 83) см. другой журналъ 111.

— Бояре властиѣ Царя.

Іюля 1 слухъ, что Дим. живъ — слухъ о пораженіи. 82.

80) 1 Авг. Мятежъ : шлютъ войско на мятежниковъ.

80) Вишневу. etc. въ Кострому — другіе въ Ростовъ, Тверь. 81.

81) Царь къ Троицѣ.

82) Мнишекъ въ Ярославль.

84) Сосланъ въ Сибирь Бояринъ Ив. Томалчинъ.

86 : 17 Авг. вѣсть, что 5000 у Ельца побито — 96 еще побито. — еще 97—98 Побѣда. — 107. — Смятеніе 108 и 109—111 клятва Ш. побѣдить — 114, 117. — 112 въ желѣзы Медиковъ,

въ Окт. 1607. Письмо Харлескаго о второмъ Димитріи, въ Нѣмцевич. переводѣ 23, въ оригиналѣ 302.

Повѣсть о разореніи Московскаго Государства.

№ 95.

л. 7. Атаманы : Истома Пашковъ, сынъ Боярскій, и Ивашко Болотниковъ, человекъ Телятевскаго. Прилагаются къ Петрушкѣ холопи.

См. Дѣла Польск.

Кто второй Димитрій? Вережкинъ.

Между тѣмъ Шуйскій подѣ Тулою.

л. 8. Тушинскій казнитъ Самозванцевъ (NB Грамота къ его войску отъ бояръ см. въ Румянцевѣ.)

1½ года осаждаютъ Троицу.

Приходитъ К. М. Шуйскій — воръ бѣжить.

Михаилъ умеръ. Шведы бѣгутъ.

Панъ Жолкѣвскій приходитъ къ Москвѣ.

Шуйскаго Монаха ссылаютъ въ Юсифовъ Монастырь. Тутъ и гл. Салтыковъ о Владиславѣ.

Впускають Поляковъ въ Москву : Посольство къ Королю.

л. 9. Отвозятъ Шуйскаго.

Воръ отъ Москвы къ Калугѣ, и тамъ убить. Трубецкой, Ляпуновъ.

Общій постъ въ Россіи.

Третій Димитрій въ Иванѣ городѣ, и во Псковѣ : см. Псков. Лѣтоп.

Войско подъ Москвою крестъ ему цѣлуе; но Троица нѣтъ. Казнь вору.

Лучшаго Воеводу, Ляпунова, убиваютъ мятежники; лучше люди разѣхались.

л. 10. Заруцкій съ Мариною и съ ея сыномъ бѣжитъ отъ Москвы; пойманъ и казненъ съ Мариною.

Берѣ.

1606.

Король : «не вступаюсь за убіенныхъ ; но если ихъ ближніе за нихъ захотятъ мстить , то не помѣшаю. Подарки возвращаю.» Послы и другіе Поляки свободны.

л. 74. об. выгоняетъ Докторовъ ; но Васмара Лейбъ-Медикомъ.

Умерщвленіе младенца въ Угличѣ.

75. Князь Григ. Шаховской, похитивъ , во время убіенія Д., золотую Госуд. печать , съ двумя Поляками бѣжитъ въ Путивль : тамъ собираются Козаки ; избираютъ въ вожди

Истому Пашкова, — до Ельца все ему покорно.

77. въ Авг. къ Ельцу Царское войско; бьютъ его.

78. Перевозятъ тѣло Борисово : тутъ Ксенія.

79. Истома въ Коломнѣ и на Котлахъ ; многіе бѣгутъ изъ Москвы.

— Болотниковъ (изъ Венеціи) къ Истомѣ съ войскомъ : видѣлся съ Дим. у Воеводши Сендомирской.

См. Ник. Лѣт. 83.

80. Истома передается къ Шуйскому : переговоры съ Болотниковымъ. Требуютъ мнимаго Д., но онъ остался въ Польшѣ. (81.)

Ш. бьетъ Болотникова — и осаждаетъ его въ Калугѣ отъ 30 Дек. до 3 Мая 1607.

1607.

82. Шаховской призвалъ Петрушку и съ нимъ въ Тулу.

— Шведъ предлагаетъ помощь : отвержена.

83. Д. Фидлеръ берется отравить Болотникова ; обманываетъ — и сосланъ въ Сибирь.

84. Петрушка бьетъ Москвитянъ.

— въ Юнѣ Царь осаждаетъ Тулу.

85. Изъ Тулы посылаютъ въ Польшу требовать Димитрія : — является школьный учитель съ Поляками.

87. Онъ въ Стародубѣ (НВ. Письмо Поляка въ Нѣмцевичѣ. 23).

Simonis.

89. Тула сдается въ день Симона и Іуды.

— Судьба Болотникова и Петрушки.

См. Никон. Лѣт. 91.

90. Шаховской на свободѣ. 50 Нѣмцевъ въ Сибирь.

— Кадуга не сдается: Козаки обманываютъ Царя.

1608.

Къ Димитрію многіе Поляки; идетъ къ Брянску.
См. Никон. Лѣт. 92.

92. Измѣны Нѣмца.

93. Раздаетъ помѣстья (Ник. Лѣт. 80).

— Измѣна Нѣмцевъ.

94. Сраженіе Ружинскаго съ Москвитянами (Никон. Лѣт. 95).

95. 1 Іюня Димитрій подъ Москвой.

— въ Тушинѣ отъ 29 Іюня до 29-го Дек. 1609. —

96. Посылаютъ Марину въ Польшу: Д. беретъ ихъ, разбивъ провожатыхъ.

— Волшебства Шуйскаго. Мосальскій къ Д., и объявляетъ, что онъ воръ. 97.

97. Скопина къ Шведамъ. } У Д. 100 т.

— Санѣга осаждаетъ Троицу. } воиновъ.

98. Переславль сдается. Филаретъ. — Ростовъ, Ярославль.

99. Кострома, Галичъ, Вологда.

1609. (годъ ужаснѣйшій!)

100. Сигизмундъ къ Смоленску съ 20 т. (осада-
далъ около двухъ лѣтъ, до 13 Іюня 1611):
41 Іюля Ф.
славная оборона; съ обѣихъ сторонъ погибло
80,000.

101. об. Разореніе отъ Крымцевъ.

Возсталъ Ляпуновъ, будто и противъ Д. и Шуйскаго и Поляковъ.

— Отпали отъ Д. Вологда, Галичъ, Кострома, Романовъ, Ярославль, Суздаль, Молога etc. Возстаніе крестьянъ.

103. Въ Генв. 1609 Скопинъ и Де-ла-Гарди въ Новгородъ съ 3000 — Осада Новагорода — Поляки бѣгутъ.

Титулъ Д. —

104—105. Скопинъ къ Москвѣ — Лисовскій во Псковъ послѣ передачи Д—ва войска къ Королю.

105. об. Сигизмундово посольство въ лагерь къ Д. въ Дек. 1609.

106. Бѣгство Димитрія въ Калугу : строгость къ Нѣмцамъ : Беръ etc.

1610.

109. Убіеніе Скотницкаго.

110. Марина въ Калугу.

— Салтыковъ къ Королю.

— Скопинъ и Де-ла-Гарди въ Москву.

111. Умореніе Скопина.

— Переговоры Поляковъ съ Д.

113. Шведы разбиты и Русскіе.

114. Д. хочетъ топить Нѣмцевъ : Беръ.

120. Бунтъ противъ Шуйскаго трехъ Бояръ, Ляпунова, Молчанова, Рѣзецкаго.

121. Владислава избирають : посольство къ Королю.

123. Д. къ Москвѣ.

Поляки въ Москвѣ.

124. 11 Дек. Убіеніе Димитрія.

125. Марина родитъ сына.

См. о сынѣ въ бумагахъ Малиновскаго.

— Шуйскаго въ Польшу.

1611.

127. Всѣ города Димитріевы къ Москвѣ.

130. Рѣзанье къ Москвѣ.

136. Заключение Патріарха.

137. Поляковъ осаждаетъ въ Кремлѣ Ляпуновъ.

Паерле.

1606.

62. 4 Іюня Послы должны къ рукѣ Царя; но мятежъ въ народѣ и стрѣльцахъ. — Моши Димитрія.

63. 5 Іюня. Одинъ Госѣвскій у Дм. Шуйскаго; 6-го съ Боярами видѣлись; рѣчи, какъ въ Журналѣ.

78 об. Слухъ: убить вмѣсто Д. его драбантъ изъ Праги.

1607.

20 Марта наши Послы назадъ въ Москву отъ Короля.

88 на об. 25 Сентябр. комета въ Москвѣ.

90 об. 10 Ноября Шуйскій изъ-подъ Тулы въѣзжаетъ въ Москву съ 2000 всадниками; народъ ему на встрѣчу; Царь въ каретѣ на бѣлыхъ коняхъ, выходитъ и идетъ за образами въ Кремль. 12 Н. къ Троицѣ; 17 возвратился въ Москву.

92. Представленіе Пословъ Польскихъ.

Каменскій.

Имѣніе Марины 382.

Послы наши сказываютъ, что К. Телятевскій, Гр. Шаховскій, Мосальскій и Болотниковъ пристали къ Самозванцу Петру. 388.

Шуйскій женился 17 Генваря 1608 на дочери Буйнос. Ростов. Екатеринѣ: ей въ Царицахъ дали имя Маріи и у нихъ дочь Царевна Анастасія. 391.

392. Перемиріе съ Польшею на 3 года: въ слѣдствіе того Мнишка отпустили: см. условія и о Маринѣ, о возвратѣ имѣнія.

394. Вторый Д. у Вишневецкаго и Ружинскаго.

397. Нарушеніе договора Послами: ѣдутъ къ нему. (№ 30, л. 98.)

398. Письма Марины къ отцу, Папѣ etc.

Настояніе Мнишка объявить намъ войну.

402. Король объявляетъ намъ войну.

Дѣла важныя.

(Палицыя).

Зло, но и добро:

Поведеніе Духовенства.

Прекрасная заря славы

Пожарскаго.

Въ Исторіи о Междоцарствіи, л. 35 на об.: «въ
лѣто 7133, въ Іюлѣ, преставися Царица Елена,
дочь Боярина К. Петра Ив. Буйносова-Ростов-
скаго.» — 36 об. Царица Ив. Вас., Дарья Ив.
Колтовская умерла около 7136. Жена Царе-
вича Ив. Ив. (л. 35) умерла около 7132.

См. грамоту Англ. къ Іакову, чтобы Англія
взяла Россію.

Никон. Лѣт.

1606.

Присяга Царя. — Ему присяга. —

4 Іюня.

Іовъ ослабѣ по Хронографу

Вѣнчаніе. — Посвященіе Па-

Ключарев.

(при Полякахъ снова Па-

тріарха. — Заключеніе Игна-

тріарха)

тія въ Чудовѣ. — Разсылка

въ Персію, Цесарю, Шведы.

Поляковъ: наши Послы въ

Литву. — Царь мститъ мно-

гимъ людямъ. — Бунтъ въ

Украинѣ отъ Шаховскаго —

Пренесеніе мощей Димитрія. —

Грамоты Царскія во всѣ го-

рода о Димитріи. — Войско въ

въ Авг.

Украину и къ Ельцу безъ успѣ-

Дѣла л. 9, 123,

126 об., 127.

(См. Бера 75, 77,
79. Дѣла Польскія
л. 26, л. 253 и
Камен. 388).

(См. Бера).

ха. — Моръ въ Новѣгородѣ. — Воръ Петрушка. (См. Хронографъ Уварова объ Астрахани и Петрушкѣ, о бунтѣ, о Ляпуновѣ и проч.)

Беръ: перевозъ тѣла Борисова и Ксенія (78).

(Послѣ Сент.)

Бунтъ крестьянъ и людей Боярскихъ подѣ начальствомъ Болотникова (Беръ 79 об.): Восводы отъ Ельца идуть. У Царя не много людей въ Москвѣ.

Хронографъ Ключаревъ о Шуйскомъ: Царь безъ денегъ и людей храбрыхъ есть безкрылый орелъ.

Бунтъ Рязани, Тулы, Коширы: къ Путивлю. Избираютъ Пашкова и соединяются съ Болотниковымъ; идуть къ Москвѣ; берутъ Коломну. — Бунтъ Астрахани; туда войско; цынга. — Мордва и крестьяне осаждаютъ Нижній. — Смолене славно идуть на помощь Москвы; раскаяніе нѣкоторыхъ городовъ и Рязани. — Скопинъ бьетъ Болотникова. — Пашковъ передается Царю (Беръ 80). — Болотниковъ осажденъ въ Калугѣ.

См. Уварова Хронографъ.

См. Уварова. (Ляпуновъ по Уварову пожалованъ въ Думные Бояре).

См. Уварова: тутъ Князь Телятевскій.

1607.

Посылка Бояръ съ войскомъ противъ разныхъ городовъ. Осада Калуги. — Прокофій Ляпу-

Вездѣ см. Уварова.

новъ въ Переславлѣ. Въ Тулѣ
осаждаютъ К. Андрея Теля-
тевскаго, который бѣтъ Царь-
ское войско. — К. Вас. Мо-
рову 536. ^{Иванъ по Ува-}
сальскій съ ворами побиты
близъ Калуги: воры подрыва-
лись порохомъ.

85

кзвннть

Петрушка въ Путивль, бѣтъ
вездѣ Воеводѣ, мучительство
(пишетъ къ Королю: Дѣла
Польск. № 26, л. 253); войско

86

его изъ Тулы въ Калугу, и
бьютъ нашихъ — наши бѣгутъ
отъ Калуги. Подъ Козель-
скимъ бьютъ воровъ: Воевода
Измайловъ въ Мещовскѣ.

Царь къ Тулѣ (въ Іюнѣ). Бьютъ

87

Уваровъ.

воровъ подъ Коширою храб-
(тутъ Ляпуновъ по Уварову).

ро. — Царь беретъ Алексинъ:
бьютъ воровъ на Воронеѣ. —
Осада Тулы. — Измѣна Кня-
зей Урусовыхъ.

Явленіе Димитрія въ Стародубѣ.

(Дѣла, л. 186 об., 197, 199,
200, 213, 215, 293: Заболоц-
кой, и боролавка на лицѣ). —
Д. къ Тулѣ: Царь беретъ ее
28 Окт. Беръ.

въ день Симона и Іуды: судьба
Петрушки, Шаховскаго и Бо-

См. Бера о Ша-
ховскомъ и Пе-
трѣ.

Повѣсть о раз-
ореніи, л. 7.

Письмо о Лже-
дим. въ Нѣмце-
вичѣ. Характеръ
сего вора въ На-
рушев.

Беръ л. 85 и об.
91, 92, 93. (См.

лотникова (см. и Бера 89 об., Уварова: 1 Окт.)
90 и на об.)

1608.

Д. бѣжитъ на Сѣверу — къ нему
Ляхи. Воръ къ Брянску, гдѣ
голодь. Къ вору Козаки и при-
вели къ нему Царевича Оедь-
ку: его казнилъ.

Уваровъ 541 об.:
Свадьба Царя (см.
Каменск.) и по-
сылка войска съ
Дм. Шуйскимъ.

Брянскъ запасенъ. Храбрость
нашихъ; битвы. Но Воеводы
отходятъ къ Карачеву. Воръ
впередъ, и зимуетъ въ Орлѣ.
Къ вору Панъ Ружинскій (см.
Бера 94).

544 об. Ляпу-
повъ раненъ.

⁹⁵ Бракъ Царя (NB гдѣ о его раз-
слабленіи?). Бояре къ Болхову
и къ Орлу. Битва съ Ружин-
скимъ (Беръ 94); теряютъ
пушки etc. Болховъ сдается.

Увар. 545.

⁹⁶ Дѣти Боярскіе къ Москвѣ. Ско-
пинъ противъ вора. Умыселъ

См. Львов. 220,
221, 223.

⁹⁷ трехъ Бояръ и наказаніе (см.
Журнал.)

Уваровъ.

Воръ къ Москвѣ — и въ Тушинѣ
(Уваровъ 545: Царь противъ
него).

Беръ (95) 29
Юня.

Ружинскій требуетъ отъ Царя
свободы Пословъ: — въ рас-
плохъ Литва бьетъ наше вой-

ихъ имена.
(Тутъ измѣны въ
Москвѣ по Ув.
548).

См. Нѣмцев. 98

ско. Лисовскій бьетъ Захар.
Ляпунова подъ Зарайскимъ;

Увар. 549

беретъ Коломну. Наши бьютъ
его на Москвѣ-рѣкѣ. 99.

Осады Троицы
по Ув. 548 об.

Отпускаютъ Пословъ и Сендо-
мирскаго въ Литву. Заговоръ
нашихъ измѣнниковъ съ Го-
сѣвскимъ. Марина съ отцемъ

400

къ вору.

(въ 1609 г.)

по Увар. 548

Скопинъ въ Новгородъ нанимать
об. 550.

См. Бера.

войско (Шведы 10000). Его
лѣта и Де-ла-Гарди въ Виде-
киндѣ. 1, 2.

Сапѣга и битва — наши расхо-
401
дятся по домамъ.

См. Ув. 550.

Цѣлованіе креста въ Москвѣ. —
Измѣны.

Царь вступаетъ въ Москву.

Осада Троицы (102). Измѣна
103

Суздаля.

Измѣна Переславля: доблесть
Филаретова въ Ростовѣ; ве-
зутъ его въ Тушино.

Берутъ Шую. Измѣна городовъ
(см. Бера); бьютъ Литву подъ
Коломну. Пожарскій бьетъ

406

ее тамъ же.

Скопинъ: бѣжитъ въ Орѣшекъ,

Въ Уваров. бит-
вы подъ Москвою
до Троицы — 1609,
л. 550.

гдѣ Мих. Салтыковъ пакостник. Измѣна Пскова. Скопинъ опять въ Новгородъ и собираетъ войско. Воры туда изъ Тушина. Убиваютъ Татищева по наговору въ измѣнѣ 108. Литва уходитъ.

Мордва и воры къ Нижнему: бьютъ ихъ, и вѣшаютъ вора Вяземскаго. Шереметевъ очищаетъ многіе города и идетъ къ Москвѣ. Нижегородцы бьютъ воровъ.

Вологда, Устюгъ обращаются; но нашихъ бьютъ. 111.

Бунтъ противъ Царя. 111; въ немъ одинъ К. Василій Голицынъ. Твердость Патріарха и Царя. Человѣкъ 300 бѣгутъ въ Тушино.

Осада Коломны.

Казнь Боярина Колычева.

Дороговизна въ Москвѣ; бѣгутъ

112

въ Тушино — нѣкоторые изъ Тушина и говорятъ, что воръ; народъ удерживается: хорошія вѣсти изъ Новагорода.

113

Бьемъ Бобовскаго подъ Москвою.

Шереметевъ идетъ къ Москвѣ.

Владиміръ обращается: уби-

114

ваютъ Воеводу измѣнника.

Бьемъ Литву подъ Москвою.

Шереметевъ въ Нижнемъ, ратуя На Троицынъ
^{115, 116} счастливо; беретъ Муромъ, день.
Касимовъ.

¹¹⁷
Царевичи въ Астрахани: ихъ
въшактъ въ Тушинъ. Не вѣ-
даютъ Тушинскаго: знаетъ
Церковный Кругъ.

1609 (см. Бера 103).

Нѣмцы въ Новгородъ въ Ген-
варъ (см. Договоры).

¹¹⁸
Битвы съ измѣнниками Псков-
скими — бьютъ Литву у То-
ропца.

¹¹⁹
Битва у Торопца (см. Филарета).
Походъ Скопина къ Москвѣ:

¹²⁰
битвы.

¹²¹ ¹²²
Города казну Скопину. Битвы:
бьютъ насъ у Суздаля. Беремъ
Переславль.

Дороговизна въ Москвѣ, и опять ¹²³
на Царя: смиряются, свѣдавъ
о Скопинѣ.

Подъ Слободою бьемъ Литву.

См. Бера 101

Ляпуновъ поздравляетъ Скопина
на Царство, браня Царя: Ско-
пинъ деретъ грамоты, но от-
пускаетъ вручителей: отсель
злоба Царя на Скопина.

¹²³
Сходъ войска у Скопина. Ув. 331.

¹²⁵
Худо въ Москвѣ. Измѣна въ
Красномъ селѣ.

Жгутъ Деревянный городъ, но
бысть Литву. Сшибка у Ни-
колы.

¹²⁶
Пожарской бьетъ Литву. Еще
¹²⁷
сшибка у Можайска.

Неудача Скопина на Суздаль.

Салтыковъ въ Тушинѣ и къ Ко-
^{127 и 128}
ролю о Владиславѣ: бѣжитъ
воръ въ Калугу (см. Бера):
шумъ въ его лагерь.

1610.

Марина въ Калугу.

Осада Троицы.

Скопинъ бьетъ Сапѣгу. 130.

Бѣгство изъ Тушина; освобож-
¹³¹
деніе Филарета.

Входъ въ Москву Скопина 131. Ув. 331. об.

Смерть его. 132 (о характерѣ
его Ключаревъ и Видекинъ).

Войско наше къ Смоленску. Ув. 332.

Ляпуновъ возстаетъ 133 за Ско-
пина. Пожарскій не пристаеъ
къ нему.

Бьютъ нашихъ и Нѣмцевъ. 135. Ув. 332 об.

Войско не лю-
бить. Дм. Ш у й-
скаго за
г о р-
досьт :
См. Ключ-
чаревъ и
Палл-
пина.

См. Бера. 101

и 333 об.

Убіеніе
Ив. Го-
дунова.

Князь Василій Голицынъ съ Ля- Арзамасъ
нуновымъ. 135. 353.

Воръ къ Москвѣ изъ Калуги. Ув. 353 об.

Крымцы намъ въ помощь, де-
рутся и уходятъ назадъ. 136.

Змѣевъ въ Пафнутьевѣ: храб-
рость Волконскаго. Воръ бе-
ретъ монастырь.

Пожарской въ Зарайскѣ вѣренъ.

Измѣна Коломны. 137.

Чудеса
по Ключа-
реву:
совѣты
съ Ту-
шински-
ми.

Въ Іюлѣ 1610 бунтъ противъ

Царя — ссылаются съ ворами

Тушинскими — сводятъ въ

свой домъ. Числа см. въ Ключа-
реву.

чаревѣ.

Владѣютъ Бояре 129 и ссылаютъ-

ся съ Тушинскими, чтобы

поймали вора: тѣ смѣются.

Постригаютъ Шуйскаго (см.

Филарета). См. Увар. 555 и Ключа-
рева.

чарева.

Въ Ключаревѣ бунтъ, брань, Ув. 354, со-

пьяница, блудникъ Шуйскій: вѣтъ: дають

оправданіе, твердость Царя въ ему *удтъ*.

Февралѣ; бѣгутъ къ Тушин-

скому.

См. также Львова 220 etc. Ядро

Р. И. 325, 326. Палицын. 189).

ПРОДОЛЖЕНІЕ НИКОН. ЛѢТ. ПОСЛѢ ШУЙСКАГО.

Лѣтопись о мятежахъ.

1610.

Смоляне изъ Москвы къ Жол-
кѣвскому 140.

¹⁴¹
Гетманъ Ж. къ Москвѣ. Ерго-
генъ съ условіемъ. Салтыковъ
и Молчановы требуютъ благо-
словенія у Патріарха.

¹⁴³
Посольство наше къ Королю.

¹⁴⁴
Впускаютъ Литву въ городъ.
Воръ бѣжитъ въ Калугу.

¹⁴⁵
Литва, Колязинъ, Луки. Посы-
лаютъ изъ Москвы Ив. Салты-
кова съ войскомъ въ Новго-
родъ.

Ссылаютъ Шуйскаго въ Іоси-
фовъ монастырь, жену его въ
Суздаль (у нихъ дочь).

Наши Послы у Короля: Шейнъ. По Увар. Келарь
¹⁴⁷ Абрамъ. Имена всѣхъ

Гетманъ съ Царемъ къ Королю. Пословъ: ихъ дѣла.
¹⁴⁹ Ув. 555: кто вла-

Убіеніе вора въ Калугѣ: Увар. дѣютъ въ Москвѣ?
558. Аврамій уѣхалъ

¹⁵⁰

въ Москву. 557.

Убіеніе Бѣльскаго въ Казани.

¹⁵¹
Утѣшеніе Москвитянъ: Ляпу- Письма Ергоге-
новъ. Собраніе войска. новы къ городамъ.
557.

Сношеніе съ Калугою. Увар. 558.

1611.

¹⁵²
Бояре и Патріархъ : гнусный Сал-
тыковъ.

¹⁵⁴
Утѣшеніе нашихъ Пословъ.

Дѣйствія Ляпунова : Пожарскій. Въ Ключаревѣ ха-
¹⁵⁶рактеръ Ермогена.

Патріархъ. подъ стражею.

Никто нейдетъ за вербою.

Поляки начинаютъ убійства.

Ув. 558 об., Ляпу-
новъ 559.

Войско наше къ Москвѣ. 159.

Ув. 558 и 559: Тру-
бецкій и Заруцкій
изъ Калуги.

Сводятъ Ермогена : на его мѣсто
опять Игнатія. 160.

559 воровство Ко-
заковъ подъ Моск-
вою: Ляпуновъ 560.

Берутъ подъ стражу нашихъ По-
словъ подъ Смоленскимъ.

Изъ лѣтописи о мятежахъ.

227. Измѣнники убѣждаютъ Ер-
могена писать къ городамъ.

227. Убіеніе Ив. Салтыкова въ
Новѣгородѣ.

228. Воеводы изъ-подъ Москвы
посылаютъ оберегать Новго-
родъ.

229. Король велитъ бить Смо-
ленскихъ Дворянъ.

— Взятіе Смоленска.

231. Бѣтвы Сапѣги подъ Мо-
сквою.

231. Идетъ къ Переславлѣю.

233. Воеводы наши берутъ Бѣлгородъ.

— Посылаютъ въ Новгородъ выбирать Шведск. Принца.

— Убіеніе Ляпунова.

236. Приносятъ образъ изъ Казани.

237. Даютъ Смолянамъ земли въ Арзамасѣ.

Уваровъ 560, 561 (См. Уваров. 562, выгнали ихъ оттуда; призваны въ Нижній къ Минину): тутъ вся исторія Пожарскаго: о ворѣ Псковскомъ.

563. Трубецкій и Козаки цѣловали крестъ вору Псковскому, Матюшкѣ Дьякону Заяузскому. Шереметева 237. Взятіе Новагорода Шведами... цѣлуютъ крестъ Королевичу.

240. Лай Козаковъ. Разтѣзжаются изъ-подъ Москвы.

564. Сковали вора и привезли подъ 241. Сапѣга къ Москвѣ.

— Черкасы берутъ Козельскъ.

— Гетманъ подъ Москву; битва. Идетъ зимовать въ Рогачевъ.

242. О Сидоркѣ, ворѣ Псковскомъ.

Увар. 565 на об. берутъ Кремль: Мининъ избранъ. 243. Тайный постъ; видѣніе.

245. Бьютъ Черкасъ.

— Шведы берутъ Иваньгородъ, Яму etc.

246. Пожарскій и Мининъ: вся исторія.

250. Смерть Ермогена.

256. Псковскаго вора берутъ :
Трубецкій и Заруцкій исправ-
ляются.

256. Подъ Москвою хотятъ къ
Шведу: посылка въ Новго-
родъ.

257. Казанцы къ Москвѣ.

258. Шлютъ противъ Черкасъ.

259. Бой съ Козаками подъ Уг-
lichemъ.

260. Митрополитъ Кириллъ въ
Ростовѣ.

— Выгоняють Козаковъ изъ
Переславля.

— Послы изъ Новагорода.

261. Умыселъ Заруцкаго про-
тивъ Пожарскаго.

263. Трубец. и Заруцк. зовутъ
Пожарскаго къ Москвѣ.

264. Пожарскій шлетъ часть.

265. Украинцы подъ Москву.

266. Пожарск. къ Москвѣ.

267. Побѣгъ Заруцкаго.

268—295. Походъ и взятіе Мо-
сквы.

292. Черкасы берутъ Вологду.

295. Козаки бунтуютъ.

296. Король къ Вязьмѣ.

297. Жолкѣвскій къ Москвѣ.

298. Пристунъ Литвы къ Во-
локу.

— Король изъ Россіи.

299. Бьютъ Заруцкаго у Пере-
славля.

300. Шведы о своемъ Принцѣ :
имъ прямой отказъ.

301 etc. Избраніе Михаила.

Палицынъ.

Царь посылаетъ Митрополюта Крутицкаго уго-
варивать Сѣверянъ, 30.

Ежегодно грабятъ Татары и Черкасы.

Лжедимитрій есть сынъ Поповскій, Матвѣй Ве-
ревкинъ, 31.

Пируютъ за столомъ; а тамъ одни (изъ Москвы)
идутъ въ палаты къ Царю, а другіе ѣдутъ въ
Тушино.

Перебѣжчики, перелеты.

Русскіе ^{здѣ} хуже Поляковъ 32 : *расписать* это звѣр-
ство.

Измѣны, подлость Тушинскихъ.

Насилія женъ, 34, 45, 46.

35. И въ битвахъ прельщаютъ другъ друга.

36. Царемъ играли какъ дѣтищемъ : отъ одного
къ другому.

37. Считается за стыдъ доносить на измѣнни-
ковъ; но казнить Царь и невинныхъ.

40. Измѣна Князя Петра Уруса, женатаго на
вдовѣ А. Шуйскаго.

Касимовскій Царь къ вору.

Оскверненіе святыни, и 47.

42. Бѣгство, пожары ночью вмѣсто луны.

43. Звѣри вырываютъ хлѣбъ изъ ямъ ; измѣнники все истребляютъ. (Доброе поведеніе Духовенства).
44. Ругательство надъ Филаретомъ и Епископами.
50. Гдѣ? гдѣ?
52. Палицынъ въ Москвѣ во время осады.
55. Одни Поморскіе города вѣрны (и 56).
— Какъ проходятъ въ Москву.
57. Заслуги Лавры (59, 60).
58. Посольства Царя въ Англію, Данію.
61. Начало осады 23 Сент. 1608.
63. Воеводы осадные.
61. Вылазка.
62. Выжигаютъ селенія вокругъ.
— Литва строитъ станъ и острога.
63. Устройство осады въ монастырѣ.
65. Цѣлованіе креста.
66. Грамоты.
72. Приступы, туры, валь.
73. Стрѣльба Окт. 3.
76. Покаяніе.
77. Подкопы и пиръ Сапѣги.
78. Приступы.
83. Вылазка и плѣнъ.
- 85, 86. Паны, число войска.
Раненыхъ тяжело постригаютъ.
- 88 — 91. Узнали, гдѣ подкопъ.
94. 500 Козаковъ на Донъ.
95. Ворота въ ровъ.
95. Рветъ ноги и руки у Старцевъ.

97. Ядра въ церковь.
98. Сбиваютъ славную пушку.
100. Вылазка; ясакъ *Сергій*; находятъ подкопъ, зажигаютъ, умираютъ.
101. Умираетъ за брата измѣнника.
104. Ноября 9; отнимаютъ батареи.
- На Красной горѣ батареи Литовскія и на Волкушѣ и въ Терентьевск. рощѣ.
- 106, 107. 8 пицалей; цѣлый день драка. Число убитыхъ (108). Литовцевъ 1500. Вѣсть къ Царю 109.
109. Хитрость Сапѣги тщетная.
110. Вылазки: имена тутъ Старцевъ. 111.
113. Герой Суета даточной. Имена Героевъ.
114. Раненъ Лисовскій. 115. Убить Горской.
116. За дровами. 127.
116. Измѣна казначея.
121. Измѣнники воду отнять. 122. — Еще измѣна 123.
123. Литва отступаетъ въ таборы.
124. Вылазки свободныя.
129. Моръ; 17, цынга.
- 130, 132. Умерло 297 иноковъ, иныхъ 500 : всѣхъ 2125 (134), смрадъ 133.
134. Престаютъ вылазки.
— Литва съ деревьевъ смотрятъ въ монастырь, зовутъ.
135. Посольство къ Василю, Келарь напрасно.
136. 60 Козаковъ и порошокъ.
— Казнь плѣнныхъ.
140. Панамъ даютъ меду; обманы.

141. Трубачъ въ дружбѣ съ Воеводою.
142. Панъ нѣмой къ намъ.
144. Открываютъ измѣну трубача.
145. *Охрабляетъ* чудотворецъ.
146. Витязь Ананія ранитъ Лисовскаго.
147. Еще витязи. — 7 Мая.
148. Освященіе храма; болѣзнь минуетъ.
149. Приступы 27 Мая (прежде негодные сдѣ-
лались храбрцами).
154. Вѣсть о Скопинѣ и Шереметевѣ. 156.
155. Поляки встрепенулись; готовятся къ битвѣ.
156. Михайло Салтыковъ и Грамотинъ измѣн-
ники, обманываютъ: будто сдался и Ско-
пинъ и Шереметевъ.
157. Не вѣрятъ. 458
— Насмѣшка Зборовскаго: *лукошко*. Пришелъ отъ Скопина.
158. Приступъ Іюля 31 (??)
— Въ обители не болѣе *двухъ сотъ*.
160. Бѣгутъ Литва.
161. За дрова бьютъ. 162.
— Отчаяніе въ монастырѣ.
168. *Паки* идутъ противъ Скопина. Августа ?
170. Надъ ними побѣда: опять къ Троицѣ, и Іюля 5 (??)
еще битвы 171.
171. Узнавъ отъ перебѣжчика, Троицкіе вылазку.
172. Награбленныя стада у Троицы 15 Авг.
173. Къ Скопину о помощи: приходитъ Жереб-
цовъ.
174. Сколько еще хлѣба?
175. Іоасафъ *простъ*.

175. Когда ушелъ Сапѣга?
179. Генв. 12 (16⁹/₁₀?)
177. До Жеребцова *просто* дрались, да было *лучше*, безъ Нѣмецкой *мудрости* 178.
178. 4 Генв. Волуевъ отъ Скопина съ 500: битва съ Сапѣгою: бѣжить, бросая богатство.
180. Изъ Троицы со Св. водою въ Москву.
168. Скопна битва.
- 173, 179. Побѣгъ Сапѣги.
188. Корыстолюбіе купцевъ Московскихъ въ закупкѣ хлѣба.
189. Укоризны Царю несчастіемъ.
— Собраніе народа въ Москвѣ: Патріархъ, Царь.
191. Троицкій дешевый хлѣбъ: 2 рубли четверть.
197. Какіе Государи и сколько занимали денегъ у Троицы! Годуновъ, Гришка, Шуйскій.
200. Берутъ сосуды у Троицы.
201. Навѣты Царю на Скопина.
203. Смерть Скопина *сомнительна*.
204. Воины не любятъ Дмитрія Шуйскаго за его гордость.
205. Царь призываетъ Крымцевъ: ихъ грабежи.
206. Переговоры Москвитянъ съ Тушинскими, чтобы свести Шуйскаго и погубить Лжед.
— Постриженіе Царя. Ермогенъ противъ.
208. Условіе Владиславова избранія.
— Послы къ Королю.
210. Виускаютъ Поляковъ въ Москву для чего?
— Везутъ Шуйскаго къ Королю.
211. Худо Посламъ у Короля.

— Однихъ пословъ отсылаютъ въ Литву, другіе уѣзжаютъ.

212. Смерть вора въ Калугѣ.

213. Возстаетъ на Поляковъ П. Ляпуновъ.

216. Разореніе Москвы 19 Марта 1611.

217. Ергомена заключаютъ.

218. Лавра дѣйствуетъ.

221. Описаніе Воеводъ, идущихъ отовсюду къ Москвѣ.

224. Убіеніе Ляпунова.

225. Многіе Русскіе уходятъ изъ-подъ Москвы.

227. Лавра поднимаетъ и Минина.

229. Новый Дмитрій во Псковѣ.

230. Неудовольствіе на Пожарскаго за медленность.

232. Заруцкой хочетъ убить Пожарскаго.

— Вора Псковскаго берутъ и привозятъ къ Москвѣ.

233. Заруцкой бѣжитъ съ Мариною.

233. 14. Авг. Пожарскій въ Москвѣ.

235. Бой съ Ходкѣвичемъ.

239. Аврамій убѣждаетъ Козаковъ. Ясакъ: *Сергіевъ! Сергіевъ!* 240. Бой.

240. Ходкѣвичъ бѣжитъ.

242. Опять Козаки бунтуютъ.

243. Лавра предлагаетъ имъ сосуды: не берутъ отъ стыда.

245. Берутъ Китай 22 Окт.

246. Поляки сперва Мстиславскаго выпускаютъ.

248. Ужасный видъ Кремля.

250. Избраніе Михаила.

253. Кто сперва избираетъ?
254. Ни одного противорѣчія.
259. 14 Марта названъ Царемъ.
268. Владиславъ: въ Смоленскъ къ Сигизмунду
всѣ наши воры.

Г. 1618 въ Сент.

270. Къ Троицѣ: Левъ Сапѣга присылаетъ въ
Лавру образъ Св. Николая Можайскаго.
277. Въ Дек. миръ въ Деулинѣ.

Дѣла Польскія.

№ 26.

1606.

- Л. 9. Вѣнчаніе 1-го Іюня.
Поляковъ разослать. Пословъ держать въ Мос-
квѣ на Посольскомъ Дворѣ.
13-го Іюня. Посылаетъ въ Литву К. Григ. Кон-
стант. Волконскаго и Дьяка Андрея Иванова
(10): сказать, что Гришка съ Поляками точно
хотѣли побить Святителей, Бояръ, etc. (18).
18. Кто посланы въ Угличъ?
Погребли подлѣ отца.
100. Воръ Власьевъ.
125. Послы къ Рудольфу.
126. об. Ромодановскаго къ Шаху.
127. Швед. Посланникъ къ Москвѣ.
173. Возвратился К. Волконской 13 Февраля 1607.

182. Пословъ нашихъ: «матерны
лаяли, измѣнники называли,»
грязью метали. «Короля не
слушаютъ» (на об.)

Еще, какъ и прежде, велѣли Вол-
конскому узнать, какъ Поль-
ша съ Австріею, Турціею,
Крымомъ.

Въ Крымск. дѣлахъ:

Царь: не имѣлъ времени думать 338.
объ васъ. 321.

186 об. 293.

197 об. 200, 213, 215. Димитрій
живъ: въ Сендомирѣ, у жены
Воеводы: и бородавка на ли-
цѣ. (Авг. 12). 199 об.
215.

У него (288) К. Вас. Мосальскій
(188 об.) или онъ на Москвѣ.

187 об. «Взяли изъ хоромъ, уби-
ли: тутъ была Марина.»

— Мих. Молчановъ бѣжалъ:
жилъ у Д. для чернокнижья.

188. Молч. кнутомъ битъ.

197 об. Слухъ, что кто-то изъ
Годуновыхъ на престолѣ.

223. Пословъ не сажаютъ: Ко-
роль въ черномъ платьѣ.

253. Петръ на Сѣверѣ: шлетъ
Пословъ къ Королю.

Пріѣзжаютъ въ Польшу Русскіе,
ищутъ, спрашиваютъ Дими-
трія.

- 255 об. Густавъ просить войска на Ливонію.
287. Угроза : «если вы отпустите нашихъ изъ
Москвы, то Дмитрияшки и Петрушки не бу-
детъ; а если нѣтъ, то наши имъ будутъ по-
могать.»
299. О Петрушкѣ : «мои сестры были при ро-
дахъ Ирины.»
319. Побѣда надъ Сѣверянами подъ Москвою.
325. Крымцы воюють Польшу.

№ 27.

- 42 об. Ц. Шуйскій въ ссылкѣ съ Цесаремъ, Ан-
гліею, Даніею, Шахомъ.
49. Дьякъ Думный Посольскій Василій Телеп-
невъ.
174. Послы хотѣли и Пословъ и Сендомирскаго
для договора.
Въ перемирн. грамотѣ : «которые Польскіе и
Литов. люди, и Князь Романъ Ружинской и
Вишневецкой и иные, вторгнулись въ нашу
землю, и Королю промышляти, чтобы тѣ люди
вернулись (и Лисовской).

Дѣла Шведскія.

№ 8.

- л. 16 об. Нашъ Воевода пишетъ къ Шведскому
(20 Февр. 1607), что мы еще не думаемъ посы-

латъ Пословъ на съѣздъ, и вашихъ сборовъ не боимся.

л. 17. Шведы пособлять готовы.

18 об. (См. еще 56) : не хотимъ помощи.

19. Въ Новѣгородѣ моръ.

52. Грамота Царя къ Арцы-Карлу, Свейскаго Королевства владѣтельному и вотчинному Князю.

52 об. Первый гонецъ Данило Юртъ ; второй Бернтъ Ниманъ.

59. *Королемъ* писать.

62. Приемъ гонца.

№ 9.

г. 1609. Договоръ о вспоможеніи : уступаемъ Корелу и Ливонію. Даютъ 5000 человекъ и болѣе. Л. 5 об.

14 об. 43 об. и 49 : 100 тысячь ефимковъ на мѣсяць.

Псковскій Лѣтописецъ.

27. Скопинъ въ залогъ Шведамъ Корелу, Кексгольмъ.

об. Даютъ отраву Скопину отъ зависти.

28. Шведы назадъ къ Новугороду и требуютъ найма.

— Берутъ города, Корелу, Яму etc.

30 об. въ 1611 г. Ходкѣвичъ осаждаетъ Печерскій м.

33 об. Шведы тоже осаждаютъ.

36 об. Царь Шуйскій : «поятъ жену, и начатъ ясти в пяти и веселится, а о брани не бреже.»

Войны расходятся.

37. Шуйскій истощаетъ казну, берегъ сосуды церковные.

Междоусобіе страшное, сынъ на отца etc.

об. Скопинъ нанялъ 12 тысячъ.

38 об. Зависть на Скопина невиннаго.

39 об. Жена Дм. Шуйскаго дала ему отраву, Христина, дочь Скуратова.

40 Бьютъ Дм. Шуйскаго и Шведовъ.

об. Шведы владѣютъ Новымгородомъ 6 лѣтъ : грабежъ.

— Псковъ отложился; Казань бунтуетъ, хочетъ быть снова Царствомъ.

41. Упреки Шуйскому. Его ненавидятъ больше Бояре. Ермогенъ противъ его враговъ : «развѣ нельзя вамъ избрать изъ своихъ? *Нѣтъ, его не слушаютъ воины.*

Свергаютъ Шуйскаго.

42. Упреки Короля Русскимъ измѣнникамъ : «повѣрю ли вамъ сына?»

об. Жолкѣвскій обезоруживаетъ Москву.

43. Умыселъ Поляковъ : рѣзанье.

44 об. Король къ Можайску — и не успѣлъ. Холкѣвичъ. Мининъ.

46. Хотятъ Шведскаго на Царство.

49. Избраніе Михаила.

об. Мать правитъ Царствомъ.

50. Условіе не казнить Бояръ.

об. Крадутъ Бояре доходы.

— Безпорядки.

Нашествіе Шведовъ : миръ съ Поляками.

52 об. Царь сперва на Хлоповой женится; ссылають ее.

53. Начинаетъ Филаретъ всѣмъ править. Сватовства въ чужихъ земляхъ.

54. Въ угодность матери не женится на Хлоповой (злѣйство и ссылка Салтыковыхъ предъ тѣмъ). На *Долгорукой*.

77. Мятежъ Псковскій. Смутныя грамоты въ Псковъ отъ Тушинскаго, въ Авг. умеръ Геннадій отъ скорби.

об. Мятежъ, въ пользу вора.

78 об. Сажаютъ на колья добрыхъ гражданъ. Давать Шереметева.

79 об. Злѣйства.

82. Вѣче. 200 человекъ погибло.

об. Пришелъ воръ Матюшка.

83. Бой съ Новгородцами : ихъ только 300.

84. Лисовской въ Псковѣ : пьянство Литвы. Происшествія.

87 об. Г. 1611 на Св. Недѣлѣ. Роздьяконъ Матюшка назвался Димитріемъ : будто ушелъ изъ Калуги — въ Іюль къ Пскову.

89. Псковъ его призываетъ въ Цари.

об. Берутъ и везутъ его къ Москвѣ.

Псковскій Лѣтописецъ.

Гдѣ загнуто.

353. 1605. Чудеса передъ бѣдами.

354. Начало разврата въ Псковѣ.

об. 1606. Навѣтъ Василя на Псковичъ.

и Хозина.

355 об. Клевета семи купцевъ на своихъ.

356. Мудрая грамота Лжедим. къ Псков. Преклоняются или недоумѣваютъ.

800

357. 1607. Плѣнныхъ Сѣверянъ Василій въ Псковѣ.

об. Пригороды къ Димитрію.

358. Междоусобіе.

— Грабежъ Шереметева и Грамотина.

359 об. 1609. Главный виновникъ бунта Плещеевъ : цѣлуютъ крестъ Димитрію. Сѣверянъ выпускаютъ.

360. Пріѣзжаютъ Воевода и Дьякъ. Новгородцы и Нѣмцы къ Пскову.

362. Злодѣйства въ Псковѣ.

363. Казнь Хозина.

Духовенство, Бояре, гости.

364. Лучшіе люди за Василя; мелкіе, Стрѣльцы, Козаки.

— Торжество Василіевыхъ друзей.

365. При Салтыковѣ Новгородцы къ Пскову.

366. Лучшіе бѣжали въ Новгородъ, въ Печерскій монастырь.

об. Просовецкій Волуева побилъ. Волуевъ отъ Короля, выжегъ Луки.

367. 23 Марта явился воръ (1611 г.) Люди Ходкѣвича подъ Печерою 10 Марта; онъ самъ 17 Марта, стоялъ 6 недѣль и 2 дни, разбилъ стѣны, 7 приступовъ, и пошелъ къ Москвѣ.

об. Лисовскій грабитъ Печеры, но не взялъ; съ нимъ 2000 Литвы и Нѣмцевъ.

— Козаки изъ Пскова къ вору.

368. Псковъ безъ Воеводъ, одинъ Дьякъ. Послы ихъ отъ Лянунова въ Іюль.

— 8 и 16 Іюля воръ къ Пскову.

об. Авг. 24 воръ отъ Пскова; Лисовскій Красной взялъ.

— Шведы и Новогородцы къ Пскову, вышибаютъ ворота : См. Видек.

— Воеводы въ Псковъ отъ Заруцкаго и Трубецкаго.

— Воръ въ Псковъ Дек. 4 : въ другой (Лѣтоисси) выше 89.

369. Будто 47 т. Литвы къ Себежу.

— Апр. 11 Ив. Плещеевъ изъ-подъ Москвы въ Псковъ обознавать.

— Лисовскій взялъ Заволочье.

— 18 Мая воръ ушелъ изъ Пскова; 20 его схватили и привели въ Псковъ.

— Іюля 1 повезли къ Москвѣ.

— Лисовскій нападалъ на провожатыхъ.

об. Цѣна хлѣбу въ Псковѣ.

370. Шведы взяли Яму, Копорье, и наконецъ

Новгородъ, гдѣ мерли съ голоду, и гдѣ было много казны, пушекъ и пороху.
— Избраніе Михаила; а Лисовскій еще тамъ.

Грамоты Ермолаева.

Два видѣнія, въ началѣ Шуйскаго.

№ 23 и 24. Г. 1606.

г. 1606. Грамота Филарета Ноября 29, 1606. Тверскій Епископъ побѣждаетъ воровъ. Раскаяніе городовъ — Вѣрность Смоленска, Вязмы etc. въ Ноябрь — Великъ Патріархъ Ермогенъ торжественно молиться, поучать народъ...

Тогда воры стояли уже подъ Москвою въ Коломенскомъ и велятъ холопамъ побивать господъ.

Воры суть бѣглые холопы въ скверной Сѣверѣ: соединясь съ Козаками, пришли въ Рязанскую землю. — Клятвы Москвитянъ: слово *шпыни*. Противъ нихъ Тверскій Θεоктистъ. Тверитяне къ Москвѣ. 16.

Колычевъ очистилъ Волокъ 15 об.

Ирокефій Ляпуновъ въ числѣ кающихся. 16 об. изъ Коломенскаго.

Ноябрь.

Приступъ воровъ въ Сент. къ Москов. Слободамъ 19—20.

Въ Дек. (25 об. 26, 27).

Пашкова взяли: пѣть молебны по 3 дни.
г. 1607. Зовъ Патріарха къ Царю вести ослятю
и у него обѣдать.

Февр. 2. Удумали послать по Іова для
разрѣшенія.

14 Февр. Пріѣхалъ: 16 совѣтъ. Упреки
Іова : «вы мнѣ не вѣрили.» Іова со
слезами просятъ: прощаетъ шестой час-
ти земли, еже есть Россія.

№ 30. Пошелъ Царь на воровъ 21 Мая.

№ 31. 5 Іюня битва А. Голицына съ
ворами на рѣчкѣ Восмѣ близъ Ко-
ширы : на голову ихъ бьетъ и бе-
ретъ....

№ 32. 10 Окт. Тульскіе сидѣльцы, К. А.
Телятевскій, Шаховскій, Болотниковъ
сдались Царю и крестъ цѣловали и
выдали Петрушку.

г. 1610. № 34. Шуйскій по просьбѣ Бояръ схо-
дитъ съ престола.

Тогда; Король у Смоленска, Жолкѣвскій
въ Можайскѣ, воръ въ Коломенскомъ.

Присягаютъ всѣ противъ вора подѣ вла-
стію Бояръ.

№ 35. Первые о Владиславѣ Ив. Мих.
Салтыковъ, Волуевъ.

Первое условіе между Королемъ и Мих.
Салтыковымъ Авг. 30.

У вора К. Алексѣй Сицкій, Александръ
Нагой, Гр. Сунбуловъ, Ѡ. Плещеевъ,
К. Засѣкинъ.

Договоръ съ Владиславомъ.

Тоже какъ у Шуйскаго: не конфисковать имѣнія, не казнить безъ Боярскагоприговора.

г. 1614. Апр. Грам. Ляпунова.

Ермогенъ: второй Златоустъ. Тоже: твердый адамантъ.

г. 1612. № 37. Письмо Пожарскаго етс. къ городамъ о спасеніи; тутъ о проискахъ Марины въ Коломнѣ.

№ 38. 7 Апрѣл. 1612; изъ Яровлавля отъ Пожарскаго же къ городамъ.

Съ злымъ намѣреніемъ убиваютъ Ляпунова.

Гнусныя дѣла Заруцкаго.

Трубецкій и Заруцкій пишутъ къ Пожарскому, чтобы имъ не выбирать Царя безъ всей земли, но цѣловали крестъ вору Сидорку.

Призываютъ Депутатовъ.

НВ См. рукоприкладчиковъ. (Мининъ не зналъ грамотъ).

Іюнь. Грамоты Новогородцевъ о Швед. Принцѣ: они выбирали его только себѣ въ Государи.

№ 41. Грамоты Де-ла-Гарди къ Пожарскому.

№ 43, Присланъ отъ Короля Жидовинъ Богдашко (второй Самозван.)

Прислали Бутурлина изъ-подъ Москвы для договора о Шведскомъ Принцѣ.

Договоръ Новогородцевъ съ Де-ла-Гарди о любовѣ сынѣ изъ двухъ Шведскаго.

Карль Шведскій умеръ: Густавъ Адольфъ.

Предложеніе Новогородцамъ.

Пожарскій: «мы готовы, если Королевичъ приметъ нашу Вѣру.»

Рукопись Филаретова.

Вѣнчаніе 1 Іюня въ Воскресенье. Кого за тѣломъ Димитрія?

Патріархъ уже избранъ, когда привозятъ мощи Димитрія въ Москву.

7. Зборовскій и Шаховскій идутъ къ Старицѣ.

7 об. Скопинъ съ Шведами. Подъ Тверью бой.

8. (Осада Смоленска).

11. Царь подъ Тулою.

16. Совѣтъ Ермогена: Царь самъ идетъ съ войскомъ противъ Д.

18. На Поляковъ идутъ подъ Троицу: бьютъ: одни бѣгутъ къ Королю, другіе въ Калугу къ Самозванцу.

об. Смерть Скопина: его свойства. См. и Вибекинда.

19. Приходъ Филарета въ Москву Марта 14. См. выше, л. 8 на об.

— Салтыковъ къ Королю: его смерть и судъ.

Об. Шведы и Русскіе побиты съ Дм. Шуйскимъ.

20 об. Жолкѣвскій и Д. къ Москвѣ.

21. Сводятъ Шуйскаго съ трона 18 Іюля.

22. Плачь жены его.

— Беруть Шуйскаго: см. л. 28.

23. Поляки уже въ Кремлѣ: это къ л. 28 на об.

24. Совѣтъ Ермогена съ Боярами: взять ли Владислава? Авг. 3.

Об. Цѣлуютъ крестъ.

25. Д. бѣжитъ въ Калугу.

— Посольство къ Королю.

27. Король отъ себя М. Салтыкова въ Москву.

— Патріархъ противъ него (см. о Ермогенѣ выписку у меня въ портфелѣ).

Об. Салтыковъ дѣлаетъ, что впускаютъ Гетмана въ Москву 21 Сент. 1610.

— Жолкѣвскій уѣзжаетъ; оставляетъ Госѣвскаго.

— Насилія Поляковъ до Марта.

28. Изъ Чудова берутъ Царя Василия съ братьями.

— Народъ прибѣгаетъ къ Патріарху. Обѣды у Поляковъ.

29. Убиваютъ кого-то не въ Москвѣ (Ляпунова?)

— Ермогенъ пишетъ въ города противъ Поляковъ.

— Пишетъ къ Прокофью Ляпунову.

30. Съ Госѣвскимъ пришелъ купецъ Ѳ. Андроновъ.

Об. Ермогена подъ стражу.

31. Расхищеніе, слѣдствіе плѣненія Москвы, 19 Марта 1611.

Об. Сокровища посылаютъ къ Королю. Злодѣйства Салтыкова и Андроникова.

- 32 об. Обломали раку Василя.
33. 26 Мая Король взялъ Смоленскъ. Юля 16
Де-ла-Гарди взялъ Новгородъ.
Ляпуновъ, Трубецкій, Волуевъ, Заруцкій къ
Москвѣ.
1 Апрѣля. Битва: храбрость Ляпунова.
35. Заруцкій научаетъ Козаковъ убить Ляпу-
нова.
Осада.
37. Выжигаютъ Китай-городъ.
38. Заруцкій врагъ Пожарскаго.
— 17 Генв. 1612 (по Ист. Междоцарствія 17
Февр) умеръ Ермогенъ: задохся.
Король подъ Волокомъ.
Окт. 22. Берутъ Китай.
39. Воевода Туренинъ съ Кузьмою Авг. 21.
40. Сраженіе съ Ходкѣвичемъ. Сдается Кремль.
43. Что терпѣли Поляки въ осадѣ.
Об. Остатки Царскихъ сокровищъ. Окт. 22,
44. Король во свояси.
Об. Измѣнники увозятъ образъ Николая въ
Литву.
45. Избранъ Михаилъ.
-

*Моя Архив. рукописная Исторія о Междо-
царствіи.*

Ополченіе — Походъ.

4 об. Пожарскій согласенъ взять Швед. Прин-
ца Филиппа.

5. Негодяи Казанцы.

Смятеніе въ Ярославлѣ, усмиренное Митрополитомъ Ростовскимъ.

7 об. Бѣгство Заруцкаго.

Берутъ Москву: доблести Пожарскаго.

13. Король тогда предлагаетъ намъ сына.

Об. Нѣмцы въ Архангельскъ на помощь: ихъ уже не надобно.

Заруцкій берутъ Марину съ сыномъ.

14 об. Многіе вельможи хотятъ быть Царемъ.

16. Михаилъ на Престолѣ 18 Апр. 1613.

19 об. Заруцкаго на колѣ. Ѳед. Андропова и Маринина сына повѣсили; Марина умерла въ Москвѣ.

Собран. Гос. Грам.

Мстиславскій *Конюшій* и *Слуга*, Грамоты 463. Донесенія Пословъ нашихъ къ Боярамъ, Грамоты 468.

НВ Согласенъ Король 478—504, 521.

НВ Возстаніе Ляпунова 213, 216.

540. Патріархъ 518. Грамоты 489. 499. Патріархъ. См. о происшествіяхъ Новгородскихъ грамоты 452 отъ 17 Ноября отъ Ив. Салтыкова.

См. Каменск. о Салтыковѣ.

Генвар. 1611 Казань цѣлуетъ крестъ Димитрію 490: картина Москвы.

- Еще 494 Патриархъ. 497. Отобра-
 497 518 ли Дьякова
 Въ Генварѣ Грамота Москвитяно у Патриарха.
 ко всеѣмъ Рос. о возстаніи 496. 498. Ему по-
 Ляпуновъ въ Нижній. Февр. вольнѣе.
 Сапѣга къ Калужскому 508, 509.
 Король къ Сапѣгѣ 543. Март.
 Бояре къ Королю и Шеину:
 «сдайся!»
 Будто Пословъ къ сыну, а не
 въ неволю 522,
 Апр. 2. На какихъ условіяхъ
 Король хочетъ занять Смо-
 ленскъ: 526.
 Отвѣтъ Шеина 531.
 536. 540. Король о кровопрози-
 тѣи Московскомъ.
 549. О взятіи Смоленска 13 Іюня.
 550. Ссылка Филарета и Голи-
 цыныхъ съ Шеинымъ и 573.
 К. Куракинъ за Владислава по-
 бить у Владиміра. Грамоты 513.
 Бояре: «пошлите нашихъ По-
 словъ къ Владиславу; Смо-
 ленскъ, сдайся. Королю цѣло-
 вать» 517.
 Голицынъ и Филаретъ не хотятъ
 ѣхать къ Владиславу 522
 Астрахань, Казань, Черемиса etc.
 хотятъ къ Персидскому Шаху.
 Псковъ etc. къ Шведамъ.
 МВ Письмо къ Іакову Англ. о
 подданствѣ Россіи.

- Не слушаютъ указовъ Сигизмунда, ни Думы;
денегъ не посылаютъ,
525. Въ Мартѣ Грамота Короля къ Патріарху
о послахъ его въ Москву послѣ сожженія.
535. Злодѣйства Савѣги.
537. Клятва отстать отъ Владислава.
552. Ив. Мих. Салтыкова на колѣ. Іюль.
553. Договоръ Новгородцевъ о признаваніи
Шведскаго Королевича Царемъ.
564. Ногаи противъ Поляковъ съ нами.
567. Ермогенъ: «не присягать Маринкину сы-
ну.» (Его смерть 599, у Каменскаго 429:
17 Февраля 1612.)
558. Убіеніе Ляпунова поборателя.
NB Безпрестанно Король и сынъ его жалуютъ
помѣстьями и деньгами своихъ усердныхъ:
т. е. велятъ Боярамъ.
570. Король Ходкѣвича къ Москвѣ, а самъ
въ Варшаву Авг. 26, и Пословъ нашихъ
туда же, если имъ вѣрите.
577. Отъ Троицы ко всѣмъ: спѣшить къ Мо-
сквѣ къ Трубецкому. Въ Окт.
580. Бояре ко всѣмъ о вѣрности къ Влади-
славу.
NB Грамоты Пожарскаго къ Россіи и къ нему
Де-ла-Гарди.
598. Избрать ли Королевича Карла Филиппа? 601.
599. О кончинѣ Ермогена.
604. О Маржеретѣ.
608. Король обѣщаетъ сына, извиняясь въ ме-
дленности его болѣзнію въ Септ. 1612.
-

Доп. къ Дѣянїямъ Петра Великаго Т. II.

139. Честность Луговскаго.
 144. Имена уѣхавшихъ.
 146. Насмѣшку Захарїя Ляпунова.
 147. Города присягнувшіе Королю и Королевичу.
 160. Вѣсть Посламъ о убїенїи Самозванца.
 163. *Адамъ Жолкѣвскій*, племянникъ.
 167. Жалоба на Боярь Голицына.
 173. Не Послы, а воры.
 174. З. Ляпуновъ.
 179. О Смоленскѣ, 187.
 190. Ив. Салтыковъ.
 197. Заруцкій высѣкъ Тулу. Переговоры о Смоленскѣ.
 198. Орелъ и Болховъ принадлежали Лжедмитрію и пристали къ Москвѣ, а Ляхами за то опустошены.
 201. Кондиціи Смоленска.
 202. Послы подъ стражу 25 Марта.
 218. Михаилъ въ Москвѣ. Сокровища древнія.
 224. Ив. Салтык. къ Посламъ.
 230. Если бы Король прибылъ, «то зла бы не случилось.»
 231. «Что же дѣлать?»
 236. Пословъ въ Литву 13 Апр.
 252. Войско цѣлуетъ крестъ Лжед., Маринѣ и сыну его.
 259. Новгородъ.
-

II.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ РУКОПИСИ.
О ДРЕВНЕЙ И НОВОЙ РОССИИ
ВЪ ЕЯ ПОЛИТИЧЕСКОМЪ И ГРАЖДАНСКОМЪ
ОТНОШЕНІЯХЪ.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Карамзинъ желалъ въ заключеніе XII тома окинуть взглядомъ слѣдующія времена Истории Россійской до нашихъ дней. Судьба не дозволила ему исполнить сего намѣренія. Но гораздо прежде того онъ, по совѣту Великой Княгини Екатерины Павловны, сочинилъ для Императора Александра статью о Древней и Новой Россіи, остававшуюся въ совершенной неизвѣстности до 1837 года, когда отрывокъ ея въ первый разъ явился въ *Современники* Пушкина. Мы сочли не излишнимъ помѣстить сію замѣчательную піесу здѣсь, полагая, что, будучи произведеніемъ того же незабвеннаго нашего Исторіографа, не легко измѣнявшаго свой взглядъ на событія, взглядъ вѣрный, основанный на зрѣлыхъ соображеніяхъ, она должна принести особенное удовольствіе Читателямъ, тогда какъ вниманіе ихъ прерывается въ семъ Томѣ на самомъ любопытномъ мѣстѣ, и они, съ трудомъ оставляя книгу, доставившую имъ столько наслажденія, конечно желали бы еще услышать хотя нѣсколько словъ отъ Автора, предъ ними незанно умолкшаго.

Нѣсть лъсти въ языцѣ моемъ.

Псал. 138.

Настоящее бываетъ слѣдствіемъ прошедшаго. Чтобы судить о первомъ, надлежитъ вспомнить послѣднее; одно другимъ, такъ сказать, дополняется и въ связи представляется мыслямъ яснѣе.

Отъ моря Каспійскаго до Балтійскаго, отъ Чернаго до Ледовитаго, за тысячу лѣтъ предъ симъ жили народы кочевые, звѣроловные и земледѣльческіе, среди обширныхъ пустынь, извѣстныхъ Грекамъ и Римлянамъ болѣе по сказкамъ баснословія, нежели по вѣрнымъ описаніямъ очевидцевъ. Провидѣнію угодно было составить изъ сихъ разнородныхъ племенъ обширнѣйшее Государство въ мірѣ.

Римъ, нѣкогда сильный доблестью, ослабѣлъ въ нѣгѣ и палъ, сокрушенный мышцею варваровъ сѣверныхъ. Началось новое твореніе: явились новые народы, новые нравы, и Европа воспріяла новый образъ, донынѣ ею

сохраненный въ главныхъ чертахъ ея бытія политическаго. Однимъ словомъ, на развалинахъ владычества Римскаго основалось въ Европѣ владычество народовъ Германскихъ.

Въ сію новую общую систему вошла и Россія, Скандинавія, гнѣздо Витязей безпокойныхъ — *officin gentium, vagina nationum* — дала нашему отечеству первыхъ Государей, добровольно принятыхъ Славянскими и Чудскими племенами, обитавшими на берегахъ Ильменя, Бѣлаозера и рѣки Великой: «Идите» — сказали имъ Чудъ и Славяне, наскучивъ своими внутренними междоусобіями — «идите княжить и властвовать надъ нами. Земля наша обильна и велика, но порядка въ ней не видимъ». Сіе случилось въ 862 году, а въ концѣ X вѣка Евронейская Россія была уже не менѣе нынѣшней: то есть, во сто лѣтъ она достигла отъ колыбели до величія рѣдкаго. Въ 964 году Россіяне, какъ наемники Грековъ, сражались въ Сициліи съ Аравитянами, а послѣ въ окрестностяхъ Вавилона.

Что произвело феноменъ столь удивительный въ Исторіи? Пылкая романическая страсть нашихъ первыхъ Князей къ завоеваніямъ и Единновластію, ими основанное на развалинахъ множества слабыхъ, несогласныхъ Державъ народныхъ, изъ коихъ составила Россія. Рюрикъ, Олегъ, Святославъ, Владиміръ, не давали образумиться гражданамъ въ быстромъ теченіи побѣдъ, въ непрестанномъ шу-

мѣ воискихъ становъ , платя имъ славою и добычею за утрату прежней вольности бѣдной и мятежной.

Въ XI вѣкѣ Государство Россійское могло, какъ бодрый , пылкій юноша , обѣщать себѣ долготѣіе и славную дѣятельность. Монархи его въ твердой рукѣ своей держали судьбы милліоновъ ; озаренные блескомъ побѣдъ, окруженные воинственною , благородною дружиною , казались народу полубогами , судили и рядили землю , мановеніемъ воздвигали рать и движеніемъ перста указывали ей путь къ Воспору Оракійскому или къ горамъ Карпатскимъ. Въ счастливомъ отдохновеніи мира, Государь пировалъ съ Вельможами и народомъ , какъ отецъ среди семейства многочисленнаго. Пустыни украсились городами; города избранными жителями: свирѣпость дикихъ нравовъ смягчилась Вѣрою Христіанскою: на берегахъ Днѣпра и Волхова явились искусства Византійскія. Ярославъ далъ народу свитокъ законовъ гражданскихъ , простыхъ и мудрыхъ , согласныхъ съ древними Нѣмецкими. Однимъ словомъ, Россія не только была обширнымъ , но въ сравненіи съ другими и самымъ образованнымъ Государствомъ.

Къ несчастію , она въ сей бодрой юности не предохранила себя отъ государственной общей язвы тогдашняго времени, которую народы Германскіе сообщили Европѣ: говорю о Системѣ Удѣльной. Счастіе и характеръ Владиміра, счастіе и характеръ Ярослава могли только

отсрочить паденіе Державы , основанной Елиновластіемъ на завоеваніяхъ , Россія раздѣлилась.

Вмѣстѣ съ причиною ея могущества , столь необходимаго для благоденствія , исчезло и могущество и благоденствіе народа. Открылось жалкое междоусобіе малодушныхъ Князей , которые , забывъ славу , пользу отечества , рѣзали другъ друга и губили народъ , чтобы прибавить какой нибудь ничтожный городокъ къ своему Удѣлу. Греція , Венгрія , Польша отдохнули : зрѣлище нашего внутренняго бѣдствія служило имъ поручительствомъ въ ихъ безопасности. Дотелѣ боялись Россіянъ : начали презирать ихъ. Тщетно нѣкоторые Князья великодушные — Мономахъ , Василько — говорили именемъ отечества на торжественныхъ съѣздахъ ; тщетно другіе — Боголюбскій , Всеволодъ III — старались присвоить себѣ единовластіе : покушенія были слабы, не дружны, и Россія, въ теченіе двухъ вѣковъ терзала собственныя нѣдра, пила слезы и кровь собственную.

Открылось и другое зло , не менѣе гибельное. Народъ утратилъ почтеніе къ Князьямъ: Владѣтель Торопца или Гомеля могъ ли казаться ему столь важнымъ смертнымъ , какъ Монархъ всей Россіи ? Народъ охладѣлъ въ усердіи къ Князьямъ , видя , что они для ничтожныхъ личныхъ выгодъ жертвуютъ его кровью , и равнодушно смотрѣлъ на паденіе ихъ троновъ , готовый всегда взять сторону счастливѣйшаго , или измѣнить ему вмѣстѣ

съ счастьемъ , а Князя , уже не имѣя ни довѣренности , ни любви къ народу , старались только умножать свою дружину воинскую : позволили ей тѣснить мирныхъ жителей сельскихъ и купцевъ , сами обирали ихъ , чтобъ имѣть болѣе денегъ въ казнѣ на всякой случай , и сею политикою утративъ нравственное достоинство Государей , сдѣлались подобны судіямъ-лихоимцамъ , или Тиранамъ , а не законнымъ властителямъ. И такъ съ ослабленіемъ государственнаго могущества ослабѣла и внутренняя связь подданства съ властію.

Въ такихъ обстоятельствахъ удивительно ли, что варвары покорили наше отечество? Удивительнѣе, что оно еще столь долго могло умирать по частямъ и въ сердцѣ, сохраняя видъ и дѣйствія жизни Государственной или независимости , изъясняемую одною слабостью нашихъ сосѣдовъ. На степяхъ Донскихъ и Волжскихъ кочевали Орды Азіатскія , способныя только къ разбоямъ. Польна сама издыхала въ междоусобіяхъ. Короли Венгерскіе желали, но не могли никогда утвердить свое господство за горами Карпатскими , и Галиція , нѣсколько разъ отходявъ отъ Россіи , снова къ ней присоединялась. Орденъ Меченосцевъ едва держался въ Ливоніи. Но когда воинственный народъ , образованный побѣдами Хаана Монгольскаго , овладѣвъ Китаемъ , частию Сибири и Тибетомъ , устремился на Россію , она могла имѣть только славу великодушной гибели. Смѣлые , но безразсудные Князя на-

ши съ горстью людей выходили въ поле умирать Героями : Батый , предводительствуя полумилліономъ , топталъ ихъ трупы и въ нѣсколько мѣсяцевъ сокрушилъ Государство. Въ искусствѣ воинскомъ предки наши не уступали ни какому народу , ибо четыре вѣка гремѣли оружіемъ внѣ и внутри отечества ; но слабые раздѣленіемъ силъ , не согласные даже и въ общемъ бѣдствіи , удовольствовались вѣнцами мучениковъ , пріявъ оныя въ неравныхъ битвахъ и въ защитѣ городовъ бранныхъ.

Земля Русская , упоенная кровію , усыпанная неплотъ , сдѣлалась жилищемъ рабовъ Ханскихъ , а Государи ея трепетали Баскаковъ. Сего не довольно. Въ окружностяхъ Двины и Нѣмана , среди густыхъ лѣсовъ , жилъ народъ бѣдный , дикій и болѣе 200 лѣтъ платилъ скудную дань Россіянамъ. Утѣсняемый ими , также Прусскими и Ливонскими Нѣмцами , онъ выучился искусству воинскому , и предводимый нѣкоторыми отважными витязями , въ стройномъ ополченіи выступилъ изъ лѣсовъ на ѳеатръ міра , не только возстановилъ свою независимость , но , пріявъ образъ народа гражданскаго , основавъ Державу сильную , захватилъ и лучшую половину Россіи; т. е. сѣверная осталась данницею Моголовъ , а южная вся отошла къ *Литвѣ* по самую Калугу и рѣку Угру . Владиміръ , Суздаль , Тверь , назывались *Улусами Ханскими*; Кіевъ , Черниговъ , Мценскъ , Смоленскъ — городами Литовскими. Первые хра-

нили покрайней мѣрѣ свои нравы; вторые заимствовали и самые обычаи чуждые . Казалось, что Россія погибла на вѣки.

Сдѣлалось чудо. Городокъ едва извѣстный до XIV вѣка отъ презрѣнія къ его маловажности , долго именуемый селомъ Кучковымъ, возвысилъ главу и спасъ отечество. Да будетъ честь и слава Москвѣ! Въ ея стѣнахъ родилась , созрѣла мысль восстановить Единовластіе въ истерзанной Россіи , хитрый Іоаннъ Калита, заслуживъ имя *Собрателя земли Русской* , есть первоначальникъ ея славнаго воскресенія , непримѣрнаго въ лѣтописяхъ міра. Надлежало , чтобы его преемники въ теченіе вѣка слѣдовали одной системѣ съ удивительнымъ постоянствомъ и твердостію, системѣ , наилучшей по всѣмъ обстоятельствамъ , и которая состояла въ томъ , чтобы употребить самихъ Хановъ въ орудіе нашей свободы. Снискавъ особенную , милость Узбека , и вмѣстѣ съ нею достоинства Великаго Князя , Калита первый убѣдилъ Хана не посылать собственныхъ чиновниковъ за данью въ города наши, а принимать ее въ Ордѣ отъ Боярѣ Княжескихъ , ибо Татарскіе Вельможи, окруженные воинами , ѣздили въ Россію болѣе для наглыхъ грабительствъ , нежели для собранія Ханской дани. Никто не смѣлъ встрѣтиться съ ними : какъ скоро они являлись, земледѣльцы бѣжали отъ плуга , купцы отъ товаровъ , граждане отъ домовъ своихъ. Все ожило , когда сіи хищники перестали ужасать народъ своимъ присутствіемъ : села , города

успокоились, торговля пробудилась не только внутренняя, но и внешняя, народъ и казна обогатились, дань Ханская уже не тяготила ихъ. Вторымъ важнымъ замысломъ Калиты было присоединеніе частныхъ Удѣловъ къ Великому Княжеству. Усыпленные ласками Властителей Московскихъ, Ханы съ дѣтскою невинностію дарили имъ цѣлыя области и подчиняли другихъ Князей Россійскихъ, до самаго времени, какъ сила, воспитанная хитростію, довершила мечемъ дѣло нашего освобожденія.

Глубокомысленная Политика Князей Московскихъ не удовольствовалась собраніемъ частей въ цѣлое: надлежало еще связать ихъ твердо, и Единовластіе усилить Самодержавіемъ. Что началось при Іоаннѣ I или Калитѣ, то совершилось при Іоаннѣ III: столица Ханская на берегу Ахтубы, гдѣ столько лѣтъ потомки Рюриковы преклоняли колѣна, исчезла на вѣки, сокрушенная местью Россіянъ. Новгородъ, Псковъ, Рязань, Тверь, присоединились къ Москвѣ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми областями, прежде захваченными Литвою. Древнія югозападные Княженія потомковъ Владиміровыхъ еще оставались въ рукахъ Польши; за то Россія, новая, возрожденная во время Іоанна IV пріобрѣла три Царства; Казанское, Астраханское и неизмѣримое Сибирское, до толѣ неизвѣстное Европѣ.

Сіе великое твореніе Князей Московскихъ было произведено не личнымъ ихъ геройствомъ,

ибо , кромѣ Донскаго , никто изъ нихъ не славился онымъ , но единственно умною политическую системою , согласно съ обстоятельствами времени. Россія основалась побѣдами и единоначаліемъ , гибла отъ разновластия , а спаслась мудрымъ Самодержавіемъ.

Во глубинѣ Сѣвера возвысивъ главу свою между Азіатскими и Европейскими Царствами , она представляла въ своемъ гражданскомъ образѣ черты сихъ обѣихъ частей міра: смѣсь древнихъ Восточныхъ правовъ , принесенныхъ Славянами въ Европу и подновленныхъ , такъ сказать , нашею долговременною связью съ Моголами, — Византійскихъ , заимствованныхъ Россіянами вмѣстѣ съ Христіанскою Вѣрою, и нѣкоторыхъ Германскихъ, сообщенныхъ имъ Варягами . Сии послѣднія черты , свойственныя народу мужественному, вольному , еще были замѣтны въ обыкновеніи судебныхъ поединковъ , въ утѣхахъ рыцарскихъ и въ духѣ мѣстничества , основаннаго на родовомъ славолюбіи. Заключение женскаго пола и строгое холодство оставались признакомъ древнихъ Азіатскихъ обычаевъ. Дворъ Царскій уподоблялся Византійскому. Іоаннъ III, зять одного изъ Палеологовъ , хотѣлъ какъ бы возстановить у насъ Грецію , соблюденіемъ всѣхъ обрядовъ ея церковныхъ и придворныхъ : окружилъ себя Римскими орлами и принималъ иноземныхъ Пословъ въ *Золотой Палатѣ* , которая наименовала *Юстиніанову*. Такая смѣсь въ правахъ , произведенная

случаями , обстоятельствами , казалась намъ природною , и Россіяне любили оную , какъ свою народную собственность.

Хотя двувѣковое иго Ханское не благопріятствовало успѣхамъ гражданскихъ искусствъ и разума въ нашемъ отечествѣ, однакожь Москва и Новгородъ пользовались важными открытіями тогдашнихъ временъ : бумага , порохъ , книгопечатаніе , сдѣлались у насъ извѣстны весьма скоро по ихъ изобрѣтеніи. Библіотеки Царская и Митрополитская , наполненныя рукописями Греческими , могли быть предметомъ зависти для иныхъ Европейцевъ. Въ Италіи возродилось зодчество. Москва въ XV вѣкѣ уже имѣла знаменитыхъ Архитекторовъ , призванныхъ изъ Рима , великолѣпныя церкви и Грановитую Палату ; иконописцы , рѣзчики , золотари обогащались въ нашей столицѣ. Законодательство молчало во время рабства: Іоаннъ III издалъ новые гражданскіе уставы, Іоаннъ IV полное уложеніе, коего главная отлична отъ Ярославовыхъ законовъ состоитъ въ введеніи *торговой казни* , неизвѣстной древнимъ Россіянамъ. Сей же Іоаннъ IV устроилъ земское войско , какого у насъ до толѣ не бывало : многочисленное , всегда готовое и раздѣленное на полки областныя.

Европа устремила глаза на Россію : Государя , Папы , Республики вступили съ нею въ дружелюбныя сношенія , одни для выгодъ купечества , нныя въ надеждѣ обратить ея силы къ обузданію ужасной Турецкой Имперіи,

Польши , Швеціи . Даже изъ самой глубины Индостана , съ береговъ Гаугеса , въ XIV вѣкѣ прїѣзжали Послы въ Москву , и мысль сдѣлать Россію путемъ Индѣйской торговли, была тогда общею. Политическая система Государей Московскихъ заслуживали удивленіе своею мудростію , имѣя цѣлію одно благоденствіе народа: они воевали только по необходимости , всегда готовые къ миру; уклоняясь отъ всякаго участія въ дѣлахъ Европы, болѣе прїятнаго для суетности Монарховъ, нежели полезнаго для Государства , и возстановивъ Россію въ умѣренномъ , такъ сказать , величіи , не алкали завоеваній , невѣрныхъ или опасныхъ , желая сохранять, а не приобрѣтать.

Внутри Самодержавіе укоренилось. Никто, кромѣ Государя , не могъ ни судить , ни жаловать : всякая власть была изліяніемъ Монаршей , и знаменитѣйшее въ Россіи титуло уже было не княжеское , не Боярское , но титуло *Слуги Царева*. Народъ , избавленный Князьями Московскими отъ бѣдствій внутренняго междоусобія и внѣшняго ига , не жалѣлъ о своихъ древнихъ Вѣчахъ и Сановникахъ ; довольный дѣйствіемъ , не спорилъ о правахъ. Одни Бояре , столь нѣкогда величавые въ удѣльныхъ господствахъ , роптали на строгость Самодержавія; но бѣгство или казни ихъ свидѣльствовали твердость онаго. Наконецъ Царь сдѣлался для всѣхъ Россіяныиъ земнымъ Богомъ.

Тщетно Іоаннъ IV, бывъ до 35 лѣтъ Госу-

даремъ добрымъ , и по какому-то адскому вдохновенію возлюбивъ кровь , лилъ оную безъ вины и сѣкъ головы людей , славнѣйшихъ добродѣтелями ; Бояре и народъ , во глубинѣ души своей , не дерзая что либо замыслить противъ Вѣнценосца , только смиренно молили Господа , да смягчитъ ярость Цареву , сію казнь за грѣхи ихъ ! Кромѣ злодѣевъ , ознаменованныхъ въ Исторіи названіемъ *Оприщины* , всѣ люди знаменитые богатствомъ , или саномъ ежедневно готовились къ смерти и не предпринимали ничего для спасенія жизни своей ! Время и расположеніе умовъ достопамятное ! Нигдѣ и никогда грозное самовластіе не предлагало столь жестокихъ искушеній для народной добродѣтели, для вѣрности или повиновенія , но сія добродѣтель даже не усомнилась въ выборѣ между гибелью и сопротивленіемъ .

Злодѣяніе , въ тайнѣ умышленное , но открытое Исторіею , пресѣкло родъ Іоанновъ : Годуновъ , Татаринъ происхожденіемъ , Кромвель умомъ , воцарился со всѣми правами Монарха законнаго и съ тою же системою Единовластія неприкосновеннаго . Сей несчастный , сраженный тѣнію убитаго имъ Царевича , среди великихъ усилій человѣческой мудрости , и въ сіяніи добродѣтелей наружныхъ , погибъ какъ жертва властолюбія неумѣреннаго , беззаконнаго , въ примѣръ вѣкамъ и народамъ . Годуновъ , тревожимый совѣстію , хотѣлъ заглушить ея священныя укоризны дѣйствіями кротости и смягчалъ Самодержавіе въ ру-

кахъ своихъ : кровь не лилась на лобномъ мѣстѣ ; ссылка , заточеніе , невольное постриженіе въ Монахи , были единственныиъ наказаніемъ Бояръ виновныхъ или подозрѣваемыхъ въ злыхъ умыслахъ. Но Годуновъ не имѣлъ выгоды быть любимымъ , ни уважаемымъ , какъ прежніе Монархи наследственные. Бояре , нѣкогда стоявъ съ нимъ на одной ступени , ему завидовали ; народъ помнилъ его слугою придворнымъ. Нравственное могущество Царское ослабло въ семъ избранномъ Вѣиценосцѣ.

Не многіе изъ Государей бывали столь усердно привѣтствуемы народомъ , какъ Лжедмитрій въ день своего торжественнаго вѣзда въ Москву : рассказы о его мнимомъ , чудесномъ спасеніи , память ужасныхъ естественныхъ бѣдъ Годупова времени и надежда , что небо , возвративъ Престолъ Владимірову потомству , возвратитъ благоденствіе Россіи , влекли сердца въ срътеніе юному любимцу счастія.

Но Лжедмитрій былъ тайный Католикъ и нескромность его обнаружила сію тайну. Онъ имѣлъ нѣкоторыя достоинства и добродушіе , но голову романическую , и на самомъ тронѣ характеръ бродяги ; любилъ иноземцевъ до пристрастія , и не зная Исторіи своихъ мнимыхъ предковъ , вѣдалъ малѣйшія обстоятельства жизни Генриха IV, Короля Французскаго , имъ обожаемаго , Наши Монархическія учрежденія XV и XVI вѣка приняли иной образъ : малочисленная Дума Боярская,

служивъ прежде единственно Царскимъ Совѣтомъ , обратилась въ шумный сонмъ ста Правителей мірскихъ и Духовныхъ , коимъ непечный и лѣнивый Димитрій ввѣрилъ внутреннія дѣла государственныя , оставляя для себя внѣшнюю политику ; иногда являлся тамъ и спорилъ съ Боярами къ общему удивленію : ибо Россіяне дотолѣ не знали , какъ подданный могъ торжественно противорѣчить Монарху. Веселая обходительность его вообще преступила границы благоразумія и величественной скромности. Сего мало. Димитрій явно презиралъ Русскіе обычаи и Вѣру : пировалъ , когда народъ постился ; забавлялъ свою невѣсту пляскою скомороховъ въ монастырѣ Вознесенскомъ ; хотѣлъ угощать Бояръ яствами гнусными для ихъ суевѣрія; окружилъ себя не только иноземною стражею , но и шайкою Іезуитовъ; говорилъ о соединеніи Церквей и хвалилъ Латинскую. Россіяне перестали уважать его , наконецъ возненавидѣли , и согласясь , что истинный сынъ Іоанновъ не могъ бы попирать ногами святыню своихъ предковъ , возложили руку на Самозванца.

Сіе происшествіе имѣло ужасныя слѣдствія для Россіи ; могла бы имѣть еще и гмбелнѣйшія . Самовольныя управы народа бываютъ для гражданскихъ обществъ вреднѣе личныхъ несправедливостей или заблужденій Государя. Мудрость цѣлыхъ вѣковъ нужна для утвержденія власти : одинъ часъ народнаго изступленія разрушаетъ основу ея , ко-

торая есть уваженіе нравственное къ сану Властителей. Москвитяне истерзали того , кому недавно присягали въ вѣрности : горе его преемнику и народу.

Отрасль древнихъ Князей Суздальскихъ и племени Мономахова , Василій Шуйскій , угоди́къ Царя Бориса , осужденный на казнь и помилованный Лжедмитріемъ , свергнувъ неосторожнаго Самозванца , въ награду за то пріялъ окровавленный его скипетръ отъ Думы Боярской и торжественно измѣнилъ Самодержавію , присягнувъ безъ ея согласія не казнить ни кого , не отнимать имѣній и не объявлять войны. Еще имѣя въ свѣжей памяти ужасныя изступленія Іоанновы , сыновья отцевъ , невинно убіенныхъ имъ , предпочли свою безопасность государственной и легкомысленно стѣснили дотолѣ не ограниченную власть Монаршую , коей Россія была обязана спасеніемъ и величіемъ. Уступчивость Шуйскаго и самолюбіе Бояръ кажутся равнымъ преступленіемъ въ глазахъ потомства , ибо первый также думалъ болѣе о себѣ , нежели о Государствѣ , и плѣняясь мыслию быть Царемъ , хотя и съ ограниченными правами , дерзнулъ на явную для Царства опасность.

Случилось , чему необходимо надлежало случиться , Бояре видѣли въ Полумонархѣ дѣло рукъ своихъ и хотѣли , такъ сказать , продолжать оное , болѣе и болѣе стѣсняя власть его. Поздно очнулся Шуйскій и тщетно хотѣлъ порывами великодушія утвердить

колеблемость трона. Воскресли древнія смуты Боярскія , и народъ , волнуемый на площади наемниками нѣкоторыхъ Вельможъ , толпами стремился ко Дворцу Кремлевскому предписывать законы Государю. Шуйскій изъявлялъ твердость : «Возьмите вѣнецъ Мономаховъ , возложенный вами на главу мою, или повинуйтесь мнѣ,» — говорилъ онъ Москвитянамъ. Народъ смирялся , и вновь мятежничалъ , въ самое то время , когда Самозванцы , прельщенные успѣхомъ перваго, одинъ за другимъ на Москву возставали. Шуйскій палъ , сверженный не сими бродягами, а Вельможами недостойными , и палъ съ величіемъ , возсѣвъ на тронъ съ малодушіемъ. Въ мантии инока , преданный злодѣями въ руки чужеземцамъ , онъ жалѣлъ болѣе о Россіи , нежели о коронѣ , съ истинно Царскою гордостію отвѣтствовалъ на коварныя требованія Сигизмундовы , и вѣн отечества, заключенный въ темницу, умеръ государственнымъ мученикомъ.

Не долго многоглавая гидра Аристократіи владычествовала въ Россіи. Никто изъ Бояръ не имѣлъ рѣшительнаго перевѣса ; спорили и мѣшали другъ другу въ дѣйствіяхъ власти . Увидѣли необходимость имѣть Царя, и боясь избрать единоземца , чтобы родъ его не занялъ всѣхъ степеней трона , предложили вѣнецъ сыну нашего врага , Сигизмунда , который , пользуясь мятежами Россіи , силился овладѣть ея западными странами. Но вмѣстѣ съ Царствомъ предложили

ему условія: хотѣли обезпечить Вѣру и власть Боярскую. Еще договоръ не совершился , когда Поляки , благопріятствуемые внутренними измѣнниками, вступили въ Москву и прежде времени начали торжествовать именемъ Владислава. Шведы взяли Новгородъ ; Самозванцы, Козаки, свирѣпствовали въ другихъ областяхъ нашихъ. Правительство рушилось, Государство гибло.

Исторія назвала Минина и Пожарскаго спасителями отечества : отдадимъ справедливость ихъ усердію , не менѣе и гражданамъ , которые въ сіе рѣшительное время дѣйствовали съ удивительнымъ единодушіемъ. Вѣра, любовь къ своимъ обычаямъ , и непакистанъ къ чужеземной власти , произвели общее, славное возстаніе народа подъ знаменами нѣкоторыхъ вѣрныхъ отечеству Бояръ. Москва освободилась.

Но Россія не имѣла Царя и еще бѣдствовала отъ хищныхъ иноплеменниковъ ; изъ всѣхъ городовъ съѣхались въ Москву избранные знаменитѣйшіе люди , и въ храмъ Успенія , вмѣстѣ съ Пастырями Церкви и Боярами , рѣшили судьбу отечества. Никогда народъ не дѣйствовалъ торжественнѣе и свободнѣе ; никогда не имѣлъ побужденій святѣйшихъ ; всѣ хотѣли одного — цѣлости , блага Россіи. Не блистало вокругъ оружіе ; не было ни угрозъ , ни подкупа , ни протоворѣчій , ни сомнѣній. Избрали юношу , почти

отрока , удаленнаго отъ свѣта ; почти силою извлекли его изъ объятій устрашенной матери—инокини , и возвели на Престолъ , орошенный кровію Лжедимитрія и слезами Шуйскаго. Сей прекрасный , невинный юноша казался агнцемъ и жертвою ; трепеталъ и плакалъ. Не имѣя подлѣ себя ни единого родственника , чуждый Боярамъ Верховнымъ , гордымъ , властолюбивымъ , онъ видѣлъ въ нихъ не подданныхъ , а будущихъ своихъ тирановъ , и къ счастію Россіи ошибся. Бѣдствія мятежной Аристократіи просвѣтили гражданъ и самихъ Аристократовъ : тѣ и другіе единогласно , единодушно наименовали Михаила Самодержцемъ , Монархомъ неограниченнымъ ; тѣ и другіе , воспламенные любовью къ отечеству , зывали только : *Бога* и *Государя*! — написали хартію , и положили оную на Престолъ: Сія грамота , внушенная мудростію опытовъ , утвержденная волею и Бояръ и народа , есть священнѣйшая изъ всѣхъ государственныхъ хартій. Князья Московскіе учредили Самодержавіе , отечество даровало оное Романовымъ.

Самое личное избраніе Михаила доказывало искреннее намѣреніе утвердить Единовластіе. Древніе Княжескіе роды безъ сомнѣнія имѣли гораздо болѣе права на корону , нежели сынъ племянника Іоанновой супруги , коего неизвѣстные предки выѣхали изъ Пруссіи : но Царь , избранный изъ сихъ потомковъ Мономаховыхъ или Олеговыхъ , имѣя множество знатныхъ родственниковъ , легко

могъ бы дать имъ власть аристократическую, и тѣмъ ослабить Самодержавіе. Предпочли юношу , почти безроднаго ; но сей юноша, свойственникъ Царскій , имѣлъ отца мудраго , крѣпкаго духомъ , непреклоннаго въ совѣтахъ , который долженствовалъ служить ему пѣстуномъ на тронѣ , и внушать правила твердой власти. Такъ строгій характеръ Филарета , не смягченный принужденною монашескою жизнью , болѣе родства его съ Θεодоромъ Іоанновичемъ способствовалъ къ избранію Михаила.

Исполнилось намѣреніе сихъ незабвенныхъ мужей , которые въ чистой рукѣ держали тогда урну судьбы нашей , обуздывая собственные и чуждыя страсти. Дуга небеснаго міра возсіала надъ трономъ Россійскимъ. Отечество подъ сѣнію Самодержавія успокоилось , извергнувъ чужеземнымъ хищниковъ изъ нѣдръ своихъ ; возвеличилось пріобрѣтеніями и вновь образовалось въ гражданскомъ порядкѣ , творя , обновляя и дѣлая только необходимое , согласное съ понятіями народными , и ближайшее къ существующему. Дума Боярская осталась на древнемъ основаніи, т. е. Совѣтомъ Царей во всѣхъ дѣлахъ важныхъ , гражданскихъ , казенныхъ. Прежде Монархъ рядилъ Государство чрезъ своихъ Намѣстниковъ или воеводъ ; недовольные ими прибѣгали къ нему : онъ судилъ дѣло съ Боярами. Сія *восточная простота* уже не отвѣтствовала государственному возрасту Россіи , и множество дѣлъ требовало болѣе

посредниковъ между Царемъ и народомъ. Учредились съ Москвѣ Приказы , которые вѣдали дѣла всѣхъ городовъ и судили намѣстниковъ. Но еще судъ не имѣлъ Устава полнаго : ибо Іоанновъ оставлялъ много на совѣсть или произволъ судящаго. Увѣренный въ важности такового дѣла , Царь Алексій Михайловичъ назначилъ для онаго мужей думныхъ , и повелѣлъ имъ вмѣстѣ съ выборными всѣхъ городовъ , всѣхъ состояцій , исправить Судебникъ ; дополнить его законами Греческими , намъ давно извѣстными , повѣйшими Указами Царей и необходимыми прибавленіями на случаи , которые уже встрѣчаются въ судахъ , но еще не рѣшены закономъ яснымъ. Россія получила *Уложение* , сярѣпленное Патриархомъ , всѣми значительными Духовными , мѣскими чиновниками и выборными городскими. Оно , послѣ хартіи Михайлова избранія , есть донынѣ важнѣйшій государственнѣй завѣтъ нашего отечества.

Вообще царствованіе Романовыхъ , Михаила , Алексія , Θεодора , способствовало сближенію Россіянъ съ Европою какъ въ гражданскихъ учрежденіяхъ , такъ и въ правахъ , отъ частныхъ государственныхъ сношеній съ ея Дворами , отъ принятія въ нашу службу многихъ иноземцевъ и поселенія другихъ въ Москвѣ. Еще предки наши усердно слѣдовали своимъ обычаямъ , но примѣръ начиналъ дѣйствовать , и явная польза , явное превосходство одерживали верхъ надъ

старымъ навѣкомъ , въ воинскихъ уставахъ , въ системѣ дипломатической , въ образѣ воспитанія или ученія , въ самомъ свѣтскомъ обхожденіи : ибо нѣтъ сомнѣнія , что Европа отъ XIII до XIV вѣка далеко опередила насъ въ гражданскомъ просвѣщеніи . Сіе измѣненіе дѣлалось постепенно , тихо , едва замѣтно , какъ естественное возрастаніе , безъ порывовъ и насилія . Мы заимствовали , но какъ бы *нехотя* , примѣняя все къ нашему , и новое соединяя съ старымъ .

Явился Петръ . Въ его дѣтскія лѣта самовольство Вельможъ , наглость Стрѣльцевъ и властолюбіе Софіи напоминали Россіи несчастныя времена смутъ Боярскихъ ; но великій мужъ созрѣлъ уже въ юношѣ и мощною рукою схватилъ кормило Государства ; онъ сивозъ бурю и волны устремился къ своей цѣли : достигъ и все перемѣнилось .

Сею цѣлію было не только новое величіе Россіи , но и *совершенное* присвоеніе обычаевъ Европейскихъ Потомство воздало усердную хвалу сему безсмертному Государю , и личнымъ его достоинствамъ и славнымъ подвигамъ . Онъ имѣлъ великодушіе , проицаніе , волю непоколебимую , дѣятельность , неутомимость рѣдкую : исправилъ , умножилъ войско : одержалъ блестящую побѣду надъ врагомъ искуснымъ и мужественнымъ ; завоевалъ Ливонію , сотворилъ флотъ , основалъ гавани ; издалъ многіе законы мудрые , при-

велъ въ лучшее состояніе торговлю , рудокопни; завелъ мануфактуры, училища, Академію; наконецъ поставилъ Россію на знаменитую степень въ политической системѣ Европы. Говоря о превосходныхъ его дарованіяхъ, забудемъ ли почти важнѣйшее для Самодержцевъ дарованіе употреблять людей по ихъ способностямъ? Полководцы, Министры, Законодатели не рождаются въ такое, или такое царствованіе, но единственно избираются; чтобы избрать, надобно угадать; угадываютъ же людей только великіе люди — слуги Петровы удивительнымъ образомъ помогали ему на ратномъ полѣ, въ Сѣнатѣ, въ кабинетѣ. Но мы, Россіяне, имѣя предъ глазами свою Исторію, подтвердимъ ли мнѣніе несвѣдущихъ иноземцевъ, и скажемъ ли, что Петръ есть творецъ нашего величія государственнаго? Забудемъ ли Князей Московскихъ: Іоанна I, Іоанна III, которые, можно сказать, изъ ничего воздвигли Державу сильную и — что не менѣе важно — учредили твердое въ ней правленіе единовластное? Петръ нашелъ средства дѣлать великое. Князья Московскіе приготовляли оное.

Жизнь человѣческая кратка, а для утвержденія новыхъ обычаевъ требуется долговременность. Петръ ограничилъ свое преобразование Дворянствомъ. Дотолѣ, отъ сохи до Престола Россіяне сходились между собою и въ общими признаками наружности и въ обыкновеніяхъ; со временемъ Петровыхъ

высшія степени отдѣлились отъ нижнихъ. Семейственные права не укрылись отъ вліянія Царской дѣятельности. Вельможи стали жить открытымъ домомъ; ихъ супруги и дочери вышли изъ непроницаемыхъ теремовъ своихъ; балы, ужины соединили одинъ полъ съ другимъ въ шумныхъ задахъ,

Но великій мужъ какъ хорошее, такъ и худое дѣлаетъ на вѣки: сильною рукою дано новое движеніи Россіи; мы уже не возвратимся къ старинѣ!.... Второй Петръ Великій могъ бы только въ 20 или 30 лѣтъ утвердить новый порядокъ вещей гораздо основательнѣе, нежели всѣ наслѣдники Перваго до самой Екатерины II. Не смотря на его чудесную дѣятельность, онъ многое оставилъ исполнить преемникамъ; но Меншиковъ думалъ единственно о пользахъ своего личнаго властолюбія; также и Долгорукіе. Меншиковъ замышлялъ открыть сыну своему путь къ трону; Долгорукіе и Голицыны хотѣли видѣть на Престолѣ слабую тѣнь Монарха и господствовать именемъ Верховнаго Совѣта. Замыслы дерзкіе и малодушные! Пигм.и спорили о наслѣдіи великана. Аристократія, Олигархія губили отечество, и въ то время, когда оно измѣнило права, утвержденныя вѣками, потрясенные внутри новыми, важными переменами, которыя, удаливъ въ обычаяхъ Дворянство отъ народа, ослабили власть Духовную, могла ли Россія обойтись безъ Государя? Самодержавіе сдѣлалось необходимѣе

прежняго для вхраненія порядка, и дочь Іоаннова, бывъ нѣсколько дней въ зависимости осьми Аристократовъ, воспріяла отъ народа, Дворянъ и Духовенства власть неограниченную. Сія Государыня хотѣла правительствовать согласно съ мыслями Петра Великаго и спѣшила исправить многія уиущенія, сдѣланныя съ его времени. Преобразованная Россія казалась тогда величественнымъ недостроеннымъ зданіемъ, уже ознаменованнымъ нѣкоторыми примѣтами близкаго разрушенія: часть судебная, воинская, внѣшняя политика находились въ усадкѣ. Остерманъ и Минихъ, одушевленные честолюбіемъ заслужить имя великихъ мужей въ ихъ второмъ отечествѣ; дѣйствовали неумоимо и съ уснѣхомъ блестящимъ; первый возвратилъ Россіи ея знаменитость въ Государственной системѣ Европейской, цѣль усилій Петровыхъ; Минихъ исправилъ, оживилъ воинскія учрежденія и давалъ намъ побѣды. Къ совершенной славѣ Аннина царствованія, не доставало третьяго мудраго дѣйствителя для законодательства и внутренняго гражданскаго образованія Россіянъ. Но злосчастная привязанность Анны къ любимцу бездушному, низкому, омрачила и жизнь и память ея въ Исторіи. Воскресла Тайная Канцелярія Преображенская съ пытками. И кого терзали? Враговъ ли Государыни? Никто изъ нихъ и мысленно не хотѣлъ ей зла; самые Долгорукіе виновны были только предъ отечествомъ, которое примирилось съ ними ихъ несчастіемъ. Биронъ, не-

достойный власти, думалъ утвердить ее въ рукахъ своихъ ужасами: самое легкое подозрѣніе, двусмысленное слово, даже молчаніе казалось ему иногда достаточною виною для казни или ссылки. Онъ безъ сомнѣнія имѣлъ непріятелей: добрые Россіяне могли ли видѣть равнодушно Курляндскаго Шляхтича почти на тронѣ? Но сіи Бироновы непріатели были истинными друзьями Престола и Анны.

Въ слѣдствіе двухъ заговоровъ, злобный Биронъ и добродушная Правительница утратили власть и свободу.

Россіяне хвалили царствованіе Елисаветы. Она изъявляла къ нимъ болѣе довѣренности, нежели къ Нѣмцамъ; возстановила власть Сената, отмѣнила смертную казнь. Вопреки своему человѣколюбію, Елисавета вмѣшалась въ войну кровопролитную и для насъ бесполезную. Первымъ государственнымъ человѣкомъ сего времени былъ Канцлеръ Бестужевъ, умный и дѣятельный, но корыстолюбивый и пристрастный. Усыпленная нѣгою, Монархиня давала ему волю торговать политикою и силами Государства; наконецъ свергнула его. Счастіе, благопріятствуя мягкосердой Елисаветѣ въ ея правленіе, спасло Россію отъ тѣхъ чрезвычайныхъ золъ, коихъ не можетъ отвратить никакая мудрость человѣческая; но счастіе не могло спасти Государства отъ алчнаго корыстолюбія П. И. Шувалова. Ужасныя монополіи сего времени долго жили въ памяти народа, утѣсняемаго для вы-

годы частныхъ людей, и ко вреду самой Казны. Нѣсколько побѣдъ, одержанныхъ болѣе стойкою воинвою, нежели дарованіемъ военачальниковъ, Московскій Университетъ и Оды Ломоносова остаются красивѣйшими памятниками сего времени. Какъ при Аннѣ, такъ и при Елисаветѣ, Россія текла путемъ предписаннымъ ей рукою Петра, болѣе и болѣе удаляясь отъ своихъ древнихъ нравовъ и сообразуясь съ Европейскими. Замѣчались успѣхи свѣтскаго вкуса. Уже Дворъ нашъ блисталъ великолѣпіемъ. Въ одеждѣ, въ экипажахъ, въ услугѣ, Вельможи наши мѣрялись съ Парижемъ, Лондономъ, Вѣною.

Екатерина II была истинною преемницею величія Петрова и второю образовательницею новой Россіи. Главное дѣло сей незабвенной Монархини состоитъ въ томъ, что ея смягчилась власть, не утративъ силы своей. Она ласкала такъ называемыхъ Философовъ XVIII вѣка, но хотѣла повелѣвать, какъ земной Богъ, и повелѣвала. Петръ имѣлъ нужду въ средствахъ жестокихъ; Екатерина могла обойтись безъ оныхъ, къ удовольствію своего нѣжнаго сердца, ибо не требовала отъ Россіянъ ничего противнаго ихъ совѣсти и гражданскимъ навыкамъ, стараясь единственно возвеличить данное ей Небомъ отечество, пли славу свою побѣдами, законодательствомъ, просвѣщеніемъ. Ея душа гордая, благородная, боялась унизиться робкимъ подозрѣ-

ніемъ, и страхи Тайной Канцеляріи исчезли. Съ ними вмѣстѣ исчезъ у насъ и духъ рабства.

Увѣренная къ своему величію — твердая, непреклонная въ намѣреніяхъ объявленныхъ ею, будучи единственною душою всѣхъ государственныхъ движеній въ Россіи — не выпуская власти изъ собственныхъ рукъ — безъ казни, безъ пытокъ, вліявъ въ сердца Министровъ, Полководцевъ, всѣхъ государственныхъ чиновниковъ живѣйшій страхъ сдѣлаться ей не угоднымъ и пламенное усердіе заслуживать ея милость, Екатерина могла презирать легкомысленное злословіе и позволяла искренности говорить правду. Сей образъ мыслей, доказанный дѣлами 34 лѣтняго владычества, отличаетъ ея царствованіе отъ всѣхъ прежнихъ въ новой Россійской Исторіи. Слѣдствіемъ были спокойствіе сердце, успѣхи пріятностей свѣтскихъ, знаній, разума.

Возвысивъ нравственную цѣну человека въ своей Державѣ, она пересмотрѣла всѣ внутреннія части нашего зданія государственнаго, и не оставила ни единой безъ поправленія: Уставы Сената, Губерній, судебные, хозяйственные, военные, торговые усовершенствовались ею. Внѣшняя политика сего царствованія достойна особенной хвалы. Россія съ честію и славою занимала одно изъ первыхъ мѣстъ въ государственной Европейской системѣ. Воинствуя, мы разили. Петръ удивилъ Европу своими побѣдами; Екатерина пріучила ее къ нашимъ побѣ-

дамъ. Россіяне уже думали, что ничто въ мірѣ не можетъ одолѣть ихъ; заблужденіе славное для сей Великой Монархини! Она была женщина, но умѣла избирать Вожей такъ же, какъ Министровъ или Правителей Государственныхъ. Румянцевъ, Суворовъ, стали на ряду съ знаменитѣйшими Полководцами въ мірѣ; Князь Вяземскій заслужилъ имя достойнаго Министра, благоразумною государственною экономіею, храненіемъ порядка и цѣлости. Упрекиемъ ли Екатерину излишнимъ воинскимъ славолубіемъ? Ея побѣды утвердили внѣшнюю безопасность Государства. Пусть иноземцы осуждаютъ раздѣлъ Польши: мы взяли свое. Правиломъ Монархини было не мѣшаться въ войны чуждыя и бесполезныя для Россіи, но питать духъ ратный въ Имперіи, рожденной побѣдами.

Петръ III, желая угодить Дворянству, далъ ему свободу служить или не служить; умная Екатерина, не отмѣнивъ сего закона, отвратила его вредныя для Государства слѣдствія; соединила съ чинами новыя прелести или выгоды, вымышляя знаки отличій, и старалась поддерживать ихъ цѣну достоинствомъ людей, украшаемыхъ оными. Крестъ Св. Георгія не рождаль, однакожь усиливаль храбрость. Многіе служили, чтобы не лишиться мѣста и голоса въ Дворянскихъ Собраніяхъ; многіе, не смотря на успѣхи роскоши, любили чины и ленты гораздо болѣе корысти.

Сравнивая всѣ извѣстныя намъ времена Рос-

сіи , едва ли не всякой изъ насъ скажетъ , что время Екатерины было одно изъ счастливѣйшихъ для Россіи ; едва ли не всякой изъ насъ пожелалъ бы жить тогда.

1811 годъ.

но не въ состояніи были выдать имъ никакихъ документовъ, такъ какъ въ то время въ Россіи не было еще никакихъ документовъ, подтверждающихъ ихъ права на владѣніе этими землями.

Въ то время, когда эти земли были еще въ рукахъ ихъ прежнихъ владельцев, они были въ состояніи выдать имъ необходимые документы, подтверждающие ихъ права на владѣніе этими землями. Но въ то время, когда эти земли были уже въ рукахъ государства, оно не могло выдать имъ никакихъ документовъ, подтверждающихъ ихъ права на владѣніе этими землями.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТОМЪ XII.

	Стр.
Отъ издателей XII тома	5

(1829 г.)

ГЛАВА I.

ЦАРСТВОВАНИЕ ВАСИЛІЯ ІОАННОВИЧА ШУЙСКАГО.

Г. 1606—1608.

Родъ Василиевъ. Свойства новаго Царя. Клятва Василиева. Обнародованныя грамоты. Вѣнчаніе. Опалы. Неудовольствія. Пренесеніе Димитріева тѣла. Новый Патріархъ. Гордость Марины. Рѣчь Пословъ Литовскихъ. Посольство къ Сигизмунду. Сношенія съ Европою и съ Азіею. Мятежи въ Москвѣ. Бунтъ Шаховскаго. Второй Лжедимитрій. Болотниковъ. Успѣхи мятежниковъ. Прокопій Ляпуновъ. Пренесеніе тѣла Борисова. Мятежники подъ Москвою. Побѣда Скопина-Шуйскаго. Лжепетръ. Осада Калуги. Годуновы въ Сибири. Распоряженія Василиевы. Призваніе

Юва. Храбрость Болотникова. Побѣда Романова. Мужество Скопина. Бодрость Василя въ несчастіяхъ. Доблесть Воеводъ Царскихъ. Осада Тулы. Явленіе новаго Лжедмитрія. Взятіе Тулы. Бракъ Василювъ. Законы. Уставъ воинскій.

ГЛАВА II.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ВАСИЛІЕВА ЦАРСТВОВАНІЯ.

Г. 1607—1609.

Бѣгство Воеводъ отъ Калуги. Самозванецъ усиливается. Дѣло знаменитое. Грамота Лжедмитріева. Предложеніе Шведовъ. Побѣда Лисовскаго. Побѣда Самозванца. Ужасъ въ Москвѣ. Измѣна Воеводъ. Самозванецъ въ Тушинѣ. Перемиріе съ Литвою. Коварство Ляховъ. Побѣда Сапѣги. Марина и Мпишекъ у Самозванца. Скопинъ посланъ къ Шведамъ. Бѣгство къ Самозванцу. Развратъ въ Москвѣ. Знаменитая осада Лавры. Измѣна городовъ. Ужасное состояніе Россіи. Тушино. Договоръ Самозванца съ Мпишкомъ. Польша объявляетъ войну Россіи. Крайность Россіи и перемѣна къ лучшему . . .

ГЛАВА III.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ВАСИЛІЕВА ЦАРСТВОВАНІЯ.

Г. 1608—1610.

Князь Пожарскій. Доблесть Нижняго Новгорода. Возстаніе и другихъ городовъ Низовыхъ. Возстаніе Сѣверной Россіи. Крамолы въ Москвѣ.

Голодь. Вѣсть о Князѣ Михаилѣ и его подвиги. Приступы Лжедмитрія къ Москвѣ. Побѣда Царскаго войска. Три Самозванца. Нѣкоторыя удачи Лжедмитріевы. Новый мятежъ въ Москвѣ. Слобода Александровская. Побѣда надъ Сапѣгою. Любовь къ Князю Михаилу. Предлагаютъ вѣнецъ Герою. Разбой. Пожарскій. Осада Смоленска. Смятеніе Лжедмитріевыхъ Лиховъ. Распря между Сигизмундомъ и Конфедератами. Посольство Королевское въ Тушино. Переговоры съ Тушинскими измѣнниками. Бѣгство Лжедмитрія. Высокомѣріе Марины. Злодѣйства Самозванца въ Калугѣ. Водненіе въ Тушинѣ. Бѣгство Марины. Посольство Тушинское къ Королю. Измѣнники признаютъ Владислава Царемъ. Марина въ Калугѣ. Успѣхи Князя Михаила. Освобожденіе Лавры. Бѣгство Сапѣги. Опустѣніе Тушина. Дѣло Князя Михаила. Торжественное вступленіе Героя въ Москву . . . 145

ГЛАВА IV.

НИЗВЕРЖЕНІЕ ВАСИЛІЯ И МЕЖДОЦАРСТВІЕ.

Г. 1610—1611.

Наушники. Кончина Скопина-Шуйскаго. Горестъ народная. Князь Дмитрій Шуйскій Военачальникомъ. Бунтъ Ляпунова. Битва подъ Клушинымъ. Делагарди отступаетъ къ Новугороду. Поляки занимаютъ Царево-Займище. Отчаяніе столицы. Новые успѣхи Самозванца. Твердость Пожарскаго. Ропотъ народный. Василій лишенъ

престола. Тщетныя увѣщанія Патріарха. Постриженіе Василя и супруги его. Совѣтъ Князя Метиславскаго. Переговоры съ Жолкѣвскимъ. Условія. Присяга Владиславу. Намѣреніе Сигизмунда. Бѣгство Самозванца въ Калугу. Политика Жолкѣвскаго. Посольство къ Королю. Вступленіе Поляковъ въ Москву. Дѣйствія Пословъ Московскихъ. Отѣздъ Жолкѣвскаго. Шуйскій преданъ Полякамъ. Неудачные приступы къ Смоленску. Самовластіе Сигизмунда. Петербургіе народа. Непріятельскія дѣйствія Делагарди. Злодѣйства Лисовскаго. Измѣна Казани. Смерть Самозванца. Новый обманъ. Начальники возстанія народнаго. Грамоты Смоленцъ и Москвитянъ. Слабость Московской Думы. Ссоры съ Поляками. Составъ ополченія за Россію. Кровопролитіе въ столицѣ. Пожаръ Москвы. Прибытіе Струса. Подвиги Пожарскаго. Неистовства Поляковъ въ Москвѣ. Заключеніе Ермагена. . . 217

ГЛАВА V.

МЕЖДОЦАРСТВІЕ.

Г. 1611—1612.

Слѣдствія сожженія Москвы. Поляки осаждены. Твердость Ермагена. Избраніе главныхъ Восначальниковъ. Дѣйствія Сапѣги. Приступъ къ Китаю-городу. Послы Московскіе отправлены въ Литву. Взятіе Смоленска. Шуйскіе въ Варшавѣ. Умыселъ Заруцкаго и Марины. Уставная грамота. Виды Ляпунова. Дѣла съ Шведами. Нов-

городъ взятъ Генераломъ Делагарди. Договоръ Шведовъ съ Новымгородомъ. Мятежъ въ вой- скъ Генерала Делагарди. Убіеніе Ляпунова. По- слѣдствія. Состоянія Россіи	302
Вариантъ къ страницамъ 318 и 319	341
Приложенія къ XII тому Исторіи Государства Рос- сійскаго :	
I. Перечень происшествій, собственноручно выпи- санныхъ Исторіографомъ изъ главнѣйшихъ ма- теріаловъ , коими онъ пользовался для сочи- ненія XII тома	347
II. Отрывокъ изъ рукописи : о Древней и Новой Россіи въ ея политическомъ и гражданскомъ отношеніяхъ	395

1860-1861

1860-1861

1860-1861

1860-1861

1860-1861

1860-1861

1860-1861

1860-1861

1860-1861

РОСПИСЬ IV.

ВСЕВОЛОДЪ, СЫНЪ ЯРОСЛАВА ВЕЛИКАГО.

		ЯНКА. † 1113.	ЕВПРАКСІЯ (за Императоромъ Генрикомъ IV?). † 1109.		ЕКАТЕРИНА. † 1108.		ВЛАДИМИРЪ МОНОМАХЪ. (Первая его супруга Гида, дочь Англ. Короля Гаральда). † 1125.		РОСТИСЛАВЪ.		
МСТИСЛАВЪ-ѲЕОДОРЪ Великій. (Первая его супру- га Христина, дочь Шведскаго Короля Инга-Стенкильсона). † 1132.		ИЗЯСЛАВЪ. † 1096.	РОМАНЪ (ж. на дочери Володаря). † 1119.	ЯРОПОЛКЪ. † 1139.	ВЯЧЕСЛАВЪ. † 1154. МИХАЛКО. † 1129.	СВЯТОСЛАВЪ. † 1114.	АНДРЕЙ. † 1141.	ГЕОРГІЙ ДОЛГОРУКІЙ. † 1157. См. № IX.	ЕВФИМІЯ (за Венгерскимъ К. Коло- маномъ).	(Дочь (за Всево- лодомъ Давидови- чемъ, внукомъ Иго- ря, правнукомъ Яро- слава Великаго).	МАРІЯ (за Леономъ Грече- скимъ Царевичемъ).
						ВЛАДИМИРЪ ЯРОПОЛКЪ. 1166. 1157.			БОРИСЪ. (ж. на родственницѣ Ма- нуила, Императ. Греческ). 1139.		ВАСИЛЬКО. 1136.
									КОЛОМАНЪ. (Правитель Киликіи). 1139.		
ВСЕВОЛОДЪ-ГАВРИЛЪ (ж. на дочери Святоши). † 1138.	ИЗЯСЛАВЪ. † 1154.	РОСТИСЛАВЪ. † 1168. См. № V.	СВЯТОПОЛКЪ (ж. на Княжѣ Моравской). 1144.	ВЛАДИМИРЪ. † 1173.	Дочь (за Норвежск. Королемъ Сигурдомъ, а послѣ за Дат- скимъ, Эрикомъ).	Дочь (за Брячиславомъ Борисовичемъ, внукомъ Всеслава Полоцкаго).	Дочь (за Канутомъ Св., Королемъ Обо- тритскимъ).	Дочь (за Яросла- вомъ, сыномъ Свято- полка II Михаила). 1149.	ЕВФРОСИНІЯ (за Королемъ Вен- герскимъ Гейзою. 1149.	Дочь (за Гречес- кимъ Царевичемъ Алексіемъ, сыномъ Императора Іоанна).	Дочь (за Всеволо- домъ Ольговичемъ). 1140.
ІОАННЪ. † 1128. ВЛАДИМИРЪ. 1136. ВЕРХУСЛАВА (за Княземъ Польскимъ).			ЯРОСЛАВЪ (своякъ Всеволода Вели- каго). 1181.	МСТИСЛАВЪ (зять Святослава Всеволодовича Чер- ниговскаго). 1175.							
			ИЗЯСЛАВЪ-МИХАИЛЪ. 1190.	РОСТИСЛАВЪ. † 1198.							
МСТИСЛАВЪ. См. № VI.	ЯРОСЛАВЪ. МСТИСЛАВЪ Нѣмый. 1184. ИВАНЪ. 1227.	ВСЕВОЛОДЪ (ж. на Маль- фридѣ, доче- ри Юрія Яро- славича Ту- ровскаго).	ИЗЯСЛАВЪ. † 1196.	ИНГВАРЪ. 1202.	ЯРОПОЛКЪ (ж. на дочери Свя- тослава Ольгови- ча). 1144.	Дочь (за Рогво- лодомъ Борисо- вичемъ Полоц- кимъ).					
			ЯРОСЛАВЪ. 1229.	ВЛАДИМИРЪ. † 1224.	ИЗЯСЛАВЪ. † 1224.	ВАСИЛЬКО.					

1419 B.

WYŻSZA SZKOŁA
PEDAGOGICZNA W KIELCACH
B I B L I O T E K A

198349

Biblioteka WSP Kielce

0162488